

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

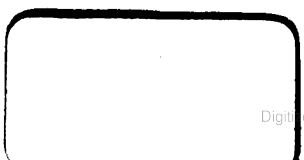
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929227 0

(Callan)

3271

43

БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

XXI.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀναχρῶν, τὸ ἑτέρον μὴ δύνασθαι περὶ
ἑμοῦ τὰ δίκαια μῆτι γινῶναι μῆτι ποιῆσαι; Ὁρῶ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν βίβαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Boetat. apud Xenophont., IV, 8, 9.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬПЕРВЫЙ.

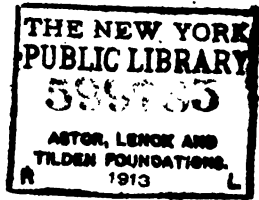
ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА И К^О.

—
1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

с тем, чтобы по ответам представлены были в Ценсурный Комитет при
губернатора. Санкт-Петербурга, 1837 года, марта 3 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

СМЕРТЬ ПЕРИ.

=

I.

Гизвень, врачень и могучь,
На крылахъ громовыхъ тучь,
Донебеснымъ великаномъ,
Надъ песчанымъ океаномъ,
Ураганъ во мглѣ ночной
Всталъ, и Нилъ зоветъ на бой:

Подъ размахомъ вражьиxъ крыль,
Ото сна воспрянулъ Нилъ;

Злостью грудь его трепещеть,
Рвется, пѣнится, и блещеть
Волнъ сердитыхъ чешуей,
Какъ змѣя своей броней.

Сшиблись. Ужась и краса —
Эта битва!..... Небеса
И земля гремятъ, и стонуть;
То въ пыли и мракѣ тонуть,
То при молніяхъ вокругъ
Скачутъ брызги какъ жемчугъ.

Ревъ и гулъ и вой окрестъ.
Какъ орель, вскружась до звѣздъ,
И бросаюсь съ небосклона,
Вихорь волны бѣгъ съ разгона,
И въ растерзанный потокъ
Сыплеть громы и песокъ.

Всей громадой бурныхъ водъ
Бездна Нила возстаеъ, —
Будто пастью крокодила
Пыль и громы поглотила
И надъ нимъ какъ скалы,
Снова сдвинула валы.

Вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Вихрь полстепи закружилъ, —
И упалъ. Изъ крутояра
Волны силою удара
Вышибъ прочь, — и съ двухъ сторонъ
Ихъ, какъ рать, разсыпал онъ.

Не обузданъ, въ города,
Въ сѣла, въ рощи, на стада,
Гонять бурные разливы,
Рветъ деревья, топить нивы,
И во глубь своихъ песковъ
Съ торжествомъ уходитъ вновь.

II.

Лучемъ животворнымъ зарю зажигаю,
 Духъ свѣта незримый парить надъ землею,
 Въ прозрачное злато лазурь одѣвая,
 Рубины и перлы онъ сыплетъ росой,
 Облака изъ дыханья цвѣтовъ образуетъ,
 Въ серебрѣ ихъ купаетъ и какъ море волнуеть.

Одѣтая тучей, черна какъ въ ночи,
 Гроза убѣгаетъ на скатъ небосклона;
 Но, сыпаясь съ востока, во глубь ея лона —
 Какъ стрѣлы — златые вонзились лучи,
 И будто-бы кровью изъ ранъ облитая
 Падеть закрасившись, грозада сѣдая.

И тамъ, гдѣ Духъ бурь рассыпался огнемъ,
 Гдѣ ангелы мрака въ громахъ окликались,
 Волна за волною лучи разыгрались,
 Сверкая въ пространствѣ небесъ голубомъ;
 И вспыхнуло небо, въ разливахъ сіянья,
 Свѣтло и спокойно, какъ въ утро созданья.

III.

Взгляни жъ на землю! Вотъ она —
 Какъ изъ насильственныхъ объятій
 Освобожденная жена;
 Борьбы и ужаса печати
 Еще съ прекраснаго чела
 Она изгладить не могла.
 Коса и локоны развиты,
 Глаза въ слезахъ, уста раскрыты,
 И тщетно селится вздохнуть
 Ея истерзанная грудь.
 Подобный видъ земля явила
 На берегахъ обширныхъ Нила,
 Съ волнами, вихремъ и грозой

Изнеможенная борьбой.
 Какъ-будто ризою раздранной,
 Она одѣлась въ паръ туманный,
 Но всюду раны видѣнь слѣдъ;
 Гдѣ ни пробьется утра свѣтъ,
 Тамъ волны бурнаго потока
 Ей грудь изрѣзали глубоко;
 Здѣсь громъ разсѣкъ ей чело,
 А тутъ, власы ея кудрявы,
 Ея зеленыя дубравы
 Грозой включило и пожгло.
 Напрасно въ блескъ грани чудной
 На лугъ недавно изумрудный
 Кристаллы сыплются росы:
 Какъ-будто лезвиемъ косы
 Обесображенный набѣгомъ
 И мутной влаги и песковъ
 Прелсталъ онъ взору грустнымъ берегомъ
 Безъ аромата, безъ цвѣтовъ;
 Нигдѣ какъ прежде не толпятся
 На тучныхъ пажитяхъ стада,
 И кущи сель и города
 Окрестъ въ развалинахъ дымятся.

О, если бѣ съ Джизской пираниды
 Взглянулъ въ ту пору кто-нибудь!
 Какой тоской окрестны виды
 Въ немъ возмутили бѣ умъ и грудь!
 Разрушенъ бранью вѣковую
 Печаленъ край свидѣтель сѣчь:
 Но здѣсь не брань, не огонь, не мечъ, —
 Здѣсь Божій гнѣвъ прошелъ грозою!
 Тотъ гнѣвъ каратель, кто кругомъ
 Равно цвѣты и пальмы косятъ
 И безъ ошибки мстящій громъ
 На обреченнаго приноситъ
 И въ самомъ сумракѣ ночномъ!

IV.

Тамъ, гдѣ лотоса цвѣтами
Развеселенными грозой,
Какъ блудящии звѣздами
Нилъ усыпанъ голубой,
Гдѣ, то вскроется могила,
То гора встаетъ изъ волнъ,
Безъ весла и безъ корыла
Вѣтеръ носить легкой чолнъ.

Въ чолнѣ дѣва молодая
Въ пышной ризѣ и цвѣтахъ,
Перевита дорогая
Цѣпь въ густыхъ ея кудряхъ;
Но съ нарядомъ несогласна
Блѣдность смертная лица,
И поникнулъ лякъ прекрасной
Къ персамъ юноши пловца.

Въ ихъ очахъ — туманъ испуга;
Но любовь еще сильна,
И не вырветъ другъ у друга
Ихъ ни вихорь, ни волна.
Будто сковацы ихъ руки;
Мысль одна у нихъ въ груди;
Жизнь ли, смерть ли впереди, —
Только бъ не было разлуки!

Вдругъ огромный и крутой
Валъ пловцамъ на встрѣчу хлынулъ;
Чолнъ, какъ пухъ, изъ бездны вскинулъ
На хребетъ высокій свой.
Онъ несетъ ихъ, полныхъ страха,
Между безднами кружить;
Разомъ къ берегу, и съ размаха
Ношу бросилъ на гранить.

V.

Изъ родины чудесъ, гдѣ съ Инда льются воды,
 Гдѣ густо разрослись священныя рощей своды,
 Гдѣ злата нѣкогда кипящія ручьи,
 Въ горахъ покинули остывлыя струи,
 Гдѣ яхонтъ и алмазъ наводятъ мысль, что боги
 Развалинамъ свои тамъ предали чертоги, —
 Поднявшись отъ цвѣтовъ, на крыльяхъ вѣтерка,
 Душистыя неслись въ лазури облака.

Какъ, въ бархатъ ковровъ роскошно утопая,
 Краса гаремныхъ женъ играетъ съ мечтой рай,
 А, страстный чародѣй, — объемя гибкій станъ,
 Встающій съ алая ласкается туманъ
 И пламеннаго сна подобную видѣнью
 Ревнивыхъ крылъ своихъ окидываетъ тѣнью, —
 Такъ Пери, при лунѣ, въ безмолвіи nocturno,
 Летящихъ облаковъ обвита серебромъ,
 Безпечно вѣрившись воздушному ихъ лону, —
 Несется, легкая, какъ звукъ по небосклону.

И видѣнье въ слѣдъ видѣнью
 Развиваются предъ ней;
 То окинутыя тѣнью,
 То въ сіяніи лучей,
 — Вотъ какъ скатерти шелковы —
 Видны темныя дубровы,
 И озера въ ихъ глуши, —
 Будто серебряныя ковши;
 По краямъ холмовъ, вершины
 Озаренныя столтъ, —
 Словно Духи исполнены
 За трапезою сидятъ.

Вотъ степь, — урагана широкое ложе;
 Сама золотая при блескѣ лучей,
 А скалы нагія пестрѣютъ на ней
 Какъ черныя пятна по барсовой кожѣ;

Потoki мекъ нини какъ зѣи скользятъ,
 И въ области смерти о жизни звучатъ;
 А пальмы, внимая призванію ихъ,
 Сошлись толпою у струй голубыхъ,
 И смотрятъ съ кургановъ на волны песчаны,
 Кивая по вѣтру косматой главой, —
 Какъ-будто бы клануть къ себѣ караваны,
 Чтобъ дать имъ защиту въ полуденный зной.

Степи рѣзкимъ рубежомъ,
 Горы сдвинулись кругомъ;
 Ихъ подошву омрачая,
 Моремъ туча грозовая
 Вдоль гребнистаго чела
 Необъятная легла.
 И какъ островъ, возникая
 Изъ среды туманной мглы,
 Здѣсь торчитъ хребетъ скалы, —
 Дальше льдина вѣковая, —
 И мелькаютъ при лунѣ,
 Въ чудныхъ образахъ онѣ:
 То хрустальный блещетъ теремъ,
 То грозитъ съдой колоссъ,
 То подъ тѣнью страшнымъ звѣремъ
 Поднялъ голову утесъ.

За ними — бездна голубая,
 Подобна блескомъ небесамъ;
 Тренещетъ въ ней луна другая,
 Другія звѣзды блещутъ тамъ.
 Но, какъ огромными крылами,
 Надъ ними вѣя парусами,
 За кораблемъ корабль бѣжитъ
 Разочаровывая видъ, —
 Межъ двухъ небесъ, въ пучинѣ свѣта,
 Они на дышущемъ стеклѣ,
 Скользятъ какъ тѣнь, какъ у поэта
 Земная дума на челѣ.

И вотъ исчезло все, — дубровы, степи, море;
 И Перя посится высоко на просторѣ;

И гимнъ ночныхъ свѣтъ ей слышенъ издали:
 Но грань положена межъ неба и земли:
 Нѣтъ, крылья тамъ земныя тяготеютъ,
 И ангелы ея переступить не смѣютъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ лилеи и ласки дѣвъ земныхъ
 Преступно увлекли прекраснѣйшихъ изъ нихъ,
 Чтобъ, свергнуты съ небесъ, лишеныя сѣня,
 Въ тоску мучительной, въ мольбахъ безъ упованья,
 Несбыточныхъ надеждъ влачили грустный вѣкъ
 И плакали они, какъ плачетъ человѣкъ.

Но мысли, Эдса лучи золотые,
 Безсмертьемъ зажегшіе грудь,
 Летятъ безъ преградъ, за предѣлы земные,
 Въ обратный на родину путь:
 Ихъ манитъ сѣнь роднаго потока,
 Имъ грустно въ темнотѣ свѣтитъ одиноко,
 Въ источникъ свѣта хотятъ утонуть,
 И пламенной мыслью приблизилась Перя
 Къ заветнымъ Эдемскимъ дверямъ,
 Но страшно и мыслью проникнуть за двери:
 Судья ей преступница — тамъ!
 Ей чудятся хоры, небесныя звуки;
 Волнуется море сѣня кругомъ:
 О, сколько отрады и грусти и муки!.....
 Улыбка блеснула, — и слезы ручьемъ:
 И пали на грудь ей ихъ жаркія волны.
 Изъ сердца уходитъ плѣнительный сонъ,
 И, холодомъ вѣя, пустынный, безмолвный,
 Опять ее обнявъ земной небосклонъ.

Свой блескъ послѣдній звезды мещутъ;
 Но тамъ, вдали, кипятъ и блещутъ
 Живыя волны янтаря;
 И, блѣднымъ золотомъ сѣя,
 Полнеба тихо обнимая,
 Какъ море льется тамъ заря.
 И облака, что въ ночь носились
 Высоко съ Перя молодой,

Свѣтлыя, долу опустились,
 Какъ-бы влекомые зарей;
 Сперва надъ влагой золотистой
 Катились пвной серебристой,
 Потомъ, повиснувъ надъ землею,
 Въ хрустальный замокъ превратились,
 И вдругъ въ сѣньи растопились

И пали радужной росой.
 И, блестящія рососою,
 Надъ поверхностью земною,
 Перя тихо развила
 Свѣтозарныхъ два крыла.
 Но какой земли равнина
 Ей открылась съ высоты?
 Розъ ли видны Нисибина
 Сививо бѣлые кусты?
 Иль горять огнемъ рубина
 Когда чудные цвѣты?
 Не родныхъ ли волнь Гангеса
 Слышенъ шумъ подъ сводомъ лѣса,
 Или плещетъ Иорданъ,
 И вдали, огромной тучей,
 Кедровъ боръ неся дремучій,
 Подымается Ливанъ?

На цвѣты, лѣса и волны
 Перя взоръ, вниманья полный,
 Долго тщетно устремленъ:
 Ихъ узнать не можетъ онъ!
 Вдругъ, на скатъ небосклона,
 Солнце вспыхнуло, — и вотъ
 На высокій ликъ Мемнона,
 Какъ блестящая корона,
 Гермь лучъ его падеть;
 Грудь нѣмая истукана
 Теплотой оживлена,
 Звукомъ громкаго тимпана
 Содрогнулась она:

Цѣпью смежныхъ горъ и доломъ
 Прокатился чудный звонъ,
 И царя полей глаголомъ
 Край окрестный пробуждень.
 Съ вѣковыхъ гробницъ пустыни
 Утра паръ слетаетъ синій,
 Отблескъ дня передаетъ
 Пирамидъ пирамида.
 И съ вершины ихъ падетъ
 Яркій огонь въ лазурь Мерида,
 Гдѣ разливъ дневныхъ лучей
 Возвѣщая громкимъ крикомъ,
 Въ тростникъ проснулась дикомъ
 Стая вольныхъ лебедей:
 Звучно ихъ плеснули крыла,
 Съ шумомъ стая поднялась
 И къ волнамъ раздольнымъ Нила
 Светлой нитью понеслась.

VI.

И Пери, вслѣдъ за лебедями,
 Кружить надъ Нильскими водами.
 Но ската грудь ея тоской!
 Увы, печальнѣе кладбища,
 Луга и нивы и жилища,
 Опустошенные грозой,
 Открылись странницѣ молодой!
 И прочь отъ грустнаго предѣла
 Уже лететь она хотѣла, —
 Вдругъ тихій плачь, сквозь говоръ водъ,
 Остановилъ ея полѣтъ,
 И Пери видитъ раздробленный
 Объ острый камень, и пескомъ
 До половины занесенный,
 Челнокъ на берегѣ крутомъ.

Вблизи, подъ кручью скалъ, на каменныхъ ступеняхъ,
 И блѣдень и унылъ, какъ призракъ гробовой,

Склонился юноша : на трепетныхъ колѣняхъ
 Поконть онъ главу подруги молодой.
 И, очи устремивъ въ ея недвижны очи ,
 Рыдая говорить : «Звѣзда моя, взгляни !
 «Разсвѣй холодный мракъ моей сердечной ночи,
 «Изъ розы нѣжныхъ устъ любовью дохни !.....
 «Скажи , что ты живешь !..... Я чувствую, я вѣрю —
 «Двѣ страстныя души взаимную потерю
 «Заранѣ узнають : въ грозу, подъ громомъ водъ ,
 «Я бь сердцежь услыхалъ души твоей полеть !»

Мольба напрасная ! Покрыты
 Могильной блѣдностью лавиты
 Прекрасной дѣвы : взоръ потухъ ;
 Словамъ любви не внемлетъ слухъ :
 Ни разу грудь не встрепенется ;
 И только кровь изъ ранъ ея,
 Гдѣ вгрызаясь камней острія ,
 Полузапекшаяся льется.

И, съ громкимъ воплемъ, охватилъ
 Трупъ дѣвы юноша несчастный,
 Прижалъ къ груди безумно , страстно , —
 Уста къ устамъ ея склонилъ , —
 Какъ-будто пламеннымъ дыханьемъ,
 Какъ-будто огненнымъ лобзаньемъ
 Въ ея безчувственную грудь
 Хотѣлъ всю жизнь свою вдохнуть.
 Надежда тщетная !..... Свалился ,
 Тяжелъ и хладенъ , трупъ нѣмой :
 Лишь на плечъ оставовился
 Окостенѣлою рукой ,
 Да заструившись какъ живые ,
 Кудри рассыпались густые ,
 Блести при солнечныхъ лучахъ ,
 Какъ ключъ сверкающій въ горахъ.

Ожесточенный, хладный , злобный ,
 Стрѣлъ отравленной подобный ,

Страдалецъ бросилъ къ небу взоръ, —
 Нѣмой, но дерзостный укоръ!
 Взглянулъ на трупъ, и, полный муки,
 Еще къ пылающимъ устамъ
 Прижалъ уста и грудь и руки.....
 И палъ безъ чувствъ къ его ногамъ.

VII.

Состраданіемъ и страхомъ
 Пери вдругъ поражена;
 Близъ страдальца, предъ Аллахомъ,
 Пала ницъ въ слезахъ она:
 «О пошли ему, колила,
 «Мира-дателю, Алла!
 «Скорбь въ немъ вѣру погасила,
 «Разумъ страсть превозмогла!
 «Не дзруй — да грѣшный ропоть
 «Будеть гибелью души!.....»

Но тяжелый вздохъ и шопоть
 Ей слышались въ тиши:
 Пери къ юношѣ припала, —
 Грудь въ ней робко трепетала —
 Бѣдный живъ!..... И страшно ей,
 Чтобы ропотомъ безсильнымъ,
 Онъ мученьямъ замогильнымъ
 Не обрекъ души своей;
 Чтобъ кончины ангелъ нѣжный,
 Слыша вопль его мятежный,
 Устрашенъ не отлетѣлъ
 И, о гибнущемъ тоскуя,
 Мировою поцѣлуя
 Дать устамъ его не смѣлъ.

И печальнымъ размышленьемъ,
 Пери вновь увлечена.
 Вдругъ, какъ-будто вдохновеньемъ,
 Оживилася она.

«Знаю, замысль мой грѣшенъ ;
 «Но да будетъ грѣхъ свершенъ ,
 «Если скорбный мнѣ утѣшенъ ,
 «Падшій небу возвращенъ !
 «Заповѣдано отъ вѣка
 «Свѣтлымъ Перн — челоуѣка
 «Не прельщать своей красой ;
 «Но, какъ звукъ струны послушный,
 «Ликъ разсѣявши воздушный ,
 «Образъ я приму земной ;
 «И, оспоривъ у могилы ,
 «Трупъ еще страдальцу милый,
 «Оживлю моею душой ;
 «И къ нему подругой нѣжной ,
 «Чтобъ не гибнулъ безнадежный ,
 «Въ часъ предстану роковой.
 «Какъ она, съ тоской, съ любовью,
 «Я приникну къ изголовью, —
 «Нѣжный взглядъ ея возьму, —
 «Звукъ рѣчей ея приму, —
 «Чтобъ словамъ мнѣ внимая ,
 «Въ немъ невольно умирая ,
 «Примирилась съ небомъ вновь
 «Благодарная любовь !»

VIII.

Едва замолкнула, — и Перн образъ ясный,
 Какъ въ темномъ облакѣ свѣтъ радуги прекрасной,
 Какъ легкая струя дыханія цвѣтовъ,
 Растаявъ въ воздухъ, и скрылся въ царствѣ сновъ ;

Но дѣвы молодой безчувственное тѣло
 Внезапно жизнию роскошной закипѣло.
 На хладномъ мраморѣ поблекнувшихъ лавить
 Кровь снова пламенемъ и пурпуромъ горить.
 Улыбкой томною уста ея зажглись ,
 Какъ утренній туманъ рѣсницы поднялся , —
 Но, въ темное стекло погаснувшихъ очей

Едва проникнулъ свѣтъ пронзительныхъ лучей ,
 Вздохнула тяжко грудь , уста затрепетали ,
 Изъ нихъ исторгся крикъ , — звукъ боли и печали , —
 Съ какииъ , предчувствуя страданья впереди ,
 Душа приеиълетъ жизнь въ младенческой груди .

О Пери, Пери! тщетно крыла
 Ты вновь хотѣла бь развернуть :
 Ужь человѣческая грудь
 Тебя мучительно стѣснила.
 Въ какую бездну темноты
 Изъ моря блеска пала ты !
 Къ лучамъ пылающимъ привычный,
 Въ пространствѣ неба безграничный ,
 Внезапно твой потускнулъ взоръ ,
 Какъ бы подернутый туманомъ
 Въ очей вмѣстѣлицѣ стеклянномъ :
 И неба яснаго просторъ ,
 Гдѣ недоступныя свѣтила ,
 Ты безпрепятственно сдѣдила ,
 Теперь какъ будто-бы потухъ ;
 И тѣсно сдвинулся вокругъ ;
 И этотъ воздухъ благовоинный ,
 Который всюду за тобой
 Вился душистою струей ,
 Весной и блескомъ напоенный , —
 И онъ вокругъ тебя сгущень ,
 Твоимъ дыханьемъ заражень !

На раздольѣ , на просторѣ ,
 Вольны волны льются въ морѣ ,
 Съ вѣтромъ спорять быстротой , —
 Съ солнцемъ блеска красотой ,
 Но, изъ родины прозрачной
 Заключенныя въ сосудъ ,
 Волны тихи , волны мрачны ,
 Не блестятъ и не бьгутъ .
 Какъ живыя волны моря ,
 Быстротой съ лучами споря ,

Мысли Перн отъ земли
 Съшло вдалѣ ее несли :
 Вдругъ , лишены силъ , смутились ,
 Въ мракъ внезапный погрузились ;
 Узкій черепъ стиснулъ ихъ
 Въ костяныхъ стѣнахъ своихъ ,
 И заботъ земныхъ тревога
 Въ нихъ нестройно поднялась :
 Съ мыслью , яркой искрой бога ,
 Жизнь тѣлесная слалась !

И грустныя на Перн бросилъ тѣни
 Миръ новыхъ думъ и чувствъ и впечатлѣній ;
 Всѣ трудности земнаго бытія
 Предстали вдругъ понятіямъ ея :
 Она несетъ въ заимствованномъ тѣлѣ
 Страданія ей чуждыя доселѣ ;
 Ей тема жжетъ полудня острый лучъ ;
 Отъ жажды грудь горящая томится ;
 И кровь ея какъ нефти жаркій ключъ ,
 Огнемъ изъ ранъ пылающихъ струится .

Но и средь мукъ увлечена
 Невольнымъ чувствомъ состраданья :
 «О люди! бѣдныя созданья!»
 Уныло молвила она :
 «Какъ много силы и терпѣнья ,
 «Какъ много втры надо вамъ ,
 «Чтобъ въ дни подобнаго мученья ,
 «За жизньъ , въ пылу ожесточенья ,
 «Не слать упрековъ небесамъ!»
 И взоръ ея , участія полный ,
 На юношу страдальца палъ ,
 Который , блѣдный и безмолвный
 Еще у ногъ ея лежалъ.....

И сердце , — какъ арфа , чьи струны молчали ,
 Но вдругъ подъ незримымъ перстомъ зазвучали , —
 Мелодіей стройной ей подала вѣсть ,

Что въ жребіи смертныхъ и радости есть.
 И Пери прижала къ груди своей руки,
 Полна упоенья, не смѣя дышать,
 И слушаетъ жадно ей новые звуки,
 Хоть тайны ихъ чудной не можетъ понять.
 Но грудь ея темнымъ зажглась упованьемъ,
 Но жизнь человѣка, грозившая ей
 За мукою мукой, сѣщеньемъ скорбей, —
 Какъ-будто блеснула волшебнымъ сіяньемъ,
 Лучистую сѣтью опугала умъ,
 И стала кумиромъ желаній и думъ.

Какой же тайной, дивной власти
 Разсудокъ Пери предала?
 Увы, она чужія страсти
 Въ груди угаснувшей зажгла!
 И за поступокъ свой преступной,
 Душой, имъ прежде недоступной,
 Ихъ въ казнь отъ неба приняла!
 И все, что страстнаго таилось
 При жизни дѣвы молодой,
 Въ ея останкахъ оживилось,
 Какъ ядъ одежды роковой,
 Согрѣтый персей теплотой!
 И сердце вновь заговорило
 Повятымъ трепетомъ своимъ,
 И тотъ, кого оно любило,
 Опять имъ пламенно любимъ!.....

IX.

И Пери грудь волнуется мятежно;
 И взоръ ея задумчивый и вѣжной,
 На юношу былъ долго устремленъ,
 Но жизни огонь въ его чертахъ не блещетъ, —
 И мысль ея сомнѣнемъ трепещетъ,
 Не смертный ли запечатлѣлъ ихъ сонъ?.....
 И чтобъ рѣшить печальное сомнѣнье,
 Грудь его коснулась она,

И эта грудь, какъ мраморъ холодна!
 Но слабѣе приятно въ ней бѣенье,
 Но сердце въ ней, чуть слышное, звучитъ,
 И тихій звукъ, какъ пламя въ душу льется,
 И громко онъ на сердца отдается, —
 И мѣръ любви невѣдомой открытъ!

И Пери, собственныя муки
 Забывъ, на трепетныя руки,
 Главу страдальца приняла;
 Надъ нимъ склонилась на колѣни,
 Какъ ива плачущая сѣни,
 Власы густыя развила,
 Чтобъ равнѣ, вдоль чела открытой,
 Была хоть слабою защитой,
 Отъ зноя солнечныхъ лучей,
 Живая прядь ея кудрей.
 И за прерывистымъ дыханьемъ,
 Своимъ заботливымъ вниманьемъ,
 Следить, недвижная, она, —
 Одною мыслию полна,
 Чтобъ жизни гаснущія силы,
 Опять въ груди его зажечь,
 Чтобъ въ цвѣтъ ликъ увидѣть милый,
 Чтобъ слышать сладостную рѣчь!.....

И грудь разыграла теплой кровью,
 Какъ-бы согрѣтая любовью.
 Вдохнулъ, — и тихо наконецъ
 Глаза открылъ полу-мертвецъ;
 И если бѣ ангелы для Пери
 Отверзли вдругъ Эдема двери,
 Всѣмъ блескомъ радужныхъ лучей
 Не отвлекли бѣ ея очей, —
 Такъ въ этотъ взоръ, едва блеснувшій,
 Взоръ Пери страстно погружень!
 И нѣгу пьетъ роскошно онъ,
 Въ его сіяньи утонувши,
 Какъ влагу сладкую росы,

Въ вѣнокъ проникнуть серебрястой,
Изъ лона лалин душистой
Лучъ солнца въ ранніе часы!

А онъ?..... И радость и сомнѣнье
Въ его болзневныхъ чертахъ!
«Быть-можетъ, это сновидѣнье?»
Разсудку шепчетъ тайный страхъ.
Но нѣтъ!..... онъ чувствуетъ дыханье, —
Чело палящее, — и рукъ
Его обнавшихъ трепетанье, —
И даже сердца близкій звукъ.

«Ты ль это?» воскликнуть. «О, что жъ со мной было?
«Какой же мнѣ страшный привидѣлся сонъ!
«Скажи жъ, что живешь ты! скажи мнѣ, другъ милый,
«Что рай мой мнѣ снова въ тебѣ возвращень!
«Боюсь еще вѣрить, не призракъ ли вижу.
«О, пусть же твой сладкій я голосъ услышу!»

Но Пери словъ не слушаетъ: она,
Лишь голоса гармоніи внимая,
Въ его потокъ душой погружена.
И что звонки плавительные рай!
Что звучная Эдемская волна!
И хоръ духовъ, и пѣсни страстныхъ фурій,
И гимнъ свѣтилъ въ надоблачной лазури,
И ангела поющая струна!
Ихъ звуки въ грудь не такъ роскошно льются,
И долго такъ въ душѣ не остаются.....

Ея молчаньемъ пораженъ
Страдалецъ тихо приподвѣлся,
И моить робкимъ взоромъ онъ,
Чтобъ милый телосъ отозвался.
Но Пери нѣжный станъ дрожить;
Но кровь изъ ранъ ея бѣжить,
И онъ, собравъ остатокъ силы,
Слѣзнить помочь подругу милой:

«О, ради неба, что съ тобой?
 «Зачѣмъ власы твои развиты?
 «Смотри, подъ нищи извы скрыты
 «И льется кровь изъ нихъ струей!
 «Онъ тлетворнымъ зносемъ пышуть,
 «Таея въ раскинутыхъ кудряхъ!
 «Твои уста какъ пламя дышуть!
 «Недугъ горитъ въ твоихъ очахъ!»

И власы откинувъ, плечи
 Окровавленные онъ
 Обнажилъ; но тихой рѣчи
 Звономъ вдругъ остановленъ:
 «О, забудь про эти муки!
 «Вѣрь, и я забыла ихъ;
 «Но заслушалась я въ звуки
 «Устъ пѣвнителей твоихъ,
 «Вѣялъ дивною мечтою
 «Голось твой душѣ моей,
 «И тонула я душою
 «Въ небесахъ твоихъ очей.
 «Милый! что мои страданья!
 «Имъ не нужны врачеванья:
 «Но въ моежъ волшебномъ снѣ
 «Дай забыться мнѣ вполне!
 «Пусть блеснетъ твой взоръ мятежный
 «Свѣтомъ тихаго огня;
 «Пусть мнѣ скажетъ голось нѣжный.....
 «Милый! Любишь ли меня?.....»
 — «Я люблю ли?..... Розы страстной
 «Такъ не любить сомоуей
 «Ночь звѣзды своей прекрасной,
 «Небо радуги своей!
 «Какъ въ волнахъ морскихъ прохлада,
 «Огнь въ рубинѣ винограда,
 «Запахъ сладостный въ цвѣтахъ,
 «Звукъ пѣвнительный въ струнахъ,
 «Такъ любовь къ тебѣ таятся
 «Глубоко въ груди моей;

«И когда на утро дней
 «Грустный жребій мой свершится,
 «Сердце милый образъ твой
 «Въ гробъ возьметъ еще съ собой!»

И съ упоеньемъ Пери внемлетъ
 Волшебству полныхъ страсти словъ,
 Съ такимъ волненіемъ приеѣмлетъ
 Ихъ только первая любовь;
 Ей каждый звукъ лучемъ налящимъ
 На сердце падаетъ, и въ немъ
 Душистымъ, пышнымъ и блестящимъ
 Онъ развивается цвѣткомъ.
 И свѣтъ въ груди ея разлитый,
 Проникнулъ, розовый, въ ланиты,
 Блеснулъ улыбкой на устахъ
 И нѣги пламенежь въ очахъ.
 Она любовника, въ забвеньѣ,
 Руками страстно обвила;
 И было чудно выраженье
 Ея прекраснаго чела:
 Ея уста не говорили,
 Но очи, полныя огнемъ,
 Еще волшебныхъ словъ молвили
 Краснорѣчивымъ азыкомъ.

X.

А бѣдный юноша печально
 Терялся взоромъ въ степи дальней,
 И межъ Ливійскихъ дикихъ скалъ
 Очами помощи искалъ.
 Но все кругомъ безмолвно было;
 И, чтобы сердце какъ-нибудь
 Еще надеждой обмануть,
 Склонился онъ къ подругѣ милой,
 Ее привлекъ къ себѣ на грудь,
 И тихо молвилъ: «Какъ уныла,
 «Страна, куда жестокий рокъ,

«Мой пыльный, нежный мой цвѣтокъ,
 «Тебя занесъ, моя Жемгла!
 «Но пусть и самый солнца свѣтъ
 «Въ пустынь этой потемнѣетъ,
 «Ты не увянешь милый цвѣтъ,
 «Тебя любовь моя согрѣетъ!.....»

Но что же Пери свѣтлый ликъ
 Потухъ внезапно и поникъ?
 Въ ея очахъ, печальной тенью,
 Какой-то мрачной мысли мгла
 Какъ туча по небу прошла
 И сердце предала волненью.

Увы, одно слово межъ сладостныхъ словъ,
 Какъ духъ возмутитель межъ свѣтлыхъ духовъ,
 Душѣ ея, тихимъ объятый забвеньемъ,
 Внезапно предстало враждебнымъ видѣньемъ.
 И вновь ей мечтами любви не уснуть!
 Ея ревность тревогой наполнила грудь:
 «Жемгла!» блѣдныя уста повторяютъ,
 И слезы струятся и очи пылаютъ.

Съ неизъяснимою тоской,
 Живые признаки печали
 Глаза любовника читали
 Въ чертахъ подружки молодой.
 Внезапныхъ слезъ ея не можетъ
 Понять причины тайной онъ;
 Но эта скорбь его тревожить,
 Но онъ, учащемъ увлеченъ,
 Любовью мыслить успокоить
 Ея тоскующую грудь,
 И ласки хочетъ онъ удвоить
 Чтобъ нѣгой сердце обмануть;
 И, ставъ ея объемля стройный,
 Чело къ челу ея склонилъ, —
 И долгій, сладостный и знойный
 Ихъ поцѣлуй соединилъ.....

О, что жъ съ Пери? Кровь пылаеть,
 Всѣ члены трепеть пронизаетъ,
 Смутились мысли..... и она
 Безумной страстию полна, —
 «Прости, прости меня!» сказала:
 «Въ твоихъ объятіяхъ не та,
 «О комъ душа твоя страдала,
 «Твоя любовь одна мечта!
 «Джемылы нѣтъ! Твоей потери
 «Уже ничѣмъ не возвратить;
 «Но я клянусь тебя любить, —
 «А я не смертная, — я Пери!.....

«Тамъ, гдѣ Кафъ-гора встаетъ
 «Изъ пучины бурныхъ водъ,
 «И покрытая снѣгами,
 «Безконечными хребтами
 «Дважды вкругъ земли идетъ
 «Означая солнца ходъ;

«Гдѣ льды неприступной возникнувъ стѣною,
 «Роскошные доли таятъ межъ собою,
 «Тамъ скрытый и мирный приютъ на земли,
 «Изгнанницы неба, мы Пери, нашли.

«Тамъ природа — чудный сонъ:
 «Намъ не свѣтитъ небосклонъ,
 «Но окрестныхъ скалъ вершины,
 «Изумруды и рубины,
 «Свѣтомъ яркаго огня
 «Пламень солнца зажгены,

«Насъ радужнымъ блескомъ что-день осыпаютъ;
 «Когда же вечерней порой потухаютъ,
 «Свѣтъ лунный струится изъ лона цвѣтовъ
 «И блещутъ лампы ночныхъ мотыльковъ.

«Въ нашихъ рощахъ и садахъ
 «Дерева всегда въ цвѣтахъ;
 «И какъ вѣтеръ ихъ колышетъ,
 «Каждый листъ какъ-будто дышетъ,

«Гармонически звучить,
«И алмазами горить.

«Подъ ствнью миртовъ, съ поверхности чистой,
«Озера намъ вьютъ прохладою дудцнстой,
«Изъ гротовъ кристальныхъ проножки бьютъ,
«И стройныя пвсни намъ волны поютъ.

«Безъ трудовъ и безъ заботъ
«Нашихъ дней блаженствъ додь.
«То весельемъ толпами,
«Мы кружимся межъ цвтами,
«То играемъ на волнахъ,
«То купаемся въ лучахъ;

«Иль тихо другъ съ другомъ жвнцясь мечтами,
«Мечты развиваемъ прелестными снами,
«Потомъ ихъ разносимъ вечерней порой,
«И сыплемъ незримо надъ свящей землей.

«Но, какъ вспыхнетъ темя горъ,
«Ареъ Эдежскнхъ островъ коръ,
«Чтобъ на родину зва звали,
«Скорбь мучительной разлуки,
«Къ трону Алла отъ вселенной,
«Умиленные, несемъ.

«И, тсно обвившись другъ съ другомъ руками,
«Во слвдъ этимъ звукамъ летимъ облаками,
«Съ надеждой стремимся на радужный путь,
«И сладостной думой волнуется грудь.....

«Но пускай еще для насъ
«Отдаленъ прощенья часъ;
«Что мнъ вывъ прелестъ радъ,
«Жизнь прекраснве земная,
«Если пламенной душой
«Ты подвнцнлся со мной.

«Какъ амвры дыханье, какъ звукъ поцллуа,
«Тебя въ нашъ цвтущй врютъ унесу я,
«И тамъ, чтобъ блаженство вюльнв довершнть,
«Подругъ моихъ мидхъ научимъ любить».

XI.

Но юный другъ ей молча внемлетъ,
 И тайный страхъ его объемлетъ;
 И взоръ недвижно устремленъ;
 И въ этомъ взорѣ скорбь и мука.
 Прервать молчанье хочетъ онъ, —
 Уста трепещутъ, — но безъ звука,
 Какъ арфа, чьякъ согласныхъ струвъ
 Коснулся огненный синушь.....
 Въ рассказъ Пери дивномъ, странномъ,
 Въ ея признаніи нежданномъ,
 Невѣроятно все ему,
 Все чуждо смертному уму.
 И страшной мыслью онъ трепещетъ,
 Что взоръ ея, который блещетъ
 Какимъ-то свѣтомъ на земнымъ,
 Горитъ безуміемъ однимъ.....

Но тайное Пери провила зрѣненью,
 И мыслить съ улыбкой: «Разрушу сомнѣнье!
 Невольно повѣрять онъ чуднымъ словамъ,
 Какъ духомъ блестящимъ предстану отамъ, —
 Его моихъ взоровъ осыплю звездами, —
 Какъ паромъ душистымъ повею кудрями,
 Чтобъ онъ, утопая со мной въ небесахъ,
 Забылъ на землѣ имъ покинутый прахъ!»

Труднымъ вздохомъ подымая
 Человѣческую грудь,
 Разомъ Пери молодая
 Хочетъ крылья распахнуть.
 Но напрасно рвется крылья,
 Слабы тщетныя усилы, —
 Грудь въ объятіяхъ своихъ.
 Силой жизни держать ихъ.
 Изумленіемъ я страхомъ
 Пери мысль поражена;
 Съ оживленнымъ ею прахомъ

Долго борется она :
 Нѣтъ спасенья ! Уступаетъ
 Воля смѣль роковой.....
 Ужъ она изнемогаетъ
 Утомленная борьбой;
 И, на грудь, подъ ризою белой,
 Руки стиснувши крестомъ,
 Ненавистное ей тѣло
 Рветъ въ отчаяннѣ вѣномъ.

Увы, не могъ перенести
 Ея страданій другъ Джемвалъ !
 Отъ изступленія спасти
 Ее стремится онъ, но силы
 Погасли вдругъ ; растравлена
 И напряженьемъ и тоскою
 Раскрылась рана, — и волною
 Кровавой хлынула она.
 Изъ устъ исторгся звукъ дрожащій,
 Но говорить ужъ онъ не могъ :
 Онъ только взоръ возвелъ молящій,
 И мертвый палецъ у милыхъ ногъ.

Разомъ громкій вопль раздался, —
 Въ сердце степи онъ проникъ ;
 Но никто не отозвался,
 Кромѣ скалъ, на этотъ крикъ.
 И въ безпамятствѣ пустыннымъ
 Пери берегомъ бѣжить ;
 Скалы идуть рядомъ длиннымъ,
 Нилъ у ногъ ея шумить :
 Только нѣтъ въ странѣ безлюдной
 Человѣческихъ слѣдовъ ;
 По кремнямъ и межъ песковъ
 Бѣгъ ее измучилъ трудный, —
 И, склонившись на скалу,
 Пери вновь недвижна стала,
 Голова на грудь упала ;
 Блѣдность смерти по челу ;

Въ мысляхъ мракъ темнѣе ночи.....
 Сердце сомкнуло въ ней вдругъ,
 И безмысленныя очи
 Бродятъ медленно вокругъ.

XII.

Погаснулъ день; ложится мгла ночная;
 Прохладною на берегъ вѣетъ Нилъ:
 Онъ, Пери грудь дыханьемъ освѣжая,
 И чувства ей и память возвратилъ.
 Она очнулася; обильно слезы льются;
 И перси вновь на прахъ ей милый рвутся,
 Но въ темноту обратнаго пути
 Среди песковъ сыпучихъ не найти.
 И на скалу она, безмолвна, села,
 Унылымъ взоръ на звѣзды воззела:
 Молиться бы несчастная хотѣла,
 Но словъ она и мыслей не нашла.
 Порой уста дрожащія шептали,
 Но только смерть на помощь призывали.

Смерть не шла; но, прежде ей
 Утѣшитель незнакомый,
 Въ моръ призраковъ несомый,
 Сонъ сомкнулъ ея очей
 Утомленныя рѣсницы;
 Мысли вихремъ закружилъ,
 И страданіямъ границы
 Онъ забвеньемъ положилъ.

И Пери вдругъ пѣвнательные звуки
 Услышала; она узнала ихъ:
 То голоса подругъ ея младыхъ.
 «Ко мнѣ, ко мнѣ, прекрасныя подруги!»

Долго въ темной вышинѣ,
 Свѣтлымъ облакомъ онъ
 И кружились и сіяли,

Появлялись, исчезали,
 И, какъ-будто бы дождемъ
 Вдругъ рассыпавшись шумящимъ,
 Роемъ радужно-блестящимъ
 Пали на землю кругомъ.
 «Ты ли, милая?» сказали :
 «Мы давно тебя искали,
 «Внесла жалобамъ твоимъ.
 «Изъ мучительной неволи
 «Мы однимъ мгновеньемъ боли
 «Вновь тебя освободимъ!»

Съ собой онъ изъ дальныхъ странъ земли
 Душистые цвѣты и вѣтви принесли,
 И между скалъ бесплодной степи вмигъ
 Костеръ изъ розъ и алоя возникъ.
 И слышенъ гимнъ; и гимну ихъ внимая,
 Съ пособіемъ плѣнительныхъ сестеръ,
 Она встаетъ, страдальца младая,
 И радостно восходитъ на костеръ.

Дымъ бежитъ въ струяхъ душистыхъ :
 Въ искрахъ ярко-золотистыхъ
 Пламень Перн обхватилъ.
 Но не пламень это былъ, —
 Это юноша ей милый,
 Свѣтозарный, златокрылый,
 Нѣжнымъ, розовымъ огнемъ
 Вдругъ возникнулъ надъ костромъ.
 Онъ палящими устами
 Грудь ея облобызалъ,
 Обнялъ жаркими крылами
 И съ костра ее умчалъ.
 И огню лобзаній страстныхъ
 Перн смутно предалась;
 Грудь въ объятыхъ сладострастныхъ
 Закипѣла и зажглась;
 И, казалось, умирала
 Труднымъ трепетомъ дыша,

Будто тѣло покидала,
Отрѣшенная душа.

И тамъ, гдѣ звѣздъ роскошный пламень льется,
Какъ вихрь чета любовниковъ несется;
На встрѣчу ей — вдругъ призракъ молодой
Сіяющей Эдемской красотой.

Пери вновь затрепетала,
Крѣпче друга обняла:
Устрашенная узнала
Ту, чей образъ приняла!
Но соперница младая
Къ нимъ приблизилась сіяя, —
Друга тихо назвала, —
И, въ одно мгновенье ока,
Въ небо темное, далеко,
За собою увлекла.

И Пери вслѣдъ за нимъ хотѣла,
Но ею принятаго тѣла
Вдругъ тяжесть чувствуетъ она.
Его мучительнымъ давленьемъ,
Его стремительнымъ паденьемъ
Она съ небесъ увлечена;
Изъ бездны въ бездну упадаетъ,
То вихри снѣжные встрѣчаетъ,
То горы пылающихъ ко дну
Летитъ съ разгона въ глубину, —
Летитъ.....

XIII.

И вдругъ открыла очи.
Съ земли сбѣгали тѣни ночи,
Лучами утра озаренъ,
Сіяль румяно небосклонъ.
«О, что со мной? еще ль живу я!»
Сказала бедная тоскуя.

Поднявъ усталую главу,
 Она съ утеса тихо встала;
 Еще она не отличала
 Чтò съ нею было нагу,
 И чтò во снѣ она видала.
 Впередъ безъ цѣли Пери шла,
 Вдругъ крикъ пронзительный орла
 Среди безмолвія раздался:
 Орелъ то въ воздухѣ терялся,
 То вновь на землю упдалъ,
 И межъ окрестными скалами,
 Свястя огромными крылами,
 Орлицу крикомъ вызывалъ.

Пери вдругъ остановилась,
 Память быстро прояснилась:
 Крикъ орла ей все сказалъ.
 Грудь въ испугѣ задрожала:
 Пери сердцемъ угадала,
 На какой онъ пиръ скликалъ.
 Этотъ страхъ даетъ ей силы,
 За орломъ слѣдить она:
 Вотъ упалъ ширококрылый, —
 Но добыча спасена.
 Онъ испуганный подвинулся
 Вверхъ на каменный уступъ
 И нетронутый достался
 Драгоценный Пери трупъ.....

Едва дыша отъ утомленья,
 На твое милое блѣдна,
 Безъ слезъ, безъ жалобъ, безъ движенья
 Склонилась медленно она.
 Безмолвно очи устремила
 Въ черты недвижнаго чела,
 Главу руками обвила
 И грудью грудь его закрыла.
 Но все, чтò есть тоски и мукъ,
 Когда возврата нѣтъ потери,

Нѣмымъ отчаяніемъ вдругъ
Стѣснило сердце бѣдной Пери.

Часы текутъ незримыми волнами,
Уже зажженъ полуднемъ небосклонъ,
Горять пески и душно межъ скалами,
И зноемъ трупъ внезапно пораженъ;
Дохнула смерть изъ лзвъ его тлетворно, —
Вмигъ ожили безмолвныя скалы,
Гнѣющій трупъ почували орлы, —
На высотѣ откликнулись горной, —
Изъ гнѣздъ чета слетаютъ за четой
И смѣлые ширяютъ надъ землей.
Противиться имъ Пери бы хотѣла,
Но ужъ дышать близъ трупа не могла;
Къ другой скалѣ невольно отошла,
И съ ужасомъ на страшный пиръ глядѣла.

Лучами острыми пала,
Зной жарче льется съ яркой сѣни;
Какъ лава вспыхнула земля,
И скалы голыя — безъ тѣни;
И обнявъ Пери этотъ зной
Своей удушливой волной.
Пылаютъ блѣдныя ланиты,
Изохла грудь, полураскрыты
Уста поблекшіе горять.
Вблизи ей слышны волны Нила, —
Влечется къ нимъ, — но гаснетъ сила,
И вдаль съ отчаяніемъ взглядъ
Она горящій обратила.....

И суждено испить до дна
Ей чашу полную страданій!
Другихъ, невѣдомыхъ терзаній
Вдругъ боли чувствуетъ она:
Какой-то коршунъ лютой, гладной
Когтями внутренность ей рветъ,
На мигъ забыться не даетъ,

Ее терзая безпощадно.
 И, — страшно молвить, — можетъ-быть,
 Блуждая жадными очами,
 Пирь отвратительный съ орлами
 Она хотѣла бь раздѣлить!.....

XIV.

И этотъ день, мучительный, печальной,
 Угаснулъ наконецъ; по скату степи дальней
 Сверкала искрами струистые пески,
 Какъ волны золотомъ осыпанной рѣки;
 Еще незримая, по сводамъ неба яснымъ
 Ночь тихая неслась во слѣдъ за днемъ прекраснымъ,
 И вечеръ, поцѣлуй любви стыдливой ихъ,
 На землю пролился, блистателемъ и тихъ;

Но въ тишинѣ и скорбь и муки
 Вдвойнѣ страдаиѣмъ гвстуть.
 И боль тогда имѣеть звуки
 И язвы громко вопіють.
 И этимъ воплямъ Пери внемлетъ,
 И все въ природѣ чуждо ей,
 Напрасно тихій свѣтъ лучей
 Ее сіяиѣмъ объемлетъ
 И вечеръ нѣгою своей:
 Ее ничто не ободряетъ;
 Она не мыслить, не желаетъ, —
 Такъ безнадежно предана
 Своимъ страданіямъ она!.....

И всею тяжестью упала
 Глава на плечи наконецъ,
 Потускли очи какъ свинець,
 И грудь примѣтно угасала.
 Вдругъ хоръ знакомыхъ голосовъ
 Ей слышенъ будто съ облаковъ.

«Судья правосудный на тронѣ сидитъ,
 «Съ любовью прощаетъ, безъ гвѣва казнить!»

«Ты тяжкій грѣхъ предъ Богомъ совершила:
 «Съ земнымъ въ союзъ запретный ты взошла;
 «И свыше власть ослушницу казнила, —
 «Ты на землѣ страдала и жила!

«Но ты влеклась къ проступку состраданьемъ,
 «И вздохъ любви на небѣ не забыть:
 «Искупишь грѣхъ земнымъ твоимъ страданьемъ,
 «А смерть Творца съ создавиемъ мирить!

«Судья милосердый на тронѣ сіяетъ,
 «Казнить онъ безъ гнѣва, съ любовью прощаетъ!»

Хоръ замолкъ; и свѣтлыхъ крыль
 Кто-то яркими лучами
 Разомъ Перн обхватилъ,
 Слилъ уста съ ея устами,
 И незримыми перстами
 Сердце вдругъ остановилъ.

Цѣпь земная разорвалась
 Легче звука и мечты;
 Перн вольная помчалась
 Въ безпредѣльность высоты,
 И на встрѣчу ей, сіяя,
 Изъ отверзтой двери рая,
 Въ видѣ яркихъ облаковъ,
 Вылетаетъ сонмъ духовъ.

И онъ, недавно столько милый,
 Съ своей подругой свѣтлокрылой
 Предсталъ какъ прежде передъ ней,
 Но въ блескъ славы и лучей.....
 Она летитъ къ четв прекрасной
 Прислеть дружески привѣтъ:
 Уже въ душъ ея безстрастной
 Любви и ненависти нѣтъ!

И сбмлося упованье!
 Тамъ, гдѣ жизнь и ликванье

Безъ границъ и безъ конца,
 Гдѣ возвышено созданье
 Лицезрѣнiемъ Творца,
 Образъ ангела прекрасной,
 Перя снова приняла,
 Вновь, какъ въ утро жизни ясной,
 Розой райской расцвѣла,
 И, какъ дней ея въ начало
 Вновь ничто не возмущало
 Мира сладкаго души.
 Только, въ утренней тиши,
 Какъ съ земли вставали звуки,
 Билась грудь ея труднѣй:
 Мнилось — прежнiя подруги
 Откликались грустно къ ней!

А. ПОДОЛНСКІЙ.

ЛЕЗГИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Милый бекъ, выѣзжай
 Ты скорѣй на войну,
 И враговъ поражай
 За родную страну.

Твоей осѣдланый конь
 Что у сакли стоитъ,

Пылокъ онъ какъ огонь ,
Легокъ онъ какъ джирить.

Отточень ятаганъ,
И колчанъ помонъ стрѣлъ :
Отъ смертельныхъ ихъ ранъ
Врагъ неразь ужъ блѣднѣлъ.

Вотъ и шашка, — возьми , —
И скорѣй на коня ;
Только разъ обними ,
На прощанье , меня.

Если жъ съ боя живой
Ты прїѣдешь назадъ,
То смотри, дорогой ,
Привези мнѣ нарядъ.

Жемчугу и перстней,
И камку и тафту,
И серегъ и цвпей,
И цвѣтную фату.

Но нѣтъ, — вмѣсто фаты,
И камки золотой,
Подари меня ты
Русской мертвой главой !

Ту главу буду я ,
Какъ алмазь сберегать,
И по ней, бекъ , тебя
Станетъ мїръ вспоминать.

КНЯЗЬ Д. ПРОКОТКИНЪ.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

ПОДСОЛНЕЧНИКЪ.

=

Цвѣтъ солнца! надъ грядой печальной, обнаженной,
Стоишь увылъ..... Ни благовоныя розъ,
Ни стана лилія, ни пурпура піона,
Земль ты не принесъ.

Блестящій гіацинтъ, и макъ съ чашкой восточной,
Душистые кусты роскошной резеды,
Фіалка скромная съ красою полуночной
Наполнили сады.

Тебя природа скудно надѣлила!
Ничтожень твой, людьми забытый, плодъ;
Ты въ заустымый изгнанъ огородъ:
Изрыто и черно то мѣсто, какъ могила,
Гдѣ стебель твой растеть.

Несчастный лѣта дни переживаешь;
И средь осеннихъ бурь, тумановъ и вѣтровъ,
Склонивъ чело къ земль, одинъ ты умираешь,
Последній изъ цвѣтовъ.

Кто стебель твой прямой и стройный приласкаетъ,
Что отъ земли бѣжитъ стрѣлою къ небесамъ?
Въ пустынь, гдѣ цвѣтешь ты тщетно, кто узнаетъ
Чего онъ ищетъ тамъ?

Въ пустынь кто пойметъ символъ, предназначенье?
 Кто скажетъ, длячего высокое чело
 Всегда идетъ во слѣдъ за солнечнымъ теченьемъ?
 Къ лучу устремлено?

Тамъ жизнь твоя! Любовь твоя — денница,
 Не въ силахъ отъвернуть ты отъ нея лица;
 Земля, какъ ночь, грустна; мiръ — холодная темница;
 Ты — сынъ здѣсь безъ отца.

Къ чему тебѣ земное украшенье!
 На небесахъ желанія предметъ.
 Денницы носишь ликъ, ея отпечатленье,
 Ея лучи и цвѣтъ.

Дни бытія — дни скорби и изгнанья;
 Людьями забытъ, а то отдалено,
 Что крѣпко такъ и вѣчно въ день созданья
 Съ душой сопряжено.

Нѣтъ силъ склонить къ землѣ ни взоровъ, ни желаній,
 Нѣтъ крылъ взлетѣть къ манящимъ небесамъ,
 Нѣтъ звуковъ высказать палящее страданье,
 Нѣтъ образа мечтаемъ!

Цвѣтъ солнца, бѣдный цвѣтъ, судьба твоя — терпенье!
 Неузнанный, поблѣкъ, увяль одинъ;
 Земля дала тебѣ, за муки въ награжденье,
 Крапиву и полынь.

И будетъ мученикъ всегдашній въ мiрѣ этомъ,
 Кто небо обожалъ!
 Кто красотой безсмертной, вѣчнымъ свѣтомъ,
 Несытый духъ плавялъ!

2.

МѢДНЫЙ КРЕСТЬ.

=

Стройные полки идутъ ,
Золотое вьется знамя;
На штыкахъ играетъ пламя ,
Барабаны громко бьютъ ,
Громко бьютъ.

Изъ какихъ явились мѣсть?
Рать могуча и богата.
Но на персяхъ у солдата
Подъ мундиромъ — мѣдный крестъ ,
Мѣдный крестъ.

Странно ль вамъ на то глядѣть ,
Люди, алчущіе злата,
Что подъ курткой, хоть богатой ,
Но чужой — родная мѣдь?
Просто мѣдь!

Это самый тотъ металлъ,
Что въ день битвы Бородинской ,
Задержавъ ходъ исполинскій,
Огнь, чугуны и смерть металлъ ,
Тотъ металлъ!

Это самая та мѣдь,
Что съ Великаго Ивана
Будеть громко, безъ обмана ,
Свѣту объ Руси звенѣть ,
Вѣкъ звенѣть.

Стройные полки идутъ,
 Золотое вьется знамя,
 На штыкахъ играетъ пламя,
 Барабаны громко бьютъ,
 Громко бьютъ.

Всѣмъ ли вѣрить наобумъ,
 Чтò Европа присудила:
 «Это масса! это сила!»
 — Нѣтъ, Европа! это умъ,
 Право, умъ! —

«Власть имъ наказала долгъ,
 «Двинула полки тѣ въ поле
 «Человѣческая воля.»
 — Ошибаетесь: Богъ!
 Дивный Богъ!

Недоступна добрыхъ высь!
 Люди, къ намъ толпой идите,
 Насъ послушайте, — любите.....
 Да, Европа! поклонись,
 Поклонись!

==

3.

ЗИМНИЙ ПОХОДЪ.

==

Потусклый мѣсяцъ поблѣднѣвъ,
 Ночное небо голубѣвъ,
 Пѣтухъ въ послѣдній разъ пропѣвъ,
 И вѣтеръ холоднѣе вѣвъ.
 Богъ свѣтъ даетъ! Морозъ скрипитъ.
 Дорога чрезъ село лежитъ.

Изъ хаты утренній дымокъ
Надъ кровлей низкою поднялся ;
Стоитъ онъ , тонокъ и высокъ ,
И съ колокольней поровнялся .
Все небо въ золотъ , въ огнѣ :
Встрѣчаемъ день мы на конѣ .

Хотя на радостный восходъ
И рано солнце поспѣшило ;
Но раньше мы пошли въ походъ :
Оно въ пути насъ озарило .
Здорово, солнышко ! Свѣтъ твой
Пускай утѣшитъ грустный строй .

Проснулось мирное село ;
Хозяйка двери отворяетъ ;
Глядитъ поселянинъ въ окно :
Его взоръ радостью блистаетъ .
Ему о чемъ же горевать ?
Жена и дѣти — съ нимъ, и мать.....

Въ чужомъ краю привѣта нѣтъ .
Никто здѣсь сырыхъ не встрѣчаетъ ;
Вздохнувъ прохожій смотритъ вслѣдъ :
Быть-можетъ, онъ о мнѣ вздыхаетъ .
Вдохни, другъ ! Насъ ли не жалѣть ?
Ахъ, тяжело сиротой старѣть !.....

Я грустно дни свои влачу
Подъ веродными небесами ;
Подъ часъ на камнѣ ночью сплю ,
А утромъ моюсь слезами .
И хлѣбъ не встаетъ ! Горекъ онъ ,
Чужой рукою испечёнъ .

Прощай, прохожій. Мнѣ грустятъ ,
Когда идемъ селомъ, бываетъ :

Огнемъ кровь сердце сожигаетъ ,
 Какъ вспомнишь радость прежнихъ дней.....
 Прощай! Въ селѣ мнѣ нѣтъ родныхъ :
 Собаки лаютъ на чужихъ!»

Походомъ , пѣсней грусть гоня ,
 Такъ утромъ вопиѣ пѣлъ печальный ;
 Рукой погладилъ онъ коня ,
 Вздохнулъ, взглянулъ на путь свой дальный,
 И на замерзлыя усы ;
 Скатились разомъ двѣ слезы.

=

4.

П А Ш А.

=

Паша былъ свѣтель; съ сладкой лѣни
 На бархатномъ диванѣ онъ лежалъ ;
 Изъ янтара душистый дымъ вливалъ ,
 А голову склонилъ къ Дильберъ на колѣни.
 Гречанка то была, — цвѣтушая весна, —
 Зефиръ, — ручей живой, — блестящая денница, —
 Видѣніе роскошнѣйшаго сна, —
 Обѣтъ восторга, — красоты царца.

И вдругъ отбросилъ онъ чубукъ ,
 Съ улыбкой доброю, смѣясь и жалѣя,
 Шепнулъ, сжимая пухъ ея прекрасныхъ рукъ :
 «Ты въ Грека влюблена, Морейская лилея!»

Въ негодованіи, съ слезами на глазахъ,
 Дрожащая, искала долго слова.
 «Что говоришь, душа, властитель благъ!
 Не повторяй навѣтовъ духа злова!

Кого любить?..... Зрѣть душу Богъ мою,
Ты въ ней — одинъ. Клянусь отца могиллой,
Всею сердцемъ, мыслями, всею бытіемъ люблю
Единственно тебя, мой обладатель милый!» —

Безпечно поднялъ онъ веселое чело,
Не оскорблясь вопроса неудачей;
Взглянулъ очей въ прозрачное стекло,
И поцѣлуй Гречанкѣ далъ горячій.
«О гурія, ты платишь недобромъ
«За доброту мою! Не отвергай участя:
«Готовъ я помогать кинжаломъ, серебромъ,
«Для вашего союза, мира, счастья:

«Въ тайникъ души, другъ, отвори мнѣ дверь.
«Откройся въ истинѣ, не плача, не робѣя,
«Какъ матеря родной, мнѣ отвѣчай теперь:
«Ты съ Грекомъ любишься, Морейская лилея?»

— «Ахъ, смѣю ли, могу ль, должна ли я любить!.....
Хоть ангелъ бы предсталъ, но не сломятъ заклѣтыя,
Когда мнѣ суждено твоей навѣки быть,
Когда, какъ цѣпью ты сковалъ мѣся объятъемъ!
До гробовой доски послушная раба.
И если бъ чувство въ грудь невольницы запало,
Преступна менѣе, и болѣе слаба,
Сто разъ бы умерла, а тайны не сказала.» —

И обнялъ дѣву онъ. Ласкаясь и шутя,
Игралъ развитыми, блестящими кудрами.
«Ты правду говоришь, прекрасное дитя!
«Но женщина властна ли надъ страстями?
«Я не тиранъ, не звѣрь, не Нильскій крокодилъ,
«Чтобъ голубя разрознивать съ голубкой.
«Не будетъ извергомъ, кто такъ тебя любилъ;
«За ласки не воздастъ насилья вѣчной мукой.

«Готовъ поддерживать кинжаломъ власть мою
«И золотомъ; лишь ты признайся, не краснѣя:

«Я въ ту жь минуту васъ навѣкъ соединю :
«Ты Греку отдалась, Морейская лилея!»

И, внѣ себя, она — у ногъ паши !
Трепещеть, не найдетъ рвчей въ рыданья горькомъ.
— «О, ты прозрѣлъ всю внутренность души,
Благимъ, пронзительнымъ и милосердымъ окомъ !
Такъ! я нарушила, забыла вѣчный долгъ.
Онъ мой! Люблю его! Не помогло боренье!
Онъ моремъ умъ топилъ, онъ солнцемъ сердце жегъ,
Навѣки онъ скрѣпилъ сердецъ соединенье!

Ты не разлучишь ихъ!..... Ты добръ; тебѣ гаремъ
Невольницу увядшую замѣнять.
Чтобъ осчастливить насъ — не правда ли? — затѣмъ
Меня ты спрашивалъ?..... Ахъ, онъ твой даръ оцѣнять:
Онъ будетъ рабъ твоимъ желаньямъ и страстямъ,
Надъ драгоценными онъ, станетъ бдѣть годами!
О, сдѣлайся отцомъ несчастнымъ сиротамъ,
Будь господомъ оставленной судьбами!

Все высказала я, что только ты желалъ,
Стыдомъ, надеждою и страстью пламеня.....» —

Какъ тигръ вскочилъ паша, и въ грудь вонзилъ кинжалъ.
«И я сдержу обѣтъ, Морейская лилея!»

Въ ладони хлопаетъ; толпа предстала слугъ:
«Возьмите прочь ее!..... И трупъ окровавленный
«Несите въ комнату, гдѣ ждетъ ея супругъ,
«Грекъ обезглавленный, въ ночь прошлую казненный.
«Я слово далъ. Я слову господинъ!
«Найду приличное сердцамъ влюбленнымъ мѣсто!
«Заприте ихъ збонихъ въ гробъ одинъ,
«Да не разлучится женихъ съ своей невѣстой.»

Е. ВЕРНЕТЪ.

МИНУТА УНЫНІЯ.

≡

Нѣтъ, я не спалъ !..... и не былъ на яву ;
А что-то дивное свершалось съ душою.

Какой-то лучъ прожегъ мою главу !
Какой-то духъ бесѣдовалъ со мною !

И не одинъ ; а много было ихъ.....

И впереди — поэтовъ свѣтлый геній,
Плзнительный какъ звучный стихъ
Передразсвѣтныхъ вдохновеній.

Нѣтъ я не спалъ ! я думалъ ; я мечталъ ;
Я просѣкалъ судьбу орлинымъ взглядомъ,
Я все земное проклиналъ ,

И горе съ жизнью ставилъ рядомъ.
Я спрашивалъ — что значить жить ?.....

И стоитъ ли цѣпь дней влачить ?.....

И что мы ?..... Намъ дана ли власть
Перевозмочь влеченье рока ?

Попрать взволнованную страсть ?

И раздавить зародыши порока ?

Иль робко следуя вантіямъ судьбы

Мы одолѣть ея не можемъ ?

И, въхрахъ сгибаая наши лбы,

Какъ недостойные рабы

Жестокой паперть храма гложемъ ?

О, холодно и жарко было мнѣ !

Глаза неустовый жегъ пламень ,

Мелькали духи въ вышинѣ

И сердце жалъ печали камень.

Но вдругъ на крыліяхъ мечты

Я улетьвъ въ предвѣчное селенье ,
И большаго съ высоты
Посѣтило вдохновенье.

Полночь ! Тихо на земль ,
А на небѣ еще тише ;
Городъ спитъ въ туманной мглѣ ,
Только мысли выются выше
Божьихъ ласточекъ : онѣ
Какъ могилные огни ,
То засвѣтять, то утонуть ,
То, какъ пѣсни влалекъ ,
Вторять пасмурной тоскѣ ,
То какъ море воюетъ, стонутъ ,
То какъ искры двухъ мечей
Золотымъ фонтаномъ плещутъ ,
И рзываются, — брызжутъ, — блещутъ
Мириадами лучей.

Я не на небѣ,—
Не на землѣ.
Я — между ими ,
Гостемъ у звѣздъ.
Сколько ихъ вмѣстѣ !
Какъ хороши !
Это — семейство
Адонан !
Сестры меньшія
Милой мечты ,
Милой какъ искра
Первой любви.

Ахъ, зачѣмъ я не звѣзда !
Мнѣ бы лучше было съ ними ,
Чѣмъ жить здѣсь и быть всегда
Угнѣтаемымъ своимъ.
Я бы земля не стерегъ ,

Неба я не охранялъ бы;
 Я бь лелѣялъ и берегъ
 Ту, чей слѣдъ вѣкъ цѣловалъ бы!
 Не свѣтилъ бы я съ толпой!
 Я бь одинъ свѣтилъ: скажу я —
 И свѣтилъ бы только той,
 Той, которую люблю я!
 Я бь для звездочки земной
 Сталъ небесною звездою;
 И оттуда ей одной
 Любовался бь какъ сестрою;

А теперъ
 Счастья дверь
 Мнѣ закрыта.
 Все печаль!
 Жизни даль
 Рокомъ скрыта.
 Отчего,
 Дячого
 Я сстрадаю?
 Почему?.....
 И къѣму!.....
 Самъ не знаю!

«Богъ земли!
 «Я въ пыли
 «Предъ тобою!
 «Ороси
 «Съ небеси
 «Путь къ покою.
 «Изцѣли,
 «Утоли
 «Пламень жажды;
 «Спрысни грудь, —
 «И забудь
 «Грѣхъ мой дважды.»

Такъ помолнлся я, и мукн унянсь ;
 Блвднпя мысль о преступеньв.
 Мечты мон какъ голубн взвнянсь,
 И разыгралась, сквозь волненье,
 Святая вбра въ Провидѣнне, —
 Не невѣжская мгла, —
 Не робкій трепеть суевбра, —
 А чнстая, спасительная вбра,
 Которую мнѣ мать передала,
 Когла меня, ребенка, въ колыбели
 Она какъ ангель берегла,
 Проснживая ночь у ногъ моей постели.
 О, мнѣ ль роптать? Надеждою дыша,
 Я все пернесу, съ увѣренностью, съ силой;
 Здѣсь тяжело: но за могилой
 Есть жизнь! есть радость! есть душа!
 Нѣтъ, нѣтъ! передь людьми я головы не свѣшу.
 И лестно не унизится стихъ,
 И поносителей монхъ
 Безславной смертью не потѣшу.....

Разсвѣтало. Мысль летѣла
 Въ тѣ завѣтные края,
 Гдѣ, бывало, сердце пѣло,
 Гдѣ живетъ любовь моя;
 Гдѣ, младенцемъ почивая,
 Въ благоговѣйной тишинѣ
 Мнѣ теперь моя родная
 Улыбается во снѣ;
 Гдѣ товарищи, и братья,
 И тоскующая мать,
 Друга спраго въ объятя
 Не устали призывать.....
 И, смиряясь, укротилась
 Чувствъ бунтующихъ гроза;
 Вновь душа развеселилась.....

А изъ глазъ на грудь катилась
Безъотчетная слеза.

РАХМАНИНЪ.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ.

Ты вдругъ блеснула мнѣ звездой,
Ко мнѣ влетѣла вдохновеньемъ,
Плвила пламенной душой,
Зажгла мнѣ сердце сладкимъ пѣньемъ ;
Сказала мнѣ, что будешь ты
Мнѣ другомъ вѣрнымъ, другомъ милымъ, —
И тихо свѣтлыя мечты
Ужъ вѣютъ надъ пѣвцомъ унылымъ.
Привѣтъ надеждъ — въ твоихъ рѣчахъ :
Исчезнетъ въ ралужныхъ струяхъ
Томленья мрачнаго тумана ;
Въ душевныхъ звукахъ нѣтъ обмана.

О, мнѣ извѣстно, небеса
Любовью дышать надъ тобою !
Взлелыана твоя краса
Весельемъ, нѣгой золотою ;
И прелесть розъ и блескъ лилей —
Подруга младости твоей ;
И ты блаженства зная сладость
Всегда, вездѣ встрѣчаешь радость.
Но, къ чувствамъ съвѣду душой близка,
Сердечною святою думой
Ты заглянула въ боръ угрюмой,
Гдѣ бродятъ горе и тоска.

Недавній другъ, но сердцу милый !
Отрада есть въ печальной мглѣ,
И есть двѣ тайны, коихъ силой
Цвѣтеть страданье на землѣ.
Обнявъ душою упованье
Одна изъ нихъ — въ любви святой :
Любить, чѣмъ милъ намъ миръ земной,
Для сердца райское мечтанье.
Другая тайна гонить страхъ :
Терпенье, благодать въ бедахъ ;
Она смѣняетъ въ жизни новой
Вѣнкомъ изъ розъ вѣнецъ терновый ;
Свѣтла нетлѣнною красой ;
Небесный вѣстникъ, ангелъ нежный
Утѣшилъ ею духъ мятежный ;
И ангелъ мнѣ предсталъ тобой.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

=

П Р О З А.

НЕСЧАСТІЕ.

Въ одно прекрасное утро, послѣ короткой прогулки по Адмиралтсйскому бульвару, я, по обыкновенію, присѣлъ на камнѣ подъ монументомъ Императора Петра Великаго. Надѣюсь, что всѣ вы помните меня?..... Быть-можетъ, вы меня называли оригиналомъ, или сумасшедшимъ, или несчастнымъ: я не гнѣваюсь за эпитеты, потому что въ нынѣшнемъ вѣкѣ всѣ употребляютъ ихъ во зло; но дѣло въ томъ, что я имѣю честь быть вамъ знакомымъ. Невозможно, чтобы вы меня не знали! Я тотъ самый, который лѣтъ тому двадцать, — болѣе или менѣе, -- каждое утро садился подъ монументомъ Петра Великаго и кланялся всѣмъ идущимъ и ѣдущимъ съ Исакиевскаго Моста, почтительно снимая шляпу передъ ними. Обо мнѣ говорили въ цѣломъ городѣ, одни съ насмѣшками, другіе съ состраданіемъ. Всѣ дивились, и никто не зналъ причины этого поведенія. Многіе, считая меня помѣшаннымъ, подходили ко мнѣ съ любопытствомъ и, не будучи знакомы, вступали со мной въ разговоръ. Уходя, иные, какъ мнѣ самому случалось слышать, говорили между собой — «Онъ не дуракъ!» Я, въ возвратъ, не платилъ имъ тѣмъ же комплиментомъ. Быть-можетъ это неблагодарность, но они ея заслуживали.

Какъ бы то ни было, я по обыкновенію съѣлъ на камнѣ, подѣ монументомъ, противъ моста. Взглядъ на этотъ памятникъ, достойный Безсмертнаго, на это обширное зданіе Сената, всегда переносилъ меня во времена минувшія и раждалъ въ головѣ моей тысячи воспоминаній, такъ близкихъ сердцу Русскаго, — о томъ, что здѣсь было, — о томъ, что есть, — о томъ, что будетъ, — какая блистательная судьба величія и славы предопредѣлена беззвѣстному отечеству нашему. Думы эти давно сроднились — было съ моимъ сердцемъ, которое лелѣло ихъ, какъ нѣжный отецъ лелѣетъ дѣтей своихъ: онѣ были мой міръ, мои дѣти, мои кровные, мои друзья; я съ ними бесѣдовалъ, когда никто не проходилъ мимо меня съ Васильевскаго Острова и мнѣ не нужно было кланяться; пройдетъ фигура, — я вскочу, поклонюсь, и опять, лишь только накрою голову, думы мои толпятся подѣ шляпой, бродятъ по моему мозгу, играютъ на моей лысинѣ, и всячески стараются развлечь, занять, утѣшить меня. Въ это достопамятное утро, едва присѣлъ я на камнѣ, какъ явился незнакомый мужичица, среднихъ лѣтъ и важнаго вида. Онъ остановился подѣ меня, долго смотрѣлъ на монументъ, обошелъ его нѣсколько разъ, и опять остановился. Видъ его поразилъ меня. Судя по наружности, онъ принадлежалъ къ лучшему обществу; но какая-то глубокая тоска, нѣмое отчаяніе, которыя гораздо краснорѣчивѣе громкихъ жалобъ, по временамъ изображались на блѣдномъ и благородномъ лицѣ его. Ничто его не развлекало: онъ устремилъ неподвижный, мертвый взоръ передъ себя, и, казалось, горестъ убила въ немъ способность мыслить. Проходящіе, которымъ я кланялся, равнодушно взглядывали сперва на меня, потомъ на страдальца, и удалялись. Сытый голоднаго не разуметь. У счастливаго съ несчастнымъ нѣтъ ничего общаго. Вдругъ новая группа, съ полдюжины хорошенькихъ дамъ и нѣ-

сколько молодых мужчинъ, со смѣхомъ останавливается передо мною : они , казалось , шли отъ моста. Я всѣмъ имъ раскланялся какъ-можно учтивѣе.

— Здравствуйте , почтеннѣйшій ! произнесъ одинъ изъ мужчинъ, котораго я , такъ какъ у него были очки на носу , назову очконосцемъ : надѣюсь , что вы , какъ философъ , не оскорбитесь моимъ вопросомъ. Мы избрали васъ судьей въ нашемъ спорѣ.

Я поклонился.

— Не безпокойтесь , продолжалъ онъ : сдѣлайте милость , сидите на вашемъ мѣстѣ. Вотъ въ чемъ дѣло Вы , кажется , знакомы съ несчастьемъ.....

Я всталъ , и поклонился еще ниже.

— Охъ ! не за чтò..... Вы очень вѣжливы , равнодушно примолвилъ мужчина : скажите намъ , сдѣлайте милость , чтò вы думаете о несчастьи.

— Вы не то спрашиваете ! живо перервала молодая дама : мы спорили , то есть , я спорила съ этимъ господиномъ , о томъ , чтò именно должно назвать первымъ и величайшимъ несчастьемъ въ нашей жизни ?

При словѣ « несчастье » прежнїй незнакомецъ придвинулся къ группѣ , которая меня окружала , и съ мрачнымъ любопытствомъ , казалось , ждалъ моего отвѣта.

— Вы не могли , сударыня , отвѣчать я , обратиться съ вашимъ вопросомъ къ человеку болѣе свѣдущему въ этомъ дѣлѣ. Никто болѣе не размышлялъ о несчастьи и никто лучше не можетъ удовлетворить вашего любопытства. Я испыталъ по-крайней-мѣрѣ три четверти того ; чтò люди называютъ несчастьемъ , и убѣдился , что.....

— Ну !..... что ?.....

— Что на свѣтѣ нѣтъ несчастья.

Мои слушатели улыгнулись и посмотрѣли другъ на друга. Прежнїй незнакомецъ вздохнулъ.

— Следственно, вы счастливы? спросилъ мужчина въ очкахъ.

— Вы слишкомъ скоры на заключенія, возразилъ я: изъ того, что я отвергаю существованіе несчастія, еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы я утверждалъ существованіе счастья.

— По-вашему, сказалъ вертя палочкой очконосецъ, въ міръ нѣтъ ни счастья, ни несчастія?

Я всталъ, и поклонился.

— Не стѣдуетъ труда, сказалъ онъ. Ваше ученіе объ этомъ предметъ, какъ вы видите, начинается насъ занимать.....

Я хотѣлъ встать и поклониться, но онъ удержалъ меня. И на этотъ разъ, я, къ сожалѣнію, не могъ поклониться.

— То есть, вы хотите сказать, продолжалъ очконосецъ, что такъ-называемое..... Не правда ли? я правильно говорю, такъ-называемое?..... Пожалуйста не кланяйтесь!..... Что такъ-называемое несчастіе есть.....

— *Суета суетствій и вслѣдственная суета*, подхватилъ я, кланяясь всему собранію.

Они захохотали, и это меня взбѣсило. Я съѣлъ на своемъ камнѣ и произнесъ къ нимъ съ этой кафедры длинную рѣчь, которую давно уже собираюсь напечатать. Я сказалъ такъ:

«Милостивые государи и государыни! То, что я имѣю честь вамъ докладывать, такъ вѣрно какъ существованіе этого моста, который въ моей судьбѣ играетъ страшную роль, роковую страницу. Вы всё говорите объ несчастіи, не зная его, не выдавъ его въ глаза. Я видѣлъ несчастіе, и не одно; я испыталъ его въ разныхъ видахъ, и могу васъ увѣрить, что это — плутовство. Несчастія нѣтъ въ природѣ. То, что мы называемъ несчастіемъ, есть просто слѣдствіе нашихъ глупостей, нашихъ страстей, нашихъ происковъ, нашихъ

желаній, нашихъ движеній. Слѣдствія того, что мы сами дѣлаемъ, не въ правѣ мы называть «несчастіемъ», потому что въ этомъ словѣ заключается смыслъ случая, котораго нѣтъ въ мірѣ. Вы влюблены до безумія: слѣдствія безумія вамъ извѣстны; вы напередъ ихъ знаете, и, когда они сбудутся, вы не должны имъ даже удивляться. Вы сидите въ комнатѣ или гуляете по тротуару: потолокъ можетъ на васъ обрушиться, стѣна можетъ упасть и раздавить васъ; вы это знаете, и я не вижу ни какого несчастія въ простомъ послѣдствіи непрочности того, что творитъ рука человѣческая. Будьте всегда ко всему приготовлены и вы увидите, что нѣтъ нечаянности, и слѣдственно нѣтъ несчастія. Вы честолюбивы.....»

Прежній незнакомецъ содрогнулся.

«Вы честолюбивы, вы горды, продолжалъ я, одушевляясь моимъ предметомъ: неужели вы не знаете того, что слѣдуетъ иногда изъ честолюбія или гордости? Упадетъ на васъ кара за страсти ваши: пріймите ее какъ кару, а не какъ бѣдствіе. Видители, милостивые государыни и государи, передъ собою это зданіе Сената, которое занимаетъ все пространство между Англійскою набережною и Галерною улицею? На этомъ мѣстѣ, при основаніи Петербурга, стояли мазанковыя строенія: они тянулись по Невѣ почти до Крюкова моста. Это были чистыя, бѣлыя избы, построенныя изъ фашишнику и глины и покрытыя черепицею; между ними отличался трактиръ, потогдашнему «австерія», съ четырьмя деревянными столбами и перильцами кругомъ. Строитель и владѣлецъ этой слободы былъ изъ низкаго званія. Онъ имѣлъ привлекательную наружность: продолговатое выразительное лице, чело высокое, большіе голубые глаза, быстрые и полные ума, римскій носъ и во всѣхъ чертахъ необыкновенную живость; прибавьте еще пріятный голосъ и мужественный видъ; все это, и притомъ смѣ-

лые, острые отзывы, обратили на него вниманіе Императора Петра. Вѣрность въ храненіи повѣренныхъ тайнъ, усердіе при исполненіи порученныхъ дѣлъ; умѣнье приспособить себя къ характеру Государя, предугадывать Его, предупреждать Его намѣренія, и ревностно приводить ихъ въ дѣйствіе, приобрѣли ему особенную любовь Монарха, который такъ умѣлъ открывать способности и цѣнить заслуги. На полѣ брани онъ соединялъ въ себѣ неустрашимость и дерзкую отвагу простаго воина съ дарованіями полководца. Въ совѣтъ, съ легкостью обнималъ обширнымъ умомъ самыя трудныя вопросы, онъ предлагалъ всегда вѣрныя и благія мѣры. Такимъ образомъ онъ скоро сталъ первымъ сановникомъ въ государствѣ. Въ десять лѣтъ, онъ изъ сержантовъ гвардіи сдѣлался княземъ двухъ имперій и генералъ-фельдмаршаломъ Русскихъ войскъ. Былъ ли онъ счастливъ?..... Да! Онъ считалъ себя счастливымъ, потому что счастіемъ называлъ онъ, и всѣ называютъ, состояніе минутно удовлетвореннаго самолюбія. Долженъ ли онъ былъ испытать прямое слѣдствіе этого, такъ-называемое несчастіе?..... Да! Несчастіе, для него, заключалось въ униженіи его самолюбія, то есть, униженіи мечты, призрака, вещи, существующей только въ его воображеніи. Къ сожалѣнію, его высокія, блистательныя достоинства померкли въ неограниченную страсть къ власти, къ почестямъ, къ корысти, страстию пагубною, которую можно уподобить глубокой пропасти съ дномъ, опускающимся по мѣрѣ того, какъ ее наполняютъ. Этотъ баловень своего самолюбія или, какъ вы говорите, счастья, не терпѣлъ себѣ равнаго, не видѣлъ высшаго себя. Заботливо покровительствуя преданныхъ себѣ людей, онъ никогда не забывалъ малѣйшей обиды, малѣйшаго оскорбленія своего самолюбія; никогда не щадилъ тѣхъ, которые хотѣли превзойти его умомъ, и съ ожесточеніемъ гналъ дерзавшихъ посягнуть на его

власть. Тридцать лѣтъ минное счастье исполнѣ ему благопріятствовало. Иностранные государи искали его дружбы. Въ Россіи все дрожало при одномъ его имени. Кроме пожалованныхъ ему, императоромъ Леопольдомъ, княжества Козельскаго въ Силезіи и, королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, Ригенскаго княжества въ Пруссіи; кроме Ингрии и Лифляндіи, которыя къ доходу обрѣцались въ его пользу, онъ имѣлъ въ Русскихъ губерніяхъ саникомъ сто тысячъ душъ крестьянъ). Къ этимъ отличіямъ присоединялись чинъ генерал-искусуса и званіе адмирала. Сынъ его, еще ходившій въ школу, былъ камергеромъ и кавалеромъ орденовъ Святой Екатерины и Прусскаго Чернаго Ора. Но Меншиковъ, зоркій, осторожный и пронырливый пока имѣлъ противниковъ, заблудя, и измѣнилъ себя, когда восторжествовалъ надъ ними. И этотъ сѣверный Крезъ, другъ великаго царя, исполнивъ своего времени, котораго великій Государь называлъ «отцемъ своимъ», котораго дочь была невѣстою юнаго Русскаго Императора, кончилъ дни плотникомъ въ Березовѣ. Вы безъ-сомнѣнія ужаснетесь несчастія, великаго несчастія Меншикова: но, спрашиваю васъ; сударьши! гдѣ же несчастіе — быть плотникомъ? Неужели вы считаете всѣхъ плотниковъ несчастными и плотничество бѣдствіемъ? Я знаю такихъ, для кого оно составляетъ предметъ честолюбія.

«Послѣ Меншикова, мѣсто это взято было въ казну; и отдано графу Миниху, который построилъ здѣсь большой двухъ-этажный каменный домъ, потомъ уступленный имъ графу Андрею Ивановичу Остерману. Я лично зналъ старика фельдмаршала, Бургарда Христофоровича Миниха. Какъ теперь вижу его на почетной лавкѣ Петровской лютеранской кирки съ примасленными, густо покрытыми пудрою, волосами и съ длинной косою; помню его круглое, еще румяное лице; большіе свѣрые глаза, насмѣшливую улыбку и

жесткія черты, которыя не возможно было забыть разъ увидѣвши. Я нерѣдко встрѣчалъ его въ обществахъ: въ обращеніи онъ былъ нѣсколько неловокъ, хотя старался быть любезнымъ съ женщинами; и, что удивительно для челоуѣка, проведшаго большую часть жизни на полѣ брани и двадцать лѣтъ въ заточеніи, онъ на семьдесятъ-шестомъ году былъ влюбленъ, и писалъ самыя страстныя письма къ графинѣ С***, фрейлинѣ двора Императрицы Екатерины второй. Онъ превосходно зналъ инженерное искусство, усовершенствовалъ наши войска, удержалъ въ нихъ духъ и правила, введенныя Петромъ; завелъ у насъ тяжелую конницу, удвоилъ артиллерію, учредилъ кадетскій корпусъ. Во время могущества своего, Минихъ тоже былъ честолюбивъ, тщеславенъ, мстителенъ, зломятенъ, и грубъ съ подчиненными; но, при всемъ томъ, онъ одаренъ былъ драгоцѣнными для полководца качествами, — твердостью духа, стойкостью характера, доходившею иногда до упрямства, и хладнокровіемъ, которое не измѣнило ему въ самыхъ позднихъ лѣтахъ. Этимъ качествамъ, а не генію, который приписывали ему иноземные писатели, обязанъ онъ своимъ успѣхамъ въ походахъ противъ Турковъ. Тогдашній образъ Турецкой войны представлялъ затрудненія, которыя испугали бы всякаго другаго полководца. Чтобы достигнуть непріятели надлежало идти мѣсяца полтора бесплодною и безводною степью. Тридцать или сорокъ тысячъ телѣгъ слѣдовали за арміею съ провіантомъ, водою, рогатками. Часто появлялись многочисленныя Татарскіе отряды, нападали на этотъ безконечный обозъ и разбивали его. Трудно высказать, что терпѣло войско послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ: оно ступало по раскаленной солнечнымъ жаромъ землѣ, оно томилось жаждою, не имѣя возможности утолить ея; оно было безъ приюта во время ночлеговъ въ странѣ, гдѣ обыкновенно послѣ огнек-

наго дня слѣдуетъ ночь холодная и сырая, всегда изобилующая сильною росой, отъ которой платье и все, даже подъ палаткою, дѣлается мокрымъ, какъ-будто погружено было въ воду; наконецъ его непрерывно тревожилъ непріятель, который какъ молнія появлялся и исчезалъ въ безконечной степи. Многіе отряды падали на пути жертвою изнеможенія. Но фельдмаршалъ раздѣлялъ съ воинами всѣ труды, не останавливался препятствіями, упорно стремился къ цѣли и достигалъ до ней наконецъ. И что же? Минихъ, который надѣялся въ 1739 году получить титулъ владѣтельнаго князя Молдавіи, который свергъ Бирона и доставилъ Принцессѣ Аннѣ скипетръ Россіи, Минихъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по назначеніи его первымъ министромъ, обвиненъ былъ въ измѣнѣ, приведенъ былъ на Троицкую площадь для позорной казни, и благодарилъ Бога, когда вмѣсто исполненія приговора, сослали его въ Пелымъ. Что касается до меня, сударыня, то я не вижу ни какого счастья — быть Молдавскимъ княземъ, вѣсть Молдавскій виноградъ и говорить сквернымъ Молдавскимъ языкомъ, и ни какого несчастья жить двадцать лѣтъ въ Пелымъ. Тамъ живутъ люди, сударыня, и весьма многіе изъ нихъ, считаютъ себя счастливейшими существами въ мірѣ. Черезъ двадцать лѣтъ Минихъ призванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ онъ кончилъ дни свои; согласно своей воли, онъ похороненъ въ Лифляндіи, вмѣстѣ съ дѣтьми, на кладбищѣ, лежащемъ въ полѣ, въ десяти верстахъ отъ Дерпта и въ верстѣ отъ мызы Лунья, которая ему принадлежала. Недавно, мимоходомъ, я былъ на его могилѣ, сударыня. Какое горестное чувство поразило меня, когда я увидѣлъ это могилу въ развалинахъ! Одинъ мой пріятель, туземецъ, вынулъ изъ нихъ при мнѣ черепъ Миниха, бѣлый какъ вашъ носовой платокъ, сударыня, говоря, что онъ давно уже собирается унести эту благородную кость, достойную лучшей

участн, изъ опасеніи, чтобы невѣжественная рука аостуха или Чухонскаго земледѣльца не выбрасала и не истребила его. Клянусь вамъ, что тутъ мѣть и слѣду несчастія. Черенъ Бургарда Христофоровина, напротивъ того, очень счастливъ у моего пріятели.

«Заслуги графа Остермана, который послѣ Миника былъ владѣльцемъ дома, находившагося на мѣстѣ нынѣшняго Семата, не такъ блистательны какъ этого знаменитаго черена, но онъ несравненно важнѣе. Ему обязана Россія тѣмъ, что, не смотря на все препятствія, козни, проноки, благотворныя постановленія великаго Петра укоренились при Его преемникахъ. Нейштатскимъ и Бѣлградскимъ договорами, и возведеніемъ Августа Третьяго на Польскій престолъ, онъ утвердилъ навсегда преимущества Россіи надъ сосѣдственными державами. Остерманъ, кажется, нарочно созданъ былъ на то, чтобы быть дипломатомъ. Не говорю уже о привлекательной наружности его, обширномъ умѣ, отличной способности обнимать однимъ взглядомъ все стороны самаго труднаго и запутаннаго дѣла, наконецъ объ его рѣдкомъ образованіи: къ этимъ безцѣннымъ достоинствамъ у него присоединился еще особенный даръ привыкаться ко всякому характеру, ловко употреблять слабости другихъ въ свою пользу и проинкать самыя тайныя намѣренія противниковъ, не обнаруживая своихъ собственныхъ. Разсуждая о дѣлѣ, онъ нерѣдко облакалъ слова свои въ такія формы, что не многіе понимали его, — преимущество безцѣнное, потому что дураки, сударыня, случая рѣчь ясную, которую они легко понимаютъ, обыкновенно не вѣрятъ, чтобы она была умна. Часто иностранные дипломаты, пробывъ у графа Остерманна часа два на конференціи, уходили, не зная о чемъ онъ говорилъ съ ними. По волѣ своей, онъ во всякое время свободно плакалъ или смѣялся, притворялся разгнѣваннымъ или рас-

троганнымъ, и всегда такъ удачно, что самымъ близкія къ нему особы неразъ въ немъ обманывались. Иногда его быстрые голубые глаза измѣняли ему: оттого онъ рѣдко смотрѣлъ въ лице, а всегда или опускалъ глаза, или подымалъ вверхъ такъ, чтобы зрачки закрывались рѣсницами. Но вліяніе канцлера Остермана не ограничивалось иностраннымъ департаментомъ. Двадцать лѣтъ носилъ онъ на себѣ почти все бремя государственнаго управленія, потому что, засѣдая въ Тайномъ Совѣтѣ и потомъ въ Кабинетѣ, онъ, превосходствомъ ума своего, рѣшительно руководилъ прочихъ членовъ. Дѣятельность его была чрезвычайная и неутомимая. Онъ зналъ въ совершенствѣ шесть языковъ, и, неговоря уже о томъ, что всѣ бумаги по иностраннымъ дѣламъ были писаны имъ самимъ, большая часть манифестовъ, изданныхъ въ царствованіе Анны и Іоанна, вышла изъ-подъ его пера; сверхъ-того онъ подавалъ разные проекты касательно внутреннихъ преобразованій, и здѣсь также не возможно не удивляться его обширнымъ соображеніямъ, его дальновидности и совершенному знанію Россіи. Онъ предлагалъ способы исправить и отвратить злоупотребленія, вкравшіяся въ судебныя мѣста, умножить государственные доходы, усилить торговлю внутреннюю и вѣдшую, усовершенствовать войско и флотъ; привести въ лучшее оборонительное положеніе наши границы, распространить просвѣщеніе и богоугодныя заведенія посредствомъ духовенства; одявши словомъ, онъ обнималъ всѣ предметы и виды государственнаго благоустройства и обо всемъ разсуждалъ какъ человекъ, совершенно постигающій духъ народа и всѣ средства государства. Высокая душа его была чужда корысти. Онъ жилъ весьма умеренно, и въ семейномъ кругу представлялъ рѣдкій примѣръ соединенія всѣхъ добродѣтелей; былъ лучшимъ изъ супруговъ, вѣжливѣйшимъ изъ отцовъ; никогда почти

не ѣздилъ въ гости; проведши весь день въ кабинетъ, онъ только приходилъ къ столу, въ поношенномъ кафтанѣ кофейнаго цвѣту, или по вечерамъ являлся въ гостиной, когда къ супругъ его собирались дамы. Онъ говаривалъ, что женщинъ считаетъ самыми милыми игрушками, какія только есть на свѣтѣ, и любилъ въ ихъ бесѣдѣ отдыхать послѣ важныхъ трудовъ и занятій своихъ. Его упрекаютъ въ излишней осторожности и недовѣрчивости; но Остерманъ былъ чужеземецъ, сынъ бѣднаго сельскаго пастора, безъ связей, безъ громкаго имени, съ одними только личными достоинствами, которыя бы не могли доставить ему твердой опоры при частыхъ тогдашнихъ перемѣнахъ, и при недоброжелательствѣ, съ какимъ вообще смотрѣли другіе на его чрезмѣрное вліяніе при дворѣ. Но излишняя тонкость или, если угодно, хитрость, запутала его въ собственныя его сѣти. Переворотъ, возведшій Елисавету на престолъ, ускорилъ его паденіе. Графъ Остерманъ, величайшій министръ своего времени, облеченный въ званіе генералъ-адмирала, котораго семнадцати-лѣтній сынъ носилъ уже званіе капитана гвардіи и орденъ Святаго Александра Невскаго, посаженъ былъ въ Санктпетербургскую крѣпость и приговоренъ Сенатомъ къ колесованію. Это случилось въ январѣ 1742 года. Мнѣ тогда было тринадцать лѣтъ. Очень помню, что я залился слезами, взглянувъ на этого старца съ длинной, сѣдой бородой, который не могъ ходить отъ подагры; когда его привезли въ шлафоркѣ, въ простыхъ саняхъ, на площадь съ четырьмя другими преступниками, Минихомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ и Менгденомъ. На мѣстѣ казни были двѣ плахи и два топора. Остермана внесли на носилкахъ на эшафотъ. По прочтеніи приговора, который онъ выслушалъ съ спокойнымъ духомъ, небрежно стащили графа съ носилокъ и мастистую голову его положили на плаху.....

— Ахъ, какое несчастіе! вскричали всѣ дамы, мои слушательницы.

— Подлинно, несчастіе! произнесъ горестнымъ тономъ очконосецъ.

Я оглянулся, и увидѣлъ на мостовой разбитыя очки моего очконосца, который перетиралъ ихъ платкомъ, и имѣлъ несчастіе (слогъ моихъ слушателей) уронить безцѣнное украшеніе головы. Я продолжалъ:

«Положили голову на плаху; палачъ разстегнулъ воротникъ у рубашки, обнажилъ шею и уже занесъ было роковой топоръ, какъ секретарь произнесъ, что Государыня перемѣнила смертную казнь на вѣчное заточеніе въ Березовъ. Народъ, дотомъ окованный чувствомъ страха и соболъзнованія, вскрикнулъ отъ радости при этой неожиданной милости. Когда графа снова подыали на носилки, онъ, не измѣнившись въ лицъ, потребовалъ своего парика и колпака, говоря, что ему холодно. На другой день его снесли больного на постели въ сани и отправили въ Сибирь. Такъ какъ графъ Остерманъ не носилъ очковъ и слѣдовательно не могъ разбить ихъ при этомъ случаѣ, то нѣтъ ни какого повода думать, чтобы онъ испыталъ настоящее несчастіе. Но представьте себѣ состояніе души изгнанниковъ въ ту необыкновенную минуту, когда Минихъ, на пути къ своему заточенію, встрѣчается въ Казани съ Бирономъ, котораго онъ низвергъ и отправилъ въ Пельымъ: въ это время Бирона перевозили въ Ярославль. Безмолвный поклонъ былъ взаимнымъ привѣтствіемъ. Минихъ занялъ въ Пельымъ тотъ самый домъ, который по его назначенію выстроенъ былъ для Бирона.

«Нынѣшній домъ Сената построенъ преемникомъ графа Остермана, канцлеромъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Этотъ вельможа также испыталъ превратность судьбы. Опасаясь неблаговоленія наследника престола, Великаго Князя Петра Теодоровича, онъ, въ

1758 году, во время опасной болѣзни Императрицы Елисаветы Петровны, осмѣлился именемъ Государыни приказать прекратить военныя дѣйствія противъ Пруссаковъ и призвать изъ заграницы нашу армію, состоявшую тогда подъ предводительствомъ друга его, Степана Федоровича Апраксина, чтобы съ помощію ея совершить еще болѣе преступный и дерзкій умыселъ. Но между тѣмъ Императрица Елисавета выздоровѣла, преступленіе открылось и Бестужевъ, лишенный чиновъ, отправленъ въ ссылку.

«Такимъ образомъ мѣсто это переходило къ четыремъ честолюбцамъ, которыхъ жизнь представляетъ разительный примѣръ непрочности земнаго счастья и ничтожности нашихъ стяжаній. Но здѣсь слѣдуетъ вопросъ: были ли эти четыре человека дѣйствительно несчастливы? Меншиковъ, не смотря на потерю жены, которая сначала лишилась отъ слезъ зрѣнія, а вскорѣ потомъ изныла отъ грусти и страданія, никогда не былъ такъ здоровъ и спокоенъ душою, какъ въ Сибири. Осудивъ въ душѣ слабости и пороки бывшихъ дней своихъ, утѣшаемый вѣрою и готовясь предстать на судъ Бога сердцеѣдца, онъ благодарилъ Его за то, что ему позволено было заблаговременно познать ничету суетныхъ домогательствъ, которыя дотолъ день и ночь его тревожили; трудился своеручно надъ сооруженіемъ церкви въ Березовѣ, и представилъ міру явленіе, достойное, по словамъ Платона, созерцанія боговъ, явленіе человека, торжествующаго надъ ударами судьбы. Миннихъ и Остерманъ сдѣлались жертвами преданности къ Принцессѣ Аннѣ и къ сыну ея Іоанну. Но и тутъ Миннихъ имѣлъ случай быть довольнымъ собою: онъ занимался обученіемъ солдатъ Пелымскаго острога, и приводилъ въ трепетъ Сибирскихъ воеводъ, которые, пользуясь отдаленіемъ отъ столицы, позволяли себѣ разныя притѣсненія и безпорядки. Изъ всѣхъ этихъ четырехъ лицъ одного толь-

ко можно почесть несчастнымъ, потому что онъ былъ преступенъ. Бестужевъ: мучился раскаяніемъ и совѣстью, но, согласитесь еударыня, что совѣсть не очки и что она вовсе не виновна отъ случая. Преступникъ долженъ почитать себя несчастнымъ, то есть, презрѣннымъ, за то, что онъ совершилъ преступленіе, но онъ не имѣетъ права заслуженную казнь называть несчастіемъ.»

Здѣсь я замолчалъ. Оживленіе въ палатѣ столь важныхъ событій возбудило во мнѣ грустное чувство. Очковосецъ началъ напѣвать сквозь зубы Французскій романсъ. Прочіе слушатели и слушательницы занялись художественною критикою монумента, и вскорѣ вся компанія меня оставила. Они приняли направленіе къ бульвару. Одинъ прежній незнакомецъ оставался у монумента, и молча смотрѣлъ на меня, какъ-бы желая еще слушать. Потомъ онъ быстро протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «Благодарю васъ, почтенный старикъ! Вы правы, и я слушалъ васъ съ удовольствіемъ. Дайте мнѣ возможность видѣть васъ чаще..... До свиданія!» Онъ убѣжалъ прежде чѣмъ я могъ узнать, когда и гдѣ мы можемъ видѣться.

Когда они меня оставили, было уже три часа. Я снова началъ кланяться идущимъ съ Васильевского Острова. Почему я дѣлалъ это!..... Не скажу! Это тайна, страшная тайна, которую всѣ тогда старались разгадать и которую, вѣроятно, исторія когда-нибудь разгадаетъ, эта тайна должна умереть теперь со мною. Не могу сказать!

Наконецъ свершилось заповѣдное время: я пересталъ кланяться, хотя покойный Матвѣй Сергѣевичъ, который всю жизнь кланялся, повторялъ мнѣ: «Кланяйтесь, любезный другъ, кланяйтесь!..... всё кланяйтесь! Это единственный путь къ счастью. И если есть въ жизни, говаривалъ покойный Матвѣй Сергѣевичъ, наслажденіе чистое, тонкое, смиренное, вы-

сокое, такъ это наслажденіе кланяться.» Но мнѣ уже не нужно было кланяться Васильевскимъ. Прошло нѣсколько недѣль. Я почти не выходилъ изъ своей квартиры. Наконецъ я рѣшился навѣстить два три знакомыхъ семейства. Слышу разказы о жалкомъ положеніи одной преклонной и почтенной вдовы, ея молодой невестки, и малолѣтней дѣвушки, ея внучки: сынъ ея, говорятъ, застрѣлился и оставилъ мать, жену, дочь, почти въ бѣдности. Въ подробностяхъ, которыя мнѣ сообщили, я узналъ моего незнакомца, который, казалось, ожилъ-было отъ моей теоріи несчастія и разстался со мною съ сердцемъ, исполненнымъ отрады, съ убѣжденіемъ въ суетѣ того, что люди называютъ величіемъ, значеніемъ, силою. Вообразите, къ чему послужило мое глубокомысленное разсужденіе о Меншиковѣ, Минихѣ, Остерманѣ, Бестужевѣ-Рюминѣ: этотъ человекъ лишилъ себя жизни, зато что его обошли при повышеніи въ слѣдующій чинъ!

А. ИВАНОВСКИЙ.

=

НЕУЖЕЛИ?

ИЛИ

ДРУЖБА БАРЫШЕНЬ.

Перемѣнивши лошадей на станціи, я своротилъ съ большой дороги. Это было 8 января, часу въ шестомъ вечера. Снѣгъ значительно уменьшился отъ сильной оттепели наканунѣ, сжался и сгладился дѣйствиємъ Крещенскаго мороза. Путь былъ отличный.

— Хорошо-ли ты знаешь, гдѣ село Знаменское? спросилъ я молодого парня ямщика, который, загнувъ шапку на-бокъ и перебирая вожжи, старался забавлять своихъ лошадей разными остротами.

— Не-бойсь, барницъ, не заплутаемся. Я и въ потемкахъ, ощупью, доведу бы туда вашу милость, не то что теперъ.

Я закутался въ медвѣжью шубу, и утонулъ въ теплыхъ мечтахъ. Мнѣ было несказанно грустно. Впервые я разставался съ Петербургомъ, и меня влек и туда грезы юношескаго воображенія. Хотя уже одно пять дней прошло въ дорогѣ, однако жъ я не могъ забыть послѣдняго вечера у княгини Татьяны Михайловны. Мнѣ всё видѣлась освѣщенная зала съ группами танцующихъ, въ ушахъ моихъ гремѣла адриль, и въ мысляхъ моихъ кружилась она, Ольга Владиміровна, — короче, Ольга, — или еще ко о , Олимпика, — моя Олимпика, бѣлая, веселая, нѣжная, безпечная. Я безпрестанно видѣлъ передъ собою ея

розовыя уста, и надъ ея розовыми устами страшные черные усы неотвязнаго конногвардейца, который танцевалъ съ нею и къ которому она, казалось, была слишкомъ внимательна. Какъ эти уста роскошно произносили слово «люблю!» Правда, что это «люблю» относилось не ко мнѣ: оно составляло членъ длинной фразы — «я люблю *ее* свыше всего на свѣтъ.» *Ее*, то есть, Зинаиду С***, ея школьную воспитанницу, ея неразлучную подругу, пока обѣ онѣ были въ Смольномъ Монастырѣ. Она такъ нѣжно говорила о своей Зинаидѣ, голосъ ея былъ такъ плѣнительно тихъ, взглядъ ея былъ такъ блестящъ, такъ влаженъ, такъ продолжителенъ, когда она въ послѣдній разъ, при прощаньи со мною, произносила это имя, что я рѣшительно влюбился въ Олинку при трогательномъ видѣ этой чистой, пламенной, истинно женской дружбы. Если она такъ пылка въ дружбѣ, какова же должна быть въ любви! Если она такъ страстно любить юную свою подругу, которая только подобная ей женщина, то какъ же будетъ она любить меня, — мало того, любить, — обожать, меня, который, конецъ концовъ, слава Богу, не женщина! Я пощупалъ карманъ, — есть у меня письмо? Есть!..... Мнѣ стало легче. Это было письмо къ подругѣ ея дѣтства, къ Зинаидѣ, съ которой она не видалась три года, съ самаго выпуска изъ монастыря. Съ какимъ пылкимъ участіемъ, съ восхитительной привязанностью, какимъ убѣдительнымъ взглядомъ просила она меня исполнить ея порученіе, — завезти это письмо къ Зинаидѣ въ деревню!

Въ вихрь свѣтскихъ развлеченій, въ раздолѣе роскоши, въ кругу новыхъ подругъ, которыя своей знатностью болѣе льстятъ ея самолюбію, она помнитъ избранную своего дѣтства, скромную, не блестящую дѣвушку, которая съ порога Смольнаго Монастыря перешагнула прямо на порогъ деревенскаго дома!

У нея ангельское сердце! Она чистыми впечатлѣніями прежнихъ дней дорожить болѣе нежели мишурою изысканной пріязни, которая теперь блеститъ окрестъ ея. Въ эти лѣта, она проникаетъ уже въ глубину вещей и оставляетъ безъ вниманія заманчивую наружность.

Она необыкновенная дѣвушка!

Прошу не влюбиться въ такое удивительное существо!..... Дѣйствительно я былъ влюбленъ, — какъ только можно быть влюбленнымъ подъ медвѣжьей шубой и закрывъ глаза средь безконечной снѣжной пустыни. Село Знаменское и Зинаида представлялись мнѣ въ самомъ очаровательномъ образѣ. Зинаиду я тоже любилъ, любилъ уже какъ сестру, никогда ея не выдавши.

— А что, баринъ, на водку-то надо! сказалъ лимщикъ. Прокатилъ лихо!

— Развѣ мы пріѣхали? спросилъ я, разгоня мечты, которылъ еще заслоняли мое зрѣніе. Это село помѣщицы М***?

— Мы у крыльца ихъ дома, отвѣчалъ мой слуга.

О моемъ пріѣздѣ было доложено. Я вошелъ въ гостиную. Какъ теперь помню эту комнату: стѣны неровно обитыя обоями полинялаго перловаго цвѣту, съ зелеными пастушками и малиновыми овечками; два портрета въ старинныхъ рамахъ, одинъ въ генеральскомъ мундирѣ съ Георгіемъ на шеѣ, — вѣроятно покойнаго отца Зинаиды, — другой, по-видимому, ея матери, писанный еще на весѣхъ жизни или въ первые годы замужества; нѣкогда бѣлый потолокъ, теперь закопченный отъ свѣчь; стулья и кресла, обитые сѣрымъ ситцемъ, съ красными и желтыми разводами; на столѣ толстый красный самоваръ, подносы съ чашками и двѣ сальныя свѣчи въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. У стола сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти, худощавая, съ сѣрыми глазами, въ кру-

жевкомъ чепцъ съ пестрымъ бантикомъ, изъ-подъ котораго торчали полупосѣдѣвшіе волосы; возлѣ ней сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, кубическаго сложенія, полноликій, съ мутно-блѣдными глазами и рыжеватыми бакенбардами, которыя, проходя діагонально по щекъ, начинались у верховьевъ ушей и оканчивались у самыхъ отверстій толстыхъ губъ. Немного поодаль стола, торчалъ приставленный къ стѣнѣ лачей высокаго росту, въ предлинномъ сюртукѣ изъ домашняго сѣраго сукна, — неподвижный и нахмуренный какъ самая стѣна, которой онъ, казалось, служилъ необходимою подпорою.

Все это, хоть не съ перваго взгляду, однако жъ поразило меня, и оставило въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе, какъ видъ мѣста дѣйствія драмы, совершающейся въ печальной тишинѣ уѣзда; драмы народной, которая растрогала меня еще болѣе, потому что разгрявалась при моихъ глазахъ.

Старушка, вѣроятно, разсыпалась догадками насчетъ моего прѣзда: она что-то говорила своему сосѣду, который слушалъ ее съ флегматическимъ вниманьемъ, и не замѣтила, какъ я вошелъ. Въ комнатѣ было довольно темно, потому что свѣчи нагорѣли.

Я шаркнулъ ногой, чтобы возвѣстить свое присутствіе.

Тогда она приподнялась со стула, приложила руку къ бровямъ, чтобы яснѣе видѣть, и сдѣлала шагъ въ сторону, обходя столъ.

Я раскланялся.

— Ахъ, батюшка! очень рада прѣзжему гостю. А вы вошли такъ тихохонько, что я и не дослышала....

— Экой болванъ, Васька! сказала она, оборачиваясь къ лакею, стоявшему у стѣны: заснулъ, что ли? Могъ бы доложить объ ихнемъ-то приходѣ.....

— Такіе неучи, что Боже ты упаси! продолжала она, снова осматривая меня съ ногъ до головы. Про-

шу покорно садиться. Позвольте спросить, по какому случаю имѣю я удовольствіе видѣть васъ у себя?

А! такъ это сама хозяйка.

Я объяснилъ ей причину моего пріѣзда.

Толстый мужчина съ рыжеватыми бакенбардами въ первый разъ искоса посмотрѣлъ на меня.

— Чтò, устали съ дороги? Морозъ-то силенъ. Не прикажете ли чайку? Надо согрѣться.

И внимательные ея вопросы предупреждали мои поклоны и извиненія; вопросы, перемѣшанные впрочемъ принятыми фразами учтивости, которыя остались повидимому еще отъ столичныхъ гостиныхъ, но уже были подернуты грубымъ провинціальнымъ акцентомъ, полу-разбитыя, поросшія грибами пошлыхъ деревенскихъ словечекъ, изъ-подъ которыхъ онѣ выглядывали какъ золоченныя нѣкогда изваянія стѣнъ древняго храма изъ-подъ мху, разросшагося въ ихъ изгибахъ.

Признаюсь, мнѣ было какъ-то дико и грустно въ этомъ новомъ для меня мірѣ полинявшихъ обоевъ и негладкихъ звуковъ языка, лежащаго въ пару.

— Зипаида! Зипаида!..... Васька, пошли-ка сюда барышню. Чтò она тамъ дѣлаетъ? Скажи ей, что, *дискать*, на ея счетъ изъ Петербурга къ намъ гости пріѣхали.

Лакей вышелъ.

Минуты черезъ три, дверь сосѣдней комнаты открылась и въ дверяхъ показалась дѣвушка немного выше средняго росту, стройная, легкая, одѣтая съ необыкновенной простотой, но со вкусомъ.

— Рекомендую вамъ, *батюшка*, дочку мою. Она *вѣдь* училась въ Петербургѣ, въ Смольномъ.....

И съ этимъ словомъ, схвативъ бѣдную за руку, старушка подвела ее ко мнѣ.

Я всталъ.

Дѣвушка вспыхнула румянцемъ, и поклонилась съ

благородною гордостью, которая, для меня, бросила на нее выгодный свѣтъ съ первой минуты.

Я никогда не забуду этой дѣвушки. Она какъ-будто и теперь передо мною!

Напрасно я старался бы передать это лице словами. Черты его были неуловимы, но прелестны. Въ немъ мелькали и смѣшивались всѣ красоты поэтическихъ идеаловъ, и между-тѣмъ она была выше всѣхъ идеаловъ, потому что существовала не въ одномъ воображеніи. Нѣтъ, къ ней не примѣняются ни какія сравненія. Это была красота избранныхъ, и между-тѣмъ не утратившая Русской особенности; красота, понятная не многимъ, и которую напрасно будете отыскивать въ Петербургскихъ гостиныхъ. Въ саомомъ дѣлѣ, гдѣ вы встрѣтите въ столицѣ красоту, не знающую собственной цѣны, то, что именно составляетъ первое основаніе настоящей женской красоты?

Голубые глаза Зинаиды большую часть времени были закрыты длинными, темными рѣсницами. Правда, эти рѣсницы порой приподымались, но только длятого чтобы взглянуть на небо. Казалось, какъ-будто скрытое горе обвѣвало се печальною тѣнью. Я подмѣтилъ въ ней даже признаки страданій. Ея поступь была слишкомъ плавна и величава для девятнадцати-лѣтней дѣвушки, и на ея лицѣ я не встрѣчалъ беззаботной игривости этого возраста. Но въ ней все было истина. Кокетство не смѣло прикоснуться къ ней. Ея ловкость, доходившая почти до живописности, не была простою наглядкой: на кого ей было смотрѣть въ глуши деревни? Страсти, чувства и мысли, все было зарыто въ глубинѣ красиваго тѣла, которое походило на изящный памятникъ, красующійся подъ золотыми лучами на роковой могилѣ. Случай свелъ меня съ нею на самое короткое время, и тотъ же случай, впоследствии, позволилъ разглядѣть ея душу, когда она улетала на небо. Мнѣ доста-

лись ея письма на имя Константина Г***, друга ея детства; письма, дышущія той поэзіей истины и простосердечія, подь которую вы, господа, что пишете стихи, никогда не поддѣлаются, — никогда! — потому что вы не вѣрите тому что пишете. Можетъ-быть; со-временемъ, они не будутъ тайной для свѣта.

Первый вечеръ знакомства моего съ нею, былъ самый очаровательный вечеръ. Оправившись отъ замѣшательства, послѣ простодушной рекомендаціи матери, она присѣла къ столу разливать чай. Нельзя выразить какъ роскошно, непринужденно, пріятно для глазъ было каждое ея движеніе, когда пальчики бѣлой и нѣжной руки едва касались крапа самовара, когда старинными узорчатыми щипцами она брала сахаръ, когда подавала мнѣ чашку, немного привставъ со стула, съ опущенными застычиво рѣсницами. Въ этихъ мелочахъ, которыя въ другомъ положеніи, вѣрно, ускользнули бы отъ моего вниманія, было столько прелести! Столичная кокетка позавидовала бы ей непременно. Та, изъ милости, дарить своихъ избранныхъ изящными взглядами и движеніями, которыя напередъ обдѣлываетъ и заучаетъ передъ зеркаломъ; и, гордая, она потомъ ждетъ щедрого возмездія, потому что они ей самой дорого стоили. А Зипаида расточала очарованіе неволью, безсознательно. Мнѣ было тяжело видѣть ее въ безпривѣтномъ уединеніи, сидящую рядомъ съ этимъ толстякомъ.

Когда я, рассказывая что-то, держалъ въ рукѣ письмо отъ Ольги Р***, чтобы отдать ей, она, не дослушавши, быстро выхватила его у меня. Она была въ восторгѣ, который доходилъ до забытія.

— Это письмо отъ моей Оливки!..... Оливка не забыла меня!

Слезы навернулись на глазахъ бѣдной двушки.

Она въ нетерпѣніи рвала пакетъ, не долила мнѣ

чашки, и выбѣжала въ другую комнату, читать драгоценное письмо на свободѣ.

— Куда ты убѣжала, какъ полоумная! кричала ея мать: воротись! воротись! Экая вѣтренница! И чаю те долила вамъ!

Зинаида ничего не слыхала. Мужчина съ рыжеватыми бакенбардами повернулся всею тяжестью къ той двери, въ которую она исчезла.

— Не прогнѣвайтесь, сказала мнѣ мать. Она не знаетъ свѣтскихъ приличій. Мы бѣдны; у меня нѣтъ средствъ свезти ее въ столицу и показать ей общество. Благослови Богъ добраго Царя и за то воспитаніе, которое онъ, родной, далъ ей за службу покойнаго отца.....

Старушка положила платокъ на глаза, полные слезъ горя и благодарности.

— Если бъ покойникъ былъ живъ, она то же могла бы показаться въ обществахъ. Но здѣсь..... мыодичали, я сама огрубѣла..... Чтѣ дѣлать! Богу угодно было испытать бѣдностью нашу преданность его святой воли.

Она не могла говорить долѣе. Толстый мужчина, лъ утѣшеніе, поподчивалъ ее табакомъ. Стало-быть, онъ дядя?

На другой день, явсь въ общія комнаты, я засталъ одну только Зинаиду. Она была въ полномъ нарядѣ, — въ темноватомъ ситцевомъ платьѣ и въ короткомъ черномъ передничкѣ. Утромъ она мнѣ показала слѣднѣе; глаза были заплаканы. Я подошелъ къ ней.

— Вы, вѣрно, доставите мнѣ случай, сказалъ я, обрадовать Ольгу Владиміровну отвѣтомъ на ея письмо.

— О, я напишу къ ней непременно! Мнѣ надо многомъ поговорить съ ней! Она такая добрая, и ни сколько ко мнѣ не перемѣнилась. Она всегда-была такая добрая!

А вы часто видите ее?

— Почти каждую неделю.

— Ахъ, какъ вы счастливы!

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, она сказала отрывисто, тихо, будто желая утаить свои мысли:

— Мнѣ очень хочется побывать въ Петербургъ..... Я такъ люблю Петербургъ..... Еще одинъ разъ взглянуть на монастырь, только одинъ разъ, и потомъ я была бы спокойна..... Ахъ, если бы свидѣться съ Олинкой!.....

— Мнѣ приходятъ иногда несбыточныя мысли, продолжала она, возвысивъ голосъ и обращаясь ко мнѣ съ печальною улыбкою: я мечтательница!

— Ваши мечты, я думаю, осуществить очень не трудно, замѣтилъ я.

— О, напротивъ!

— Ваша матушка, я знаю, не отказала бы доставить вамъ это удовольствіе, если бы только.....

Я не смѣлъ кончить. Она тяжело вздохнула.

— Я скоро не отъ нея буду зависть.

— Что это значитъ?

Она потупила взоры, вся вспыхнула, произнесла едва слышно:

— Я обручена.

При этомъ словѣ я отступилъ назадъ.

— Развѣ еще маменька не говорила вамъ объ этомъ? спросила она съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— А вашъ женихъ?..... возразилъ я недовѣрчиво.

— Онъ здѣсь. Вы его вчера видѣли.....

Она не могла скрыть внутренняго волненія. Ея голосъ дрожалъ.

— Его?..... Тотъ господинъ съ рыжими бакенбардами, который сидѣлъ за чайнымъ столомъ?

Она поникла головой и прислонилась къ стѣнѣ. Я

стоялъ какъ обезпамятѣвшій отъ удара, и покраснѣлъ до ушей, чувствуя, что оскорбилъ ее.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ господствовала тишина. Я пришелъ въ себя, но всё-еще не въ состоянн былъ поправить моей невольной грубости, и отъ досады кусалъ губы. Будущее этой дѣвушки, рѣшенное повидимому указомъ матери, развивалось передо мной во всей неумолимой послѣдовательности.

— Такъ Олинька ведетъ разсѣянную жизнь? заговорила она съ простосердечіемъ ребенка, но въѣсть, казалось мнѣ, и съ желаніемъ затушить прежній разговоръ, для того чтобы вывести меня изъ замѣшательства. Она часто бываетъ на балахъ?

— Для ней не проходитъ недѣли безъ бала. Она утомлена балами. Она скучаетъ на вечерахъ.

— Неужели скучаетъ? Вы не повѣрите, какъ я желала бы видѣть ее въ бальномъ платьѣ, убранную цвѣтами!..... Она должна быть такъ хороша!

Въ эту минуту дверь скрипнула, и раздался тяжелый стукъ каблуковъ, необузданно подбитыхъ гвоздями, — издѣліе домашняго искусства. Въ комнату вошелъ женихъ Зинаиды. Она затрепетала всеми членами, и старалась скрыть эту дрожь.

Онъ подошелъ къ ней.

— Вы что-то скучны сегодня, Зинаида Петровна, сказалъ онъ съ деревянною улыбкою глупости: видно по погодѣ-съ? Вишь, снѣгъ-то валить какими хлопьями.

Сказавши это, онъ оборотился ко мнѣ съ поклономъ первобытной простоты эпохи третичныхъ вѣковъ. Присутствіе этого челоуѣка тяготило меня, но я не хотѣлъ выйти изъ комнаты; мнѣ жаль было даже на минуту оставлять съ нимъ такую милую дѣвушку. А онъ долженъ былъ скоро сдѣлаться неразлучнымъ спутникомъ всей остальной ея жизни!

Мать Зинаиды уговорила меня остаться у нихъ дня

на четыре, для того чтобы я могъ быть на свадьбѣ ея дочери. Вѣчанье назначено было черезъ два дня. Я остался. Странно: мнѣ всё казалось тогда, что этотъ бракъ не можетъ состояться.

Когда я слегка замѣтилъ старушкѣ о неравенствѣ замышленного соединенія, она перебила рѣчь мою:

— Полно-те, батюшка: чѣмъ Алексѣй Петровичъ хуже ея? Партія единственная въ нашемъ околоткѣ. Онъ сосѣдь нашъ: и ужъ такой хозяинъ! не вѣтрогонъ, не мотъ; безвыѣздно живетъ въ деревнѣ. Пять сотъ душъ незаложенныхъ; и притомъ деньженокъ понакоплено. Нынче это не случай, а благодать. Я знаю, что онъ ей теперь не нравится; но потомъ слюбится.

Минута брака близилась; Зинаида съ каждымъ мгномъ становилась задумчивѣе. Ея лице приняло выраженіе совершенно страдальческое. Блѣдная, съ слезами на глазахъ, она старалась удержать эти слезы и скрыть мученія тоски; она даже хотѣла принудить себя улыбаться.

Въ сумерки ранняго вечера, наканунѣ роковаго дня, она сидѣла за фортепіано. Я стоялъ прислонясь къ доскѣ инструмента. Трудно рассказать теперь, что я тогда чувствовалъ, потому что ея трогательная пѣсня превратила всего меня въ чувство, и въ чувство неутолимой грусти. Когда она своимъ чистымъ, соловьинымъ голосомъ пропѣла слова —

«Ея ужъ нѣтъ, мой весны!

Раздѣлся въ сердцѣ глазъ печальный.....»

о, эти выстраданные звуки, едва вырвавшись изъ ея груди, замерли въ душѣ моей! Я слышалъ стонъ ея сердца, и вполне измѣрилъ глубину ея скорби, близкой къ отчаянію. Я еще не зналъ силы ея характера, закаменнаго въ пламени вѣры! Одинъ Богъ въ тѣ минуты былъ ея утѣшителемъ; одна религія была сна-

сительницею , одно грядущее за гробомъ было ея надеждою. Въ ней было уже что-то нездѣшное , слишкомъ высокое для земли.

Вотъ отчего на слѣдующее утро , когда она стояла подъ окномъ , и опираясь рукою на стулъ , смотрѣла на церковь , я встрѣтилъ въ ея лицѣ совершенное спокойствіе , — спокойствіе жертвы передъ часомъ закланія. На ней было бѣлое платье , на головѣ бѣлая роза и бѣлый вуаль , который падалъ назадъ. Въ комнатахъ шевелились гости , на улицѣ крестьяне разметали снѣгъ отъ крыльца дома до церковной паперти ; деревянная церковь съ почернѣвшими отъ времени досками и накрытая снѣгомъ , согласовалась своимъ всегдашнимъ трауромъ съ печальнымъ торжествомъ того дня.

— Вѣдь ваши дѣла не долго задержать васъ въ Кіевѣ? спросила меня Зинаида , когда я подошелъ къ окну , у котораго она стояла. Не правда ли , вы скоро воротитесь ?

— Не позже , какъ черезъ мѣсяць , отвѣчалъ я .

— Смотрите же , заѣзжайте сюда. Я буду у маменьки. Я приготовлю письмо къ Оливкѣ. Мы съ ней уже болѣе не увидимся.

Въ этихъ словахъ было столько рѣшимости , что я вздрогнулъ.

Въ оцѣпенѣнннн стоялъ я во все время обряда. Будто сквозь сонъ видѣлся мнѣ иконостасъ и передъ наемомъ противъ алтаря толстый человекъ рядомъ съ плѣнительною дѣвушкою въ брачной одеждѣ. Помню , что , по окончаніи обряда , кивались головы съ шевелящимися губами : вѣрно то были « поздравительныя рѣчи » ; что потомъ , вокругъ меня , разверзались зілющія пропасти , и въ нихъ съ шумомъ лились пѣнящіеся потоки : вѣрно то были разинутые рты..... но наврядь-ли то было шампанское ! Далѣе ничего не помню.

Вечеромъ того-же дня, я выѣхалъ изъ села Знаменскаго въ Кіевъ, къ настоящей цѣли моего путешествія.

=

Ровно черезъ мѣсяцъ, возвращаясь оттуда въ Петербургъ именно 12 февраля, въ девять часовъ утра, я снова своротилъ съ большой дороги въ село Знаменское. Я исполнялъ волю Зинаиды, и увлеченъ былъ собственнымъ желаніемъ еще разъ увидѣть ее. Несмотря на дурную проселочную дорогу, которая должна была замедлить путь мой, въ одиннадцать часовъ я подѣхалъ къ крыльцу барскаго дома.

Выскочивъ изъ кибитки, я мигомъ сбросилъ съ себя шубу и вошелъ въ гостиную. Меня никто не встрѣтилъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышалось стенанье женщины, и смолкло. Потомъ оттуда-же раздался кашель, — страшный кашель. Я отворилъ притворенную дверь. Въ комнатѣ сидѣла какая-то старуха съ лицомъ, сведеннымъ морщинами, съ чернымъ платкомъ на головѣ. Она неутѣшно рыдала. Она шевелила посинѣлыми губами, будто разговаривая сама съ собой. То была няня Зинаиды.

Я подошелъ къ ней; она не слышала. Я взялъ ее за руку, она очнулась и устремила на меня тупой взглядъ.

— Ты не узнала меня, старушка?

— Теперь я никого не хочу знать, горемычная! Никого!..... никого! Ужъ ея нѣтъ, моей голубушки! Нѣтъ моей кормилицы! И я, старуха, пережила ее?..... И не она мнѣ закроетъ глаза?

Стонъ и всхлипыванье перерывали ея слова. Голова безутѣшной ударилась о столъ. Она была безъ чувствъ, но губы ея все шевелились.

На крикъ мой прибѣжала какая-то женщина. Отъ нея узналъ я, что, полторы недѣли тому, Зинаида

прѣвхала больная къ матери, что мужъ ея отправился за уѣзднымъ лекаремъ, что лекарь прибылъ ужь слышкомъ поздно, и что теперь всѣ на похоронахъ въ церкви. Я какъ безумный бросился въ церковь. Я непременно хотѣлъ еще разъ видѣть ее. Она сдержала свое обещаніе, думалъ я : черезъ мѣсяць я засталъ ее здѣсь !

Посреди церкви — невысокій катафалкъ , обитый чернымъ сукномъ , истертый и закапанный воскомъ. На катафалкъ — небольшой розовый гробъ безъ всякихъ украшеній : такъ желала сама покойница. Въ церкви — темнота отъ ненастной погоды, слабо побуждаемая блѣднымъ мерцаніемъ паникадилъ. Тотъ же старецъ священникъ, который, за мѣсяць, совершалъ брачный обрядъ. Простое, но раздирающее душу, пѣніе трехъ челоуѣкъ, стоящихъ на клиросѣ, смѣшанное съ воплемъ матери, распростертой на послѣдней ступеньки катафалка. Поодаль мужъ усопшей, съ слезами на глазахъ. Такова была эта картина, которая неизгладимымъ рѣзцомъ наръзалась на моей памяти. Ничтожность жизни и величавая торжественность смерти ! Брачный вѣнецъ рядомъ съ вѣнцомъ могильнымъ ! Безсильное отчаяніе челоуѣка надъ собственною его жертвою и великая воля Бога !

Никогда душа моя не теплилась чистѣйшею молитвою, никогда мысль мольбы не возносилась такъ легко въ горнія.

Служба кончилась. Наступила страшная минута. Крыша гроба зашевелилась. Я взошелъ на ступеньки катафалка. Лице усопшей не измѣнилось ; оно только рѣзче обозначилось мраморной блѣдностью и сиветою подъ закрытымъ глазами. Смерть пожалѣла еще стереть съ ней нѣжныя черты дѣвственной неспорочности. Такъ лежитъ на лугу наполовину увядшій цвѣтокъ, который коса подрѣзала вчера. Свѣтлая улыбка озаряла уста ея. Зинаида, казалось, была счастлива въ этомъ гробѣ ; по-крайней-мѣрѣ счастливѣе чѣмъ

въ своемъ домѣ на землѣ. Я съ благоговѣніемъ прикоснулся къ ея холоднымъ устамъ.

Когда гробъ стали опускать въ могилу, когда запыли — *Со святыми упокой*, въ отдаленіи послышался раздирающій вопль. Невольный ужасъ оледѣнилъ всѣхъ. Пѣніе недоконченное смолкло. Мы обратились въ ту сторону, откуда раздавались эти страшные крики.

Къ могилѣ, задыхаясь и размахивая руками, бѣжала старушка-няня. Она, съ силою, которую даетъ только изступленіе, растолкала народъ, и остановилась на самомъ краю могилы.

— Не смѣйте, не смѣйте зарывать ея! кричала она дикимъ голосомъ. Откройте гробъ, сбросьте крышку! Дайте мнѣ одинъ разъ, одинъ разочекъ, взглянуть на мою голубушку! О, какъ ей будетъ душно тутъ, какъ ей здѣсь тѣсно!..... Заройте меня вмѣстѣ съ нею! Мое милое дитятко!.....

Вътеръ развѣвалъ разтрепанные сѣдые волосы, вырывавшіеся изъ-подъ платка. Она стонала и рвалась въ могилу. Ее оттащили.

Гробъ былъ опущенъ.

Въ десятомъ часу вечера я уже летѣлъ по большой дорогѣ къ Москвѣ. Ямщикъ стоя, помахивалъ кнутомъ; у меня захватывало дыханіе отъ стремительнаго бѣга лошадей. Въ Москвѣ я не останавливался. Съ каждой верстой, которая приближала меня къ Петербургу, я становился веселѣе. Я рисовалъ въ своемъ воображеніи улыбку, съ какою встрѣтитъ меня Олинька, или, если угодно, Ольга Владиміровна. Я видѣлъ издали ея личико, подернутое томною блѣдностью печали; ея милейную грудь, стѣсненную вздохами и трепещущую при ужасной вѣсти о кончинѣ милой подруги и, быть-можетъ, немного при видѣ меня послѣ долгаго отсутствія.

Я, во всю дорогу, обдумывалъ мой страшный раз-

скажъ о Зинаидѣ въ брачномъ вѣнцѣ и о Зинаидѣ -- въ гробу.

У Олинки такое доброе, такое нѣжное сердце! Она такъ ее любить! Сказать ей, коротко, что Зинаида умерла, — да это значить убить ее!..... Я положилъ постепенно приготовить ее къ роковому извѣстію.

Въ восемь часовъ вечера, семнадцатаго февраля, я уже былъ на своей квартирѣ въ Петербургѣ. Не чувствуя усталости отъ дороги, я мигомъ переодѣлся и поѣхалъ къ Р — вымъ. Весь этажъ ихъ дома былъ освѣщенъ; у подъезда стояли кареты.

Съ тресетомъ сердца бѣжалъ я по лѣстницѣ.

— Ахъ, ужъ вы и позволили воротиться изъ деревни, сударь, скоро слетали! А у насъ сегодня танцуютъ. Кстати пожаловали.

Такъ говорилъ старикъ-слуга, снимая съ меня шинель.

Вхожу въ залу. Мои грезы сбылись на яву: Олинка танцуетъ съ конногвардейцемъ! У этого челсвѣка усы стали еще страшнѣе. Зато она какъ похорошѣла! Она такъ весела! Она такъ испривторно любезна..... Съ нимъ!

Непріятно пораженный съ перваго шагу, я неловко подошелъ къ хозяйкѣ дома, ея матери. Та приняла меня со всею внимательностію свѣтской женщины. Олинка всё-еще не замѣчала меня. Я былъ оскорбленъ и взбѣшенъ. Я рѣшился отнять у нея въ ту жъ минуту эту несносную веселость, и неожиданно разразить вѣстью о смерти Зинаиды.

Кадриль кончилась. Я подошелъ къ ней.

На ея личикѣ, обращенномъ ко мнѣ, я прочиталъ только одно минутное удивленіе, которое тотчасъ смѣнилось чопорностію принужденной улыбки. Обычныя привѣтствія заставили ея губки пошевелиться.

— Я исполнилъ ваше порученіе, началъ я холодно. Письмо отдано Зинаидѣ Петровнѣ.

— Какъ вы любезны!

— Я совсѣмъ не покажусь вамъ любезнымъ, когда расскажу вамъ исторію, связанную съ этимъ порученіемъ.....

Она взглянула на меня съ любопытствомъ.

Я сталъ ей рассказывать съ тѣмъ одушевленіемъ чувства, которое должно было тронуть. Она слушала меня разсѣянно, перебиралъ вѣрть въ рукѣ и непримѣтно слѣдя взорами за усами конногвардейца.

Фортепиано забрячало, и къ ней подошелъ адъютантъ, съ улыбкою приглашая на кадрили. Она встала со стула.

По залѣ разставлялись пары. Я все говорилъ. Она уже начинала показывать нетерпѣніе.

— Еще одно, и послѣднее, слово; я не задержу васъ: вашей подруги, вашей Зинаиды, которую вы такъ горячо любили — уже нѣтъ на свѣтѣ. Она умерла, и я похоронилъ ее.

Олинъка вскрикнула:

— «Ахъ!..... *неужели?*» и картинно порхнула по паркету, вслѣдъ за адъютантомъ.

Негодование задушало меня: я разорвалъ перчатку, которую вертѣлъ въ рукѣ, и ухалъ.

Я негодовалъ два мѣсяца сряду. Въ гнѣвъ моемъ на вѣтренность, на холодность, на жестокосердіе Олинъки, я рассказывалъ ея поступокъ моимъ знакомцамъ и знакомкамъ, и всегда съ благороднымъ отвращеніемъ къ этой дѣвушкѣ. Знакомцы, всѣ вообще, раздѣляли мое чувство. Знакомки, всѣ безъ изъятія, молчали.

Однажды рассказывалъ я поступокъ Ольги Р*** молодой графинѣ X-ой, весьма любезной и умной женщины. Выслушавъ меня со вниманіемъ, и даже съ участіемъ, она промолчала немного, и завела разговоръ о другомъ предметѣ.

Я перескочилъ черезъ этотъ предметъ, и опять возвратился къ дѣлу.

— Но, графиня, вы ничего не отвѣчали мнѣ на мой вопросъ — какъ вы находите это поведеніе Ольги Р***?

Она поправила свою креповую косынку на груди.

— Катинька! сказала она, обращаясь къ своей меньшей сестрѣ, которая вышивала въ пяльцахъ у окна: ты уже прочитала книгу, которую взяла у меня съ этажерки?..... Отдай мнѣ ее; это чужая кнпга.

— Графиня, сказалъ я улыбаясь: вы какъ-будто уклоняетесь отъ отвѣта?

— *Mais, monsieur P-f*, отвѣчала мнѣ она съ живостью, въ которой было нѣсколько нетерпѣнія: вы имѣете странное понятіе о дѣвицахъ! Какая же дѣвушка, изъ-за извѣстія о смерти лучшей своей пріятельницы, откажется отъ приглашенія хорошаго кавалера, который проситъ танцовать съ нимъ?.....

Теперь, я замолчалъ.

Съ тѣхъ поръ я уже никому не рассказываю исторіи Ольги и Зинаиды. Это въ послѣдній разъ.

II — ОВЪ.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢВЕЦЪ.

Бездомный скиталецъ, пустынный пѣвецъ,
Одинъ; съ непогодою въ споръ,
Онъ рветъ надъ бездною, пѣвучій пловецъ,
Безъякорный въ жизненномъ морѣ.
Все въ даль его манитъ невѣдомый свѣтъ;
Онъ къ берегу рвется, а берега нѣтъ.

Онъ страненъ, исполненъ несбыточныхъ думъ;
Бываетъ онъ веселъ, — ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ, — угрюмъ,
Къ гробамъ ихъ подходитъ, — съ улыбкой;
Всеобщій кумиръ ихъ ему не кумиръ:
Недаромъ безушцемъ зоветъ его мѣръ!

Онъ ищетъ печалей и всюду найдетъ;
Онъ вызоветъ, вымыслить муки,
Вмелаетъ ихъ въ сердца, а тамъ перелетъ
Въ волшебные, стройные звуки,
И самъ же; обманутый ложью своей,
Безумно ей врѣтъ и плачетъ надъ ней.

Мѣръ черный бранитъ онъ, и громы со струнъ
Срываетъ безсмертною дланью:
Мѣръ ловитъ безвредно словъ пышный перуны, —
Т. XXI. — Отд. I.

Доволенъ прекрасною бранью;
 Ему для забавы кидаетъ пѣвецъ
 Потѣшное пламя на мраморъ сердець.

Предъ дѣвой — застенчивъ: онъ милой своей
 Не смѣетъ смутить разговоромъ;
 Онъ, робкій, трепещетъ приблизиться къ ней,
 Коснуться къ ней пламеннымъ взоромъ;
 Святое молчанье смыкаетъ уста;
 Кипучая тайна въ груди заперта.

А если признаемъ языкъ задрожить:
 Пѣвецъ не находитъ напѣва;
 Нестройная буря изъ устъ излетитъ
 И вздрогнетъ волшебная дѣва, —
 И, трепетный ангель, сквозь пламя и громъ
 Учится, махнувъ опаленнымъ крыломъ.

Захочетъ ли дружбѣ тогда протянуть
 Страдалецъ безбрачную руку, —
 На чью упадетъ онъ отверзтую грудь?
 Родной всему свѣту по звуку,
 Онъ тонетъ въ печальномъ избыткѣ связей,
 И нѣтъ ему друга, хоть много друзей.

Враговъ онъ находитъ, но это рабы, —
 Завистниковъ рой безнокойныхъ!
 Для жаркихъ объятій кровавой вражды
 Враговъ ему нѣту достойныхъ.
 Одинъ, — разрушитель всѣхъ собственныхъ благъ, —
 Онъ самъ себя въ мѣрѣ достойнѣйшій врагъ.

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

ВОСПОМИНАНИЕ

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА.

=

Я помню, въ дѣтскія онъ лѣта
 Ужь съ «Музой» важною игралъ,
 И отрокъ, съ думою поэта,
 Науку пѣсенъ заучалъ.
 Я знаю, Граціи слетали
 Къ нему, оставя эмпирей,
 И невидимками гуляли
 Съ царемъ цѣвницъ, въ садахъ Царей.
 Тамъ, уклонясь въ густыя тѣни,
 Дѣтя, ихъ сердцемъ узнавалъ,
 И къ нимъ чело свое въ колѣни,
 И беззаботно засыпалъ, —
 А рокъ его подстерегалъ!

Еще мнѣ памятенъ тѣ лѣта,
 Та радость Русскія земли,
 Когда къ намъ юношу-поэта
 Камены за-руку ввели,
 И онъ, нашъ вѣщій, про Руслана,
 Про старину заговорилъ,
 И въ немъ поэта-великана
 Пѣвецъ Фелицы обличилъ*.
 Какъ дружно вдругъ его напѣвы,
 Какъ пышно хлынули рѣвкой,
 Порой срывая сердце дѣвы,
 Потомъ мутя души покой
 Какъ чаръ волшебныхъ обаянья;
 И шумъ заслуженныхъ похвалъ,

* Державинъ, прочитавши первые стихи Пушкина, сказалъ С. Т.
 А — у: «Вотъ кто замѣнить Державина!»

*

Молву и громъ рукоплесканья,
 Слѣдя свой дальній идеаль,
 Поэтъ летучій обгоняль, —
 А рокъ его подстерегалъ!

Какъ часто роскошью пирушки
 И лучшимъ гостемъ пировымъ
 Бывалъ кудрявый, смуглый Пушкинъ!
 Не такъ бокаль, воспѣтый имъ,
 Отсвѣчивалъ звѣздащей влагой,
 Какъ въ заревыхъ свонхъ лучахъ
 Поэтъ умомъ сверкаль въ рѣчахъ,
 Скропленныхъ солью и отвагой.
 Когда жъ вскипалъ страстей огнемъ,
 Онъ пылокъ былъ, Оттело истый:
 И живо обличались въ немъ
 Прямоты Африки огнистой.
 Но вихоръ скоро пролеталъ,
 И онъ опять смиренъ бывалъ.
 Стѣсненный «свѣта» пышной рамой,
 Поэтъ душою взнывалъ,
 Негодовалъ злой эниграммой,
 И горько дружбу проклиналъ;
 А между-тѣмъ на лакъ паркета
 Со всею пылкостью поэта
 И самъ съ толпою поспѣшалъ.
 Но въ блескѣ роскоши, средь нѣги
 Ужъ въ головѣ его «Онѣгивъ»,
 Какъ плодъ подъ тучей созрѣвалъ, —
 А рокъ его подстерегалъ!

И вотъ изъ сѣверной Пальмиры
 Онъ бурей жизни унесенъ.
 Непрочность благъ узналъ и онъ!
 И зазвенѣли струны лиры
 Подъ искушенной рукой

Какой-то сладостной тоской.
На темя стараго Кавказа
Его взвела все та жъ тоска,
И дивной прелестью разказа,
Въ которомъ будетъ жить Кавказъ,
Онъ упонгъ, разнѣжилъ насъ.
И древній блескъ жилища хана
Затмилъ онъ блескомъ юныхъ душъ :
«Бахчисарайскаго фонтана»
Не смолкнетъ долго, долго шумъ !
Есть безпредѣльность : улеглася
Она, холмовъ обнявши цѣпь ;
Какъ пѣснь, какъ дума развилася
Ковыльная, сѣдая степь.
Какъ шелковисты тамъ долины !
Какія чудныя картины
Тамъ путникъ видпть подъ луной
Въ часы, какъ бѣлые туманы
Лобзаютъ древніе курганы ,
Плывя то моремъ , то степной !
Вдругъ слышишь въ тишинѣ ночной,
За чашей свѣжаго бурьяна ,
Трещать огни кругомъ кургана :
Друзья! то «стараго Цыгана»
Кочуетъ пестрая семья :
Туда леталъ душею я!
И часто на степяхъ Кагула
Мнѣ пѣла пѣсни «Маріула», —
И вамъ знакома пѣснь ея :
Цѣпной медвѣдь, кони, телбги,
Вся эта жизнь безъ узъ, безъ нѣги,
Давно вамъ стала какъ своя.
Тамъ и воздушная Земѣра,
Какъ призракъ, какъ мечта гостить :
Какъ сладко Пушкина намъ лира

Пропѣла весъ Цыгановъ быть !
 Ахъ, эту дивную поэму
 Съ отсвѣтомъ жизни кочевой,
 И страстно-пылкую Зарему,
 Чье сердце не сліло съ собой?
 Нашъ Чайльдъ-Гардльдъ, любя Тавриду,
 Въ «волнахъ зеленыхъ», изъ-за скаль,
 Подстерегалъ намъ «Неренду», —
 А рокъ его подстерегалъ !

Своей Итакъ возвращенный,
 Нашъ другъ, нашъ юный Одиссей
 Сзываетъ вновь своихъ друзей
 На день, свиданью посвященный :
 И сколько дивныхъ повѣстей
 О жизни, о бояхъ страстей,
 Онъ сдалъ друзьямъ съ души своей
 Въ разгаръ дружбы говорливой !
 Но кто-то, гость не пировой,
 Былъ сумраченъ въ семьѣ игривой ;
 Въ молчаніи помавалъ главой,
 Смѣясь разгульныхъ думъ свободѣ;
 На все враждебно онъ глядѣлъ,
*«И ничего во всей природѣ
 «Благословить онъ не хотѣлъ ;»*
 Таинственный, какъ часъ полночи,
 Онъ огнедышщія очи
 (Огонь Мельмота въ нихъ сіялъ)
 Въ поэта съ умысломъ вперялъ, —
 И что-то въ немъ подстерегалъ !

Года летѣли чередою,
 «Телѣга жизни» ходко шла ;
 Но въ душу мысль одна легла :
 Душа просилася къ покою !
 Свой идеаль, свою мечту,

Онъ разъ въ Москвѣ завѣтной встрѣтилъ
 И запылалъ, — едва примѣтилъ,
 Какъ жадно обнялъ красоту.
 Догоръ разгуломъ избалованъ,
 Онъ вмѣгъ окованъ, очарованъ
 И счастливъ сталъ и ликовалъ, —
 А рокъ его подстерегалъ!

И вотъ, отъ бурь уступененный,
 По «сдѣлкѣ съ жизнью мировой»,
 Поэтъ, отецъ и мужъ почтенный,
 Онъ могъ бы задремать душой:
 Его душа не задремала.
 Бытописанія зари
 Надъ нимъ прекрасная играла,
 И разъ, о предкахъ говоря,
 Его намъ муза рассказала,
 Что онъ потомокъ Аннибала,
 Слуги Царя-Богатыря.
 Такъ онъ, всё съ твми же струнами,
 Всё вдохновеніемъ горя,
 Всё росъ талантомъ между нами;
 И въ грядущъ Русскаго Царя,
 Являлся нашихъ дней Баяномъ.
 Но адъ ужъ пьетъ одна стрѣла,
 Разставшись съ гибельнымъ колчаномъ:
 Ее таинственно взяла
 Рука обвитая туманомъ.
 Какъ многого, за дань похвалъ,
 Въ его полуденныя лѣта,
 Отъ бытописца и поэта
 Еще край Русскій ожидалъ!
 Но рокъ его подстерегалъ!

И подстерегъ творца «Полтавы»
 Тотъ рокъ враждебный, рокъ лукавый.

Ахъ, сколько дара, сколько славы
 Взяла минута тутъ одна!
 Мы смотримъ, — всё глазамъ не вѣря, —
 Ужель народная потеря
 Такъ неизбежна, такъ вѣрна?
 Ужель ни искренность привѣта,
 Ни свѣтлый взоръ Царя-отца
 Не воскресать для насъ поэта?
 Теперь, не лапы для вѣнца,
 Несите кроткую молитву:
 Друзья! онъ кончилъ съ жизнью битву;
 Едва-ль о жизни онъ вздохнулъ,
 Сжалъ руку дружбѣ..... и уснулъ
 Какимъ-то сномъ отрадно-сладкимъ.
 Теперь онъ тамъ, чтобъ снова быть:
 Былыя здѣсь ему загадки
 Тамъ разгадаютъ, можетъ-быть!

Могила свѣжая холмится
 Подъ легкой, ледяной корою;
 Ночнаго мѣсяца игрой
 Хрусталь холодный серебритъ,
 И строй воздушныхъ Бардовъ мчитъ,
 Тѣней и звуковъ высь полна.
 Но что тамъ ярче чѣмъ луна
 Вершину холма освѣтило?
 То пѣснь поэта! То она
 Горитъ надъ ранскою могилою!
 Не плачь, растерзанный отецъ:
 Онъ лишь смѣнилъ существованье;
 Не умирая, какъ преданье,
 Живутъ поэты для сердець.
 Какъ ни свята тоски причина,
 Не стуй за такого сына:
 Снъ для | осси не умреть!
 Теперь ужъ рокъ, изъ вѣроломства,

Пяты Ахилла не стрезеть :
Въ защитной области потомства
Поэтъ безсмертенъ, — и живетъ !

БЕДОРЪ ГЛЕНКА.

КУРГАНЪ.

Степь, — песокъ да трава,
Небеса да земля ;
Ни ползвка кругомъ, —
Пустота, тишина.
Только вихрь съ ковылемъ
Пролепечуть порой ;
Только ястребъ съ орломъ
Пронесутся стрѣлой.
Степь, — песокъ да трава,
По краямъ — небеса,
Посрединѣ — курганъ :
Какъ съдой великанъ,
Душнымъ паромъ покрытъ,
Черной ямой обрытъ.
Кто въ курганѣ лежитъ ?
Сѣрый мраморный сводъ, —
Закопченный намѣтъ ;
Подъ намѣтомъ скелеть
Въ сизу бр юню одѣтъ ;
Щитъ съ вѣнцомъ въ головахъ,
Царскій посохъ въ рукахъ ;
Сто рабовъ при дверяхъ, —
Неподвижныхъ, нѣмыхъ,
І робовыхъ, костяныхъ ;

Въ сторонѣ , близь одра ,
 Бѣлый остовъ коня ,
 Ржавый мечъ да шоломъ ,
 Восемь копій крестомъ ,
 Чаша съ златомъ стоитъ .
 Кто жъ въ курганъ лежитъ ?
 Въ немъ лежитъ не простой :
 Богатырь иль герой
 Съ увѣнчанной главой .

Высоко и шумно, быть-можетъ, по свѣту
 Кровавой звездою надменный леталъ ;
 Громами и бурей металъ по вселенной ;
 Побѣдной десницей народы сжималъ ;
 Движеніемъ брови раскидывалъ грады ;
 Движеніемъ ока страны зажигалъ ;
 Могучей пятою прудилъ океаны ;
 Кичливой главою касался луны ;
 Пожаромъ и кровью писалъ свое имя
 Въ булатныхъ скрижаляхъ твердыни-судьбы ;
 Пожаромъ и кровью бесѣдовалъ съ міромъ.....
 То ния? — Застыло въ утробѣ земли !

Степь, — песокъ да трава ,
 По краямъ — небеса ,
 Посрединѣ — курганъ :
 Какъ съдой великанъ ,
 Душнымъ паромъ покрытъ ,
 Черной ямой обрытъ .
 Небеса, чей курганъ? —
 Урагана спроси !
 Чей курганъ, ураганъ? —
 У могилъ спроси .

А. ТИМОФЕЕВЪ.

ДВА РАЗСКАЗА

ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

=

1.

ПЛЫВННЙ АФРИКАНЦЪ.

Хетръ безъ сабли и кинжала ,
 Безъ винтовки и коня ;
 Дерзкая рука устала ,
 Рвчь, движенья безъ огня,
 А гебановое тѣло
 Изнурилось, побѣзло.

Какъ въ полдневный жаръ тростникъ
 Надъ пучиною безводной,
 Онъ безъ жалобы поникъ
 Головою благородной.
 Умирай, несчастный вождь !
 Не цвѣсти платану дважды !
 Нѣтъ росы для страстной жажды :
 Не спадеть на Сару дождь !

Други, братья-Абиссинцы !
 Помните ль ? за мною вслѣдъ
 Стаи и летали птицы
 Вражнихъ труповъ на обвдъ.
 Былъ свободный и богатый !
 Сколько крови, женщинъ, злата !
 Какъ стоялъ я высокъ !.....
 Предо мной толпа дрожала,
 Пыль съ ноги челомъ сметала :
 Это время далекодъ.

Помните ль пустыни наши ?
 Мой шатерь, мой красный плащъ,
 Изъ слоновой кости чаши,
 Гибкій дротикъ, меткій пращъ ?
 Дымъ шербета, благовоній ?
 Табуны летучихъ коней ?
 И надъ аспиднымъ челою, —
 Знакъ къ побѣдамъ путеводный, —
 Бѣлый мой тюрбанъ походный
 Съ бриллантовымъ перомъ ?

А теперь — дитя, ребенокъ !
 Грустенъ, безугъшенъ, слабъ !
 Не сорву любви пеленокъ, —
 Я — властитель! я — Арабъ!.....
 Стыдно, братья! больно, други!.....
 Но поможетъ ли мой стыдъ ?
 Сердце, въ огненномъ недугъ,
 Рвется, таетъ и горитъ.

Мать ! ты правду говорила :
 «Лучше смерть, чѣмъ жизнь въ плѣну,
 «Въ плѣнѣ стыдъ, тоска, мгила.»
 Не сказала — почему.
 Я отдался!..... Я былъ молодъ ! .
 Нравился мнѣ храбрый Россъ :
 И корабль меня въ ихъ городъ
 Огъ Балканскихъ скалъ унёсъ.

Ольга! сонъ тебя ласкаетъ !
 Сонъ, удѣлъ невинныхъ дѣвъ !
 Ты не видишь, какъ стенаетъ,
 Рыщетъ Нумидійскій левъ.
 Блескъ твоей далекой крыши,
 Сквозь окошекъ лампы свѣтъ,
 Для меня чертогъ Фетиши,
 Поклоненія предметъ.

Будь сестрою смуглыхъ братій,
Дочерью моихъ отцовъ,
Дочь вождя Московской рати!
Дѣва сѣверныхъ снѣговъ!.....
Нежный, бѣлый цвѣтъ лотоса!
Непреклоненъ стебель твой,
Хоть подножье облилося
Бурной Нильскою волной.

О, позволь же за тревоги,
Чтобъ, ручной, послушный тигръ,
Я хранилъ тебя въ дорогъ,
Сторожилъ тебя средь игръ!
Позабуду голосъ славы,
Усыплю чувствъ ураганъ,
Головой моею кудрявой
Преклонясь къ твоимъ ногамъ.

За тобой въ день незидинкой,
Темный, пусть ношуся я:
Скажешь, рѣзвая блондинка,
«То не онъ! То тѣнь моя!»
Пусть я буду въ ночь съ тобою:
Страшенъ ли тебѣ испугъ?
Черный, я солюся съ тною, —
Добрый, но незримый, духъ.

Радостно снѣга, морозы,
Обнаженною стопой,
Будто ландыши и розы,
Стану я топтать съ тобой.
Можетъ-быть, мятель и выюга
Сердце бѣдное спасеть,
Охладить огонь недуга,
Или душу унести!.....

Любишь ты рѣки теченье:
 Знаю я держать весло;
 Пусть бы тихое стремление
 Насъ далеко унесло,
 Въ край воздушный, благотворный,
 Гдѣ смѣшался съ твоею свѣтъ!
 Гдѣ межъ Бѣлою и Чернымъ
 Нѣтъ границъ, различья нѣтъ!

Но напрасны стонъ и мука:
 Умирай несчастный вождь!
 Не услышишь ласки звука,
 Не спадеть на Сару дождь!
 Не подь пальмой, — подь берѣзой
 Ляжешь ты, окончивъ вѣкъ;
 И засыплетъ очи, слезы
 Не песокъ родной, а снѣгъ.

2.

ДВА КРЕСТА ВЪ ВАЛАХИИ.

Собрался на бой Стануй
 И пришелъ съ извѣстьемъ
 Къ черноглазой Деспѣ,
 Къ молодой невѣстѣ.
 И сказалъ ей: «Поцѣлуй!
 «Можетъ-быть, я съ тобой
 «Разстаюсь навѣки.
 «Какъ трава подь косой,
 «Такъ у смерти подь рукой
 «Въ битвѣ человекъ.
 «Гдѣ коса хоть разъ пройдетъ,
 «Рѣдко тамъ цвѣтокъ растеть.....
 «Но твои молитвы
 «Мнѣ ограда въ битвѣ!»

И она изнемогла,
Молвить слова не могла.
Подивитесь люди:
Хочет плакать, — но, ах!
Прахъ горячій въ очахъ.
Изъ стѣсненной груди,
Слезки не добудеть!
Хочетъ говорить: языкъ,
Издастъ невнятный зыкъ,
Горя рвчь измую!
Зарыдала наконецъ,
Покатилась какъ мертвецъ
На руки къ Станую.

Пробудилась на бѣду!
На ременномъ поводѣ
Конь вблизи играетъ;
Роетъ пыль ногами, ржетъ,
Гнѣвно удила грызетъ,
Зазываетъ въ походъ,
Долгъ напоминаетъ.
«Десна, время!.....» А самъ
Задрожалъ..... Но глазамъ
Плакать не далъ волн:
Въ сердцѣ мужескомъ стѣснилъ,
Одолгъ, затаилъ
Разставанья боли.
Метко въ стремя шагнулъ,
Ловко соколомъ вспрыгнулъ
На коня гнѣдова;
Покрутилъ гордо усъ,
И сказалъ: «Ворочусь!
«Будь, мой другъ, здорова!»

Съ горькимъ воплемъ она
Ухватила коня

За мундштукъ блестяшій.
 «Господинъ мой, женихъ!
 «Поклянись въ этотъ мигъ
 «Богомъ, съ неба зрящимъ,
 «Что, убитый, иль живой,
 «Ты придешь въ край родной,
 «Ты, ко мнѣ, несчастной!»

Женскій разумъ! А онъ
 Думалъ долго..... Потомъ
 Руку правую съ крестомъ
 Къ небу подиалъ твердо.
 Громко молвилъ: «Клянусь!.....
 «Ворочусь! ворочусь!
 «Иль живой иль мёртвый!»

Слышать умной жеребець
 Въ чемъ поклялся боець, —
 Застоналъ какъ буря.
 Крикнулъ, гаркнулъ съдокъ, —
 Конь въ шесть сажень далъ скокъ,
 И исчезъ какъ пуля.

На Рущуцкихъ поляхъ
 Борются дѣъ рати:
 Турки въ фесахъ и чалмахъ;
 Москали въ киверахъ, —
 По Христу, намъ братья.
 Рать Османская пестра,
 Какъ крылатый змѣй быстра,
 Кривы ихъ булаты.
 Будто тополь исполинъ,
 Всѣ одинъ подѣъ одинъ
 Русскіе солдаты.
 Какъ ежѣвыя иглы
 Святятъ ихъ штыковъ углы;

На лафетахъ пушки,
Требуютъ пирушки.

Поднялася пыль столбомъ!
Конь слетѣлся съ конемъ,
Пѣшій съ пѣхотинцемъ:
Каждый друга цѣловаль, —
Вынулъ саблю, взнесъ кинжалъ, —
Угостилъ гостинцемъ!
А съ Валахами Стануй,
Какъ потокъ весеннихъ струй,
Мчится, топить, губить:
Молодецъ бой любить!
Мусульманамъ кровный врагъ,
Онъ оспорить каждый шагъ;
Онъ въ Московской рати,
По Христу, намъ братій!

Какъ отъ бури легкой пухъ,
Вспять во весь помчались духъ
Делясы и спаги.
Заломивъ кивера,
Русской грянулъ: «Ура!» —
Го! го! го! — Валахи.

Втоптанъ въ грязь мусульманъ.
Вотъ между хрестіанъ
Сладкія свиданья,
Пиръ и добызанья.
Честенъ бранный поцѣлуй!.....
Гдѣ жъ Валаховъ вождь, Стануй?
Тщетны ожиданья!
Ищутъ. Нѣтъ его какъ нѣтъ!
Видно, чтобъ сдержать обѣтъ,
Отбылъ онъ къ невѣсть,
Горемычной Деспѣ.

А тѣмъ временемъ , она
 День и ночь сидитъ одна,
 Смотритъ на дорогу,
 И молится Богу.
 Вдругъ вдали что-то тамъ
 Зачернѣлось, какъ вранъ,
 Точкою подвижной :
 Вотъ всё больше , ближе.....
 «О Пречистая Мать!»
 И стремглавъ она встрѣчать
 Побѣжала друга,
 Въ трепеть , въ испугъ.

Доскакалъ конь гнѣдой,
 Опъенный , худой , —
 А въ седлѣ Стануй молодой.
 Онъ вкругъ конской выи
 Руки обвилъ , виситъ,
 И , припавъ къ гривѣ спитъ , —
 Какъ не спать живые !.....

И на шеѣ жеребца
 Кровь изъ груди бойца
 Запеклась кусками.
 Деспа всё поняла !.....
 Въ хладныя впилась уста
 Жаркими устами ;
 Вскрикнула , — и умерла !.....
 Вмѣстѣ ихъ зарыли,
 Два поставили креста,
 Въ память грустной были.

Е. ВЕРНЕТЪ.

ЗАЗЫВЪ**КЪ МОЛОДОМУ ПОЭТУ.**

=

О, зазвучи, защелкай, задроби!
 И, погрузясь въ предвѣчную стихію,
 Какъ флейта пой, какъ звучный рогъ, труби!
 Излейся весь въ святую мусицію!
 Иставай, роскошничай, люби!

Люби, мой другъ, Изящное одно,
 И такъ люби, чтобы та любовь святая
 Была въ тебѣ какъ прочное звѣно
 Съ отрадами божественнаго рая,
 Гдѣ будешь ты и гдѣ ты былъ давно.

Изящному отдай свои уста;
 А если мы смиренны, сердцемъ новы,
 То что для насъ, поборниковъ креста,
 Въ безбрежности изящнѣй Игбвы,
 И на землѣ изящнѣе Христа?.....

Люби же, другъ, Изящное одно;
 Упейся имъ и, сердце въ немъ летя,
 Влেকись туда, гдѣ царствуетъ Оно, —
 И будетъ все какъ влагою эдея
 Въ твоей душѣ тогда умашено.

Зови Его, мольбой къ себѣ зови!
 Его красы въ летучемъ вдохновеньи
 Какъ щедрый даръ заботливо лови,
 И сберегай, и въ тепломъ умиленьи
 Люби ты ихъ всей полнотою любви.

Уединись , восторгнись , и создай
 Изъ тѣхъ красотъ Изящества святаго
 Особый міръ , особый дивный край,
 И въ томъ краю начни объ немъ же слово, —
 Залейся другъ , защелкай , заиграй !

И будутъ всѣ мелодіи твои
 Живительны какъ жаждущему воды,
 Ясны какъ день , игривы какъ ручьи,
 Смѣлы какъ львы , цвѣтны какъ хороводы,
 И рѣскошны какъ грезы въ забытїи.

Начнешь ли ты на арфѣ золотой
 Проображать въ аккордахъ сладкогласныхъ
 Всю красоту невинности святой,
 И миръ души , и рай восторговъ ясныхъ
 Въ зарѣ надеждъ рожденныхъ чистотой, —

И чистая , внимая тѣмъ словамъ,
 Оцѣнитъ ихъ святынею разсудка ;
 И , обративъ головку къ небесамъ,
 Съ улыбкою промолвить какъ малютка :
 «Онъ мнѣ родной , я съ нимъ увижусь тамъ !»

Или , мой другъ , заговоришь ли ты,
 Какъ сладостно , всѣ чувства умягчал,
 Смотрѣть на все скеозъ призму простоги,
 И всѣхъ любить , какъ любить молодая
 Изъ милыхъ устъ услышанное ты, —

И говоръ твой невѣсту усладить :
 Красавица отъ счастья заалтеть,
 И жениху въ любви проговорить :
 «Мой милый другъ , какъ онъ любить умѣеть !
 «Какъ рѣчь его таинственно живить !»

Или опять , торжественно взлетя
 На высоту державнаго мышленья,

И рѣя тамъ , в царственно блестя,
Изложишь ты свои соображенья
Перомъ какъ мужъ , а сердцемъ какъ дитя, —

И тотъ , кто здѣсь лѣтамп убвлѣнъ,
Почтительно на свитокъ тотъ укажетъ,
Гдѣ ты чертилъ для разума законъ,
И кровному въ желаньи блага скажетъ:
«Мой добрый сынъ , ты мысли такъ какъ онъ!»

Какъ дивный жрецъ ты станешь предъ Творцомъ,
И запоёшь о сторонѣ родимой ;
И будешь ты пльнительнымъ певцомъ,
И съ лаской мать для дочери любимой
Твой сбразъ чувствъ поставитъ образцомъ.

Ты слышишь? Мать !..... А кто же какъ она
И любить такъ , и такъ умно умѣетъ
Хорошія засѣять сѣмена ?.....
Да ! Вотъ хвала , которая согрѣетъ
Тебя въ твои сѣдмѣ времена.

И такъ , Творцу ты посвати уста,
И для плотскихъ , плотское улажая,
На струны ты не налагай перста,
Но стань для всѣхъ предвѣстникомъ ты рай , —
А рай души исходитъ изъ Христа !

Воспой же , другъ , Изящное одно, —
И радужно заблещетъ благодатью
Созданье то ; и будетъ скрѣплено
Алмазною безсмертія печатью, —
И для земли не отцвѣтѣтъ оно !

В. СОКОЛОВСКИЙ.

ВУЛКАНЪ.

=

Какъ мрака грозный духъ, какъ ангелъ истребитель,
 Вознесишь къ небесамъ ужасной головой,
 Красуется вулканъ, земли опустошитель,
 Одѣтый каменной броней въковой.
 Молчить! Но на чель его крутятся думы;
 Закрались въ грудь его, и сердце жгутъ собой;
 И тяжело застоналъ отъ нихъ гигантъ угрюмый,
 Вздохнулъ, и дымъ потекъ изъ усть его рѣкой.
 И вздрогнула зѣмля отъ вздоха роковаго,
 И отзвукъ прометель по дальнимъ небесамъ;
 И море, въ ужасъ, отъ берега роднаго,
 Отхлынувши, сплзши къ спокойнѣйшимъ странамъ;
 И туча стразъ взвилася надъ горою,
 И мрачный свой покровъ раскинула; и вдругъ
 Природа замерла могильной тишиною:
 Надъ блѣдною землей простерся смерти духъ!

Вновь дымъ за клубился. Вулканъ задрожалъ,
 И злобою адской чело заблестало;
 И камни и пепель вокругъ разметалъ,
 И грянулъ громами, что твердь застонала;
 И брызнули грозно каскады огней,
 И даль озарилась багровымъ ихъ блескомъ.
 При факелахъ смерти царь грозныхъ смертей
 Ихъ радостно встрѣтилъ пенстовымъ плескомъ.

И лаву красную порывистой рѣкою
 Онъ пролилъ, и она вокругъ его чела
 Промчалась, обвилась огнистою дугою,
 И смертной язвою на землю потекла
 И жизнь предъ ней бѣжить, за нею разрушенье;
 Вклеимся слѣдъ ея глубоко въ грудь земли,

И тухнуть красота долинъ какъ сновидѣнье :
 Тамъ пепель, гдѣ лѣса лавровые цвѣли.
 И люди въ трепетъ спѣшатъ искать спасенья, —
 Отчаянье въ груди, — безуміе въ очахъ, —
 И замеръ на устахъ вопль горя, вопль жоленья
 И душу оковалъ внезапный смерти страхъ.

Сильнѣе грянулъ громъ; дымъ гуще за клубился ;
 И лава яростнѣй, стремительнѣй течеть,
 И пепель и камней дождь на доли опустился,
 И море темное заплывши реветъ.

Но вотъ разлетѣлись дымъ, пламя и пепель ;
 И небо вновь ясно, и море молчитъ ;
 И съ радостью злобной вновь грозенъ и свѣтелъ
 Вулканъ огнеметный на землю глядитъ.
 Нѣтъ прежняго жара въ груди охладѣвшей !
 Затихъ отъ безсилья ! нѣтъ думъ на чель !
 Недавно, весь пламя, — такъ страшно гремѣвшій
 Теперь лишь курится въ потухшей золи.

КНЯЗЬ Д. ПРОПОТКИНЪ.

МИГЪ.

Моря блескъ багрово-алый ;
 Ночи сонной тишина :
 Какъ въ раю волшебномъ Аалы !
 Въ небѣ синемъ зажжена
 Златорогая луна.

Межъ собою шепчуть волны :
 «Бѣгъ куда бѣ намъ направлять ?

«Затопить рыбачьи ль чёлны?
 «Или берегъ подмывать?
 «Или ирежи заплескать?»

Межъ собою шепчуть люди:
 «Намъ кого бь оклеветать?
 «Чьи сразить измѣной груди?
 «Иль по дружбѣ разтерзать?....
 «Иль за сребренникъ предать?»

Волны ирежи заплескали,
 Затопили утлый чёлнъ,
 Берегъ мирный подорвали;
 Но затмился небосклонъ, —
 Вѣтеръ всталъ, — и нѣтъ тѣхъ волнъ!

Другъ на друга клеветали
 Люди много — много дней,
 Предавали и терзали,
 И друзей и недрузей:
 Мигъ, — и нѣтъ ужъ тѣхъ людей!

Л. ЯКЪВОВИЧЪ.

РЪЧКА.

=

Давно ли рѣчка голубая,
 Давно ли ласковой волной
 Мой чёлнъ привольно колыхая,
 Владѣла ты, источникъ рая,
 Моей блуждающей судьбой?

Давно ль съ безпечностію милой
Въ благоуханныхъ берегахъ,
Ты влагу ясную катила,
И отражать меня любила
Въ своихъ задумчивыхъ струяхъ?.....

Теперь, печально пробѣгая,
Ты стонешь въ сумрачной тиши,
Какъ стонетъ дѣва молодая,
Пролетной призракъ обнимая
Своей тоскующей души.

Увы, твой ропоть заунывный
Понятенъ мнѣ! Онъ — ропоть мой.
И я пою послѣдні гимны!
И твой потокъ гостепріимный
Кроплю прощальною слезой!

На утро пурпурной зарею
Запышетъ небо; берега
Блеснутъ одеждой золотою;
И благотворною росою
Закаплютъ рощи и луга;

Но водъ твоихъ на лонѣ мутномъ
Все будетъ пусто!..... Лишь порой,
Носась полетомъ безпріютнымъ,
Ихъ гостемъ посвятить минутнымъ
Журавль, пустынникъ кочевой.

О, гдѣ тогда осиротѣлый,
Гдѣ буду я! Къ какимъ странамъ,
Въ какіе чуждые предѣлы,
Мчатъ будетъ гордо парусъ смѣлый
Мой челнъ по скачущимъ волнамъ?.....

Но гдѣ бъ я ни былъ, сердца дани —
Тебѣ одной. Черезъ даль морей

Я на крылахъ воспоминаній
 Явлюсь къ тебѣ, пріютъ мечтаній,
 И мукъ, и благъ, душа моей!

Явлюсь, весь въ думу превращенный
 На берега твоихъ зыбей,
 Въ обитель дѣвы незабвенной;
 И тихо, странникъ потаенной,
 Невидимымъ приникну къ ней;

И неподвластный злымъ укорамъ,
 Я облеку ея собой,
 Упьюсь ея стыдливимъ взоромъ,
 И вдохновеннымъ разговоромъ,
 И гармонической красой;

Ея, — чья прелесть — увлеченье,
 Свѣтла, небесна и чиста,
 Какъ чувство ангела, въ моленьѣ,
 Какъ непорочныхъ сновидѣнье,
 Какъ юной Грація мечта!

Д. ДАВЫДОВЪ.

ВИДѢНІЕ ДѢВУШКИ.

Весенней ночью благодатной,
 Я какъ-то вышла на крыльцо.
 Прохладной вѣтерокъ пріятно
 Мнѣ дулъ въ горячее лицо.
 Казалось, облака бѣжали
 На споръ, одни другихъ скорѣй;

Фигуры чудныя играли
Въ волшебномъ неба фонарѣ.
Луна, красавица ночная,
На землю серебро лила;
И какъ царицу провожая,
За нею купа звездъ текла,
Въ ту ночь все было чрезвычайно
Въ подзвѣздной міра высотъ;
И я завидовала тайно
Ея небесной лѣпотѣ.
Съ вниманьемъ жаднымъ устремля
Я на счастливицу свой взоръ
И, вдохновенная, вступила
Въ безмолвный съ нею разговоръ.
«Луна, полночная царица!»
Мечтая такъ я начала:
«Ахъ, здѣсь ли можетъ что сравниться
Съ красою твоего чела?
Одна сія межъ звездами,
Ты затмѣваешь ихъ собой;
Твоими бѣлыми лучами
Сводъ неба красенъ голубой;
И смертныхъ родъ тебѣ сплзтастъ
Нельстивыя, Луна, хвалы;
Тебя скрыть туча не дерзаетъ,
Какъ доблесть — зависти хулы.
Ты — несчастливцевъ обожанье:
Они, какъ друга, ночью ждуть
Твое жемчужное сіянье,
И въ немъ мечты ихъ вновь цвѣтутъ.
Тебѣ, въ воздушномъ звездномъ полѣ,
Нѣтъ ни соперницъ ни враговъ;
На небесахъ, какъ на престолѣ,
Въ сіяньи тысячи міровъ,
Въ пучинѣ облачнаго моря,

Какъ въ зыбкѣ милое дитя,
Не знаешь ты земнаго горя,
Не тронетъ злость людей тебя.
Тамъ, гдѣ твое граничить царство,
Все тамъ прекрасно и свѣтло :
Ни лести, ни мщенье, ни коварство
Не омрачатъ твое чело.
Друзей, подругъ, ты не ищешь :
Мы ли 'достойны чувствъ твоихъ ?
Обмановъ ты не разумѣешь :
Ты выше нашихъ золь земныхъ.
Страстей борьбы не понимаешь,
Ни гибельной любви огня ;
Въ разлукѣ съ другомъ не страдаешь.....
О, какъ ты счастлива, Луна !»
Умолкла я. Она бросала
Свое сіянье мнѣ на грудь ;
Я мѣла, — будто ожидала
Чудеснаго чего-нибудь.
Все дивно вдругъ одушевилось, —
Предстало въ радужномъ вѣнцѣ, —
И сердце сладостно забилося ,
Воспламенилося лице.
Казалось, мягкими крылами,
Меня невидимый обнялъ ;
Казалось мнѣ, подъ облаками,
Мой духъ восторженный леталъ
И всю меня свѣтъ злато-ясный,
Непзьяснимый, окружилъ,
И голось нѣжный и прекрасный
Мнѣ изъ луны заговорилъ :
«Зачѣмъ ты, дѣва молодая,
Моей завидуешь судьбѣ?.....
Когда бъ ты знала, о земная,
Какъ грустно одинокой мнѣ !

Я все открыть тебѣ желаю ;
Внимай ты жалобѣ моей :
Я не блаженствую , — страдаю ;
Я васъ несчастіе , людей.
Страданье , радость золотую,
Вамъ сладко съ другомъ раздѣлять ;
На мортъ жизни , бурю злую
Вамъ съ нимъ отраднѣй испытать.
Безъ сладкой цвѣи , безъ желанья,
Въ тиши полуночной одна,
Какъ тѣнь разрушеннаго зданья,
Безъ жизни существую я.
Какъ ночью свѣточъ погребальный
Надъ урной зыблется порой ,
Такъ блескъ лучей моихъ печальны
На землю льется въ тѣмъ ночной.
Когда жъ полудня царь прелестный
Владѣнья міра золотить , —
Незримый въ вышинѣ , безвѣстный,
Какъ со стыда мой лучъ укрыть !
Угаснетъ царь , и я скитаюсь,
Какъ гроба трепетная тѣнь,
За тѣмъ , чьимъ свѣтомъ озарюсь,
За тѣмъ , кѣмъ долу красенъ день.
Но , ахъ , напрасно я съ тоскою
За нимъ незримая гонюсь !
Девницей , дѣвой золотою,
Женихъ пѣвненъ , и на луну , —
Животворящее сіянье
Увы , презрительно лѣя , —
Не обратитъ , гордецъ , вниманья !
Не любить свѣтлый царь меня !
Напрасно блещетъ совершенство
Моей всехвальной красоты !.....
Ахъ , въ чемъ же , смертная , блаженство,

Любимицы твоей луны?»
 Тутъ голосъ съ высоты небесной
 Умолкъ; волшебный блескъ пропалъ;
 Очнулась я; но звукъ чудесный
 Еще въ ушахъ моихъ звучалъ;
 Денница небо золотила,
 Летя на резovýchъ крылахъ;
 Ея соперница спѣшила
 Скрыть лучъ ревнивый въ облакахъ.

Е. ШАХОВА.

ТОСКА МАТЕРИ.

Гляжу я уныло
 На арфу твою,
 О, другъ мой, Людмила,
 Замолкла она!
 Я жду ея звуковъ, —
 И жду не дождусь!
 Давно пснапрасну
 Привыкла я ждать.
 Когда схоронила
 Я счастье мое:
 Тогда какъ могила
 Эраста взяла, —
 Я, также тоскуя,
 Какъ долго ждала!
 Пѣвнительныхъ звуковъ
 Роднаго смычка
 Ждала, не дождалась:
 И нынче, всё жду!

Но только и слышу,
Какъ въ сердцѣ моемъ
Они раздаются,
Терзая его.
И ты, о Людмила,
Оставила мать!
Знать вамъ веселѣе
Въ небесной странѣ.
Ты тамъ позабыла
И арфу свою.
И пѣсень любимыхъ,
Теперь не поешь.
Хоръ ангеловъ Божьихъ
Плѣняетъ тебя;
И въ немъ же ты слышишь
Малютокъ своихъ.
И спутникъ твой милый
Сей жизни земной,
Въ жизнь вѣчную также
Давно тебя ждалъ;
И всѣ тосковали
Они по тебѣ, —
Творцу помолился,
И къ нимъ ты взята.
Свѣтла, беззаботна
На небѣ душа!
Не видишь какъ грустно
Мнѣ здѣсь на землѣ;
Не видишь какъ скучно
Текутъ мои дни;
Какъ сердцу родному
Была ты мила;
Какъ часто надъ арфой
Горюю въ слезахъ;
И сердце какъ поетъ,
И какъ оно ждетъ,

Не грянуть ли струны, —
Не явишься ль ты,
Не дастъ ли отрады
Мнѣ злая судьба.
Но арфа безмолвна,
А въ сердцѣ тоска!.....
Одна лишь надежда
Свѣтлеть вдали,
Что тамъ я увижу
Его и тебя.
Не арфою встрѣтишь
Ты бѣдную мать,
Не скрипкой утѣшить
Меня мой Эрастъ;
Но оба, съ молитвой
Къ Творцу вознесясь,
Помолитесь дружно
О грѣшной душѣ!

М. ДАРГОМЫЖСКАЯ.

=

П Р О З А.

И Д Е А Л Ъ.

П О В Ъ С Т Ъ .

Домъ ***скаго дворянскаго собранія великолѣпно освѣщенъ; плошки на воротахъ, плошки у подъѣзда; кареты, коляски, брички, сани везутъ цѣлые грузы бабушекъ, маменекъ, дочекъ, внучекъ, племянницъ; мужья, женихи, танцоры, игроки, недоросли, градомъ сыплются съ неба на крыльцо. Собраніе будетъ великолѣпно. Два жандарма, стоявшіе у крыльца, не успѣвали отгонять опорожненныхъ экипажей. Канцелярскіе стряхивали снѣгъ съ своихъ шинелей, артиллеристы расправляли усы и включенные волосы. Но то ли еще было въ залѣ!

Четыре люстры съ сальными свѣчами величаво спускались съ потолка; вдоль стѣнъ разставлены были диваны, крытые оранжевымъ ситцемъ съ зелеными узорами, а на передней части залы, подъ огромнымъ зеркаломъ, стояли два пунсовыхъ кресла. На хорахъ тринадцать человекъ музыкантовъ сидѣли, въ ожиданіи входа губернатора, съ поднятыми смычками, готовясь огласить залу при его вступленіи полонезомъ

изъ Русалки. Диваны были уже заняты дамами всѣхъ возрастовъ и чиповъ; статскіе смиренно расхаживали по залѣ съ круглыми шляпами въ рукахъ; кавалеристы съ нетерпѣніемъ бряцали шпорами; старики умильно кружились подлѣ разставленныхъ карточныхъ столовъ, но никто не начиналъ ни танцовать ни играть. Общество походило на огромнаго истукана, для котораго душа не была еще ассигнована. Кое-гдѣ мужчина, проходя за диванами, останавливался позади дѣвицы, и наклонясь, шепталъ ей, вѣроятно, что-нибудь очень пріятное, потому что улыбка вдругъ разцвѣтала на устахъ дѣвушки и, глядя на нее, мамелька самодовольно поправляла свой чепецъ.

Вотъ явился и крошечный прокуроръ въ огромномъ парикѣ, который уже тридцать лѣтъ вѣнчаетъ эту голову, глубокій тайникъ законовъ. За нимъ плыветь толстая прокурорша съ четырьмя дочерьми, изъ которыхъ самая меньшая головой выше своего папеньки: статскіе почтительно разступались передъ законовѣдцемъ, а нѣсколько артиллеристовъ порхнули къ его дочерямъ.

— *Mademoiselle Espérance*, вы ангажированы на мажурку?

— Ахъ, да!

— Кѣмъ?

— Мусье Сидоренко.

— Какъ я несчастливъ!

И рыцарь изъявилъ свою горестъ отрывкомъ изъ одной Русской поэмы, которой сочинитель испыталъ бы еще ббльшую горестъ, услышавши, какъ безжалостно исковерканы были его стихи.

Зала совершенно наполнилась, а танцовать всё-еще не начинали. Бьетъ десять часовъ; на всѣхъ лицахъ нетерпѣніе; но всѣ сидятъ какъ прикованные. Вотъ встѣло въ залу розовое облачко, предвѣстникъ яркаго свѣтла: это былъ городничій. Ропотъ надежды

пробѣжать по всему собранію; отъ дверей до пуно-
выхъ кресель составила широкая дорога; и глубо-
кое молчаніе воцарилось въ залѣ, какъ на морѣ тишь
передъ грозой; и музыканты ударили въ смычки; и
радостный трепетъ потрясъ молодыхъ дѣвицъ до глуби-
ны сердца; и важно вошелъ въ дверь губернаторъ, ведя
подъ руку свою величественную половину, украшен-
ную блондами, цвѣтами, перьями, ярко-малиновымъ
беретомъ и бронзовою фероньеркою, которой три ви-
сящія стеклышка качались какъ маятники надъ ея
широкимъ носомъ. При входѣ въ залу онъ вручилъ
шляпу свою канцелярскому чиновнику, который ка-
раулил этого счастья у дверей съ самаго начала вече-
ра. Губернаторъ и губернаторша продолжали шествіе.
Все склоняло головы по мѣрѣ ихъ приближенія, дамы
вставали съ мѣсто: да! вставали. Только военные
позволяли себѣ кланяться съ развязнымъ видомъ.
Важная чета опустилась на мягкія кресла; дамы окру-
жили губернаторшу и она снисходительно кивала имъ
головой, а нѣкоторыхъ съ улыбкою спрашивала даже
о здоровьѣ. Но болѣе всѣхъ суетилась пріѣхавшая съ
ней маленькая полицмейстерша, одѣтая по послед-
ней картинкѣ Московскаго моднаго журнала: по слу-
чаю отсутствія губернской предводительши, она те-
перь играла вторую роль.

— Мадамъ Бирбенко, сказала тономъ губернаторша
вертлявой полицмейстершѣ: не становитесь, пожа-
луйста, моимъ *vis-à-vis* въ кадрилихъ; я слишкомъ ка-
жусь огромною противъ васъ.

— Извольте-съ, ваше превосходительство, отвѣчала
покорно мадамъ Бирбенко.

— Скажите, *mesdames*, кто изъ васъ знаетъ, произ-
несла вновь губернаторша: увидимъ ли мы здѣсь се-
годня полковницу Гольцбергъ?

— Сомнѣваюсь, вскричала полицмейстерша: она
паритъ подъ небесами и не спустится къ нашимъ

земнымъ веселостямъ, хоть и не пропускаетъ случая пользоваться земными удовольствіями.

— Вы видно коротко знакомы съ ней? простодушно спросила се недавно пріѣхавшая помѣщица.

— Ахъ, Боже мой, да развѣ нужно быть вѣкъ знакомой, чтобъ узнать женщину! Видна птица по полету; да и слышно же что говорятъ.

— Я слышала, сказала прокурорша, что она все читаетъ книжки, и что даже мужу ея эти книжки крепко надоели; поручикъ Тарабаринъ рассказывалъ, что полковнику часто приходитъ охота бросить ихъ въ печь.

— Ахъ, татап, вы совсѣмъ не то говорите! сказала умирающимъ голосомъ старшая дочь прокурорши, поднимая свои сѣрые глаза, которыхъ, на переборъ всѣмъ стараніямъ, никакъ не могла сдѣлать томно-выразительными: насъ увѣрялъ поручикъ, что она сочиняетъ романъ, который скоро поступитъ въ печать.

— Ужъ конечно романъ нравственный! вскричала съ злобною усмѣшкою полицеймейстерша. Эти смиренницы любятъ выставять на показъ добродѣтели, которыхъ у нихъ не водится.

— Да почему же вы предполагаете въ ней скрытые пороки? произнесъ голосъ изъ толпы: я знаю давно мадамъ Гольцбергъ, и увѣряю васъ, что свѣтъ много бы выигралъ, если бы въ немъ было побольше подобныхъ ей женщинъ.

— Ахъ, Богъ мой, какое симпатическое предстательство! возразила вполголоса полицеймейстерша, и взоры ея обратились въ ту сторону съ такою яростью, что два квартальныхъ у дверей уронили со страху свои шляпы.

Въ это время вошла въ залу молодая особа лѣтъ двадцати двухъ, не красавица, но стройная, милая,

одѣтая чрезвычайно просто; ни одного цвѣтка, ни одного бронзоваго украшенія. Съ перваго взгляду можно было сказать объ ней — недурна, но второй взглядъ рождалъ желаніе всмотрѣться въ ея черты, и чѣмъ болѣе вы всматривались въ нихъ, тѣмъ неохотнѣе взоры ваши отвращались отъ этого милаго личика. Тонныя глаза ея боязливо смотрѣли изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ; въ ея улыбкѣ было что-то неизяснимо доброе, и тѣнь грусти часто мелькала на этомъ лицѣ, но принужденная веселость побуждала ее. И несмотря на эту боязнь, на эту почти дѣтскую робость, осанка ея была благородная, и даже немного гордая. Она смотрѣла вокругъ себя, какъ вѣкогда смотрѣлъ христіанинъ въ Римскомъ циркѣ на дикихъ звѣрей, трепеща отъ ихъ сверкающихъ взоровъ, отъ ихъ острыхъ когтей, но возносясь духомъ выше ихъ свирѣпости и силы, стремясь съ свѣтлою надеждою къ близкимъ небесамъ. Мнѣ грустно было смотреть на эту милую и умную женщину, рожденную украшать собою выборъ человѣчества, и которую судьба бросила въ подобное общество; грустно было видѣть эту свѣтлую поэтическую душу окруженную лдовитымъ роемъ оссъ, которыя находили удовольствіе жалить ее со всѣхъ сторонъ. Положеніе мужчины съ высшимъ умомъ нестерпимо въ провинціи; но положеніе женщины, которую сама природа поставила выше толпы, истинно ужасно.

— Ваша полковница хотѣла поразить насъ пастушескою простотою: какъ это мило! сказала полицмейстерша одному офицеру, спѣша, сколько позволяли ея коротенькія ножки, опередить госпожу Гольцбергъ, чтобы стать во второй паръ.

Безконечно тянулся польской; губернаторъ прочелся со всѣми супругами своихъ подчиненныхъ, строго соблюдая старшинство чиновъ, а губернатор-

ша со всеми офицерами. Наконецъ, по желанію ея, заиграли вальсъ.

Вальсъ, столько оклеветанный, но всё-таки любимый танцующимъ свѣтомъ! если ты гдѣ-нибудь сохранилъ свою непорочность, то это въ тѣсныхъ залахъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ ловкіе кавалеры не поддерживаютъ своихъ дамъ, но часто держатся за нихъ, чтобы не сбиться съ такту и не спутаться ногами съ слѣдующею парою; гдѣ длинныя шпоры кавалеристовъ безошадно впиваются въ женскія ножки; гдѣ запахъ полтинной помады, которою уѣздъ такъ щедро намазываетъ свои волосы, заставляетъ танцорокъ отворачивать носики и пламенно желать окончанія тура.

Въ это время, въ углу залы происходила сцена совсѣмъ другаго рода. Полковница Гольцбергъ, въ сильномъ смущеніи, радостно сжимала руку одной дѣвицы: несмотря на всѣ ея усилія совладѣть съ собою, слезы едва не брызнули изъ-подъ рѣсницъ, и яркій румянецъ озарилъ ея блѣдныя щеки. Дѣвица съ неменьшимъ волненіемъ смотрѣла на нее, но она казалась немного старѣе госпожи Гольцбергъ и лучше умѣла управлять своими чувствами. Нѣсколько любопытныхъ взоровъ были устремлены на нихъ, но въ первую минуту радостной встрѣчи онѣ не замѣчали ничего.

— Вѣра, говорила госпожа Гольцбергъ: такъ ли мы думали встрѣтиться! Ахъ, какъ тягостна подобная встрѣча здѣсь, на балѣ! Она переноситъ меня въ минуту нашего горькаго прощанія, поминишь, надъ свѣжей могилой нашей матери! Сколько лѣтъ я не получала отъ тебя ни строки! Скажи, знала ли ты, что я замужемъ?

— Да; но не знала точно фамиліи твоего мужа, ни мѣста пребыванія вашего.

— А ты всё-еще живешь у родственницы своей?
 — Съ нею я и залетѣла въ эту сторону.
 — Слава Богу! теперь я не одинока въ міръ!
 — Ольга! ты все та же пламенная голова. Успокойся, другъ мой; посмотри, мы представляемъ очень занимательную сцену для любопытныхъ. Завтра цѣлый день я твоя, но сегодня забудь о моемъ присутствіи. Вотъ идетъ твой кавалеръ, кадрили ожидаетъ тебя; пооди, до свиданія.

И Вѣра, освободивъ руку свою, поспѣшно скрылась въ толпѣ и ушла въ уборную комнату, чтобы оправиться отъ собственнаго смятенія, которое овладѣло ею, на перекоръ принятому равнодушію, при неожиданной встрѣчѣ съ подругой своего дѣтства, съ своей сестрой по сердцу.

Госпожа Гольцбергъ машинально подала руку своему кавалеру, молодому помѣщику той губерніи: онъ недавно прибылъ изъ Петербурга, игралъ значительную роль въ обществѣ и обращалъ на себя всеобщее вниманіе женскаго пола, несмотря на свой черный фракъ, вошедшій въ пренебреженіе съ тѣхъ поръ какъ въ городъ поселились двѣ конно-артиллерійскія роты. Молодой помѣщикъ повелъ ее къ кадрили, и поставилъ противъ губернаторши. Раздались звуки Россіи; все пришло въ движеніе; толкаясь и тѣсясь, шары суетливо перебѣгали съ мѣста на мѣсто; одна только полковница оставалась недвижима, какъ-будто память прошедшаго изгнала изъ нея чувство настоящей минуты.

— Madame Holzberg, ваша очередь! проищаль возлѣ нея насмѣшливый голосъ.

— Ваша очередь, повторилъ басомъ ея кавалеръ.

Она опомнилась, протанцовала первую фигуру, но въ продолженіи кадрили нѣсколько разъ сбивалась съ такту, путала фигуры, и отвѣчала не въ попадѣ Петербургскому кавалеру, который, играя своими брил-

ліянтовыми пуговками , поглядывалъ на нее наискось съ недоумѣньемъ и самодовольно рисовался противъ большаго зеркала.

На другой день , всѣ кричали по секрету *о ни на что непохожемъ* смятеніи полковницы Гольцбергъ въ то время , какъ «Петербургскій пріѣзжій» танцевалъ съ нею. Многія подозрѣвали давнишнее знакомство между ними; нѣкоторыя разглашали это за достовѣрное , а всезнающая полицмейстерша рассказывала уже по этому случаю нѣсколько презабавныхъ анекдотовъ , извлеченныхъ изъ взоровъ полковницы и изъ собственныхъ своихъ догадокъ. Бѣдная полковница !

Надобно знать , что въ то время три особы были предметами безжалостнаго вниманія жителей этого города – полковница Гольцбергъ , жена подполковника Листкова , командовавшаго другою ротой , и пріѣзжій изъ Петербурга мосьё Нерѣцкій , – по каждая по другой причинѣ. Первой не могли простить ея холодности къ обществу , дышащему мелочной завистью и сплетнями , этой язвѣ провинціальныхъ городовъ ; ея склонность къ уединенной жизни , ея отчужденія отъ всѣхъ знакомствъ , и особенно простота ея нарядовъ , безъ всякой бронзы. Вторая явилась грозною соперницей всѣхъ модницъ города : два раза въ годъ выписывала она изъ Москвы цѣлые транспорты нарядовъ ; она имѣла большія притязанія на красоту и на паркетъ была истинной командиршей. Мосьё Нерѣцкій занималъ умы вотъ по какому поводу : Нерѣцкій не имѣлъ въ городѣ родныхъ и имѣніе его не было разстроено : такъ зачѣмъ бы ему переселиться изъ столицы на всю зиму въ дрянной городокъ ? Нѣтъ сомнѣнія , говорили мужчины , что онъ исключенъ изъ службы. Нѣтъ сомнѣнія , говорили женщины , что онъ въ Петербургѣ не нашелъ подружки по сердцу , и возвратился въ свой родимый край искать втораго рожденія или

первой любви, или, говоря яснѣе, законной супруги. Какъ не обратить вниманія на челоуѣка, у котораго можно при случаѣ выиграть порядочныя деньги! Какъ съ другой стороны не обратить вниманія на челоуѣка лѣтъ тридцати, съ большими черными бакенбардами, съ тремя брилліантовыми пуговницами подъ жилетомъ, на челоуѣка, который такъ мило растягивается на стулѣ передъ фортепіано и поетъ *Талисманъ* и *Красный сарафанъ* полу-басомъ, полу-теноромъ, опираясь на восемь сотъ душѣ, которыя онъ наследовалъ послѣ батюшки, въ пятидесяти верстахъ отъ города! По всемъ *таковымъ* уваженіямъ каждый шагъ госпожѣ Гольцбергъ и Листковой и господину Нерѣцкаго былъ основаніемъ новой силетни. А въ эту зиму, какъ нарочно, столько было баловъ и пировъ, сколько не запомнить въ той сторонѣ со времени Куликовскаго сраженія. Въ старыхъ деревянныхъ рядахъ всякой день толпились дамы; купцы развѣшивали *моднѣйшіе* газы и матеріи; дѣвнцы и дамы на каждый балъ являлись въ новыхъ платьяхъ и съ новыми затѣями. Уже вторая дочь прокурора познакомилась довольно коротко съ Нерѣцкимъ; онъ всегда танцевалъ съ ней мазурку, но иногда казался неравнодушнѣе и къ дочери отставнаго генерала, которая *много* была воспитана въ институтѣ, и потому всё-еще обворожала дѣтской невинностью и милой рывостью, а иногда его снисходительный взоръ падалъ на дочь главы купечества, наследницу двухъ большихъ домовъ и нѣсколькихъ сотъ тысячъ денегъ. Эти три граціи боролись между собой, гоняясь за сердцемъ Петербургскаго адониса, то опережая другъ друга, то отставая съ горечью и злобою. Каждая изъ нихъ имѣла свою партію, составленную изъ тетушекъ, бабушекъ и двоюродныхъ сестеръ, подъ предводительствомъ маменьки. Въ запальчивости борьбы онѣ не только терзали другъ друга, но тѣхъ, которыя случайно подходили къ полю сраженія. Когда на балъ явилась пол-

ковница Гольцбергъ, Нерѣцкій первую кадрили танцевалъ съ ней. Этого уже довольно! Полковницу разнесли на языкахъ. Къ мазуркѣ онъ приглашалъ ее, она отказалась и уѣхала, а онъ всю остальную часть вечера бродилъ со шляпою въ рукахъ не танцуя, и почти не говоря ни съ кѣмъ, что съ нимъ, очень рѣдко случалось. Какая пространная капва для зморвчїа! Все заволновалось; все зашептало отъ ярости. Черезъ недѣлю, Нерѣцкій былъ съ визитомъ у Гольцберга, и полковникъ пригласилъ его къ обѣду на слѣдующій день. Къ вечеру того дня уже всѣ бѣжали изъ дому въ домъ, рассказывая, что полковница надѣла новый шелковый капоть и заказала къ обѣду два лишнихъ блюда. Губернаторъ не спалъ всю ночь, испугавшись этого необычайнаго движенія.

Но возвратимся ко дню, который непосредственно послѣдовалъ за баломъ. Въ десять часовъ утра Вѣра была уже въ комнатѣ Ольги, и онъ безъ докучливыхъ свидѣтелей предавались искреннимъ чувствованіямъ.

Вообразите два цвѣтка, взроспіе на одномъ стеблѣ, которыхъ питала одна роса, освѣжалъ и лелѣялъ одинъ вѣтерокъ; кото;ые подъ грозною тучею прижимались одинъ къ другому, и послѣ весело красовались подъ весеннимъ солнцемъ, любясь взаимно на свою красоту. Вообразите, что жестокая рука сорвала ихъ съ роднаго куста, и, не довольствуясь этимъ, разорвала еще не отстрадавшіе ихъ стебли, и посадила цвѣтки въ разныхъ сторонахъ, подъ разными небами, на незнакомыхъ почвахъ. Бѣдные цвѣты не увяли, но душа, насильственно раздѣленная надвое, могла ли оживлять ихъ по-прежнему? Зной палилъ ихъ, черная туча обливала холоднымъ дождемъ, они равно клонились къ землѣ осиротѣлыми головками; имъ не отъ кого было ждать утѣшительнаго взора, не кого ободрять веселою улыбкою; и равнодушно

ждали они вихря, который сорвалъ бы ихъ съ новаго корня и обратилъ въ прахъ.

Такъ росла Вѣра и Ольга; мать Ольги приняла сироту Вѣру, и она забыла свое сиротство. Въ счастливой южной сторонѣ, на южномъ берегу Крыма, жили онѣ не считая дней. Солнце пробуждало ихъ для ученія, для прогулокъ, для неистощимыхъ разговоровъ; въ продолженіи короткихъ южныхъ зимъ онѣ пламенно предавались ученію подъ заботливымъ руководствомъ матери.

Но, чтобы понять характеры этихъ двухъ молодыхъ особъ, надобно знать нѣсколько ихъ воспитаніе.

Мать Ольги, умная, почти ученая, женщина, была нѣсколько странна. Не по собственнымъ размышленіямъ, но въ тѣ лѣта, когда всякій, по наружности блистательный, афоризмъ глубоко западаетъ въ разумъ, она прочла творенія нѣсколькихъ философовъ, и считала непреложныя условія женскаго быта за выдумки, годныя только для толпы. Она не испытывала въ жизни тѣхъ сильныхъ переворотовъ, которые заставляютъ иногда закоренѣлыхъ систематиковъ перемѣнять свой образъ мыслей: она жила тихо, однообразно; исполняла всѣ свои обязанности съ строгою точностью, была добра для себя и для другихъ, и по этимъ правиламъ воспитывала своихъ дѣтей. Они учились всему, исключая того, что должно служить основаніемъ всего прочаго; но мать старалась отъ нѣжнаго возраста изощрить въ нихъ до высочайшей степени чувство благородства. Предметами ихъ благоговѣнія были дѣянія великихъ мужей. Самопожертвованіе, великодушныя поступки заставляли трепетать ихъ юныя сердца, и отъ раннихъ поръ онѣ привыкли чувствовать и мыслить по примѣрамъ восторженнаго благородства древнихъ. Никогда ложь не оскверняла ихъ устъ; данное обѣщаніе онѣ храни-

ли и исполняли на переکورъ всѣмъ обстоятельствамъ, какъ тотъ Римлянинъ, жертва своего слова, который вызывалъ слезы удивленія на ихъ щеки. Прибавьте къ тому совершенное уединеніе, гдѣ ничто не разочаровывало ихъ понятій, гдѣ напротивъ все питало въ нихъ посѣянныя семена плодовъ не-нашего вѣка, гдѣ развалины Генуэзской крѣпости и высокой утесъ безпрестанно являлись ихъ пылкому воображенію то древней Капитоліей, то скалой Тарпейской, и гдѣ бібліотека нѣсколькихъ сотъ томовъ была отворена для нихъ отъ тринадцати-лѣтняго возраста. Представьте себѣ все это, и вы поймете ихъ порывы сердца, простите имъ излишнюю мечтательность головы. Вы скажете, что теперь не много примѣровъ такого воспитанія. Не знаю!..... Конечно, теперь ихъ гораздо меньше, съ тѣхъ поръ какъ въ домашнемъ образованіи юношества Бальзакъ заступилъ мѣсто Цицерона.

Да; послѣ шести-лѣтней разлуки онѣ увидѣлись вновь: но какъ годы измѣнили ихъ! Кто бы узналъ въ тихой, медленной поступи Ольги, въ ея блѣдномъ лицѣ и грустномъ выраженіи глазъ, въ холодныхъ и рѣзкихъ сужденіяхъ Вѣры, и въ ея равнодушіи ко всѣмъ чувствамъ сердца, кто бы узналъ, говорю я, тѣхъ рѣзвыхъ дѣвицъ, которыя какъ серны карабкались на неприступные утесы, смѣялись на края бездны, встрѣчали восходъ солнца на обломкахъ древняго христіанскаго храма, любуясь на пурпурный цвѣтъ утреннихъ облаковъ и на зарумяненную поверхность моря? которыя, по непонятному для самихъ себя влеченію, искали опасныхъ мѣстъ, съ наслажденіемъ сажались на высококомъ обрывѣ, внизу котораго кипѣли волны, и тамъ съ большимъ восторгомъ читали прежде Плутарха, позже бредни графини Жанлисъ и баронессы Сталь?

Сколько разсказовъ, сколько взаимныхъ повѣренностей! Въ первый разъ послѣ шести лѣтъ онѣ обле-

чали души свои, переливая въ душу друга давно тяготившія ихъ чувства.

— Да! продолжала Вэра, рассказавъ подругѣ своей происшествія своихъ прошедшихъ годовъ: да! это разочарованіе, этотъ неожиданный нравственный ударъ, перевернули все мое существованіе. Я увидѣла, какъ неумѣстны въ нашемъ свѣтѣ высокія понятія, великодушіе, благородство, и составила себѣ очеркъ своей будущей жизни. Я, въ полномъ смыслѣ слова, одинока въ свѣтѣ, никто не любитъ меня, никто не заботится обо мнѣ, и я вознамѣрилась обратить все нѣжныя чувства своего сердца, все, что заключается въ немъ, преданности, любви, дружества, все, къ собственной своей особѣ. Самый тѣсный эгоизмъ, вотъ моя стезя. Я не могу любить моей первою, чистою любовью, и не хочу предаваться ни какому чувству второстепенному; и потому никогда не выйду замужъ. Я покину міръ, какъ покидаетъ пришлецъ чужую сторону, гдѣ онъ принужденъ былъ говорить языкомъ другихъ и считалъ свое пребываніе только чужими объѣдами. Я хочу и стараюсь довести себя до такой степени равнодушія, чтобы чувства мои сдѣлались неспособными ни къ какой нѣжности. Я хочу сдѣлаться недоступной для всѣхъ умственныхъ, духовныхъ ощущеній, и жить подобно устрицѣ, однимъ тѣломъ.

Съ удивленіемъ слушала ее Ольга. Этотъ языкъ былъ для нея новъ и непонятенъ; для нея, которая совершенно противоположно отвергла отъ себя всѣ земныя чувства, и жила одной душой, влача въ свѣтѣ сонное существованіе, почти машинально исполняя обязанности, налагаемыя обществомъ, и пробуждаясь къ жизни только вледишь съ собою, съ своими духовными собесѣдниками.

Разсмотрѣвши ея положеніе, вы простите ей излишнюю мечтательность. Не возможно винить приро-

ды за то, что она производит иногда людей необыкновенныхъ, мужчинъ и женщинъ: она производит ихъ для своихъ великихъ цѣлей, передъ которыми должны мы смириться; но это мученики собственной своей организаціи. Мужчинъ съ высшимъ умомъ и чувствомъ нужна вся сила его грубаго пола, вся крѣпость его желѣзныхъ костей, вся неподатность его конопляныхъ нервовъ, чтобы вынести, побѣдить и раздавить зависть и злобу толпы, которая удивляется гению, но всегда его ненавидитъ. Чтò жь можетъ сдѣлать противъ этихъ зловредныхъ стихійъ свѣта, съ своимъ слабымъ тѣломъ и раздражительнымъ сердцемъ, женщина, которую природа еще въ чревѣ матери, давъ ей устройство болѣе совершенное, возвысила надъ своимъ поломъ и заранѣй внесла въ рядъ своихъ избранныхъ созданий? Женщины будутъ ее ненавидѣть какъ существо, умомъ и чувствомъ превосходящее ихъ легкомысленную и мелочную породу. Мужчины, между которыми на тысячу человекъ едва одинъ встрѣчается возвышеннѣе духомъ, будутъ ее бояться и употреблять всю грубую силу на то, чтобы осмѣять и унижить ее. А бракъ! О, здѣсь, въ этой лотереи, тысяча вѣроятностей противъ одной, что женщина съ необыкновенною душой соединитъ судьбу свою съ самымъ обыкновеннымъ и пошлымъ существомъ другаго пола! Одно ярмо свяжетъ неповоротливаго чухонскаго быка, который кормится и чувствуетъ сухой соломой, съ благородной, пылкой, воздушной Арабской жеребницей, которой, по выраженію Восточнаго поэта, «длящъ и достаточно вѣтру, для питья — воды миража», и они должны вмѣстѣ тащить несродный плугъ по вязкой почвѣ жизни. Весьма естественно, что эти два существа не пойдутъ ровно: ярмо будетъ сломано и плугъ опрокинуть; тяжелый быкъ ляжетъ на полъ отдыхать отъ кратковременнаго труда, а его кроткая спутница, не смѣя сбросить съ себя надѣтаго

хозяйномъ ига, съ натертою и окровавленную шею будетъ стоять унымо на бесплодной пашнѣ, надъ сломаннымъ орудіемъ обилія и счастья, и будетъ чахнуть, изнывать, какъ вѣрный конь, котораго Бедуинъ привязалъ на могилѣ убитаго богатыря, длитого чтобы онъ умеръ отъ голоду надъ прахомъ того, съ кѣмъ раздѣлялъ опасности битвъ и славу. Все это случилось съ Ольгою. Съ своимъ воспитаніемъ, съ своимъ образомъ мыслей и жизни до пятнадцати-лѣтняго возраста, какъ могла она принять удѣлъ свой такъ, какъ приняли бы его тысячи женщинъ? Смерть матери вырвала ее изъ мирнаго убѣжища, разлучила съ подругой ея дѣтства, и бросила на руки одному родственнику, старому полковнику, обремененному собственнымъ семействомъ, который, исполняя долгъ христіанина и родственника, съ безпокойствомъ помышлялъ, что, можетъ-быть, не легко ему будетъ сбыть съ рукъ дѣвушку безъ приданаго. И вдругъ молодой полковникъ Гольцбергъ, — молодой по лѣтосчисленію дяди, которому полковничій чинъ вышелъ на пятьдесятъ-осьмомъ году, — предсталъ, плавнился, и предложилъ руку свою Ольгѣ: сердца онъ предложить не могъ, потому что онъ рѣшительно не вдавался ни въ какія сердечныя дѣла. Дядя благословлялъ небо, и, не разсуждая долго, объявилъ свое рѣшеніе Ольгѣ: черезъ двѣ недѣли бѣдная сирота, съ сердцемъ еще не уврачеваннымъ отъ перваго удара, съ помутившимся разумомъ отъ угара неожиданныхъ происшествій, сама не зная чтѣ дѣлаетъ, стояла у алтаря съ человѣкомъ, котораго едва знала въ лице.

Мало-по-малу угаръ разсѣялся. Ольга приходила въ себя, и ея положеніе начинало ей представляться яснѣе. Она увидѣла себя связанною съ человѣкомъ, съ которымъ не могла имѣть ни малѣйшаго сочувствія. Въ ея дѣвическіе или, скорѣе, дѣтскіе годы, любовь

исключительно не занимается мечты: иногда по прочтении какого-нибудь нравственного романа, ей грезились идеалы; нѣсколько дней она видѣла во всякой звѣздочкѣ глаза, которые жгли ея сердце; но эта мечта скоро разсѣивалась, смѣнялась другою, и Ольга не считала любви потребностью жизни, единственнымъ счастьемъ, главнымъ предметомъ существованія женщины. Будь ея мужъ челоувѣкъ съ умомъ, съ малѣйшею прозорливостью, онъ могъ бы легко привязать ее къ себѣ: иногда поддѣлываясь подъ ея дѣтскіе восторги, иногда доказывая ихъ опасность въ ея положеніи, онъ могъ бы исцѣлить ее отъ ума, одеревѣнить ее, сдѣлать матеріальною, сформировать по-своему: конечно, это было не легко, но не невозможно. Но Гольцбергъ былъ только любитель лошадей, славный хозяинъ, славный малой, удалой наѣздникъ, подчасъ кузнецъ и шорникъ, подчасъ барышникъ, котораго не провель бы ни одинъ Цыганъ: онъ хорошо зналъ всѣ подробности своей части, но сердце женщины было для него тайникомъ непроницаемымъ. Онъ женился, потому что ему было сорокъ лѣтъ и хотѣлось обзавестись хозяйствомъ; потому что Ольга ему понравилась и онъ полагалъ, что хоть она не имѣетъ приданого, однако можетъ составить его счастье на зимней квартирѣ. О счастьи женщины онъ имѣлъ короткое и ясное понятіе: благосклонное, то есть, нестрогое обращеніе, снисходительность къ капризамъ и трижды въ годъ новое платьѣ, — вотъ что, по его мнѣнію, не могло не осчастливить женщины, и къ этому онъ, вступая въ супружеское званіе, обязался мысленно подпискою.

Такимъ образомъ, судьба не только не дала этой поэтической женщинѣ мужчины, который былъ бы въ состояніи понять ее, воспользоваться всѣми сокровищами ея ума, души, сердца, наслаждаться красотою ея чудеснаго внутренняго міра или, по-крайней-

нрѣ, ловко зарытъ ихъ въ землю и скрытъ навсегда отъ собственнаго ея сознанія, но еще бросила ее въ кругъ вовсе несродной ей жизни. Алмазь мерцалъ на кучѣ конюшеннаго сору, и никто его не видѣлъ. Ольга вышла замужъ, и нѣсколько дней спустя, карета ихъ въѣхала въ грязную улицу жидовскаго мѣстечка. Оборванные, полунагіе жиденки, съ визгомъ окружали рѣдкое для нихъ зрѣлище; по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись жалкія и запачканныя лачуги крестьянъ и сыновъ Иуды; на всякомъ шагу взоры встрѣчали отвратительную нечистоту. Карета остановилась у дверей одной изъ лачугъ, вновь выбѣленной и обнесенной новымъ заборомъ. Это была квартира мужа, лучшая въ цѣломъ мѣстечкѣ. Гольцбергъ ввелъ свою молодую супругу въ низенькую комнату обитую коврами; на стѣнахъ висѣли сабли и пистолеты, во всѣхъ углахъ стояли трубки разныхъ величинъ и достоинствъ, и красовались табачные кошельки бисерные и шелковые, вышитые еще для холостаго полковника милыми сосѣдками. Три подобныя комнаты составляли все жилище. Утро мужъ ся проводилъ въ сараяхъ, въ манежѣ и такъ далѣе; къ обѣду сходились человекъ двѣнадцать друзей, и оглашали маленькую комнату шумными разговорами, въ которыхъ не было ни одной мысли; иногда въ веселый часъ собесѣдники отпускали полковницѣ по комплименту, всякой по своему умѣнью, и послѣ обѣда всѣ расходились спать; Гольцбергъ также ложился, и тишина воцарялась въ смиренномъ жилищѣ, прерываемая только его звучнымъ храпньемъ. Смеркается; друзья отъ нечего-дѣлать вновь сходятся къ своему амфитріону, закуриваютъ трубки, и садятся вокругъ самовара. Ольга едва успѣваетъ наполнять быстро опоражниваемые стаканы; они толкуютъ о сосѣдкахъ, о лошадяхъ, собакахъ, пистолетахъ, шорахъ, зайцахъ, картахъ; между-тѣмъ дымъ изъ трубокъ

сгущается, образуется плотное облако, наполняющее всю комнату, свѣчи слабо мерцають въ дымной атмосферѣ, окруженныя вѣнцомъ красно-синеватаго свѣту, какъ мерцаніе фонаря въ воздухѣ, сжатомъ двадцатью градусами мороза. Тутъ разставляютъ карточные столы, и въ маленькой комнатѣ раздаются только техническія восклицанья игры, непонятныя для Ольги, непосвященной въ таинства этихъ іероглифовъ, нѣкогда изобрѣтенныхъ для безумнаго, а теперь занимающаго большую половину всѣхъ умныхъ людей. Иногда отважнѣйшіе изъ собесѣдниковъ вторгаются и въ литературную область и *пріемлютъ* смѣлость обнаружить свои сужденія: тупыя острооты и каламбуры летаютъ перекрестнымъ огнемъ, но къ счастью не долго; скоро важный вопросъ о высокихъ способностяхъ чьей-нибудь собаки или о копытахъ недавно купленнаго коня смѣняетъ вопросъ о гѣніяхъ нашей словесности, и запахъ табачнаго дыму изъ всѣхъ ртовъ покрываетъ все дѣло пеленою душливаго мрака.

И сегодня, и завтра, и вѣчно все то же и то же; годы, создавая и разрушая царства, какъ-будто забываютъ о жидовскомъ мѣстечкѣ. Изрѣдка пріѣзды какого-нибудь генерала, какой-нибудь смотрѣ царушалъ этотъ порядокъ вещей въ однообразномъ быту Ольги: тогда все мѣстечко суетилось, и некому было курить; но начальникъ только налетитъ и исчезнетъ, и на другой же день все возвращается къ прежнему положенію. Однажды капитанша пришла поздравить Ольгу съ извѣстіемъ или со слухомъ, благоприятнымъ для ея мужа: «Ахъ, не говорите мнѣ этого! вскричала бѣдная Ольга въ отчаяніи: у меня, въ честь такому происшествію прибавится еще двѣнадцать неугасающихъ трубокъ!»

Въ такой-то бытъ попалась Ольга. Сперва она отъ всей души желала сдружиться съ мужемъ, найти въ

немъ собесѣдника и отголосокъ своихъ чувствованій, но онъ смѣлся, звалъ, прерывалъ ея восторженныя мечтанія просьбою заказать къ завтрашнему обѣду побольше ветчины, или, соскучившись слушать непонятные для него звуки, заигрывалъ на свой ладъ пѣсенку, которая возмущала все существованіе блѣдной Ольги.

Чувства въ этомъ случаѣ — какъ травка не-тронь-меня: они, отъ непріятнаго прикосновенія, сжимаются и увядаютъ; и хотя отдохнувъ приходятъ въ прежнее состояніе, однако отпечатокъ неосторожной руки остается на нихъ неизгладимо. Ольга поняла свое положеніе, и не имѣла другихъ разговоровъ съ мужемъ какъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. И это разногласіе, это одиночество души, усилили въ ней склонность къ уединенію и мечтательности. Ея юное, пылокъ воображеніе; не находя ни какой пищи вокругъ себя, заключилось въ предѣлы своего міра, и извлекало огонь изъ собственныхъ рудниковъ. Когда мужъ ея со всемъ обществомъ офицеровъ отправлялся въ набѣгъ на имѣнинные пироги сосѣднихъ помѣщиковъ, тогда только Ольга свободно дышала, — предавалась своимъ книгамъ, своимъ стихамъ и фантазіямъ, и имъ она обязана была небольшимъ числомъ своихъ счастливыхъ минутъ, немногими блѣдными лучами свѣту въ этомъ уныломъ и мрачномъ быту.

Сроднившись наконецъ съ своимъ положеніемъ, она отчасти примирилась съ нимъ. Порой счастливые сны ея дѣтства и неизвѣстность объ участи Веры еще смущали ея спокойствіе; но передъ ней, въ туманной дали, горѣла одна звѣздочка, и къ ней шла она ровными шагами, глядя вокругъ себя, какъ глядитъ усталый путникъ на однообразныя степи, когда вдалекѣ уже виднѣется привѣтный ночлеги. Эта звѣздочка горѣла надъ могилой.

Теперь, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, Ольга и Вѣра столкнулись неожиданно въ городкѣ, куда переведена была артиллерійская рота, которой командовалъ Гольцбергъ. Онѣ сдѣлались неразлучными; несмотря на гнѣвъ городскихъ дамъ, Ольга по-прежнему избѣгала ихъ знакомствъ и ихъ баловъ, сколько позволяли приличія и мужъ, затвердившій себя какъ однадцатую заповѣдь, что женщины любятъ балы и наряды и слѣдственно жена его должна любить ихъ.

Въ силу этого убѣжденія Гольцбергъ передалъ въ одинъ день женѣ своей приглашеніе губернатора на вечеръ, отъ котораго, по словамъ его, невозможно было отказаться. Уже половина города собралась въ гостиной, когда вошла полковница Гольцбергъ. Внезапное *тсъ* зашипѣло во всѣхъ устахъ, и подъ привѣтливую улыбку хозяйки не успѣлъ еще скрыться смѣхъ злорѣчія.

Губернаторша усадила ее на кресло подлѣ дивана, — диванъ назначенъ только для помѣщенія превосходительныхъ, — и маленькая полицмейстерша, которая находилась подлѣ Ольги, бросивъ значительный взоръ на нее, вскочила съ своего кресла и громко и ясно звала къ Нервцкому, не угодно ли ему занять ея мѣсто.

Танцы еще не начинались; разговоръ то вспыхивалъ, то замиралъ какъ угли въ каминѣ въ началѣ осени; дѣвицы столпились въ одинъ уголъ и шептались между собой; чепцоносныя дамы сидѣли чинно съ позолоченными чашками въ рукахъ, а молоденькія женщины перепархивали съ мѣста на мѣсто или, закинувъ головки, разговаривали съ офицерами, стоявшими за спинками ихъ креселъ.

Нервцкій томно улегся на мѣстѣ, которое предложила ему услужливая полицмейстерша, и завелъ съ Ольгой разговоръ, — правда не помню о чемъ, но могу

увѣрить, что Нерѣцкій никогда не заводилъ чрезвычайно умныхъ разговоровъ.

— Цавель Никифоровичъ! сказала съ противоположной стороны жена почтмейстера: чѣмъ за посылку получили вы сегодня изъ Петербурга?

— Мнѣ прислали нѣсколько Французскихъ романовъ; я не могу жить безъ литературныхъ новостей; послѣднія стихотворенія Гюго и новую поэму славнаго Анатоля Борисовича А-аго.

— Новую поэму А-аго!.....

— Нельзя ли намъ *попользоваться* вашими книгами? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Поэму А-аго! поэму, о которой столько кричали журналы еще прежде изданія ея въ свѣтъ! О, мосье Нерѣцкій!.....

И Ольга, съ пылающимъ лицомъ, крѣпко сжавъ свои ручки, устремила на него умоляющіе взоры. Нерѣцкій благосклонно поклонился публикѣ въ знакъ согласія, и обратился къ Ольгѣ.

— Вы также принадлежите къ числу поклонницъ Анатоля А-аго? Вы любите его стихотворенія?

— Люблю ли я? Укажите мнѣ женщину, которая бы не находила въ его чудесныхъ стихотвореніяхъ отголоска собственныхъ чувствъ! которая не бредитъ имъ, не обожаетъ его!

— Вы слишкомъ склонны къ восторгу, сказалъ Нерѣцкій: конечно, онъ человекъ съ большимъ талантомъ, но онъ слишкомъ любитъ отвлеченныя описанія, слишкомъ многословенъ.

Ольга бросила на него негодующій взглядъ, и, не удостоивъ возраженія, отвернулась къ старой генеральшѣ, которая, опорожнивъ уже третью чашку чаю, посматривала съ материнскою любовію на приготовленные карточные столы.

Въ половинѣ бала танцы прервались ; изъ ближней комнаты выскочилъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцать , одѣтый въ фантастическо-казацкое платье , съ тамбуриномъ въ рукахъ , и для увеселенія публики пустился выплясывать казачка . Этотъ пріятный сюрпризъ повторялся неотмѣнно на каждомъ балѣ знаменитаго амфитріона , который , обходя вокругъ залы , восклицалъ : « Не правда ли , какой талантъ ! » На чтѣ зрители , кланяясь , отвѣчали всегда : « Истинный талантъ , необыкновенный талантъ ! сущій геній ! » Утомленная безвкуснымъ зрѣлищемъ , Ольга между-тѣмъ ушла въ уборную комнату , скрылась за длинныя ширмы , и , бросившись въ кресла , безъ мыслей впала въ задумчивость .

Не прошло десяти минутъ , какъ нѣсколько дамъ порхнули къ большому зеркалу , и голоса залепетали въ одно время .

— Ахъ , Боже мой , какой несносный вечеръ !

— У меня лопнулъ башмакъ .

— Можно ли быть глупѣе этого Финифтина ! Заморилъ меня своими рассказами !

— Видѣли вы , какъ Магіе сегодня дурно одѣта ?

— Когда же она бываетъ лучше !

— Перестанутъ ли насъ когда-нибудь морить этимъ проклятымъ казачкомъ ?

— Сегодня мадамъ Гольцбергъ была очень мила .

— Въ особенности когда румянецъ заигралъ на щечкахъ ея отъ разговоровъ съ Нерѣцкимъ .

— Нѣтъ , это , ей Богу , ни на чтѣ уже не похоже ! произнесъ одинъ голосъ съ жаромъ : не довольно сравнить себя дома ; нѣтъ , еще и на балахъ дѣлаетъ такой скандалъ .

— Чтѣ такое ? спросили нѣсколько голосовъ съ любопытствомъ .

— Развѣ вы не видите ? мадамъ Гольцбергъ , эта не-

внявость, этотъ полевой цвѣточекъ..... Противно
смотреть!

— Да что же такое? Скажите, пожалуйста!

— Ахъ, Боже мой, весь городъ объ этомъ говорить,
всѣ видятъ кромѣ этого колпака, мужа. Хоть бы кто-
нибудь открылъ ему глаза!

Нетерпѣливые вопросы повторялись; голосъ про-
должалъ:

— Неужели вы не замѣтили явной связи ея съ Не-
рѣцкимъ? Онъ проводитъ у нея цѣлые дни, въ об-
ществахъ занимается только ею, вездѣ перевозноситъ
ея умъ, таланты. Чего жъ вамъ еще?

— Я нѣсколько разъ была у мадамъ Гольцбергъ, по
невстрѣчалась съ Нерѣцкимъ, возразилъ одинъ голосъ.

— Вотъ еще! Развѣ въ домъ нѣтъ заднихъ дверей? Не
такъ она глупа, чтобъ не стараться танть свою связь;
но не также глупы и мы, чтобы этого не проникнуть.
Я знаю хорошо ихъ квартиру: мы жили въ ней два
года, когда мужъ мой только былъ назначенъ полиц-
мейстеромъ.

Ольга слышала эти гнусныя обвиненія; они какъ
расплавленный свинецъ падали на ея сердце, но гор-
дость не позволила ей ни какого оправданія: обвиненіе
было слишкомъ низко. Ей ли завести преступную
связь! ей ли нарушить чистоту своей совѣсти, зама-
рать себѣ въ своемъ собственномъ мнѣніи, которое бы-
ло для нея драгоценнѣе всѣхъ мнѣній въ свѣтъ! ей
ли обманывать мужа и осквернить уста ложью! Нѣтъ,
это обвиненіе какъ грязный спѣжный комъ, ударив-
шись объ ея гранитную непорочность, отпрыгнулъ
и замаралъ брызгами своими однихъ только обвини-
телей.

Она встала; сердце ея разрывалось, но глаза пы-
лали огнемъ благородной самоувѣренности и на
устахъ бродила улыбка презрѣнія. Она вышла изъ-за

ширмъ , и медленно прошла мимо толпы дамъ , которыя собрались вокругъ ораторствующей полицмейстерши. Иногда , встрѣчаясь съ подобными женщинами , — слава Богу , эти встрѣчи рѣдки , — невольно рождаются въ умъ вопросы , изъ какого особеннаго вещества созданы онѣ. Исчадіе ли онѣ демоновъ , или насмѣшка природы надъ человѣчествомъ , гнѣвъ Божій , ниспосылаемый на землю вмѣстѣ съ голодомъ и язвою ? Красота , любезность , непорочность всякой женщины , кажутся имъ личнымъ оскорбленіемъ. Злословіе и клевета нужны имъ какъ кофе , и если бы отворили имъ двери Магометова рая съ условіемъ не разбирать тамъ ни чьего поведенія , не обливать желчью ни одного бѣлаго цвѣтка , который попадетъ имъ на пути , онѣ , взглянувъ со вздохомъ на свѣтлый садъ счастья , возвратились бы въ грязныя улицы своихъ земныхъ жилищъ , чтобъ только имѣть удовольствіе злословить и клеветать. Каково жъ доставалось отъ нихъ госпожѣ Гольцбергъ , которой умъ и возвышенныя чувствованія были еще , сверхъ всѣхъ другихъ качествъ , оскорбленіемъ для ихъ глупости и пошлаго образа мыслей !

— Чтò я имъ сдѣлала ? говорила на другой день бѣдная Ольга своей подругѣ , съ заплаканными глазами. Гдѣ вырыли онѣ основаніе этой нелѣпой сказки ?

— И ты спрашиваешь еще ? Развѣ не знаешь ты , что основаніемъ всѣхъ рассказовъ , пружиною всѣхъ ихъ мнѣній — ихъ собственныя чувства , собственные характеры ? Углубляясь въ свою черную душу , онѣ видятъ въ ней , какъ поступили бы онѣ въ подобномъ случаѣ , и по-этому заключаютъ обо всѣхъ .

— О , мой поэтъ , мой Анатолій ! какъ справедливо сказалъ ты.....

— Да ; вотъ это благоразуміе ; прочти нѣсколько строчъ твоего любимаго поэта , и утѣшься въ нелѣпой клеветѣ , отъ которой , право , ни одинъ твой волосъ не посядѣтъ .

— Отъ господина Нервцакаго, сказалъ вошедшій слуга, подавая Ольгѣ пакетъ.

При этомъ имени брови ея вновь нахмурились: она не охотно взяла въ руки пакетъ, но едва развернула, какъ лице прояснилось. Съ выраженіемъ блаженной радости, она вскричала, прижимая свертокъ къ груди своей: — Онъ! онъ! я вновь услышу его звуки, прочту его небесныя чувства!

— Ольга!

— Вѣра!

— Неужели холодъ годовъ и опыта не остудилъ твоей ребяческой страсти къ незнакомому тебѣ человѣку? Въ пятнадцать лѣтъ это было только смѣшно, но теперь.....

— Къ незнакомому человѣку? Вѣра! что это значить? И ты можешь говорить, что онъ незнакомъ мнѣ? Мнѣ незнакомъ Анатолій? мой идеаль, мой поэтъ, котораго пѣсни пробудили мое дѣтское воображеніе, одушевили его жизнью, образовали мою душу? Кто же улаждалъ мое одиночество, кто утѣшалъ меня въ горь, кто удвоивалъ мои радости, какъ не онъ, не Анатолій? И ты говоришь, что я люблю незнакомаго мнѣ человѣка! Нѣтъ, я сроднилась съ каждою его мыслию; я знаю всѣ изгибы его благороднаго сердца; я его обожаю; я пожертвую послѣднею радостью жизни моей, небогатою утѣхами, послѣднею каплю крови, для его счастья; я отдамъ душу мою для продолженія его жизни..... Да, да; я люблю его, но я люблю не земною любовію, я люблю не человѣка..... Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, ты ошибаешься!

Вѣра пожала плечами, и сказала съ улыбкою: — Погоди, ты пробудишься!

— Не желай мнѣ этого, Вѣра, если ты еще хоть немного любишь меня! Послушай, что я скажу тебѣ, потомъ суди, основательно ли твое желаніе: я совер-

шенно отвлечена от людей; ни одна нить не связывает меня съ міромъ, ни родственная пріязнь, ни пріобрѣтенная дружба, ни надежда на будущее, ни желаніе, ни страхъ. Чего надѣяться, чего страшиться мнѣ? Какіе перевороты могутъ улучшить или болѣе помрачить мою участь? Мое прошедшее, настоящее, будущее, все сосредоточилось и погисло въ ложной цѣли моего назначенія. Я иду въ густомъ туманѣ, не зная ни куда, ни къ чему иду! И пеужели ты думаешь, что мнѣ бы достало силъ сносить подобное существованіе, если бы хоть слабый лучъ небесный не озарялъ его, если бы въ цѣлой природѣ ни одно эхо не отзывалось моимъ чувствованіемъ? Въ свѣтъ, какъ и въ домъ моему, я играю вытверженную роль; только наединѣ съ собою я дѣлаюсь тѣмъ, чѣмъ создала меня природа. Но могу ли я всегда довольствоваться одной собою? Есть въ мірѣ существо, которое мыслить моими мыслями, чувствуетъ моимъ сердцемъ, смотритъ моими глазами, и звучною пѣсней даетъ жизнь мечтамъ моимъ! Нѣтъ во мнѣ прекраснаго чувства, нѣтъ благородной мысли, которыхъ бы онъ не одѣлъ живыми формами своего слова, и не украсилъ неземной гармоніей своего стиха; всякое бленіе моего сердца находитъ себѣ второй ударъ въ его вдохновенныхъ пѣсняхъ, всякое слово его громко откликается въ моему сердцу. И ты желаешь лишить меня послѣдняго, единственнаго утѣшенія! Чтѣ станется со мною, если я охладю и къ этому чувству? Куда обратится, чѣмъ наполнится мое пустынное существованіе? Отними у нищаго послѣднюю копѣйку и скажи ему: теперь твоя ноша легка! Оторви безумнаго отъ единственной мечты, которая радуется и счастливить его, и увѣрай, что онъ теперь излеченъ отъ своего недуга!..... О! не желай..... Нѣтъ, нѣтъ!.....

Изнемогая отъ душевнаго волненія, Ольга упала въ кресла и закрыла пылающее лице руками. Вѣра взяла

руку ея и съ материнской заботливостью смотрѣла ей въ лице.

— Ольга! сказала она : я старѣе тебя и годами и горькимъ опытомъ ! Послушай , что я скажу тебѣ : питай свои мечты , утѣшайся ими , теперь онѣ безвредны . Но какъ другъ , какъ сестра , желаю тебѣ никогда не встрѣчаться съ твоимъ идеаломъ , или по крайней-мѣрѣ не прежде какъ лѣтъ черезъ двадцать : тогда , пожалуй ; встреча будетъ неопасна !

Ольга не отвѣчала ; глаза ея задумчиво потупились , грудь волновалась .

Настала ранняя весна . Ивы зазеленѣли ; нѣжный пухъ и румяныя почки покрыли всѣ деревья ; земля жадно впитывала въ себя теплый потокъ яркаго свѣту , которымъ Солнце , могучій мужъ слабыхъ планетъ , возбуждастъ къ любви страстную грудь Земли ; и широкая рѣка весело катила голубыя волны , освобожденныя отъ двухъ-мѣсячнаго заключенія .

За городомъ , на крутомъ берегу рѣки , красуется роща . Туда спѣшать перваго мая городскіе жители праздновать наступленіе душистой весны ; тамъ устроиваются пикники , гулянья ; но еще пора ихъ не наступала , и только двѣ женщины , закутанныя въ зимніе салоны , въ большихъ шляпахъ , гуляли по узкимъ тропникамъ рощи .

— Отчего , сказала одна изъ нихъ , весна всегда навѣваетъ на меня грусть , вмѣсто того , чтобы радовать , какъ радуются ей всѣ живыя существа ? Осенніе туманы , зимнія выюги не нагоняютъ на меня такого тяжелаго чувства ; оно давитъ грудь мою , и доводитъ иногда до слезъ безъ всякой видимой причины .

— Можетъ-быть , эта пора напоминаетъ тебѣ наше дѣтство , нашъ веселый Крымъ , его зеленые сады ? Воспоминаніе прошедшаго всегда сопряжено съ чувствомъ грусти , потому что все дурное въ прошедшемъ

предается забвенію, и мы вспоминаемъ съ сожалѣніемъ однѣ только счастливыя минуты; по этой причинѣ оно и кажется намъ лучше настоящаго.

— Да ! прекрасно было то время. Помнишь ли ты , Вѣра, помнишь ли эти южные вечера , подъ сводомъ чистаго неба? Помнишь ли этотъ теплый, ароматическій воздухъ , гдѣ всякое дыханіе есть уже наслажденіе ; гдѣ все тихо, тихо, такъ , что можно вообразить себя единственнымъ живымъ существомъ этого эдема; гдѣ отдаленный прибой морскихъ волнъ , какъ звукъ маятника, сливается съ кроткимъ ропотомъ фонтана?..... О!..... О, Вѣра! какой пиръ, какая роскошь залъ, замѣнять это наслажденье? Мысли толпятся въ душѣ, неясныя призраки носятся передъ глазами..... То не бдѣніе, но и не сонъ; бдѣніе не можетъ до такой степени освободиться отъ всѣхъ земныхъ помысловъ, очиститься, воздыситься ; сонъ не можетъ быть такъ дѣйствителенъ , не можетъ проливать такого спокойствія, такой невыразимой тишины въ чувства..... Вѣра! помнишь ли ты это?

— Не смущай меня этими воспоминаніями. Право, ты нарушаешь мою систему холодности и равнодушія. Я стараюсь избѣгать всего, чтѣ можетъ сколько-нибудь потревожить меня, а ты, часто, однимъ дуновеніемъ обращаешь въ прахъ всѣ мои благоразумныя намѣренія. — Знаешь ли, прибавила Вѣра съ улыбкою: знаешь ли, что иногда ты заставляешь меня сожалѣть, зачѣмъ я встрѣтилась съ тобою? Теперь, если судьба снова разлучитъ насъ, въ душѣ моей останется горькое чувство, и мнѣ придется снова трудиться надъ исцѣленіемъ своимъ отъ этого неприятнаго недуга.

— И, можетъ-быть, скорѣе нежели ты думаешь; мнѣ говорилъ мой мужъ, что едва-ли мы возвратимся сюда изъ лагерей.

— Но на время лагерей ты остаешься здѣсь.

— Можеть-быть, если до выступленія не узнаемъ ничего вѣрнаго.

— А въ будущее не должно заглядывать. Довольно хлопотъ и съ настоящимъ! Кчему брать на плеча лишнюю ношу? Но, возвратимся къ твоей грусти: ты, кажется, готовилась читать посланіе къ веснѣ твоего поэта?

Тѣнь грусти подернула лице Ольги, просвѣтленное весеннимъ воздухомъ.

— Не говори съ насмѣшкой о моемъ поэтѣ и о моей грусти, или ты заставишь меня вѣсть и съ тобою визитный разговоръ и выказывать гостинныя чувства.

Вѣра взглянула на нее съ укоромъ; Ольга продолжала:

— Весною я живѣе чувствую свое сиротство. Вѣра!.... (И Ольга судорожно прижала ее къ своей груди, трепеща всею тѣлою). Вѣра! этотъ воздухъ кипитъ, кипитъ любовью..... А я одна!.... Все счастливо.... а я одна!.... Весною, я еще болѣе одна чѣмъ когда-либо, и вопросы оцѣли моего существованья сильнѣе волнуютъ мою душу: кто разрѣшитъ мнѣ ихъ? Все и всѣ вокругъ меня безотвѣтны. Я сравниваю иногда долию свою съ полевой былинкой, которая растетъ, прозябаетъ, безъ дѣйствія, безъ ощущеній, не принося никому пользы и не зная для чего создана она. И я живу подобно ей; и увяну отъ зимнихъ морозовъ, не оставивши по себѣ ни какихъ слѣдовъ. Это ли жизнь? жизнь созданья, одушевленнаго дуновеніемъ Божиимъ?

— Прекрасно! Жаль, что не въ стихахъ; вышла бы порядочная элегія. Но кто же по твоему счастливъ? Не женщина ли, озабоченная дюжиною дѣтей? Или вѣтренная кокетка, разставляющая для всѣхъ сѣти, чтобы самой когда-нибудь попасться въ нихъ? Или бездушная кукла, которая вальсируетъ по пути своей жизни, забѣгая во всякую модную лавку, примѣряя

съ восторгомъ всякую новую шляпку ; которая, если бы это было возможно , ложась въ могилу приказала бы шить себѣ саванъ по послѣдней модѣ? А?..... которой изъ нихъ хотѣла бы ты быть?

— Выборъ трудень! но твой обзоръ слишкомъ односторонень.

— Я исчислила тебѣ положеніе большей части женщинъ; исключенія очень рѣдки.

— Но какой злой геній такъ исказилъ предназначеніе женщины? Теперь она родится для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ, рядиться, плясать, владычествовать въ обществѣ, а надѣлъ быть бумажнымъ шахомъ, которому паяцъ кланяется въ присутствіи зрителей, и котораго онъ бросаетъ въ темный уголъ наединѣ. Намъ воздвигаютъ въ обществахъ троны; наше самолюбіе украшаетъ ихъ, и мы не замѣчаемъ, что эти мишурные престолы — о трехъ ножкахъ, что намъ стоить цѣлаго потерять равновѣсіе, чтобы упасть и быть растоптанной ногами ничего неразбирающей толпы. Право, кажется иногда, будто міръ Божій созданъ для однихъ мужчинъ; имъ открыта вселенная со всѣми таинствами, для нихъ и слава, и искусства, и познанія; для нихъ свобода и всѣ радости жизни. Женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутываютъ ужаснымъ «что скажетъ свѣтъ», — и если ея надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное, ограниченное, воспитаніе не позволяетъ ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ, и она по неволѣ должна броситься въ омутъ свѣта или до могилы влечь безцвѣтное существованье!.....

— Или избрать мечту и привязаться къ ней всею силою души, влюбиться заочно, посылать по почтѣ зeffировъ вздохи и изьясненія своему идеалу за двѣ тысячи верстъ, и питаться этою платоническою любовью. Не такъ ли?..... Я окончила твою мысль.

Ольга съ неудовольствіемъ отвернулась отъ нея.

Пролетѣль еще мѣсяць; артиллерія выступила изъ города, сопровождаемая вздохами женъ и дѣвиць.

И Ольга снова брошена въ новый міръ. Снова незнакомыя лица, незнакомыя мѣста. Странствующая жизнь пріятна только въ романахъ, но не на-дѣль, для женщины съ высшимъ умомъ. Однако жъ въ характеръ челоуѣка есть способность сродняться съ самымъ непріятнымъ положеніемъ. Тѣсная лачужка, видъ грязной улицы, полу-дичіе *хохлы* съ ихъ стоическою беззаботностью и Индѣйскимъ равнодушіемъ ко всему, пока у нихъ есть миска галушекъ и чарка водки, все это ни сколько пезамащиво въ настоящемъ; но, покидая эти предметы, невольный вздохъ вылетаетъ изъ сердца; тайная цѣпь привычки привязываетъ насъ къ нимъ. Но въ своей кочующей жизни бѣдная Ольга не смѣла сдружиться съ кѣмъ или съ чѣмъ бы то ни было. Хорошо кочевать обруку съ любовью; но если ея нѣтъ?..... Настало урочное время, и покидай все, отрывай сердце отъ всего, съ чѣмъ оно свыкло, что было ему мило; укладывай чувства въ дорожную суму и иди къ чужимъ людямъ. Если можетъ какое-либо положеніе постоянно питать мысль о вѣчности въ пезанятомъ умѣ женщины, то эта блуждающая жизнь женъ безъ любви, которая, не разделяя обязанностей и удовольствій своихъ мужей, разделяютъ только непостоянство ихъ быта. Мигутная гостя, всюду пришлецъ, Ольга никогда не была увѣрена, что слѣдующая недѣля застанетъ ее въ томъ самомъ мѣстѣ, что съ особой, съ которой она подружилась на-перекоръ благоразумію, судьба сведетъ ее опять. Такъ она бродила изъ страны въ страну, ожидая той поры, когда, наткнувшись на край могилы, отправится на вѣчную стоянку.

Къ какимъ людямъ попалась Ольга? Не станемъ

слѣдовать за ней. Безконечно тревожная жизнь въ природѣ часто очень однообразна на бумагѣ.

Мѣсяцы быстро смѣнялись, ни чего не измѣняя въ душевномъ положеніи Ольги. Окружающія ее особы считали ее холодною, равнодушною, часто скучною: она ни сколько не старалась разувѣрить ихъ; она съ наслажденіемъ хранила въ самой глубинѣ души пламенныхъ чувства, стремленіе ко всему высокому, и свое обожаніе къ поэту; она таила свою внутреннюю жизнь, какъ таитъ скупецъ сокровища свои въ дремучемъ лѣсу, и когда все засыпаетъ вокругъ него, когда для всѣхъ настаетъ ночь, тогда только является его заря: онъ крадется къ урочному мѣсту, и, одинъ, на свободѣ, предается своимъ восторгамъ. Такъ Ольга, одна въ своей избѣ, часто забывала свое положеніе, и уносилась далеко, далеко, въ мысляхъ своихъ; ей грезились сны и надежды ея рано созрѣвшаго дѣтства; сны и надежды, погребенные въ могилѣ ея матери.

Но не всегда Ольга занималась однимъ духовнымъ бытомъ своего поэта: она съ неизъяснимымъ удовольствіемъ слушала случайные рассказы объ его образѣ жизни, его склонностяхъ, его привычкахъ; иногда казалось ей, что одна строка, написанная его рукою, была бы для ней драгоценнѣе Ватиканской бібліотеки. Но онъ не зналъ объ ея существованіи; и тщетно Ольга стремить къ нему душу и мысли свои: онъ, высокъ и далекъ, и не замѣчаетъ ея въ толпѣ своихъ поклонницъ!

Но вотъ Ольга въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ, вы говорите?..... Да! она здѣсь; она въ театрѣ; театрѣ полонъ; ложи блещутъ; партеръ пестрѣетъ тысячью головъ. Давали въ первый разъ оригинальную Русскую драму. Съ шумомъ отворилась дверь сосѣдней ложи. Ольга робко оглянулась на перья и брилліанты прибывшихъ дамъ. Подлѣ нея сидѣлъ маленькій, толстенный полковникъ съ огромными рыжими усами.

— Ба! Гольцбергъ! Какъ Богъ занесъ! раздалось въ сосѣдней ложѣ.

— А! это ты Раварваровъ? вскричалъ Гольцбергъ: вотъ три дня только, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

— По службѣ?

— Нѣтъ, я, братъ, въ отпуску; хочу поискать теплаго мѣстечка; не знаю какъ удастся.

Полковникъ, усѣвшись въ углу ложи, завелъ безконечный разговоръ съ своимъ старымъ товарищемъ.

Занавѣсъ поднялась, все смолкло, началась пьеса. Одинъ Русскій писатель, который куетъ повѣсти, сказалъ бы, что Ольга была «вся слухъ, вся вниманіе», но я этого не скажу, единственно для того чтобъ доказать, что у меня болѣе вкуса. Она удерживала дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова. «Какая гармонія, какія мысли!» восклицала она въ душѣ. Каждое выраженіе падало на ея пылающее сердце небесной росой. И въ чьей головѣ зародились эти звучныя думы? Изъ чьей души вылилась эта пламенная любовь къ прекрасному, это восторженное чувство добродѣтели? Если бы даже сѣрая афиша не сказала Ольгѣ имени автора, то она отгадала бы его; она отгадала бы имя Анатолія по сочувствію, — по этой вдохновенной поэзіи, — потому что одинъ онъ въ состояніи былъ такъ краснорѣчиво выразить то, что чувствуетъ въ молчаніи всякое благородное сердце. Вокругъ нея раздавался шопотъ — «Видно провинціалка! Она вся предана своей пьесѣ!» Снизу наводились на нее нахальные лорнеты и зрительныя трубки всѣхъ размѣровъ. Но до нихъ ли ей было? Впродолженіи короткихъ антрактовъ она обводила вокругъ себя мутный взоръ, но все представлялось ей хаосомъ; въ ея пылающей головѣ также былъ хаосъ, но хаосъ полный небесныхъ ощущеній. Она только на минуту пробуждалась отъ своего забвенія, и отдыхала душою,

чтобы съ новою силою погрузиться въ волшебный міръ восторга.

Піеса кончилась ; громъ рукоплесканій потрясъ зданіе ; неистово кричали любители драматическаго искусства и драматическихъ искусницъ, вызывая актеровъ и актрисъ, но большее число голосовъ требовали автора. Вся душа Ольги перешла въ глаза, когда раздались эти клики : она смотрѣла на ложу, въ которой онъ долженъ былъ явиться, прижимая руки свои къ груди и какъ-бы стараясь утишить біеніе встревоженнаго сердца ; не румянцъ розы покрылъ ея блѣдныя щеки, — нѣтъ, онъ загорѣлся багровымъ цвѣтомъ пылающей крови, и въ ту минуту можно было принять ее за жрицу Дельфійскую, ожидающую съ упованіемъ и тоской появленія духа. Напрасно ! авторъ не являлся.

Полковникъ, накидывая боа на плеча жены своей, шепталъ : «Повдѣмъ, Олимпика ; право, хочется спать». Она не слышала. Въ двухъ сосѣднихъ ложахъ судили о достоинствахъ драмы.

Въ ложь направо: Хорошо! Прекрасно! Чудо!

Въ ложь налево: Надуто и пусто! Приторно! Фи!

Въ ложь направо: Онъ человекъ съ гениемъ! Хватъ!

Въ ложь налево: Онъ изъ числа тѣхъ писателсей, у которыхъ генія или таланта достаетъ только на одну книгу. Блеснулъ однажды, и померкъ навсегда!

Ольга не слышала.

Крики начали утихать, любимые актеры вышли на сцену, раскланялись и ушли; ложи пусты; полковникъ дергалъ за рукавъ жену, увѣряя то по-Русски то по-Нѣмецки, что ему сильно хочется schlafen, и Ольга съ горькимъ чувствомъ обманутой надежды поворотилась къ дверямъ, готовясь выйти.

Дверь ложи налево отворилась, вошелъ мужчина, и дамы залепетали въ одинъ голосъ :

— Ахъ, Анатоій Борисовичъ! поздравляемъ! Какой успѣхъ!

— Вы заставили меня плакать!

— Отчего вы не показались на призывъ?

— Славно, топ шер! говорилъ толстый генералъ, пожимая руку вошедшаго. Славно, братъ Анатоій!

— Анатоій! воскликнулъ еще одинъ голосъ!

Ольга, не помня приличій, не замѣчая взоровъ, которые обратило на нее это восклицаніе, схватилась за спинку стула, чтобы не упасть, и двѣ крупныя слезы выкатились изъ глазъ ея, устремленныхъ съ невыразимымъ чувствомъ на поэта, на ея идеалъ.

Многимъ это покажется преувеличеннымъ и ненатуральнымъ въ женщинѣ двадцати трехъ лѣтъ. Но я прошу вспомнить, что Ольга никогда не знала искусства мѣрять свои чувства аршинами свѣтскихъ условій или назначать имъ предѣлы; что она не умѣла холодно удивляться прекрасному. Душа ея сохранила весь жаръ, всю первобытную силу свою; пружины этой души были еще новы и не разслаблены частымъ употребленіемъ; предметы внѣшняго міра дотолъ скользили у ней по ледяной оболочкѣ, въ которую она заключила свои прекраснѣйшія чувства, и святой огонь этихъ чувствъ не охолодѣлъ еще отъ прикосновенія всесіяльнаго «не принято въ обществѣ.»

Гольцбергъ, который сдѣлалъ-было нѣсколько шаговъ изъ лежи, возвратился, не видя за собой жены. «Олинъка, тебѣ дурно? Вѣрно, отъ жару!» И шарообразный Гольцбергъ засуетился и побѣжалъ въ коридоръ за стаканомъ воды.

Все это продолжалось не болѣе двухъ, трехъ минутъ. Ольга пришла въ себя; сильное смущеніе послѣдовало за невольнымъ забытіемъ; она замѣтила и насмѣшливые взоры своихъ сосѣдокъ и глубокой, испытующей взоръ Анатоія. Чье авторское самолюбіе не тронулось бы скорѣе этимъ восклицаніемъ, вылетѣвшимъ

изъ глубины души, этимъ смятеніемъ, нежели всеми привѣтствіями модныхъ дамъ, которыя за-минуту бранили піесу?

Полковникъ возвратился таща за собой слугу съ большимъ карафиномъ воды.

— Прощю! сказала Ольга, и исчезла изъ глазъ изумленныхъ сосѣдокъ.

Гольцбергъ бросился въ слѣдъ за женой; толпа остановила ихъ; они должны были медленно подвигаться впередъ. Въ эту минуту, Ольга почувствовала на лицѣ своемъ тотъ самый испытующій взоръ: онъ проникалъ въ душу ея, онъ приводилъ ее въ смятеніе и трепеть; она хотѣла бы прорваться сквозь толпу, бѣжать; но равнодушная толпа, какъ-бы въ насмѣшку, едва двигалась, и часто такъ сближала ее съ идеаломъ, что она чувствовала какъ локоны ея развѣвались отъ его дыханія. Они обогнули безконечный коридоръ, и спустились по лѣстницѣ. Ольга не оглядывается, не смѣетъ поднять глазъ, но чувствуетъ что онъ здѣсь, рядомъ съ нею. Поэтъ смотритъ на нее съ улыбкой и наслаждаясь ея смятеніемъ какъ данію своему гению. Но вотъ холодный вѣтеръ модуль на Ольгу сквозь отворенную дверь и освѣжилъ ея стѣсненную грудь. Она осмѣлилась поднять глаза, и они встрѣтились съ огненными черными глазами, которые съ ласкою, почти любовію, смотрѣли на Ольгу.

• — Карета Гольцберга!

Ольга бросилась въ дверь и почти въ безпамятствѣ упала на подушки кареты.

Чтоъ сталося съ ней послѣ этой встрѣчи? трудно объяснить; и она менѣе всѣхъ понимала тревожное состояніе своей души. Ея духовная любовь къ поэту получила болѣе сущности. Ольга съ совершенно новымъ наслажденіемъ перечитывала его творенія, и ей казалось, что она читаетъ ихъ въ первый разъ. Теперь,

выражая его же словами свою любовь, свою тоску, она уже не относилась къ неясному образу, мелькающему то подъ звѣздами, то въ туманной дали; ея идеалъ облекся въ формы земныя; передъ ней, безотлучно какъ совѣсть, горѣли черные глаза, носился милый образъ любимаго поэта. Но она такъ сроднилась съ безгрѣшностью своей духовной любви, что ни одно земное помышленіе не нарушало ея чистоты. Она съ ужасомъ отступила бы отъ того, кто сказалъ бы, что она любитъ Анатоліа, какъ любятъ напримѣръ Ивана, и что мысленно уже измѣняетъ клятвѣ, данной супругу. Ольга обманывала себя, но не своего мужа.

Это случилось въ сентябрь, веселомъ и ясномъ въ южныхъ краяхъ, гдѣ вѣтерокъ играетъ еще въ здоровыхъ листьяхъ деревь и небо снова припимаетъ свѣтлый весенній цвѣтъ, но туманномъ и дождливомъ въ Петербургѣ.

Однако жъ, какъ-бы на перекоръ обычаямъ двухъ климатовъ, въ тотъ годъ на берегахъ Невы въ сентябрь мелькнуло теплое солнце, и цѣлые три дня продолжалась тихая, ясная погода; всѣ житеи столицы спѣшили къ знакомымъ своимъ на дачи простыться съ садами и чистымъ воздухомъ. Ольга также повхала къ родственницѣ своего мужа, которая давно приглашала ее къ себѣ, желая познакомиться съ нею.

Госпожа Барабанова, отставная генеральша, замѣчательна въ особенности тѣмъ, что *не играетъ меньше пятидесяти*, жила на дачѣ, то есть, занимала на одномъ пѣз острововъ небольшой красивый домъ съ мезониномъ, зеленою крышею, и садомъ, который перерѣзывали вдоль двѣ прямыя дорожки, довольно длинныя для прогулки столпчныхъ жилищъ съ затянутою таліею, который, прошедшись по нимъ четыре ста шаговъ, могутъ вполне утомиться и имѣють предлогъ отдохнуть потомъ цѣлый день на диванѣ.

Госпожа Барабанова жила одна, но иногда два сына ея, служившіе въ Петербургѣ, пріѣзжали къ ней объѣдать. Одинъ изъ нихъ былъ поэтъ, то есть, писалъ стихи; другой перевелъ съ Французскаго три ужасныя повѣсти, отъ которыхъ мозгъ въ костяхъ леденеетъ и волосы сами собою поднимаются выше кока, и потому считалъ себя литераторомъ. Несмотря на эти маленькія слабости, молодые Барабановы были добрые сыновья и очень любезные молодые люди. Мать увѣряла даже, что старшій, при всей своей склонности къ поэзіи, счастливо играетъ въ вистъ, и всегда отыгрываетъ за маменьку, когда ей *не пойдутъ карты*.

Госпожа Барабанова очень обрадовалась пріѣзду Ольги, разцѣловала супругу своего милого племянника, и упросила ее пробить съ нею нѣсколько дней.

— Завтра пріѣдутъ Жоржинька и Васинька; вы познакомитесь съ моими дѣтьми.

Госпожа Барабанова разсыпалась въ похвалахъ Жоржинькѣ и Васинькѣ и ихъ литературнымъ подвигамъ.

Въ самомъ дѣлѣ на другой день, между-тѣмъ какъ хозяйка одѣвалась въ своей комнатѣ, а Ольга сидѣла одна въ саду подъ липой, нѣсколько экипажей подъѣхали къ крыльцу домика. Ольга не заблагоразсудила торопиться знакомствомъ съ милыми братцами и тогда только оставила свое мѣсто, когда пригласили ее отъ имени хозяйки.

Подходя къ гостинной, она услышала нѣсколько веселыхъ голосовъ, и, Богъ знаетъ отчего, почувствовала какой-то страхъ, взявшись за замокъ. Она простояла нѣсколько минутъ въ странномъ волненіи, не смѣя ни отворить двери ни уйти. Наконецъ, смѣясь своему смущенію, она вошла въ гостинную.

— А, Ольга Александровна! вскричала госпожа Барабанова: прошу познакомиться и полюбить моихъ сыновей.

И она поочередно представила ей Жоржиньку и Васпньку.

— А вотъ еще , продолжала она , моя племянница, Евгенія Антоновна Брацкая ; съ ней вы вѣрно подружитесь.....

Ольга обернулась. Передъ ней стояла молодая хорошенькая женщина съ привѣтливою фразою, а далѣе, у раствореннаго окна, стоялъ онъ..... онъ ! Анатолій ! поэтъ ! идеаль ! Поэтъ стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и съ улыбкою , въ которой мелькнула тѣнь коварства, когда Ольга вздрогнула, замѣтивъ его , смотря на нее знакомыми глазами, какъ-бы привѣтствовалъ свою старую знакомую.

— Ольга Александровна, вотъ съ этимъ господиномъ вы вѣрно знакомы заочно, сказала неутомимая госпожа Барабанова, приписывая внезапное смятеніе Ольги провинціальной застѣнчивости. Анатолій Борисовичъ, подите сюда, я васъ отрекомендую женѣ моего племянника, полковницъ Гольцбергъ. Мой добрый Анатолій не забываетъ меня , старушки , которая носила его на рукахъ. — Ктому жъ они люди одного ремесла, прибавила она, указывая на поэта природнаго и на сына своего, поэта самодѣльнаго : такъ какъ имъ не сойтись !

День прошелъ очень весело. Евгенія Антоновна была изъ числа тѣхъ женщинъ , которыя равно плѣняютъ любезностью и въ большомъ обществѣ и въ домашнемъ кругу. Анатолій былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, сѣбялся и заставлялъ всѣхъ смѣяться. Жоржинька и Васпнька вторили ему довольно хорошо. Даже Ольга оставила свою привычную холодность и развеселилась. Маленькая полицмейстерша мигомъ замѣтила бы, что ледяная оболочка ея сердца начинала таять отъ лучей поэтической славы Анатолія , и въ первый разъ въ жизни она сказала бы не клевету.

Ольга ощутила новое существованіе. Анатолій былъ безпрестанно съ нею, и она не могла не видѣть его то грустныхъ, то пламенныхъ взглядовъ; не могла не замѣчать, что голосъ его дѣлался выразительнѣе и даже нѣжнѣе, когда онъ говорилъ съ нею. Въ то время, какъ Евгенія пѣла его элегію, исполненную страсти и моленій о взаимности, поэтъ смотрѣлъ на свою тайную обожательницу съ такимъ чувствомъ, глаза его такъ краснорѣчиво подтверждали всякое слово элегіи, что бѣдная Ольга стояла едва дыша, прислонившись къ стѣнѣ, и слезы, которыя не смѣли брызнуть изъ глазъ въ гостинной, заливали ея сердце горячей болною.

Прошло три дня; никто не думалъ объ отъѣздѣ: только Жоржикъ и Васинька, опасаясь, чтобы начальникъ отдѣленія, не постигая ихъ литературной значительности, не взыскалъ съ нихъ за продолжительное отсутствіе какъ съ обыкновенныхъ губернскихъ секретарей, уѣхали обратно въ Петербургъ. Въ этотъ вечеръ Евгенія и Ольга долго гуляли въ саду. Поэтъ, разумѣется, былъ съ ними. Госпожа Барабанова, боясь обманчивой прелести осеннихъ вечеровъ, ушла въ свою комнату. Настала восхитительная пора сумерекъ, когда на одномъ краю неба еще свѣтлѣетъ розовой полосой вечерняя заря, а на другомъ уже зажигаются безчисленные звѣзды, которыя, какъ очи ангеловъ, съ любовію глядятъ на міръ Божій; когда легкій туманъ стелется на предметы и облакаетъ ихъ въ неопредѣленные или фантастическія формы. Эта пора всегда склоняетъ къ мечтательности, къ кротости, къ любви: кажется, будто мысли наши, какъ и окружающіе предметы, принимаютъ неясные образы и превращаются въ видѣнія фантазій. Извѣстно, хоть бы и этого и не сказала, что разговоръ между молодыми людьми различныхъ половъ, на какой бы языкъ былъ настроенъ, непременно сойдетъ къ разсуж-

деніямъ, — меланхолическимъ или философическимъ, смотря по характерамъ собесѣдниковъ, — о счастьи и объ истинной любви. Этимъ именно кончился и разговоръ нашихъ гуляющихъ, коснувшись сперва театровъ и словесности. Евгенія Антоновна, которая вышла замужъ по собственному выбору, утверждала, что нѣтъ другаго счастья въ мірѣ какъ обвѣнчаться съ любимымъ человекомъ и жить не смотря ни въ прошедшее ни въ будущее. Поэтъ доказывалъ самымъ поэтическимъ образомъ, будто истинная любовь не знаетъ другихъ узъ, кромѣ сердечныхъ, что только одинъ голосъ сердца есть призывъ къ земному счастью, и такъ далѣе, что всегда и на всѣхъ языкахъ доказываютъ молодые поэты. Ольга молчала во время этихъ преній: и что могла она сказать? Что испытала она въ любви? Свои тайныя чувства она начинала таить отъ самой себя. Это первый предостерегательный голосъ совѣсти. Зачѣмъ такъ рѣдко мы слышимъ ему?

Анатолій, чтобы повлечь ее въ разговоръ, склонилъ рѣчь къ знаменитой повѣсти, напечатанной въ одномъ журналѣ, котораяшла стоголосою въ сердцахъ многихъ женщинъ и была предметомъ общихъ разговоровъ. Евгенія привязывалась къ несбыточнымъ проществіямъ этой повѣсти, не умѣя понять ихъ значенія. Ольга, съ свойственнымъ ей жаромъ, защищала автора.

— Яснаю только то, сказала Евгенія, что эта повѣсть нагнала на меня тоску и страшные сны; несчастный герой.....

— Не называйте его несчастнымъ! прервала ее Ольга: онъ такъ любилъ, такъ сильно, глубоко чувствовалъ, что въ сравненіи съ животнымъ прозябениемъ большей части людей онъ не былъ совершенно несчастливъ!

— Если вы называете не совершенно несчастливый человек, который страдал, умъ въплоть чувствовать свое страданіе, и находилъ одну отраду въ этомъ печальномъ сознаніи.....

— Вы забываете, возразилъ поэтъ, что онъ былъ увѣренъ въ взаимности любимой имъ особы: а эта увѣренность не лучшая ли отрада во всѣхъ страданіяхъ, какія бы препятствія и разстоянія ни раздѣляли влюбленныхъ? Постигнуть любовь чистую, духовную, откинувши всѣ низкія страсти чувственности, подъ прелестною оболочкою женщины любить только незримую душу, проникнуть въ сокровеннѣйшіе изгибы этой души и увидѣть въ ней себя, прочесть свою любовь..... о, этого счастья ни какія силы небесныя не могутъ отнять у насъ! Поставьте вселенную между любовниками этого рода, ихъ души не разлучатся, но и тутъ на ихъ горизонтъ порой блеснетъ лучъ счастья.

Поэтъ смѣлся въ тайнѣ своей восторженной рѣчи, но она произвела ожидаемое дѣйствіе въ умъ Ольги. Характеръ Анатолія былъ въ совершенномъ разногласіи съ тѣми чувствами, которыя онъ выказывалъ въ своихъ твореніяхъ: огненный и возвышенный въ стихахъ, въ сущности онъ стряпалъ свои суточные чувства безъ огня и ползалъ по землѣ ниже галоши; его сердце и его шампанское всегда стояли во льду; словомъ онъ былъ человекъ самый обыкновенный, жаденъ ко всѣмъ удовольствіямъ, буенъ въ кругу товарищей, и Ловеласъ съ женщинами.

— Поэты болѣе говорятъ о любви нежели чувствуютъ ея, сказала Евгенія, и вы вѣрно основываете эти предположенія на одной теоріи. Испытали ль вы любовь этого рода? Възвѣсили ль ея бѣдныя утѣхи съ ея терзаніями?

— Нѣтъ, до сей поры я не любилъ, произнесъ онъ выразительно, глядя на Ольгу, которая схватила и

поняла этотъ взглядъ сквозь сумракъ вечерній. — Я избѣгаю любви, продолжалъ онъ, страшусь ея, можетъ-быть отъ предчувствія. Кто знаетъ, не назначено ли мнѣ судьбою встрѣтиться съ холодной душой, которая недоступна ни какимъ глубокимъ впечатлѣніямъ, или уже занята другимъ предметомъ, или, что всего хуже, которая польститъ минутной взаимностью и, перемянивши прихоть какъ перчатки, явится вновь свободною и легкой, прильпнеть къ себѣ ярыкъ — «*Cie serdce отдается въ наемъ*», и даже не подумаетъ о томъ, что она измяла и истерзала все существованіе чловѣка.

— И вы также отнимаете у женщины лучшую способность ея души! возразила Ольга, уязвленная нападеніемъ: отнимаете способность любить сильно, постоянно, безусловно, съ совершеннымъ самоотверженіемъ, не зная препятствій, ни боязни; способность сосредоточить всѣ силы сердечныя и умственныя въ одномъ чувствѣ, спаять свое существованіе съ своей любовью? Нѣтъ, не отнимайте этого высокаго дара у женщинъ. Это наша собственность, наша сила, нашъ геній!

— Вы любили?

— Я?..... да; я замужемъ.

— Какой отвѣтъ! Любовь и супружество не всегда живутъ въ согласіи. Любили ль вы?

Ольга вспыхнула; тайная досада пробудилась въ ея сердцѣ.

— Да; я любила и люблю..... моего мужа, отвѣчала она съ гордостью.

— Такъ по системѣ Евгеніи Антоновны вы должны блаженствовать: вы любите вашего мужа, а я имѣю счастье удостовѣриться въ его нѣжной привязанности къ вамъ.

— Вы?

— Да; помните ли, въ театрѣ? когда вамъ сдѣлалось дурно..... отъ жару; и когда полковникъ съ такой заботливостью побѣжалъ за водой.

Ольга молчала, но въ сердцѣ ея негодование боролось съ приятнымъ чувствомъ воспоминанія. Анатолій тоже замолчалъ, довольствуясь тѣмъ, что удостоившись въ своемъ торжествѣ.

— Мнѣ холодно, сказала Ольга: войдемъ въ комнату; я завтра ѣду въ Петербургъ.

Она въ тотъ же вечеръ простилась съ хозяйкой, и на разсвѣтъ уѣхала, увозя съ собой столько воспоминаній, сладкихъ для сердца и безпокойныхъ для совѣсти. На половинѣ дороги щегольской кабриолетъ промчался мимо коляски полковницы Гольцбергъ. Анатолій вѣжливо ей поклонился.

Онъ скоро нашель случай познакомиться съ Гольцбергомъ, и недалёковидный полковникъ самъ представилъ его Ольгѣ, утверждая, что стихи покажутся ей еще прекраснѣе, когда ихъ авторъ самъ станетъ ихъ читать. Въ первый разъ мнѣнїе полковника было совершенно согласно съ мнѣнїемъ полковницы.

Быстро летѣло время для молодой мечтательницы; ея идеалъ, одѣтый костями и тѣломъ, былъ безпрестанно съ нею, и даже во время его отсутствія она не разлучалась съ нимъ. Всегда, вездѣ она встрѣчала его, или его имя, его славу. Поутру за чайнымъ столикомъ Ольга развертываетъ принесенный журналъ, глаза ея падаютъ на стихи Анатолія или на похвалы его таланту; въ полдень она ѣдетъ прогуляться, и изъ оконъ магазиновъ безпрестанно выглядываютъ портреты ея поэта, недавно поступившіе въ продажу; въ два часа она дѣлаетъ визиты своимъ знакомымъ, и столы всѣхъ гостиныхъ украшены его сочиненіями въ разныхъ форматахъ и оберткахъ; вечеромъ она ѣдетъ въ театръ: тамъ ждетъ ея еще полнѣйшее на-

слаженіе; тамъ мысли поэта получаютъ еще болѣе силы отъ искусной игры актеровъ, отъ волшебныхъ декораций, отъ гармоническихъ звуковъ оркестра. Тамъ, Богъ знаетъ по какому магнетическому сочувствію, при всякомъ страстномъ выраженіи въ піесѣ, глаза Ольги встрѣчаютъ глубокій, исполненный любви взглядъ поэта.

Да! Ольга уже любила его со всей силою своей пламенной души; онъ не могъ сомнѣваться въ этомъ, но былъ слишкомъ посвященъ въ науку женскаго сердца, чтобы не постигнуть въ то же время идеальной непорочности ея помысловъ, чтобы не видѣть ясно, что Ольга предается этой любви съ безотчетной верою въ святость своего чувства и что малѣйшій шагъ на связи земныя унижитъ его въ глазахъ этой чистой женщины, выведетъ ее изъ заблужденія, покажетъ ей предметы въ ихъ настоящемъ видѣ. Потому онъ искусно вкрадывался въ ея сердце; постепенно и незамѣтнымъ образомъ приучалъ ее мыслить его неизданными мыслями, которыя никогда не поступали въ печать и были его частною философіей, — философіей въ халатъ; заставлялъ забывать свои мнѣнія для его мнѣній; словомъ, онъ обвивалъ ее осторожно какъ змѣй сиящаго ягненка, чтобы не разбудить его преждевременно и, въ ту минуту, когда бѣдный встрепенется, задушить его въ своихъ объятіяхъ.

Что подстрекало его къ такому многотрудному предпріятію? Какъ могъ онъ, любимый поэтъ женщины, посреди столькихъ обворожительныхъ красавицъ заняться смиренною Ольгою и посвящать ей часы, которыхъ жаждали не въ одномъ блестящемъ кругу? Что внушило ему это желаніе? Прихоть, новостъ, сильно польщенное самолюбіе. Не задолго до того онъ прервалъ связь съ одной изъ Петербургскихъ красавицъ, и, поводи взоромъ вокругъ себя, не

находилъ предмета, способнаго замѣнить его послѣднее обладаніе. Ктому жъ, избалованный легкими успѣхами, самыя трудности этой новой победы завлекли его. Онъ тогда не былъ занятъ никакимъ сочиненіемъ и, покоясь на лаврахъ, готовъ былъ перепорхнуть отъ садовой розы къ степной фіалкѣ.

Но чѣмъ занимался въ то время Гольцбергъ? О, онъ также нашель въ Петербургъ свой идеаль! Вытѣски съ разрисованными колбасами, ветчиною, устрицами и Страсбургскими пирогами, такъ привѣтливо улыбались его солидному воображенію, столичные объѣды и вина разливали такое эмпирейское упоеніе на его шестое, гастрономическое чувство, что онъ предоставилъ Ольгѣ полную свободу выѣзжать въ свѣтъ или, сидя въ своей комнатѣ, мечтать объ чемъ ей угодно. Онъ рассчитывалъ, что его супруга уѣдетъ съ нимъ, а предметы его настоящаго обожанія, увы, останутся въ Петербургъ! Сверхъ-того онъ встрѣтился здѣсь съ многими товарищами, прискивалъ для себя выгодное мѣсто и за разными другими дѣлами рыскалъ днемъ и ночью по городу.

Ольга не болѣе прельщалась балами столицы какъ и пирами маленькихъ городовъ, въ которые судьба ее бросала. Кругъ ея знакомства былъ очень ограниченъ, и бесѣды Анатолія составляли все веселіе бѣдной мечтательницы. Часто они проводили длинныя зимніе вечера вдвоемъ, разговаривая или разбирая сочиненія поэта: Ольга съ наслажденіемъ слушала его истолкованія въ мѣстахъ, которыя казались ей непоптными, ревниво спрашивала о предметахъ его нѣжныхъ посланій и элегій, объ его дневныхъ занятіяхъ, о образѣ его жизни, и поэтъ, плѣненный ея чистосердечіемъ, заводилъ ее въ лабиринтъ новыхъ понятій, котораго всѣ пути были такъ хорошо знакомы ему. Ему нравилась невинность

Ольги, не эта дѣвическая невинность, которая происходитъ отъ совершеннаго незнанія свѣта и природы, — невинность женщины, невинность, которая имѣетъ начало въ безпорочности души и помышленій, чуждыхъ всего, что можетъ сдѣлать малѣйшій тайный укоръ долгу и вызвать краску совѣсти на лице. Они не сомнѣвались въ взаимной привязанности другъ друга, и съ удовольствіемъ говорили объ ней, но еще роковое слово не вылетало изъ устъ Анатолія и слова «дружба», «сочувствіе душъ», искусно маскировали страсть, которая уже обнимала все существо Ольги и быстро приближала поэта къ его цѣли.

Въ одинъ вечеръ Ольга сидѣла одна въ своей комнатѣ, и все было тихо, тихо, вокругъ нея; только угли въ каминѣ трещали, вспыхивая и замирая, и сильный вѣтеръ порою завывалъ въ трубы; только на дворѣ свистѣла вьюга, снѣгъ стучалъ въ окна, экипажи разѣзжали по улицѣ, говоръ проходящихъ, крикъ кучеровъ, скрипъ колесъ и полозьевъ доходилъ до ея слуха. Эта жизнь внѣ дома еще болѣе усиливала въ ней чувство одиночества. Ольга была печальна: болѣе недѣли она не получала ни какихъ извѣстій объ Анатолии; прежде, рѣдко проходилъ день безъ того, чтобы онъ не посѣтилъ ея или не утѣшилъ какимъ-нибудь знакомъ воспоминанія; теперь тысячи догадокъ волновали ея умъ, и она не смѣла остановиться ни на одной.

У дверей раздался звукъ колокольчика. Ольга вздрогнула и вскочила съ своего мѣста. Отчего? двадцать разъ въ день раздавался этотъ звонъ и не тревожилъ ея. Но чего не отгадаетъ любящее сердце женщины! Анатолій вошелъ въ комнату; съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему Ольга.

— Гдѣ были вы такъ долго? Что съ вами, Анатолій?

— Я былъ нездоровъ, отвѣчалъ поэтъ, прижимая

руку ея къ устамъ. Ольга?..... вы замѣтили мое отсутствіе?

Одинъ взглядъ былъ ему отвѣтомъ, но этотъ взглядъ высказалъ поэту торжество его.

Послѣ всякой продолжительной грусти радость бываетъ сильнѣе: лице Ольги сіяло веселіемъ; она не отнимала руки своей и не могла говорить; голосъ ея прерывался; она съ непзъяснимымъ чувствомъ смотрѣла на своего поэта.

Послѣ перваго смѣтенія, разговоръ ихъ сталъ живѣе и веселѣе, но Анатолій искусно возмутилъ его печальнымъ замѣчаніемъ: онъ напомнилъ Ольгѣ близкую минуту ихъ разлуки, и при этомъ страшномъ словѣ сердце ея сильнѣе рвалось къ поэту.

— Ольга, сказалъ онъ наконецъ послѣ минутнаго молчанія: я долженъ сказать тебѣ..... Не смотри на меня съ удивленіемъ; это холодное «вы», шипѣ колючихъ приличій свѣта, неприятно вцѣпляется въ наши рвчи; отбросимъ его. Я долженъ высказать, что гнететъ мое сердце. Сколько разъ я повторялъ тебѣ, что до сей поры я былъ чуждъ любви; что ни одна затянута талія, ни одинъ выученный взглядъ здѣшнихъ красавиць, не приводили въ трепетъ моего сердца! Я тосковалъ, Ольга, я жаждалъ любви, но она, легкокрылая чарунья, только манила меня и летѣла все далѣе, далѣе..... Я встрѣтился съ тобою, моя Ольга, я полюбилъ тебя, я люблю тебя..... Не пугайся этихъ словъ, милый другъ мой; наши сердца давно поняли ихъ: и что значить слово, названіе? Пустой звукъ! Любовь и дружба—не одно ли и то же чувство?..... О, не отними у меня руки! Скажи, что и ты любишь меня; я знаю, я увѣренъ въ томъ, Ольга: ты любишь меня?.....

— Довольно, ради Бога, довольно!..... Не унижайте моего чувства къ вамъ названіемъ любви; ему

нѣтъ названія въ нашемъ языкѣ. Зачѣмъ, зачѣмъ вы сказали мнѣ.....

Но совѣсть ея громко твердила — онъ сказалъ правду!

— Не принимай святаго названія любви въ пошломъ смыслѣ, которымъ осквернили ее въ свѣтѣ; пойми меня, мой другъ: любовь моя чиста и безгрѣшна.....

Но взоръ поэта жадно впивался въ взволнованную грудь Ольги.

Я не могу, я не должна любить васъ. Я заму-
жемъ.....

— И ты также привязываешься къ этому слову? Бѣдная! ее толкнули въ объятія этого человѣка, сорвали съ языка роковое согласіе, и оно должно задушить въ ея сердцѣ всѣ чувства природы, должно приковать ее терновыми цѣпями къ человѣку.....

— Онъ мужъ мой! Анатолій, онъ любитъ меня, и я..... я..... уважаю его.

— Ты обманываешь сама себя, Ольга; ты хочешь увѣрить себя въ уваженіи къ человѣку, котораго не уважаешь; уваженіе такъ же какъ и любовь къ нему не вмѣщается въ твое сердце. А онъ?..... Ты говоришь, что онъ любитъ тебя! Гольцбергъ любитъ!..... Поди, скажи ему — твою жена въ опасности: онъ медленно довьстъ свой пирогъ, запьетъ стаканомъ портеру, и тогда уже отправится спасать любимую жену. — Ольга, выйди изъ заблужденія! продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ: ты любишь меня, душа твоя давно принадлежитъ мнѣ, и въ эту минуту она согласна со мною..... Забудь міръ, какъ я забылъ его для тебя! Будь другомъ, геніемъ моимъ!

Въ душѣ Ольги происходила страшная борьба; ея чувства сильно говорили въ пользу Анатолія; она принадлежала ему нераздѣльно, но совѣсть, но религія, сражались съ ея любовью. Она была блѣдна; уста ея дрожали, и глаза не смѣли по-прежнему съ ласкою п

довѣрчивостью устремиться на поэта. Анатолий, потерявъ терпѣніе, всталъ.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ съ принужденною холодностью, но трепещущимъ и огорченнымъ голосомъ: простите мнѣ; я былъ въ заблужденіи; я полагалъ, что послѣ многихъ лѣтъ тяжкаго и безцвѣтнаго существованія я встрѣтилъ наконецъ родную мнѣ душу; я думалъ, что вы поняли мою любовь и любите меня съ той же готовностью жертвовать всѣмъ на свѣтъ для этого священнаго чувства, съ какой я самъ всѣмъ пожертвую для васъ; иногда мнѣ приходило въ мысль, что сами небеса послали мнѣ въ видѣ вашимъ ангела утѣшителя, и я обожалъ васъ. Я любилъ васъ, и забылъ все, все, что было не вы..... Ольга! зачѣмъ, показавши мнѣ блаженство, ты создаешь преграды къ нему изъ условій общества, изобрѣтенныхъ только для толпы? Ты, чистая, невинная душа, ты могла бы отбросить отъ себя эти смѣшныя цѣпи; ты могла бы..... Но простите, простите моему безумію, моей любви!..... Прощайте, Ольга; будьте счастливы, забудьте обо мнѣ..... въ любви вашего супруга, прибавилъ онъ съ горькою усмѣшкою и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

Ольга стремительно бросилась къ нему.

— Анатолий! Анатолий! ты доведешь меня до сумасшествія..... Чего ты хочешь, чего ты требуешь отъ меня? Моей любви? Но развѣ ты не знаешь, что я дышу однимъ тобою? Ты образовалъ душу мою, ты оживилъ ее новымъ огнемъ, и она давно отдалась тебѣ, второй матери своей. Какихъ жертвъ требуешь ты отъ меня? Я могу быть твоей сестрой, твоимъ другомъ..... твоей рабой, если ты этого желаешь, по..... Анатолий! сжался надо мной; не разрушай моего свѣтлаго міра, въ которомъ я едва начала жить душою.

Анатолий привлекъ ее къ себѣ и страстно прижалъ къ груди. Ольга не сопротивилась. Мысли ея помутни-

лись и она, не помня ничего, склонила голову на плечо поэта.

— Моя Ольга, прошепталъ онъ, и прильнулъ жаркими устами къ плечу ея. Ольга почувствовала ошачность чистой любви поэта, и вырвавшись изъ его объятій, въ невыразимомъ волненіи упала на диванъ.

Анатолій съ минуту оставался недвижимымъ; глаза его сверкали; онъ кусалъ губы отъ негодованія; наконецъ, медленно приблизясь къ Ольгѣ, онъ сталъ передъ ней съ ужаснымъ видомъ отчаянія и рѣшимости, вперилъ въ несчастную взоръ пронзительный и холодный, и произнесъ подземнымъ голосомъ, отъ котораго она задрожала всѣми членами.

— Такъ вотъ твоя любовь, твоя доверчивая, преданная любовь? Одинъ ноцѣлуй пугаетъ тебя! Но я не могу долге спосить этой полу-любви, этого полу-доверія. Будь моею, Ольга, моею безусловно, или прощай. Не долго мнѣ оплакивать мое заблужденіе; взгляни на меня; я ношу въ груди зародышъ смерти, и можетъ-быть скоро ты прійдешь возвратить мнѣ мой жаркій ноцѣлуй, но онъ не согрѣетъ уже этихъ оледенѣвшихъ устъ! Прощай, Ольга; будь счастлива, если можешь.....

Онъ поспѣшно скрылся за дверь. Глухой стонъ вырвался изъ груди Ольги; она полетѣла вслѣдъ за нимъ, но на порогъ столкнулась съ толстой фигурой полковника. Въ первый разъ эта встрѣча ужаснула ее; она отскочила отъ мужа, и слезы хлынули изъ глазъ изнемогающей Ольги.

Полковникъ стоялъ, выпучивши на нее свои стрые глаза, и наконецъ завопилъ жалкимъ голосомъ: «Спазмы, ахъ, мой Спаситель, вѣдь въ самомъ дѣлѣ спазмы!» И торопливо, освободившись отъ треугольной шляпы и сабли, онъ побѣжалъ за гофманскими каплями. Но Ольга между-тѣмъ пришла въ себя со

страху, который навело на нее воспоминаніе впа-
ходящаго поэта: дѣйствительно, въ этомъ видѣ было
что-то неподдѣльно адское.

Время летѣло; Ольга не видитъ Анатолія. Что пе-
речувствовала и что претерпѣла она въ это время,
скрывая свою борьбу и свое мученіе подѣ холодной
наружностью, принимая и дѣлая визиты, слушая
шутки и улыбаясь, тогда какъ тоска ледяною рукою
сжимала ея сердце, этого не понять тѣмъ, кто не на-
ходился въ подобныхъ обстоятельствахъ. И странно,
что, когда въ минуты сильнѣйшей грусти мы при-
нуждены, затанувъ сердечныя чувствованія, являться
въ общество, въ толпу холодныхъ, но всегда наблю-
дательныхъ особъ, то всегда легче выказать бѣшеное
веселіе, нежели спокойствіе и равнодушіе. Смѣясь,
возбуждая смѣхъ въ другихъ, мы охмѣляемъ самихъ
себя и кажемся непритворно веселыми. И, какъ на-
рочно, никто въ ея присутствіи не вспоминалъ объ
Анатоліи: казалось, будто всѣ забыли объ его суще-
ствованіи! Сто разъ роковой вопросъ готовился сле-
зть съ языка, но неоконченный замиралъ на устахъ
ея. Она молчала, и глубоко, невыразимо страдала въ
молчаніи.

Однажды Ольга приглашена была на балъ. Можетъ-
быть она тамъ встрѣтитъ Анатолія или хоть услы-
шитъ объ немъ! Еще одна страшная надежда рѣшила
ее принять приглашеніе: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ
дому пиршества жилъ Анатолій; можетъ-быть, про-
вѣзжая мимо его жилища, взоръ ея схватитъ мнѣныя
черты сквозь стекла оконъ, или хоть огонекъ мельк-
нетъ изъ его комнаты! Пустая мечта, прихоть, но
сердце, утомленное безплоднымъ ожиданіемъ, увле-
кается малѣйшей надеждой. И вотъ Ольга въ баль-
номъ нарядѣ; вотъ она весело является въ веселую
толпу. Уже поздно. Общество занято танцами и кар-
тами. Она удаляется въ боковую комнату, гдѣ нѣ-

сколько знакомыхъ ей особъ собрались въ кружокъ. Едва Ольга показала въ дверяхъ, какъ одна изъ дамъ встрѣтила ее вопросомъ :

— Ольга Александровна, не знаете ли вы, каково теперь здоровье нашего поэта ?

Ольга смутилась.

— Я очень давно не видѣла его, отвѣчала она съ принужденнымъ равнодушіемъ.

— Онъ опасно боленъ, продолжала услужливая дама.

Ольга вздрогнула, какъ-будто что уязвило ее.

— Пустое, моя милая, возразила другая дама: мой кузень видѣлъ его третьяго дня у графини Омброзо, и онъ былъ очень веселъ.

— Не можетъ статья; онъ боленъ и не выѣзжаетъ, сказала первая дама.

— Кто такова эта графиня Омброзо? спросила съ живостью Ольга.

— Неужели вы не знаете, отвѣчала вторая дама, этой интригантки, которая кружить теперь головы нашимъ *фleurs de poix*.

— Италіанка ?

— Почти; впрочемъ не знаю: она пріѣхала, кажется, по своимъ семейнымъ дѣламъ.

— Съ мужемъ ?

— Да она изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя не показываютъ въ свѣтъ мужей своихъ! Притомъ же, никто съ точностью не знаетъ, вдова она, или замужняя, или жена нѣсколькихъ мужей: она при всякомъ своемъ появленіи носитъ другую фамилію.

— Но это пзвѣстно, сказала одна старушка: ея первый или второй мужъ баронъ Клюквенстрёмъ, который и теперь еще живетъ въ Фіноландіи. Она бросила его въ Парижъ, и ушла съ какимъ-то Итальянцемъ, который въ свою очередь оставилъ ее.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Жоржинька.

— Вотъ, мосьё Барабановъ вѣрнѣ скажетъ намъ,

что дѣлаетъ поэтъ. — Не правда ли, сказала первая дама, обращаясь къ нему: А-ій очень боленъ?

— Не правда ли онъ былъ на вечеръ третьяго дня у графини Омброзо? сказала вторая дама.

Молодой человѣкъ, бросивъ значительный взглядъ на Ольгу, отвѣчалъ громко:

— Мой бѣдный другъ! онъ не былъ на вечеръ; онъ нигуда не выезжаетъ. Онъ быстро приближается къ вечеру своей жизни. Сегодня я былъ у него, и судя по словамъ доктора и по нѣкоторымъ признакамъ, его болѣзнь неизлечима, потому что начало ея въ душѣ, а не въ разстрѣенномъ тѣлѣ.

— Ахъ, Богъ мой! что же съ нимъ, скажите?

— Кто можетъ проникнуть въ тайны другихъ, особенно въ тайны поэта? Но я давно замѣтилъ, что его съдаётъ скрытая грусть, что онъ старался преодолѣть ее, но нѣтъ, злодѣйка, она одолѣла его.

— Не влюбленъ ли онъ? продолжала первая дама.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами; взоръ его снова обратился къ Ольгѣ, и онъ ясно выразилъ укоръ.

— Влюбленъ ли онъ, не знаю, отвѣчалъ Жоржинька помолчавши: но я увѣренъ въ томъ, что если мой другъ любить, то изъ него не пначе вырвешь тайну его страсти, какъ выѣсть съ его душою. Если онъ любить безответно, онъ погибнетъ, непременно погибнетъ. Я знаю его характеръ!

Ольга сидѣла спокойно; ничто въ ней не обнаруживало душевной тревоги; даже улыбка, которая за нѣсколько минутъ мелькнула на ея устахъ, не исчезла. Это было внезапное и совершенное окаменѣнiе. Руки бѣдной сдѣлались холоднѣе бронзоваго вѣтра, который она сжала съ такою силою, что бронза согнулась въ слабыхъ рукахъ.

Картина кончилась въ замъ; нѣсколько новыхъ лицъ вошли въ маленькую гостинную; дамы, которыя сидѣли на диванахъ, встали и смѣшались съ пришед-

пнии: въ это мгновеніе Жоржинька прошелъ мимо Ольги, бросилъ на нее суровый взглядъ, и произнесъ будто про себя: «Мой бѣдный другъ! Бѣдный Анатоій!»

Ольга затрепетала. Невыразимая горестъ и страхъ прожгли ея сердце; въ головѣ раздакъ шумъ и звонъ; всякое газовое платье казалось ей призракомъ; всякій звукъ стономъ умирающаго. И она не съ нимъ! И она не можетъ исцѣлить его нѣжными заботами, не можетъ перелить души своей въ грудь его и умереть счастливою, завѣщая ему свою жизнь и свое дыханіе! Ольга бросается въ кабинетъ хозяйки, удаленный отъ гостиной, и боязливо обводитъ взоръ вокругъ себя: передъ ней на столѣ стихотворенія Анатоіа съ его портретомъ. Жадно хватается она это милое изображеніе, прижимаетъ къ груди, цѣлуетъ, но ея пылающія уста касаются только холодной бумаги, и ей слышатся послѣднія слова поэта: «ты прійдешьъ возвратитъ мнѣ мой жаркій поцѣлуй, но онъ не согреветъ уже эти оледѣвѣвшія уста!»

— Я должна видѣть его! восклицаетъ она. Я увижу, увижу тебя, мой Анатоій!

Безумная мысль мелькнула въ разстроенномъ умѣ Ольги. Свѣтская женщина не остановилась бы на этой мысли, или по-крайней-мѣрѣ сто разъ обдумала и взвѣсила бы ее прежде исполненія; но для женщины, которая получила отъ природы необыкновенную силу души и сердца и воспиталась посреди дикой страны, для женщины съ понятіями чуждыми всякаго нечистаго помышленія, для женщины, которая шла по стезѣ идеальной добродѣтели, — приличія свѣта были ничто. Въ эту минуту ей и въ умѣ не приходила мысль о непристойности задуманнаго поступка: какъ ей нужда до того, что скажутъ чужіе люди, когда родная душа, готовясь покинуть міръ, можетъ-быть, призываетъ ее на послѣднее прощаніе? Она знаетъ

расположеніе комнатъ; она спѣшитъ черезъ коридоръ въ лакейскую, вырываетъ изъ рукъ полу-соннаго слуги свой салопъ, и, накидывая его на плеча, стремглавъ бросается внизъ по лѣстницѣ.

Вотъ она одна въ одной изъ самыхъ многлюдныхъ улицъ Петербурга; мимо нее, толкаясь, проходятъ пѣшеходы; ихъ шумные разговоры оглушаютъ ее; снѣгъ скрипитъ подъ ея ногами; морозная ночь жжетъ ея нѣжное личико; она какъ тѣнь скользитъ вдоль стѣны. Черезъ улицу, во второмъ этажѣ высокаго дома свѣтится огонекъ: она перебѣгаетъ на другую сторону улицы; атласные башмачки тонуть въ глаубокомъ снѣгу; передъ ней ворота. Ольга остановилась на минуту, перевела дыханіе, еще разъ оглянулась на домъ, изъ котораго увлекла ее безумная любовь, и вотъ она подъ темнымъ сводомъ воротъ. Вотъ дверь, вотъ лѣстница. Она торопливо взбѣгаетъ. Вотъ одиннадцатый номеръ. Рука ея протянулась къ колокольчику, и упала. Но въ коридоръ раздались голоса. Ольга въ испугъ дергаетъ ручку колокольчика, дверь отворяется, она вбѣгаетъ въ переднюю. Сонный слуга, который по-видимому привыкъ къ подобнымъ посещеніямъ, ни мало не удивился приходу женщины. Онъ ввелъ Ольгу въ залу, попросилъ подождать возвращенія господина въ его кабинетъ, потянулся, зѣвнулъ и опять легъ спать на диванъ.

Удивленная Ольга остается одна. Она не поняла, что такое слуга сказалъ ей о возвращеніи господина. Трепеща входитъ она въ дверь кабинета, куда онъ снесъ свою свѣчу прежде чѣмъ отправился на покой; съ недоумѣніемъ глядитъ вокругъ себя; видитъ азіатскую роскошь, полъ устланный коврами, вдоль стѣнъ мягкія восточныя софы, цвѣты на окнахъ, у камина пирамиду длинныхъ чубуковъ, но нигдѣ не видитъ своего поэта, своего идеала. Изъ кабинета маленькая дверь вела въ боковую комнату. Она схватила свѣчу

и осторожно проникла туда. Она съ ужасомъ думала встрѣтить тамъ блѣдное, изнеможенное лице умирающаго Анатолія, и нашла только постель его, покрытую бѣлымъ пикейнымъ одеяломъ и по-видимому не тронутую съ самаго утра. Гдѣ же онъ? Или все, что она слышала, что потрясло ея существованіе, все это было только простая игра воображенія? Она возвращается въ кабинетъ, хватается себя за голову, спрашиваетъ, не помѣшалась ли она, не сонъ ли смущаетъ ее страшными грезами. Ноги ея подгибаются; она падаетъ въ кресла. Черезъ нѣсколько минутъ, слѣдуя движенію, въ которомъ сама не могла отдать себя отчета, Ольга схватила перо. Листъ бумаги! Этотъ листъ исписанъ; она бросаетъ его въ сторону, ищетъ другаго, но въ это мгновеніе глазамъ ея мелькнуло слово «мадамъ Гольцбергъ». Что это? Письмо объ ней?..... Прочтетъ ли она чужое письмо, она, привыкшая считать подобный поступокъ за нравственное воровство? Но что дѣлаетъ въ чужомъ письмѣ ея имя? Притомъ, съ такими людьми нечего совѣститься. Она очевидно вдалась въ обманъ, и все, что можетъ привести въ ясность поступокъ Анатолія, кажется ей позволительнымъ. Она читаетъ, она прочла, но не можетъ отвести взора отъ этихъ строкъ. Вновь перечитываетъ она, медленно, произнося всякое слово отдѣльно, какъ-будто умъ ея не можетъ постигнуть и сообразить написаннаго, и вдругъ листъ выпадаетъ изъ рукъ ея. Ольга вскакиваетъ, какъ изступленная; сердце въ ней бьется; она шатается и почти безъ чувствъ упадаетъ въ кресла. Не продолжительно было счастливое забытіе: съ первымъ пробужденіемъ жизни, Ольга снова протягиваетъ руку къ роковому письму, снова пробѣгаетъ его, и при первыхъ строкахъ съ ужасомъ бросаетъ листъ отъ себя. Мученіе бѣдлжки излилось въ горькихъ рыданіяхъ. Ольга рыдала какъ дитя, какъ рыдала нѣкогда въ далекомъ краю, когда

осиротѣлая, рвалась она надъ изрытой могилой, въ которую опускали единственное звѣно, связывавшее ее съ міромъ и съ людьми. Теперь она вторично стояла надъ могилой и хоронила въ ней душу свою.

Вотъ это письмо. Оно было отъ Жоржиньки.

«Любезный Анатолій, я у тебя былъ три раза, и никогда не застаю тебя дома. Зачѣмъ ты не былъ вчера у нашей Италіянки? У нея была славная игра, навѣрное лучше той, которая влечетъ тебя къ П-у.

«Что касается до твоего порученія, то я не забылъ объ немъ, но не нѣтъ случая исполнить. Madame Holzberg никуда не выѣзжаетъ, и меня дважды не приняла. Но будь спокоенъ. Я настроилъ Софію Ивановну, чтобы она непременно заставила О-скую пригласить твою Крымскую Венеру сегодня на свой балъ: она мнѣ обѣщала сама сказать ей, что ты боленъ: остальное довершу я. Въ угожденіе тебѣ, я увѣрю ее, что ты ужасно боленъ, что ты умираешь, и, если угодно, увѣрю даже, что ты умеръ. Праго, хочешь ли? Что тебѣ притворяться больнымъ? Полу-мѣры никуда не годятся. Позволь сказать, что ты умеръ; а тамъ увидимъ, какъ воскресить тебя.»

«Georges B.

Негодяй Жоржинька!..... Но онъ тоже пишетъ стихи. Можно ли ожидать добра отъ этихъ господъ, которые пишутъ дрянные стихи?

Въ воротахъ раздался стукъ экипажа. Не онъ ли? Анатолій? Эта мысль привела Ольгу въ себя. Она бросается въ дверь, унося съ собою ужасное письмо. Лакей храпять въ залъ на диванъ. Ольга быстро пробѣжала залу; она уже въ передней, какъ вдругъ въ коридоръ послышалось пѣіе. Въ сильныхъ, дрожащихъ и фальшивыхъ его звукахъ Ольга узнала однако жъ голосъ сладкозвучнаго поэта. Она поспѣшно накинула на себя салопъ, который ощупью отыскала въ темной передней, и уже хотѣла выскочить въ коридоръ, но въ это самое время сильно зазвенѣлъ колокольчикъ

и вслѣдъ за тѣмъ удары кулаками и колѣнами страшно потрясли дверь.

Лакей не просыпался.

Дрожащая со страху Ольга не знала что съ собой дѣлать и куда дѣваться. Она была въ отчаяніи, и въ эту минуту не содрогнувшись умертвила бы себя, если бы ножъ или другое острое орудіе повалось ей въ руки. Она безчувственно стояла посреди комнаты, когда раздались новый звонъ колокольчика и новые, еще сильнѣйшіе, удары въ дверь. Ольга въ испугъ бросилась въ уголъ, и нечаянно наткнулась на ширмы. Она спряталась туда, въ этотъ нечистомъ убѣжищѣ, и въ то же время лакей вскочилъ съ дивана.

Не видя огня въ залѣ и слыша неистовое ломанье дверей, слуга поспѣшилъ броситься безъ свѣчи въ переднюю отпирать барину. Замокъ щелкнулъ, и вошелъ..... идеалъ пьяный! Первымъ дѣйствіемъ идеала была несостоявшаяся оплеуха слугѣ, который злобно уклонился отъ невѣрнаго удара: поэтическая рука описала полукружіе въ пустомъ воздухѣ, слабыя ноги идеала зашатались, и Анатолій Борисовичъ чуть не упалъ навзничь. Но за эту неудачу, изъ устъ, дышащихъ винными парами, посыпался градъ страшныхъ проклятій.

— Снимай шубу, мерзавецъ!

А Р І Я.

«Когда, съ лѣтомъ жизни, для нашихъ сердецъ

Разгулъ ильныхъ шалостей гибнетъ,

Къ бутылкѣ мы рвемся душой вако..... коко..... ко..... кокоонецъ.»

— Анатолій Борисовичъ! тихо сказалъ слуга: здѣсь есть какая-то мамзель.

— Гдѣ? заревѣлъ поэтъ.

— Въ кабинетъ-съ.

— Какая?..... Маша что ли?

— Не знаю; какая-то незнакомая. Кто ихъ всѣхъ узнаетъ!

— Хорошо! Снимай галоши.

Идеаль, видно, поднялъ ногу, но быль не въ состояннн сохранны равновѣсн: онъ со стукомъ опрокинулся наземь и завопилъ ужаснымъ голосомъ. Самыя отвратительныя проклятн снова огласнл темный воздухъ передней, — мерзкн проклятн, Ольга, а не та сладкая пѣсня любви, не тѣ возвышенныя мысли, одѣтыя въ очаровательное слово, которыя плѣняли тебя въ его книгѣ и въ театрѣ! Слуга побѣждалъ за свѣчею.

АРН НА ЗЕМЛѢ.

• Къ бутылкѣ мы рвемъ душой..... рвемъ..... рв.....в.....вемъ
накопецъ.....пецъ.....

Къ бутылкѣ..... »

Ольга имѣла довольно времени для размышленн за лакейскнми ширмами о томъ, откуда идеалы почерпаютъ тѣ восторженныя возгласы о чистой, святой любви, которые нѣкогда такъ глубоко проникли въ ея душу на берегахъ отдаленнаго моря и казались ей отголосками думъ высокнхъ, непорочныхъ, небесныхъ; и она могла дѣлать весьма философскня заключенн о различнн чувствъ печатныхъ и чувствъ, служащихъ этимъ господамъ для нхъ домашняго обихода. Когда слуга принесъ свѣчу изъ кабинета, вы увидѣли бѣ эту несчастную женщину, которую свѣтъ такъ жестоко обманывалъ въ ея чистѣйшихъ и самыхъ добродѣтельныхъ ожиданнхъ, вы увидѣли бѣ се дрожащею всѣмъ тѣломъ, блѣдною, желтою, зеленою, съ глазами, взведенными къ небу, съ посинѣвшими устами, которыя тихо произносили какую-то молитву, съ руками судорожно сжатыми, съ двумя крупными слезами, которыя, выкатившись безъ плача изъ испуганныхъ глазъ, остановились и какъ-бы замерзли на помертвѣлыхъ щекахъ. Но, къ счастью, она не дождалась свѣчи. Она, во время послѣдней пѣсни идеала, тихо подкралась къ двери,

отворила ее, выскочила въ коридоръ и стремглавъ побѣжала на улицу.

Прошли мѣсяцы. Ольга медленно оправлялась отъ злой горячки; но вмѣстѣ съ жизнію обновлялась и память прошедшаго. Страшныя воспоминанія! Какъ не охотно върило имъ сердце! Но письмо здѣсь, передъ ней; она знаетъ его наизусть, — и, въ бреду, сколько разъ твердила она съ безумнымъ хохотомъ: «Въ угожденіе тебѣ, я увѣрю ее, что ты опасно боленъ, что ты умираешь, что ты умеръ.....»

Я видѣла молодую птичку въ веснѣ ея жизни: она въ первый разъ вынорхнула изъ темнаго гнѣзда; ей представилось небо, красное солнце, и міръ Божій: какъ радостно забилося ея сердце, какъ затрепетали крылья! Заранѣй она обнимаетъ ими пространство; заранѣй готовится жить; и съ первымъ стремленіемъ попадается въ руки ловчаго, который не оковываетъ ея цѣпями, не запираетъ въ клетку, — нѣтъ, онъ выкалываетъ ей глаза, подрываетъ крылья, и бѣдная живетъ въ томъ же мірѣ, гдѣ были ей обещаны свобода и столько радостей; ее грѣетъ то же солнце, она дышитъ тѣмъ же воздухомъ, но рвется, тоскуетъ, и, прикованная къ холодной землѣ, можетъ только твердить: *не для меня, не для меня!* Если бы заперли ее въ желѣзную клетку, она бы исклевала ее и пробилась на волю, или, метаясь, израненная остриями желѣза, безъ сожалѣнія разсталась бы съ послѣдней половиной жизни, когда лучшая половина у ней отнята. Но она не въ клеткѣ; не крѣпкія стѣны окружаютъ ее; она свободна, и между-тѣмъ вѣчная мгла, вѣчное бездѣйствіе, — вотъ удѣлъ моей птички! Вотъ удѣлъ Ольги!

Гольцбергъ добился наконецъ выгоднаго мѣста. Съ наступленіемъ весны онъ оставилъ Петербургъ и поселился на короткое время въ Царскомъ Селѣ, въ ожиданіи совершеннаго выздоровленія жены. Докто-

ра грозили ей медленной чахоткой, и предписали исландскій мохъ, деревенскій воздухъ и частыя прогулки. Ольга печально качала головой, слушая эти наставленія; въ угодность мужу, она исполняла ихъ, но это прозябеніе томилло ее, и она облобызала бѣ руку, которая бы поднесла ей, вмѣсто исландскаго мху, стаканъ яду.

Наконецъ какое-то безчувствіе овладѣло ею. Медленно протекали дни и ночи: она ихъ не считала! Иногда, выходя на минуту изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, она озиралась, — и въ цѣлой вселенной не было ни одной былинки, къ которой взоръ могъ бы обратиться! Все было пусто вокругъ нея; пусто какъ и въ ея душѣ.

По часамъ, какъ заведенный автоматъ, она вставала, ложилась, ходила гулять. Въ открытой коляскѣ ее отвозили въ садъ, и тамъ она ходила по пустыннымъ тропинкамъ, подъ тѣнью едва зазеленѣвшихъ деревь. Въ одинъ изъ ясныхъ весеннихъ дней Ольга долѣе обыкновеннаго бродила въ саду, и утомленная съела на камнѣ подлѣ искусственныхъ развалинъ. Благорастворенный воздухъ оживилъ ее немного; она пробуждалась отъ своего усыпленія, но не на радость: смутныя воспоминанія, горькія чувства, столпились въ ея сиротѣлой душѣ. Прекрасно голубое небо, раскинутое надъ нею, прекрасны розовыя облака на западѣ, задернутыя какъ сѣткою вѣтвями полунагихъ деревь, прекрасенъ міръ Божій, но — не для меня, не для меня!

— Не угодно ли вамъ, сударыня, войти въ часовню? спросилъ ее незнакомый голосъ.

Ольга подняла глаза. Передъ ней стоялъ старый инвалидъ, который, опираясь на костыль, держалъ въ рукѣ связку ключей. Онъ повторилъ вопросъ. Ольга встала и пошла за нимъ.

Сквозь густыя кустарники они взобрались по лѣстницѣ на площадку. Инвалидъ отворилъ дверь ба-

шеньки и отошелъ въ сторону. Невольно Ольга обратила взоръ на прекрасную картину, которая разстилась передъ ней. Великолѣпные дверцы, красивые куполы церквей и золотые кресты, рисовались на голубомъ небѣ; озера и каналы, какъ зеркала отражали въ себѣ волшебное зрѣлище, и вдали раздавались стройные аккорды духовныхъ инструментовъ.

Ольга входитъ въ часовню. Тамъ все тихо и спокойно; высокія стѣны не покрыты ни какими украшеніями; только на мраморномъ пьедесталѣ стоитъ изображеніе Спасителя. Чувство благоговѣнія овладѣло душою Ольги. Она прислоняется къ стѣнѣ, и устремивъ глаза на кроткое лице Спасителя, впадаетъ въ глубокую задумчивость. Въ первый разъ послѣ многихъ дней душа ея не оравлена горькими помышленіями, не Анатолій, не его низкій обманъ, не его грубая жизнь и тонкіе стихи, грезятся ей: нѣтъ, ея мысли стремятся далѣе! Постепенно тишина мѣста сообщается ея разстроеннымъ чувствамъ; передъ ней какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ, проходятъ картины давно минувшихъ лѣтъ: вотъ хижина, гдѣ такъ спокойно протекло ея младенчество, гдѣ развивалась ея понятія гдѣ съ такою довѣрчивостью глядѣла она въ будущее и жизнь представлялась ей непрерывною цѣпью радостей и утѣхъ, вотъ мать ея: она нѣжно смотритъ на свое дитя и, кажется, благословляетъ младенца-дочь на дальній путь жизни; вотъ на высокомъ утесѣ древній христіанскій храмъ, и надъ нимъ, высоко въ небесахъ горитъ вѣчная звѣзда, къ которой столько разъ возносились взоры и мысли Ольги. И все прошло, прошло невозвратно! Гдѣ невинность, гдѣ беззаботность, гдѣ вѣра въ счастье? Она не знала тогда, что наши мечты и свѣтлыя надежды — цвѣты въ песчаной пустынь; что судьба-ураганъ, который налетитъ и все размететъ, и могильный холмъ возвысится, тамъ гдѣ красовались

цвѣты надежды. Теперь она узнала эту горькую истину, и безотрадная тоска змѣею впиалась въ ея сердце. Куда обратиться? въ чемъ искать отрады и спасенія? кто протянетъ ей руку помощи? Съ невыразимымъ отчаяніемъ Ольга прижимаетъ руки къ груди; крупныя слезы льются по блѣднымъ щекамъ: въ это мгновеніе незримые инструменты заиграли вечернюю молитву, и послѣдніе лучи солнца приблизились изъ-за тучъ. Свѣтъ полился сквозь готическое окно часовни, и озарилъ полнымъ сіяньемъ небесное лице Деннекерова Спасителя. Тоскливый взоръ Ольги оставался на немъ; ей чудится, что мраморъ оживаетъ, что божественное сіяніе окружаетъ святой ликъ, что перстъ Богочеловѣка указываетъ ей небеса, что очи его глядятъ съ любовью на страдальцу, что и уста его произносятъ: «Прійдите ко мнѣ страдающіе и обремененные, и я успокою васъ.»

Съ трепетнымъ ожиданіемъ смотрѣла Ольга на святое изображеніе, и лучъ надежды проникалъ въ ея душу, и, какъ будто послѣ продолжительной слѣпоты, глаза ея постепенно прозрѣвали. Она вдругъ повергается ницъ къ ногамъ небснаго утѣшителя. Съ теплой вѣрою молится она, изливая душу свою передъ Нимъ; слезы раскаянія орошаютъ мраморъ, и тяжелое чувство свалилось съ обремененной груди. Она дышитъ свободно, съ младенческою радостью смотритъ на святой ликъ: она нашла цѣль жизни, — нашла друга, отраду, утѣшеніе! Съ этой минуты существованіе ея наполнено.

Я читала письмо ея къ Вѣрѣ:

«Мой другъ, мое послѣднее письмо устало тебя: но забудь объ немъ, Вѣра, забудь объ немъ! Я спокойна, я счастлива, я разгадала наконецъ тайну женщины! О зачѣмъ, зачѣмъ отъ дѣтства не указали мнѣ то, къ чему дошла я терновой стезей! Сколько утраченныхъ годовъ и силъ душевныхъ, сколько сомнѣній, болзип, заблужденій!..... Но про-

шедшее не возвратимо: забыть объ немъ, вотъ одно мое стараніе. Ахъ, Вѣра, это труднѣе нежели я полагала! Но я восторжествую надъ своей слабостью: я вырву изъ сердца воспоминаніе объ немъ, хотя бы оно разорвалось отъ этого усилія!

«Теперь, оглядываясь на прошедшую жизнь мою, я разделяю ее на три поры. Прекрасна была первая, когда, съ желаніемъ добра, съ готовностью любить, я вошла въ свѣтъ! Но это было только заря, и она рано скрылась за темными облаками. Вторая пора наступила съ моимъ замужствомъ. Меня осудили жить, проводить всѣ дни, всѣ часы моего существованія, съ человѣкомъ, котораго я не могла любить, свосить грубыя ласки того, чье одно прикосновеніе приводило меня въ содраганіе..... Сколько разъ, встрѣчая на всякомъ шагѣ понятія совершенно противоположныя моимъ, сколько разъ я пламенно желала измѣнить свой характеръ, привязаться къ обществу, къ этимъ звонкамъ, къ этимъ игрушкамъ, которыя занимаютъ существованіе столькожъ умныхъ и милыхъ женщинъ! Многія изъ нихъ считали бы себя счастливыми въ моемъ положеніи, но это было выше силъ моихъ. Я чувствовала, что есть въ мірѣ состояніе, которое можетъ дать человѣку понятіе о райскомъ блаженствѣ на землѣ: но гдѣ, въ чемъ искать его? Я не понимала этого, и устремилась всѣми силами души къ одной мечтѣ: она сдѣлалась моей господствующей думой, второй жизнію моею; я дотого слилась съ ней существованіемъ, что, даже послѣ роковой встрѣчи, мнѣ и въ мыслѣ не приходило, что я люблю молодого человѣка, забываю долгъ супруги, дѣлаюсь жертвою моего заблужденія... Онъ безжалостно сорвалъ повязку съ глазъ моихъ. Благодарю тебя, Анатолій! благодарю! Но кто отдастъ мнѣ мою испорченность, мое спокойствіе? Страшно носить въ душѣ укоръ, всечасно слышать голосъ совѣсти, и не смѣть сказать самой себѣ — Я чиста, я безгрѣшна!

«Но вотъ пришла третья и послѣдняя пора: я безъ страха смотрю въ даль; тамъ сіяетъ мнѣ небесная заря прощенія и надежды. Съ вѣрою и упованьемъ иду моимъ путемъ; отнынѣ ничто не нарушитъ моего спокойствія; я отвергла всѣ земныя помысленія, всѣ чувства..... Нѣтъ, Вѣра, одно еще жаветь и будетъ жить во мнѣ до могилы, — дружба къ тебѣ!

Мой мужъ будетъ счастливъ столько, сколько я могу осчастливить его. И я, Вѣра, я также буду счастлива, потому что я постигла наконецъ, что если женщина, по злой прихоти рока, или по волю непостижимой для насъ, получаетъ душу болѣе возвышенную, умъ нѣсколько свѣтлѣе обыкновенныхъ умовъ, характеръ несходный съ нравами господствующими въ нашемъ свѣтѣ, пламенное воображеніе, и сердце жадное любви, то напрасно станеть она искать вокругъ себя взаимности или цѣли существованія, достойной себя. Ничто не наполнить пустоты ея бытія, и она истомится безплоднымъ стараніемъ привязаться къ чему-нибудь въ мірѣ. Свѣтъ, другъ мой, составленъ изъ толпы, и годенъ только толпы. Для такой женщины въ немъ нѣтъ счастья; слава, быть-можетъ, есть; ничтожная, углая слава, но счастья нѣтъ. Одаренной неизмѣрною способностью любить и чувствовать, не земныя привязанности могутъ удовлетворить ея жажду! Ея любовью долженъ быть Спаситель, ея цѣлью небеса! *Ольга Г.*»

ЗНАНЦА Р — — — — ВА.

=

ПУШКИНЪ.

=

Умеръ онъ. Пѣсня его умолкла. Погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ Русской землѣ печальною вѣстью — «Пушкина пѣть!» Свѣтлая Божія весна скоро зазеленѣтъ , и въ тающемъ снѣгѣ Псковскихъ лѣсовъ впервые обнажитъ холодную, безмолвную могилу великаго Русскаго поэта.

Человѣкъ умеръ. Миръ тебѣ , усопшій братъ! Что жъ? Каждый день умираютъ люди. Каждый день сердятся суетливые живущіе, что чей-нибудь похоронный поѣздъ мѣшаетъ имъ свободно мчаться по широкой улицѣ. Каждый день кто-нибудь изъ живущихъ плачетъ надъ чьей-нибудь могилою. И каждый годъ зарастаетъ какая-нибудь могила травой въ забвеніи ; и каждый годъ рѣдѣютъ сколо насъ ряды нашихъ спутниковъ, гаснутъ надежды живущаго поколѣнія , темнѣютъ его радости, неконченныя и мимолетныя какъ падучая звѣзда. Новый потскъ жизни смѣняетъ потокъ быстро высыхающій , и тѣснить гробъ колыбелью. Свѣтъ забывчивъ : онъ скоро забудетъ и Пушкина , какъ забылъ тыщи своихъ великихъ и малыхъ со-

* Статья эта написана по просьбѣ редактора Б. для Ч., который считаетъ долгомъ изъяснить, въ самомъ началѣ, искренною благодарностью свою ея почтенному автору не только за прекрасный трудъ , такъ вѣрно изображающій *общія* ихъ чувствованія , но и за дружескую готовность его приняться за перо въ минуту самой живой скорби. Статья была писана вслѣдъ за кончиною поэта, котораго мы оплакиваемъ потерю.

братій. Слезы высохнутъ. Улыбка смѣнитъ печаль. Изрѣдка будетъ еще оживляться нѣсколько времени бесѣда современниковъ разсказами о Пушкинѣ; но пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и только немногіе изъ насъ, дряхлые старики, будутъ говорить — «Я зналъ его, видалъ, помню.» Юное поколѣніе будетъ прислушиваться къ рѣчамъ этихъ стариковъ. Но еще нѣсколько лѣтъ, и отъ насъ, современниковъ, останется только рядъ могилъ, связка летучихъ замѣтокъ, память добра и зла нашего, темная и безотчетная молва о томъ, что мы были и что такое мы были.

Въ какое время эту грозную истину лучше можно сказать человѣку какъ не теперь, на свѣжей могилѣ Пушкина, когда еще такъ тяжело сердцу, такъ больно душѣ; когда еще слезы невольно вырываются изъ глазъ при печальной вѣсти — «уже нѣтъ Пушкина!»

Удержимъ безразсудный ропоть. Все добро, все благо, въ твоемъ прекрасномъ созданіи, Творецъ жизни и смерти! Кто умеръ, тотъ довольно жилъ: и когда надежды на будущее превращаются въ грусть о минувшемъ, да благоговѣть наше разстерзанное сердце передъ Твоею неисповѣдимою волею!

Въ холмистой странѣ могилъ, которая поспѣшно вырастаютъ изъ почвы нашего вѣка, взоръ потомка будетъ искать, и отыщетъ, могилу твою, нашъ поэтъ! И надъ этою могилой, черезъ годы и столѣтія, всегда равно будетъ горѣть, для избранныхъ, неугасаемый пламень вдохновенія! Къ ней подойдетъ также холодное любопытство, и на ветхомъ, полуразрушенномъ камнѣ прочтетъ —

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

РОДИЛСЯ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАГО МАІЯ, 1799 ГОДА.

СКОНЧАЛСЯ

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ЯНВАРЯ,
1837.

«Чья это могила?» спросить разсвѣнная суетливостъ.

«Онъ жилъ, скажутъ знающіе люди, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и писалъ стихи. Можете прочесть обстоятельное жизнеописаніе его въ новомъ изданіи словаря Русскихъ писателей. Современники называли его первымъ изъ своихъ стихотворцевъ: въ самомъ дѣлѣ, стихи его хороши по своему вѣку и времени.»

Вы ошибетесь, будущіе знатоки прошедшаго! Вы стоите на могилѣ не стихотворца, но памятнаго чловека и истиннаго поэта: благоговѣйте передъ главнымъ прахомъ нашего Пушкина! Онъ равно современникъ и вашего и нашего вѣка. И жизнь его равно поучительна для всѣхъ вѣковъ.

Онъ былъ поэтъ.

Въ толпѣ поколѣній, которыя тѣснятся по дорогѣ, ведущей отъ колыбели до гроба, спѣша смѣнить пеленки саваномъ, являются иногда пришлецы, — странные скитальцы на землѣ, бездомные и сирые. У всякаго изъ насъ есть какое-нибудь занятіе въ жизни. У этихъ странниковъ нѣтъ занятія. Они лепечутъ только какіе-то гармоническіе звуки, иногда такъ внятно, что даже толпа людей слышитъ ихъ, приходитъ въ восторгъ, останавливается, и, указывая на пришлеца, восклицаетъ: «Поэтъ!» — Гдѣ онъ? — Гдѣ онъ? — Неужели явился новый поэтъ? — Да, явился новый фигляръ на ваше позорище, новый безумецъ. Бѣгите, бѣгите за нимъ! Послушайте его пѣсень! Смотрите, вотъ онъ! — И толпа смотритъ. — Да онъ какъ всѣ? Онъ какъ всѣ мы? — Разумѣется!

•И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.»

Но что жъ онъ не поетъ? Онъ, кажется, страдаетъ чѣмъ-то? — И онъ опять запѣлъ. — Какъ это нехорошо! неправильно! Прежде онъ лучше пѣвалъ. Посмотрите, какъ онъ дурачится! А вотъ еще запѣлъ другой: этотъ

поетъ лучше; въ этомъ больше надежды. — Надежды?..... Бѣдные люди! на чью это могилу споткнулись вы? — Какъ? это его могила? Жаль, жаль поэта! Онъ рано умеръ! — И суетливо пробѣжала впередъ людская жизнь, оставивши за собою потомству могилу вдохновеннаго; могилу, окропленную теплыми слезами немногихъ, у кого сердце билось къ нему сочувствіемъ. Одни только они стоятъ, погруженные въ мрачную думу, надъ его гробомъ!

Не вините толпы, не вините людей: она права, они правы. Поэзія — безуміе; непонятное, странное безуміе; тоска по небесной отчизнѣ. Ее ли понимать вамъ на землѣ?

Не вините людей. Дѣйствительно, такъ: сами поэты виноваты передъ людьми; факиры — мечтатели, добровольные страдальцы, лунатки, повинующіеся силѣ непостижимаго луча, который падаетъ на нихъ откуда-то свыше и приводитъ въ вѣщее снобствіе. Не думайте, чтобы толпа всегда отвергала этихъ дивныхъ собратій, чтобы она не плакала иногда съ ними, чтобы она не давала имъ иногда гремушки своей дружбы, не дарила ихъ дурацкимъ колпакомъ своей любви. Но съ презрѣніемъ бѣжитъ поэтъ отъ ея объятій и, какъ слезы крокодила, отвергаетъ онъ слезы толпы. Въ ярости своей за состраданіе къ нему, онъ платитъ эпиграмною за участіе, насмѣшкою за любовь. Отъ него люди отвергнулись: онъ мучится; его похвалили: онъ насмѣхается. И вѣчно недовольный собой, другими, жизнью, онъ гибнетъ; гибнетъ, когда его охватываютъ холодныя объятія свѣта; гибнетъ, когда на него сыплются всѣ дары земнаго счастья; гибнетъ, когда зависть обременяетъ его позоромъ безславія, и когда злое невѣжество терзаетъ его въ отмщеніе за свое безславіе. Сколько жертвъ сгорѣло этимъ страшнымъ внутреннимъ огнемъ, оттого что не было выхода ему изъ души, во мракъ бѣдности,

униженія, суеты! И сколько звѣздъ потухло, оттого что высоко избрали себѣ жилище, и не было имъ живительной, необходимой стихіи жизни на высоту, гдѣ носятся только бурныя тучи! Сколько небесныхъ гостей задохлось въ угаръ свѣта и страстей! Не думайте, чтобы рожденіе, богатство, знатность, спасали поэта; чтобы ничтожество и бѣдность убивали его. Байронъ былъ перъ и богачъ; любовь и слава лелѣли его, а онъ спѣшилъ умереть за недостойныя развалины Греціи. Шекспиръ прибѣжалъ за кускомъ хлѣба въ Лондонъ, и ушелъ назадъ, въ съдную отчизну свою, отказавшись отъ похвалъ и денегъ, и умоляя только людей — «ради имени Божіяго не трогать костей его». А этотъ непостижимый, желѣзнаго тѣла, Гёте, который умеръ въ глубокой старости тайнымъ совѣтникомъ, съ звѣздами на груди и улыбкою самодовольствія на устахъ; это удивительное явленіе, олицетворенное равновѣсіе міра духовнаго съ міромъ вещественнымъ? Не вѣрьте ему; не вѣрьте тому, что онъ говорилъ: онъ началъ «Вертеромъ» и кончилъ «Фаустомъ»! Ломоносовъ, сынъ бѣднаго рыбака, горько жалѣлъ на смертномъ одрѣ о своей жалкой участи, какъ перваго ученаго и стихотворца въ отечествѣ. Державинъ сдѣлался ребенкомъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и самъ не понималъ своихъ вдохновенныхъ страницъ.

Такова участь поэзи; таковы поэты, были, суть, будутъ, всегда и вездѣ. Бѣдный юноша, если въ твоёмъ взорѣ просвѣчиваетъ вдохновеніе, мнѣ жаль тебя! Бѣдная дѣвушка, если твоя душа хочетъ прижаться къ душѣ поэта, я жалью о тебѣ! Прочь отъ этой тлетворной горячки, пожирающей челоуѣка съ душой полною гармоніи! Хотите ли выкупать нѣсколько мгновеній, — правда не земныхъ, такихъ, какъ другіе люди не знаютъ на землѣ, — выкупать, можетъ-быть, годами страданій, слезами, скорбью,

какихъ другіе люди также не знаютъ? Безумный Прометей! похищай послѣ того огонь съ неба: онъ будетъ твой губитель! Безразсудная Семела! зови къ себѣ Юпитера: онъ явится и сожжетъ тебя.

Пушкинъ былъ, въ наши дни, именно такимъ явленіемъ, такимъ незваннымъ гостемъ на пиру жизни. Онъ былъ истинный поэтъ, какими не дѣлаются, а рождаются, по добродушному признанію Горация, который на зло своему убѣжденію хотѣлъ *сдѣлаться* поэтомъ.

Не теперь, когда и дерномъ не покрылась еще свѣжая могила чудеснаго пѣвца, не теперь говорить о жизни Пушкина, непрерывной ошибкѣ, смѣси неба съ землей, рѣшительности генія съ недоверіемъ челоуѣка къ самому себѣ, гордой мечтѣ и бѣдной сущестственности. Пусть холодный судъ другихъ тяготѣетъ надъ его гробомъ. Мы, которые знали, видѣли его, мы, за него страдавшіе, когда онъ шелъ вопреки своему назначенію, когда онъ сбивался съ своего пути, — падалъ, — вставалъ съ новыми силами, — опять падалъ, — будь онъ въ живыхъ, мы сказали бы, и даже мы говорили ему при жизни, много такого, чего не можемъ сказать теперь. Страдалецъ земнаго бытія! онъ успокоился наконецъ, замолчалъ, кончилъ..... Бурно, огненно, неровно было его земное страствованіе. Увлеченный мечтами юнаго и пламеннаго воображенія, онъ истратилъ первый цвѣтъ жизни на эти безразсудныя мечты: и неужели вы думаете, что онъ не понималъ этой траты, онъ, одаренный такимъ пре-вышающимъ дарованіемъ, такимъ свѣтлымъ умомъ, онъ, говорившій въ 1825 году:

«Служенье музъ не терпитъ суеты;
 Прекрасное должно быть величаво.
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты:
 Опомнися, но — поздно! — и увяло
 Глядя въ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ!»

И вотъ , въ самомъ разгаръ жизни , въ пылу своего блестящаго дарованія , Пушкинъ на радость себѣ возвращенъ былъ священному служенію музъ. Рукописаніями пріветствовало его отечество. Прошло два года , и Пушкинъ горестно жаловался , въ пльнительныхъ стихахъ , которые одинъ изъ великихъ современныхъ поэтовъ называлъ тогда лучшимъ его произведеніемъ :

• Когда для смертнаго умолкнетъ шумный днь ,
И на пьмые стогна града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тнь
И сонъ , дневныхъ трудовъ награда ,
Въ то время для меня влчатся въ тишпвъ
Часы томительнаго бднья :
Въ бездйствіи ночномъ живѣй горять во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья ;
Мечты кипять ; въ умѣ , подавленномъ тоской ,
Тѣснится лязжикъ думъ избтокъ ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Спой дрянный развиваетъ свитокъ ,
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою ,
Я трепещу , я проклинаю ,
И горько жалуясь , и горько слезы лью ,
Но строкъ печальныхъ не смываю . »

Вспомните , какъ тогда же доспрашивался Пушкинъ у судьбы своей , зачѣмъ живеть онъ :

• Даръ напрасный , даръ случайный ,
Жизнь , зачѣмъ ты мнѣ дана ?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь обречена ?
Цѣли вѣтъ передо мною :
Сердце пусто , празденъ умъ ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ ! »

И Пушкинъ могъ такъ говорить ? Онъ ли могъ называть умъ свой *празднымъ* и сердце *пустымъ* ? Да ! И мечта о смерти уже мелкала тогда въ душѣ его :

• Младенца ль милаго ласкаю ,
Уже я думаю — прости !

Тебѣ я мѣсто уступаю;
 Мнѣ время тлѣть, тебѣ пѣсти.
 «День каждый, каждую годину
 Привыкъ я душой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Межъ нихъ стараясь угадать.»

Съ печальною веселостью, съ горестною усмѣшкою, онъ высказывалъ то же самое другими словами. Вспомните окончаніе шестой пѣсни «Онѣгина».

«Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ вѣчная къ пей рѣка — младость?
 Ужель и въ правду наконецъ
 Увяль, увяль, ея вѣнецъ?
 Ужель и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,
 Безъ поэтическихъ затѣй,
 Всяка мнѣхъ промчалась дней,
 Что я шутя твердилъ досель?
 И ей ужель возврата нѣтъ?
 Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?»

И какая-то задумчивая молитва навѣвалась на сердце поэта, вмѣстѣ съ досадою, послѣ этой улыбки. Вотъ она. И какъ она прекрасна!

«Но ты, младое вдохновенье,
 Волеуй мое воображенье,
 Дремоту сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилетай,
 Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть
 И наконецъ окаменѣть
 Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
 Среди бездушныхъ гордецовъ,
 Среди блистательныхъ глупцовъ,
 Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
 Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
 Злодѣевъ п смѣшныхъ и скучныхъ,
 Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
 Среди кокетокъ богомольныхъ,
 Среди холоповъ добровольныхъ,
 Среди всеневныхъ модныхъ сценъ,
 Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
 Среди холодныхъ приговоровъ

Жестокосердой суеты,
 Среди досадной пустоты
 Расчетовъ душъ, и разговоровъ, —
 Въ томъ омутъ, гдѣ съ вами я
 Купаюсь, милые друзья!»

Кому жъ были жертвы поэта? какому бездушному
 истукану поклонялся онъ? Гдѣ онъ искалъ вдохнове-
 ній, — онъ, который говорилъ намъ, что всегда и
 сразу —

«.....всѣхъ въ гостинной занимаетъ
 Такой безсвязный, пошлый вздоръ!
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно!
 Они клеветаютъ даже скучно;
 Въ бесплодной сухости рѣчей,
 Распирсовъ, сплетней и вѣстей,
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
 Хоть невзначай, хоть ва-обумъ,
 Не улыбнется томный умъ,
 Не дрогнетъ сердце, — хоть для шутки;
 И даже глупости смѣшной
 Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!»

Помните ли еще эту горькую шутку, которою кон-
 чился «Онѣгинъ» —

«Блаженъ, кто праздникъ жизни равно
 Оставилъ, не допивъ до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочелъ ея романа!»

Сквозь слезы проговорена была эта шутка: да! И
 вслѣдъ за нею тяжело отозвался грустный поэтъ,
 увѣряя, будто — блаженъ, —

«Блаженъ, кто смолodu былъ молодъ,
 Блаженъ, кто во время дозрѣвъ,
 Кто постепенно жизни холодъ
 Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ!.....

«Но грустно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана,
 Что изменяли ей всечасно,
 Что обманула насъ она;
 Что наши лучшія мечтанья,
 Что наши свѣжія желанья

Истлѣли быстрой чередой,
 Какъ листья осени гнилой.
 Несносно видѣть предъ собою
 Однихъ объѣдовъ длинный рядъ,
 Глядѣть на жизнь какъ на обрядъ
 И вслѣдъ за чинвою толпою,
 Пути не раздѣляя съ ней,
 Ни общихъ мнѣній, ни страстей.»

Теперь, въ этихъ поэтическихъ запискахъ, въ этой исповѣди души, понимаете ли вы человѣка въ поэтѣ, поэта въ человѣкѣ? видите ли несчастную вражду ихъ между собою? Вотъ онъ еще, — грустный отголосокъ души поэта!

«Увы! на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По тайной волѣ Провидѣнья,
 Выходять, зрѣютъ и падутъ;
 Другія имъ вслѣдъ идуть.....
 Такъ наше вѣтренное племя
 Растеть, волнуется, кипить,
 И къ гробу праотцевъ тѣснить!
 Придетъ, придетъ и наше время.
 И наши внуки, въ добрый часъ,
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ!.....»

«Покаместъ, упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнью, друзья!
 Ея ничтожность разумю,
 И мало къ ней привязанъ я.
 Для призраковъ закрылъ я вѣжды,
 Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
 Живу, пишу, не для похвалъ;
 Но я бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій мой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ.»

Но не здѣсь вполнѣ высказывался великій поэтъ.
 Вотъ его послѣдній, надгробный голосъ, страшный

воплъ разстерзаннаго бытія, вопль уже безъ шутки, уже безъ притворной улыбки: и могли ли мы думать, что это будетъ послѣдняя, лебединая пѣсня Пушкина?..... Съ невольнымъ содраганіемъ сердца повторяемъ мы теперь эти унылыя звуки, вылетающіе къ намъ, какъ-будто изъ гроба:

«Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
 Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ тѣмъ сильнѣй.
 Мой путь уныль. Сулитъ мнѣ *трудъ и горе*
 Грядущаго волнующее море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И выдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья.
 Порой опять гармоніей упыюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
 И, можетъ-быть, на мой закатъ печальной
 Блеснетъ любовь улыбкою прощальной!»

Теперь, ни надеждъ, ни грядущему, уже нѣтъ мѣста. Миръ заключенъ, расчетъ конченъ и скрѣпленъ лопатой могильщика. Осталось навѣки одно прошедшее. Что жъ? мы теперь «потомство» его. Живые, мы станемъ гокругъ безмолвнаго жилища мертвеца, и начнемъ разыгрывать печальную комедію. Кто намъ помѣшаетъ? За осужденіе намъ уже нечего бояться бѣшенной эпиграммы разъяреннаго поэта, а похвалой и крикомъ удивленія, мы, можетъ-быть, останемся въ выигрышъ передъ живыми. Можемъ даже причестся въ друзья его. Онъ уже не скажетъ теперь:

«Ужъ эти мнѣ, друзья, друзья!
 Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.»

И насъ, пожалуй, почтутъ чѣмъ-то, если мы скажемъ, что для Пушкина были мы что-то.

Нѣтъ! близъ могилы великаго Русскаго поэта мы не будемъ ни хвалителями, ни осуждателями его.

Живымъ пригодятся похвала и лесть : мертвымъ надобна одна истина. Но мы предоставимъ судъ и рѣшеніе настоящему потомству. Мы еще не потомство для Пушкина, когда не остыли страсти, которыя равно одушевляли его и насъ, когда въ насъ сохраняются личныя впечатлѣнія его жизни и созданій, когда душа стѣснена тяжкою болью отъ его потери.

Пушкина-человѣка мы старались изобразить его собственными словами. Вы слышали эти слова? Разгадывайте ихъ и узнавайте его въ собственныхъ его признаніяхъ.

Но Пушкинъ-поэтъ?

Даже для того, чтобы современники поняли великость своей потери и справедливость нашей печали, и чтобы люди не почли приличій нашей грусти за тщеславіе, мы должны говорить о Пушкинѣ какъ поэтъ. Мы должны также сохранить для потомства современныя чувства и впечатлѣнія, чтобы они послужили ему повѣркою его выводовъ. Мы должны сказать нашимъ внукамъ, какое дѣйствіе производилъ Пушкинъ надъ нами.

Гдѣ говорится отъ души, тамъ едва-ли можно ошибиться.

Пушкинъ не принадлежалъ къ тѣмъ вѣковымъ гениямъ, которыя появленіе въ мірѣ становится рѣже и рѣже и, быть-можетъ, сдѣлается наконецъ совершенно невозможнымъ, какъ появленіе первобытныхъ феноменовъ земной природы, въ раздробленномъ быту нашемъ, при смѣшеніи и сшибкѣ умножающихся стихій и дѣятелей общества. Гомеръ, Данте, Шекспиръ уже и теперь невозможны. Это мифологическія лица.

Но тѣмъ ярче и сильнѣе могутъ блеснуть частныя геніи, проявленія одной какой-нибудь стороны человеческого духа и одного народа.

Всѣ эти проявленія не могутъ выходить изъ предѣловъ своего назначенія, своего времени, своего мѣста,

и они тѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ достопамятнѣе, чѣмъ благоприятнѣе обстоятельства, время и мѣсто.

Въ этомъ положеніи чловѣческаго міра, Пушкинъ былъ поэтъ, *великій лирическій поэтъ*, и полный представитель своего современнаго отечества.

Только два такихъ поэта было у насъ донинѣ, Державинъ и Пушкинъ. Оба они были лирическіе. Мы такъ еще свѣжи и юны, какъ народъ и какъ общество, что другаго рода поэты не могли у насъ явиться. Державинъ былъ представителемъ царствованія Екатерины: его приготовили Ломоносовы, Кантемиры, Сумароковы, Петровы и классицизмъ. Пушкинъ былъ представителемъ окончанія царствованія Александра и начала царствованія Николая: его приготовили Карамзины, Жуковскіе, Дмитріевы, Батюшковы, и романтизмъ.

Обоихъ захватилъ къ себѣ свѣтъ, и погубилъ ихъ какъ поэтовъ. Оба увлеклись пылкостью своихъ впечатлѣній, къ чуждой для себя сферѣ, и не могли осуществитъ всей своей самобытности. Но оба стали выше всѣхъ своихъ сверстниковъ, и оба вполнѣ выразили свой народъ.

Толпа спутниковъ окружила Державина: около него тѣснились Капнисты, Нелединскіе, и подражаніе ему увлекло безчисленное множество болѣе или менее важныхъ дарованій. Не то ли было съ Пушкинымъ? Выйти изъ своего вѣка, и стать впереди его, никто не можетъ. Если вы слышите иногда подобныя слова, не вѣрьте имъ. Это слова громкія, но пустыя. Но сильный умъ, но геній, можетъ заключить въ себѣ всю современную образованность своего народа, можетъ угадать всѣ его тайныя побужденія и потребности, и выразить ихъ удачно: отъ этого кажется онъ какимъ-то вдохновеннымъ прорицателемъ всего, что темно и неясно для умовъ обыкновенныхъ.

Въ теченіи двадцати лѣтъ, Пушкинъ пережилъ и перечувствовалъ всей жизнью и всѣми мыслями своего времени и своего народа. Эти остатки классицизма и восемнадцатаго вѣка, въ первыхъ его твореніяхъ; безотчетное бѣгство къ новымъ идеямъ; безсистемное, юношеское стремленіе къ нововведеніямъ, которыми кипѣли литературы Англійская, Германская, Французская съ 1815 года; отвращеніе отъ гибельныхъ слѣдствій, какими кончились эти усилія для большей части Запада; потомъ мысль о собственной самобытности, о народности, сѣверной, восточной, Русской; опыты создать ее въ литературѣ; необходимость труда разнообразнаго, переходы къ драмѣ, повѣсти, роману, исторіи, народной сказкѣ; вѣчное неудовлетвореніе себя тѣмъ, что довольствовало умъ обыкновенный; непрерывное движеніе впередъ, и неизбежныя оттого усталость, сомнѣніе, недовольство самимъ собою и другими, — все это не показываетъ ли генія, рожденнаго въ вѣкъ переходномъ? Таковъ былъ Пушкинъ.

Что же совершилъ онъ?

Но развѣ не исполинскій подвигъ — представить собою свое время и свой народъ въ области поэзіи? Какимъ благороднымъ чувствомъ современнымъ не билось теплое сердце нашего поэта? Что прекрасное и славное не находило сочувствія въ его душѣ? Хотите ли исчислить все, что высокаго и задушевнаго успѣлъ перемыслить и сказать Пушкинъ въ жизнь свою? Перѣбѣгите все, что вртзалось неволью въ сердце ваше отъ его неподражаемыхъ стиховъ.

Да! неподражаемыхъ. Когда мы всѣ умремъ, когда простынутъ наши сердца, и новыя времена, новыя подвиги, новыя впечатлѣнія овладѣютъ чувствами Русскими и далеко оставятъ за ними понятія и происшествія, одушевлявшія Пушкина, и тогда еще онъ будетъ великій писатель, которому могутъ явиться рав-

ные по подвигу, но никогда равные по подражанію. Тому, что онъ сдѣлалъ для Русской поэзіи, подражать не возможно. Истинный истолкователь главной тогдашней потребности своего народа, онъ заговорилъ чистымъ, кореннымъ, живымъ языкомъ Русскимъ въ своихъ пѣсняхъ, и вся наша поэзія заговорила этимъ языкомъ. По его волшебному слову, она вдругъ, съ одного конца Россіи въ другой, скинула свое старое облаченіе и одѣлась въ новое и чистое платье. Черезъ полвѣка, черезъ вѣкъ, вы можете сдѣлать то же самое: заговорите тогдашнимъ современнымъ, живымъ, языкомъ, то есть, умѣйте заговорить имъ подобно Пушкину, и вы будете Пушкиными того времени. Но умѣйте заговорить! А это не легко. Однимъ изъ драгоценнѣйшихъ качествъ Пушкина былъ его невыразимо чуткій и вѣрный вкусъ. Его ухо, его языкъ, его перо, издали чули то, что неловко, негладко, неизящно по Русски. Онъ иногда позволялъ и себѣ небрежности, которыя кажутся уклоненіями отъ этого удивительнаго чувства изящности современнаго языка, но онъ не старался выдавать ихъ за образцы, и самъ называлъ ихъ *небрежностями*. Мы говоримъ здѣсь только о Пушкинѣ въ стихахъ. Этотъ огромный шагъ, который онъ заставилъ нашу поэзію сдѣлать легко, мгновенно, останется навсегда величайшимъ его подвигомъ и будетъ первымъ его правомъ на безсмертіе и благодарность Русскихъ. И слѣдствія этого подвига, который принадлежитъ лично ему и весьма достаточно для одного человѣка, чрезвычайно важны и неисчислимы. Но такой подвигъ былъ замѣченъ не всеми, и скоро забытъ почти всеми. Изумленные имъ, мы непрерывно ждали новыхъ, еще болѣе блестящихъ, подвиговъ и, конечно, требовали отъ Пушкина болѣе чѣмъ можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ. Мы были несправедливы. Наши чрезмѣрные требованія виною, если онъ не всегда удовлетворялъ насъ.

Пока былъ онъ живъ, пока онъ являлся между нами, мы забывали Пушкина настоящаго, и смотрѣли въ настоящемъ только на Пушкина будущаго. Но самое это требованіе цѣлаго и могущественнаго народа отъ одного человѣка, эта боязнь всѣхъ за одного, это общее ожиданіе, что поэтъ, новымъ, бурнымъ переливомъ генія черезъ скалы и утесы, удовлетворитъ каждой новой потребности нашихъ умовъ и сердецъ, — вотъ мѣра генія Пушкина. Къ нему, и только къ нему одному, относились наши требованія и ожиданія; только за него одного мы трепетали и боялись. Другіе пѣли или, когда угодно, писали: но кто препятствовалъ имъ пѣть и писать, какъ имъ угодно и чтѣ угодно! Спокойно могутъ и теперь, послѣ Пушкина, всѣ другіе пѣть и писать, потому что, въ Русскомъ поэтическомъ мірѣ, кромѣ его одного, мы ни за кого не боимся, и ни отъ кого ничего не надѣемся.

Таково было мѣсто Пушкина-поэта въ современной Россіи. Оглянитесь кругомъ: нѣтъ другаго Пушкина среди пятидесяти милліоновъ нашего славнаго, умнаго Русскаго народа! Русская почва плодородна на великое. Пушкины явятся снова; еще лучше, еще прекраснѣе будутъ они, но среди насъ, живущихъ нынче, — нѣтъ другаго Пушкина. Это говоримъ мы, современники его, и это подтвердить потомство.

И какъ на могилѣ такого человѣка, -- когда мы притомъ знаемъ избытокъ силъ, хранившихся въ его пламенной душѣ и яркомъ умѣ, — когда жизнь его была несчастною ошибкою и кончилась разрушеніемъ надеждъ нашихъ, — какъ намъ не сокрушиться сердцемъ, не плакать, — не за него, а за себя?.....

Это невозможно. Пусть же немногія слова, которыя теперь вырываются неволью изъ сердца, пусть они покажутъ, что если мы не умѣемъ высказать вполне чувства нашего, мы по-крайней-мѣрѣ хотѣли высказать его. Чувство блага и чувство горестной

утраты Русской литературы въ Пушкинѣ близки въ нашей душѣ.

Слова скорби пролетаютъ, хоть и шевелятъ нынче сердца, которымъ доступно чувствованіе простое, искреннее, непритворное. Слово мало. Неужели мы оставимъ забвенною одинокую могилу нашего чуднаго, единственнаго поэта?

Русскій Царь, котораго великая душа вмѣщаетъ въ себя высокія Русскія чувствованія, и первая радуется радостью Россіи, и первая за насъ всѣхъ печалится нашими печалями, Русскій Царь Самъ показалъ и Своей отеческою заботливостью о Пушкинѣ въ послѣднія его минуты и великостью Своихъ благодѣяній къ его вдовѣ и сиротамъ, какъ велика наша потеря. Дѣти нашего поэта будутъ Имъ воспитаны, и уже отъ Его щедротъ получили вмѣстѣ съ матерью одиннадцатъ тысячъ рублей ежегоднаго пенсіона. Царь заплатилъ всѣ долги Пушкина и очистилъ его имѣніе отъ залога. Царь на Свой счетъ печатаетъ полное изданіе сочиненій Пушкина въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ, и даритъ это изданіе его семейству, что составитъ для сиротъ капиталъ въ триста тысячъ рублей. Неужели мы, Его дѣти, братья по общему отцу сиротамъ Пушкина, не сдѣлаемъ ничего для почтенія памяти поэта? Личные друзья покойнаго, подъ предводительствомъ благороднаго Жуковскаго, взялись продолжать журналъ Пушкина, «Современникъ», котораго доходъ будетъ также обращаться въ пользу семейства. Нашъ долгъ ознаменовать также воспоминаніе о Пушкинѣ чѣмъ-нибудь, — памятникомъ, достойнымъ его славы и Русской чести. Русскіе люди! воля Царская безъ всякаго сомнѣнія разрѣшитъ намъ такую дань благодарности. Никогда еще ни одно доброе намѣреніе не погибало отъ недостатка ободренія Нашего добраго, славнаго Царя! Пусть каждый изъ насъ, кто цѣнилъ геній Пушкина, будетъ участникомъ въ сооруженіи

ему надгробнаго памятника. Наши художники вспыхнуть вдохновеніемъ, когда мы потребуемъ отъ нихъ труда, достойнаго предмета; и въ мраморъ или въ бронзу станеть на могилѣ поэта монументъ, свидѣтель того, что современники умѣли цѣнить Пушкина. И сильно забьется сердце юноши, при взглядѣ на этотъ мраморъ, и тихо задумается странникъ, зашедшій въ ветхія стѣны уединенной Свѣтогорской обители, гдѣ почіеть незабвенный прахъ перваго поэта нашей славной Русской земли!

Н. ПОЛЕВОЙ.

==

II.

ПРОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА.

НОВѢСТЬ ЛЕДИ ДЕКРЬ.

- Хороша ли ночь, Констанція?
- Прекрасна; мѣсяць взошелъ.
- Отвори ставни..... Да: прекрасная ночь; прекрасная для меня! Приблизься, дитя мое.

Серебристые лучи мѣсяца, проникая сквозь стекла оконъ, разливали въ комнату прелесть поэтической. Комната была не велика, но убрана и меблирована не слишкомъ просто и не бѣдно. Ситцовые занавѣсы постели были полураскинуты, и изъ за-нихъ можно было видѣть человека болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ; подушки поддерживали его, и въ лицѣ были признаки близкой смерти. Но какое благородство; какая мужественная красота отличала еще это лице! Подъ кровати стоялъ столикъ, покрытый книгами: здѣсь запутанная система финансовъ, тамъ собраніе

вакхических стихотворений; далее высокія мысли Федона, послѣдняя рѣчь члена клуба, старыя журналы, запыленные брошюры; и надъ всѣмъ возвышалась длинная стеклянка, до половины опорожненная.

Дѣвочка лѣтъ тринадцати приблизилась легкими шагами къ постели и съѣла противъ умирающаго. Черты этой молодой особы, замѣчательныя по рѣдкой красотѣ, уже разцвѣли такъ, какъ-будто она была десятью годами старше. Не замѣтно было въ ней ни рѣзкой свѣжести или неопредѣленной полноты дѣтства. Ея ровный, пѣжный цвѣтъ имѣлъ отбѣнокъ бѣлѣйшаго мрамора; волосы ея, черные какъ гагаты, раздѣляясь на лбу, возвышали классическое выраженіе этого прекраснаго лица, въ которомъ было что-то холодное, важное, и даже немного суровое. Однакожь это выраженіе подавало ложное понятіе о ея чувствительности, потому что, когда она обращалась къ освѣщенной части комнаты, вы бы замѣтили у ней глаза влажныя отъ слезъ, хоть она и не плакала. Дрожащія уста показывали также, что ея нерѣшимость отвѣчать на нѣкоторые вопросы умирающаго происходила отъ усилія подавить душевное волненіе.

— Констанція, сказалъ больной, послѣ минутнаго молчанія: Констанція, настаетъ часъ; я чувствую по вѣрнымъ признакамъ, что умру въ эту ночь.

— О Боже! отецъ мой, милый, обожаемый отецъ! вскричала она: не говорите этого!.... Нѣтъ, нѣтъ!.... Я пошлю скорѣе за докторомъ.

— Нѣтъ, дитя мое, не пужпо; мысль о человѣческомъ пособіи мнѣ противна. Они отказали мнѣ въ помощи, когда было еще время, они предоставили мнѣ на выборъ умереть съ голоду, стннть въ тюрьмѣ или повѣситься! Я умру, я желаю этого!..... Не хочу уменьшать ни однимъ зерномъ бремени проклятій, которыя произнесутъ на мнѣ мои умирающія уста.

Сильныя спазмы прервали слова бѣднаго страдальца; оправившись немного стараніями дочери, онъ продолжалъ голосомъ тихимъ и болѣе спокойнымъ:

— Констанція, всѣ ли здѣсь уснули? Всѣ ли они въ постеляхъ?..... Хозяйка, слуги, жильцы?

— Всѣ, батюшка.

— Хорошо; я уиру спокойно. Благодарю Бога, что ты одна моя прислужница. Я помню, какъ послѣ одного изъ ихъ буйныхъ пировъ мнѣ сдѣлаюсь дурно, дурно..... Это была только мигрень, угаръ, пустая бользнь; я былъ имъ нуженъ въ тотъ вечеръ, чтобы поддержать одну изъ ихъ ничтожныхъ мѣръ парламентскихъ. Чтò жъ! принцъ бросился щупать мнѣ пульсъ, герцогъ приготавливалъ лекарство; съ поддожны графовъ прислали мнѣ своихъ медиковъ. Тогда я могъ быть полезенъ имъ..... О несчастный! прочти мнѣ эту записку, Констанція, эту записку отъ Флемборо..... Ты колеблешься?..... Читай, говорю тебѣ!

Констанція повиновалась, и трепеща начала читать:

«Любезный Вернонь, .

«Я въ совершенномъ отчаяніи отъ вашего горестнаго положенія, и крайне сожалею, что не въ состояніи вамъ помочь; но вамъ известны мои запутанныя дѣла. Кстати, я видѣлъ вчера принца: «Бѣдный Вернонь! сказалъ онъ мнѣ, сотня фунтовъ стерлинговъ доставятъ ли ему большое удовольствіе!» Вотъ видите, мы не забываемъ васъ, мой милый! Ахъ, какъ мы чувствовали ваше отсутствіе за бифштексомъ; никогда мы не найдемъ такого любезнаго собесѣдника. Вы бы смѣялись, слыша какъ Л— васъ обзѣянитъ, стараясь повторять ваши прежнія шутки. Но мнѣ не досугъ; вора въ парламентъ. Если бы угодно было Богу, чтобы мы представили это дѣло собранію, а не этотъ оселъ Т.... Прощайте. Прислать ли вамъ вѣсколько книгъ *Hook'a*?..... Вашъ на всегда,

Флемборо.»

— Вотъ человекъ, котораго я сдѣлалъ министромъ! сказалъ Вернонъ. Хорошо! О, хорошо!..... Дай обнять себя, дочь моя, моя бѣдная Констанція. Ты будешь имѣть, милая, добрыхъ друзей, когда меня не станеть..... Они изъ тщеславія будутъ тебѣ покровительствовать; они окружаютъ пощечіями дочь Вернона, когда смерть моя дастъ имъ почувствовать потерю. Ты хороша, очень хороша; у тебя глаза твоей матери; ея волосы; гордое чело и ротъ моего отца; стань и теперь уже величественъ..... Они будутъ за тобой ухаживать; ты увидишь у ногъ твоихъ лордовъ, вельможъ; но не забывай никогда этой ночи, не забывай никогда послѣднихъ минутъ твоего отца..... впаде его смертнаго одра..... несправедливости, зажеванной ими въ его сердце..... Теперь, Констанція, подай мнѣ Библію..... Хорошо. Держись далѣе отъ свѣту; удержи взоръ на мои глаза, и слушай, какъ-бы вся душа твоя перешла въ слухъ. Когда я былъ молодъ, я старался сдѣлать себя состояніе ходатайствомъ въ судебныхъ мѣстахъ, — осторожный, неутомимый, полный вѣры въ успѣхъ моихъ усилій. Тогда нѣкоторые лорды, услышавъ, что я человекъ съ гениемъ, захотѣли сдѣлать меня своимъ орудіемъ, начали меня заискивать и уговаривать, чтобы я вступилъ въ парламентъ. Я сказалъ имъ, что я бѣденъ и недавно женатъ; что моего честолюбія не должно поощрять съ ущербомъ для моего состоянія. Мнѣ отвѣчали, что они обязуются заботиться о моемъ состояніи; что они берутъ все на себя. Я уступилъ, и оставилъ свою должность; я исполнилъ ихъ желаніе, — я прославился..... и разорился! Они не могли ни обѣдать, ни ужинать, ни напиваться пьяными безъ меня: ни одно удовольствіе не казалось имъ пріятнымъ если я въ немъ не участвовалъ. Какая имъ нужда, что въ то время когда я служилъ ихъ забавамъ, я болѣе и болѣе грязь въ долгахъ, скопчивалъ безчисленныя горести на буду-

шіе годы, бѣдность, хлопоты, стыдъ, убійственный печаль, преждевременную смерть!..... Но, слушай Констанція. Слушаешь ли ты меня?..... Со вниманіемъ?..... Хорошо! замѣть это: я справедливъ и не обвиняю моихъ политическихъ друзей, моихъ свѣтскихъ вѣжливыхъ покровителей; я не слагаю на нихъ вины моихъ бѣдствій; нѣтъ. Если я же заботился о своей пользѣ, если я предпочиталъ ихъ удовольствію своему счастью, состоянію, своей чести, то моя вина..... моя собственная вина, и я долженъ вынести наказаніе. Но далѣе: время летѣло; мое здоровье разстроивалось; долги тяготили меня..... я не могъ ихъ заплатить: я потерялъ кредитъ..... Вмѣстѣ съ моими силами, и геній мой меня оставилъ; я пересталъ быть полезнымъ моей партіи, слегъ въ постель, былъ при смерти..... Ты помнишь еще, Констанція, какъ пришли полицейскіе, и выгнали насъ изъ жилища, за одинъ пустой долгъ, за цѣну одного изъ ужиновъ, которыхъ принцъ такъ часто отъ меня требовалъ. Съ той минуты самыя короткіе друзья меня покинули. Ни одного визита; ни одного одолженія; ни одной услуги человѣку, котораго славныя времена прошли! «Репутація бѣднаго Вернона потеряна!» — «Онъ заваленъ долгами и не въ состояніи ихъ заплатить!» — «Онъ всегда былъ такъ расточителемъ!..... и самаго дурнаго поведенія, безъ правилъ.....» — «Этотъ человѣкъ стоитъ того!» — Такъ они, мои политическіе друзья, говорятъ теперь обо мнѣ, и таково было всегда поведеніе ихъ со мною, какъ скоро я не былъ имъ нуженъ. Они забыли, что для нихъ, и даже черезъ нихъ, эта репутація была потеряна, векселя не уплачены, разореніе довершено; они забыли, сколько мои рѣчи облагородили ихъ дѣло въ лживыхъ страницахъ исторіи. Все забыто; и моя жизнь разлагалась у нихъ на двѣ эпохи, — ту, когда я имъ годился на чтѣ-нибудь, и ту, когда я ни къ чему не былъ имъ годенъ:

въ первую они меня ласкали, честили; въ послѣднюю, оставили умирать съ голоду, гнить въ нищету, мстѣвать въ тюрьмѣ. И кто извлечетъ меня изъ тюрьмы? Кто подастъ мнѣ теперь убѣжище и защиту? Человѣкъ моей партіи, одинъ изъ моихъ политическихъ друзей, моихъ почтенныхъ, всепочтенныхъ друзей?.... Нѣтъ! простой ремесленникъ, которому я оказалъ услугу въ мои красные дни..... Онъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, вспомнилъ обо мнѣ въ минуту моихъ бѣдствій. Ты видишь, благодарность, дружба, находится только въ сословіяхъ, не причастныхъ происхожденію политическаго честолюбія..... Теперь приблизься ко мнѣ. Голосъ мой слабѣетъ; я желаю, чтобы ты ясно меня услышала. Я предвижу паденіе торіевъ; мнѣшіе публики клонятся противъ нихъ; быть-можетъ, не далеко время, когда опрокинутъ всю эту палату, гдѣ они теперь господствуютъ.... Я такъ увѣренъ въ этомъ, какъ никто никогда не былъ увѣренъ въ существованіи солнца..... Но ты, Констанція, ты, молодая дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтства, помни мое послѣднее желаніе, помни мое послѣднее проклятіе! Ты обязана его исполнить..... Положи руку твою въ мою; клянись, что всю жизнь..... Ты молчишь?.... Повторяй всякое мое слово.

Констанція склонила голову въ знакъ послушанія: онъ продолжалъ:

— Всю жизнь, въ счастіи или въ несчастіи, въ величій или въ безызвѣстности, клянусь посвятить себя на оскорбленіе, униженіе партіи, въ которой отецъ мой нашелъ столько неблагодарности, партіи, которая была причиною его смерти!..... Клянись также никогда не выходить за человѣка безъ состоянія, безъ власти, неспособнаго помогать тебѣ въ нищетѣ, которое я на тебя возлагаю! Ищи мужа между вельможами; пусть честолюбіе и ненависть, а не любовь, рѣшатъ твой выборъ. Ты должна возвыситься, что бы имѣть

средства унижать моихъ извѣнниковъ. Въ обществѣ, въ политикѣ, употреби все вліяніе твое, чтобы ускорить окончательное паденіе торіевъ. Для достиженія этой великой цѣли, ты не отвергнешь ни какихъ средствъ. Какъ! ты колеблешься!..... Покторай, повторай!..... Ты будешь лгать, пресмыкаться, льстить, и порокъ не будетъ для тебя порокомъ, если онъ хоть на одинъ дюймъ приблизитъ часъ твоего ищенія. Къ этому проклятію на враговъ моихъ, присоединяю мое благословеніе тебѣ, милая Констанція..... Ты пеклась, ты заботилась обо мнѣ, съ такою любовью; ты сдѣлала все для меня..... Больше ты не могла сдѣлать. Богъ да благословитъ тебя, дитя мое!

И Вернонь зарыдалъ.

Я устала отъ этой ужасной сцены. Перо выпало у меня изъ рукъ; оно, я думаю, раздѣляетъ со мною отвращеніе къ картинѣ, которую мы съ нимъ чертили!..... Начто я описываю такую безчеловѣчную клятву?..... Увы, она была произнесена!..... Я пишу правду. Мерзкая политика! представительныя системы, посмотрите, какой адскій ледъ проливаете вы въ вѣдра невинныхъ семействъ! какъ вы поглощаете счастье и покой частныхъ людей! какъ вы всѣ права сердца, даже самую любовь, подчиняете честолюбію и враждамъ партій, которыя каждый день смущаютъ общественное спокойствіе своими нелѣпостями!

Два часа послѣ этой сцены Вернона уже не было на свѣтъ. Констанція сдѣла возлѣ его постели, заломавъ руку, вперивъ взоры въ мертваго отца, и плакала.

Спустя двѣ недѣли она переехала въ домъ дальной своей родственницы, леди Эрпингамъ, доброй и нѣжной женщины, которая весьма ее любила и занялась окончаніемъ ея воспитанія. Констанція Вернонь росла,

хорошила, каждую весну украшалась новыми прелестями тѣла и ума; но все ее окружавшее питало въ ней горькія воспоминанія, завѣщанныя послѣдними словами отца. Она жила въ домѣ, принадлежащемъ къ той же партіи, къ которой принадлежалъ и ея несчастный отецъ. Отъ природы гордая, чувствительная, легко принимающая всѣ впечатлѣнія, она съ трудомъ переносила даже самыя малозначащія невниманія, часто случайныя, и они возбуждали въ ней продолжительное негодованіе. Молодая дѣвушка, беззащитная, въ зависимости, не могла не замѣтить, что ея несчастное положеніе въ обществѣ не было забыто этимъ свѣтомъ, гдѣ богатство и знатность уважаются какъ верховныя добродѣтели. Не одинъ внятный шопотъ, не одинъ умышленный разговоръ всторонѣ, достигалъ до ея надменнаго слуха, покрывали ея блѣдными щеками яркимъ румянцемъ. Эти случаи увеличивали раннюю суровость ея мыслей, оледѣняли въ самомъ источникѣ чувства и склонности ея юнаго сердца, и безпрестанно изошряли ея ненависть противъ торіевъ, которые казались ей дерзкими и весьма ограниченными въ своихъ понятіяхъ. Политика ея сначала была совершенно дѣвичья: всѣ лица гадкія, всѣ фигуры надменные, съ огромными носами à la Wellington, она почитала торіями; когда она видѣла лице молодое и красивое, приемы скромныя и исполненные вниманія, станъ ловкій, взоръ оживленный участіемъ, она думала про себя: «это долженъ быть вигъ»!

Констанція не слишкомъ хорошо понимала предметъ спора между вигами и торіями, и причины той страшной вражды, которая раздѣляетъ народъ, называющей себя великимъ и свободнымъ, на два поколѣнія свирѣпыхъ людоѣдовъ, готовыхъ пожрать другъ друга въ день своего торжества. Но въ блистательныхъ кругахъ, гдѣ столько гордыхъ взоровъ были устремлены на ея красивое лице, она безпрерывно видѣла въролом-

ныхъ друзей своего отца, и мелочность, эгоизмъ, безчисленныя пошлости и низости, свойственныя этому обществу, которое такъ сильно гнушается всѣмъ пошлымъ, низкимъ, ожесточало ее противъ свѣта, въ которомъ господствовала ненавистная ей партія. Ея презрѣніе къ торіямъ и негодованіе были такъ сильны, и находили столько пищи, что эти чувства сохранились въ ней даже въ то время, когда она сдѣлалась царицею этого большаго свѣта, гдѣ ея молодость уже блистала; но еще не властвовала. Молитва умирающаго отца, которую она сперва находила преувеличенною, если не безразсудною, по шѣрь того какъ она входила въ лѣта, казалась ей совершенно справедливою и естественною. Такъ она утвердилась въ намѣреніи оскорблять сколько возможно высокомеріе окружающихъ ее, для удовлетворенія собственной гордости и для отмщенія за отца.

Однако жъ, презрѣніе къ паслѣдственнымъ врагамъ, которые между тѣмъ пользовались знатностію и отличіями, очень естественно породило въ ней честолюбіе и желаніе достигнуть до величія, такъ несправедливо обладаемаго. Молодая красавица повторила себѣ обещанье изгнать любовь изъ своего сердца, и поставить себя въ такое положеніе, которое дало бы всѣ ея политическимъ отвращеніямъ. Нерѣдко въ тишинѣ ночной она возобновляла объѣтъ, который утѣшалъ отца ея въ могилѣ, и клялась подавить всѣ романическія чувства, — выйти замужъ единственно для достиженія власти, необходимою ея замысламъ.

Какъ дочь знаменитаго государственнаго человѣка, Констанція наконецъ сочла своимъ долгомъ принимать участіе въ политикѣ; она стала слушать съ глубокимъ вниманіемъ разговоры о дѣлахъ государственныхыхъ, и скоро приняла съ жаромъ, истинно мужскимъ, чувства, которыя слыли въ то время ультра-

либеральными. Она была уже радикалка. Сердце, которое природа съ такою заботливостью создала только для нѣжныхъ и сладкихъ ощущеній, наполнялось ненавистью, ядомъ переворотовъ, жаждою истребленія тѣхъ, которые не такъ какъ она думали о солодѣ и не хотѣли согласиться, чтобы пиво, для угожденія черни, продавалось вполовину дешевле противъ тогдашняго. Бурное поприще политики, куда входъ, законами природы и общества, запрещенъ женщинамъ, былъ въ глазахъ ея благороднѣйшимъ, прекраснѣйшимъ изъ поприщъ, и нерѣдко она втайнѣ вздыхала о томъ, что не могла служить собственными силами дѣлу, котораго успѣхъ такъ близокъ былъ ея сердцу. Во всякомъ случаѣ она не оставляла ржавѣть въ ножнахъ колкое и блестящее остріе своего природнаго ума. На насмѣшки она отвѣчала язвительными насмѣшками; и, замѣтивъ отъ раннихъ поръ, что свѣтъ какъ ароматическое растеніе, должно попирать ногами, если хочешь извлечь изъ него благоуханье, она вынуждала уваженіе къ себѣ гораздо болѣе своимъ надменнымъ обращеніемъ, неожиданною гордостью своихъ эпиграммъ, и своею независимостью, нежели талантами и удивительною красотой.

Миссъ Вернонъ не могла жаловаться на леди Эрпингамъ. Кроткая, снисходительная, безпечная и безхарактерная, она оскорбляла ее иногда по легкомыслию, но никогда съ намѣреніемъ. Графиня обожала свою молодую питомицу, удивлялась ей, и желала пристроить ее такъ же блистательно, какъ бы она была ея собственная дочь. Констанція, съ своею стороны, нѣжно привязанная къ леди Эрпингамъ, старалась забыть ограниченность ума этой женщины, и одной только ограниченности приписывала она то *несчастіе*, что ея степенная благодѣтельница до-сихъ-поръ еще не радикалка и не возмутительница.

Тѣ, которые живутъ въ блаженныхъ странахъ, гдѣ политическая язва еще не покрыла сердце отвратительными чирьями, съ трудомъ поймутъ мой рассказъ; но я могу ихъ увѣрить, что подобные женскіе характеры весьма обыкновенны у насъ въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы извѣстныя правительственныя формы, и особенно тѣ, которыя шарлатаны выдаютъ, и глупцы почитаютъ, за самыя совершенныя, такъ глубоко подкапывали величайшее изъ благъ земныхъ, — домашнее счастье; чтобы женщины могли добровольно отказываться отъ самыхъ священныхъ правъ своихъ, — правъ на тихое блаженство среди созданной природы, въ которой онѣ рождены истинными царицами; чтобы конституціи, которыя столько разглагольствуютъ о любви къ человечеству, поражали его ядовитымъ кнжаломъ Осажа въ самое сердце, — однако жъ это правда. Мочи нѣтъ, какъ это мерзко и глупо!..... Покорнѣйше прошу извиненія у благороднаго лорда Брума, который написалъ цѣлую книгу о мудрости Англійской конституціи.

Однажды леди Эрпингамъ повезла свою питомицу въ деревню. По близости ея помѣстья лежитъ живописный замокъ Годольфинъ, некогда знаменитое пріорство, нынѣ скромное жилище обеднѣлой дворянской фамиліи, которая построила себѣ красивый сельскій домикъ съ садомъ, среди величественныхъ развалинъ прошедшаго. Угрюмый видъ этой купы стѣнъ и башенъ, пересыпанной красивою зеленою деревъ, поразилъ издали взоръ Констанціи. Леди Эрпингамъ обѣщала ей направить когда-нибудь прогулку въ ту сторону.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, леди Эрпингамъ пошла одна съ Констанціей къ развалинамъ замка.

По мѣрѣ ихъ приближенія къ древней обители, мѣстоположеніе замѣтно принимало видъ дикаго уединенія. У ногъ ихъ, большое озеро разстиало свою

гладкую и свѣтлую поверхность, а на противоположномъ берегу возвышалось старинное зданіе. Единственная часть этого готическаго памятника, сохранныя временемъ, высокое остроконечное окно, одинъ сводъ и нѣсколько колоннъ, поросшихъ мхомъ, отражались въ струяхъ безъ волнъ и журчанья. Обломки валялись на землѣ на большомъ пространствѣ вокругъ, и холмы поросшіе густымъ лѣсомъ занимали глубину картины. Въ лѣвой сторонѣ источникъ, изъ котораго озеро получало свои воды, скользилъ между зеленыхъ береговъ, усаженныхъ вербами и дубами, и дымъ двухъ хижинъ, которыя виднѣлись сквозь кустарники, рисовалъ туманныя гирлянды по чистому голубому небу. По правую сторону, почва дѣлилась на тысячи видописныхъ островковъ, которые на всякомъ шагу измѣняли картину: полевая люцерна, любимая пища ланей, и золотистый верескъ, обильно росли въ пролѣскахъ, перерѣзанныхъ рошицами молодыхъ дубовъ, и надъ ними часто возвышалось старое, огромное дерево, которое невольно внушало почтеніе къ природѣ.

Пройдя черезъ мостъ, окруженный густыми кустарниками, путешественницы открыли за развалившеюся стѣною маленькое жилище, повитое плющемъ: оно было выстроено подлѣ развалинъ и еще болѣе увеличивало ихъ дикую красоту. Онѣ подошли къ дубовымъ воротамъ замка, скрѣпленнымъ огромными гвоздями; прекрасные кусты ясиновъ росли со всѣхъ сторонъ этого входа, и наши пилигримки не безъ труда пробрались, сквозь сплетшіяся вѣтви, до веревки колокола, котораго серебрянный звукъ составлялъ рѣзкую противоположность съ тишиной печальной пустыни. Есть какая-то живительная прелесть въ чистыхъ, веселыхъ звукахъ гостепріимнаго колокольчика, когда они раздаются посреди сценъ мрачной, на которой время сильно напечатлѣло свои вѣковые слѣ-

ды. Ясность этой воздушной гармоніи производитъ въ душу дѣйствіе небеснаго видѣнія; кажется, будто, при этомъ радостномъ призывѣ, пробуждаются феи для своихъ легкихъ плясокъ по стеблямъ цвѣтовъ.

Старая женщина, въ опрятной одеждѣ, отворила дверь двумъ дамамъ. Старушка была единственнымъ чичероне развалинъ, въ которыхъ жила она болѣе тридцати лѣтъ. Узкій и извилистый ходъ привелъ къ большой залѣ. Отсюда онѣ могли наслаждаться видомъ всего замка и окрестности, и этотъ видъ имѣлъ невыразимую прелесть. Передъ окнами, выходящими въ садъ, лежала поляна, покрытая свѣжею, бархатистою зеленью, окруженная цвѣтущими кустарниками, украшенная посерединѣ фонтаномъ. Святая тишина царствовала въ этомъ уголку земли. Констанція, уступая невольному восхищенію, сошла по зыбкой лѣстницѣ; леди Эррингамъ, менѣе отважная, осталась въ комнатѣ, и старая женщина почла себя въ обязанность остаться съ старшею изъ двухъ дамъ.

Остановясь подлѣ фонтана, Констанція почувствовала, что уладительное спокойствіе наполняетъ ея умъ, мало привыкшей принимать пріятныя впечатлѣнія природы. Мѣсто, ясность дня, окружающіе предметы, все способствовало къ погруженію въ эти неопредѣленныя и невольныя думы, которыя составляли привычное занятіе и счастье древнихъ отшельниковъ. И Констанція, гордая, безпокойная Констанція, которая считала любовь унижительною изъ нашихъ женскихъ слабостей, вошла въ аллею великолѣпной рощи, предаваясь мыслямъ, дотоле чуждымъ ея уму. Привлеченная журчаньемъ незамѣтнаго ручья, она искала его между дсревъ, и увидѣла наконецъ, что онъ изливается между цвѣтами и мхомъ, освѣщенный въ разныхъ мѣстахъ лучами солнца, которые, проникая въ скважины вѣтвей, прихотливо играли на этомъ

движущемся зеркаль. Чудные переливы тьней и яркаго свѣту пробудили въ воображеніи дѣвушки сравненія и нравственныя разсужденія, которыя раждаются при подобныхъ зрѣлищахъ въ душахъ поэтовъ, женщинъ и философовъ. «Я, кажется, чувствую, говорила она сама себѣ, я чувствую, что на этомъ мягкомъ и свѣжемъ дернѣ, въ этой мирной тѣни, я могла бы остаться навсегда и жить счастливою. Какъ ничтожны, какъ смѣшны всѣ предметы моего честолюбія, всѣ распри людей, всѣ хитрости необходимыя для успѣха въ свѣтѣ, подлѣ этой величавой и дивной природы, которая въ торжественной тишинѣ совершаетъ свое стремленіе къ великимъ цѣлямъ; а между тѣмъ какъ далеко превосходятъ онѣ всѣ цѣли людскія, для которыхъ мы дѣлаемъ столько шума!» — И, твердилъ ей голосъ сердца, какъ сладко было бы любить и быть любимой въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ и выполнить здѣсь предназначенье женщины!

Она приблизилась къ ручью, и вдругъ очутилась въ виду молодаго челоуѣка, безопасно прислонившагося къ стволу дерева. Онъ, играя, бросалъ камешки въ воду. Она могла видѣть только его профиль; но это самый благопріятный видъ для прекраснаго лица: выраженіе и очеркъ этого лица въ особенности, много выигрывали въ этомъ положеніи. Незнакомецъ, едва вышедшій изъ юношества, былъ въ глубокомъ траурѣ; онъ казался не великъ ростомъ и нѣжнаго сложения; дорожная фуражка выказывала богатый цвѣтъ множества русыхъ локоновъ; его черты обрисованныя со стройною правильностью Греческаго рѣзца; имѣли одну только погрѣшность, свойственную впрочемъ этому роду красоты, — легкую холодную важность, слѣдствіе самаго совершенства пропорцій. Блѣдность его лица скрадывалась прозрачною, бархатистою нѣжностью молодости, и вся эта прекрасная голова, выражала необыкновенныя способности ума, погруженнаго на ту

пору въ горестныя размышленія, которыя всегда возбуждаютъ наше женское любопытство и участіе.

Это невольное и непреодолимое участіе, какъ-бы волшебною силою, удержало молодую дѣвицу на мѣстѣ. Ея взоры прильнули къ нему на одну или двѣ минуты. Но она скоро опомнилась, и смущенная, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, не оглядываясь, стремглавъ побѣжала назадъ въ залу. Такъ бѣгутъ только легкая серна, раненная пулею охотника, и женщина, когда молніа любви нечаянно ударить въ ея сердце.

Въ залѣ старушка разсказывала леди Эрпингамъ о достоинствахъ и недавней смерти послѣдняго владѣтеля замка, старика Годольфина, и говорила, что молодой баринъ, сынъ его, вчера пріѣхалъ изъ Лондона, но съ самаго утра ушелъ гулять въ поле и еще не возвращался.

Такъ это былъ Годольфинъ, молодой владѣтель этой развалины, кого Констанція видѣла надъ ручьемъ! Признайтесь, что судьба жестоко играетъ нашими надеждами. Скрываться тутъ нечего: всѣ мои читатели напередъ угадываютъ, что этотъ молодой человекъ будетъ, если уже не сдѣлался, предметомъ всѣхъ мечтъ, всѣхъ страстныхъ желаній честолюбивой Констанціи, — и между-тѣмъ кто же онъ таковъ?..... Никто! Бѣдный помѣщикъ, безъ богатства, безъ значенія и даже безъ честолюбія. Хуже этого: онъ даже ни вигъ, ни торъ. Онъ терпѣть не можетъ политики и предпочитаетъ ей хорошій водевиль. Бѣдная Констанція! когда она узнаетъ обо всемъ этомъ, она будетъ въ отчаяніи.

Онъ простились со старушкою, и ушли изъ замка.

Леди Эрпингамъ, кромѣ дочери своей, леди Элеоноры, вышедшей за мужъ, за Г. Кларка, члена нижней палаты парламента, и чрезвычайно богатаго, имѣла еще три сына. Графъ Эрпингамъ путешествовалъ тогда на твердой землѣ. Свуста нѣсколько дней послѣ

своей прогулки, леди Эрпингамъ получила отъ него письмо, изъ Дувра, въ которомъ онъ извѣщалъ, что благополучно возвратился въ отечество и посѣтитъ къ матери въ деревню, въ ихъ родовое помѣстье, Вендоверъ-Кастль. Въ честь этого происшествія графиня хотѣла дать балъ. Тотчасъ приглашенія были разосланы ко всѣмъ лучшимъ семействамъ въ окрестности, въ томъ числѣ и къ молодому Годольфину.

Спустя три дня по отправленіи билетовъ, въ гостиницѣ леди Эрпингамъ, гдѣ она находилась одна съ своею молодой подругой, доложили о пріѣздѣ господина Перси Годольфина. Перси, до бала, пріѣхалъ съ визитомъ. Констанція покраснѣла, поднявъ взоры на незнакомаго гостя, а леди Эрпингамъ была очарована благородствомъ и ловкостію его обращенія.

Разговоръ зашелъ о развалинахъ прежняго пріорства Годольфинъ, и Констанція изъявила свое удивленіе къ его романической красотѣ. «О!» сказалъ онъ улыбаясь, но слегка покраснѣвъ, что Констанція приписала тяжелому чувству: «мнѣ говорили о вашемъ посѣщеніи моихъ бѣдныхъ обломковъ. Я былъ тронутъ лестнымъ вниманіемъ, которое вы имъ оказали. Когда высокоуміе не можетъ гордиться своимъ богатствомъ, оно гордится признаками своей бѣдности.»

Констанція улыбнулась; а леди Эрпингамъ, которая болѣе отличалась добродушіемъ нежели тонкою разборчивостію, продолжала восхищаться развалинами и хвалить виды окрестностей.

— Древній паркъ, говорила она, съ этимъ лѣсомъ, съ водами, прекрасенъ!..... удивителенъ!..... Недостаетъ только отдѣлки, да еще нѣсколькихъ ланей, что бы прыгали по муравъ и подходили къ рукъ кормиться хлѣбомъ.

— Вы желаете, графиня, украшеній, принадлежащихъ одному богатству, сказалъ Годольфинъ, который

также, любилъ случай говорить о своемъ небольшомъ состоянiи, какъ вообще другіе Англичане избѣгаютъ всякаго признанія въ этомъ родѣ. Не прилично было бы владѣльцу развалившагося замка вдаваться въ аристократическую роскошь и въ разорительную страсть къ живописнымъ видамъ. Увы, мнѣ не на чтѣ содѣржать и двухъ паръ борзыхъ, и моя управительница объявила, что ежели я стану ходить по лугу, который былъ некогда паркомъ, то лошади и коровы останутся на зиму безъ сѣна.

Констанція вздохнула.

— А вы любите охотиться? спросила его леди Эрпингамъ.

— Я думаю, что любилъ бы, но я еще не пробовалъ этого удовольствія.

— Такъ прошу васъ, сказала ласково леди, пріѣзжайте къ намъ на первую недѣлю сентября, когда откроется охота. Позвольте; мѣсяць начинается въ четвергъ; объѣдите у насъ въ среду; благодаря моему сыну, Роберту, у насъ здѣсь довольно собакъ и псарей; вамъ остается только привезть съ собою ружье.

— Вы очень милостивы, миледи, сказалъ Годольфинъ съ живостью: съ благодарностью принимаю ваше предложеніе.

— Вашъ отецъ былъ мой старинный пріятель, примолвила леди Эрпингамъ, вздыхая.

— Старинный почитатель, отвечалъ молодой человекъ съ поклономъ.

Въ слѣдующую среду Годольфинъ пріѣхалъ въ Вендоверъ-Кастль. Онъ былъ обворожительно любезенъ; старая леди нашла его а charming young gentleman, — обворожительнымъ молодымъ дворяниномъ — а Констанція забыла, что ей не должно заниматься этимъ бѣднякомъ: она не могла безъ восхищенія слушать его блестящіе рассказы о странахъ, которыя онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ спокойнымъ отцомъ, когда они путе-

шествовали «изъ экономіи», его остроумныхъ замѣчаний то шуточныхъ то грустныхъ, о людяхъ и о предметахъ ихъ вѣчныхъ преслѣдованій; въ особенности понравилась Констанціи послѣдняя часть бесѣды, потому что сама она была отъ природы насмѣшлива, колка, и несклонна къ мечтаньямъ.

Черезъ нѣсколько дней Констанція, прельщенная ясною погодою, вышла около полудня, прогуляться въ паркъ. Она съ удивленіемъ слышитъ за собой голосъ Годольфина, оборачивается и видитъ его подлѣ себя.

— Я полагала, что вы на охотѣ.

— Я былъ, и возвратился, въ надеждѣ что вы позволите сопровождать себя въ прогулкѣ.

Констанція отвѣчала на вѣжливость улыбкой, и, прохаживаясь по узкимъ дорожкамъ парка, они начали разговоръ сперва о погодѣ, потомъ о поэзии, потомъ о красотѣ, — разумѣется, природы. Я считаю не нужнымъ приводить этотъ разговоръ, хотя миссъ Вернонъ пересказывала мнѣ его спустя много лѣтъ послѣ прогулки, — тамъ глубоко врезалось ей въ память каждое слово.

Каждый день, какъ скоро можно было видѣть Констанцію, Годольфинъ приходилъ въ замокъ, сопровождалъ ее во всѣхъ прогулкахъ, — верхомъ, пѣшкомъ, водою. По вечерамъ онъ стоялъ за ея стуломъ, разговаривалъ съ ней, или слушалъ ея пѣнье. Леди Эррингамъ видѣла съ тайнымъ удовольствіемъ это мачало, какъ она думала, любви. Она безпрестанно представляла себѣ, какую прелестную чету составили бы они, оба равно прекрасные, милые, остроумные; а на случай, если бы благоразуміе прибавило — и равно бѣдные, добрая графиня говорила себѣ, что она отложила изъ своего богатаго вдовьяго участка хорошаго приданое для Констанціи.

Что жь Констанція ?

Однажды солнце садилось за холмами ; воздухъ былъ необыкновенно тихъ и сладокъ ; они прогуливались верхомъ. Въ подобныхъ случаяхъ, Констанція, какъ-бы не-хотя, позволяла своей лошади направляться къ живописнымъ развалинамъ «Годольфина», котораго восхитительныя окрестности сдѣлались ея любимымъ мѣстомъ прогулки. Видъ этихъ живописныхъ развалинъ, которыя такъ превосходно согласовались съ другими частями пейзажа, что казались одною изъ лучшихъ красотъ мѣстной природы, часто порождалъ въ ней мысль, что тамъ живетъ счастье, и она невольно вздыхала. Въ этотъ вечеръ, слѣдуя по узкой пѣнистой дорожкѣ между скалъ и кустарниковъ, она особенно была восхищена ихъ видомъ, которому заходящее солнце, своими богатыми красками, придавало новую очаровательность, и она не могла скрыть удивленія и восторга отъ своего спутника.

— Странно! сказалъ Годольфинъ : иногда видъ какого-нибудь мѣста рождаетъ въ насъ непостижимое чувство, которое, кажется, связываетъ этотъ видъ съ неяснымъ образомъ будущаго, съ мечтой или можетъ быть съ предчувствіемъ. Смотри на эти скалы, на эти дикія берега, на эту пѣнищуюся рѣку, я чувствую, что есть тайное сочувствіе между этой картиной и моею судьбой : какъ, въ какое время, въ какомъ случаѣ, эти отношенія будутъ существовать, не знаю..... не могу разгадать ; но это вѣрно, что чувство мрачное и неизяснимое проникаетъ въ мое сердце. Многія, я думаю, испытываютъ этотъ родъ непонятнаго, особеннаго ощущенія, въ извѣстное время, въ извѣстныхъ мѣстахъ, не умѣя опредѣлить ему причины.....

Констанція дрожала и не смѣла отвѣчать ему.

Они остановили лошадей, какъ-бы по внезапному импульсу, и въ молчаніи разсматривали восхитительное зрѣлище. Годольфинъ снова началъ говорить. Эта картина напомнила ему одно мѣсто волшебной страны, которой южныя красы такъ вѣрно переданы кистью Лорена и перомъ госпожи Сталь. Онъ сталъ описывать, свойственнымъ ему языкомъ, пламеннымъ и страстнымъ, мѣста, воскресшія вдругъ въ его воображеніи. Каждый предметъ доставлялъ ему сравненіе, и Констанція, слушая обольстительный разсказъ о прелестяхъ страны, посвященной любви, и поэтической разборъ красотъ, которыя были у нихъ передъ глазами, Констанція, внимательная, тронутая, обнаруживала, блескомъ очей и яркимъ румянцемъ щекъ, тайное волненіе своего сердца.

— Въ этомъ мѣстѣ, продолжалъ онъ, устремивъ пронзительный и пылающій взглядъ на одушевленные взоры своей спутницы: въ этомъ мѣстѣ, я желалъ бы остаться навсегда и здѣсь быть счастливымъ; но грустная мысль жестоко разрушаетъ мою мечту. Можно жить одному въ краю дикомъ и бесплодномъ, посреди грозной, суровой природы, гдѣ мы не находимъ поводовъ къ сладостнымъ ощущеніямъ сердца; но это невозможно въ мѣстахъ веселыхъ, прекрасныхъ, какъ тѣ, которыя нынче представляются моимъ взорамъ. Въ подобныхъ мѣстахъ, любовь овладѣваетъ нами на переکورъ всемъ усиліямъ; я чувствую..... (и голосъ его дрожалъ)..... что тайна, глубоко зарытая въ душѣ, и прежде неизвѣстная намъ самимъ, можетъ быть вызвана на свѣтъ. Угнетенные желаніемъ взаимной любви, мы тогда вздыхаемъ о случаѣ признать въ нашей страсти.....

Никогда еще Годольфинъ не говорилъ такъ ясно Констанціи. Глаза, голосъ, все черты лица его, все въ немъ краснорѣчиво говорило о страсти. Она поняла,

что Годольфинъ объявилъ любовь свою! Эта минута была сладчайшею въ ея жизни. Но, волнуемая врожденной боязнию, которую всегда испытуетъ женщина, слушая любовное признаніе изъ устъ того, чей образъ уже запалъ въ ея душу, она произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ, покушалась обратить разговоръ къ другимъ предметамъ, и, чтобы скрыть свое смущеніе, поторопила коня, Годольфинъ не старался возобновлять опаснаго разговора; только, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога поворачивала къ замку леди Эрпингамъ, онъ произнесъ въ полголоса: «Этотъ день останется долго и сладко напечатлѣнъ въ моей памяти.»

Между-тѣмъ приближалось время пріѣзда лорда Эрпингама въ Вендоверъ-Кастль. Леди Эрпингамъ, желая насладиться бесѣдою сына, не принимала никого въ день его пріѣзда. Наконецъ тяжелая дорожная карета графа загремѣла во дворъ, и, черезъ нѣсколько минутъ, мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, котораго величественный станъ красиво выказывался изъ-подъ широкаго плаща, вошелъ въ гостиную. Графиня обняла сына. Нѣжность, съ какою онъ отвѣчалъ на ея вопросы и материнскія привѣтствія, немного изменились, когда онъ замѣтилъ Констанцію. Лордъ Эрпингамъ былъ челоуѣкъ холодный, а всѣ люди этого характера стыдятся обнаруживать чувствительность. Онъ поклонился, и привѣтствовалъ миссъ Вернонъ съ важностью, — такъ по-крайней-мѣрѣ она вообразила; но скоро его огромные сѣрые глаза на выкатъ начали устремляться на нее чаще и съ большимъ вниманіемъ нежели до того времени.

Когда лордъ ушелъ, чтобъ переодѣться къ обѣду, мать его не могла выдержать и сказала Констанціи, утирая глаза: «Не красавецъ ли онъ? какой ростъ! какая осанка!»

Констанція безъ труда согласилась въ истиннѣ материнскихъ похвалъ, хотя она на первый случай не за-

мѣтила въ немъ ничего особеннаго кромѣ огромнаго росту. Но когда онъ предложилъ ей руку, чтобы про-
весть въ столовую, она разсмотрѣла его подробнѣе и
не могла не признать, что съ атлетическими формами
онъ соединялъ примѣчательную ловкость и отличныя
манеры, въ полномъ смыслѣ слова, знатнаго вель-
можи.

Лордъ Эррингамъ былъ однако жъ вигъ. Съ юныхъ
лѣтъ онъ связался съ корифеями этой партіи и усво-
илъ себѣ всѣ ихъ мнѣнія. Онъ слылъ человекомъ
способнымъ и образованнымъ и заставлялъ слушать
себя со вниманіемъ въ верхней палатѣ. Чтò касается
до его нравственнаго характера, то онъ хорошо пилъ,
зналъ какъ-нельзя лучше толкъ въ блюдахъ и, въ
нужномъ случаѣ, если бѣ случилось отвѣчать на
обиду, готовъ былъ доказать, что онъ хорошо стрѣ-
ляетъ изъ пистолета. По примѣру большей части
вельможъ партіи виговъ, графъ, въ обращеніи своемъ
съ женщинами, слѣдовалъ правиламъ довольно либе-
ральнымъ, и часто приводилъ слова какого-то Латип-
скаго поэта, который утверждалъ, что въ любви боги
прощаютъ измѣну. Но до того времени подвиги его,
къ счастью, ограничивались оперными таяцовщина-
ми, потому что въ нихъ, говорилъ онъ, нѣтъ «про-
клятаго жеманства». Несмотря на этотъ нравствен-
ный недостатокъ, онъ отличался умомъ прямымъ и
возвышеннымъ, и его часто брали въ посредники въ
ссорахъ. Таковъ былъ графъ Робертъ Эррингамъ,
перъ Англіи и Ирландіи.

Наступилъ вечеръ бала. Констанція въ прелестномъ
нарядѣ, сидѣла подлѣ хозяйки, и глаза мужчинъ всѣ
обращены были въ ту сторону. Зала непрерывно
наполнялась новыми пріѣзжими, деревенскія герцо-
гини, графини и баронессы съ шумомъ налетали цѣ-
лыми стаями на диваны и ряды старинныхъ кресель;

лордъ съ отличною въжливостю принималъ и усаживалъ гостей своей матери. Констанція видѣла удивленіе мужчинъ и наслаждалась своимъ торжествомъ; но испытующіе взгляды кичливыхъ барынь и ихъ дочекъ, которыя съ любопытствомъ спрашивали кто она такая, и, узнавъ имя «миось Вернонъ», надменно отъ ней отворачивались, чтобы перешептываться между собою, глубоко и поминутно уязвляли ея самолюбіе. Нѣсколько словъ, дошедшихъ до ея безпокойнаго слуха, совершенно взволновали ея гордость. Она вспомнила завѣтъ отца, его страданія, неблагодарность, которую онъ испыталъ отъ мужей, братьевъ и кузиновъ этихъ дамъ, п безпокойныя, высокомерныя, жесткія чувства, наполнили ея сердце. Жажда могущества и мщенія запылала въ душѣ оскорбленной дѣвушки. Съ этою жаждою еще боролась одна сладкая мысль, — мысль о Годольфинѣ, наследникѣ развалившагося замка. Констанція чувствовала, что она любить его, и, судя по всему, была увѣрена, что она любима страстно, со всей преданностью, со всемъ жаромъ, сродными его пылкому поэтическому воображенію. Но эта увѣренность не приносила ей утѣшенія. Убѣжденная въ необходимости отвергнуть его любовь изъ политическихъ видовъ, она старалась удалить отъ себя мнѣній образъ, который только набрасывалъ тѣнь грусти на предметы до той поры возбуждавшіе въ ней надежду на счастье. Мечты о величій возобновились въ ея больномъ воображеніи съ прежнею силою. Она приподняла край завѣсы будущаго, и увѣрилась, что не возможно, въ одно время, наслаждаться и счастьемъ и могуществомъ.

Еще разъ взоръ ея, въ минуту забытія, искалъ милого образа Годольфина, но его не было въ залѣ, и въ это самое время лордъ Эрпингамъ, герой праздника, протанцовавъ первую кадрили съ герцогинєю Миджкомъ, подошелъ къ ней ангажировать на вальсъ.

— Я исполнилъ обязанность приличія, сказалъ онъ: теперь я долженъ получить награду. Вы обѣщали танцевать второй танецъ со мной.

Констанція встала. Лордъ Робертъ считался первымъ вальсороумъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Его ловкость и прелесть Констанціи въ этомъ танцѣ, тогда еще новомъ въ Англии, поразили все собраніе. Увлеченные всеобщимъ одобреніемъ, они кружились такъ долго, что наконецъ одни остались на паркеть. Когда онъ посадилъ ее на мѣсто, ропотъ удивленія и восторга слѣдовалъ за ними. Въ эту минуту ихъ торжество еще болѣе льстило лорду, нежели Констанціи. Упоенный ея красотой, онъ гордился дѣйствиемъ, которое она произвела надъ другими, потому что это было справедливое воздаяніе его вкусу. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы казаться милымъ, даже трогательнымъ; онъ принуждалъ себя говорить тихимъ и сладкимъ голосомъ; онъ пытался даже, — бѣдный лордъ! — онъ пытался говорить лестныя рѣчи.

Въ это время Перси Годольфинъ вошелъ въ залу.

Его наружность, не поражая, всегда привлекала вниманіе общества; его осанка, поступь, красивыя кольца свѣтлыхъ волосъ, изящный, но не изысканный костюмъ, при благородномъ и умномъ выраженіи миловиднаго лица, одни были достаточны, чтобы привлечь къ нему все взоры. Но, когда узнали его имя, его извѣстныя остроуміе и оригинальность еще удвоили общее вниманіе.

Сквозь толпу, сквозь поклоны баронетовъ и улыбки красавицъ, Годольфинъ стремился мысленно всѣми силами души къ мѣсту, освященному Констанціею Вернонъ. Онъ издали увидѣлъ ее, занятую разговоромъ съ человѣкомъ богатымъ, прекраснымъ, знатнымъ, и примѣтилъ, что она слушала этого человѣка ласково и что тотъ посматривалъ на нее глазами, въ намѣреніи которыхъ нельзя было ошибиться. Онъ

видѣть все это, и сердце его изныло; оскорбленіе, злоба, наконецъ отчаяніе пришли за печалью. Вся прежнія колебанія были забыты; онъ чувствовалъ только, что онъ любитъ и терлетъ любимый предметъ. Пробудились сильныя страсти и разрушили намѣренія, созданныя холодною и пошлою философіею, которую онъ заимствовалъ въ свѣтъ и считалъ мудростью. Хижина, пустыня съ Констанціей, и обладаніе ею, казались ему теперь чистѣйшимъ блаженствомъ, выше котораго онъ не могъ ничего вообразить. Таково дѣйствіе ревности: мы колеблемся принять благо, но едва увидимъ опасность потерять его, мы отдаемъ жизнь, чтобы не уступить другому этого блага.

Годольфинъ подвинулся впередъ. Весь навѣкъ къ свѣту, вся его власть надъ собой, не могли совершенно скрыть его душевныхъ терзаній. Брови его хмурились, онъ едва отвѣчалъ на привѣтствія, и, вырвавшись изъ толпы, бросился на кресла за огромной колонной, откуда, почти незамѣтный, онъ устремилъ взоръ на Констанцію и ловилъ ея малѣйшія движенія. Она тогда танцевала съ лордомъ.

Танецъ кончился, и лордъ Эрпингамъ повелъ Констанцію къ дивану, гдѣ сидѣла нарумяненная герцогиня Вистонъ. Эта герцогиня, съ перваго вступленія въ залу, душевно возненавидѣла Констанцію и все это время распространяла съ особеннымъ усердіемъ вокругъ себя самыя язвительныя замѣчанія насчетъ миссъ Вернонъ. Она заранѣе начертала планъ нападенія; и, вставая при приближеніи миссъ Вернонъ, подошла къ ней съ притворной учтивостью.

— Какъ ваше здоровье, миссъ Вернонъ? Мнѣ очень пріятно видѣть васъ такой веселою. Вотъ, върьте же слухамъ.

Герцогиня оскалила зубы, то есть, хотѣла улыбнуться.

— Какимъ слухамъ, ваша свѣтлость?

— Хе! хе!..... Я увѣрена, что и лордъ Эррингамъ также ихъ слышалъ. Впрочемъ, я бы душевно жала, чтобъ они были справедливы.

— Я не умѣю играть въ загадки, гордо отвѣчала Констанція и отвернулась.

Но герцогиня рѣшилась ни за что не гнѣваться, не исполнить своего плана.

— Я ссылаюсь на васъ, сказала она, обращаясь къ лорду Эррингаму: милордъ! развѣ миссъ Вернонь не выходитъ на дняхъ за Г. Годольфна? Увѣрю васъ, продолжала она съ притворнымъ участіемъ, которое взбѣсило Констанцію: увѣрю васъ, что я это слышала и желаю этого отъ всей души.

— Что это! вы меня чрезвычайно удивляете, отвѣчалъ графъ, отворяя настежь свои огромные глаза, которые сдѣлали его знаменитымъ: я ни слова не слышалъ объ этомъ.

— А! такъ вѣрю это еще тайна? сказала герцогиня. Хорошо, я буду хранить тайну.

Она потупила глаза и жеманно захохотала.

— Я всегда думала, сказала Констанція важнымъ и холоднымъ тономъ, что нѣтъ ничего презрительнѣе тѣхъ, которые ловятъ и повторяютъ слухи. Теперь я вижу, что я ошибалась; тѣ, которые ихъ изобрѣтаютъ, еще презрительнѣе.

Дерзкая герцогиня, отраженная собственнымъ ея оружіемъ, покраснѣла отъ злости, — что можно было видѣть даже сквозь румяны, — а Констанція отвернулась, и опершись на руку лорда, пошла искать мѣста подлѣ колонны, за которой сидѣлъ Годольфинъ и могъ слышать слѣдующій разговоръ.

— По чести миссъ Вернонь, сказалъ лордъ Эррингамъ, я въ восторгъ отъ вашей твердости! Такъ и слѣдуетъ! Надо уничтожатъ безъ пощады этихъ наглыхъ людей, которые ищутъ только смущать и мучить каждаго, воображая, что имъ не осмѣлятся от-

платить тѣмъ же..... Но, ради Бога, — надѣюсь, что мой вопросъ не будетъ сочтенъ за невѣжливость, — смѣю ли спросить васъ, есть ли какое основаніе въ этомъ слухѣ?

— Никакого! Разумѣется никакого! произнесла Констанція твердо, но съ небольшимъ усиліемъ.

— Никакого!..... Я такъ и полагалъ. Годольфинъ слишкомъ бѣденъ, слишкомъ бѣденъ для васъ, миссъ Вернонъ. Такая особа какъ вы не можетъ выходить замужъ для хижины и сердца, или лочень ошибаюсь.

Констанція вздохнула.

Этотъ тихій, нѣжный звукъ, отозвалъ гъ глубинѣ груди Годольфина. Онъ наклонился впередъ, и удержалъ дыханіе; онъ жаждалъ ея голоса, одного ея звука, одного утѣшительнаго слога. Она молчала!

— Вы помните, продолжалъ графъ, вы помните миссъ Л***? Нѣтъ..... Она вступила въ свѣтъ гораздо ранѣе васъ. Что жъ! Она вышла замужъ за Л***, человѣка въ родѣ Годольфина; у него не было ни копѣйки..... Она бы могла имѣть весь и значеніе въ свѣтъ; у нея было столько ума и красоты, что она ворочала бы дворомъ, парламентомъ и министерствомъ, если бы вышла за человѣка, пользующагося вліяніемъ на дѣла или на общее мнѣніе. Теперь они живутъ въ Пентонваллѣ; онъ ходитъ въ сѣромъ фракѣ; она носитъ чепчикъ съ розовой лентой, какъ горничная; у нихъ всего на все пять сотъ фунтовъ дохода, и десять человѣкъ дѣтей. Такова судьба госпожи Л***; такова, вѣроятно, будетъ судьба и госпожи Годольфинъ. Нѣтъ! миссъ Вернонъ не можетъ думать о подобномъ бракѣ.

— Вы правы, милордъ! сказала Констанція выразительно. — Но вы рѣшительно читаете мнѣ материнское правоученіе, прибавила она съ улыбкою тонкаго кокетства.

Прежде чѣмъ лордъ Эрпингамъ пробормоталъ извиненіе, она услышала возлѣ себя шорохъ, и обернулась въ ту сторону; Годольфинъ всталъ. Лице его было обращено къ нимъ и имѣло такой мрачный, грозный видъ, что графъ не смотря на свою самоуверенность, почувствовалъ, что біенія его сердца останавливаются. Констанція поблѣднѣла; но едва Годольфинъ имѣлъ время замѣтить это движеніе, лице ея уже перемѣнилось. Съ холодной и вѣжливой улыбкой, совершенно спокойно, Годольфинъ поклонился имъ обоимъ и скрылся въ толпѣ.

«Если Констанція женщина, сказалъ онъ въ себѣ, я покорю ее!»

Оживленный этой мыслью, онъ опять подошелъ къ ней и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи. Подлѣ него сидѣла леди Вистонъ съ своей дочерью: онъ началъ говорить съ ними. Не смотря на надменность и глупость этой герцогини, мать и дочь хорошо его приняли. Герцогиня имѣла причину ненавидѣть Констанцію: она съ быстротою материнскаго взора, замѣтила необыкновенную вѣжливость долговязаго пера двухъ королевствъ къ этой, какъ она говорила, «дочкѣ Джона Вернона», и это жестоко мѣшало ея прекрасному составленному плану устройства домашняго счастья графа Эрпингама съ ея блѣдною Фанни. Объ онъ не сомнѣвались въ томъ, что Годольфинъ весьма нравится Констанціи, и миссъ Фанни покраснѣла отъ злобнаго уловольствія, когда онъ пригласилъ ее вальсировать. Во время танца она осыпала его улыбками, чтобы возбудить ревность Констанціи, и вывести ее изъ себя. Годольфинъ, движимый тою же мыслью, старался казаться совершенно занятымъ и прельщеннымъ своею танцоркою.

По окончаніи вальса, взоры его встрѣтились со взорами Констанціи: онъ не прочелъ въ нихъ того выраженія, какого ожидалъ и надѣялся. Они не

изъявляли ни злобы, ни ревности, ни безпокойства уязвленнаго тщеславія, ни желанія примиренія: она хотѣла только проникнуть въ глубину его сердца, и прочесть; и вѣтъ ли она власть тревожить это сердце, или они взаимно обмазываютъ другъ друга.

— Этотъ вечеръ долженъ казаться вамъ чрезвычайно пріятнымъ, сказалъ онъ съ горькою улыбкою. Со всѣхъ сторонъ гремятъ звуки похвалъ, всѣ вамъ удивляются, и тотъ, который болѣе обожаетъ васъ нежели вамъ покланяется, тотъ одинъ остается незамѣченнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлится владѣльцу развалившагося пріорства устремлять желанія свои къ тому, что богатые глупцы считаютъ состоящимъ въ нихъ распоряженіи.....

Онъ говорилъ спокойно и тихо. Констанція поблѣднѣла, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, но не отвѣчала. Она отошла къ уединенному дивану, Годольфинъ послѣдовалъ за ней и сѣлъ съ нею рядомъ. Съ легкимъ усиліемъ Констанція начала говорить.

— Вы слышали, что я сказала, Г. Годольфинъ? Это очень меня огорчаетъ. Если я васъ обидѣла, простите мнѣ; я прошу васъ убѣдительно, прошу всѣмъ сердцемъ, простите мнѣ. Богу известно, сколько я сама терпѣла отъ легкомысленныхъ и глупыхъ выходокъ свѣтскихъ людей противъ бѣдности и потому я не могу не чувствовать истиннаго раскаянія, стыда, оскорбивши кого-нибудь тѣмъ же орудіемъ, которое такъ часто обращается противъ меня; и, — прибавила она трепещущимъ голосомъ, — и въ особенности оскорбивши васъ.

Съ этими словами, она устремила взоры свои на Годольфина: они были полны слезъ. Этотъ голосъ, этотъ взглядъ, проникли въ сердце молодого человека, и возвратили его къ любви. Его ли гордая Констанція измѣла о прощеніи? Его ли она, по состо-

любовью, объявила недостойнымъ себя? Разсудокъ его твердилъ: «она права»!

— Ахъ, Констанція! сказала онъ страстнымъ голосомъ: Констанція, милая, милая Констанція! позвольте мнѣ сказать..... Выслушайте меня:..... одно слово: я люблю васъ несказанно; я знаю мои недостатки, мою бѣдность, мое ничтожество, все что дѣлаетъ меня недостойнымъ васъ; но..... могу ли — Позвольте ли вы мнѣ хоть надѣяться?

При этихъ словахъ все женское чувство одушевило лице Констанціи. Какой богатый и цѣнный румянецъ разлился по щекамъ ея! Взоры потупились, грудь волновалось, каждое слово этой отрывистой рѣчи падало на сердце ея, и вырѣзывалось на немъ чертами неизгладимыми. Дитя можетъ забыть мать свою, мать можетъ покинуть свое дитя, но никогда, никогда память признанія въ любви, признанія перваго любимаго челоуька, не изгладится изъ ума женщины! У Аравитянь, я слышала, существуетъ на этотъ счетъ живописная пословица: я не знаю по-Арабски.

— Этого не должно быть, сказала она наконецъ. Нѣтъ, нѣтъ!.... Это безуміе, величайшее безуміе..... для насъ обоихъ.

— Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, нѣтъ! говорилъ Годольфинъ умоляющимъ и нѣжнымъ голосомъ. Безумно, если хотите, желать, чтобы блистательная миссъ Верюнь, кумиръ большаго свѣта, удостоила внимать моленіямъ безвѣстнаго и снпреннаго обожателя; но осмѣльтесь вѣрить мнѣ свою судьбу, испытайте меня, и вы скажете..... вы скажете черезъ нѣсколько лѣтъ, что это было счастливое безуміе, что разсудокъ, или честолюбіе не могли бы васъ надѣять подобнымъ блаженствомъ.

— Здѣсь не мѣсто, сказала Констанція, борясь съ своими чувствами, не мѣсто и не время для такихъ совѣщаній. Приходите завтра въ западные доки.

— Въ какомъ часу?

— Ровно въ полдень.

— Могу ли надяться..... что до того времени?.....

Констанція снова поблѣднѣла. Уста ея дрожали и очевидно боролись съ вырывающимся изъ сердца отътомя. Она только взглянула на него сквозь слезы, съ бѣлою, съ глубокимъ состраданіемъ, и удалилась.

Западные оконъ были любимымъ убѣжищемъ Констанціи, когда обязанности или удовольствіи общества не удерживали ея въ гостиныхъ, открытыхъ для посѣтителей графини. Я забыла сказать, что Годольфинъ обыкновенно ночевалъ въ замкѣ, если ему случилось остаться здѣсь за полночь: леди Эрпингамъ, полюбивъ молодаго сосѣда за его пріятный умъ и еще болѣе по поводу Констанціи, предложила ему свое гостепріимство и велѣла отвести постоянную квартиру во флигель, на каждый пріездъ его. Не нужно говорить въ какихъ мученіяхъ онъ провелъ эту роковую ночь. Прежде назначеннаго часу онъ былъ уже на мѣсть свиданія.

Входя въ угловую комнату, онъ увидѣлъ рукодѣліе Констанціи, и подлѣ него книгу, которую онъ ей читалъ однажды. Книга раскрыта была въ томъ самомъ мѣстѣ, которое болѣе всего возбудило удивленіе Годольфина: по-видимому Констанція перечитывала это мѣсто въ его отсутствіе. Съ сильныхъ біеніемъ сердца отторгъ онъ взоръ отъ этого доказательства вниманія, и содрогнулся, увидѣвши вдругъ живое подобіе Констанціи въ портретъ, писанномъ въ ростъ, который висѣлъ прямо противъ него. Этотъ портретъ, работы *Lawrence*'а, изображалъ Вернона, въ самое блистательное время его славы и счастія: отецъ Констанціи былъ представленъ въ положеніи, которое онъ принималъ, проназоя самымъ замѣчательнымъ слова рѣчи, возбуждившей наиболѣе удивленіе парламента. Рука его была поднята къверху, нога выставлена впе-

редь, грудь рисовалась въ полной красѣ своей: Жизнь, сила воли, привычка владычествовать надъ другими, блистали въ выразительныхъ глазахъ; дышали разширенными ноздрями, бѣжали изъ красноречивыхъ усть. Это благородное чело, эти черты, какъ-бы отдѣляныя классическимъ рѣзцомъ, эта осанка, полная геніальнаго величія, представляли удивительное сходство съ лицемъ болѣе приятнымъ, съ очерками болѣе важными, Констанціи.

Пораженный этимъ видомъ и искусствомъ художника, Годольфинъ стоялъ неподвижно на-мѣстѣ, когда дверь открылась, и Констанція предстала передъ него. Она пріятно улыбнулась, подходъ къ нему, съѣла и указала ему мѣсто въ небольшомъ разстояніи отъ себя. Онъ повиновался въ молчаніи.

— Перси! сказала она тихимъ и ласковымъ голосомъ.

При звукѣ этого голоса онъ поднялъ глаза, и посмотрѣлъ на нее такъ страстно, съ такимъ выраженіемъ горя, мучительной тоски, сердечнаго терзанія, что слова замерли на устахъ Констанціи. Этотъ взоръ сказалъ молодому влюбленному, какую власть онъ имѣлъ надъ ней. Щеки ея ночью потеряли вчерашній живой румянецъ, даже уста были безцвѣтны; глаза оцухли отъ слезъ; и какъ она ни старалась казаться своенною, твердою, все показывало, что покорность, и грусть, глубокая, но тихая, замѣщали гордость и тщеславіе.

— Перси! сказала она, послѣ краткаго молчанія: отвѣчайте мнѣ чистосердечно, безъ свѣтскихъ ввѣжливостей; отвѣчайте мнѣ признаніемъ благороднымъ, прямодушнымъ: въ себя ли вы были прошедшій вечеръ? Выраженія, которыя вырвались изъ вашихъ усть, не были ли внушены вамъ внезапнымъ раздраженіемъ, минутной страстью? Не сказали ли вы чего-нибудь та-

кого, объ чемъ благоразуміе и расудокъ повелѣвали, вамъ умолчать?

— Миссъ Вернонь, отвѣчалъ Годольфинъ, все что я сказалъ вчера, я повторю въ эту минуту; повторю со всѣмъ спокойствіемъ обдуманнаго намѣренія. Всѣ мои надежды на счастье въ этомъ мірѣ — въ вашихъ рукахъ.

— Я бы желала не вѣрить этому, горестно произнесла Констанція. Я долго размышляла о вашихъ словахъ; я тронута..... благодарна..... я горжусь, да, горжусь признаніемъ въ вашей любви..... но.....

— Констанція! вскричалъ Годольфинъ отчаяннымъ голосомъ и, вставъ съ мѣста, стремительно бросился къ ногамъ ея. Констанція! не отвергайте меня....

Онъ схватилъ ея руку. Эта рука не старалась освободиться отъ его рукъ. Онъ поднялъ взоръ къ лицу ея: оно покрылось румянцемъ; и, прежде чѣмъ исчезъ румянецъ, волненіе сердца нашло отраду въ слезахъ, которыя обильно оросили ея щеки.

— Милая Констанція! сказалъ онъ съ глубокою, торжественною нѣжностью: зачѣмъ бороться съ своимъ сердцемъ? Я читаю въ этомъ сердцѣ, что оно не врагъ мнѣ.

Констанція продолжала плакать.

— Я знаю, что вы хотите сказать, и что вы думаете, прибавилъ онъ: вы думаете что я..... что мы бѣдны; что вамъ трудно будетъ сносить униженія, неразлучныя съ бѣдностью, отъ гордецовъ, рожденных для лучшей доли. Вы страшитесь связать судьбу свою съ судьбой человѣка, который могъ быть нѣкогда легкомысленъ, вѣтренъ, эгоистъ, если хотите. Вы содрогаетесь при мысли вѣрить ваше счастье человѣку, неспособному доставить вамъ ни какого утѣшенія, если бы онъ обманулъ надежды ваши на его любовь, — ни знатности, ни богатства, ничего, что можетъ

улучшать разтерзанное сердце или, по крайней-мѣрѣ, прикрыть его раны покрываломъ роскоши, значенія, величія! Не такъ ли, Констанція? Не прочелъ ли я въ вашихъ мысляхъ?

— Нѣтъ! произнесла Констанція твердо. Если бы родитель мой былъ всякой другой, а не тотъ, чье ния ношу я, если бы не это чувство, не одно горькое воспоминаніе, Богъ мнѣ свидѣтель, что я не помыслила бы о бѣдности, о лишеніяхъ; что я вполне вѣрила бы себя вашей нѣжности, вашимъ обътамъ. Ежели вы имѣете недостатки, я ихъ не знаю; и когда бы другіе мнѣ объ нихъ говорили, я бы не повѣрила. Богъ, говорю, мнѣ свидѣтель, что если бы я слушалась голоса моего слабаго сердца, я бы, съ радостью, съ гордостью, раздѣлила добрую и злую участь вашу. Почитая меня связанною видами низкаго, гнуснаго честолюбія, вы сильно ошибаетесь. Нѣтъ! я бы могла быть достойною васъ; дочь Вернона можетъ быть подругою убогаго человѣка съ гениемъ. Я бы усладила ваше существованье, я бы подкрѣпляла васъ въ трудахъ; я утѣшала бы васъ въ неудачахъ и раздѣляла ваши успѣхи. Но..... но это невозможно! Оставьте меня, Перси..... милый мой Перси!..... Тысяча другихъ женщинъ, прекраснѣй, лучше меня, сдѣлаютъ для васъ то, что и я бы сдѣлала, но что мнѣ воспрещено.... да! воспрещено.... священною для меня волею.... (Она зарыдала). Страшная клятва..... О! страшная, страшная..... лишила меня права раздѣлить вашу участь. Подите; забудьте несчастную..... Если эта мысль можетъ васъ утѣшить, вѣрьте, что я не была не чувствительна къ вашему великодушію, къ вашей любви; мои желанія, мои мольбы, самыя искреннія мольбы, самыя нѣжныя, самыя драгоценныя мои надежды, всегда будутъ за васъ..... для васъ!

Констанція была въ страшномъ волненіи. Она встала, вырвала у него свою руку, и хотѣла бѣжать изъ

комнаты; но онъ снова бросился къ ея ногамъ, схватилъ за платье и тихо удержалъ ее.

— Не разрушайте однимъ словомъ картины, которую вы сами написали! Вы явили себя моей утѣшительницей, моимъ гениемъ — вожатымъ, моей спасительницей. Вы можете..... да! вы можете быть всѣмъ этимъ для меня. Вы не знаете меня, Констанція. Позвольте мнѣ оправдаться въ немногихъ словахъ. До этого времени, я бѣжалъ извѣстности, я презиралъ честолюбіе, ненавидѣлъ почести; жизнь казалась мнѣ такой короткою, и всѣ славы ея такими ничтожными, что я не вѣрилъ, чтобы существовалъ хоть одинъ родъ знаменитости, для котораго бы стоило пожертвовать часомъ удовольствія или свободы. Но для васъ, Констанція, съ какой радостью откажусь я отъ моего убѣжденія! Отлчія, значеніе, почести, меня не прельщали: для васъ, я стану трудиться ревностно, неутомимо, чтобы только заслужить ихъ; ни какой трудъ не покажется мнѣ тяжкимъ, ни какія заботы не отвлекутъ меня отъ моей цѣли. Я откажусь отъ всѣхъ привычекъ праздности, я вступлю на поприще, для всѣхъ открытое, гдѣ ты, которые приходятъ вооруженные дарованіемъ, твердостью и терпѣніемъ, могутъ быть увѣрены въ побѣдѣ. Констанція! я не лишенъ способностей, хотя до это времени онъ дремали во мнѣ. Скажите только одно слово! Вы не знаете, что слово обожаемой женщины сдѣлаетъ все изъ мужчины.

Нерѣшимость Констанціи Годольфинъ истолковалъ въ свою пользу. Онъ продолжалъ:

— Мы съ вами одинаково брошены въ этотъ міръ, Констанція, мы равно покинуты спронтами, безъ столпія, безъ опоры; однако жъ мы заняли свои мѣста и уже поставили себя выше окружающихъ насъ. Не есть ли это вѣрное доказательство, что въ насъ заключается нечто, чѣмъ мы можемъ побѣдить нашу судьбу и возвыситься соединившись? Тогда мы..... одни по-

среди бурного свѣта, съ которыми должны будете бороться..... мы обратимся при всякомъ усилии другъ къ другу, мы станемъ искать новыхъ силъ въ сердцахъ нашихъ: въ нихъ, мы всегда найдемъ мирное убижище, утѣхи, ободреніе! Воспоминаніе прежняго нашего сиротства, надежда на успѣхъ будущихъ предприятий, поддержать огонь любви нашей. И сколько почести покажутся вамъ лестнѣе, милая Констанція, если онѣ будутъ такимъ образомъ приобрѣтены, освѣщены нашими жертвованіями, услаждены нашею любовью. Во сколько разъ эти почести будутъ намъ драгоценнѣе тѣхъ, которыя предложатъ вамъ, безъ трудовъ, правда, для васъ, но съ сердцемъ холоднымъ! И, легко приобрѣтенныя, онѣ покажутся вамъ менѣе пріятными, и менѣе славными, нежели тѣ, которыя скрасить дружное усиліе двухъ душъ любящихъ. Ахъ, Констанція!..... поняли ль вы меня? любовь, природа, разсудокъ, восторжествовали ли наконецъ!....

Онѣ всталъ, и обвилъ руками станъ дѣвицы, которая, прислонивъ прелестную головку къ груди любовника, жала его руку и позволила ему коснуться устами своей пылающей щеки. Судьба обоихъ держалась на ниточкѣ. Если бы, съ пощипнутыми глазами, Констанція вымолвила слово, которое твердило ей сердце, все было бы кончено; но, поднимая взоръ на любовника, она вдругъ увидѣла передъ собою портретъ отца: этотъ портретъ произвелъ надъ ней электрическое дѣйствіе, и совершенно измѣнилъ ея мысли. Положеніе Вернона, всегда поражающее, показалось ей въ эту минуту еще живѣе и повелительнѣе. При видѣ этого лица, которому воображеніе Констанціи придавало страшныя тѣни смерти, мрачныя и торжественныя воспоминанья притекли къ ней толпою и напомнили роковой объѣтъ. Она вырвалась изъ объятий изумленного и огорченного Годольфина, и, въ свою очередь поперглась на колѣни, — передъ изображе-

ніемъ отца. Уста ея быстро шевелились. Послѣ короткой полтвы, Констанція, вставая, почувствовала въ себѣ новое бытіе: она оборотилась къ Годольфину, указала пальцемъ на портретъ, и, устремивъ пламеннѣющій взоръ на лице любовника, сказала:

— Все что вы теперь думаете, онъ думалъ также..... онъ..... тотъ, чей голосъ говоритъ вамъ сквозь этотъ холстъ. Онъ прошелъ до конца путь, по которому вы хотите слѣдовать; онъ перенесъ мужественно заботы, которымъ вы готовы подвергнуться; онъ истратилъ тѣ же силы, тѣ же способности, тѣ же таланты, которые вы можете употребить въ дѣло, и получилъ..... то, что и вы получите, улыбки Британской знати, ложныхъ друзей, мгновенное возвышеніе, долги, горе и нищету. Тамъ, гдѣ управляетъ, не мудрость, облеченная прочною властью, но прихотливое мнѣніе безсмысленной толпы, гдѣ одинъ презрѣнный газетчикъ можетъ измѣнить это мнѣніе и столкнуть отличнѣйшій талантъ, самую высокую добродѣтель, съ верху значенія въ грязь ничтожества, тамъ нѣтъ другаго средства для государственнаго человѣка, какъ только быть низкимъ льстецомъ толпы, интригантомъ, возмутителемъ, или поддерживать себя знаменитостью рода и богатствомъ. Хотите ли кончить тѣмъ, чѣмъ кончилъ мой отецъ? Выше его вы не будете, и онъ предостерегаетъ васъ не расточать напрасно вашихъ способностей по этому пути. — О! Перси..... продолжала она, понизивъ голосъ, какъ-бы изнуренная этимъ вдохновеніемъ: Перси! я видѣла какъ этотъ великій человѣкъ, нѣкогда прославляемый всей Англіею, умиралъ одинокій, бѣдный, всѣми забытый, проклиная свой гений, который довелъ его до нищеты. Я видѣла какъ онъ умиралъ съ сердцемъ истерзаннымъ, убитымъ, полнымъ горячи и отчаянія. Предамъ ли я другую жертву тому же поприщу, тому же вѣроломству, той же участи? Уви-

жу ль спокойнымъ окошъ приближеніе этой жертвы къ роковому концу? Могу ли обольщать се безумными надеждами, зная, на что она обречена? Нѣтъ, нѣтъ!..... Бѣгите меня; бѣгите мысли о подобной судьбѣ. Женитесь на женщинѣ, которая можетъ обогатить васъ, или дать вамъ опору знатностью своего рода: тогда и предавайтесь честолюбію. Предоставьте мнѣ исполнять мое назначеніе, мой обѣтъ; позвольте думать, какъ я ни виновна передъ вами, что я не погубила васъ.....

Годольфинъ полетѣлъ вслѣдъ за Констанціей, но дверь затворилась за нею.

Онъ возвратился въ свою комнату, увидѣлъ книгу, которую дала ему Констанція изъ библіотеки графини, и написалъ на лоскуткѣ бумаги карандашемъ — «Я, вѣрно, родился подъ несчастливой звѣздою: вотъ уже третья дѣвица, которую отбиваетъ у меня политика!»; запечаталъ эту бумажку вмѣстѣ съ книгою, и, узвѣжая изъ замка, приказалъ отдать конвертъ Констанціи. Цѣлыя сутки онъ плакалъ въ своихъ развалинахъ; еще однѣ сутки бродилъ онъ какъ сумасшедшій въ полѣ, по самымъ дикимъ оврагамъ; наконецъ уѣхалъ въ Лондонъ; изъ Лондона въ Дувръ; изъ Дувра въ Италію.

Графъ Эрпингамъ еще разъ провальсировалъ съ Констанціей и, послѣ этого вальса на ней женился. Годольфинъ узналъ объ этомъ за часъ до отплытія изъ Дувра.

Если вы хотите знать, какимъ образомъ обдѣльваются политическія дѣла по представительной системѣ, я могу представить вамъ маленькій образчикъ.

Лордъ Эрпингамъ вошелъ въ комнату леди Эрпингамъ.

— Констанція, повѣдешь ли ты гулять верхомъ сегодня?

— Не думаю.

— Ну, так позжай съ визитомъ къ леди Дельвиль, лордъ Дельвиль всё еще колеблется пристать къ моей партіи. Ты знаешь, что у него есть тридцать восемь голосовъ въ верхней палатѣ, своихъ, вѣрныхъ, на которые онъ можетъ полагаться. Скоро нашъ билль перейдетъ изъ нижней палаты въ верхнюю. Дѣло важное; первый шагъ къ реформѣ парламента. Если ты хочешь, чтобы реформа когда-нибудь состоялась, то не мѣшало бы тебѣ быть въ связи съ его женой, а мнѣ кажется, ты не очень была внимательна къ ней вчера вечеромъ.

— Любезный лордъ, ввѣрься мнѣ. Я обещаю, если ты позволишь мнѣ слѣдовать моему плану, что леди Дельвиль будетъ преданнѣйшей защитницей нашего дѣла, въ нѣсколько недель; но мои средства не тѣ, которыя ты мнѣ советуешь.

— Я тебѣ ничего не советовалъ.

— Да; ты советовалъ быть очень вѣжливой. Жалкая политика!

— Такъ ты думаешь страхомъ или грубостями принудить такую знатную даму какъ леди Дельвиль, любить насъ?

— Позволь мнѣ поступать по-своему.

— Пустяки, душа мол!

— Другъ мой, прежде испытай меня. Я не требую болѣе трехъ недель. Потомъ ты ужъ навсегда представишь мнѣ весь департаментъ политики. Я рождена для нея. Развѣ я не дочь Вернона?

— Хорошо, хорошо, дѣлай какъ хочешь; только я предвижу чѣмъ это кончится. Однако жъ повидайся сегодня съ леди Дельвиль.

— Если ты этого желаешь.

— Очень желаю.

Леди Дельвиль была очень знатная дама, надменная, мало любила своими равными, которыя гораздо рѣже приглашали ее нежели другихъ болѣе прият-

ныхъ рожденьяхъ. Констанція знала съ кѣмъ имѣть дѣло. Она тотчасъ отправилась къ мистриссъ Треворъ, гдѣ надѣялась навѣрное застать леди Дельвиль. Въ продолженіе разговора она сообщила хозяйкѣ, что у нихъ составляется небольшое общество, «*маленькій комитетъ избранныхъ*», все самыхъ любезныхъ и самыхъ умныхъ особъ, родъ еженедѣльнаго дружескаго собранія, которыя ихъ свѣтлости герцогъ и герцогиня К*** будутъ удостоивать своего присутствія и изъ котораго исключаются *всѣ скучныя и несносныя*. Сказавъ это, она пригласила бывать всегда у ней на этихъ вечерахъ госпожу Треворъ и еще двухъ дамъ, которыя тутъ были, не поклонилась даже леди Дельвиль и увѣхала. Леди Дельвиль вспыхнула. Она тутъ же на-вѣсть растерзала бы эту наглую графиню Эрпингамъ.

Съ тѣхъ поръ Констанція не упускала ни одного случая дѣлать разныя грубости леди Дельвиль, и всегда заводила при ней разговоръ о *скучныхъ и несносныхъ*, стараясь дать такое направленіе своимъ словамъ, чтобы оба эпитета прямо прилагались къ знаменитой леди. Онѣ злословили другъ друга отъ чистаго сердца. Вражда ихъ сдѣлалась гласною въ обществѣ. Лордъ Эрпингамъ приходилъ въ отчаяніе.

— Ты видишь, Констанція! вскричалъ онъ вбѣгая къ ней въ уборную: ты видишь! Не правъ ли я былъ? Ты оскорбила леди Дельвиль; и мужъ ея сталъ совершенно ко мнѣ холоденъ; еще недѣлю, и онъ сдѣлается самымъ злымъ тори. Теперь уже наше дѣло ни какъ не пройдетъ въ верхней палатѣ. Подумай объ этомъ, ради Бога!

— Дай мнѣ еще недѣлю времени, сказала Констанція, и ты увидишь.

Однажды вечеромъ, леди Эрпингамъ и леди Дельвиль встрѣтились въ большомъ обществѣ. Констанція

ства подлѣ своей наглѣнной неприятельницы; и какъ-будто не замѣчая ея холодности, завела съ ней разговоръ о книгахъ, о живописи, о музыкѣ; говорила съ живостью, говорила умно и остро, и леди Дельвиль, невольна увлеченная ея бесѣдою, развеселѣлась, вышла изъ привычной молчаливой важности, начала говорить сама.

— Любезная леди Дельвиль! сказала вдругъ Констанція, обращаясь къ ней съ выраженіемъ удивленія и удовольствія: простите ли вы меня? До этого дня я никогда не полагала найти въ васъ столько ума, столько любезности! Я не умѣю скрывать моихъ чувствъ, и признаюсь со стыдомъ, съ раскаяніемъ, что я не отдавала уму вашему справедливости, которой онъ заслуживаетъ, хоть и питала къ вашей особѣ полное уваженіе: въ этомъ отношеніи я была несогласна со всѣми, сколько мнѣ ни говорили объ васъ.

Леди Дельвиль примѣтно покраснѣла.

— Прошу васъ, миледи, продолжала Констанція, дайте мнѣ случай короче познакомиться съ вами. Не откажите мнѣ отобѣдать съ нами въ четвергъ. У насъ будетъ не болѣе девяти особъ, которыхъ я болѣе люблю и уважаю.

Леди Дельвиль приняла приглашеніе.

Съ той минуты, леди Дельвиль, уязвленная прежде до глубины сердца высокоумнымъ презрѣніемъ Констанціи, которая непременно испытала бы сама ея презрѣніе, если бы съ самаго начала была къ ней почтительна, сдѣлалась горячей заступницей обворожительной графини и вскорѣ преданнѣйшей ея ученицей.

Дѣло прошло!

То было во время блистательнѣйшей эпохи Англійскаго общества. Лордъ Байронъ былъ въ зенитѣ

своей славы. Госпожа Сталь украшала своимъ умомъ Лондонскія собранія. Миръ обратилъ публику праздную и безъ новостей къ наслажденіямъ литературнымъ и общественнымъ. Все это произвело быстрое развитіе весьма примѣчательныхъ умовъ, которыхъ уже нѣтъ. Никогда женщина съ честолюбіемъ, одаренная красотой и гениемъ, не могла найти счастливѣйшей минуты для установленія своей власти. Съ самаго вступленія своего въ большой свѣтъ, Констанція приняла отважное намѣреніе довести до крайности, до послѣдней степени преувеличенія, могущество моды, котораго вліяніе еще рѣшительнѣе въ Англіи, чѣмъ во Франціи. Съ рѣдкимъ искусствомъ правила она этой скрытой и опасной машиной, и давала всякой ея пружинѣ какое угодно направленіе; природная пронизательность, удивительная тонкость ума, смѣлость, любезность, все что требуется для управленія модою, — Констанція, обладала всѣмъ этимъ. Брюзгливость, которою она по временамъ разнообразила свое обворожительное обращеніе, придавала ему особенную прелесть. Тотъ дѣйствительно могущъ, кто равно можетъ пугать и плѣнить. Ея язвительныя колкости сдѣлались вскорѣ общепародными, потому что онѣ обыкновенно падали на тѣхъ, которыхъ общество любило видѣть оскорбленными. Ставъ царицей моды, она сдѣлалась такъ же царицей политики, и великіе ораторы часто разглагольствовали по цѣлымъ часамъ въ парламентѣ для поддержанія затѣй графини Констанціи.

Во время оно Англичанки не умѣли ни вальсировать, ни сдѣлать одного па мазурки. Эти танцы были тогда совершенно новы въ Лондонѣ, и молодыя герцогини, маркизы и графини, собирались по утрамъ то у той, то у другой, чтобы только учиться вальсу и мазуркѣ. Одно изъ этихъ танцевальныхъ таинствъ происходило у Констанціи и сдѣлалось знаменитымъ. Здѣсь дордъ Байронъ ухаживалъ прихрамывая за ле-

ди К***; здѣсь положено основаніе знаменитому Альмаку*.

Остроумный и оригинальный авторъ повѣстей *Saings and doings*, очень искусно защищаетъ чистоту нравовъ свѣтскихъ людей своего отечества. Любезный мистеръ Гукъ, это не въ природѣ вещей! Свѣтскіе люди, — я не говорю объ исключеніяхъ, — должны быть безнравственны въ отношеніи къ женщинамъ, потому что они праздны. Свѣтскіе люди, отъ нечего-дѣлать, волочатся за женами своей братьи. А посему и графиня Констанція имѣла обожателей, которыхъ она, — надо отдать справедливость чистотѣ ея нравовъ, — пошла за носъ и употребляла для своихъ политическихъ надобностей.

Но была ли она счастлива?..... Нѣтъ, нѣтъ! Сердце ея было. Въ безпрерывныхъ огорченіяхъ этого мучительнаго поприща, на которомъ состязаются самолюбія и жадности, у ней не было даже съ кѣмъ разделить печали. Среди этого шумнаго и многочеловѣческаго общества, Констанція поминутно чувствовала, что она одна въ пустынь. О, какъ часто желала она уйти изъ золотистыхъ чертоговъ въ развалины стариннаго пріорства и плакать тамъ, плакать на пламенной груди Перси!.....

Всѣ будоары, всѣ балы, — нигдѣ вѣрнаго сердца! Скука и пресыщеніе болѣе и болѣе угнетали ее. Она была несчастна!

Спустя не много, старая Графиня Эрпингамъ умерла; это происшествіе, которое искренно оплакала молодая графиня, разорвало послѣднюю нить, связывавшую ее съ мужемъ. Лордъ Робертъ и Констанція,

* Альмакъ, родъ дворянскаго собранія въ Лондонѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что выборъ членовъ подверженъ тамъ правиламъ необыкновенно строгой исключительности и производится въ ультра аристократическомъ духѣ.

жили съ той поры почти какъ чужіе другъ другу. Какъ большая часть мужчинъ длиною въ шесть футовъ, съ густыми черными бакенбардами, онъ тщеславился своею великолѣпною особою, и, какъ всѣ богачи, находилъ женщинъ, которыя утверждали его въ увѣренности, что онъ чрезвычайно опасенъ. Вскорѣ холодная дружба Констанціи, въ которой онъ не видѣлъ ни тѣни удивленія къ себѣ, раздражила его. Проводя большую часть жизни своей съ холостяками, онъ составилъ, подобно имъ, связи, которыя заставляютъ милорда забывать, что миледи дома. Онъ сознавался въ томъ, что нельзя было найти лучшей жены, чѣмъ Констанція. Его политическій въсъ по-крайней мѣрѣ учетверился отъ ума и любезности супруги. Она сдѣлала его домъ сборищемъ блистательнѣйшаго общества въ цѣломъ Лондонѣ, и слава его гремѣла между церами. Она была великолѣпна, и не рачеточительна; прекрасна, и непорочна; и хотя непостоянство милорда было очевидно, она не ревновала. Никогда его погрѣшности не доводили ея до нерадѣнія объ его пользахъ, не заставляли уклоняться отъ исполненія его желаній, не нарушали неизмѣнной кротости ея нрава. Лучшей жены нельзя было найти! Лордъ Эрпингамъ и не жаловался на свою жену; онъ уважалъ ее, осыпалъ похвалами, просилъ ея совѣтовъ, и немножко ея боялся.

По Аппіановой дорогѣ за стѣнами Рима, жилъ одинъ странный человекъ: онъ былъ скульпторъ, Датчанинъ, по имени Вольтманъ. Природа падѣлила его особенною склонностью ума и дарованій, которая прославила бы его въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Онъ былъ страстный поклонникъ старыхъ астрологическихъ сказаній, и ничто не привязывало его къ живымъ существамъ; ихъ страсти, ихъ политика, ихъ словесность, не пробуждали никакого отголоска въ груди его; и, въ глубокомъ уединеніи, его единственнымъ занятіемъ

были такіа науки , которыя удаляли его съ каждымъ днемъ болѣе отъ обыкновенныхъ путей жизни.

Посвятивши себя художествамъ, Вольтманъ еще въ молодыхъ лѣтахъ пріѣхалъ въ Римъ искать вдохновенія, и привезъ съ собою мрачный характеръ сыновъ сѣвера. Въ продолженіи тяжелой болѣзни, которая долгое время удаляла его отъ мастерской, онъ прочелъ, для разсвѣнія, нѣсколько сочиненій объ астрологіи. Отмеченныя теоріи этой науки показались Вольтману чрезвычайно заманчивыми. Суевѣрный, какъ большая часть его соотечественниковъ, онъ совершенно предался искусству читать въ звѣздахъ тайны будущаго, и оно овладѣло всѣми его помышленіями, всѣми чувствами. Постепенно мраморъ и рѣзецъ были забыты, и онъ пересталъ уже считать скульптуру своимъ особеннымъ призваніемъ. По счастью, Вольтманъ имѣлъ небольшое состояніе , которое позволяло ему вести жизнь покойную и пристойную, и такимъ образомъ онъ могъ оставить прибыльные занятія для безполезныхъ наблюденій.

Датскій художникъ женился на Италіянкѣ , преданной ему всей душой; онъ любилъ ее той сильною, глубокою любовью, которая болѣе живетъ въ сердцахъ нежели на словахъ. Молодая жена, съ веселымъ и общеприятнымъ нравомъ, не хотѣла позволить астрологу проводить все время въ бесѣдѣ съ планетами. Однажды она настоятельно просила мужа пойти съ ней *far la conversazione* у одной знакомки. Вольтманъ только что прочиталъ въ звѣздахъ, что ему угрожаетъ великое несчастье. Колеблемый сомнѣніемъ, должно ли послушаться звѣздъ или жены, онъ не могъ лучше рѣшить его, какъ уступивъ ея просьбамъ, и повелъ ее къ знакомке.

Молодой Англичанинъ, недавно прибывшій въ Римъ, находился въ этомъ собраніи. Какъ поклонникъ красоты, онъ сталъ приходить въ восторгъ отъ жены ху-

дожника, и ревнивый астрологъ, сообразивъ грозныя предреканія звѣздъ и убѣдительныя вросьбы молодой женщины, смѣкнулъ, что планеты говорили объ извѣстномъ головномъ украшеніи, котораго мужа особенно пугаются. Онъ принудилъ жену удалиться прежде окончанія *conversazione*. Въ эту пору дорога, ведущая къ ихъ отдаленному жилищу, была совершенно пуста; воры напали на нихъ. Вольтманъ былъ безоруженъ, и не могъ защищаться; но молодой чужестранецъ, который изъ любопытства слѣдовалъ за ними, подоспѣлъ на помощь, прогналъ разбойниковъ и пособилъ астрологу принести домой жену въ сильномъ обморокѣ. Три недѣли спустя Вольтманъ овдовѣлъ. У него осталась осьмилѣтняя дочь. Онъ рѣшился посвятить ей остальную часть своей жизни, и, когда первал горечь печали прошла, мысли его приняли опять обыкновенное направленіе, онъ возвратился къ своимъ любимымъ занятіямъ, и послѣ предвѣщаннаго несчастія, которое такъ буквально сбылось на самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ когда-либо вѣрилъ астрологіи. Одинъ только посѣтитель былъ принятъ въ его таинственномъ уединеніи, — молодой Англичанинъ, котораго онъ прежде подозрѣвалъ, а потомъ полюбилъ отъ всей души. Вкрадчивое обращеніе и пріятный умъ иностранца скоро превратили короткое знакомство въ дружбу. Онъ часто посѣщалъ астролога, а его наблюдательность находила чрезвычайное удовольствіе сравнивать это существо таинственное съ существами, которыя попадались ему въ свѣтъ. Но въ этомъ пустынномъ убѣжищѣ еще одна особа ждала прихода молодаго и прекраснаго *Inglese*, и ждала съ чувствами не по своимъ лѣтамъ. Лсонія, дочь Вольтмана, росшая одна, безъ подругъ, ловила съ жадностью, для забавы, всѣ случаи заглянуть въ предметы изысканій своего отца, то перелистывала книги открытыя на столахъ, то тщательно слѣдя поступки

звѣздочета, и еще въ младенчествѣ показывала расположеніе къ тайному знанію. Въ характеръ ее проглядывала самая природа, но природа задорная, прихотливая. Она быстро слѣдовала всѣмъ внушеніямъ своего отца. Въ ней завѣтна была душа страстная, переменчивая, полная безпокойной дѣятельности. Она плакала и смѣялась безъ видимой причины; цвѣтъ лица ея мѣнялся каждую минуту, и непостоянство апрѣльскаго неба не могло сравниться съ игрою выраженій, съ мимолетными молніями, которыми волновались черты ея лица и искрплись пылкіе глаза, полные дикой гордости. Наружность ея соответствовала характеру: она была прекрасна, но гораздо болѣе поражала своею необычайностью, нежели красотой. Отецъ принесъ ей съ сѣвера прелестные свѣтлорусые волосы, нѣкогда такъ любимыя Римлянами, и которыя въ ихъ время имѣла одна только Минерва. Италія, въ память матери, дала ей свои большіе черные глаза. Ноги и руки ея были отлиты по образцу нимфъ Канювы. Само собою разумѣется, что этотъ портретъ прихъняется не къ осьми-лѣтней дѣвочкѣ, но къ дѣвницѣ въ возрастѣ, уже болѣе близкомъ къ цвѣтенію женщины въ Италіи; потому что пока я его написалъ, прошло слишкомъ четыре года. Англичанинъ все это время былъ друженъ съ отцомъ Леоніи, и его частыя посѣщенія утверждали въ ней болѣе и болѣе привязанность, родившуюся еще въ дѣтскихъ лѣтахъ. Его правильныя черты, его золотистые локоны, скромное, пріятное и задумчивое выраженіе его лица, имѣли для ней особенную прелесть; онъ казался ей существомъ гораздо выше всѣхъ окружающихъ: рѣзкія черты и смуглыя лица Италіянецвъ вовсе ей не нравились. Отъ нечего-дѣлать, онъ сталъ учить ее Англійскому языку, въ которомъ она скоро сдѣлала удивительные успѣхи, а впоследствии, самъ не зная почему и для какой цѣли, занялся даже весьма прилежно образова-

ваніемъ этого пльнительнаго ребенка. Signor Inglese былъ челоуѣкъ нѣскольکو романической. Собственныя свои познанія онъ приобрѣлъ самоучкою, и неправильное, хотя порой и прилежное, ученіе сообщило умственнымъ его способностямъ направленіе обманчивое и восторженное. По временамъ онъ шутилъ надъ астрологомъ, но гораздо чаще раздѣлялъ его пылкое убѣжденіе. Энтузіазтъ привилъ ему свою вѣру въ таинственную поэзію этого звѣздистаго свода, который вѣчно глядитъ на поступки и судьбу челоуѣка. Воображеніе молодаго путешественника находило удовольствіе пльниться обольстительными заблужденіями, которыя такъ пріятно замѣняютъ невѣдомыя намъ истины. Разъ онъ пришелъ къ астрологу позже обыкновеннаго. Въ кабинетѣ Вольтмана, Леонія сидѣла на низенькомъ стулѣ, у ногъ отца. Лице ея было очень печально: она съ несказанною горестью взглянула на своего наставника, и потомъ устремила испытующій взоръ на отца, который также былъ мраченъ и угрюмъ какъ сѣверь.

— Чтѣ такое случилось? спросилъ Англичанинъ. Вы, кажется, печальны; вы прищмаете меня чтѣ-то не такъ, какъ обыкновенно.

— Я вопрошалъ звѣзды, отвѣчалъ астрологъ.

— И видно плохо пдутъ звѣздныя дѣла? Не перепутались ли планеты?

— Не шути, другъ мой, возразилъ Вольтманъ: мы печалимся о твоей потерѣ. Я предвижу, что тебѣ вскорѣ предстоитъ путь, и что причина твоего отъѣзда будетъ весьма горестна.

— Позвольте мнѣ, отвѣчалъ Англичанинъ улыбаясь, усомниться въ этомъ. Въ вычисленіи часто случаются ошибки, и оттого результаты ихъ ведутъ иногда къ предсказаніямъ неправильнымъ, и слѣдственно невѣрнымъ. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы я могъ

увзять изъ Рима въ это время, и я предпочитаю предположенія земныя, небеснымъ.

— Мой вычетъ вѣренъ; и небеса начертали свои определенія въ самыхъ ясныхъ сказаніяхъ. Завтра, быть-можетъ, вы оставите Римъ.

— По какому случаю?

Астрологъ колебался; молодой другъ его повторилъ вопросъ.

— Владѣлецъ разваливагося дома, сказалъ Вольтманъ съ замѣтнымъ смущеніемъ: живущій въ зеленомъ домѣ подъ нумеромъ одиннадцатымъ..... Кому это положеніе возвѣщаетъ несчастье?

— Моему отцу? воскликнулъ Англичанинъ, блѣднѣя.

Невозможно! Я сегодня получилъ отъ него извѣстіе; онъ здоровъ..... Онъ благополучно пріѣхалъ въ Лондонъ; нашелъ, послѣ долгаго отсутствія изъ отечества всѣхъ друзей живыми, здоровыми, веселыми; нашелъ дѣла и свои развалины въ должномъ порядкѣ; батюшка доволенъ всѣмъ, исключая Лондонскаго воздуха, и пишетъ, что не долго останется въ Англии, что онъ скоро будетъ сюда обратно.....

— Нѣтъ, не будетъ! грустно отвѣчалъ Вольтманъ.

— Боже мой, что вы говорите?..... Покажите мнѣ знакъ.

Молодой человекъ началъ разсматривать таинственныя фигуры, начертанныя на бумагѣ, и они занялись; каждый отдѣльно, повѣркою вычисленія. У Вольтмана результатъ вышелъ тотъ же какъ прежде; Англичанинъ получилъ вовсе другое произведеніе. Они начали спорить; и опять спорили — за числа, — за звѣзды, — за всю астрологию.

— Звѣзды врутъ, сказалъ молодой Англичанинъ, вставая со стула уже около полуночи. Самая умная и вѣрная звезда вотъ здѣсь..... (онъ положилъ руку на сердце), и она мнѣ говоритъ, что отецъ живъ и здоровъ, пьетъ теперь пуншъ въ Гросъ-Венорскомъ клубѣ.

бъ и играть въ бостонъ. Я вижу, у него десять въ сюряхъ..... Прощайте, мой другъ; до свиданія.

Онъ вышелъ изъ комнаты въ темный корридоръ, ведущій къ двери на улицу; но между-тѣмъ какъ онъ въ потьмахъ ошупывалъ дорогу, другая дверь отворилась, и вышла Леонія со свѣчой въ рукѣ. Лице ея тихо повернулось къ молодому иностранцу, и онъ замѣтилъ на блѣдныхъ щекахъ слѣды недавнихъ слезъ.

Долго, пристально, смотрѣла она на него. Этотъ взоръ смутилъ его страннымъ образомъ. Онъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ сказалъ ей:

— Buona notte, мой милый дружокъ; не принесть ли вамъ завтра цвѣтовъ?

Леонія захохотала дикимъ судорожнымъ смѣхомъ, и, быстро затворивъ за собою дверь, оставила его въ потьмахъ.

На слѣдующее утро, эстафетъ прибылъ изъ Англіи къ нашему путешественнику. Отецъ его, писали друзья, опасно занемогъ: нѣтъ надежды, чтобы, при величайшей поспѣшности, онъ успѣлъ еще къ нему, получить благословеніе. Пораженный ужасомъ, Англичанинъ вспомнилъ всю свою бесѣду съ астрологомъ, и, черезъ нѣсколько часовъ его уже не было въ Римѣ. Онъ успѣлъ только послать словесное уведомленіе къ Вольтману о причинѣ своего отъѣзда. У Вольмана было превосходное сердце, но я думаю, онъ былъ плутъ большой руки!

Время медленно текло для Леоніи, но между-тѣмъ оно развивало ея прелести, придавая еще болѣе рѣзкости чертамъ ея характера. Въ пятнадцать лѣтъ ея гибкій станъ прелестно округлился, и хорошенькое дитя, рѣзвое, прихотливое, легкое, свободное, сдѣлалось прекрасною дѣвицею, которой лице, въ минуты спокойствія, выражало тихую грусть: это выраженіе казало ее двумя, тремя годами старѣе, нежели была она въ самомъ дѣлѣ. Но когда она возвращалась къ

своей природной живости, когда серебряные звуки ея веселаго смѣху раздавались подъ старою кровлею астролога, когда прохладный утренній воздухъ вызывалъ румянецъ на ея щеки, физиономія ея опять становилась дѣтскою и, при богатыхъ формахъ тѣла, могла съ ума свести мужчину.

Леонія Вольтманъ была еще чужда свѣту. Старикъ Вольтманъ продолжалъ свои астрологическія изысканія съ возрастающимъ жаромъ, какъ это обыкновенно случается съ людьми помѣшанными на одной точкѣ: случайный успѣхъ нѣсколькихъ предсказаній заставлялъ мистика забывать противныя слѣдствія другихъ. Онъ писалъ иногда къ Англичанину, который, послѣ короткаго пребыванія на родинѣ, снова возвратился въ Италію, но жилъ въ Туринѣ и не пріѣзжалъ въ Римъ.

Прошло пять лѣтъ со времени ихъ разлуки. Отецъ и дочь сидѣли вдвоемъ послѣ обѣда у окна. Вольтманъ смотрѣлъ на улицу; Леонія вышивала.

— Мнѣ бы хотѣлось, сказалъ онъ, увидѣть еще разъ нашего Англичанина; то есть, мы увидимся съ нимъ въ скоромъ времени, я это знаю; хоть онъ забылъ объ насъ и уже давно ко мнѣ непишетъ; но мнѣ хотѣлось бы увидѣть въ немъ прежняго друга. Сказать ли тебѣ правду, Леонія: въ судьбѣ его есть страшное происшествіе, которому назначено сбыться, въ то же время, какъ и тебѣ угрожаетъ случай не менѣе ужасный. Именно это соотношеніе, внушило мнѣ такое живое къ нему участіе. Да; я бы желалъ увидѣться съ нимъ.

Полная грудь Леоніи поднялась, и по лицу ея пробѣжалъ яркій румянецъ.

— А ты помнишь еще этого Англичанина? спросилъ отецъ.

— Да! отвѣчала Леонія едва внятнѣмъ голосомъ.

— Бѣдное дитя! сказалъ отецъ и нѣжно поцѣловалъ ее въ голову.

Въ эту минуту дверь отворилась, и Англичаннинъ предсталъ предъ нихъ.

— Снѣгоръ Годольфинъ! вскричали отецъ и дочь, срѣваясь со стульевъ.

Старикъ дружески обнялъ Годольфина, — потому что это былъ онъ, Перси Годольфинъ, котораго мы видѣли, во время его поѣздокъ въ Англію, влюбленнымъ въ Констанцію, отвергнутымъ ею, и прогнаннымъ любимую женщиною изъ отечества.

— Это, если я не ошибаюсь, дочь ваша, снѣгора Леонія? спросилъ онъ старика, глядя съ удовольствіемъ на взрослую и прекрасную дѣвицу.

— Она, другъ мой! она! твоя воспитанница! отвѣчалъ Вольманъ.

Годольфинъ поцѣловалъ ея руку, не замѣчая, что эта рука дрожала. Онъ съ перваго шагу сталъ обращаться съ ней какъ старый знакомецъ, какъ другъ отца, и эти отношенія скрыли отъ его наблюдательности то дѣйствіе, какое производило надъ ней каждое его появленіе. Онъ сталъ по-прежнему навѣщать Вольмана, для котораго, казалось, бѣсѣда Годольфина была единственнымъ наслажденіемъ въ мірѣ: Вольманъ уже почти не выходилъ со двора; онъ ни съ кѣмъ не видался, и, въ одиночествѣ своемъ, стремился умомъ къ звездамъ, быстро клонился тѣломъ къ землѣ. Годольфинъ любилъ рассказывать ему всѣ свои приключенія, въ томъ числѣ и любовь къ Констанціи, — любовь которая оставила въ немъ такіе горькіе слѣды, такія мрачныя воспоминанія: онъ рассказывалъ все это въ присутствіи Леоніи, и каждымъ словомъ раздиралъ ея сердце. Бѣдная дѣвушка уходила отъ нихъ, и плакала.

Характеръ Годольфина весьма измѣнился: юность уже не мчалась своимъ шумнымъ потокомъ сквозь его жилы; размышленіе и неудачи приложили къ лицу

его печать задумчивости; онъ былъ холоденъ и важенъ. Вольманъ также ослаблялъ примѣтный образомъ. Однажды онъ долго говорилъ о симпатіи, о незримой силѣ притяженія, которая пронизаетъ все твореніе, о связи неба съ землею.

Годольфинъ не отвѣчалъ; онъ съ беспокойствомъ замѣтилъ какую-то мрачную неподвижность въ глазахъ астролога, обыкновенно блестящихъ и быстрыхъ. День клонился къ вечеру; Леонія вошла, приблизилась къ отцу и съ дѣтскою шѣвностью начала маскать его руку.

— Хорошо ли вечеръ, дитя мое? спросилъ старикъ.

— Вечеръ очень тихъ и ясенъ, отвѣчала Леонія.

— Дай мнѣ руку; я посижу немножко у дверей.

Вольманъ сошелъ по лѣстницѣ съ легкостью, какой давно не замѣчали въ его походкѣ, и, бросясь на скамью, стоявшую у дверей дома, въ молчаніи, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя теплый, благотворный воздухъ вечера.

Уже солнце исчезло, и короткія, но восхитительныя, сумерки замѣнили его. Легкое туманное покрывало разстилалось въ этотъ часъ между небомъ и землею, и одѣвало своимъ одноцвѣтнымъ полусвѣтомъ все окружныя предметы. Тогда луна освѣтила суровое чело астролога, роскошный румянецъ Леоніи, и важное, внимательное лице Годольфина, неподвижно стоящаго подлѣ отца и дочери. Спокойствіе природы казалось астрологу торжественнымъ вѣстникомъ послѣдняго сообщенія ума съ оракулами небесъ, которымъ онъ такъ искренно вѣрилъ; его взоры и мысли устремились къ небесамъ. Годольфинъ, скрестя руки, предавался своей задумчивости. И Леонія, для которой присутствіе Годольфина было самымъ употельнымъ наслажденіемъ, Леонія, подобно отцу и его другу, глядя на чистое и ясное небо.

Глаза Вольмана дѣлались постепенно недвижныѣ и тусклѣе; собесѣдники его этого не замѣчали.

Ночь усилилась; холодный вѣтерокъ подулъ отъ холмовъ Лаціума, и призвалъ вниманіе Леоніи къ отцу. Она заботливо окутала его своимъ плащемъ, и просила побережь себя отъ простуды. Онъ не отвѣчалъ. Она повторила громче свою просьбу, и не получила никакого отвѣта. Тогда съ безпокойствомъ обратилась она къ Годольфину. Годольфинъ положилъ руку на плечо Вольмана, наклонился къ нему, желая что-то сказать, и окаменѣлъ отъ ужаса при видѣ пелены, покрывающей глаза астролога. Горестная истина поразила его сердце: онъ схватилъ руку друга; пульсъ не бился. А бѣдная дѣвушка еще слѣдила его движенія, и не помышляла о возможности страшнаго несчастія, которое уже разразилось надъ ней! Одинокій духъ мечтателя покинулъ тѣлесную оболочку безъ усилий, безъ мученій: но въ какую именно минуту? какимъ внутреннимъ потрясеніемъ природы? Никогда не узнали этого.

Пропустимъ описаніе горестной обязанности, которую Годольфинъ долженъ былъ исполнить. Легко вообразить чувства Леоніи. Послѣ смерти отца, она переехала въ домъ своей тетки, вышедшей замужъ за одного живописца. Годольфинъ, незнакомый съ ея родными, не имѣлъ случая видѣться съ нею. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда время маларіи наступало въ Римъ, онъ собрался вхать въ Неаполь и пошелъ проститься съ дочерью своего друга.

Годольфинъ засталъ Леонію въ слезахъ и ужасно сердитою на своихъ тетку и дядю, которые ее бранили. Онъ скоро узналъ причину ссоры. Леонія каждый вечеръ уходила со двора одна и возвращалась домой непрежде полуночи. Она никакъ не признавалась теткѣ, куда и зачѣмъ отлучается, и ихъ обидныя подозрѣнія приводили ее въ изступленіе.

— Милая Леонія , сказалъ Годольфинъ : вы знаете, что отецъ вашъ почтилъ меня своею дружбою: позвольте же мнѣ, пользуясь этимъ правомъ и нашимъ старымъ знакомствомъ, говорить съ вами какъ другъ, какъ братъ.....

Она схватила его руку.

— Вы не хорошо дѣлаете, Леонія, продолжалъ онъ съ важностью. Ваши родные совершенно правы..... Изъ любви къ отцу вашему, изъ любви къ вашимъ молодымъ годамъ, въ память того, что я училъ васъ и любилъ васъ какъ сестру, общайте мнѣ никогда болѣе не впадать въ подобную нескромность, по-крайней-мѣрѣ до перваго нашего свиданья. Общайте мнѣ, Леонія, не выходить изъ дому безъ вашихъ родственниковъ.

— Невозможно! невозможно! вскричала она съ жаромъ. Это значило бы лишить меня послѣдняго утѣшенія, сдѣлать изъ жизни моей казнь, проклятіе!

— Нѣтъ, это значитъ сдѣлать вашу жизнь непорочною и спокойною. Съ моей стороны я обязуюсь устроить все такимъ образомъ, чтобы всѣ обращались съ вами снисходительно и ласково.

— Я незабочусь объ ихъ ласкахъ; я не желаю ни чьей нѣжности, кромѣ.....

— Чьей? спросилъ Годольфинъ.

Но она продолжала молчать. Онъ, не настаивая на своемъ вопросѣ, объявилъ, что пришелъ проститься съ нею.

— Проститься! ты?..... О Боже, нѣтъ, не говорите о разлукѣ!

И она бросилась къ нему, и смотрѣла на него своими прекрасными глазами съ выраженіемъ ужаса.

— Нѣтъ! нѣтъ! продолжала она: ты хотѣлъ пострадать. Ты не думаешь оставить меня. Говори, что не уѣзжаешь!..... Говори скорѣе!.....

— Я вду черезъ два дня.

— Такъ дайте же мнѣ умереть! сказала Леонія съ глубокимъ отчаяньемъ, которое устранило Годольфина.

Онъ старался утѣшить и успокоить ее: но она его оттолкнула, Черты ея судорожно сжимались; два раза она прошла по комнатѣ быстрыми шагами; потомъ остановилась съ видомъ твердо принятаго намѣренія.

— Ты спрашиваешь, сказала она, куда я отлучалась при наступленіи ночи?..... Что давало мнѣ твердость презирать всѣ ваши угрозы въ домѣ, всѣ опасности въ городѣ?..... Это онъ..... — Ты, Перси! произнесла она дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ Годольфину, и упала передъ нимъ на колѣни.

Несмотря на всю опытность свѣтскаго человѣка, Годольфинъ сильно смутился и хотѣлъ поднять ее.

— Пѣть, пѣть! вскричала она: теперь ты меня презираешь; оставь же меня, оставь меня умереть у ногъ твоихъ съ мыслью о тебѣ. Да!..... да!..... я любила, я боготворила тебя съ дѣтства моего. Когда ты находился со мною, жизнь казалась мнѣ свѣтлѣе: когда ты былъ далеко, я нетерпѣливо ждала ночи, чтобы хоть во снѣ тебя увидѣть. Я примѣчала вещи, до которыхъ ты прикасался, чтобы цѣловать ихъ, говорить съ ними, во время твоего отсутствія. Я каждый день цѣловала порогъ, на который въ послѣдній разъ ступила нога твоя, когда ты насъ оставилъ. Пять лѣтъ прошло въ разлукѣ, но воспоминаніе о тебѣ росло вмѣстѣ со мною и составляло все бытіе мое. Я любила одиночество, потому что я тогда видѣла тебя въ своемъ воображеніи, говорила съ тобой, и мнѣ казалось, что ты отвѣчаешь мнѣ, не браня меня. Ты возвратился, и..... и..... Но что нужды, я все выскажу! Со времени переезда моего въ этотъ домъ, чтобы взглянуть на тебя, когда ты обыкновенно выходилъ изъ дому, да, только для того чтобы взглянуть на тебя, я убѣгала вечеромъ въ городъ; никѣмъ незамѣчаемая

я стерегла тебя; я тебя следила издали, увижу как ты войдешь въ одинъ изъ тѣхъ палацовъ, гдѣ не знаютъ любви, и тогда возвращаюсь домой, въ слезахъ, но счастливая въ душѣ. И не ужели ты думаешь, неужели ты смѣешь думать, что я рѣшилась бы когда-нибудь высказать тебѣ все, если бы ты не довелъ меня до безумія, если бы ты не сдѣлалъ меня равнодушною ко всему, что обо мнѣ скажутъ, что станется со мною?..... Что для меня жизньъ, когда тебя здѣсь не будетъ?..... Я все сказала! Теперь поди; ты меня не любишь, я знаю..... Но не повторяй мнѣ этого! Поди, оставь меня..... Зачѣмъ же ты не уходишь?.....

Естьли въ свѣтъ мужчина, — какъ я ни дурнаго мнѣнія объ этомъ полѣ, — есть ли между ними такой, который, слушая отъ молодой и прекрасной женщины признаніе въ любви, не испыталъ бы самъ этого чувства? Тронутый, почти влюбленный, Годольфинъ увидѣлъ опасность своего положенія. Родственники Леоніи оставили его одного съ нею. Онъ нѣсколько минутъ боролся съ собою, но наконецъ собрался съ силами, и отвѣчалъ дочери своего друга:

— Выслушайте жени спокойно, Леонія; мы по крайній-мѣрѣ останемся друзьями. Ради Бога, выслушайте меня, Леонія! Вы видите передъ собою чловѣка, котораго сердце преждевременно убито: я любилъ; глубоко, страстно любилъ. Эта любовь прошла, но она сдѣлала меня неспособнымъ къ другой любви, къ любви, достойной васъ. Нѣтъ, моя прекрасная Леонія, я не долженъ, я не хочу скрывать отъ васъ истины: ваше чувство ко мнѣ есть не что иное какъ, простите моей откровенности, прихоть, дѣтская фантазія. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вы будете сами смѣяться надъ этимъ. Я не достоинъ этого чистаго, пламеннаго сердца..... но и не способенъ употребить его во зло.

— Удались! вскричала Леонія: удались! и умоляю тебя объ этой милости.

И говоря это, она была такъ безцвѣтна и недвижима, что можно было принять ее за мертвую: черты ея были мрачны и суровы; она не чувствовала слезъ, которыя крупными каплями текли по ея щекамъ; только легкое трепетаніе устъ измѣняло ея внутреннему страданью.

— Творецъ мой! воскликнулъ Годольфинъ въ сильномъ волненіи: могу ли выдержать это испытанье? Я, котораго всѣ мечты о счастіи стремились къ одной любви, я нахожу теперь эту любовь..... и не въ правѣ воспользоваться ею! Нѣтъ, я не могу васъ обманывать, Леонія. Нѣтъ, нѣтъ!..... Вамъ въ мужъ нуженъ любовникъ, а я уже не могу обшачать вамъ этого. Вы будете несчастны со мной. Пощадите, сказалъ онъ трепещущимъ голосомъ, меня и себя. Когда я уѣду, посмотрите вокругъ себя, и мой образъ скоро изгладится изъ вашей памяти; тысяча молодыхъ людей, милыхъ, пламенныхъ, будутъ искать вашей любви. Забудьте меня; изберите другаго! будьте счастливы. Позвольте мнѣ быть только вашимъ другомъ, вашимъ братомъ. Я не перестану заботиться о вашемъ домашнемъ счастіи. Благослови васъ Богъ, милая, безцѣнная Леонія, и вѣрьте, вѣрьте, что убѣгая васъ, я поступаю великодушно, я приношу вамъ жертву, достойную вашихъ прелестей и вашей любви.

Нѣсколько минутъ онъ простоялъ передъ ней въ молчаньи: она сидѣла въ креслахъ неподвижна и безчувственна какъ мраморъ.

— Прощайте, моя милая питоинца!

Онъ протянулъ къ ней руку. Леонія схватила ее, съ жадностью прижала къ устамъ и оросила слезами.

— Я чувствую, сказала это необыкновенное, полудикое дитя: я чувствую, что я должна благодарить васъ, когда вы обращаетесь со мною такимъ образомъ; но, не знаю почему, я вамъ не благодарна. Вы сознаетесь откровенно, что не можете любить меня, что моя

нужность вамъ въ тягость. Вы убѣгаете, покидаете меня. Ахъ, если бы вы чувствовали ко мнѣ малѣйшую дружбу, вы не имѣли бы столько твердости!

— Леонія, что мнѣ сдѣлать вамъ?..... Я не могу на васъ жениться.

— Развѣ я этого требую? Я прошу только позволить мнѣ слѣдовать за тобой всюду, гдѣ бы ты ни былъ.

— Бѣдное дитя! знаешь ли, что ты выпрашиваешь у меня своего безчестья?

Леонія удивилась.

— Развѣ любовь безчестье?

И она боязливо смотрѣла на него, съ ужасомъ замѣчая, что сильное волненіе лишаетъ его возможности отвѣчать.

— Ахъ! если мои слова огорчаютъ тебя, вскричала она страстнымъ голосомъ: если просьба моя подвергаетъ тебя тому, что ты называешь безчестьемъ..... прости меня, я не знаю, что дѣлаю; прости и оставь меня. Но если ты говорилъ не о себѣ, вѣрь, что твое состраданіе жестоко. Позволь мнѣ слѣдовать за тобой, умоляю тебя! Я не имѣю ни одного друга, меня никто здѣсь не любитъ. Лица, окружающія меня, мнѣ ненавистны; голоса, которые поражаютъ слухъ мой, для меня нестерпимы. Если бы даже не было другой, сильнѣйшей причины, ты, по-крайней-мѣрѣ, напоминаешь мнѣ того, который уже не существуетъ; твои черты мнѣ знакомы, твой голосъ, всякое твое движеніе, связаны съ моими драгоцѣннѣйшими воспоминаньями. Возьми меня съ собой!..... или я умру. Я не переживу разлуки съ тобою!

— Вы говорите о нашемъ отцѣ. Знаете ли вы, что если бы я исполнилъ мольбы, которыя вы прозносите въ вашей дѣтской невинности, онъ проклялъ бы меня изъ глубины своей могилы?

— Боже! Нѣтъ, нѣтъ..... ты невиненъ. Нѣтъ, мой отецъ не проклянетъ тебя..... Пусть онъ всегда лю-

бить тебя въ землѣ ; я буду любить на землѣ. Я одна виновна..... Но не хуже ли съ твоей стороны покинуть его дочь, нежели принять ее подъ свое покровительство?

Въ сердцѣ Годольфина происходила сильная борьба.

— Но что подумаетъ объ васъ свѣтъ, сказалъ онъ, самъ не зная что говорилъ : если увидятъ васъ съ чужимъ человѣкомъ.

— Свѣтъ для меня заключается въ одномъ тебѣ.

— Что скажетъ вашъ дядя, ваши родныя?

— Какая мнѣ до нихъ нужда!

— Нѣтъ, нѣтъ! этого не должно быть, воскликнулъ Годольфинъ съ твердостью, овладѣвъ своими чувствами. Леонія, я отдалъ бы всѣ мечты, всѣ надежды мои на счастье въ этомъ мѣрѣ, чтобы только чувствовать себя въ состояніи вознаградить эту преданность посвященіемъ тебѣ всей моей жизни.....

— Такъ ты любишь меня! вскричала она въ восторгѣ, не понявъ его : ты любишь меня.....

Годольфинъ былъ внѣ себя, и, прижимая Леонию къ груди, покрылъ ея уста, ея щеки поцѣлуями. Но вдругъ, какъ-бы увлекаемый непреодолимою силою, онъ вырвался изъ объятій ея и убѣжалъ.

На другой день онъ написалъ Леоніи длинное и очень нѣжное письмо. Онъ изъяснилъ ей причины своей борьбы, сколько можно было изъяснить дѣвушкѣ простой, невинной, и съ такимъ пылкимъ воображеніемъ. Онъ писалъ, что до минуты ея признанія, ему никогда не приходило въ голову спросить свое сердце объ ней; но что это признаніе создало въ немъ новое и пламенное чувство къ той, которая почтила его своей привязанностью. Онъ успокоивалъ ее на счетъ ея положенія въ домѣ тетки; извѣщалъ, что онъ вытребовалъ отъ ея родныхъ обещаніе давать ей во всемъ совершенную свободу, къ которой она съ дѣтства привыкла; заклиналъ ее наконецъ въ выраженіи-

дхъ самыхъ почтительныхъ, принять банковый билетъ на сумму, выше которой онъ не въ состоянн удѣлнть сиротѣ своего друга, но которая можетъ вышнть къ ней почтенн ея роднымъ или доставнть ей средство жить отдѣльно отъ ннхъ, если бы это было нужно для ея спокойствнн. «Пришлите мнѣ въ замѣнъ, локонъ вашихъ волосъ. Я прошу этого подарка не для того, чтобы не забыть вашихъ прелестей: мнѣ нуженъ залогъ сердца, котораго нѣжность возбуждаетъ во мнѣ столько гордости и страданнй. Я буду носить его какъ талисманъ противъ соблазновъ свѣта, къ счастью, еще незнакомаго вамъ, и какъ существенное доказательство, что мнѣ явилась не въ видѣнн душа чистая, пламенная, исполненная самоотверженнн, какихъ нѣтъ въ этомъ мнрѣ, гдѣ эгоизмъ и безотрадная сухость чувствъ повсюду омрачаютъ взоры. Когда мы увидимся, дай Богъ, чтобы вы вручили уже судьбу вашу человеку, счастливейшему, и забыли въ любви, дружбѣ и уваженнн его, все, что вы чувствовали ко мнѣ, кромѣ сладкаго братнаго воспомннаннн. Милая, прекрасная Леоннн, прощайте! Если я отказываю себѣ въ небесномъ счастьн быть съ вами, то потому что ваше великодушное самоотверженне породило въ моемъ сердцѣ, вообще равнодушномъ ко всему мнру, истинную любовь къ вамъ.»

На это письмо, Годольфинъ помннутно ждалъ отвѣта, но не получалъ ни письма, ни локона волосъ. Онъ былъ оскорбленъ, сердился на Леоннн, называлъ себя глупцомъ. Въ негодованнн на неспособность этой дѣвушки оцѣннть деликатность его поступка, онъ бросился въ почтовую коляску и уѣхалъ въ Неаполь.

Прибывъ въ Террачине, онъ хотѣлъ отдохнуть. Между-тѣмъ какъ онъ передвѣвался въ одной комнатѣ, старый его служитель вошелъ съ таинственнымъ докладомъ, что отъ самаго Рима слѣдовала за нимъ карета

та, повидному наемная, и что въ ней прѣѣхала какая-то дама, которая ждетъ его въ гостиной. «Боже мой! вскричалъ Годольфинъ: это она!» Онъ на скоро окончилъ свой туалетъ и побѣжалъ къ путешественницѣ, тронутый до глубины сердца новымъ доказательствомъ преданности, которую являла ему эта невинная дѣвушка, несвѣдующая ни въ обязанностяхъ своего пола ни въ законахъ общественнаго мнѣнія.

Съ трепещущимъ сердцемъ Годольфинъ вошелъ въ комнату, гдѣ полагалъ найти Леоню. Она сидѣла въ темномъ углу. Лице было закрыто плащомъ. Онъ ее увидѣлъ; упалъ къ ея ногамъ и боязливой рукою сдернулъ покрывало, за которымъ таились черты ея: сквозь слезы, блѣдность, страхъ, ихъ скромное и нѣжное выраженіе проникло до его сердца.

— Простишь ли ты меня? сказала она, дрожа. Меня сюда привелъ твое писъмо. Теперь, покинь меня, если можешь.

— Никогда, никогда! вскричалъ Годольфинъ, прижимая ее къ сердцу. Судьба такъ угодно, я не противлюсь болѣе. До послѣдняго моего вздоха клянусь любить тебя, почитать, нѣжить. Я буду всѣмъ для тебя, твоимъ братомъ, отцемъ, другомъ.....

— Ты позволишь мнѣ слѣдовать за тобой! вскричала Леоня, въ радостномъ восторгѣ.

Она не имѣла другихъ мыслей, и другихъ словъ у ней не было.

На синія волны; разбивающіяся съ глухимъ отдаленнымъ шумомъ о скалы прекраснаго берега, по которому гора, увѣнчанная Терраччиною, разливаетъ запахъ лимонныхъ и апельсиновыхъ цвѣтовъ; на это море, прославленное божественными вѣснями, звѣзды изливали тихій свѣтъ, подобный надеждѣ лучшаго міра, озаряющей мракъ тревожной жизни. Вдоль берега гуляли Леоня и онъ, бродящій чужеземецъ, онъ, на которомъ покоились теперь вся будущность, все

счастье бѣдной сироты. Она наслаждалась блаженствомъ удовлетворенной любви, этимъ райскимъ упоеньемъ, могучимъ въ своей томности, усыпляющей сердце отрадою. Ни заботы, ни сожалѣнья, ни мысль о переѣзѣ судьбы, ни даже эта неопредѣленная грусть, — таинственная подруга страсти, — ни что не смущало мирныхъ и роскошныхъ часовъ любовниковъ. Ночь тихая и пустынная разстилала вокругъ ихъ свои таинственныя тѣни. Ахъ, какое несказанное чувство — быть одинокимъ вдвоемъ! Съ какимъ восторгомъ они приближались другъ къ другу при этой мысли! Когда руки ихъ встречались съ легкимъ пожатіемъ, эти счастливыя мгновенія были записаны между сладчайшими минутами очарованія. Въ глазахъ Леоніи блеснула слеза любви при тихомъ сіяніи звѣздъ; уста любовника осушили ее.

Бѣдная Леонія! быть-можетъ ты, которые прочтуть эти страницы, не останутся нечувствительны къ твоимъ быстротекшимъ наслажденіямъ и твоимъ горькимъ страданіямъ! Эти строки, совершенно постороннія для моего предмета, начертала подъ вліяніемъ твоего воспоминанья. Онѣ могутъ служить эмблемою твоего краткаго существованья.

Спусти два часа, Перси и Леонія ѣхали въ Римъ уже въ одномъ экипажѣ.

Пора мнѣ кончить эту печальную исторію, а у меня многое остается еще разсказать. Вы видите моего добраго Годольфина на пути къ счастью. Онъ нашелъ сокровище, которое уже отчаявался найти на этомъ свѣтѣ, — сердце любящее и мѣжное, которое не смѣшивало любви съ суетами жизни, домашняго счастья съ свѣтскимъ тщеславіемъ, чужихъ дѣлъ со счастіемъ обожаемаго человека. Но въ судьбѣ нашей какъ-будто есть страницы, на которыхъ вѣчно лежитъ тяжелый перстъ рока, и которыхъ намъ не позволено перекинуть ни какою силою воли. На страницахъ судьбы Го-

дольфина написано было — Констанция. Эта женщина тяготила его всю жизнь; ея честолюбіе лежало на его надеждахъ, какъ гробовой камень на могилѣ усопшаго. Дни путешествія двухъ любовниковъ изъ Рима въ Неаполь были счастливѣйшею эпохою въ жизни Годольфина; роскошныя мечты, сладостныя предначертанія для будущаго, любовь и полная увѣренность въ любви, наполнили ее своими волшебными видѣніями; онъ обдумывалъ способы исправить и усовершенствовать воспитаніе Леоніи, образовать изъ ней для себя супругу умную и пріятную, — качество необходимое въ женщинѣ для брачной жизни, въ которой недостаточно одной страстной привязанности; провести съ ней остатокъ дней своихъ такъ тихо и благополучно, какъ только позволяло его ограниченное состояніе. Поблизости Неаполя, на берегу одного прелестнаго озера, онъ нанялъ красивый домикъ, въ которомъ надѣялся привести въ исполненіе всѣ свои предварительныя планы и уже начиналъ вкушать сладость домашняго быта, какъ вдругъ, отправившись однажды въ городъ по дѣламъ, онъ встрѣтился съ Констанціею. Она была вдова!..... Теперь она его искала; не нашедши пищи для сердца въ томъ свѣтѣ, куда увлекла ее гордость и высокоумѣрныя надежды; утомившись политическими интригами, которыя истощали силы души и наполняли ее ѣдкими чувствами ненависти, вражды и мщенія, теперь она чувствовала, что не можетъ жить безъ любви и безъ Годольфина, и прилетѣла преслѣдовать его въ землѣ изгнанія. Она разставила около него всѣ сѣти, какія только умѣетъ вязать умъ, тонкость, красота и страсть женщины во всѣхъ отношеніяхъ. Годольфинъ снова потерялъ голову. Констанція была первой и единственною женщиною, которую онъ истинно любилъ въ жизни; она причинила ему столько страданій; сердце его такъ долго привыкло находить отраду въ этихъ тайныхъ мученіяхъ, которыя почти

всегда дѣлають для насъ предметъ свой безцѣннымъ, что при видѣ этого лица, этой постоянной привязанности, этого раскалиія въ прежней жестокости, вся угасшая страсть вспыхнула въ Годольфинъ съ новою силою. Онъ чувствовалъ себя несчастнѣе чѣмъ когда-либо. Любовь его къ Леоніи была слишкомъ внезапна и уже по одному этому не могла быть прочна; ей не дали даже времени укрѣпиться узами привычки: эта любовь не удерживала Годольфина; но его недавнія клятвы, честь дочери его покойнаго друга, судьба бѣдной дѣвушки, которая для него презрѣла все и готова рѣшиться на самую отчаянную крайность, долгъ, состраданіе, совѣсть, все, что честному чловѣку священнѣе самой жизни, воздвигало между нимъ и счастьемъ его сердца страшный валь преградъ, непреодолимыхъ, гибельныхъ.

Средь этой ужасной борьбы съ самимъ собою, онъ однако жъ невольно уступалъ влеченію несчастной страсти, и часто видѣлся съ Констанціей. Мало-помалу Годольфинъ пріучилъ Леонію къ своимъ отлучкамъ въ городъ, которыя онъ оправдывалъ передъ ней разными предлогами. Наконецъ эти отлучки стали довольно продолжительны и такъ часты, что Годольфинъ былъ болѣе гостемъ нежели хозяиномъ на берегу своего озера. Его безпокойство и тайная грусть не могли долго укрыться отъ пронидательнаго взора любви. Леонія не обременяла его упреками, не мучила бесполезною ревностью, но она плакала, она томилась, она приходила въ отчаяніе, примѣчая охлажденіе любовника, которое не предвѣщало ей ничего кромѣ несчастія.

Однажды Годольфинъ возвратился изъ города въ страшномъ волненіи: онъ былъ боленъ всю ночь; но на слѣдующее утро давно исчезнувшее спокойствіе вдругъ просіяло въ его лицѣ: онъ нѣжно обнялъ Леонію, и сказалъ ей, что теперь ему уже не зачѣмъ ѣздить въ городъ, что всѣ его дѣла кончены, и что онъ

можетъ заняться исключительно своимъ единственнымъ и несравненнымъ другомъ. Онъ удалился въ кабинетъ, написалъ длинное письмо, и отправилъ его въ Неаполь. Послѣ этого письма, онъ казался еще спокойнѣе и даже былъ веселъ. Годольфинъ безвыѣздно пробылъ слишкомъ недѣлю въ своемъ домикъ на берегу озера; Леонія блаженствовала; но вдругъ приносятъ письмо изъ города; онъ приказываетъ осядлатъ лошадь, прощается съ Леоніей, проситъ ее не беспокоиться, общается возвратиться домой на слѣдующее утро и скачетъ въ Неаполь.

Долго Леонія слѣдовала печальнымъ взоромъ за удаляющимся любовникомъ, и сердце ея трепетало, какъ-бы предчувствуя, что счастье всей ея жизни удаляется отъ ней навсегда. Возвратившись въ комнаты, она примѣтила, что Годольфинъ оставилъ кабинетъ свой въ беспорядкѣ, и съ любовію занялась уборкою его комнаты. Передъ отъѣздомъ Годольфинъ торопливо вынималъ какія то бумаги изъ своего письменнаго столика, и уронилъ одинъ листъ на землю. Этотъ листъ лежалъ подъ столикомъ. Леонія подняла его, и узнала руку своего любовника. Первое слово, начертанное въ верху листа, поразило ее какъ громомъ. Она со страхомъ принялась разбирать бумагу: то было неконченное письмо, помаранное во многихъ мѣстахъ, которое, судя по числу, выставленному на верхнемъ краю страницы, служило черною для письма, недавно отправленнаго Годольфиномъ въ городъ.

«Констанція!

«Я не могу, не долженъ оставлять васъ болѣе въ заблужденіи. Вооружитесь мужествомъ, котораго мнѣ самому не достаесть, когда я черчу ваше имя. Это имя, какъ талисманъ, пробуждаетъ во мнѣ всѣ ощущенія, къ которымъ я еще способенъ. Вы были первая женщина, которую я истинно любилъ: вы отвергли меня, но я не могъ презрѣть васъ. Вы отдались другому, но моя любовь не могла васъ ослѣпить. Ва-

шей рукой начертана была заранее исторія моей жизни послѣ нашей разлуки ; мой образъ жизни , мои мысли , всегда рѣшались вашимъ воспоминаніемъ ; и теперь , Констанція , когда вы снова свободны , я , къ несчастію моему , опять люблю васъ , и люблю пламеннѣе нежели въ былые годы . Сдѣлавшись благоразумнѣе , вы научились знать цѣну моего сердца , но теперь я уже не могу воспользоваться сладостью пожизненнаго союза съ вами , за который еще весьма недавно , и даже въ эту минуту , отдалъ бы я жизнь свою . Я буду несчастенъ безъ васъ , но долженъ исполнить священную для меня обязанность . Да ! всѣ преграды исчезли , — исключая одной : узнайте ее , и можете судить объ ея важности .

«Когда я удалился отъ васъ , Констанція , много лѣтъ тому назадъ , борьба со жгучимъ воспоминаемъ долго раздирала это сердце , которое вы уязвили своимъ презрѣніемъ . Я старался сперва изгладить изъ него вашъ образъ , забыть васъ , поклоняться другимъ красавицамъ . Нужно ли говорить ? Поэзіе другихъ женщинъ только глубже врѣзывало ваши черты въ моей памяти . Но въ числѣ новыхъ предметовъ моего вниманія , одинъ заставлялъ меня подумать , что если бы я не зналъ васъ прежде , я бы любилъ его такъ же страстно какъ люблю васъ ; и , въ первомъ порывѣ чувствительности , возбужденной необыкновеннымъ пожертвованіемъ этой особы , мнѣ показалось на минуту , что я люблю ее той же любовью . Она была дочь моего друга , — сирота , — дитя , и лѣтами , и совершеннымъ незнаемъ свѣта ; я былъ все для нея И теперь я для нея все ! Она еще не принадлежитъ мнѣ по узамъ церковнымъ , но мой союзъ съ ней не менѣе того святъ , и не менѣе нерасторжимъ . Измѣню ли я безпредѣльной преданности этого невиннаго и доврчиваго существа , которое только мной и живетъ ? Гдѣ возьму силъ растерзать сердце , которое всегда было моимъ , исключительно моимъ , съ большею любовью нежели ваше , обогащенное тысячью безцѣнныхъ даровъ ? Я , который поклялся быть ея покровителемъ , я , для котораго она уже лишилась добраго имени , оставляя домъ своихъ родственниковъ , я ли отниму у ней отца , брата , друга , любовника , мужа , все ? Никогда ! Никогда ! Я буду страдать , но не измѣню ей . О ! Констанція она никогда не будетъ и не можетъ знать , какого пожертвованія она мнѣ стоитъ ! Увидѣв-

*

ши васъ теперь, свободною, красивою какъ прежде, любящею лучше нежели прежде, я пренебрегъ ее на-время, я сталъ уже слишкомъ холоденъ къ ней, слишкомъ неблагодаренъ къ ней: я исправлю мою вину. Это усиліе разорветъ мое сердце, но оно будетъ достойно ея. Не думайте, Констанція, чтобы она была одна изъ тѣхъ, которыхъ можно обогатить и бросить: она не знаетъ другаго блага кромѣ своей любви. Ничто въ мірѣ не вознаградитъ ее за потерю своей вѣжности, и теперь, когда я пишу къ вамъ — »

Недописанное и испорченное помарками письмо окончивалось этимъ словомъ. Леонія еще разъ прочитала его.

Оно, вѣроятно, растерзало такъ же и сердце Констанціи. Шесть дней плакала она надъ нимъ, и на седьмой рѣшилась написать къ Годольфину записку, которою умоляла его подарить ей еще одно свиданіе, — уже послѣднее на этомъ свѣтѣ. У Годольфина не достало сердца отказать ей, и онъ поѣхалъ въ городъ, уронивъ несчастную бумагу, которую забылъ уничтожить.

На другой день, когда Годольфинъ возвратился домой, онъ нашелъ этотъ роковой листокъ на своемъ письменномъ столикѣ; на листкѣ лежала запечатанная записка.

«Перси!

«Я читала твое письмо къ другой. — Я буду несчастенъ безъ васъ, но долженъ исполнить священную для меня обязанность. — Всѣ преграды исчезли, исключая одной. — Нѣтъ, Перси, ты меня не знаешь, ты не знаешь моей любви, не знаешь ни сердца, которое билось тобою, ни мѣры тѣхъ пожертвованій, къ какимъ оно способно, когда думаетъ, что Леонія можетъ быть преградой къ твоему счастью. Ты свободенъ, Перси! Преграда уничтожается: будь же счастливъ съ нею, — я этого требую! Не ищи меня напрасно. Я уже для тебя не существую. Леонія.»

Годольфинъ облился слезами. Изумленный безпределѣльнымъ самоотверженіемъ этого благороднаго сер-

ца, онъ презиралъ себя; проклиналъ Констанцію, съ которою уже навсегда разстался; рвалъ на себя волосы съ отчаянія. Вся поиски оказались безуспѣшными. Годольфинъ поскакалъ въ Неаполь, употребилъ волицію, обѣщалъ значительную награду: Леоніи нигдѣ не было, — ни живой, ни мертвой. Онъ побѣждалъ къ Констанціи, съ намѣреніемъ разразить ее страшнымъ упрекомъ, унизить ее, уничтожить.

— Видители, миледи, какъ любятъ сердца, чуждыя мерзкаго тщеславія! сказалъ онъ съ мрачнымъ и суровымъ видомъ, бросая на столикъ послѣднее письмо Леоніи. Читайте, миледи; читайте и краснѣйте.... Adieu!

Тутъ послѣдовала ужасная сцена. Они поссорились, — чѣмъ и ясно доказывается, что имъ ужъ суждено было жениться. Въ самомъ дѣлѣ, они обвѣнчались въ Римѣ.

Былъ ли Годольфинъ счастливъ? Путешествіе новыхъ супруговъ изъ Италіи въ Англію было весьма пріятно. Они были неразлучны, и ничто не смущало ихъ блаженства. Въ Лондонѣ сцена нѣсколько измѣнилась. Брошенные въ вихрь большаго свѣта, они начали видѣться рѣже. Годольфинъ возобновилъ свои старинныя знакомства, и помощію своего ума началъ пріобрѣтать большіе успѣхи въ обществѣ. Констанція снова бросилась въ политику, и съ новымъ жаромъ продолжала свои политическія интриги.

Рошфукдъ, или какой-то другой доносчикъ, написалъ: «Есть очень счастливые браки, но нѣтъ — восхитительныхъ.» Слѣдственно о восхитительномъ не можетъ быть и рѣчи. Остается только счастье, но и этого не было въ бракѣ Перси съ Констанціей. Можно привести разныя причины этому: во-первыхъ общество большаго свѣта, въ которомъ любовь очень скоро простуживается; во-вторыхъ время, злѣйшій

врагъ супруговъ. Были еще и другія причины, между которыми въ первомъ ряду надо поставить несходство характеровъ: Констанція отличалась гордостью и честолюбіемъ; привычки Годольфина были просты, скромны, незатѣйливы; она хотѣла завлечь его въ политическія интриги; онъ терпѣть не могъ политическихъ интригъ и всегда предпочиталъ имъ театральныя: картина Рубенса или Пусена казалась ему превосходнѣе всѣхъ рѣчей Кеннинга, и въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Сверхъ-того Годольфинъ былъ бѣденъ, а Констанція теперь была богата: богатыя жены, которыя любятъ своихъ мужей, всегда даютъ имъ денегъ, но, во-первыхъ, онъ имѣютъ дурную привычку спрашивать — на что вамъ, другъ мой, деньги?, — а во-вторыхъ, если вы замѣтили, имѣютъ на этотъ случай особенную улыбку, которая очень похожа на гримасу. Можно было бы исписать цѣлый листъ бумаги, если бѣ исчислить всѣ философскія причины отсутствія счастья въ этомъ бракѣ, но и тѣхъ, которыя мы привели, довольно, особенно, денежной. Коротко сказать, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни, любви какъ-будто не бывало; на этомъ мѣстѣ цвѣла только вѣжливость, трава колючая, осенняя, которая любитъ холодъ.

Наконецъ у Констанціи явилась та неопредѣленная и неспосная болѣзнь, которою всѣ свѣтскія женщины оканчиваютъ свое поприще, — слѣдствіе жизни при свѣчахъ, ночныхъ бдѣній, постояннаго возбужденія чувствъ, романовъ, сплетней и мелкихъ огорченій самолюбія, — бичъ мужей, — осьмое Египетское бѣдствіе, — однимъ словомъ, *разстройство нервовъ*. Докторъ Радклифъ сдѣлалъ открытіе, которое увѣковѣчитъ его въ исторіи Медицины, а именно, что нервы Констанціи разстроились, «главнѣйше», отъ супружескихъ несогласій. Послѣ него, вѣдь, излишне было бы и говорить, что Годольфинъ былъ какъ-нельзя

лучше несчастенъ. Онъ, естественнымъ образомъ, искалъ утѣшенія и отрады за кулисами.

Около того времени, — это не выдумка, — одна женщина появилась въ Лондонъ; женщина, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приобрѣла большую извѣстность на твердой землѣ смѣлостью и необычностью своего ученія, но болѣе всего предполагаемой удачностью своихъ прорицаній. Она твердо вѣрила во всѣ суевѣрныя преданія среднихъ вѣковъ; живое, но мрачное краснорѣчіе, сообщало ея теоріямъ могучее дѣйствіе; она была непостижима для большей части публики, и могла даже очаровать или удивить людей, привыкшихъ мыслить. Никто не зналъ ея родины, но полагали что она являлась изъ сѣверной части Европы. Она жила уединенно, отличалась странными привычками и была прекрасна собой, но красота ея не имѣла ничего земнаго: мужчины дивились ея лицу, но не искали ей нравиться. О прежнемъ ея поприщѣ носилось много соблазнительныхъ слуховъ, но въ настоящемъ она жила выше сферы страстей человѣческихъ.

Госпожа Нибуръ, — имя подъ которымъ знали предсказательницу, — не была обманщица, но она была изувѣрка. Умственные ея струны были разстроены и издавали звуки странные, неправильные; она была нѣсколько помѣшана, но въ ея помѣшательствѣ вы бы замѣтили родъ системы. Духъ спокойный, холодный, сверхъестественный, ужасающій, казалось, овладѣлъ ею и говорилъ ея устами. Она леденѣла при звукахъ собственнаго своего голоса, такъ, что ея прорицанія ей самой внушали болѣе страха нежели слушателямъ. Въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, ея слава была велика, даже ужасна: весьма значительныя особы обѣихъ столицъ вопрошали ее, и отъзывались объ ея приговорахъ съ суевѣрнымъ почтеніемъ. Но она употребляла весьма простое средство, — дѣйствовала на воображеніе посред-

ствомъ возбужденія нервовъ , а этимъ путемъ можно достигнуть до изумительныхъ результатовъ. Въ Лондонѣ, госпожа Нибуръ вскружила всѣ головы. Я видѣла, собственными глазами, видѣла, какъ одинъ изъ правителей государства , выходилъ отъ нея съ разстроеннымъ лицомъ, и холоднѣйшій изъ Англійскихъ философовъ сознается , что она рассказала ему вещи , которыя не могли дойти до ея свѣдѣнiя человѣческими путями.

Лордъ Россель предложилъ въ то самое время свой знаменитый билль о реформѣ парламента. Констанція до того была занята *этимъ дѣломъ*, что не имѣла времени примѣтить внезапной перемены въ своемъ мужѣ. Однако жъ , возвратясь въ пятомъ часу ночи изъ нижней Палаты, гдѣ лордъ Россель произнесъ рѣчь, которая взволновала всю Европу , она тихо вошла въ спальню и сѣла подлѣ спящаго мужа : онъ говорилъ сквозь сонъ и по временамъ обнаруживалъ сильное внутреннее волненiе. — « Да, Леонiя ! ты отомщена.... Нѣтъ, нѣтъ, я не забылъ тебя..... Нѣтъ, я никогда не забуду, что я тебя обидѣлъ , убилъ Но я невинень..... Я не забуду однакожь..... эти мерзкія излишества, это поддѣльное, холодное веселіе, развѣ я не для того подвергся имъ, чтобы наказать себя?..... А теперь ты приходишь..... Приходи!..... Ахъ , нѣтъ !..... сжался надо мной.»

Испуганная , глубоко пораженная въ сердце, Констанція отскочила. Но эти слова давали ей ключъ къ поведенію мужа. Теперь все ей казалось яснымъ, — и расточительность мужа , и эта жажда удовольствiй , которая его одолѣла. Онъ, очевидно, старается, заглушить въ себѣ укоризны совѣсти. Бѣдный Перси !...., Но госпожѣ Годольфинъ нѣкогда было въ это время заниматься мужемъ : въ парламентъ говорить такія интересные рѣчи !..... ея содѣйствіе такъ нужно Ви-

гамъ!..... Она бѣгала съ утра до ночи, и собирала голоса для билля о реформѣ.

Спустя нѣсколько дней, она вошла въ комнату мужа, и увидѣла, что онъ стоитъ прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный, взволнованный, почти безъ чувствъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала она бросаясь къ нему: ты боленъ.....

Но онъ не отвѣчалъ, и смотрѣлъ на нее какъ-бы въ помѣшательствѣ; онъ едва переводилъ дыханіе; наконецъ, онъ медленно сталъ приходить въ себя, и, садясь, сдѣлалъ знакъ Констанціи присѣсть подлѣ него. Послѣ непродолжительнаго молчанія, Годольфинъ схватилъ ее за руки и сказалъ:

— Послушай, Констанція, я боюсь что здоровье мое разстроивается; страшныя видѣнья терзаютъ меня; я нахожусь подъ гнетомъ какой-то чародѣйской силы. Уже много ночей сряду, прежде чѣмъ засну, дрожь пробѣгаетъ по моимъ членамъ, волосы становятся дыбомъ, зубы скрежещутъ; непонятный ужасъ овладѣваетъ мной; кровь, кажется, твѣрдеетъ, такъ она неподвижна и холодна. Я стараюсь говорить, кричать, но голосъ останавливается въ горлѣ, и я чувствую, что не имѣю никакой власти надъ собою. Вдругъ, среди моихъ мученій, я впадаю въ сонъ: тогда являюся мнѣ страшныя грезы, въ которыхъ всегда господствующее лице — дочь Вольтмана, но лице у ней не то, что было прежде, оно спокойно, ненарушимо спокойно, и она смотритъ на меня глазами, которые прожигаютъ сердце. Видѣніе исчезаетъ, я пробуждаюсь, но ослабленный, истощенный. Я совѣтовался съ докторами, я принималъ лекарства; но не могъ расторгнуть чаръ: періодическій ужасъ, и потомъ слѣдуютъ грезы. И въ эту минуту, Ко станція, — вотъ теперь, — видишь, — это окно выходитъ въ паркъ, дверь сада отворена, — я поднялъ взоръ, и я узналъ при лунномъ свѣтѣ предметъ моихъ видѣній, съ гла-

зми, устремленными на меня. Это образъ Леонія, — но, увы, какъ онъ отличенъ отъ того, чѣмъ былъ прежде! Милосердное небо! Неужели это мечта! или живая Леонія?..... Ахъ, другъ мой, эти видѣнія, эти страхи, не происходятъ ли отъ таинственной симпатіи, которая насъ соединяла, и которая какъ предсказывала ея отецъ, должна продолжаться до конца нашей жизни?.....

Годольфинъ такъ рѣдко говорилъ о своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ, и, въ настоящемъ случаѣ они были такъ сильны и истинны, что Констанція не въ состояніи была утѣшать или успокоивать его: она сама очень встревожилась, и съ трепетомъ посмотрѣла въ окно, ожидалъ увидѣть привидѣніе, о которомъ онъ говорилъ. Все было спокойно; ни одинъ листъ не колыхался на деревьяхъ; ни одинъ человѣческій образъ не мелькалъ въ саду. Она обратилась къ Годольфину, поцѣловала его лобъ, покрытый холодными каплями и прижала его къ груди.

— Я предчувствую, сказалъ онъ: что-то ужасное должно случиться со мною въ скоромъ времени; мнѣ кажется, что я приближаюсь къ важному перелому моей жизни, что я касаюсь предѣловъ, отдѣляющихъ этотъ свѣтлый міръ отъ страны тумановъ и мрака. Констанція! странное сомнѣніе, боязнь, прошедшіе проступки, преслѣдуютъ, терзаютъ меня. Я всегда искалъ счастья настоящей минуты; я отрѣкся отъ всѣхъ трудовъ, отъ всѣхъ отличій; я смѣялся надъ будущимъ; хваталъ листки розъ, а теперь они поблекли въ моей рукѣ. Моя молодость улетѣла, старость скоро достигнетъ меня..... Если бы я слѣдовалъ моимъ правиламъ, сколько бы я могъ сдѣлать полезнаго!..... Но довольно этого болтанья. Мои нервы разстроены, я брежу. Дай мнѣ руку, Констанція, пойдѣмъ въ спальню.....

Любовь Констанціи, подавляемая политикою, пробудилась при видѣ опасности мужа. Всю ночь провела она у его изголовья, и смотрѣла въ нѣмомъ ужасѣ на судорожныя движенія, которыя смущали его сонъ. Пѣна орошала его губы, глухія стenanія вырывались изъ груди. Но она была за все награждена, когда, пробудившись на разсвѣтъ, мужъ увидѣлъ ея нѣжные глаза полныя слезъ, и бросился въ ея объятія, моля небо благословить ее за вѣрную любовь.

Я должна сказать, что въ тотъ самый вечеръ, какъ происходилъ ихъ разговоръ, докторъ Радклиффъ былъ изъ любопытства у таинственной госпожи Пибуръ. Она жила въ угрюмомъ и ветхомъ домѣ на Лисестерскомъ Скверѣ. Уже день клонился къ вечеру; она сидѣла одна въ старинной готической комнатѣ, изъ котораго нарочно былъ изгнанъ солнечный свѣтъ. Ни одного признака лживаго ремесла, которымъ она занималась, ни одного приготовленія къ тому, чтобы дѣйствовать на умъ таинственностью, не видно было въ этой обширной и печальной залѣ. Одна или двѣ книги лежали на столѣ, у котораго сидѣла хозяйка, но это были новыя Нѣмецкія стихотворенія, а не устарѣлыя мистическія бредни. Восторженная женщина, опершись подбородкомъ на руку, устремивъ взоръ безъ цѣли, была погружена въ мысли, которыя, казалось, перелѣтали отъ предмета къ предмету въ умъ, давно лишенномъ кормила и подобномъ опустѣлому замку, которымъ овладѣли духи. Никогда лице не соответствовало лучше ремеслу. Богатыя кольца свѣтло-русыхъ волосъ небрежно раздѣлялись на высокомъ челѣ. Глаза были туманны, и ихъ пронзительный взоръ отличался тѣмъ сверкающимъ блескомъ, который производитъ такое впечатлѣніе надъ зрителемъ, означая думы другаго міра и возбуждаетъ въ насъ родъ боязни и грусти во время созерцанія безумныхъ. Благородныя черты ея имѣли классическую правильность

Доминикиновой Сивиллы; но запавшія щеки были блѣдны и на этой мраморной блѣдности пестрѣли два багровыя пятна. Полныя и румяныя губки, въ своихъ прихотливыхъ движеніяхъ, открывали зубы ослѣпительной бѣлизны, которыми дополнялась прелесть лица. При спокойномъ состояніи этого лица, всѣ замѣчали, что ея здоровье было разстроено, и что ей не долго было суждено блуждать въ мірѣ, гдѣ душа ея не имѣла пристанища. И, лишь только она начинала говорить, румянецъ ея ожнелялся, и быстрыя измѣненія фізіономіи обманывали зрителя, скрывая опустошенія змѣя, грызущаго ея внутренность. Когда докторъ Радклифъ, пропущенный Африканской Негритянкою, тихо вошелъ къ ней по ковру, которымъ былъ устланъ полъ залы, она, казалось, разговаривала съ невидимымъ лицомъ, погруженная въ совершенное безмолвіе.

— Да! я здѣсь!..... и въ этомъ городѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея дома; я видѣла, я слышала его. Нѣсколько ночей сряду, несмотря на дождь и ветеръ, я бродила вокругъ его дома; я возвышала голосъ, и грозными пророческими восклицаніями пробуждала его отъ сна..... какъ трубой страшнаго суда! Но я затанла ужасный звукъ въ моемъ сердцѣ и окружила видѣніе непроницаемымъ мракомъ. О Боже! что я увидѣла, почувствовала, узнала съ тѣхъ поръ, какъ онъ попралъ меня. Но мы еще увидимся; не пройдетъ года, я почувствую прикосновеніе его усть, и я умру!..... Умереть! какое спокойствіе, какая роскошь въ этомъ словѣ! Тяжесть этихъ опасныхъ познаній, которую я взяла на свою голову, разсѣется въ одно мгновеніе; память перестанетъ существовать; прошедшее, настоящее, будущее, исчезнуть, и мѣсто ихъ займутъ долгій сонъ, озаренный свѣтлыми видѣніями, яснымъ небомъ, пѣвительными голосами и его присутствіемъ.....

Докторъ Радклифъ принужденъ былъ взять ее за руку, чтобы вывести мечтательницу изъ этого восторженнаго состоянія. Онъ испугался ея взора, когда она вдругъ на него взглянула. Докторъ завелъ съ ней разговоръ объ искусствѣ: она много и весьма краснорѣчиво рассказывала ему о силѣ воображенія, о средствахъ дѣйствовать на нервы, о любви, о симпатіи. Докторъ оставилъ эту необыкновенную женщину не безъ удивленія ея діалектикѣ, хотя не вѣрилъ ея ученію. Посѣтивъ на другой день госпожу Годольфинъ, онъ подробно описалъ свое свиданіе съ госпожею Нибуръ. Внезапная мысль поразила Констанцію и, изъ любви къ мужу, она рѣшилась повѣрить свои подозрѣнія.

Закрывши лице вуалемъ, она явилась къ восторженной и просила предсказать ей будущее. Тогда какъ госпожа Нибуръ убѣждала посѣтительницу откинуть вуаль, для того, чтобы она могла прочесть судьбу ея въ чертахъ лица, Констанція объявила ей, что она сама умѣетъ ворожить по фizioноміи, и, въ доказательство истины своихъ словъ, прибавила: «Судя по чертамъ вашего лица, вы родились въ Италіи, хотя носите Германскую фамилію; у васъ былъ любовникъ, который не умѣлъ цѣнить вашей благородной преданности; вы пожертвовали собой для его счастья, уступили его соперницѣ, нищету и скитаніе предпочли мысли быть ему *преградой*.....» При каждой фразѣ, которую произносила Констанція, ворожея измѣнялась въ лицѣ, и упала въ обморокъ, услышавъ слово «преграда». Констанція бросилась подать ей помощь, разстегнула ея платье, и употребила все старанія, чтобы привести въ чувство. «Вы — Леонія Вольманъ, сказала Констанція: я невинно похитила у васъ добро, которымъ вы дорожили болѣе чѣмъ жизнью. Позвольте мнѣ чѣмъ-нибудь загладить мою вину. Я богата; оставьте это ремесло, поселитесь у

меня, пользуйтесь довольствомъ и нашею дружбой...» Леонія, въ слезахъ, упала къ ногамъ соперницы: это была первая ласка, которую она услышала отъ людей современни потери того, для кого она все потеряла, и она съ благодарностью приняла предложеніе Констанціи. Но скоро природная гордость восторжествовала въ ней надъ первымъ впечатлѣніемъ признательности, вызванной чувствомъ долгаго несчастья. Она отринула благодѣяніе. «Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Леонія: я дорожу моимъ ремесломъ; ни на что не променяю могущества, которое мнѣ завѣщано родителемъ: Перси и вы знаете его!..... Я уже обречена горю и униженію. Я уже лишилась ума: чѣмъ вы вознаградите меня за это!..... Не хочу ничего!..... Я не должна видѣть Годольфина; и онъ не долженъ знать, что я здѣсь. Наши судьбы связаны цѣпью рока: его первое прикосновеніе убьетъ меня, и моя гибель повлечетъ его въ могилу. Намъ и безъ того суждено скоро увидѣться.....»

Леонія говорила съ такимъ убѣжденіемъ, что госпожа Годольфинъ ушла отъ нея проникнутая неодолимымъ ужасомъ и рѣшилась ничего не открывать мужу. Сивилла оставила Лондонъ. Съ тѣхъ поръ здоровье Годольфина начало возстановливаться; видѣнія исчезли, и жена увѣрила его, что даже образъ Леоніи, который онъ видѣлъ въ саду при лунномъ свѣтѣ, была только игра разстроеннаго воображенія. Она увезла его въ деревню, — въ его наслѣдственные развалины, которыя по тайному ея приказанію превратились въ великолѣпный замокъ. Эта пріятная нечаянность, живительный воздухъ полей, веселый видъ родимыхъ мѣстъ, освященныхъ первымъ знакомствомъ съ Констанціей, первую ея любовью, оказали самое спасительное дѣйствіе. Онъ оправился, вновь влюбился въ жену и даже начиналъ быть счастливымъ,

хотя неясное угрызеніе совѣсти при всякомъ случаѣ приводило ему на память Леонію.

Черезъ годъ послѣ отъѣзда Сивиллы изъ Лондона, служитель трактира, лежащаго въ четырехъ миляхъ отъ ихъ замка, прибѣжалъ къ нему съ запискою, на которой было написано — «нужное». Годольфинъ поспѣшно распечаталъ посланіе: оно было отъ Леоніи.

«Перси Годольфинъ, часъ наступилъ; мы должны еще разъ увидѣться въ этой жизни. Зову тебя на свиданіе — на смертномъ одрѣ. Приходи!

Леонія Вольтманъ.

Всѣ мысли, всѣ чувства, вся кровь Годольфина, вскипѣли при этомъ извѣстїи. «Леонія жива!..... Она здѣсь!..... Годольфинъ приказалъ подать верховую лошадь и поскакалъ въ трактиръ. Неодолима сила влекла его туда. Онъ былъ безъ памяти. Когда слуга спросилъ какъ доложить барынѣ, если она спроситъ куда онъ уѣхалъ, несчастный отвѣчалъ: «*Часъ наступилъ.*»

На бѣдной постели деревенской гостиницы лежало изсохшее тѣло умирающей дѣвушки. Мѣстный цирюльникъ стоялъ подлѣ, и съ ужасомъ прислушивался къ страннымъ рѣчамъ и нечеловѣческимъ воплямъ, которыя вырывались изъ посинѣвшихъ устъ страдалицы. И вдругъ, какъ бы истощенная припадкомъ, она погрузилась въ совершенный покой. Это омертвѣніе продолжалось нѣсколько минутъ. Тогда она встала сама собой и свѣтлый лучъ возвратившагося разсудка озарилъ сгладанныя черты. Больная приложила палецъ къ устамъ, и, улыбаясь, сказала голосомъ тихимъ, но внятнымъ: — Слышите!..... Онъ идетъ.

Черезъ минуту послышались шаги. Перси вбѣжалъ въ комнату, бросился къ постели, и бѣдная умирающая ушла въ его объятія. Леонія, тронутая, оживленная, изнемогая подъ бременемъ радости, предалась

его ласкамъ. Она жадно вслушивалась въ его глухія рыданія; она вспомнила, какъ въ былыя дни волшебство этихъ поцѣлуевъ воспламеняло ея сердце. Мигъ юности, любви, мигъ надежды, мелькнулъ въ бѣдственномнѣй, ужаснѣйшій часъ, и нѣмыя слезы полились изъ отстрадавшихъ глазъ.

— О! воскликнулъ онъ: такъ ли мы должны были увидѣться? Не говори, что ты умираешь. Леонія! сжался, сжался надъ тѣмъ, который измѣнилъ тебѣ, сжался надъ твоимъ.....

Онъ не могъ продолжать: ушавъ на колѣни подлѣ постели, онъ закрылъ лице руками и рыдалъ.

Свѣтлая минута прошла; безумная снова впала въ бредъ. Но ея безуміе было спокойно и торжественно.

— Не обвиняй себя, сказала она съ важностью: непоколебимыя звѣзды, чуждыя угрызениямъ совѣсти, однѣ измѣнили намъ. Нѣкогда свѣтлыми и прекрасными явились онъ мнѣ, возвѣщая союзъ между нами: могла ли я думать, что ихъ благое предвѣстіе кроетъ въ себѣ такую бездну горя? О, Перси! со дня нашей разлуки земля не была для меня землей. Все естественное покинуло меня. Духъ тревожный, неземной, вошелъ въ грудь мою, привелъ въ движеніе всѣ пружины моего бытія. Солнце и воздухъ, зелень, блескъ, красота міра, покрылись густымъ туманомъ, въ которомъ двигались неясные образы. Но ты, моя любовь, мой другъ, на чьей груди я покоилась такимъ сладкимъ спомъ, не вини себя ни въ чемъ. Небеса, которые превыше всѣхъ укоровъ, рѣшили такъ мою судьбу. Я бѣдное созданіе, бѣдное несчастное созданіе; ты великъ, Перси. Она, та, которая исторгла у меня солнце, предлагала мнѣ кусокъ хлѣба.....

И, внезапно переходя къ другому предмету, она сказала:

— Я видѣла твою жену, Перси, когда ты увозилъ ее изъ Рима; колеса вашей брачной кареты прокатились

по мнѣ; я нарочно бросилась поперегъ дороги, но они не задавили меня. Такъ повелѣли свѣтлые демоны свыше!..... Но берегись ты, Перси! (Она вдругъ возвысила голосъ и произнесла съ страшнымъ воплемъ:) Перси, берегись! Ревъ волнъ поражаетъ слухъ мой! Пучины разступаются. Пучины сходятся. Берегись! твой послѣдній часъ не далекъ.

Бредъ Леоніи превратился въ припадокъ бѣшенства. Вопли слѣдовали за воплями; она не узнавала никого, даже Годольфина. Съ страшными мученіями душа ея вырывалась изъ своей брэнной оболочки. Время летѣло, — настала минута, — звучный бой стѣнныхъ часовъ раздался въ комнатѣ смерти.

— Тсъ! сказала Леонія, приподнимаясь: тсъ!

Въ это мгновеніе облака, раздираясь, открыли маленькое пространство чистаго голубаго свода, и одинокая звѣзда блеснула сквозь стекла окна, въ самой отдаленной части неба.

— Твоя звѣзда!..... Она, Годольфинъ! (Умиравшая вздрогнула, указавъ на роковое свѣтло.) Она зоветъ тебя. Прощай, Перси; не надолго.....

Годольфинъ стоялъ какъ окаменѣлый. Спустия нѣсколько минутъ бросился къ ней съ безумнымъ крикомъ, и положилъ руку на грудь. Сердце не билось, дыханіе прервалось, послѣдняя искра погасла подъ пепломъ. Этотъ духъ, странный, чуждый земли, воспарилъ, быть-можетъ, къ звѣздамъ, которыхъ таинства онъ тщетно старался проникнуть.

Годольфинъ возвращался домой во второмъ часу по полуночи. Дождь мылся ручьями. Сбился ли онъ съ прежняго пути, или збылъ, что черезъ перекрестокъ двухъ дорогъ, ведущихъ къ замку, протекалъ ручей, который всегда переѣзжали въ бродъ, — только потрясенному его воображенію представилось, будто ручья этого не было прежде на его пути. «Волны ревуть!» вскричалъ онъ въ безпамятствѣ.

— Ничего, баринь!..... Смѣло! отвѣчали въ потмахъ голоса поселянъ. Наша старинная рѣчка! Мы только что перѣехали ее въ телегахъ.

Годольфинъ трепещущей рукою пустилъ коня въ воду. Голова у него кружилась. Достигнувъ середины ручья, онъ со страхомъ взглянулъ на небо: роковая звезда пылала, въ его воображеніи, страшнымъ, злобѣщимъ огнемъ, прямо противъ него. «*Волны ревутъ!..... Пучины разступаются!*» закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ. Поселяне слышали, какъ что-то бухнуло въ воду.

Конь Годольфина одинъ прибѣжалъ въ замокъ.

=

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ

БАЙРОНЪ.

=

Ангулемъ — городъ старій, выстроенный на вершинѣ скалы, которая, возвышавшись въ видѣ сахарной головы, владычествуетъ надъ окрестными полями, гдѣ извивается Шаранта. Скала примыкаетъ къ длинному холму, который отрывисто оканчивается ею на большой дорогѣ изъ Парижя въ Бордо и составляетъ родъ мыса, обложеннаго тремя живописными долинами. Прегняя важность этого города, во времена войнъ за религію, доказывается его укрѣпленіями, воротами и остатками цитадели, которая стояла на самой маковкѣ скалы. По мѣстоположенію своему, Ангулемъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ и для католиковъ и для кальвинистовъ; но то самое, что состаряло нѣкогда его силу, сдѣлалось нынче причиною его слабости; потому что укрѣпленія его и крутизна скалы, на которой стоитъ онъ, не позво-

* Этотъ любопытный очеркъ Французскихъ провинціальныхъ нравовъ взятъ изъ длинной и чрезмѣрно растянутой повѣсти Г. Бальзака, которая была напечатана въ *La Chronique de Paris*, подъ заглавіемъ *Les illusions perdues*. Мѣсто, которое мы здѣсь приводимъ, есть лучшее въ цѣломъ сочиненіи, и одно оно исполнено общей занимательности. Прочіе характеры и описанія слишкомъ мѣстны или относятся къ грязному быту людей весьма низкаго званія.

ляютъ ему распространяться вдоль Шаранты и осуждаютъ его на пагубную неподвижность. Въ то время, когда происходила исторія, которую мы рассказываемъ, Французское правительство пыталось двинуть Ангулемъ къ сторонѣ холма, выстроить на немъ домъ префектуры, морское училище, военныя заведенія и проложивъ дороги. Но купечество еще прежде избрало другое мѣсто. Съ давняго уже времени мѣстечко Г'юшмеау, то есть, Подоль, разрослось какъ кучка грибовъ у подошвы скалы, по берегамъ рѣки, вдоль которой идетъ большая дорога изъ Парижа въ Бордо*. Всѣмъ извѣстны знаменитыя Ангулемскія бумажныя фабрики, которыя мѣтъ триста назадъ учредились на Шарантѣ и ея притокахъ, и до-сихъ-поръ снабжаютъ почти всю Европу бумагою, изъ которой дѣлаются игральныя карты. Правительство основало на Рюэль главный свой заводъ, на которомъ отливаются Флотскія орудія. Почтамтъ, контора транспортовъ и дилижансовъ, кузницы, трактиры, вообще всѣ отрасли промышленности, которыя живутъ большою дорогою и рѣкою, скопились у подошвы скалы, на которой стоитъ Ангулемъ, чтобы не взбираться на его вершину. Само собою разумѣется, что кожевенныя заводы, прачешныя, и всѣ другія заведенія, которыя имѣютъ нужду въ водѣ, расположились также по Шарантѣ; потомъ водочныя магазины, анбары сырыхъ произведеній, которыя привозятся по рѣкѣ и вся транзитная торговля устья берега Шаранты. Такимъ образомъ Подоль сдѣлался городомъ богатымъ и промышленнымъ, вторымъ Ангулемомъ, который завидовалъ верхнему, гдѣ остались епископскій домъ, присутственныя мѣста и вся Ангулемская аристократія.

* Знающіе мѣстоположеніе Кіева, и взаимныя отношенія двухъ тамошнихъ городовъ, верхняго, или «Пещерскаго», и нижняго, или Подола, найдутъ разительное сходство между Кіевомъ и Ангулемомъ. Мы даже решились, по-этому, перевести Г'юшмеау «подоломъ».

Несмотря на свою дѣятельность и непрерывно возрастающее богатство, Подоль составляетъ только предѣстіе Ангулема. Вверху дворянство и власти, внизу купечество и деньги. Верхній городъ и нижній городъ терпѣть не могутъ другъ друга, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе ненавидитъ своего соперника.

Большая часть домовъ въ Верхнемъ Ангулемѣ занята семействами дворянскими, или старинными мѣщанскими, которые живутъ своими доходами: все это составляетъ туземную націю, въ которую посторонніе никогда не принимаются; семейство, прибывши изъ какой-нибудь сосѣдней провинціи, съ трудомъ признается мѣстнымъ даже и тогда, когда оно лѣтъ двѣсти прожило въ Верхнемъ Ангулемѣ и вступило въ свойство съ одною изъ первобытныхъ семействъ; въ глазахъ туземцевъ оно всё какъ-будто чуждее. Префекты, областные казначеи, директоры сборовъ, однимъ словомъ всѣ правительственные лица, которые слѣдовали одни за другими въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, старались образовать эти старинные роды, заставшіе на своей скалѣ какъ стая осторожныхъ галокъ; все было напрасно: спѣсивые туземцы вздились къ нимъ на вечера и обѣды, но къ себѣ ихъ никогда не принимали. Насмѣшливые, завистливые, скупые, эти семейства женятся только между собою и построились, въ карей, чтобы никого не впускать и не выпускать; они не знаютъ, и не хотятъ знать, новѣйшихъ изобрѣтеній роскоши; для нихъ послать мальчика въ Парижъ учиться, всё равно, что погубить его, что впрочемъ доказываетъ осмотрительность этихъ роаялистскихъ домовъ, которые весь свой вѣкъ остаются такъ же неподвижными какъ ихъ городъ и скала. Между тѣмъ Ангулемъ славится по всемъ окрестнымъ провинціямъ своими воспитательными заведеніями; изъ

сосѣднихъ городовъ присылаютъ дѣвушекъ въ тамошніе монастыри и пенсіоны.

Само собою разумѣется, что духъ кастъ имѣеть сильное вліяніе на чувства, которыми раздѣляются между собою Ангулемъ и Подоль. Тамошнее купечество богато, а дворянство вообще бѣдно и одно мститъ другому презрѣніемъ. Ангулемскіе мѣщане пристали къ дворянамъ. Купецъ верхняго города съ презрѣніемъ говоритъ о купцѣ предмѣстья: «Подольскій!» Такимъ образомъ благородное Ангулемское общество сдѣлалось самымъ недоступнымъ во всей Франціи. Не далѣе какъ за нѣсколько лѣтъ житель Подола былъ еще родъ парій въ Ангулемъ.

Между-тѣмъ одинъ молодой Подольскій, не дворянинъ и не богачъ, а просто факторъ дришной типографіи, — ихъ было въ Ангулемъ только двѣ, и эта считалась еще хуже своей сестрицы, — факторъ типографіи молодого Давида Сешара, посѣщалъ домъ госпожи *de* Баржтонъ, знатнѣйшей изъ Ангулемскихъ дамъ, и былъ принятъ какъ нельзя лучше. Фактора этого звали Люціаномъ Шардономъ.

Отецъ Люціана во время революціи имѣлъ счастье спасти отъ гилліотины одну молодую дворянку, послѣднюю отрасль древняго дома Рюампре. Дѣвушка влюбилась въ своего великодушнаго избавителя и они женились, несмотря на обоюдную бѣдность. Шардонъ страстно любилъ свою благородную, прекрасную и добродѣтельную жену.

Онъ тогда служилъ въ арміи хирургомъ, но, получивъ рану, вышелъ въ отставку. Онъ много занимался химіею, и, по склонности къ этой наукѣ, завѣлъ въ Ангулемъ аптеку. Смерть застала его на пути къ открытію, котораго онъ доискивался нѣсколько лѣтъ. Ему хотѣлось найти вѣрное средство противъ подагры. Подагрю обыкновенно страдаютъ богачи, а они

дорого платять за возстановленіе своего здоровья: вотъ почему Шардонъ избралъ для разрѣшенія именно эту задачу.

Онъ съ любовію изучалъ подагру и нашель, что единственное лекарство противъ нея есть извѣстнаго рода діета. Съ этимъ онъ повхалъ въ Парижъ, чтобы представить свое открытіе на разсмотрѣніе академіи, и умеръ тамъ, не дождавшись рѣшенія. Аптекарь ничего ни жалѣлъ для воспитанія своего сына, который, какъ и всѣ дѣти любви, наслѣдовалъ рѣдкую красоту своей матери. Умирая, Шардонъ оставилъ дѣтей въ нищеть и къ несчастію съ воспитаніемъ, сообразнымъ только съ надеждами, которыми онъ всю жизнь свою пытался и которыя вмѣстѣ съ нимъ погасли.

Бѣдная вдова принуждена была продать свою аптеку, находившуюся на главной улицѣ Подола. Деньги, вырученныя черезъ эту продажу, доставили ей триста франковъ дохода; этого было мало, чтобъ ей одной пропитаться; но она и дочь ея безропотно покорились судьбѣ и кормились собственными трудами. Мать занималась смотрѣть за родильницами; ее охотнѣе другихъ брали въ богатые дома, потому что она была женщина образованная, и такимъ образомъ она жила въ людяхъ, ничего не отнимая у дѣтей своихъ, да сверхъ того еще зарабатывала по тридцати су въ день. Чтобы избавить сына своего отъ горести видѣть мать въ такомъ униженіи, она назвалась мадамъ Шарлоттою. Дочь ея работала у женщины, которая мыла тонкое бѣлье; она получала около двадцати су въ день, и надзирая надъ другими работницами, пользовалась нѣкоторымъ уваженіемъ, и слѣдственно не принадлежала собственно къ классу гризетокъ. Небольшая плата, которую получали мать и дочь, вмѣстѣ съ процентами капитала, вырученнаго отъ продажи аптеки,

составляли до тысячи ста франковъ въ годъ. На это онъ должны были жить, одѣваться и нанимать квартиру. Несмотря на всю ихъ бережливость, этой суммы имъ едва доставало, тѣмъ болѣе, что Луціанъ потреблялъ большую ея часть. Госпожа Шардонъ и дочь ея, Евва, вѣрили въ Луціана, какъ жена Магомета въ своего мужа, и всѣмъ жертвовали, чтобы устроить его будущность. Это бѣдное семейство жило въ Подоль, въ тѣсной квартирѣ, которую они нанимали у новаго аптекаря и которая находилась на дворѣ надъ самою лабораторіею. Луціанъ занималъ каморку на чердакъ.

Поощряемый отцемъ, который страстно любилъ естественныя науки и старался передать эту склонность своему сыну, Луціанъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Ангулемскаго коллегіума и находился въ третьемъ классѣ, въ то время какъ Давидъ Сешаръ оканчивалъ курсъ. Когда отецъ Давида, бывший въ то время единственнымъ въ Ангулемѣ типографщикомъ, уступилъ жалкое свое заведеніе сыну, котораго онъ приготовлялъ къ тому, чтобы тотъ со временемъ могъ заступить его мѣсто, школьные товарищи случайно встрѣтились. Луціанъ, соскучившись пить изъ грубой чаши нищеты, готовъ уже былъ предпринять какое нибудь отважное намѣреніе, на какія люди рѣшаются только двадцати лѣтъ отъ роду; но Давидъ спасъ его отъ отчаянія, предложивъ выучить его факторскому ремеслу и великодушно назначивъ ему по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ, хотя не имѣлъ ни малѣйшей нужды въ факторъ. Отецъ назначалъ Луціана къ занятіямъ естественными науками, но онъ однакожь стремился болѣе къ литературной славѣ. Онъ любилъ поэзію. Давидъ выписывалъ изъ Парижа книги и они вмѣстѣ ихъ читали, дружно ими восхищались. Всего болѣе приводили ихъ въ восторгъ стихотворенія *André*'я *Chénier*, кото-

рыя тогда были еще для Ангулема новостью. Давидъ жилъ нѣсколько времени въ Парижѣ и работалъ въ мастерской Дидотовъ; онъ указывалъ Люціану литературныя пути, по которымъ надобно идти, чтобы достигнуть знаменитости и славы. Между-тѣмъ, Люціанъ Шардонъ работалъ наборщикомъ и читалъ корректуру циркуляровъ, которые префектъ и меръ печатали въ типографіи Давида Сешара.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что вступленіе аптекарскаго сына въ знатный домъ госпожи Баржтонъ, было настоящею революціею. Кто жъ произвелъ эту революцію? Lamartine и Victor Hugo, Casimir Delavigne и Jouy, Béranger и Châteaubriand, Villemain и Aignan, Soumet и Tissot, Etienne и d'Avrigny, Cousin и Michaud, однимъ словомъ всѣ литературныя знаменитости, старыя и новыя, либеральныя и роялистскія. Госпожа Баржтонъ любила искусства и литературу; весь Ангулемъ смѣялся надъ этимъ страннымъ вкусомъ; но мы почитаемъ нужнымъ обрисовать жизнь ся, чтобы оправдать эту женщину, которая родилась, чтобы быть знаменитою и осталась въ неизвѣстности по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ и которая своимъ вліяніемъ опредѣлила всю будущую судьбу Люціана.

Господинъ Баржтонъ, внукъ адвоката, который былъ пожалованъ въ дворяне, дотога старался поддерживать свѣжее благородство своего имени, что прожилъ все свое имѣніе. У него остался только небольшой маіоратъ, помѣстье Баржтонъ, въ окрестностяхъ Ангулема, которое приносило ему около шести тысячъ франковъ дохода. Въ 1805 году онъ имѣлъ честь жениться на дѣвицѣ Маріи-Луизѣ-Анаисѣ Негрпельсѣ, дочери столбоваго дворянина, давно забытаго, хотя онъ былъ представителемъ младшей линіи одного изъ древнѣйшихъ домовъ въ южной Франціи. Одинъ

изъ предковъ Негрпелиса былъ въ числѣ заложниковъ за Лудовика святаго ; но начальникъ старшей линіи этого дома носилъ знаменитую фамилію Эспарь. Этотъ Г. de Негрпелись жилъ въ имѣніи своей жены, небольшомъ помѣстьи близъ Барбезьё, и занимался хозяйствомъ, самъ возилъ на рынокъ хлѣбъ, самъ выдѣлывалъ вино, и наживалъ деньги, смѣясь надъ тѣми, которые смѣялись надъ нимъ. Обстоятельства, довольно рѣдкія въ провинціи, внушили его дочери, которая вышла потомъ за господина де Баржтона, страсть къ музыкѣ и литературѣ. Во время революціи, въ ихъ небольшомъ помѣстьи укрывался аббатъ Ніолманъ. Онъ съ лихвою заплатилъ за гостепримство, которое оказывалъ ему старій Г. de Негрпелись, тѣмъ, что воспиталъ дочь его Анаису, которую сокращенно звали Нансою и которая безъ того была бы предоставлена самой себѣ, или, что еще хуже, попеченіямъ какой нибудь служанки. Аббатъ былъ не только музыкантъ, но имѣлъ большія познанія въ литературѣ, говорилъ по-Италіянски и по-Нѣмецки. Онъ выучилъ дѣвцу Негрпелись этимъ двумъ языкамъ и контрапункту, читалъ съ нею лучшія произведенія Французскихъ, Италіянскихъ и Нѣмецкихъ писателей; наконецъ, чтобы разсѣять скуку глубокаго уединенія, на которое осуждали ихъ политическія происшествія того времени, онъ выучилъ ее по-Гречески и по-Латыни и сообщилъ ей нѣкоторое понятіе о естественныхъ наукахъ.

Аббатъ умеръ, и старикъ Негрпелись не зналъ что дѣлать съ своею дочерью. Онъ не чувствовалъ въ себѣ силы выдерживать борьбу, которая должна была начаться между его скупостью и духомъ независимости, которымъ исполнена была его, ничѣмъ не занятая, дочь. Несмотря на сельскія свои занятія, Г. de Негрпелись, подворянской спѣси, не хотѣлъ породниться съ низшимъ. Подобно многимъ отцамъ, онъ рѣшился выдать дочь

замужь не для ея благополучія, но для собственнаго своего спокойствія. Ему надобенъ былъ дворянинъ, не очень умный, который не сталъ бы слишкомъ акуратно повѣрять счетовъ по имѣнію матери своей невѣсты, довольно простой и смиренный, чтобы Панса могла вести себя какъ захочетъ, и довольно безкорыстный, чтобы жениться на ней безъ приданаго. Но гдѣ взять зятя, который бы равно былъ пригоденъ и для отца и для дочери? Такой человекъ былъ бы феникомъ зятьевъ. *На сихъ основаніяхъ*, Г. Негрпелись принялся изучать жениховъ во всей провинціи и по справкѣ оказалось, что одинъ только Г. де Баржтонъ подходитъ подъ указную мѣру. Г. де Баржтонъ, человекъ лѣтъ сорока пяти, порядочно поизтертый разгульною молодостию, не безъ основанія смѣлъ простакомъ; но у него было довольно здраваго смысла, чтобы управлять своимъ имѣніемъ, и довольно образованности, чтобы жить въ большомъ Ангулемскомъ свѣтѣ, не дѣлая слишкомъ большихъ глупостей и промаховъ. Г. де Негрпелись прехладнокровно и претокровенно объяснилъ своей дочери отрицательныя достоинства образцоваго муженька, котораго онъ приникалъ и показалъ ей яснѣе блага дни, какую пользу можетъ она извлечь изъ него и для собственнаго своего благополучія: разтолковалъ ей, что она выйдетъ за знатное имя, можетъ дѣлать изъ мужа чтò хочетъ, и можетъ даже, если угодно, возвышать его при помощи своей красоты и связей въ Парижѣ. Панса прельстилась перспективою свободы безъ малѣйшей помѣхи. Г. де Баржтонъ съ своей стороны думалъ, что это для него блестящая партія, потому что тесть скоро оставитъ ему свое помѣстье, на которое онъ посматривалъ осклабясь духомъ, но между-тѣмъ недогадливый тесть не умиралъ и даже чуть-ли не сбирался со временемъ и оводить любезнаго зятка на кладбище.

Госпожѣ де Баржтонъ было тогда тридцать лѣтъ, а

мужу пятьдесят восемь ; разница тѣмъ болѣе замѣтная, что на видъ ему было лѣтъ семьдесятъ, а она, при случаѣ, могла еще разодѣться дѣвочкой, въ розовомъ, и причесаться à l'enfant. Хотя у нихъ было не болѣе двѣнадцати тысячъ дохода, но ихъ домъ считался въ числѣ шести самыхъ богатыхъ въ Верхнемъ Ангулемѣ, за исключеніемъ только купцовъ и чиновниковъ. Госпожа Баржтонъ ждала наслѣдства, чтобы уѣхать въ Парижъ, а между-тѣмъ необходимость угождать отцу принуждала ихъ жить въ Ангулемѣ, гдѣ блестящія качества ума и непочатыя сокровища сердца Нансы должны были теряться безъ плода и со временемъ превратиться въ смѣшныя слабости. Гордость, не сглаженная обращеніемъ въ большомъ свѣтѣ, дѣлается глупымъ чванствомъ, когда проявляется въ мелочахъ, вмѣсто того, чтобы разширяться въ обширномъ кругѣ возвышенныхъ чувствованій. Восторженность, которая порождаетъ самоотверженіе и творить поэтовъ, стиснутая жалкою провинціальною жизнью, обращается въ преувеличеніе. Вдалекѣ отъ сферы, въ которой блестятъ великіе умы, въ которой воздухъ насыщенъ идеями, въ которой все непрерывно возобновляется — ученость старѣетъ, вкусъ портится какъ стоячая вода. По недостатку упражненія страсти измельчаются, разсыпаясь по вещамъ ничтожнымъ; въ этомъ заключается причина скупости и злословія, которыми заражена провинціальная жизнь. Пошлыя идеи и жеманное обращеніе пристають наконецъ къ человѣку самому отличному. Такъ погибають люди, рожденные великими и женщины, которыя были бы обворожительны, если бы могли пользоваться уроками большаго свѣта и наитіемъ умовъ возвышенныхъ.

Госпожа де Баржтонъ, при всякой бездѣлкѣ, бралась за перо. Конечно, закатъ солнца поэма великая ; но не смѣшно ли женщинѣ описывать его высокопарными

словами людямъ, совершенно матеріальнымъ. Она употребляла въ самомъ обыкновенномъ разговоръ безграничныя фразы, наспигованныя пустозвонными выраженіями. Она пригоршнями разсыпала слова, вытянутыя въ превосходную степень, которыя придавали ея разговоръ нѣчто монументальное; малѣйшія вещи принимали въ немъ размѣры гигантскіе. И въ то уже время она во всемъ видѣла «типъ, первообразъ, духовность», вездѣ находила «высшіе взгляды», все хотѣла «индивидуализировать, синтетизировать, анализировать, драматизировать, поэтизировать, ангелизировать, неологизировать и трагичествовать.» Притомъ и умъ ея воспламенялся такъ же какъ языкъ. Дифирамбъ былъ безвыходно у нея въ сердцѣ и постоянно на устахъ. При самомъ незначительномъ происшествіи она трепетала, замирала, пропикалась энтузіазмомъ до мозга костей своихъ и до внутренней оконечности фибръ. Все для ней было величественно, возвышенно, дивно, необычайно, невообразимо, обворожительно. Она оживлялась, вспыхивала гнѣвомъ, упадала подъ бременемъ унынія, рвалась въ надзвѣздныя пространства, возводила очи къ небу или вперяла взоры въ землю, и свѣтлые глаза ея наполнялись перловыми слезами. Она тратила всю жизнь въ незаслуженномъ удивленіи или безпричинномъ презрѣніи. Она очень постигала Пашу Янинскаго; ей хотѣлось бы противостать ему непреодолимою душою въ его сераль, и въ идеѣ быть зашитой въ мѣшокъ и брошенной въ море она видѣла нѣчто великое; она завидовала леди Эсэири Stanhope, степной философкѣ; ей неразъ хотѣлось вступить въ орденъ сестеръ Св. Камиллы, чтобы ѣхать въ Барселону и тамъ умереть отъ желтой горячки, ухаживая за больными: это казалось ей самымъ благороднымъ употребленіемъ женской жизни. Однимъ словомъ, она сгарала жаждою ко всему, кроме чистой водицы обыкновенной жизни. Она обо-

жала Лорда Байрона, Жанъ-Жака Руссо, Гёте и всѣ литературныя и драматическія знаменитости. Она плакала о каждомъ несчастіи, воспѣвала всякую побѣду; она боготворила Наполеона побѣжденнаго; ей казалось, что на головѣ человѣка съ гениемъ долженъ быть вѣнецъ изъ лучей, и что поэты, художники и великіе люди не могутъ питаться ни чѣмъ другимъ кромѣ благовоія цвѣтовъ и свѣта солнечныхъ лучей. Многіе, и даже не совсѣмъ глупые люди считали ее чуть-ли не помѣшанною; но нѣкоторымъ проницательнымъ наблюдателямъ все это казалось развалинами великолѣпнаго зданія любви, которое скоро воздвиглось, скоро и обрушилось, — зданія любви безъ любовника. И они не ошибались. Во времена Французской Имперіи, когда Наполеонъ отправлялся въ Испанію и посылалъ туда цвѣтъ своихъ войскъ, любопытство побудило ее взглянуть на этихъ героевъ, которые, по словамъ журналовъ, должны были возобновить баснословныя дѣянія древнихъ витязей. Города самыя скупыя и наименѣе приверженныя къ правительству, принуждены были угощать императорскую гвардію, которую префекты и меры встрѣчали съ хитросплетенными рѣчами на устахъ. Госпожа де Баржтонъ, пріѣхавъ на балъ, данный однимъ полкомъ городу, влюбилась въ молоденькаго офицера, простаго поручика, которому хитрый Наполеонъ издала показавъ маршальскій жезлъ. Эта тайная страсть, составлявшая совершенную противоположность съ страстями, которыя въ то время такъ легко возгорались и еще легче погасали, цѣломудренно увѣнчалась смертію. При Ваграмѣ ядро раздробило на груди маркиза Кантъ-Круа портретъ госпожи де Баржтонъ. Она долго оплакивала этого молодого человѣка, который въ двѣ кампаніи, воспламененный любовью и славою, сдѣлался полковникомъ. Печаль набросила на лице ея покровъ задумчивости.

Съ тѣхъ поръ она жила одною поэзією. Творенія знаменитыхъ иностранцевъ, дотолъ неизвѣстныхъ во Франціи и изданныя въ 1815 — 1831 годахъ, и не столь возвышенныя произведенія Французской литературы, которая принялась подражать имъ, украшали ея уединеніе, но не смягчили ни ума ея, ни обхожденія. Она по-прежнему была пряма и сильна, какъ дерево, которое выдержало ударъ грома и не погибло. Величіе ея сдѣлалось высокопарнымъ; привычка владычествовать надъ маленькимъ міромъ придала ей спѣсь и жеманство. Такова была прошлая жизнь госпожи Баржтонъ, исторія холодная, которую я нужнымъ почелъ разсказать, чтобы объяснить связь ея съ Луціаномъ, который довольно страннымъ образомъ былъ принятъ въ число ея знакомыхъ.

Прошедшей зимою въ Ангулемъ появился человекъ, который нѣсколько оживилъ монотонное общество, покорявшееся госпожѣ Баржтонъ. Прежній директоръ сборовъ умеръ и министръ финансовъ опредѣлилъ на его мѣсто человека, который былъ дотога замѣчательнъ приключеніями своей жизни, что самое умѣренное женское любопытство должно было доставить ему доступъ къ царницѣ высшаго Ангулемскаго общества. Г. дю Шатле, родившійся на свѣтъ безъ этой частицы, въ 1804 году почелъ приличнымъ принять ее. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ любезныхъ молодыхъ людей, которые увернулись отъ конскрипціи, потому что имъ удалось приписаться къ императорскому двору. Онъ началъ свое поприще съ мѣста секретаря при одной принцессѣ; и онъ одаренъ былъ всѣми качествами, необходимыми для этого мѣста. Онъ былъ статенъ, хорошъ, искусный танцоръ, ученый игрокъ на билліардѣ, ловкій въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, посредственный актеръ, порядочный пѣвецъ романсовъ, неутомимый рукоплескатель остроумъ, на все готовый, гибкій, завистливый, всезнающій и ничего невѣ-

дающій. Величайшій невѣжда въ музыкѣ, онъ могъ однако жъ кое-какъ акомпанировать дамѣ, которая, по усиленнымъ просьбамъ общества, рѣшилась спѣть безъ приготовленія романсъ, который въ мѣсяцъ съ величайшимъ трудомъ выучила. Нисколько не чувствуя поэзи, онъ смѣло требовалъ десяти минутъ сроку, чтобы сочинить экспромптъ, плоскій какъ поднось, какой-нибудь куплетъ съ рифмами, но безъ мысли. Сверхъ-того Г. дю Шатле былъ мастеръ наполнять грунтъ въ цвѣтахъ, вышитыхъ принцессою и весьма ловко держалъ мотокъ, когда она разматывала шелкъ, разсыпаясь между-тѣмъ въ шуткахъ и разсказахъ, въ которыхъ неблагопристойность была прикрыта газомъ, болѣе или менѣе дырявымъ. Не будучи нисколько живописцемъ, онъ умѣлъ однако жъ скопировать пейзажъ, начертить карандашемъ профиль, набросать костюмъ и раскрасить его. Однимъ словомъ, имѣлъ всѣ маленькіе таланты, которые замѣняютъ существенныя достоинства въ нашемъ обществѣ, въ которомъ женщины имѣютъ несравненно болѣе вліянія на дѣла, чѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ.

Онъ выдавалъ себя за знатока въ дипломати, наукѣ весьма спокойной въ томъ отношеніи, что, требуя всегдашней скромности, она позволяетъ глупцу не говорить ни слова и ограничиваться таинственнымъ киваніемъ головою.

Несмотря на то, что онъ усердно отправлялъ свою обыкновенную службу и исполнялъ сверхъ-того особыя порученія принцессы, онъ все-таки не попалъ въ государственный совѣтъ; не потому чтобы и онъ не могъ быть какъ другой премилымъ рекетмейстеромъ, но принцесса находила, что лучше всего будетъ, если онъ останется при ней. Однако жъ онъ былъ пожалованъ въ бароны, и отправился въ Кассель чрезвычайнымъ посланникомъ, и дѣйствительно показался тамъ

совсѣмъ необыкновеннымъ. Другими словами, Наполеонъ послалъ его дипломатическимъ курьеромъ. Въ то время когда имперія пала, баронъ дю Шатле надеялся въ скоромъ времени отправиться министромъ ко двору Иеронима, короля Вестфальскаго. Лишившись такимъ образомъ мѣста, какъ онъ говорилъ, фамильнаго посланника, баронъ съ отчаянія отправился съ генераломъ Монриво въ Египетъ. Разныя странныя приключенія разлучили его съ товарищемъ; онъ бродилъ года два изъ одной степи въ другую, отъ племени къ племени; Арабы продавали и перепродавали его, но ни какъ не могли извлечь ни малѣйшей пользы изъ всѣхъ его многочисленныхъ талантовъ. Наконецъ онъ добрался до владѣній имама Маскатскаго, между-тѣмъ какъ Монриво отправился въ Тангеръ; по счастію, въ Маскатъ онъ нашелъ Англійскій корабль, готовый къ отплытію, и возвратился въ Парижъ голомъ прежде своего товарища. Недавнія его несчастія, старинныя связи, услуги, оказанныя лицамъ, которыя въ это время были въ силѣ, обратили на него вниманіе президента совѣта, и баронъ дю Шатле получилъ мѣсто сборщика косвенныхъ налоговъ въ Ангулемъ.

Роль, которую занималъ онъ при особѣ Бонапартовской принцессы, слухъ, что онъ нѣкогда былъ любимцемъ женщинъ, необыкновенныя приключенія его въ путешествіи, долговременныя страданія, все возбуждало любопытство Ангулемскихъ дамъ. Госпожа Баржтонъ, которая, какъ мы уже имѣли честь вамъ докладывать, говорила всегда въ превосходной степени, рѣшилась пригласить его къ себѣ. Хитрый баронъ явился къ Ангулемской царицѣ и началъ явно за нею ухаживать. Старый волокита — ему было ужеそろкъ пять лѣтъ — находилъ въ этой женщинѣ сокровища, которыми еще никто не пользовался, видѣлъ возможность жениться на ней, когда она сдѣлается

богатою вдовушкою , вступить черезъ это въ связь съ дворянскою фамиліею Негрпелись, и слѣдственно познаться съ графинею Эспарь , которая могла бы помочь ему снова вступить на политическое поприще. Онъ рѣшился начать правильную осаду. Высокородное Ангулемское дворянство возопило противъ введенія джаура въ Касбу, потому что гостинная госпожи Баржтонъ была святлицемъ высшаго туземнаго общества безъ малѣйшей посторонней примѣси. Одинъ только епископъ бывалъ тамъ въ обыкновенные дни ; префекта принимали раза два три въ годъ ; главный казначей никакъ не могъ туда пробраться ; госпожа Баржтонъ ѣздила къ нему на вечера и концерты , но никогда у него не объдала. Не пускать къ себѣ главнаго казначея, и приглашать простаго сборщика податей — это казалось Ангулемскимъ правителямъ непостижимымъ низпроверженіемъ всѣхъ законовъ чловѣческой іерархіи.

Тѣ , которые могутъ постигнуть мыслию мелочи, обыкновенныя , впрочемъ , во всякой общественной сферѣ , легко поймутъ , съ какимъ уваженіемъ Ангулемскіе граждане смотрѣли на домъ госпожи Баржтонъ. Что касается до Подолянъ , то , разумѣется, что Ангулемскій лувръ былъ для нихъ недосягаемъ, какъ солище. Впрочемъ , всѣ , которые тамъ собирались, были жалкіе умы, пустыя головы, глупцы, какихъ не отыскать на двадцать миль кругомъ. Политика въ этомъ обществѣ заключалась въ горячей, безтолковой болтовнѣ ; Людовика XVIII этн господа считали чуть-чуть не якобинцемъ. Что касается до женщинъ, то онѣ были большею частию глупы, неловки, не умѣли одѣваться ; однимъ словомъ , въ нихъ ничто не было совершенно, ни разговоры, ни туалетъ , ни духъ , ни плоть. Барону Шатле никогда бы и въ голову не пришло добиваться чести быть принятымъ въ это общество, если бѣ только онъ не имѣлъ видовъ

на госпожу Баржтонъ. Между-тѣмъ вся эта пустота прикрывалась манерами и духомъ касты, столбовымъ видомъ, гордостью старинныхъ дворянъ и познаніемъ законовъ свѣтской учтивости. Благородство чувствованій было тамъ гораздо существеннѣе, чѣмъ въ высшихъ Парижскихъ сферахъ, и Ангулемскіе дворяне отличались достойною всякаго уваженія преданностію къ Бурбонамъ.

Женщины, которымъ Г. дю Шатле льстилъ и которыя замѣчали въ немъ качества небывалыя у знакомыхъ имъ мужчинъ, всѣми силами старались утѣшить возстаніе дворянской спѣси, потому что всѣ онѣ надѣялись поживиться наслѣдствомъ Бонапартовской принцессы. Пуристы думали, что если этотъ пришлецъ и втерся въ домъ госпожи Баржтонъ, то по крайней-мѣрѣ ни въ какой другой его не примутъ. Дю Шатле на морщась выдерживалъ разныя наглости и удержался на завоеванномъ мѣстѣ, подружившись съ духовенствомъ. Потомъ онъ старался угождать склонностямъ и слабостямъ Ангулемской царицы; приносилъ ей всѣ новыя книги, читалъ новѣйшія стихотворенія. Они вмѣстѣ восхищались юными поэтами, она во всей искренности сердца, а онъ притворно, съ зѣвками по-поламъ, потому что, какъ человекъ старой школы, онъ не понималъ романтиковъ. Госпожа Баржтонъ любила Шатобріана за то, что онъ называлъ Виктора Hugo «выспреннимъ ребенкомъ», *enfant sublime*. Горюя о томъ, что знаетъ геніевъ только издали, она вздыхала о Парижѣ, гдѣ живутъ великіе люди, которые говорятъ такъ величаво.

Въ то время барону дю-Шатле пришло въ голову сказать ей, что въ Ангулемѣ есть свой «выспренній ребенокъ», быть-можетъ еще выспреннѣе Парижскаго; молодой поэтъ, который, самъ того не зная, затмѣваетъ сидеральный восходъ всѣхъ поэтическихъ

созвздіи. И этотъ будущій великій человекъ родился въ Ангулемскомъ Подолѣ! Инспекторъ коллегіума показывалъ барону прелестныя стихи этого молодого человека. Бѣдный и скромный, этотъ юноша былъ новый Chatterton, но только безъ политической низости, безъ звѣрской ненависти къ высшимъ классамъ, которая заставляла того писать пасквили на своихъ благодѣтелей. Только пять или шесть человекъ изъ знакомыхъ госпожи Баржтонъ разделяли съ ней любовь къ искусствамъ и литературѣ, одинъ потому что пилалъ на скрипкѣ, другой потому что болѣе или мѣнѣе маралъ бумагу тушью; третій потому что онъ былъ президентомъ земледѣльческаго общества; четвертый потому что пѣлъ, или, лучше сказать выкрикивалъ басомъ *Se fiato in cogra avete*; но госпожа Баржтонъ была посреди всѣхъ этихъ уродливыхъ фигуръ, какъ голодный передъ театральнымъ обѣдомъ, въ которомъ кушанья картонныя. За то вы можете вообразить, какъ она радовалась, услышавъ эту вѣсть. Она непременно хотѣла видѣть этого поэта, этого ангела! Она была въ восторгѣ отъ него, влюблена въ него по-уши, говорила объ немъ по цѣлымъ часамъ. На третій день отставной дипломатической курьеръ началъ и кончилъ съ инспекторомъ коллегіума переговоры о представленіи Луціана къ госпожѣ Баржтонъ.

Вы одни, о провинціальные влосты, для которыхъ общественныя разстоянія кажутся столь огромными и для которыхъ, конечно, ихъ труднѣе перейти, чѣмъ для жителей столицъ, вы одни можете вполне постигнуть, какое потрясеніе произошло въ сердца и въ головы Луціана Шардона, когда важный инспекторъ торжественно возвѣстилъ ему, что двери Баржтонскаго дома передъ нимъ отворятся, что слава его повернула ихъ на петляхъ! что онъ будетъ ласково принять въ этомъ старинномъ зданіи, на которое смотрѣлъ прежде съ такимъ уваженіемъ только снару-

жи, думая про себя, что имя его никогда не достигнетъ до тамошнихъ жителей, которые не уважають наукъ и литературы.

Онъ открылъ эту тайну только сестрѣ своей. Добрая хозяйка, милая угадчица, Евва вынула изъ сокровеннаго ларца нѣсколько лудировъ, чтобы купить Луціану у перваго Ангулемскаго сапожника тонкіе башмаки и новое платье у знаменитѣйшаго портнаго. Къ лучшей его рубашкѣ она пришила маншеты, которыя сама накрахмалила и сложила. И какъ она радовалась, увидѣвъ его въ такомъ костюмѣ, какъ она гордилась своимъ братомъ, сколько совѣтовъ ему надавала! Она угадала множество свѣтскихъ мелочей. Безпрерывно о чемъ нибудь размышляя, Луціанъ имѣлъ привычку облюкачиваться какъ скоро сядетъ; онъ даже притягивалъ къ себѣ столъ, чтобы на него опереться: Евва строго запретила ему эти вольности. Она проводила его до Петровскихъ воротъ, потомъ дошла до самаго собора и смотрѣла за нимъ вслѣдъ, когда онъ пошелъ по улицѣ Больё на гулянье, гдѣ ждалъ его баронъ дю-Шатле. Тутъ только бѣдная дѣвушка свободно вздохнула, какъ-будто какое важное событіе совершилось. Луціанъ въ домѣ госпожи Баржтонъ — это казалось простодушной Еввѣ зарею новой, блаженной жизни.

Въ улицѣ du Minage наружность зданій нисколько не поразила Луціана. Знаменитый Ангулемскій лувръ, преувеличенный его воображеніемъ, былъ простой домъ, выстроенный изъ мягкаго туземнаго камня, позолоченнаго солнцемъ. Снаружи этотъ домъ имѣлъ видъ довольно печальный, внутри простой: обыкновенный провинціальный дворъ чистенькой и холодный; архитектура воздержная, полумонастырская, прочная и солидная. Луціанъ шелъ по старой лѣстницѣ съ баласинами кокосоваго дерева; ступеньки въ ней были каменные только до втораго этажа, а да-

лѣе деревянныя. Пройдя черезъ жалкую переднюю и большую, плохо освѣщенную залу, онъ нашелъ хозяйку въ гостиной, которая была отдѣлана рѣзнымъ деревомъ во вкусъ семнадцатаго вѣка и выкрашена сѣрою краскою; старинныя мебели скромно прятались въ чехлахъ съ бѣлыми и красными клетками. Госпожа Баржтонъ сидѣла на маленькой мягкой софѣ, передъ столомъ, на которомъ лежалъ зеленый коврикъ и стояли двѣ свѣчи. Царица не встала, но покачалась весьма пріятно на свсей софѣ, улыбаясь поэту, которому это змѣнное сгибаніе чрезвычайно поправилось; оно показалось ему чрезвычайно свѣтскимъ и благороднымъ.

Чрезвычайная красота Луціана, скромность его манеръ, голосъ, все въ немъ поразило госпожу Баржтонъ. Поэтъ былъ уже для нея поэзія. Луціанъ скромными взглядами украдкою разсматривалъ эту женщину; онъ нашелъ, что она совершенно оправдываетъ молву о ней; ничто въ госпожѣ Баржтонъ не противорѣчило идеѣ, которую онъ составилъ себѣ о знатной дамѣ. Она была въ черномъ бархатномъ беретѣ съ рожками; эта уборка входила тогда въ моду. Волосы не совсѣмъ скрывали ея шею; платье, небрежно перекрещенное, немножко открывало снѣжную грудь и заставляло угадывать тайныя сокровища. Хозяйка тоненькими и нѣжными своими пальчиками, сдѣлала ему дружескій знакъ, указавъ на стулъ. Баронъ дю-Шатле взялъ кресла. Тутъ только Луціанъ замѣтилъ, что они одни. Разговоръ госпожи Баржтонъ совершенно очаровалъ его. Три часа, проведенные съ нею, казались для него однимъ изъ тѣхъ сновидѣній, которыя бы хотѣлось сдѣлать вѣчными. Она казалась ему не худою, но похудѣвшею; недостатки ея, еще усиленные изученными манерами, ему понравились, потому что молодые люди всегда сначала любятъ преувеличеніе, эту роскошь души. Вообра-

женіе его въ минуту овладѣло этими огненными глазами, этими прелестными буклями, этою блестящею бѣлизною. Потомъ душа ея слишкомъ сладко заговорила съ его душою, чтобы онъ могъ думать о женщинахъ. Увлекательность этой женской восторженности, краснорѣчіе фразъ, которыя нѣсколько устарѣли, потому что госпожа Баржтонъ давненько ихъ повторяла, но которыя показались ему новыми, обворожили его тѣмъ скорѣе, что онъ уже расположенъ былъ всею восхищаться. Онъ не принесъ съ собою стиховъ; но объ нихъ не было и рѣчи: онъ забылъ стихи для того, чтобы имѣть предлогъ прійти въ другой разъ; госпожа Баржтонъ не говорила о нихъ для того, чтобы попросить его прочесть ей что-нибудь въ другой разъ. Вотъ уже первый признакъ согласія.

Г. дю-Шатле былъ недоволенъ этимъ приѣмомъ; онъ поздно провидѣлъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ соперника. Хитрый баронъ проводилъ Луціана до половины дороги, чтобы подчинить его своей дипломатіи. Луціанъ не безъ удивленія услышалъ, что господинъ сборщикъ податей хвастается тѣмъ, что онъ доставилъ ему доступъ въ этотъ домъ, и пользуясь правомъ покровителя, даетъ ему совѣты. Старый мотылекъ времяя Наполеоновскихъ обрушился всею своею тяжестію на бѣднаго поэта и старался запугать его, подавить своею важностію; онъ взбирался на ходули, рассказывая съ приличными украшеніями опасности своего путешествія; онъ подѣйствовалъ на воображеніе поэта, но нисколько не устранилъ любовника.

Съ этого вечера, несмотря на всѣ усилія стараго волокиты, несмотря на то, что онъ игралъ роль отчаяннаго дуэлиста, который радъ и готовъ убить соперника, какъ скоро его встрѣтитъ, — Луціанъ нѣсколько разъ уже являлся къ госпожѣ Баржтонъ, сначала

со скромностію Подоявина ; но потомъ онъ мало-помалу свыкъся съ тѣмъ, что въ первое время казалось ему величайшею милостию, и сталъ ходить все чаще и чаще. Члены этого высокоименитаго общества не обращали вниманія на сына аптекаря. Если какой-нибудь столбовой дворянинъ или старинная дворянка, прѣзжая къ Нансѣ, встрѣчали у ней Луціана, они обходились съ нимъ съ тою чрезмѣрною учтивостию, которою люди большаго свѣта отдаляютъ отъ себя низшихъ ; сначала это очень нравилось Луціану, но потомъ онъ догадался, откуда происходитъ эта преувеличенная вѣжливость. Онъ вскорѣ замѣтилъ покровительственный видъ, съ какимъ смотрѣли на него многіе изъ этихъ господъ и госпожъ, и это взбѣсило его, усилило въ немъ врожденную ненависть къ мѣстной аристократіи. Но чего не вытерпѣлъ бы онъ для «Нансы», — всѣ члены этого клана называли ее такимъ образомъ, потому что они, какъ Испанскіе грацы и знать Вѣнская, называютъ другъ друга уменьшительными именами: Ангулемскіе аристократы тотчасъ приняли такое прекрасное обыкновеіе, чтобы и этимъ отличатся отъ простолюдиновъ.

Нанса была любима, какъ молодой человѣкъ всегда любитъ первую женщину, которая льститъ ему, потому что госпожа Баржтонъ пророчила ему блестящую будущность и громкую славу. Госпожа Баржтонъ употребляла всю свою ловкость чтобы, такъ сказать, внедрить въ своемъ домѣ милаго поэта. Она не только безмѣрно его хвалила, но еще выставила его бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, котораго надобно пристроить ; она умаляла его, чтобы только удержать у себя ; выдавала его за чтеца, за секретаря своего ; но любила его болѣе, нежели какъ считала себя способною любить со времени своего несчастія. Разсуждая съ самою собою, она себя не щадила ; она говорила себѣ, что съ ея стороны было бы дурачествомъ влюбиться

въ молодого челоуька , который такъ далеко отъ нея уже по самому положенію своему въ свѣтъ. Отъ этого, сквозь ласковость обхожденія ея съ Луціаномъ , прорывалась иногда дворянская гордость , когда совѣсть напоминала ей о разстояніи между ними ; она была то надменною , то нѣжною , то смотрѣла на него съ высока , то ему льстила.

Дичась сначала высокаго званія этой женщины, Луціанъ терпѣлъ всѣ страхи, всѣ надежды, всѣ отчаянія, которыя теребять первую любовь и такъ далеко забиваютъ ее въ сердце ударами горести и удовольствія. Два мѣсяца видѣлъ онъ въ ней покровительницу, которая принимаетъ объ немъ материнскія попеченія. Но потомъ началась взаимная доувѣрчивость и мало-по-малу фамилярность. Госпожа Баржтонъ стала называть своего поэта милымъ Луціаномъ , а наконецъ уже просто милымъ. Осмѣленный поэтъ пріучился звать ее Нансою. Когда онъ въ первый разъ далъ ей это имя, она изъявила досаду , которая такъ счастливишь ребенка и бранила его, зачѣмъ онъ называетъ ее именемъ, которымъ всѣ зовутъ ее. Благородная и гордая Баржтонъ, урожденная Негрпелисъ , предложила ему одно изъ именъ своихъ и просила его звать ее впередъ Луизою. Луціанъ взлетѣлъ на третье небо любви.

Однажды, когда Луціанъ вошелъ въ комнату Луизы, она разсматривала какой-то портретъ и торопливо его спрятала. Луціанъ непременно захотѣлъ видѣть этотъ портретъ. Чтобы утишить этотъ первый взрывъ ревности , госпожа Баржтонъ показала ему портретъ Г. Кантъ-Кроа , и со слезами рассказала исторію своей любви, столь чистой и столь внезапно, столь жестоко погашенной. Пыталась-ли она измѣнить своему мертвецу или придумала сдѣлать портретъ соперникомъ Луціану — этого я не знаю. Луціанъ былъ слишкомъ

молодь, чтобы разбирать побужденія своей возлюбленной; онъ простодушно предавался отчаянiю, потому что она открыла кампанiю, во время которой женщины заставляють своихъ любовниковъ дѣлать брешь въ каждомъ изъ укрѣпленій ихъ совѣсти, болѣе или менѣе искусно устроенныхъ. Ихъ разсужденія объ обязанностяхъ, о приличiяхъ, суть какъ бы отдѣльные форты, которые надобно брать приступомъ. Впрочемъ съ Луцианомъ это кокетство была лишняя трата времени: онъ и безъ того бы воевалъ усердно.

— Я не умру за васъ, а буду для васъ жить, сказалъ онъ однажды съ самою похвальной отважностiю, чтобы разомъ убить покойника Кантъ-Кроа, и притомъ онъ бросилъ на Луизу взглядъ, въ которомъ сияла страсть, совсѣмъ уже созрѣлая.

Пугаясь успѣховъ этой новой любви и въ сердцѣ поэта и въ ней самой, она потребовала отъ него стиховъ, которые онъ обѣщалъ ей для первой странички ея альбома. Она надѣялась найти въ этомъ предложѣ къ ссорѣ, потому что Луцианъ не спѣшилъ исполнить свое обѣщанiе. Но чтò случилось съ нею, когда она прочла слѣдующiя двѣ строфы, которыя, разумѣется, показали ей прекраснѣе прекраснѣйшихъ строфъ Ламартина.

Le magique pinceau, les muses mensongères
 N'orneront pas toujours de ces feuilles légères
 Le fidèle velin;
 Et le crayon furtif de ma belle maîtresse
 Me confirmera souvent sa secrète allégresse
 Ou son muet chagrin.
 Ah! quand ses doigts plus lourds à mes pages faucées
 Demanderont raison des riches destinées
 Que lui tient l'avenir;
 Alors, veuille l'Amour que de ce voyage
 Le fécond souvenir
 Soit doux à contempler comme un ciel sans nuage!

— Я ли точно внушила вамъ эти стихи? сказала она.

Это подозрѣніе, внушенное кокетствомъ женщины, которой весело было играть съ огнемъ, вызвало слезу на глаза Луціана. Луиза успокоила его, первымъ поцѣлуемъ въ лобъ.

Луціанъ сдѣлался рѣшительно великимъ человекомъ, котораго ей суждено было образовать; она вздумала выучить его по-Италіянски и по-Нѣмецки, усовершенствовать его обращеніе; все это служило предлогомъ для того, чтобы непрерывно держать его у себя, на смѣхъ своимъ несноснымъ почитателямъ. И какую прелесть разливало все это на однообразную жизнь ея! Она снова принялась за музыку для своего поэта, чтобы посвятить его въ тайнства музыкальнаго міра. Она сыграла ему нѣсколько прекрасныхъ произведеній Бетговена и восхитила Луціана.

Счастливая его благополучіемъ, она, видя, какъ онъ разчувствовался, лицемѣрно спросила его: — Не довольны-ли этого блаженства?

И глупецъ-поэтъ отвѣчалъ: — Да.

Наконецъ дѣло дошло до того, что она оставила Луціана у себя обѣдать, втроемъ съ нею и съ мужемъ. Несмотря на такую предосторожность, весь городъ узналъ объ этомъ и не могъ надивиться подобному забвенію всѣхъ приличій; всѣ спрашивали, точно-ли это правда; шумъ и гвалтъ были ужасные; многимъ даже казалось, что общество клонится къ конечному разрушенію. Въ это время завистливый и ревнивый дю-Шатле узналъ, что мадамъ Шарлота не кто иная, какъ госпожа Шардонъ, мать «Подольскаго Байрона»: это прозвище пошло за остроту. Госпожа де Шандуръ первая прискакала къ госпожѣ де Баржонъ.

— Знаешь ли ты, Наиса, новость? Весь городъ говоритъ объ этомъ. Стихоплеть, котораго ты призвала,

сынъ мадамъ Шарлоты, которая мѣсяца два назадъ ходила за моею сестрою, когда та лежала въ родахъ.

— Такъ что жъ, милая? сказала госпожа Баржтонъ, принявъ истинно царскій видъ. Чтò жъ тутъ удивительнаго? Она вдова аптекаря. Жалкое состояніе для женщины изъ фамиліи Рюбампре! Вообрази, если бъ у насъ не было ни копѣйки за душею, что бы мы стали дѣлать? Ты, напримѣръ, чѣмъ бы ты прокормила детей своихъ?

Хладнокровіе госпожи Баржтонъ утишило вопли дворянства. Души благородныя всегда готовы сдѣлать изъ злополучія добродѣтель. Притомъ въ упорствѣ дѣлать добро, противъ котораго всѣ возстаютъ, есть что-то увлекательное. Вечеромъ, всѣ пріятели госпожи Баржтонъ съѣхались къ ней, что бы открыть ей глаза. Она употребила въ дѣло всю ѣдкость своего ума. Она говорила, что если маркизы не могутъ быть ни Расинами, ни Молліерами, ни Руссо, ни Вольтерами, ни Массилліонами, ни Бомаршѣ, ни Дидро, то поневолю надобно принимать въ общество обойщиковъ, часовщиковъ и ножевщиковъ, которыхъ сыновья сдѣлались великими людьми; она сказала, что геній всегда высокороденъ, и бранила друзей своихъ за то, что они не понимаютъ своей пользы; и вообще она наговорила множество глупостей, которыя людямъ смѣтливымъ тотчасъ показали бы въ чемъ дѣло; но эти глупцы приписали всѣ такія выходки оригинальности характера госпожи Баржтонъ. Однимъ словомъ, она заглушила грозу пушечными выстрѣлами. Когда Луціанъ, по ея приглашенію, въ первый разъ вошелъ въ залу, въ которой на четыре стола играли въ вистъ, она ласково приняла и представила его собранію какъ царица, которая привыкла къ повиновенію. Она назвала директора акцизнаго сбора готподиномъ *Шатлѣ*, безъ частицы дю, и сразила

его, давъ ему почувствовать, что знаетъ незаконность этой частицы въ его имени. Съ этого времени Луціанъ былъ насильственно введенъ въ общество госпожи Баржтонъ; но его приняли какъ ядовитое вещество, которое всякой надѣялся отдѣлать отъ массы реактивомъ наглости. Несмотря на это торжество, Наиса лишилась части своей власти; нашлись непокорные, которые вздумали эмигрировать. По совѣту дю Шатле, Амалія, то есть госпожа Шандуръ, рѣшилась выставить крѣпость противъ крѣпости, заведя у себя середы. Госпожа Баржтонъ принимала всякой вечеръ, и люди, которые къ ней обыкновенно ѣзжали, такъ сжились между собою, такъ привыкли сидѣть всегда за однимъ и тѣмъ же карточнымъ столомъ, видѣть всякой день ту же прислугу, тѣ же подсвѣчники, тѣ же мебели, надѣвать свои плащи и гаалоши въ той же передней, что они любили лѣстницу госпожи Баржтонъ не меньше ее самой. Всѣ рѣшились терпѣть «зѣблика этого кустарника», какъ выразился Г. Александръ де Бребіанъ, — вторая острота Ангулемскаго сочиленія, на счетъ бѣднаго Луціана. Наконецъ, президентъ земледѣльческаго общества утишилъ возстаніе ученымъ замѣчаніемъ:

— До революціи, сказалъ онъ, всѣ вельможи принимали у себя Дюклъ, Гримма, Кребилліона, но они не пускали къ себѣ сборщиковъ акцизной подати, каковъ, конецъ концовъ, нашъ дю-Шатле.

Дю-Шатле поплатился за Шардона: всѣ вдругъ охладѣли къ нему. Видя эту грозу, баронъ, который, съ тѣхъ поръ, какъ госпожа Баржтонъ назвала его просто господиномъ Шатле, поклялся внутренно овладѣть ею во что-бы то ни стало, началъ усердно помогать ей; онъ сталъ поддерживать поэта, обращаясь съ нимъ, какъ короткій пріятель. Великій дипломатъ ласкалъ Луціана, льстилъ ему, далъ въ честь его обѣдъ, на

которомъ были префектъ, главный казначей, командиръ полка, который стоялъ въ Ангулемъ, директоръ училищъ, председатель суда, вообще всѣ должностныя лица. Бѣднаго поэта до того угощали, что всякой другой, кромѣ молодаго человѣка двадцати двухъ лѣтъ, оставилъ бы всѣхъ этихъ господъ въ сильномъ подозрѣніи, что они хотятъ его мистифировать. Въ концѣ обѣда Шатле заставилъ своего соперника прочесть оду къ Сарданапалу, на то время лучшее его произведеніе. Инспекторъ коллегіума, человѣкъ, впрочемъ, очень флегматическій, до того восхитился этими стихами (почтенный инспекторъ плотно пообѣдалъ), что захопалъ въ ладоши и рѣшилъ, что самъ Жанъ-Баттистъ Руссо ничего лучше этого не писывалъ. Баронъ дю-Шатле надѣялся, что рано или поздно молодой стихотворецъ лопнетъ въ парникъ похвалъ, или что, въ упоеніи преждевременной славы, онъ позволитъ себѣ какія-нибудь дерзости, которыя обратятъ его къ первобытному состоянію, къ прежней безвѣстности. Въ ожиданіи кончины новаго генія, онъ, повидимому, рѣшился безкорыстно помогать госпожѣ Баржтонъ; но опытный волокита составилъ хитрый планъ и, съ внимательностію искуснаго стратегика, слѣдовалъ за всѣми движеніями счастливыхъ любовниковъ, ища случая однимъ ловкимъ ударомъ уничтожить Луціана.

Въ это время въ городъ и окрестностяхъ уже ходили слухи о появленіи въ Ангулемъ доморощеннаго генія. Всѣ хвалили госпожу Баржтонъ зато, что она лелѣетъ молодаго орла. Узнавъ, что поведеніе ея всѣми одобрено, она захотѣла публичнаго торжества. Она разславила по всему департаменту, что у нея будетъ вечеръ съ мороженымъ, съ пирожками и съ чаемъ — важное нововведеніе въ городъ, въ которомъ чай продавался еще только въ аптекахъ, какъ лекарство отъ боли въ желудкѣ. Вся аристократія была созвана

слушать новое произведение Луциана. Между-тѣмъ она предупредила его о заговорѣ, который составился противъ него въ большомъ свѣтѣ; она хотѣла, чтобы онъ зналъ, какое поприще предстоитъ людямъ гениальнымъ и гдѣ кроются опасности и препятствія, которыхъ безъ рѣшительнаго мужества и преодолѣть невозможно. При такомъ удобномъ случаѣ, она пустилась въ нравоученіе. Собственными своими бѣлинскими ручками разоблачила она ему славу, и показала, что слава покупается безпрерывными терзаніями; толковала ему объ инквизиціонномъ кострѣ, черезъ который надобно пройти; намазывала его раны спускомъ изъ словъ самыхъ пустозвонныхъ и высокопарныхъ: это была точь-въ-точь одна изъ тѣхъ импровизаций, которыя портятъ романъ госпожи Сталь, «Коринну.» Она сама такъ дивилась своему краснорѣчію, что стала еще больше любить поэта, который внушалъ ей эти чудесныя мысли. Наконецъ она совѣтовала ему отрѣчься отъ отца, и принять благородное имя Рюампрѣ, которое носила мать его въ дѣвушкахъ, и не обращать вниманія на людскіе толки. Впрочемъ она надѣялась, что король позволитъ ему принять это имя, по стараніямъ маркизы д'Эспаръ, урожденной Бламонъ-Шоври, которая имѣла большія связи при дворѣ. Луиза вскрывала одинъ за другимъ всѣ пласты общества, и сосчитала ему всѣ ступени, черезъ которыя онъ такимъ образомъ вдругъ перешагнетъ. Она въ минуту заставила Луциана отказаться отъ своихъ подлыхъ идей разночинца; доказала ему, какъ дважды два четыре, что большой свѣтъ — единственная сфера, гдѣ поэтъ можетъ свободно дышать и двигаться; и легко привила Луциану жажду славы и роскоши; онъ поклялся положить къ ногамъ ея вѣнецъ, хотя бы окровавленный; онъ твердо рѣшился стяжать его во чтѣ бы то ни стало. Въ доказательство своего мужества, онъ рассказалъ Луизѣ свои ежедневныя мученія, которыя

дотоле скрывалъ по инстинкту, свойственному молодымъ людямъ, влюбленнымъ въ первый разъ и желающимъ, чтобы женщина распознала ихъ душу сквозь покровъ скромности. Живыми красками изобразилъ онъ тяготу бѣдности, гордо переносимой; работу свою у Давида; безсонныя ночи, проведенныя за книгами. Это пылкое стремленіе юноши къ отдаленной цѣли напомнило госпожѣ Баржтонъ ея двадцати-шестилѣтняго полковника, и глаза отцвѣтающей красавицы увлажнились. Видя, что она разчувствовалась, Луціанъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ съ жаромъ любовника, поэта, почти генія. Луиза была дотога милостива, что псзволила сыну аптекаря возвыситься до блага чела ея и напечатлѣть на немъ трепещущими устами одинъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которые по новому стилю называются «жгучими», *brûlants*, а по старому назывались «нѣжными», *un tendre baiser*.

— Ребенокъ! ребенокъ! какъ бы надо мною стали смѣяться, если бъ кто нибудь теперь засталъ насъ, сказала она, какъ бы проснувшись отъ сладостнаго усыпленія.

Свѣтскій умъ госпожи Баржтонъ произвелъ страшныя опустошенія въ томъ, что она называла предразсудками Луціана. По ея словамъ, у геніевъ нѣтъ и не можетъ быть ни братьевъ, ни сестеръ, ни отцевъ, ни матерей; знаменитыя творенія, которыя они должны произвести, поставляютъ имъ въ обязанность наружный эгоизмъ и заставляютъ всѣмъ жертвовать своему будущему величію. Если семейство и страдаетъ сначала отъ контрибуцій, взимаемыхъ геніемъ, то потомъ, раздѣляя съ нимъ плоды побѣды, оно вполне вознаграждается за всѣ пожертвованія, необходимыя для упроченія будущности еще непризнаннаго властителя. Геній ни отъ кого кроитъ себя не зависить; ему одному судить о средствахъ, которыя онъ употребляетъ, по-

тому что одинъ онъ знаетъ цѣль ихъ; онъ долженъ быть выше законовъ, потому что ему суждено преобразовать ихъ; притомъ, тотъ, кто долженъ со временемъ овладѣть своимъ вѣкомъ, можетъ все взять, всѣмъ пожертвовать, потому что все принадлежитъ ему. Она ставила ему въ примѣръ первую жизнь Палисси, Людовика XI, Фокса, Наполеона, Христофора Коломба, Юлія Цезаря; въ молодости они всѣ были обременены долгами, нищетою, ихъ не постигали, считали сумасбродами, дурными сыновьями, дурными отцами, дурными братьями, потомъ всѣ они были честью своей фамилии, своей отчизны, свѣта. Эти разсужденія согласовались съ потаенными помыслами Луціана и ускоряли развращеніе его сердца, потому что, въ пылу желаній, онъ былъ неразборчивъ на средства.

Эти примѣры и особенно примѣръ Наполеона, столь пагубный для девятнадцатаго вѣка тѣмъ, что внушилъ толпѣ посредственностей несбыточныя надежды, отуманили Луціана. Въмѣсто того, чтобы, подобно ученымъ, любить свое мирное уединеніе, онъ уже съ нѣкоторымъ стыдомъ смотрѣлъ на лавку, надъ которою красовалась вывѣска съ надписью желтыми литерами по зеленому полю: Аптека Постыля, прежде бывшая Шардона. Имя отца его, на вывѣскѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжали всѣ Ангулемскія кареты, жестоко оскорбляло его зрѣніе. Въ тотъ вечеръ, когда онъ вышелъ изъ дверей своего жилища, покрытыхъ безвкусною рѣшеткою, и отправился гулять по бульвару, посреди всѣхъ городскихъ щеголей, ведя подъ руку госпожу Баржтонъ, онъ чуть не плакалъ съ досады, размышляя о противоположности теперешней своей жизни и квартиры, въ которой принужденъ проводить большую часть ея.

Между-тѣмъ приближался знаменитый вечеръ съ мороженымъ, пирожками и чаемъ. Луціанъ ввѣрнулъ своему другу, молодому типографщику, всѣ свои бле-

стящія надежды, славу и торжество, которыя его ожидаютъ. Хладнокровный Давидъ замѣтилъ ему, что его «*Иоаннъ въ Патмосъ*» — сюжетъ, можетъ-быть, слишкомъ библейскій для ученой Ангулемской знати, и что такую поэму неловко читать въ обществѣ, которое, конечно, не знакомо съ высокою поэзіею. Давидъ совѣтовалъ ему взять съ собою стихотворенія Андрея Chénier и замѣнить удовольствіе сомнительное удовольствіемъ вѣрнымъ, тѣмъ болѣе что Луціанъ читалъ превосходно: его стануť слушать охотно, и притомъ, читая чужое, онъ выкажетъ скромность, которая можетъ быть ему полезна. Какъ большая часть молодыхъ людей, они придавали свѣтскимъ людямъ свою понятливость и непорочность: юность, еще чистая, безжалостна къ погрѣшностямъ другихъ, но зато предполагаетъ во всѣхъ свои великолѣпныя вѣрованія въ высокое и доброе. Только люди, уже извѣдавшіе жизнь, знаютъ, что по прекрасному выраженію Рафаэля, «понимать значитъ сравняться». Вообще во Франціи не умѣютъ чувствовать поэзіи, потому что умъ рано изсушаетъ святыя слезы восторга, потому что никто не хочетъ вѣрить въ великое, потому что умъ народа поверхностенъ и не проникаетъ глубже эпиграммы или каламбура. Луціанъ долженъ былъ въ первый разъ вблизи взглянуть на своихъ соотечественниковъ, на свѣтскую холодность, на тщательно воспитанное невѣжество. Онъ зашелъ къ Давиду, чтобы взять стихотворенія Chénier.

Какъ неопытный любовникъ онъ явился на вечеръ госпожи Баржтонъ ранѣе другихъ: хозяйка еще не выходила. Г. Баржтонъ одинъ засѣдалъ въ гостиной. Луціанъ уже довольно намѣтался въ искусствѣ маленькихъ подлостей, которыми счастливые любовники замужнихъ женщинъ принуждены платить за свое блаженство, но ему еще не случалось сталкиваться лицомъ къ лицу съ мужемъ.

Г. Баржтонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые мирно прозябають между незлобивою ничтожностью, еще не совсѣмъ безсмысленною и напыщенною глупостью, которая уже ничего отъ другихъ не принимаетъ и сама ничего не даетъ. Преисполненный чувства обязанностей общежитія, онъ старался угождать всему свѣту, и для того замѣнилъ пустые разговоры безсмысленною улыбкою танцора. Довольный, или не довольный, онъ всегда улыбался; улыбался, когда ему рассказывали печальную новость, и улыбался, когда слышалъ о счастливомъ событіи. Улыбка у него на все отвѣчала, и онъ умѣлъ придавать ей много различныхъ значенія, а если надобно было непременно выразить положительное одобреніе, онъ подкрѣплялъ улыбку хохотомъ; но вымолвить отрывистое слово рѣшался онъ только въ послѣдней крайности. Встрѣча съ чужимъ человѣкомъ глазъ на глазъ возмущала до основанія весь его прозябаемый бытъ, потому что тутъ уже непременно надобно было отправиться искать чего-нибудь, для разговора, въ безпредѣльной пустотѣ своего черепа. Большею частію онъ вынуждался изъ этого затруднительнаго положенія прибѣгая къ простодушной привычкѣ дѣтей думать вслухъ, посвящая своего собесѣдника въ подробности своей суточной жизни, и сообщая ему свои ощущенія и потребности своего желудка, которые ему самому казались идеями. Онъ не разсуждалъ ни о дождѣ, ни о хорошей погодѣ, — не вдавался въ эти общія мѣста, на которыхъ выѣзжаютъ все глупцы; онъ говорилъ всегда о дѣлѣ, — о своей персонѣ. Напримѣръ:

— Изъ угожденія женѣ, я объѣлся сегодня телятиной, потому что она очень любитъ телятину, и оттого у меня болитъ желудокъ, говорилъ онъ. Я зналъ это; оно всякой разъ со мной бываетъ. Разтолкуйте, пожалуйста, отчего это?

Или: — Я велю себѣ подать стаканъ воды съ сахаромъ: не прикажете ли и вамъ стаканчикъ?

Или: — Завтра я намѣренъ погулять верхомъ; я поѣду повидаться съ тестемъ.

Подобныя фразы не могли подать повода ни къ спору, ни къ разсужденіямъ. Собесѣдникъ господина Баржтона отвѣчалъ «да» или «нѣтъ», и разговоръ опять упadalъ. И тутъ Г. Баржтонъ требовалъ пособія снисходительнаго гостя: онъ поворачивалъ въ сторону свой старый молсіей носъ, и поглядывалъ изкоса на гостя, какъ-бы спрашивая: *что вы изволите говорить?* Онъ отъ всей души любилъ и уважалъ пустомелей, охотниковъ толковать о себѣ, и слушалъ ихъ съ честною, примѣрною внимательностью. Зато всѣ Ангулемскіе болтуны считали его человѣкомъ умнымъ и очень любезнымъ; они увѣряли, что этого человѣка не понимаютъ: когда у нихъ не ставало слушателей, они приходили къ нему оканчивать свои рассказы или разсужденія, зная, что его одобрительная улыбка всегда на своемъ мѣстѣ и всегда въ готовности. Гостинная его обыкновенно бывала полна, и тутъ ему было привольно; онъ поглядывалъ на входящихъ, привѣтствовалъ ихъ своей улыбкою и подводилъ прямо къ женѣ; потомъ караулилъ, чтобы кто не ушелъ не простясь, и провожалъ всякаго той же незаходимою улыбкою. Когда всѣ гости были заняты, блаженный Французскій дворянинъ стоялъ не шевелясь на своихъ длинныхъ ногахъ, какъ антъ на тоненькой лапкѣ, и какъ-будто слушалъ; или подходилъ къ игроку и посматривалъ въ его карты, ровно ничего въ нихъ не понимая, потому что онъ не зналъ даже ни одной игры; или попохивалъ табакъ и прохаживался по комнатѣ для споспѣшествованія личному пищеваренію.

Прекраснѣйшая сторона его была жена: она доставляла ему неизъяснимыя наслажденія; когда она

играла хозяйку, онъ, разсѣвшись въ бержеркѣ, издали ей удивлялся, потому что она за него говорила; притомъ, ему тутъ очень весело было доискиваться тихо, не торопясь, соли въ ея остротахъ; но какъ онъ начиналъ постигать остроту долго спустя послѣ ея произнесенія, то смѣхъ его всегда раздавался не въ пору и вспыхивалъ вдругъ, неожиданно, какъ ядро, которое зарылось въ песокъ и потомъ опять выпрыгнуло. Уваженіе его къ уму жены простиралось до обожанія. А всякаго обожанія, каково бы оно ни было, довольно для благополучія чловѣка. Какъ женщина умная и великодушная, Нанса, замѣтивъ, что ея мужъ, какъ ребенокъ, дчень радъ, если имъ управляютъ, не употребляла во зло своей власти: она берегла его какъ сапогъ; чистила его, мыла, холила и гладила; и Г. Баржтонъ, чистимый и моемый, холимый и гладимый, привязался любовію собаки къ доброй госпожѣ своей.

Луціанъ еще слѣшкомъ недавно ходилъ въ ихъ домъ, и не имѣлъ случая разобрать этотъ невообразимый характеръ. Г. Баржтонъ, погруженный въ бержерку, всегда молчалъ и смотрѣлъ, какъ-будто все понимаетъ и все видитъ, и оттого онъ казался Луціану чрезвычайно величавымъ. Люди съ воображеніемъ все преувеличиваютъ: Г. Баржтонъ былъ просто старый ушатъ, а Шардонъ считалъ его неразгадаемымъ сониксомъ, и влюбленный поэтъ почелъ нужнымъ льстить законному властелину своей богини.

— Я, кажется, первый явился, сказалъ онъ ему, кланясь почтительнѣе чѣмъ другіе, которые не обращали на этотъ колпакъ большаго вниманія.

— Это очень натурально, отвѣчалъ Г. Баржтонъ.

Луціанъ принялъ эти слова за колкій намѣкъ ревниваго мужа; онъ покраснѣлъ, и посмотрѣлся въ зеркало, чтобы оправиться.

— Вы живете далеко, сказалъ опять Г. Баржтонъ, а кто живетъ далеко, тотъ всегда приходитъ ранѣе, чѣмъ тотъ, кто живетъ близко.

— Отчего жъ это происходитъ? спросилъ Луціанъ, стараясь быть любезнымъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Г. Баржтонъ, впадая опять въ свою неподвижную тупость.

— Вы только не хотите подумать, сказалъ Луціанъ: когда вы это замѣтили, то вы должны знать и причину.

— Причину! отвѣчалъ Г. Баржтонъ. Хе, хе, хе!.....

Луціанъ поблѣднѣлъ. Онъ ломалъ голову, чтобы поддержать разговоръ.

— Супруга ваша, вѣрно, одѣвается? спросилъ любовникъ.

— Одѣвается, отвѣчалъ мужъ.

Луціанъ, въ своемъ смущеніи, поднялъ глаза въ расписанный амурами потолокъ, чтобы посчитать балки, выкрашенныя дикою краскою; но и это не помогло: онъ не нашелъ ничего для возстановленія обрुшившагося разговора. Но, считая балки, не безъ страху примѣтилъ, что съ старинной хрустальной люстры снята серпанка, и что въ люстру поставлены свѣчи. Съ мебели также сняты были чахлы и полинялый штофъ гордо выказывалъ свои вычурные разводы. Эти необычайныя приготовленія показали ему, что здѣсь затѣвуютъ большой праздникъ, что гостей будетъ много, и тутъ только пришло ему въ голову, что онъ не довольно прилично одѣтъ: онъ былъ въ сапогахъ! Сверхъ-того онъ сталъ бояться, что не понравится мужу, если не будетъ съ нимъ любезничать, и рѣшился поискать, нѣтъ ли какого конька, на которомъ бы можно было къ нему подъѣхать.

— Вы, сударь, рѣдко изволите выѣзжать изъ города? сказалъ онъ, подходя къ Г. Баржтону.

— Рѣдко.

Молчаніе снова воцарилось, и Г. Баржтонъ, какъ недовѣрчивая кошка, сталъ караулить всѣ движенія Луціана, который нарушалъ его спокойствіе. Каждый изъ нихъ боялся другаго.

— Ужъ не проникъ ли онъ моихъ намѣреній? подумалъ Луціанъ: онъ что-то очень не благоволитъ ко мнѣ.

Но въ это время, къ счастью для Луціана, встревоженнаго безпокойными взглядами, которыми Г. Баржтонъ слѣдилъ за нимъ, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ это время, старый слуга, въ заштопанной ливрѣ, доложилъ, что пріѣхалъ Г. дю Шатле. Баронъ вошелъ весьма развязно, поклонился Г. Баржтону, и кивнулъ головою Луціану, что тогда было въ большой модѣ: Шардону показалось это привѣтствіе казначейски грубымъ. На баронѣ были бѣлые панталоны, ослѣпительно бѣлые; лакированные башмаки; тонкіе нитяные чулки; по бѣлому его жилету лежала черная лента отъ лорнета, и черный фракъ его отличался Парижскимъ покроемъ. Манеры его, хотя смѣшныя по своей выученности, напоминали однако жъ, что онъ былъ некогда любезнымъ секретаремъ Наполеоновской принцессы и жилъ при дворѣ. Онъ вынулъ лорнетъ, и внимательно посмотрѣлъ на нанковые панталоны, сапоги и Ангулемскій фракъ Луціана; словомъ, освидѣтельствовалъ своего соперника съ головы до ногъ, и спокойно спряталъ лорнетъ, какъ-будто говоря — Хорошо! Разбитый въ пухъ щегольствомъ барона, Луціанъ утѣшился мыслию, что и на его улицѣ будетъ праздникъ, когда собраніе увидитъ лице его, одушевленное поэзіею. Но между-тѣмъ ему было какъ то неловко, и модная выправка барона еще увеличила смущеніе, въ которое повергло его мнимое нерасположеніе Г. Баржтона. Баронъ выставялъ на показъ все свое великолѣпіе, чтобы удобнѣе втоптать въ грязь своего бѣднаго противника.

Г. Баржтонъ ласкалъ себя лестною надеждою , что ему уже не придется говорить, какъ молчаніе этихъ двухъ господъ чрезвычайно его встревожило. Но у него былъ резервный вопросъ , которымъ онъ всегда стрѣлялъ по непріятелю въ отчаянномъ случаѣ, когда уже истощилъ весь свой конверсаціонсь-лексиконъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ , онъ почелъ нужнымъ двилуть и резервъ.

— Ну что, баронъ, новаго? спросилъ онъ дю-Шатле, принявъ видъ крайне любопытный.

— Да новое вотъ , Г. Шардонъ , отвѣчалъ злой дипломатъ. Спросите его. — Не принесли ли вы намъ, сударь, какихъ-нибудь хорошенькихъ стишковъ? спросилъ сердлявый баронъ, поправляя въ своей прическѣ главную буклю , которая немощко сдвинулась съ мѣста подъ шляпою.

— Я бы прежде посовѣтывался съ вами , сказалъ Луціанъ : вы прежде меня занимались поэзіею.

— О , нѣтъ. Сочинить пару удачныхъ водевилей не значитъ еще заниматься поэзіей. Я писалъ куплеты, кой-какія пѣсни на случай, по просьбѣ дамъ, романсы, которые поддерживались музыкой , да мое большое посланіе къ сестрѣ Бонапарта (неблагодарный!). Все это не даетъ права на извѣстность въ потомствѣ.

Въ это время госпожа Баржтонъ появилась во всемъ блескѣ глубоко обдуманнаго туалета. На головѣ у ней былъ тюрбанъ à la juive , съ богатымъ аграфомъ , на шеѣ газовый шарфъ , сквозь который сіяли камни пышнаго ожерелья. Ея платье изъ satin-argente было съ короткими рукавами , и , *вслѣдствіе сего* , полныя бѣлыя руки красовались многоразличными браслетами. Этотъ театральнй нарядъ чрезвычайно понравился Луціану. Она обмѣнялась только взглядомъ съ своимъ любезнымъ поэтомъ , а баронское угодничество

отстранила отъ себя церемонною вѣжливостію. Баронъ закусилъ губы. Тутъ начали съѣзжаться гости.

Прежде всѣхъ пріѣхалъ Ангулемскій епископъ со своимъ викаріемъ: оба эти достойные пастыря были люди важные и слыли очень умными. Безъ нихъ не могъ, по мнѣнію госпожи Баржтонъ, состояться литературный вечеръ, вѣроятно, первый съ построения Ангулема, и слѣдственно она пригласила ихъ прежде всѣхъ прочихъ.

За ними явился госпожа де Шандуръ и супругъ ея, лица необыкновенныя, которыя всякой незнающій Французскихъ провинцій, принялъ бы за баснословныя. Амалія, — госпожа де Шандуръ, — была женщина, одаренная великою самопадѣлностію: она осмѣливалась соперничествовать съ госпожею Баржтонъ! Мужъ ея, старый Франтъ лѣтъ сорока пяти, но еще тонкій какъ юноша, одаренъ былъ съ своей стороны лицомъ, которое походило на рѣшето. Шейный платокъ его былъ всегда завязанъ такъ, что, изъ двухъ грозныхъ концовъ платка, одинъ торчалъ по направленію къ уху, другой спускался къ красной ленточкѣ, пришитой къ петлицѣ. Полы его фрака были жестоко подняты на вѣтеръ; жилетъ, чрезвычайно открытый, выказывалъ рубашку, накрахмаленную основательно, сплоенную въ тысячи складокъ и застегнутую тремя золотыми пуговками вычурной работы. Вообще во всемъ его костюмѣ замѣтна была такая напыщенность, что онъ болѣе походилъ на карикатуру нежели на человѣка, и люди, не привыкшіе къ нему, не могли смотрѣть на него безъ улыбки. Станиславъ (такъ звали господина де-Шандура въ высшемъ Ангулемскомъ свѣтѣ) часто осматривалъ себя съ душевнымъ удовольствіемъ, повѣрялъ счетъ пуговкамъ своей рубашки, и окидывалъ ногу плавнымъ взглядомъ, который, спустясь по юбкѣ, съ наслажденіемъ останавливался для

отдыха на носкъ башмака. Окончивъ этотъ смотръ, онъ искалъ глазами зеркала, чтобы поглядѣть, не испортилась ли его прическа, клалъ руку въ карманъ жилета, становился въ три-четверти, покачивался на одной ногѣ, и тогда уже бросался на дамъ съ самовольными и вопросительными взглядами. Все это весьма одобрялось въ этомъ обществѣ, гдѣ онъ считался прекраснымъ мужчиною. Разговоръ его состоялъ большею частию изъ скоромныхъ шутокъ, по модѣ осьмнадцатаго вѣка, и этотъ отвратительный родъ бесѣды спискивалъ ему известную степень милости у благородныхъ дамъ, которыхъ онъ смѣшилъ. Его начиналъ безпокоить Г. дю-Шатле. Женщины, досадуя на невнимательность къ нимъ Франта акцизнаго сбора, который прикидывался давно пресыщеннымъ султаномъ, начали поглядывать на него еще ласковѣе съ тѣхъ поръ, какъ госпожа Баржтонъ влюбилась въ Ангилемскаго Байрона. Амалія была женщина не высокаго росту, жеманная, толстая, бллая, черноволосая; она всегда говорила много и громко, отъ всего приходила въ восторгъ или въ отчаянiе, и великолѣпно вертѣла головою, убранной лѣтомъ перьями, а зимой цвѣтами. Она говорила безъ умолку, но, къ несчастiю, не могла скончить ни одного періода, не выказавъ затаенной одышки.

Г. де-Сенто, — этого звали Астольфомъ, а подчасъ и Столинькой, — президентъ земледѣльческаго общества, большой и тольстый, блый и румяный, президентъ, котораго буксировала за собою почтенная Г-жа де-Сенто, ввалился въ гостиную, вслѣдъ за женою, женщиной длинной и худой, по имени Элизой, и иначе Лили. Это уменьшительное, дѣтское имя, вислолько не сообразовалось съ наружностию и душевными качествами высокоименитой госпожи Сенто: она была барыня важная, торжественная, ужасная ханжа и чрезвычайно сварливая за картами. Г. де Сенто счи-

тался великимъ ученымъ на весь Англемъ. Между-тѣмъ онъ былъ невѣжда какъ окунь и имѣлъ такое же понятіе о наукахъ какъ баранъ о двойныхъ звѣздахъ, хотъ и написалъ статьи «Сахаръ» и «Водка» въ какомъ-то энциклопедическомъ лексиконѣ: онъ выкралъ эти статьи цѣликомъ изъ разныхъ журналовъ и старыхъ лексиконовъ, и *такимъ* ухищреніемъ сталъ вельми славенъ и знаменитъ. Весь Англемскій департаментъ твердо былъ увѣренъ, что ученый Столнънка пишетъ *полный* курсъ сельскаго хозяйства. Правда, что онъ цѣлое утро просиживалъ въ своемъ кабинетѣ, но въ двѣнадцать лѣтъ написалъ только двѣ страницы съ половиною. Услышавъ, что кто-то идетъ къ нему, онъ тотчасъ принимался перерывать свои бумаги, отыскивая будто-бы затерявшуюся за-мѣтку, или чинилъ перо, а между-тѣмъ онъ занимался только пустяками; читалъ газету отъ заглавія до подписи издателя включительно, вырѣзывалъ разныя вещицы ножичкомъ изъ пробки, маралъ карандашемъ бумагу, или перелистывалъ Цицерона, ища на выдержку фразы, которую бы при случаѣ можно было какъ-нибудь примѣнить къ вчерашнимъ происшествіямъ; а вечеромъ направлялъ разговоръ такъ, чтобы сказать: — Въ Цицеронѣ есть одно мѣсто, которое превосходно примѣняется къ этому обстоятельству. И тутъ онъ произносилъ заученныя слова, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, а слушатели говорили между собою: «Астольфъ, право, удивительный человекъ!»

Вслѣдъ за этою непаристою четою пріѣхалъ Г. де Бартасъ (Адрианъ), воловій басъ съ претензіями слона на музыкальнныя совершенства. Любовь къ музыкѣ обратилась у него въ помѣшательство; онъ оживлялся только тогда, когда толковалъ о музыкѣ; на вечерахъ онъ былъ несчастнѣйшій человекъ, пока его не попросили спѣть что-нибудь. Зато, проревѣвъ свою

арію, онъ начиналъ жить полной жизнью, — выпрямлялся, усмѣхался, скромничалъ и, кланяясь выслушивалъ неизбежныя похвалы, переходя отъ группы къ группѣ, чтобы каждому доставить возможность заплатить ему долгъ учтивости. Потомъ, когда похвалы истощались, онъ опять бросался въ музыку, толкуя о трудностяхъ пьесы или превознося композитора.

Г. Александръ де Бребианъ, герой кисточки и туши, который зачумлялъ квартиры всѣхъ своихъ пріятелей картинками собственной работы и испортилъ альбомы цѣлаго департамента, вошелъ вмѣстѣ съ шми. Каждый изъ нихъ велъ жену другаго. Злые языки увѣряли, будто эта перестановка была полна и постоянна. Жены ихъ, Лолотта, (Шарлотта де-Бребианъ) и Фифина (Жозефина де-Бартасъ) думали только о туалетѣ: объимъ смерть хотѣлось казаться Парижанками, и обѣ были очень плохія хозяйки. Онъ всегда являлся затянутыми какъ куколки въ платья экономической выкройки; но зато мужья, въ качествѣ артистовъ, позволяли себѣ быть перьями: они походили на тѣ жалкія фигуры, которыя на театрѣ представляютъ гостей, приглашенныхъ на свадьбу.

Было тутъ и множество другихъ лицъ, не менѣ замѣчательныхъ, но пальма оригинальности безспорно принадлежала графу де-Сеноншу, извѣстному у Ангулемскихъ аристократовъ подъ именемъ Жака. Этотъ Жакъ, сухой и надменный голышъ, страстный, загорѣлый отъ солнца охотникъ, любезный какъ кабанъ, ревнивый какъ Черкесь, жилъ въ трогательномъ и назидательномъ согласіи съ Г. дю-Готоа, — Франсисомъ тожь, — домашнимъ своимъ другомъ.

Графиня де-Сеноншъ (Зизипа или Зефирина) была женщина высокая, стройная, съ прекрасными чертами лица, но лице ея было мѣстами красно какъ піонъ,

и ясно показывало, что она женщина съ такъ-называемыми вулканическими страстями. Тонкая талія, пѣжное сложеніе тѣла, позволяли ей выказывать въ своихъ манерахъ какое-то томленіе, безсиліе, — ясный признакъ удовлетворенныхъ прихотей женщины любимой.

Франсисъ былъ человекъ довольно порядочный; онъ оставилъ мѣсто консула въ Валенсіи, отказался отъ всѣхъ надеждъ дипломатическаго карьера, и пріѣхалъ въ Ангулемъ, чтобы бѣдняжка Зефирина или Зизина не скучала дома, когда мужъ уѣзжаетъ на охоту. Отставной консулъ съ рѣдкою преданностію занимался хозяйствомъ въ домѣ графа, смотрѣлъ за дѣтьми, училъ ихъ иностраннымъ языкамъ, и управлялъ имѣніемъ графа и графини. Ангулемъ благородный, Ангулемъ правительственный, Ангулемъ мѣщанскій, однимъ словомъ весь Ангулемъ долго смѣялся и трунилъ надъ этимъ тройственнымъ бракомъ; но наконецъ всѣ дотога къ нему привыкли, эта связь казалась такой рѣдкой, такой милой, что Г. дю-Готоа прослылъ бы самымъ безп्राветнымъ человекомъ, если бѣ вздумалъ жениться. Когда Жакъ охотился въ окрестностяхъ, его спрашивали о семействѣ, и онъ рассказывалъ сначала о господинѣ дю-Готоа, а потомъ уже о Зефиринѣ: странное ослѣпленіе въ человекѣ ревнивомъ. Г. дю-Готоа былъ изнѣженный франтъ, который безпрерывно занимался своей обожаемой особой: онъ рассказывалъ всякому, какво спалъ, какво кушалъ. Зефирица избаловала его дотога, что онъ жеманился какъ хорошенькая дурочка. Она его берегла, кутала, холила, поила мятнымъ чаемъ, и кормила лепешками; смотрѣла за тѣмъ, чтобы онъ лишняго не кушалъ и не простудился; вышивала ему жилеты и носовые платки, шила галстухи и мапишки, одѣвала какъ куколку. Притомъ, другъ безъ друга они ничего не дѣлали. Франсисъ безпрестанно взгляды-

валь на Зизину, Зизина глядѣла въ глаза Франсису; они хвалили, порицали, улыбались всегда вмѣстѣ и даже, не посовѣтовавшись, не говорили — Здравствуйте!

Богатѣйшій изъ всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, человекъ, которому всѣ завидовали, маркизь де Пимантель имѣлъ вмѣстѣ съ женою до сороку тысячъ доходу, и проводилъ всякую зиму въ Парижъ: онъ пріѣхалъ изъ деревни съ семействомъ и привезъ своихъ сосѣдей, барона и баронесу Растиньякъ, съ теткою и двумя дочерьми, миленькими дѣвушками, бѣдными, воспитанными, одѣтыми съ изящною простотою, которая такъ идетъ къ хорошему личку. Эти два семейства далеко оставляли за собою все общество, и оно встрѣтило ихъ холоднымъ молчаніемъ; всѣ смотрѣли на нихъ съ почтеніемъ, исполненнымъ зависти, особенно когда увидѣли съ какимъ отличіемъ принимаетъ ихъ госпожа Баржтонъ. Оба семейства принадлежали къ небольшому числу людей, которые въ провинціяхъ не впутываются ни въ какія сплетни, не мѣшаются ни съ какимъ обществомъ, живутъ отдѣльно и всегда сохраняютъ въживую важность. Гг. де-Пимантель и де-Растиньякъ — туземная знать называла не иначе какъ: маркизь и баронъ, — жены и дочери ихъ не связывались съ Ангулемскими дворянами: эти господа были такъ близки ко двору, что не могли дружить съ уѣздною мелочью.

Послѣ всѣхъ пріѣхали префектъ и комендантъ, съ однимъ помѣщикомъ, который утромъ былъ у Давида Сешара, чтобы отдать печатать свое разсужденіе о шелководствѣ и говорилъ въ типографіи съ факторомъ Луціаномъ. Это, навѣрное, былъ какой-нибудь деревенскій меръ и человекъ съ достаткомъ, но не привычный къ хорошему обществу; ему было какъ-то неловко во фракъ; онъ не зналъ куда дѣвать руки,

вертѣлся около того, съ кѣмъ разговаривалъ, вставалъ, когда его о чемъ-нибудь спрашивали и, казалось, готовъ былъ оказать вамъ какую-нибудь лакейскую услугу; — до того онъ былъ вѣжливъ, угодливъ, внимателенъ. Онъ преважно на всѣхъ посматривалъ, спѣшилъ разсмѣяться при каждой шуткѣ, слушалъ съ рабской внимательностію, то принималъ видъ розоваго карамеля, то начиналъ воображать, что надъ нимъ насмѣхаются. Чреватый своимъ сочиненіемъ, онъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь о шелковыхъ червяхъ, но несчастный Г. де-Северакъ попалъ сначала на Г. де-Бартаса, который отвѣчалъ ему разсужденіями о музыкѣ, а потомъ на Г. де-Сенто, который выстрѣлилъ въ него цитатою изъ Цицерона, хотя Цицеронъ ни слова не говоритъ о шелковичныхъ червяхъ. Наконецъ, въ половинѣ вечера, онъ кое-какъ сошелся съ одною вдовою и ея дочерью, госпожами дю-Броссаръ, фигурами весьма занимательными, даже въ этомъ обществѣ. Ихъ можно описать въ двухъ словахъ: онѣ были столько же бѣдны, сколько горды своимъ дворянскимъ именемъ. Въ рядахъ ихъ замѣтна была та изысканность, которая обличаетъ тайную нищету. Госпожа дю Броссаръ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и притомъ весьма неловко расхваливала свою дочку, зрѣлую дѣву лѣтъ двадцати семи, которая довольно порядочно играла на фортепіано; мать всѣми силами старалась выставить передъ холостыми мущинами необыкновенныя достоинства дочки, и знаками заставляла се во всемъ съ ними соглашаться; увлеченная страстнымъ желаніемъ выдать свою Камиллу за-мужъ, она въ одинъ и тотъ же вечеръ утверждала, что дочь ея страхъ любить кочевую жизнь военныхъ, а потомъ что она чрезвычайно привязана къ тихому быту сельскаго хозяйства. Обѣ имѣли смиренный, кисло-сладкій видъ женщинъ, привыкшихъ видѣть, что обѣ нихъ сожалѣютъ и опытами дознавшихъ всю тщету соболѣзнова-

тельныхъ фразъ, которыми въ обществахъ утѣшаютъ несчастныхъ. Г. де-Северакъ, молодой человекъ лѣтъ сорока девяти, былъ вдовъ и бездѣтенъ : само собою разумѣется, что мать и дочь съ самымъ любезнымъ вниманіемъ слушали его рассказы о шелковичныхъ червяхъ и тутовыхъ деревьяхъ.

— Моя Камилла такъ любитъ шелкъ, сказала госпожа дю-Броссаръ, что вы позволите намъ пріѣхать въ Северакъ, посмотреть на вашихъ милыхъ червячковъ. О, она пойметъ все что вы ей расскажете!

Этою хитрой материнской фразой заключился продолжительный разговоръ Г. де-Северака съ Г-жею дю-Броссаръ и ея дочерью.

Нѣкоторые привычные посѣтители госпожи Баржтонъ явились безъ шума и за ними вошли трое или четверо матушкиныхъ дѣтокъ, скромненькихъ, тихенькихъ, чистенько одѣтыхъ и душевно счастливыхъ тѣмъ, что ихъ пригласили въ это собраніе.

Женщины важно устались полу-кружьемъ; мужчины стали за ними. Это собраніе въ разнокалиберныхъ костюмахъ, съ запрещенными лицами, произвело сильное впечатлѣніе на Луціана. Онъ не былъ робокъ, но не безъ труда выде, жаль первый опытъ: сердце его забилось сильно, когда онъ увидѣлъ, что всѣ взгляды обращены на него. Между-тѣмъ хозяйка всеми силами старалась ободрить и поддержать его, разкланиваясь и улыбаясь на всѣ стороны, и разсыпаясь въ вѣжливостяхъ передъ своими знаменитыми гостями. Смущеніе его еще усугубилось отъ обстоятельства, которое дѣйствительно должно было поразить молодаго человека, не привычнаго къ тактикъ Французскихъ обществъ. Прислушавался и присматриваясь ко всему, Луціанъ замѣтилъ, что госпожа Баржтонъ, мужъ ея, епископъ, и нѣкоторые угодники хо-

зайки величаютъ его господиномъ де-Рюбампре, а вся остальная часть этой странной публики называетъ просто господиномъ Шардонъ. Приведенный въ робость инквизиторскими взглядами, которые устремлялись на него со всѣхъ сторонъ, Луціанъ издали чужалъ свою мѣщанскую фамилію по одному движенію губъ, и предугадывалъ сужденія о себѣ, произносимыя съ уѣздною искренностію, которая часто такъ близка къ неучтивости. Словомъ, онъ походилъ на чловѣка, котораго со всѣхъ сторонъ колютъ булавками. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе начать чтеніе; но Жакъ рассказывалъ графинѣ де-Пимапель о послѣдней своей охотѣ; Адріанъ толковалъ съ Лорою Растиньякъ о Россини; Астольфъ съ жаромъ и чувствомъ описывалъ новую соху по описанію, которое выучилъ наизусть изъ какого-то журнала. Бѣдный полтъ не зналъ, что кромѣ госпожи де-Баржтонъ, ни одна изъ этихъ галокъ не въ состояніи постигать поэзіи. Всѣ эти люди съѣхались, не зная сами хорошенько, въ чемъ состоитъ удовольствіе, которое обѣщали имъ доставить: они съѣхались потому что есть слова, которыя подобно трубамъ и литаврамъ фокусника всегда привлекаютъ публику въ чей-нибудь балаганъ. Слова красота, слава, поэзія, заключаютъ въ себѣ волшебную силу магнита, которая притягиваетъ насъ невольно и безпрестанно обманываетъ людей самыхъ тонкихъ.

Когда всѣ собрались, когда кончилась первая болтовня вновь встрѣтившихся знакомцевъ, когда общество утихло, благодаря дѣятельности Г. де-Баржтона, котораго жена отрядила какъ квартальнаго для содержанія порядка на своемъ литературномъ вечерѣ, Луціанъ съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ сѣлъ за круглый столикъ, подлѣ госпожи де-Баржтонъ. Онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ, что, не желая обмануть ни чьихъ ожиданій, онъ прочтетъ имъ нѣсколь-

ко произведеній одного извѣстнаго поэта, котораго творенія недавно изданы. Хотя стихотворенія Андрея Chénier вышли еще въ 1819 году, въ Ангулемъ никто объ нихъ и не слыхивалъ: всѣ подумали, что это хитрость, придуманная госпожею де-Баржтонъ для того чтобы пощадить скромность ея молодаго Байрова и дать волю сужденіямъ слушателей. Луціанъ прочелъ сначала піесу «Больной юноша», и она принята была съ одобрительнымъ шопотомъ; потомъ прочелъ стихотвореніе «Слѣпой», которое этимъ тѣснымъ головамъ показалось слишкомъ длиннымъ. Во время чтенія Луціанъ испыталъ адское страданіе, извѣстное однимъ только художникамъ. Для успѣшнаго чтенія стиховъ надобно, чтобы всѣ слушали съ глубокимъ вниманіемъ; надобно, чтобы между читающимъ и слушателями образовался тѣсный союзъ сочувствія, безъ чего передача электрическихъ потрясеній поэзіи не можетъ имѣть мѣста. Если это согласіе души не существуетъ, читающій поэтъ находится въ положеніи чистаго надзвѣзднаго духа, который бы началъ пѣть небесный гимнъ посреди рѣва ада. Музыкантъ и поэтъ тотчасъ чувствуютъ, если имъ удивляются, или ихъ не понимаютъ, — какъ цвѣтокъ, которій вянетъ или оживляется въ атмосферѣ зловредной или благотворной. Въ ушахъ Луціана раздавались толки мужчинъ, прѣхавшихъ только для женъ своихъ и чтобы поговорить при случаѣ о дѣлахъ; онъ видѣлъ, какъ многіе рты судорожно разкрывались, какъ изъ угожденія хозяйкѣ выставлялись безчувственные зубы, будто на смѣхъ ему. Если, подобно голубицѣ, вылетѣвшей изъ ковчега, онъ искалъ лица, на которомъ бы взоръ его могъ присѣсть и отдохнуть въ этомъ потоцѣ глупости, брызжущей изъ всѣхъ глазъ, ему попадались только чурбаны, плавающіе по волнамъ безъ цѣли и готовые умчаться съ первымъ вѣтромъ отъ лучей поэзіи. За исключеніемъ епископа,

Лоры Растишьякъ и двухъ или трехъ молодыхъ людей, всѣ сучали. Люди, понимающіе поэзію, стараются развивать въ тишинѣ души чувствованія, которыхъ сѣмяна заброшены въ нее стихами поэта: эти дубовые слушатели, напротивъ, не только не прониклись идеями поэта, но даже не слушали его звуковъ. Уныніе овладѣло Луціаномъ; холодный потъ промочилъ его рубашку, и только огненный взглядъ Луизы, къ которой онъ обратился, придалъ ему мужество окончить чтеніе; но сердце поэта обливалося кровью.

— Весело вамъ, Фифина? сказала своей сосѣдкѣ сухая Лила, которая ожидала, можетъ-быть, фокусъ-покусовъ.

— Не спрашивайте меня, моя милая! У меня глаза слипаются, какъ скоро я слышу чтеніе.

— Надѣюсь, что въ другой Науса не вздумаетъ потчивать насъ стихами послѣ объѣда, сказалъ Франсисъ: напряженное вниманіе, съ какимъ слушаешь мудренныя фразы, мѣшаетъ пищеваренію.

— *Range chat!* сказала Зефирина вполголоса: выпей стаканъ воды съ сахаромъ!

— Декламація у него очень порядочна, сказалъ Александръ, но всё-таки лучше *вистъ*.

Услышавши это слово, которое показалось чрезвычайно остроумнымъ, оттого что въ Англійскомъ языкѣ *whist* значитъ «молчаніе», многія любительницы картъ начали говорить, что чтецу надобно отдохнуть. Подъ этимъ предлогомъ одна или двѣ пары ускользнули въ будоаръ госпожи де-Баржтонъ. Луціанъ, по просьбѣ Луизы, прелестной Лоры и епископа, разбудилъ общее вниманіе, силою пылкихъ ямбовъ *Chénier*, и многіе, увлеченные его пламеннымъ чтеніемъ, аплодировали, не понимая дѣла: крикъ

дѣйствуетъ на умъ этого рода людей, какъ крѣпкіе напитки на ихъ горло.

Разносили мороженое. Въ это время Зефирина отравила Франсиса въ ученую экспедицію вокругъ столика, съ порученіемъ заглянуть въ книгу, по которой читалъ Луціанъ. По возвращеніи своего Кука, она сказала сосѣдкѣ своей, Амаліи, что Луціанъ читалъ *печатное*.

— Очень натурально, та сѣге, отвѣчала Амалія, радуясь своей догадливости. Вѣдь Г. де-Рюампре работаетъ у типографщика! — Оно выходитъ то же, прибавила она, взглянувъ на Лолоту, какъ, если бы хорошенькая дама сама шила себѣ платья.

— Самъ онъ и напечаталъ свои стихотворенія! говорили между собою женщины.

— Такъ зачѣмъ же онъ называется мосѣ де-Рюампре? Когда порядочный человѣкъ занимается цеховымъ ремесломъ, онъ долженъ перемѣнить свою фамилію.

— Онъ и перемѣнилъ свою мѣщанскую фамилію на дворянское имя матери, сказала Зизина.

— Если его стихи напечатаны, такъ мы и сами могли ихъ прочесть, мудро замѣтилъ Астольфъ.

Эта глуность еще болѣе запутала вопросъ. Наконецъ ба ольдю-Шатле благоволилъ объяснить невѣжественному собранію, что объявленіе Луціана вначалѣ чтенія совсѣмъ не было ораторскою уловкой, и что эти прекрасные стихи дѣйствительно принадлежать не ему, но роилисту Андрею Chénier. Благородное Ангулемское общество, за исключеніемъ только епископа, баронессы Растиньякъ и ея дочерей, которыя были разстроганы поэзіею, еще пуше вознегодовало: оно подумало, что это непозволительная мистификація и что надъ немъ насмѣхаются. Поднялся глухой ропотъ. Луціанъ его не слыхалъ; онъ такъ уединился отъ этой безсмысленной толпы въ упоеніе мелодій,

которая пѣлась въ душѣ его, что всѣ лица казались ему какъ-бы въ туманѣ. Онъ прочелъ имъ еще мрачную элегію о самоубійствѣ, и окончилъ засѣданіе прелестною элегіею, «Нерел».

Госпожа де-Баржтонъ, первый разъ въ жизни перенесенная въ среднюю себѣ сферу думъ, погрузивъ одну руку въ свои прекрасныя кудри, разрушая ихъ въ сладостномъ забытіи, сидѣла одна посреди залы, роскошно задумавшись. Вы можете вообразить, какъ ей непріятно было, когда Амалія, въ качествѣ представительницы общаго мнѣнія, пришла извлечь ее изъ этой мечтательности.

— Наяса, мы съѣхались слушать стихи Г. Шардона, а ты подчуешь насъ *печатнымъ*! Эти стихи, конечно, очень милы, но намъ изъ патріотизма хотѣлось бы послушать чего-нибудь своего, Ангулемскаго.

— Не правда ли, что нашъ языкъ совсѣмъ не годится для поэзіи? сказалъ мудрый Астольфъ директору акцизнаго сбора. По-моему мнѣнію въ прозѣ Цицерона несравненно болѣе поэзіи.

— Настоящая Французская поэзія есть поэзія легкая, пѣсня, отвѣчалъ дю-Шатлѣ.

— Пѣсня доказываетъ, что нашъ языкъ очень музыкаленъ, замѣтилъ Адріанъ, который вездѣ видѣлъ музыку, даже и въ Французскомъ языкѣ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось слышать стихи, которые сгубили Нансу, сказала Зефиррипа; но, судя по тому какъ она приняла просьбу Амаліи, врядъ-ли мы ихъ узнаемъ.

— Да она для собственной своей чести должна заставить его прочесть эти стихи, замѣтилъ Франсисъ: только геній этого молодчика можетъ оправдать ея несчастную страсть.

— Мосьё дю-Шатлѣ, вы служили по дипломатической части, сказала Амалія: покажите свое искусство! Постарайтесь объ этомъ для насъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ дю-Шатле.

Отставной секретарь Бонапартовской принцессы подошелъ къ епископу, и употребилъ его на это дѣло. По желанію почтеннаго прелата, Наиса принуждена была уговорить Луціана, чтобы онъ прочелъ нѣ что-нибудь наизусть. Быстрый успѣхъ барона въ этихъ переговорахъ заслужилъ ему томную улыбку Амаліи.

— Право, этотъ баронъ человекъ умный! сказала она Лолоттѣ.

Лолотта, помня злое замѣчаніе Амаліи на счетъ женщинъ, которыя сами шьютъ себѣ платья, отвѣчала ей, улыбаясь:

— Давно ли вы признаете Бонапартовскихъ бароновъ?

Луціанъ обезсмертилъ свою любезную одою, которую всѣ молодые люди пишутъ по выходѣ изъ училища, — одою КЪ НЕЙ! Одна только эта ода, проникнутая всѣмъ жаромъ первой любви, могла, по его мнѣнію, соперничествовать съ стихотвореніями Chénier. Онъ спросилъ — *Къ ней?* — и взглянулъ не совсѣмъ осторожно на госпожу де-Баржтонъ. Она тихо отвѣчала — *Да!* Авторскому его самолюбію стало какъ-то безопаснѣе за валомъ могучей юбки госпожи де-Баржтонъ.

Но, въ минуту отвѣта, тайныя чувствованія Наисы невольнo вырвались изъ глазъ ея, и завястливья женщины это замѣтили. Несмотря на привычку владѣть надъ этимъ обществомъ сплю и гордостью своего ума, она трепетала за Луціана. Она была въ смущеніи и, скромными взглядами, будто вымаливала снисхожденія къ нему; потупила глаза, стараясь скрыть свое удовольствіе, и не поднимала ихъ, пока Луціанъ читалъ слѣдующія строфы:

КЪ НЕЙ.

Du sein de ces torrens de gloire et de lumière
Où, sur des sistres d'or, les anges attentifs
Aux pieds de Jéhova redisent la prière
De nos astres plaintifs.

Souvent un chérubin à chevelure blonde,
Voilant l'éclat de Dieu sur son front rellété,
Laisse aux parvis des cieus son plumage argenté,
Et descend sur le monde.

Il a compris de Dieu le bienfaisant regard :
Du génie aux abois, il endort la souffrance :
Jeune fille adorée, il berce le vieillard
Dans les fleurs de l'enfance ;

Il inscrit des méchans les tardifs repentirs ;
A la mère inquiète, il dit en rêve: espère !
Et, le cœur plein de joie, il compte les soupirs
Qu'on donne à la misère.

De ces deux messagers un seul est parmi nous,
Que la terre amoureuse arrête dans sa route,
Mais il pleure, et poursuit d'un regard triste et doux
La paternelle voûte.

Ce n'est point de son front l'éclatante blancheur
Qui m'a dit le secret de sa noble origine,
Ni l'éclair de ses yeux, ni la féconde ardeur
De sa vertu divine.

Mais par tant de lucurs mon amour ébloui
A tenté de s'unir à sa sainte nature,
Et du terrible archange il a heurté sur lui
L'impénétrable armure.

Ah! gardez, gardez bien de lui laisser revoir
Le brillant séraphin qui vers les cieus revole ;
Trop tôt il lui dirait la magique parole
Qui se chante le soir !

Vous les verriez des nuits perçant les sombres voiles,
Comme un point de l'aurore, atteindre les étoiles
Par un vol fraternel.

Et le marin qui veille, attendant un présage,
De leurs pieds lumineux montrerait le passage,
Comme un phare éternel.

— Вы поняли? сказала Амалія барону дю-Шатлè съ кокетной улыбкою.

— Les sistres d'or, отвѣчалъ дю-Шатлè, холодно и равнодушно, по званію великаго оцѣнщика, котораго ничѣмъ нельзя удивить. Золотые тимпаны ангеловъ, сударыня. Стихи — какіе всѣ мы, болѣе или менѣе, писали при выходѣ изъ школы. Прежде, мы уносились въ Оссіановскіе туманы. У насъ вездѣ являлись Мальвины, Фигалы, мрачныя видѣнія, воины, которые вставали изъ могилъ съ звѣздою надъ головой. Теперь, вмѣсто всѣхъ этихъ поэтическихъ фигуръ, пошли ангелы, золотые тимпаны, безпредѣльное, безконечное, колоколъ, мечта, адъ въ груди, рай въ сердцѣ, опаловые взгляды, пропавшей жизни. Эпитеты перемѣнились, но безсмыслица осталась всё та же, и несмотря на *torrens de lumière*, на «потокъ свѣту», о которыхъ говорить этотъ господинъ, въ поэзіи темно по-прежнему.

— Если ода темна, сказала Зефирина, за то любовное изъясненіе очень ясно.

— Что такое гордилъ онъ намъ тутъ о l'argure des archanges, сказалъ Франсисъ: неужели это относится къ ея *satin-argure*?

Хотя изъ учтивости надобно было хвалить оду, но дамы, досадуя, что у нихъ нѣтъ поэта, который бы называлъ ихъ въ стихахъ ангелами, встали со скучнымъ видомъ и весьма холодно сказали: — Очень мило; очень интересно.

— Если вы меня любите, то не скажете ни слова ни автору, ни его ангелу, сказала Лолотта Адриану съ такимъ деспотическимъ видомъ, что онъ по неволѣ долженъ былъ повиноваться.

— Все это пустяя фразы! сказала Зефирина Франсису: любовь есть поэзія въ дѣйстви.

— Вы у меня это съ языка сорвали, Зизиша, сказалъ Станиславъ, осматривая себя съ ногъ до головы: но мнѣ и этого такъ хорошо не выразить.

— Я бы все отдала, шепнула Амалія барону дю-Шатле, чтобы только унижить эту Навсу: она мило-стиво заставляетъ титуловать себя въ стихахъ ангеломъ, какъ-будто она лучше насъ, грѣшныхъ! Да еще мараетъ насъ знакомствомъ съ сыномъ аптекаря, котораго мать сидѣлка, сестра гризетка, а самъ онъ — наборщикъ.

— Отецъ его выдумалъ лекарство отъ подагры, сказалъ Жакъ, такъ могъ бы уже кстати выдумать порошокъ и отъ стиховъ своего сына.

— Да онъ занимается тѣмъ же ремесломъ какъ и отецъ его: онъ отпустилъ намъ настоящее рвотное, сказалъ Станиславъ, принявъ злодѣйски-франтовское положеніе.

Однимъ словомъ, каждый наперерывъ старался поразить бѣднаго Луціана какимъ-нибудь надменнымъ сарказмомъ. Ханжа Лили твердила, что это было бы истинно христіанское дѣло, если бъ кто-нибудь удержалъ Навсу на краю пропасти и не далъ ей сдѣлать глупость. Отставной дипломатъ Франсисъ принялъ это на себя, и обещалъ довести до успѣшнаго окончанія этотъ глупый заговоръ: всѣ съ нетерпѣніемъ ждали развязки дѣла, чтобы потомъ рассказывать исторію своимъ знакомцамъ.

Бывшій консулъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія драться съ молодымъ поэтомъ, который, въ присутствіи своей любезной, конечно взбѣсился бы за первое неучтивое слово, тотчасъ разсчелъ, что тутъ надобно употребить руку, которой Луціанъ не могъ бы отмстить. Онъ послѣдовалъ примѣру хитраго дю-

Шатле, подошелъ къ епископу и началъ съ восторгомъ говорить объ одѣ, которая чрезвычайно понравилась уминому пастырю. Франсисъ сталъ увѣрять епископа, будто бы мать Луціана женщина необыкновеннаго ума, но чрезвычайно скромная, будто она выбираетъ для сына всѣ сюжеты его стихотвореній и руководствуетъ его своими совѣтами; будто Луціану, который обожаетъ мать безъ памяти, нельзя сказать лучше и пріятнѣе, какъ отдавая справедливость его матери. Внушивъ эту идею добродушному прелату, Франсисъ положился въ остальномъ на случай: онъ надѣялся, что разговоръ подастъ почтенному старцу возможность вернуть изъ учтивости какое-нибудь словцо на счетъ маменьки Луціана, словцо, отъ котораго Франсисъ ждалъ полного эффекта.

Всеобщее вниманіе удвоилось, когда епископъ съ Франсисомъ подошли къ кругу, въ центрѣ котораго стоялъ Луціанъ и гдѣ уже ему понемногу подносили яду. Бѣдный поэтъ, незнакомый съ уловками большаго свѣта, только взглядывалъ на госпожу де-Баржтонъ, и не умѣлъ отразить нападеній. Онъ не зналъ ни имени, ни званія большей части гостей, ни что отвѣчать женщинамъ на ихъ офиціальныя пустяки. Притомъ, онъ чувствовалъ, что эти Ангулемскія божества отталкиваютъ его за три-девять земель отъ себя, величая его Г. Шардотомъ или Г. де-Рюампре, между-тѣмъ какъ другъ друга они зовутъ Лолоттой, Адрианомъ, Астольфомъ, Лили, Фифицой. Смятеніе его достигло до высочайшей степени, когда, принявши имя Лили за фамилію, онъ назвалъ мосьё Лили грубаго графа де-Сенонша, который тотчасъ прервалъ его, вскричавъ: «Мосьё Люлю?» Госпожа де-Баржтонъ покраснѣла до самыхъ ушей.

— Надо быть удивительно ослѣпленной, чтобы заставить насъ браться съ этимъ разночинцемъ, сказалъ онъ вполголоса.

— Не замѣчаете ли вы, маркиза, сказала Зефирина госпожѣ де-Пимантель, что Г. Шардонъ немощно похожъ на Г. де-Кантъ-Кроа.

— Идеалы всегда сходны между собою, отвѣчала улыбаясь маркиза.

— Слава такъ обольстительна, что безъ стыда можно увлекаться ею, сказала госпожа Баржтонъ маркизѣ. — Есть женщины, которыхъ такъ же прельщаетъ мелочность, какъ другихъ прельщаетъ величіе, прибавила она, взглянувъ на Франсиса.

Зефирина не поняла, потому что для ней консулъ былъ великъ; но маркиза засмѣялась.

— Вы очень счастливы, мосьё Шар..... мосьё де-Рюампре, сказалъ маркизъ де-Пимантель: вы, вѣрно, никогда не скучаете!

— А скоро вы работаете стихи? сказала Лолотта, съ такимъ же видомъ, какъ бы вы спросили столяра: а скоро ли ты, братецъ, можешь мнѣ сдѣлать этотъ ящикъ?

Луціанъ былъ оглушенъ этимъ ударомъ, какъ дубиной по лбу; но онъ очнулся, когда госпожа Баржтонъ сказала, смѣясь:

— Вѣдь поэзія, моя милая, не можетъ расти въ головь Г. де-Рюампре, какъ крапива на нашихъ дворахъ.

— Сударыня, сказалъ епископъ Лолоттѣ, мы должны вполнѣ уважать благородные умы, которые Богъ озарилъ однимъ изъ лучей своихъ. Да! поэзія — вещь высокая, священная. Поэзія и страданіе неразлучны. Сколько безсонныхъ ночей стоили строфы, которыя недавно насъ восхитили! Читите и жалуйте поэта, который почти всегда ведетъ жизнь злополучную, и которому Богъ, конечно, изготовилъ великую награду въ небѣ. Этотъ молодой человѣкъ поэтъ лушою, сказалъ онъ, кладя руку на голову Луціана: на юномъ челѣ сего я какъ-будто вижу печать рока.

Осчастливленный такой благородною защитой, Луцианъ почтительно поклонился епископу, и не предвидѣль, что почтенный пастырь сейчасъ его зарѣжетъ. Госпожа де-Баржтонъ бросила на непріятельскіе ряды торжествующій взглядъ, который какъ жало впился въ сердца ея соперницъ и усугубилъ ихъ ярость.

— Ахъ, ваше преосвященство! сказалъ поэтъ, надѣясь разбить эти пустыя головы своимъ золотымъ скипетромъ: толпа не имѣетъ ни вашего ума, ни вашей снисходительности. Никто не постигаетъ нашихъ страданій, никто не знаетъ трудовъ нашихъ. Рудокопу легче доставать золото изъ недръ земли, чѣмъ намъ извлекать образы изъ самаго неблагодарнаго языка въ мірѣ. Цель поэзіи — представлять идеи такъ, чтобы всякой могъ ихъ видѣть и осязать, и поэтъ долженъ непрерывно стараться быть понятнымъ для всѣхъ степеней разума; онъ долженъ уметь скрывать подъ блестящими красками двѣ враждебныя силы, логику и чувство; онъ долженъ заключать цѣлый рядъ мыслей въ одномъ словѣ; онъ долженъ выражать цѣлыя философическія системы одной картиной. Стихи его — сѣмяна, которыхъ цвѣты должны распуститься въ сердцахъ, падая на борозды, уже приготовленныя собственными чувствами каж аго. Поэтъ долженъ перечувствовать все сильно, чтобы все живо выразить; а чувствовать сильно значитъ страдать. За то поэзія рождается только послѣ долгихъ странствованій въ области людей и общества. Это труды бессмертныхъ; и жизнь идеаловъ, порожденныхъ сильнымъ воображеніемъ, вѣрнѣе жизни лицъ, которыя дѣйствительно существовали: такозы Кларисса Ричардсона, Камилла Chénier, Делія Тибулла, Анжелика Аріоста, Франческа Данте, Альсестъ Мольера, Ребекка Вальтера Скотта, Донъ-Кихоть Сервантеса и другіе.....

— Которыхъ и вы намъ породите, подхватилъ дю-Шатле.

— Общать подобныя созданія значило бы выдавать себя за генія, отвѣчалъ Луціанъ. Притомъ такія порожденія требуютъ долгаго знанія свѣта, долгаго изученія страстей человѣческихъ, а я дляэтого слишкомъ молодъ. — Но я начинаю изучать людей, сказалъ онъ, съ печальною улыбкою взглянувъ на окружающихъ: я начинаю собирать матеріалы..... Беременность воображенія должна быть продолжительна.....

— Да! и роды бываютъ не легки, сказалъ Г. дю-Готоа.

— Ваша почтенная матушка можетъ помочь вамъ въ этомъ случаѣ, прибавилъ епископъ. Я слышалъ.....

Всѣ улыбнулись.

Эти слова, такъ искусно подготовленныя, это давно ожидаемое мщеніе, зажгли радость въ глазахъ всего собранія. Надменное ихъ удовольствіе еще увеличилось, когда господинъ де-Баржтонъ, по своему обыкновенію, захохоталъ спустя двѣ минуты, догадавшись, что это смѣшно.

— Monseigneur, вы слишкомъ тонко остры на этотъ разъ, сказала госпожа Баржтонъ съ досадою: дамы вась не понимаютъ.

Эти слова остановили всѣ улыбки на полу-дорогѣ и устремили на нее удивленные взгляды присутствующихъ.

— Церковь, продолжала она, конечно, должна быть вѣжною матерью поэта, который почерпаетъ вдохновеніе изъ Священнаго Писанія. Мосьё де Рюампрё! прочтите вашу поэму «Патмосъ», или «Пиръ Балтазара», чтобы показать его преосвященству, что Религія для вась Magna parens Virgilія.

Женщины перемигнулись, когда госпожа Баржтонъ произнесла эти два Латинскія слова.

Иногда самое гордое мужество поддается унынію : этотъ ударъ совершенно потопилъ Луціана; но онъ выбрался на поверхность воды, и поклялся пристыдить этихъ людей. Онъ пришелъ въ ярость, какъ быкъ, уже пораженный стрѣлами бандерильеровъ, и готовъ былъ, по желанію Луизы, прочесть свою поэму; но карточные столы уже привлекли къ себѣ честную компанію: она обратилась къ сроднымъ ей занятіямъ, и большая часть гостей псгрязла въ вистъ, котораго не можеть замѣнить для глупцевъ поэзія; притомъ, мщеніе раздраженныхъ самолюбій было бы не полно, если бъ они не оказали отрицательнаго презрѣнія къ провинціальной поэзіи: они оставили Луціана и Луизу однихъ съ епископомъ. Одинъ притворился задумавшимся; другой пошелъ толковать съ префектомъ о новой дорогѣ; дамы заговорили о нарядахъ и музыкѣ. Высшій Ангулемскій кругъ чувствовалъ, что онъ плохой судья въ поэзіи: для своего руководства, этимъ почтеннымъ людямъ хотѣлось знать мнѣніе Растицьяковъ и Пимантелей, и многіе собрались вокругъ нихъ. Въ важныхъ случаяхъ вліяніе этихъ двухъ фамилій было признаваемо цѣлымъ департаментомъ; всякой имъ завидовалъ, но всякой старался угождать имъ, потому что по связямъ своимъ въ Парижъ, они могли когда-нибудь пригодиться.

— Какъ вамъ правятся нашъ поэтъ и наши стихотворенія? сказалъ графъ Жакъ госпожѣ де-Пимантель, къ которой онъ иногда ѣздилъ охотиться.

— Да для провинціальныхъ стиховъ они весьма изрядны, сказала она улыбаясь: притомъ стихи не могутъ быть дурны, когда поэтъ такъ хорошиъ.

Всѣ были въ восторгѣ отъ этого рѣшенія, и повторяли сго другъ другу, подбадряя въ него болѣе и болѣе желчи.

Тутъ барона заставили акомпанировать господину дю-Барта, который перегадилъ всю знаменитую арію

Фигаро. Пользуясь случаемъ, Г. дю-Шатле спѣлъ романсъ, своего сочиненія. Потомъ двѣушки начали играть въ четыре руки, по настоянію госпожи дю-Броссаръ, которая хотѣла очаровать Г. Северака игрою своей Камиллы.

Госпожа де-Баржтонъ, оскорбленная неуваженіемъ, которое всѣ оказывали къ ея поэту, оплатила презрѣніемъ за презрѣніе и ушла въ свой будоаръ, какъ скоро началась музыка. За ней пошелъ епископъ: викарій объяснилъ ему глубокую пронию его неумышленной эпиграммы, и онъ хотѣлъ загладить вину свою. Лора Растиньякъ, обвороженная поэзіею, также прокралась въ будоаръ, по-тихоньку отъ матери. Усѣвшись на диванъ, Луиза сказала Луціану на ухо: — Другъ мой, они тебя не поняли! Но пѣсня твоя прекрасна, и она глубоко запала мнѣ въ душу. — Утѣшенный Луціанъ забылъ свое горе.

— Слава не достается даромъ, сказала госпожа де-Баржтонъ, пожимая ему руку. Терпите, страдайте, и вы будете велики; страданіями вашими вы купите безсмертіе. О, съ какою бы радостью переносила я борьбу! Избави васъ Богъ отъ жизни холодной, безчувственной, въ которой орлу нѣтъ простора. Я завидую вашимъ страданіямъ, потому что они доставятъ вамъ жизнь въ потомствѣ. Развивайте свои силы, и уповайте на побѣду: борьба покроетъ васъ славою. Когда вы вступите въ высокую сферу, гдѣ смиряются великіе умы, вспомните объ насъ, обиженныхъ судьбою, которыхъ умъ чахнетъ въ нравственномъ азотѣ и которые умираемъ не живши, хотя мы знаемъ что такое жить, хотя одарены зрѣніемъ зоркимъ и между-тѣмъ ничего не видимъ хотя имѣемъ нѣжное обоняніе и между-тѣмъ находимъ только цвѣты зловонные. Воспойте тогда благородное растеніе, подавленное хворостомъ и сорными травами, которое увяло до цвѣта,

потому что солнце никогда его не ласкало. Согласитесь, что это былъ бы прекрасный сюжетъ для печальной пѣсни; сюжетъ истинно фантастическій. Какая превосходная тема — дѣва пустыни, дѣва востока, которую перенесли въ холодный западъ, и она вздыхаетъ о любимомъ своемъ солнцѣ, и умираетъ отъ любви я стужи. Это былъ бы образъ многихъ.....

— Вы бы пзобразили такимъ образомъ душу, которая вздыхаетъ о небѣ, сказалъ епископъ.

— Ахъ, напишите такую поэму! сказала Лора Растиньякъ съ простодушною вѣрою въ гений Луціана.

— Французской словесности недостаетъ великой поэмы религіозной, сказалъ епископъ. Повѣрьте мнѣ, слава всегда будетъ удѣломъ даровитаго человѣка, который трудится для религіи.

— Онъ напишетъ такую поэму, ваше преосвященство, торжественно произнесла госпожа Баржтонъ: вы видите, идея поэмы уже блеснитъ въ глазахъ его!

— Наиса обходится съ нами не слишкомъ вѣжливо, сказала Фифина: чтó это она тамъ дѣлаетъ?

— Развѣ вы не слышите? отвѣчалъ Станиславъ: она взбралась на свои великорослыя фразы, въ которыхъ нѣтъ ни какого толку.

Амалія, Фифина, Адрианъ и Франсисъ появились въ дзержяхъ будоара съ баронессою Растиньякъ, которая пришла позвать дочь, собираясь ѣхать домой.

— Наиса, сказала Амалія и Фифина, радуясь, что нашли средство разстроить засѣданіе ея поэтического комитета: вы бы намъ сыграли чтó-нибудь.

— Господинъ де-Рюбампре, отвѣчала госпожа де-Баржтонъ, обѣщала прочесть намъ свой «Патмосъ», прекрасное стихотвореніе въ Еврейскомъ родѣ.

— Въ Еврейскомъ! повторила удивленная Фифина.

Амалия и Фифина побѣжали въ гостинную, унося съ собою это слово на пищу насмѣщикамъ. Луціанъ отказался читать, подъ предлогомъ, что не помнитъ своихъ стиховъ. Когда онъ возвратился къ гостямъ, никто уже не смотрѣлъ на него: всѣ играли въ карты или разговаривали; поэтъ лишился всѣхъ лучей своихъ. Помѣщики не находили въ немъ ничего доходнаго; люди съ притязаніями на умъ боллись его какъ соперника, опаснаго для ихъ невѣжества; женщины, завидуя госпожѣ де-Баржтонъ, Беатриче новаго Данта, какъ выразился викарій, бросали на него холодно презрительныя взгляды.

— Такъ вотъ свѣтъ! сказалъ онъ самъ себѣ, отправляясь домой.

Бѣдный поэтъ! даже эта жестокая неудача не лишила его мужества. Напротивъ, ярость отверженнаго честолюбца придала ему новыя силы. Какъ всѣ люди, которыхъ увлекла въ возвышенную сферу пылкая душа, когда они еще не въ состояніи держаться въ ней на своихъ крыльяхъ, Луціанъ рѣшился всѣмъ пожертвовать, чтобы только вторгнуться въ высшее общество. Дорогою онъ вынималъ одну за другою ядовитыя стрѣлы, которыя въ него вонзились, разговаривалъ самъ съ собою вслухъ, унижалъ тѣхъ, которые хотѣли его унижить, и находилъ весьма остроумные отвѣты на глупые вопросы своихъ судей, досадуя на себя, что умъ пришелъ къ нему не вовремя.

Черезъ нѣсколько времени, госпожа де-Баржтонъ, видя, что невѣжды Англемцы презираютъ и оскорбляютъ ея Байрона, похитила его и увезла въ Парижъ, гдѣ, по ея мнѣнію, онъ долженъ былъ затмить всѣ современныя знаменитости и покрыть Европу лучами своей славы.

Но тутъ все измѣнилось. Началась эпоха разочарованій. Госпожа де-Баржтонъ, сличая своего поэта съ

талантами , которые , живя въ столицѣ , средь роскоши идей , привыкли мотать сокровищами ума какъ другіе мотаютъ бездушными деньгами , нашла его довольно жалкимъ , смѣшнымъ , даже ограниченнымъ. Луціанъ , сравнивая свою покровительницу съ Парижскими женщинами , всегда свѣжими и молодыми , нашелъ ее увядшею и довольно старою. Спустя недѣлю , они уже не видѣлись другъ съ другомъ , и свѣтъ не слышалъ болѣе ни о новомъ Данте ни о новой Беатриче.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПОМПЕЙ,

ЦЕЗАРЬ, ЦИЦЕРОНЪ

И ИХЪ СОВРЕМЕННОИКИ.

Иногда ученая Германія, послѣ долгой беременности, рожаетъ книги, толстыя и здоровыя, но съ четырьмя головами, съ семью руками, съ горбомъ, обѣ одной ногѣ, — страшныя чудовища учености, которыя усыпляютъ и пожираютъ обыкновенныхъ читателей, и смываются только передъ исполненнымъ терпѣніемъ *Gelehrter*'овъ. Раскрывая такую книгу, вамъ кажется, что вы входите въ подземную пещеру, мрачную и наполненную привидѣніями; и только когда глаза ваши привыкнутъ къ этой густой атмосферѣ, вы начинаете привыкать, что эти уродливыя формы, которыя вы приняли за призраки, суть правильныя кристаллизаціи драгоценнаго ископаемаго вещества; что это новыя Стафы окаменѣлыхъ фактовъ, достойная всего любопытства и удивленія посетителя. Такова, въ особенности, книга Кёнигсбергскаго профессора Друманна — «Исторія Рима во время перехода его отъ республиканской къ монархической формѣ правленія, или Помпей, Цезарь, Цицеро и ихъ современники, по родамъ своимъ»,

съ приложеніемъ родословныхъ таблицъ *. Странное заглавіе! И еще страннѣе форма, въ которую почтенный профессоръ вылилъ свои многотрудныя и глубокія изысканія! Одна эта форма, которая въ сущности весьма занимательна для ученаго и историка, никогда не позволить имъ быть общепользными и извѣстными большому кругу читателей. Въ исторической словесности принято за правило, и часто весьма удачное, избирать червенствующаго героя или представителя того періода, который мы хотимъ описать, въ главныхъ фигуры картины, и уже вокругъ его разстанавливать группами всѣ второстепенные характеры того времени въ соразмѣрности имъ свѣтъ и величинѣ, располагая всѣ событія, и отъбывая даже мнѣнія періода также въ отношеніи къ избранному лицу. Связывая такимъ образомъ всѣ обстоятельства съ однимъ великимъ лицомъ періода, мы не находимся въ необходимости жертвовать истиною или полнотою повѣствованія. Историкъ можетъ сохранить самое строгое безпристрастіе не только въ общемъ сужденіи обо всѣхъ лицахъ, составляющихъ картину, но и въ присвоеніи каждому надлежащаго достоинства и вѣсу; каждая отдѣльная фигура наполнитъ свою собственную сферу, между-тѣмъ какъ всѣ вмѣстѣ онѣ будутъ образовывать гармоническій кругъ около солнца своей системы. Г. Друмманъ принялъ въ основаніе совершенно другое начало. Одна и таже исторія расположена у него, какъ-бы въ двухъ параллельныхъ столбцахъ: чтобы получить связное, полное понятіе о жизни и дѣяніяхъ одного лица, вы принуждены безпрестанно переходить изъ одного столбца въ другой и слышать два разныхъ повѣствованія. Жизнеописанія расположены у него по алфавитному порядку, по родамъ, или фамиліямъ, къ которымъ принадлежать дѣйствующія лица: такимъ образомъ Лепидъ помѣщенъ между Эмилиями; Мегнелль между Цеціями. Важнѣйшіе два характера описанные въ этомъ твореніи, суть неоспоримо Силла и Цicerонъ. Статья о Силлѣ, такъ какъ онъ рано появляется въ

* Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung; oder Pompejus, Caesar, Cicero und ihre Genossen, nach Geschlechtern, und mit genealogischen Tabellen. Von W. Drumann, Professor der Geschichte zu Königsberg. Königsberg, 1834 — 1836. I u. II Th.

дворянскомъ родѣ Корнеліевъ, представляетъ непрерывную біографію этого дивнаго чловѣка; но послѣднюю часть жизни Цицерона вы находите въ длинной и подробной біографіи Марка Антонія (между Антоніями, въ первомъ томѣ) а средняя часть, то есть зрѣлый возрастъ великаго оратора, отнесена къ статьѣ втораго тома, посвященной Клавдію (между Клавдіями). О первомъ періодѣ жизни Цицерона, объ его молодости, мы получаемъ поясненіе въ статьяхъ «Кассій» (родъ Кассіевъ) и «Долабелла» (изъ рода Корнеліевъ), и не знаемъ, гдѣ встрѣтимъ его какъ противника Катилины и спасителя республики, — подлѣ литерою ли рода Катилины или въ плебейскомъ семействѣ Тулліевъ, къ которому принадлежалъ самъ Цицеронъ.

Какъ исторія великаго Римскаго переворота, трудъ профессора Друманна можетъ показаться сбивчивымъ и неудовлетворительнымъ; но какъ родословная біографія тѣхъ временъ, какъ запасъ матеріаловъ для полнаго и систематическаго дѣлаго, оно изобилуетъ неоспоримо важными достоинствами. Оно выставляетъ на показъ все вліяніе фамиліальныхъ и родственныхъ связей, которыя такъ часто имѣютъ рѣшительное дѣйствіе на дѣла общественныя, и притомъ дѣйствіе, не замѣчаемое лучшими историками; оно позволяетъ вамъ оцѣнивать великихъ людей не въ томъ отвлеченномъ и мистическомъ видѣ, въ какомъ фаталисты и провиденціаллисты стараются изображать ихъ, какъ-будто слѣпыя орудія мудреныхъ судебъ, но съ настоящей точки зрѣнія на тайныя побужденія и личныя обстоятельства каждаго; оно доставляетъ случай слѣдить происхожденіе каждаго частнаго лица, плебейское или дворянское, и распутывать всѣ сплетенія родства и брачныхъ связей, которыя привязываютъ его къ той или другой партіи въ дѣлахъ отечества. Въ одномъ случаѣ, мы видимъ какъ достоинство патриція, перешедшее къ нему по наслѣдству, привязало его къ пользамъ своего класса узами гордыхъ воспоминаній о славѣ своихъ предковъ; въ другомъ напротивъ, какъ приверженность къ притязаніямъ черни на участіе въ правленіи переходила въ извѣстныхъ плебейскихъ родахъ, со времени основанія республики, отъ отца къ сыну и правнуку, и въ нѣдрахъ семействъ возвращала семена переворотовъ и сильныхъ характеровъ. Такимъ обра-

вошь мы получаемъ яснѣйшій взглядъ на положеніе дѣлъ государствѣнныхъ, вида изъ родословной частнаго лица, что должно отнести къ его семейнымъ связямъ и старанію о пользахъ своего рода, и что къ его личнымъ заслугамъ и подвигамъ на военномъ или гражданскомъ поприщѣ. Ежели мы часто повторяемъ выраженіе, справедливое до пошлости, — что никто не можетъ казаться великимъ своему камерданеру, то едвали нельзя этого сказать и объ исторіи, расположенной по родословнымъ семействъ, когда мы вѣдемъ передъ глазами панораму всѣхъ мелочныхъ вліяній родства, состоянія, фамильной вражды, женскихъ соперничествъ, домашнихъ ссоръ и тому подобнаго на самыя разительныя дѣйствія людей знаменитыхъ и великихъ. Это родословное дерево важнѣйшихъ лицъ самаго занимательнаго періода Римской Исторіи, плодъ неутомимыхъ изслѣдованій нашего автора, неопытно, — не только какъ пособіе для справокъ, но по своему тщательному и прилежному изученію всего механизма пружинъ общества и вѣка, безпримѣрнаго огромностью событій и слою характеровъ.

Мы должны еще отдать заслуженную похвалу автору за духъ его сочиненія. Онъ избралъ себя эпиграфомъ —

*'Οχι αὐτὸν κολλησαντὴ εἰς κοίρανός ἐστι,
Εἰς βασιλεὺς'—*

и, въ предисловіи, прибавляетъ, что ни какой подданный Прусскаго короля не можетъ сомнѣваться въ томъ, что самодержавіе есть лучшій изъ всѣхъ образцовъ правленія. Такія чувства не только дѣлаютъ честь Г. Друманну, но и внушаютъ намъ болѣе довѣрїя къ его изысканіямъ.

Мы упомянули объ одной школѣ новѣйшихъ историковъ, которыхъ называютъ фаталистами. Мечтательный и огорчаемый людьми Гердеръ основалъ его болѣе для своего утѣшенія нежели въ духѣ строгой истины. Всегда неумѣстно, и смѣшно, основывать цѣлое зданіе историческаго повѣствованія на началѣ, котораго ничѣмъ доказать не возможно, и являться смѣлымъ истолкователемъ недоступныхъ для ума на-

• * • Не хорошо, гдѣ много господъ: пусть будетъ одинъ господинъ, одинъ царь! *

него судьбъ Божіихъ: это значить принимать на себя званіе пророка безъ вѣдома Небесъ, а не историка, то есть повѣствователя; но еще смѣшнѣе основывать это на «фатализмѣ», на идее, вовсе непонятной человѣку и для которой мы сами принуждены придумывать произвольные законы, не зная что такое назвали мы фатализмомъ. Конечно, человечество стремится къ какой-то неизвѣстной намъ цѣли, определенной всеблагіи Промысла въ міровъ; но дѣйствія Промысла, въ цѣлоцѣ, какъ мы видимъ изъ наблюденій надъ матеріальнымъ міромъ, измѣряются, не тысячами а миліонами лѣтъ; ходъ ихъ такъ медленъ, такъ тихъ и непримѣтенъ, что между-тѣмъ жизнь каждаго отдѣленія созданной природы имѣетъ все время играть свободно на пути къ безконечно отдаленной цѣли творенія, наслаждаться волею, разнообразить свой земной бытъ, даже дѣлаться на время жертвою постороннихъ обстоятельствъ и потомъ опять возвращаться къ своему правильному теченію. Напротивъ того, по мнѣнію этой школы, которая впрочемъ имѣла послѣдователей съ отличными способностями, человечество всегда *неуклонно* слѣдуетъ своимъ путемъ, по извѣстнымъ непреложнымъ правиламъ, предначертаннымъ судьбою, и всѣ событія управляются постоянными законами. Каждое новое поколѣніе слабо и неизбежно повинуетъя неодолимому, отъ него независящему, направленію, выполняетъ предназначенную ему долю въ непрерывной цѣпи причинъ и дѣйствій, и передаетъ слѣдующему поколѣнію тотъ же неодолимый толчокъ, который побуждаетъ его дѣйствовать въ свою очередь. По этой системѣ, частная воля, полнота и игра жизни, наслажденіе бытіемъ по своему разумнѣю, словомъ всѣ драгоценнѣйшія права частнаго живаго существа, отняты у народовъ, то есть, скопленій живыхъ существъ; умъ, глупость и страсти превращаются въ ничто; характеръ частнаго лица есть плодъ, и рабъ обстоятельствъ; событія, которыя должны совершиться, всегда напередъ приготовлены; механизмъ, приводящій ихъ въ движеніе, заведенъ однажды навсегда для всей планеты; умы, способные производить перевороты, принимаютъ въ нихъ ту долю участія, которая, имъ заранѣй предопредѣлена. Мы отнюдь не допускаемъ этого историческаго магаметанства, которое относить все къ *непосредственной судьбѣ* и не оставляетъ народамъ, послѣ переворотовъ, другаго утѣ-

шенія, кромѣ удовольствія восклицать вѣсть съ Турками — *Аллахъ керимъ!* Такимъ образомъ одни только Казанскіе Татары могутъ писать свою исторію. Мы думаемъ, что, не вдаваясь въ таинства предопредѣленія, сохраняя лица всѣ ихъ достоинство, и не унижая умовъ, родящихся въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ, можно объяснить, просто, положеніемъ тогдашняго міра и особеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, весь ходъ великой драмы Римской исторіи. Какъ врачъ, безъ помощи книга судебъ угадываетъ, что слѣдствіемъ обжорства будетъ несвареніе желудка, лихорадка и переворотъ въ тѣлѣ, такъ именно и въ этой драмѣ, легко было предвидѣть, по правиламъ гигиены обществъ, что она не можетъ достигнуть до развязки иначе какъ яростною борьбою о владычество между сильными и властолюбивыми характерами, которые будутъ порождены завоеваніемъ міра и обладаніемъ его богатствами, и должна наконецъ заключиться торжествомъ одного изъ состязателей, если не величайшаго, по крайней-мѣрѣ самаго хитраго, и кому притомъ поблагодѣйствуютъ обстоятельства. За борьбою сословій слѣдовала, какъ замѣчаетъ Г. Друманнъ, борьба о владычество надъ міромъ; за этою, борьба самихъ предводителей: отсюда Снлла, который могъ быть только главой партіи и диктаторомъ, — и Цезарь, который сдѣлался царемъ.

Съ распространеніемъ успѣховъ Римскаго оружія, неизбежно было развитіе новаго и совершенно различнаго рода образованности. Простота нравовъ, на которыхъ основывались первыя и коренныя Римскія учрежденія, должна была исчезнуть и увлечь ихъ вѣсть съ собою въ общую гибель. Могли ли обладатели Греціи и Азіи довольствоваться своими Сабинскими хуторами или грубою шерстяною одеждою? Цинцинать, одержавъ побѣду надъ нищимъ племенемъ Вольсковъ или Самнитовъ, могъ возвратиться къ своему плугу, и даже Сципіонъ въ своемъ безмятежномъ уединеніи могъ не уронить своего достоинства развратомъ. Но завоеватель Сиріи или преторъ малой Азіи былъ ли въ состояніи подчинить себя такимъ скуднымъ наслажденіямъ? Завоеванія Рима естественнымъ образомъ вели къ образованію воинской аристократіи. Главныя лица этой аристократіи, цесмотря на краткое время своего началства, и на свою за-

висяность отъ народа, когда дѣло касалось до вторичнаго ихъ избранія въ высшія военныя званія, всегда успѣвали свискивать себѣ приверженность войскъ. Управление провинціями, и обычай отдавать на откупъ государственные доходы, служили для вельможъ неминуемымъ средствомъ приобрѣтать такія богатства, въ сравненіи съ которыми самыя колоссальныя состоянія нынѣшнихъ Англичанъ совершенно ничтожны. Когда кліентами патриціевъ были простые ремесленники, которые на нихъ работали, или люди, которые почитались ихъ отпущенниками, тогда Эмилии и Клавдіи одною древностью своихъ благородныхъ фамилій могли стоять выше всего общества и управлять имъ согласно своимъ видамъ; но когда города Греціи и Малой Азіи, когда даже цари, искали покровительства Римскихъ «консулярныхъ мужей» и низко тщеславились званіемъ ихъ кліентовъ, этии консулярныи мужамъ было уже не до патриархальной простоты нравовъ и не до равенства съ бѣдными гражданами. Такая аристократія не могла долго оставаться единодушнымъ сословіемъ, оберегающимъ только пользы своего класса. Не служба болѣе выгодамъ касты, орлы Римскіе неминуемо должны были начать кровавыя состязанія за большую долю добычи; кругъ людей, который захватывалъ высшія военскія почести или несметныя богатства, долженъ былъ сдѣлаться малочисленнымъ, пока наконецъ эти люди не нашлись вынужденными пристать къ знаменамъ одного или двухъ первенствующихъ согражданъ: за тѣмъ должна была последовать борьба о единовластіи:

Nec Caesar ferre priorem,
Pompejusve parem.

И дѣйствительно, состязаніе партій наконецъ уступило мѣсто борьбѣ предводителей между собою. Сенатъ и народъ были просто лозунгами для противоборствующихъ войскъ Маріи и Силлы, Цезаря и Помпея. Марій и Силла родились во родословнымъ, быть предводителями своихъ партій; но патрицій Цезарь сдѣлался главою народной партіи, единственно потому что Помпей былъ главою партіи патриціевъ. Говорятъ, что великіе люди являются всегда кстатн во время переворотовъ: это очень естественно. Кто можетъ бороться съ волнами, тотъ только отваживается пускаться въ бурное

море. Каждая участвующая въ борьбѣ партія съ нетерпѣніемъ ждетъ и съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ героя, одареннаго рѣшительностію, умомъ, отвагою и другими качествами необходимыми для доставленія ей торжества. Существованіе ея зависитъ отъ нравственныхъ и умственныхъ доблестей предводителя: ревность, и даже подозрѣніе, уступаютъ мѣсто чувству самолюбія и преобладанія. Тщеславіе и гордость, а еще болѣе страхъ и корысть, заставляютъ ее признавать своимъ начальникомъ того, кто болѣе другихъ подаетъ ей надежды одержать верхъ надъ противниками. Последний періодъ исторіи Рима былъ только длинный переворотъ. Въ эту эпоху, внутри и внѣ Рима, совершились великія дѣла, — одержаны были великія побѣды, — отвращены великія опасности, — накоплены великія богатства, — возвышены и низложены великіе люди: только умы первой величины могли выдержать столкновеніе такихъ событій и проложитъ себѣ путь къ первенству.

Но по странному стеченію обстоятельствъ, древніе писатели не оставили намъ ни одной полной и непрерывной исторіи этого знаменитаго періода; мы имѣемъ только отрывочныя свидѣнія, подобныя тѣмъ, какія находятся у Патеркула и Флора. Относительно общаго хода событій, лучшіе наши руководители Греки, — Плутархъ, Аппіанъ, и Діонъ Кассій, которые писали въ царствованіе Траяна и Автонина. Краткія, но вѣрныя повѣствованія Саллустія, и драгоцѣнныя намѣтки, разбросанныя въ твореніяхъ Цицерона, вотъ единственные для насъ авторитеты. Чтобы имѣть полное понятіе о политикѣ, сплѣ, умѣ, и даже о патріотизмѣ этихъ предводителей партій, необходимо знать какимъ образомъ самыя партіи были составлены. Мы видимъ всегда партію Сената, или патриціевъ, и партію плебеянъ только въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга. Каждый изъ предводителей пристраетъ въ видѣ поборника къ той или другой сторонѣ. Причина перенѣса одной какой-нибудь партіи открывается для насъ въ ту только минуту, когда побѣдопосная армія кладетъ мечъ свой на вссы. Но причины гражданскаго вліянія на дѣла и власти этихъ новыхъ вельможъ, владычество лицъ въ народныхъ собраніяхъ, тайныя средства, которыми

Сенатъ такъ долго и такъ счастливо поддерживалъ свою силу, — объ этой любопытной и весьма важной части исторіи Рима мы съ трудомъ составляемъ себѣ понятія изъ свѣдѣній, разбросанныхъ у разныхъ писателей. Мы уже сказали, что творенія Цицерона, доставляютъ намъ отрывочныя, но неоцѣненныя и весьма вѣрныя показанія о событіяхъ этихъ временъ, остальную часть извѣстій принуждены мы отыскивать у драматурговъ и поэтовъ, у собирателей анекдотовъ, какъ Валерій Максимъ, у писателей о сельскомъ хозяйствѣ, и даже у грамматиковъ, — словомъ отовсюду, гдѣ только можно получить поясненіе о нравахъ и обычаяхъ народныхъ. Изъ этого можно заключить, какого труда стоило Г. Друманну скопить слое огромное сокровище фактовъ, на которое мы желаемъ въ особенности обратить вниманіе преподающихъ и изучающихъ древнюю исторію.

Подобно всѣмъ значительнымъ революціямъ, переворотъ, свершившійся въ Римѣ, былъ слѣдствіемъ многихъ совокупныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ другъ на друга. Внѣшняя политика республики имѣла всегда вліяніе на положеніе и силу того и другаго сословія гражданъ. Перемена въ состояніи народа измѣнила въ свою очередь систему внѣшней политики. Слѣдствіемъ этого, какъ мы уже сказали, было несоразмѣрное и опасное усиленіе частныхъ лицъ.

Надобно прежде всего замѣтить, что собственно *городъ* Римъ, въ цвѣтущія дни республики, не былъ уже средоточіемъ, откуда истекала распорядительная власть, — и мы делаемъ это замѣчаніе потому, что весьма немногіе имѣютъ ясное понятіе объ этомъ основномъ обстоятельстве Римскаго государственнаго постановленія. Городъ служилъ только сборнымъ мѣстомъ для обширнаго округа, расположеннаго за его стѣнами. Вся власть находилась въ рукахъ сельскихъ *трибъ*, гражданъ, которые жили въ своихъ усадьбахъ, тогда какъ собственно горожане, *plebs urbana*, которыхъ только четыре трибы, изъ числа всѣхъ тридцати пяти, имѣли голосъ на выборахъ, *comitia*, считались презрѣннѣйшею частію Римскаго народа. Они состояли изъ художниковъ, ремесленниковъ, торгашей, — этотъ классъ вовсе не пользовался уваженіемъ, — но главнѣйше изъ отпущенниковъ и ихъ

потомковъ, которые по кореннымъ законамъ республики, могли записываться только въ эти трибы. Самы сенаторы проживали большею частію въ своихъ помѣстьяхъ: Римскій гражданинъ обрабатывалъ свой наследственный участокъ. Избраніе въ почетные государственные чины почти совершенно было во власти этого зажиточнаго, суроваго и самаго независимаго класса плебейвъ, то есть, загородныхъ владѣльцевъ. Они съѣзжались въ городъ для присутствія въ народныхъ собраніяхъ, *comitia*, и всегда первенствовали тамъ передъ городскими трибами, — собирались ли голоса по центуриямъ или по трибамъ; *viatores*, — чиновникамъ посланнымъ отъ консула для приглашенія въ собраніе, — или претору, поставилось въ обязанность обойти весь округъ, который имѣлъ право подавать голоса, и созвать избирателей въ *Forum* или на Марсовое поле, *Campus Martius*. Если бы сохранились до нашихъ временъ списки, въ которые вносились имена подающихъ голоса, по нимъ можно было бы составить себѣ болѣе ясное понятіе о Римскомъ правленіи, нежели изъ самой длинной философической исторіи. По этимъ реестрамъ мы бы узнали, въ какой части народа пребывало истинное и рѣшительное вліяніе на дѣла; можно даже утверждать, что, какъ состояніе Рима клонилось болѣе къ началю, и къ сварливой олигархіи, которой кругъ постоянно уменьшался относительно числа членовъ, то мы непременно увидѣли бы изъ тѣхъ же документовъ, что вліяніе самаго города, то есть, его неугомонной черни, безпрестанно возрастало. Законы, относительно теоріи, оставались тѣ же; во въ практикѣ постепенно произошелъ важный переворотъ.

Многія причины содѣйствовали къ ослабленію вѣсу и числа настоящаго класса плебейвъ-владѣльцевъ, — кореннаго Римскаго народа. Древнее Римское войско не принимало въ свои ряды никого изъ низшаго рабочаго класса горожанъ: силу Римскихъ легионовъ составляли исключительно уѣзды. Во время непрерывныхъ войнъ, часто весьма тяжкихъ для государства, этотъ обычай былъ постоянною причиною истребленія ограниченнаго класса сельскихъ владѣльцевъ. Зло, которое всегда смущало внутреннюю твердость Римскаго народа, именно, долги, накапливаемые бедными хлѣбопашцами во время отлучки по военной службѣ,

болѣе и болѣе усиливалось по мѣрѣ обогащенія патриціевъ : они пользовались бѣдностью своихъ соотечественниковъ для угнетенія ихъ. Равенство правъ и преимуществъ безпрестанно нарушалось ; разлiчiе между бѣдными и богатыми становилось разительнѣе и питало зависть и вражду. Ростовщикъ, foenerator, былъ всегда подѣ рукою, когда слѣдовало прижать «гражданина» за его долги, и заставить его подать голосъ противъ своей совѣсти; и обыкновенно это былъ какой-нибудь сенаторъ или патрицій. Богачи, такимъ образомъ, вопреки положительному закону, прiобрѣли мало-по-малу права заложнаго владѣнiа на участки бѣднѣйшихъ владѣльцевъ-плебесъ, и эти права временемъ укрѣпились до того, что впоследствии самые пылкіе приверженцы стариннаго порядка, изъ патриціевъ, противились возобновленію кореннаго поземельнаго закона и возврату неправильно закабаленныхъ земель. Мы знаемъ изъ Ливіа и Аппіана, что большая часть Римскихъ земель была въ ихъ время собственностію нѣсколькихъ богатыхъ владѣльцевъ, которые обрабатывали ихъ невольниками. Древнее поколѣніе Римскихъ «военно-служащихъ», legionarii, отличавшееся крѣпостію тѣла и воздержною жизнію, быстро исчезло; и эта перемѣна въ составѣ народа, произшедшая оттого что мелкіе и обѣднѣвшіе сельскіе владѣтели или приписывались къ городу или пропадали на заграничныхъ войнахъ, по-необходимости усиливала вліяніе городской черни въ народныхъ собраніяхъ. Право подавать голоса, которое исторгли у сената Италійскіе «союзники Римскаго народа» съ мечемъ въ рукѣ во время кровопролитной и упорной междоусобной войны, нѣсколько удержало перевѣсъ городскихъ гражданъ. Но это лекарство, вмѣсто изцѣленія, еще усилило зло. Чужеземцы толпами отвсюду стекались въ Римъ; народныя собранія превратились въ сцены смятенія и насилія. Даже болѣе отдаленныя части Италіи начали имѣть сильный вѣсъ въ этихъ собраніяхъ. Цицеронъ, въ первомъ своемъ посланіи въ Аттику, говоритъ о своемъ намѣреніи побывать въ Цизальпинской Галліи для собиранія голосовъ въ свою пользу, «потому что, Галліи, очень сильна, кажется, на выборахъ.» Не смотря на это, городскіе избиратели, находясь всегда на лицѣ, неминуемо имѣли всѣ выгоды на своей сторонѣ. Во времена старой республики обычай отбирать

голоса у союзныхъ городовъ или назначать ивъ особыя иста для подавiя голосовъ, былъ рѣшительно неизвѣстенъ, и совершенно противенъ основному порядку правительства.

Отъ этихъ-то разнообразныхъ и противоборствующихъ причинъ, *comitia*, назначаемыя для избранiя правителей и рѣшенiя государственныхъ дѣлъ, совершенно утратили свое достоинство и свою важность. Строгiе законы были изданы противъ употребленiя вооруженной силы, противъ интригъ и подкуповъ, противъ составленiя политическихъ обществъ, *sodalitia*, съ цѣлю дѣйствовать на избирателей; но сами правители, которые вводили эти строгiя узаконенiя, первые нарушали ихъ, когда въ ихъ пользу мало было голосовъ. Кандидаты являлись не только съ вооруженными приверженцами, но даже иногда съ толпою гладиаторовъ; подкупъ не ставился въ срамъ, и производился съ величайшею наглостiю. «Отсюда, говоритъ Луканъ, купленные золотомъ у народа консульства и пагубное хотѣйство у избирателей, которое каждый годъ возобновляетъ борьбу партiй на роковомъ полѣ.» *Sodalitia*, общества, или клубы, болѣе и болѣе учреждались, для устрашенiя или подкупа гражданъ, имѣющихъ право подавать голосъ, а наконецъ выступили на поприще и легионы, — и *sodalitium* диктатора или триумвира было — цѣлая армiя, готовая подкрѣплять его притязанiя.

Невъротное скопленiе богатствъ ознакомило всѣхъ съ роскошью. Пышность патрициевъ колола глаза обѣднѣвшему народу, и возбуждала въ немъ желанiе раздѣлять съ гражданами мiра сокровища, на стяжанiе которыхъ онъ самъ давалъ имъ право и власть. Низпiй классъ народа въ Римѣ существовалъ какъ-бы на счетъ государственной казны: для содержанiя его составлена была богадѣльная касса изъ части сокровищъ, собираемыхъ при завоеванiи провинцiй. Сверхъ-того повременныя раздачи хлѣба, щедрыя ссуды для прокормленiя или для «потѣхи» черни со стороны тѣхъ, которые въ то же время были ея властелинами и рабами, только усиливали развратъ, лѣнь и буйство, и она, живя постоянно въ городѣ и чувствуя свою силу, нѣрѣдко захватывала въ свои руки судьбу выборовъ. Четыре городскiя трибы, въ рукахъ дерзкихъ демагоговъ, подобныхъ Клодию, заставляли

молчать тридцать одну сельскую трибу, настоящес «сословіе Римскихъ гражданъ».

Всѣ эти злоупотребленія, и послѣдствія междуособной войны съ союзниками, до такой степени потрясли государственное устройство, что одна только мощная рука военнаго самодержавія могла избавить Римъ отъ анархіи или совершенной гибели. Благоразумно ли правило дѣлами самодержавіе Силлы, это нѣсколько сомнительно; еще болѣе можно усомниться въ томъ, могло ли оно доставить полную пользу государству, прежде наступленія періода настоящей и неизбѣжной монархіи; но то ясно, что новый правительственный порядокъ, введенный Силлою, который уничтожилъ народную власть и поручилъ все могущество, законодательное и избирательное, одному классу патриціевъ, могъ длиться только до той минуты, пока какой-нибудь полководецъ, имѣя преданное себѣ войско, не вздумаетъ снова провозгласить отнятныя права Римскаго народа и не взволнуетъ этимъ всего государства. И защитникъ этихъ правъ не замедлилъ явиться: тотъ, чье честолюбіе мѣтило въ цари, Цезарь, сталъ въ члѣ народной партіи, единственно потому что мѣсто предводителя аристократической партіи было занято другимъ: партіи тутъ были уже орудіями предводителей, а не предводители поборниками партій.

Жизнь Силлы прольетъ свѣтъ на это положеніе дѣлъ, и ясно представитъ намъ не только весь ходъ, но и причины, событій. Мы увидимъ, какими путями способные люди, выходя изъ мрака безвѣстности, достигали отличій, какъ эти отличія вели къ власти, власть къ богатству, а богатство увеличивало и укрѣпляло самую власть. Сильны и. но преждевременный опытъ Силлы возстановить благоустройство республики помощью законнаго учрежденія аристократіи, покажетъ намъ какъ неизбѣжна была монархія, дѣйствительно основанная въ послѣдствіи необыкновеннымъ умомъ и честолюбіемъ перваго Цесаря, но утвержденная на незыблемомъ основаніи только вторымъ Цесаремъ.

Силла происходилъ отъ одной объединившей вѣтви высокаго рода Корнеліевъ. Отъ рода Корнеліевъ происходили, какъ вѣтви, патриціанскія фамиліи Силлъ, Лептуловъ, Цетеговъ,

Доллабелль и Циннъ; сверхъ-того плебейская фамилія Валлі, и другая Сепеліи, которая не имѣла родового прозванія. Почти первый изъ предковъ Силлы, который достигъ сенаторскаго сана, былъ лишенъ его, несмотря на то, что онъ два раза былъ консуломъ и разъ диктаторомъ, — кончилъ войну съ Самнитамъ и отличился противъ Пирра. Это лишеніе состоялось вѣстію цензора нравовъ, по поводу десяти фунтовъ серебряной посуды, найденной въ домѣ Руфина, и его приписываютъ неприязни К. Фабриція. Руфинъ, говорятъ, былъ скряга. Какая противоположность съ его потомкомъ, котораго несмѣтные сокровища возбуждали зависть всѣхъ, но не пятвали славы Силлы! Внукъ Руфина былъ первый изъ фамиліи, который принялъ имя Силлы, которое, какъ утверждаютъ, есть только сокращеніе слова «Сивилла». Силла такимъ образомъ занималъ первое мѣсто въ республикѣ совсемъ не вслѣдствіе славы своихъ предковъ. Онъ происходилъ — *familiâ prope jam extincta majorum ignaviâ* — «въ фамиліи, уже почти угасшей отъ гнусности предковъ», какъ выражается краснорѣчивый Саллустій. Скупость Руфина доставила мало выгодъ его роду, и также мало славы; потому что Силла былъ весьма бѣденъ, и жилъ въ насномъ домѣ, подъ квартирою одного вольно-отпущенника, который впоследствии, находясь въ опасности потерять голову за укрытіе изгнаннаго диктаторомъ, напомнилъ ему объ ихъ прежнемъ соседствѣ, когда патрицій только тысячею сестерціевъ (около двухъ сотъ рублей) платилъ за свое жилье болѣе нежели вольно-отпущенникъ. Завѣщаніе мачихи, и щедрость богатой любовницы, нѣсколько улучшили его обстоятельство. Въ молодости своей Силла не готовился къ великимъ подвигамъ, подражаніемъ воздержности древнихъ Римлянъ, и не искалъ отличій на поприщѣ ораторскомъ, которые всегда снискивали милость народа для молодыхъ патриціевъ. Другьями и товарищами его были актеры, скоморохи, народныя шуты; и все ученіе его ограничивалось одною Греческою словесностью, которую старикъ Катонъ называлъ языкомъ Рима. Силла любилъ жизнь беззаботную и предавъ былъ безпутству и расточительности. Но наконецъ склонность къ наслажденіямъ уступила мѣсто внезапной жадности славы и могущества. Онъ сталъ добиваться званія квестора,

и, получивъ это мѣсто, былъ отправленъ съ сильнымъ отрядомъ кавалеріи къ войску, которое сражалось противъ Югурты. До того времени, онъ не имѣлъ почти понятія о военной службѣ и это можно отнести къ чудесамъ Римской фортуны, что неопытные юноши вдругъ получали по ходатайству знатныхъ покровителей высшія мѣста въ арміи, и почти также внезапно обнаруживали искусство и отвагу испытанныхъ на поприщѣ битвъ полководцевъ. Грубый Марій съ презрѣніемъ смотрѣлъ на изнѣженнаго сластолюбца, на друга скомоороховъ и пѣвицъ, который еще не видалъ въ лицѣ непріятеля. Но къ концу кампаніи уже не презрѣніе, а зависть къ нему сильно возбуждена была въ Марію, когда онъ въ этомъ безвѣстномъ квесторѣ увидѣлъ опаснаго соперника своей воинской славы, и будущаго состязателя о владычествѣ въ Римѣ. Марію присудили триумфъ, но глаза всѣхъ устремлены были на того, кто взялъ въ плѣнъ Югурту. Въ это время еще между ними не послѣдовало открытаго разрыва. Въ Галліи Силла, подъ начальствомъ Марія, дѣйствовалъ въ званіи намѣстника и военнаго трибуна. Не прежде какъ въ 102 году до Р. Х. рушилось согласіе между ними. Силла оставилъ войско Марія, чтобы принять начальство въ Цизалпинской Галліи. Не смотря на это, на слѣдующій годъ они опять вмѣстѣ воевали противъ Кимброя. Плутархъ приводитъ, — кажется, опираясь на собственные записки Силлы, — странную, но характеристическую причину, отчего Силла не былъ избранъ въ преторы, когда онъ добивался этого званія. Народъ рѣшительно требовалъ, чтобы онъ сперва послужилъ Эдлемъ, — по весьма важной причинѣ: Силла слылъ искреннимъ другомъ Африканскаго царя Бохха, и народу хотѣлось сдѣлать Эдлемъ человека, который имѣлъ столь удобный случай достать для публичныхъ зрѣлищъ столько львовъ сколько ему угодно. Однакомъ Силла былъ назначенъ преторомъ въ слѣдующемъ году, и Г. Друманнъ замѣчаетъ, что въ этотъ промежутокъ времени онъ не щадилъ ничего, чтобы закупить голоса въ свою пользу. Недавно бѣдный и расточительный патрицій, теперь былъ уже въ состояніи преклонить на свою сторону деньгами большинство Римскихъ гражданъ. Говорятъ, что извѣстная древняя поговорка — «Мѣсто твое, потому что ты

его купилъ», вошла въ употребленіе по случаю этого избранія. Однако жъ дорого стоющая покупка новаго чина не истощила Силлы. Преторъ, изъ политики или по своему мотовству, превзошелъ Эдила. На играшахъ Аполлона, сотня львовъ, съ природными Африканскими кошейщиками, привели въ восторгъ чернь Римскую. Африка и Галлія были прищемъ воинскихъ доблестей Силлы: съ такимъ же успѣхомъ подвизался онъ на востокъ; а между-тѣмъ и звезда славы Марія подернулася облакомъ, которое наконецъ разразилось грозой. Царь непобѣдимыхъ Паревовъ въ первый разъ явился съ покорностію къ Римскому полководцу и просилъ союза съ республикою. Преторъ сѣлъ въ свои курульскія кресла, имѣя по одну сторону царя Кападокійскаго, а по другую царя Паревовъ. Но Марія наиболѣе раздражила лель Бохха его счастливому сопернику; Боххъ поставилъ въ Капитоліи золотую статую, которая изображала Югурту, отдающагося въ плѣнъ Силлѣ. Ораторъ Цензоринъ подалъ было доносъ на Силлу, обвиняя его въ полученіи отъ одного изъ союзныхъ царей многоцѣнной взятки; но когда дѣло дошло до доказательствъ, доносчикъ отступился отъ своего извѣта. Впрочемъ, Силла зажалъ оратору краснорѣчивый ротъ золотомъ. Во всякомъ случаѣ, это объясняетъ, откуда притекали къ нему эти сокровища, которыми онъ такъ щедро сыпалъ для достиженія своихъ цѣлей. Начальство на востокъ всегда почиталось средствомъ разжиться для Римскихъ полководцевъ. Болѣе грозная война съ союзниками, которая подымала стукъ оружія почти подъ самыя стѣны Рима, поставила Марія и Силлу въ прямое и открытое содѣйствіе. По обстоятельствамъ времени или по характеру Силлы, поведеніе его было таково, что онъ какъ-нельзя лучше внушалъ страхъ и преданность въ подчиненныя ему войска. Г. Друманинъ едва коснулся этой статьи. Жадность къ грабительству нерѣдко соединяется въ людяхъ съ щедростію къ тѣмъ, которые имъ помогаютъ въ замыслахъ честолюбія; но Силла былъ равно безотчетенъ въ своихъ милостяхъ, и въ оскорбленіяхъ; никто не могъ полагаться на его гнѣвъ или благорасположеніе; онъ всегда готовъ былъ съ рабскимъ униженіемъ ухаживать за тѣмъ, чье пособіе казалось ему нужнымъ, и презирать тѣхъ, которые передъ нимъ унижались;

порой неумолимый до жестокости за малыя обиды, онъ часто великодушно прощалъ важныя преступленія; иногда строгій блюститель дисциплины, онъ нерѣдко оставался хладнокровнымъ зрителемъ, когда мятежные воины побивали каменьемъ своихъ офицеровъ; кака-то грозная таинственность облекала его характеръ и всѣ поступки, и этою то безотчетною, необъяснимою гибкостью и непостоянствомъ своего нрава онъ заставлялъ любить и бояться себя въ войнѣ. Въмѣсто того, чтобы приписывать блистательные успѣхи своимъ высокимъ доблестямъ и своему искусству, онъ избралъ вѣрнѣйшій путь къ обезпеченію себя довѣріемъ солдатъ, выдавая себя за дитя счастья, которому покровительствуетъ сама Фортуна: то внутреннее предчувствіе, то явное предвѣщаніе боговъ показывало и облегчало ему средства къ самымъ изумительнымъ успѣхамъ. Онъ умѣлъ при всякомъ случаѣ искусно воспользоваться, — не лзя сказать религіозными чувствами, потому что въ этомъ періодѣ они почти не существовали, — но закоренѣлыми предразсудками и суевѣріемъ того вѣка. Огненный столбъ, извергнутый вулканомъ близъ Лаверны, жрецы объявляли знаменіемъ, что скоро одинъ изъ великихъ мужей поможетъ конецъ усиливающейся анархіи. Силла, по словамъ Плутарха, тотчасъ присвоилъ себѣ это предсказаніе, и въ доказательство истины его, увѣрилъ, что желтоватый отсвѣтъ огня означалъ его блонкурые волосы.

Проницательность Силлы, дѣрно, показывала ему, что владычество его надъ Римомъ посредствомъ торжества его партіи, уже не зависимо отъ числа голосовъ на Марсовомъ полѣ: онъ видѣлъ, что наступило время, когда одни только его легионы, связанные тѣсными узами собственныхъ выгодъ съ честолюбивыми замыслами полководца, будутъ распоряжаться дѣлами отечества. Достиженіе главнаго начальства въ предстоящей войнѣ съ Митридатомъ, должно было рѣшить, былъ ли ему господиномъ въ Римѣ, или нѣтъ. Какой бы ни случился переворотъ въ Римѣ во время его отсутствія, помощію сокровищъ, которыя онъ надѣялся прибрѣсть отъ одной компаніи на Востокъ, ему легко было поправить свое дѣло, и покупкою продажныхъ голосовъ возратить себѣ благосклонность народа. Главное начальство противъ Митридата значило тогда въ Римѣ болѣе нежели генералъ-губернаторство въ Индіи въ

блаженныя для Англичанъ времена, когда казны раджей и низамовъ не были еще истощены войнами и подарками. Благородный лордъ могъ захватить здѣсь нѣсколько крѣпостей и отдать ихъ Индѣйскому владѣтелю за нѣсколько куруровъ или за большой алмазь; но передъ орлами побѣдоноснаго Рижскаго претора преклонялись цѣлыя государства. Если бы даже случилось, что Марій въ его отсутствіе похитилъ бы власть въ Римѣ, — что онъ и сдѣлалъ при помощи отважнаго негодая, Сулпиція, — и вліяніемъ своимъ заглунилъ весь голоса, благосклонные для Силлы, преторъ могъ поставить противъ Марія сильную армію, которая всегда готова была защищать Силлу, потому что Марій, утвердившись, навѣрное, распустилъ бы ее и другіе пошла бы грабить Востокъ, покоренный ею. Это, безъ сомнѣнія, и поставило Силлу въ возможность повести легионы противъ стѣнъ самаго Рима. Какъ всѣ возмущители, онъ провозгласилъ себя защитникомъ настоящей свободы своего отечества, обвиняя Марія въ угнетеніи Римскаго народа посредствомъ трибуна Сулпиція. И этииъ онъ вдругъ перенесъ власть надъ Римомъ и міромъ въ армію. Мнимая борьба за свободу должна по-наружности, въ которое время производиться по древнему обычаю, — на Марсовомъ полѣ, — во призракъ старой республики, поставленный Силлою вновь на своемъ шаткомъ пѣдесталѣ, только ждалъ новаго толчка, чтобы слетѣть невозвратно и навсегда. Г. Друзаннъ изобразилъ весьма удачно остатокъ внутренней силы древнихъ законовъ Рима, гнѣздящихся въ нихъ начала разрушенія, причины возвышенія Силлы и преграды, которыя воспринимствовали ему ступить выше по лѣстницѣ могущества. Послѣ рѣзкаго, но вѣрнаго изображенія честолюбія и хищности Римскихъ вельможъ, продажности и другихъ пороковъ прочихъ классовъ народа, авторъ продолжаетъ —

«Таковы были аристократія и народъ, которые другъ у друга старались вырвать корннло правленія: нтъ не доставало только предводителей; наконецъ они явились въ лицахъ Силлы и Марія. Эти полководцы не думали объ основаніи новархін: предметомъ ихъ была провинція въ Азіи и начальство въ войнѣ съ Митридатомъ; но раздраженные партіи совершенно отдали себя подъ руководство такихъ знаменитыхъ полководцевъ и стали подъ ихъ знамена. Но

эти предводители не могли еще учредить монархіи. Римъ былъ еще слишкомъ силенъ. Аристократія терпѣла самовластіе Силлы, не столько потому, что оно на будущее время передавало въ ея руки все правленіе, сколько потому, что оно было временное: она взирала на него какъ на перваго изъ своихъ, и не согласилась бы преклонить передъ нимъ колѣно какъ передъ царемъ; къ тому жъ, малѣйшее съ его стороны покушеніе презрѣть выгоды партіи для своего собственнаго интереса, лишило бы его опоры этой партіи, — и весь Римъ возсталъ бы для отраженія угрожающей опасности. Силла не переступалъ этихъ предѣловъ: отсюда слѣдовало, что захваченная имъ власть законодательная и правительственная обращалась вся въ пользу одной партіи, — что еще болѣе раздражило противную партію. Не республика возродилась, но аристократія: но и эта только по наружности. Силла, конечно, во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ порицанія, но въ оправданіе его должно сказать, что иначе нельзя было водворить порядокъ и тишину; явись онъ примирителемъ и посредникомъ двухъ враждебныхъ партій, онъ, вѣроятно, былъ бы оставленъ обѣими. Положеніе дѣлъ было таково, что той или другой непременно надлежало прибрать власть къ своимъ рукамъ; о равномъ раздѣленіи власти между ними нечего было и думать, а для покоренія обѣихъ еще не наступало время».

Силла былъ частію виновенъ, частію невиненъ, въ ужасныхъ бѣдствіяхъ, которыя за тѣмъ послѣдовали. Мечъ на всегда разсѣкъ узлы гражданскаго союза: партіи перешли въ лагерь, и воинъ почувствовалъ свое значеніе. Почти непрерывные походы сдѣлали его чуждымъ гражданской жизни. Военныя поселенія новаго рода явились ужасомъ и грозой Рима. Силла скоро почувствовалъ свою зависимость отъ войска, и потому обратился къ Италіянскимъ союзникамъ. Какъ новые граждане, они, ни подъ какими видами, не могли быть пріятны для древнихъ гражданъ, особенно для аристократіи. Союзники сами чувствовали это, и искали покровительства народныхъ вождей. Требованія ихъ были справедливы, но Силла, какъ глава аристократіи, не хотѣлъ уважить ихъ. Съ распространеніемъ на союзниковъ правъ Римскаго гражданства, основаніе, на которомъ онъ воздвигъ свое мо-

гущество было бы потрясено, и Римъ пересталъ бы быть Римомъ. Но по возвращеніи изъ Азіи, онъ по необходимости примирился съ частию Италиинцевъ; съ другими, особенно съ неукротимыми Самнитамъ, онъ началъ истребительную войну.

Мы не намѣрены входить во всѣ подробности личной исторіи Силлы; и потому не станемъ останавливаться ни на его бѣгствѣ изъ Рима, когда Марію и народной партіи удалось одержать верхъ въ столицѣ; ни на его появленіи среди войска, которое камнями забросало пословъ Марія и Римскаго народа, когда они потребовали, чтобы легіоны покорились рѣшенію, утверждающему за Маріемъ главное начальство въ войнѣ противъ Митридата. Не будемъ также говорить объ его походѣ съ шестью легіонами противъ Рима, когда всѣ офицеры, кромѣ одного квестора, его оставили; объ осадѣ и взятіи штурмомъ города; о вторичномъ похищеніи власти; о поведеніи его во время войны съ Митридатомъ; объ его побѣдахъ и новомъ завоеваніи Италиіи и Рима; о гоненіяхъ, которыя онъ обратилъ на своихъ враговъ. Дѣло въ томъ, что Силла, въ первый разъ послѣ сѣа двадцати лѣтъ, воскресилъ въ своемъ лицѣ санъ диктатора, и по крайней мѣрѣ на короткое время сдѣлался полнымъ властителемъ Рима и произвольно распоряжалъ имуществомъ и жизнію Римскихъ гражданъ.

До сложенія диктаторства, Силла старался упрочить силу своей партіи: онъ совершенно измѣнилъ Римское государственное постановленіе, превративъ его въ чисто-аристократическое. Отважнѣйшіе люди того времени, Помпей и Лукуллъ принадлежали къ владычествующей партіи, и подавали надежду на прочность новой республики. Наслѣдовавъ послѣ его отрѣченія, всю власть, знатныя фамиліи личными выгодами побуждаемы были къ поддержанію существующаго порядка вещей. Хотя его самопроизвольное отрѣченіе, которое почти возбудило негодованіе, казалось необыкновеннымъ поступкомъ, однако онъ оставлялъ правленіе въ рукахъ собственной партіи, которая облечена и утверждена была законною властью, и находилась подъ защитою его многочисленныхъ легіоновъ, которые подобно

ему отдыхали, пресытившись кровію и грабежемъ. Конечно, благодарность торжествующей партіи, была весьма невѣрною порукою за спокойствіе и даже за самую жизнь тирана, отказавшагося отъ своего званія, но страхъ, которой внушало имя Силлы даже тогда, какъ онъ въ роскошной виллѣ своей близъ Пуццолія проводилъ послѣдніе дни жизни въ упительномъ сластолюбіи, — этотъ страхъ, ощущаемый всѣми патриціями, ограждалъ жизнь его отъ всякихъ покушеній.

Спокойствіе Италіи было ограждено цѣпью маленькихъ крѣпостей, занятыхъ побѣдоносными войсками. Онъ лишилъ непризнанныя ему муниципалитеты и многіе города всѣхъ правъ на Римское гражданство, которое они присвоили себѣ съ мечемъ въ рукѣ во время междоусобной войны, и роздалъ ихъ жителямъ, земли, всѣ угодья, словомъ всю ихъ собственность, своимъ воинамъ, въ награду за услуги и для поощренія ихъ къ защитѣ новаго государственнаго уложенія, отъ котораго зависѣли ихъ выгоды. «Такимъ образомъ возникли всенныя поселенія новаго рода; сословіе помѣщиковъ большой части полуострова измѣнилось: на немъ явилось сто двадцать тысячъ новыхъ владѣльцевъ, обладающихъ всѣми правами гражданства. Сверхъ-того, съ самой войны съ Маріемъ, люди, не имѣвшіе ни какихъ правъ, — иноземцы и рабы, — часто подавали голоса въ народныхъ собраніяхъ; строгое наблюденіе за этимъ было невозможно, а честолюбцы и крамольники умѣли пользоваться злоупотребленіемъ, чтобы, посредствомъ наемщиковъ, дѣйствовать на всѣ законенія собраній. Силла даровалъ свободу и права Римскаго гражданства Галламъ, Испанцамъ, и даже десяти тысячамъ рабовъ, которые названы были *Cognelii*, Корнеліями, въ честь своего патрона: онъ хотѣлъ имѣть преданную себѣ партію въ простомъ народѣ, и тѣмъ увеличилъ еще болѣе зло. Съ тою же цѣлію онъ обогатилъ Кризотона, Торрула и Сцирра, собственностью тѣхъ, которые во время гоненій были имъ казнены.»

Припасая себѣ голоса средствами столь низкими, и оскорбительными для духа Римскаго народа, Силла утвердилъ на нѣкоторое время свое новое уложеніе. Привилегіи и преимуществъ, которыми онъ оградилъ свою аристократію, тотъ

часть были бы уничтожены, какъ скоро народная партія возвратила бы утраченную силу, несмотря на почтенную печать древности возобновленныхъ имъ законовъ. Сялла наполнилъ мѣста въ Сенатѣ, сдѣлавшіяся вакантными отъ опалъ и безпрестанныхъ войнъ, и этою благоразумною и строго расширяя основанія аристократіи. Онъ опять вручилъ Сенату судебную власть; ограничилъ могущество трибуновъ, которое они часто употребляли во зло; лишилъ ихъ права принимать участіе въ законодательствѣ. Онъ покушался возстановить древнюю постепенность перехода отъ одной государственной должности до другой — отъ званія квестора до консульскаго сана. Онъ издалъ строгіе уголовные законы, особенно противъ оскорбленія Римскаго величества, *lex majestatis*, подъ которыми подразумевалось всякое, малѣйшее посягательство, силою или промисками, на его государственное уложеніе.

Но, хотя съ возстановленіемъ аристократическаго образа правленія порядокъ водворился, или по-крзвней-шѣрь, было подавлено безначаліе; изкоренить пороки и развратъ, нѣдрящіеся въ семейственомъ быту, истребить зародышъ разстройства и раздоровъ, всегда готовыхъ разразиться кровопролитною и непремиримою бранью, — этого не въ состояніи былъ сдѣлать Сялла. Его патриціатъ не имѣлъ тѣхъ необходимыхъ качествъ и способностей, которыя сама собою служатъ опорой и составляютъ душу аристократическаго правленія. Члены его Сената принадлежали не къ тѣмъ знаменитымъ древностью родамъ, которыхъ права на уваженіе согражданъ были бы приобрѣтены непрерывнымъ рядомъ славныхъ предковъ и восходили отъ основанія Рима; которыхъ имена внушали бы къ себѣ почтеніе, такъ охотно воздаваемое фамиліямъ, прославленнымъ въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Необходимость пополнить праздыя мѣста тощаго сената, ввела туда людей, избранныхъ прихотью и своекорыстною помяткою диктатора, или, что еще хуже прихотью народа. Это была аристократія земскихъ владѣльцовъ, значительныхъ помѣщиковъ; но они владѣли своими богатыми помѣстьями на основаніи правъ нечистыхъ и сомнительныхъ, которыя возбуждали въ другихъ гражданахъ зависть и негодованіе. Древній законъ о раздѣленіи земель, *lex agraria*, какъ мы те-

перь его понимаемъ, не давалъ Римскому гражданину никакихъ правъ на земли, составляющія государственное имущество; насильственное похищеніе этихъ земель у казны было очевидно; равно очевидно было незаконное поселеніе рабовъ на такомъ огромной пространствъ казенной земли, вѣсто свободныхъ гражданъ, — и все это было такъ ясно и очевидно, что нельзя не удивляться какимъ образомъ человекъ, съ такими возвышенными чувствами, какъ Циціонъ Назика, могъ быть до того увлеченъ духомъ партіи, что рѣшился всеми средствами, даже смертью противниковъ, препятствовать возвращенію, или-покрайней-мѣрѣ правильному раздѣлу самовольно захваченнаго имущества государственнаго. Другіе источники чрезмѣрныхъ богатствъ новой аристократіи, — хищничество, грабежи и насильственные поборы съ завоеванныхъ провинцій, — сколько ни давали ей средствъ управлять мѣтніемъ и голосами, не могли внушить уваженія: на эти сокровища съ завистью смотрѣли и тѣ, которые почитали себя равно достойными этого счастья, и тѣ, кому слабость не позволяла достигать тѣмъ же путемъ до отличій и знаменитости. Но, болѣе всего, зыбкое положеніе дѣлъ Рима происходило отъ величія сыновъ его. Не будь въ нѣдрахъ его частныхъ людей, которые по своему богатству и колоссальности своихъ замысловъ, были скорѣе цари чѣмъ граждане или вельможи, онъ могъ бы отдохнуть подъ свѣтло утвердившейся правильной формы правленія; къ несчастію обладаніе цѣлымъ міромъ не совместно было съ внутреннимъ спокойствіемъ: поводы къ состязанію и соперничеству, — званіе главнокомандующаго, санъ проконсула, претора, — были такъ огромны, что соперники не могли довольствоваться законными средствами. Какому-нибудь Лукуллу или Крассу хотѣлось быть первымъ богачемъ въ мірѣ: следовало ожидать, что явится Цезарь, которымъ овладѣть прихоть быть первымъ человекомъ въ этомъ же мірѣ. Со всемъ тѣмъ, преобразованиемъ Силлы, подкрѣпленныя остаткомъ почтенія къ древнимъ кореннымъ законамъ государства, нѣсколько отодвинули неизбежный переходъ республики къ монархіи. Состязаніе двухъ противныхъ партій, на нѣкоторое время, ограничилось стѣнами Рима, прежде нежели онъ рѣшился окончить споръ битвою при Фарсалии и Акціумъ. Этотъ мирный промжу-

токъ даль удобный случай гражданскимъ дарованіямъ Марка Туллія Цицерона вступить въ соперничество съ Помпеемъ и Цезаремъ съ надеждою опередить ихъ на пути къ почестямъ. Пока Римъ былъ мѣстою спора, Цицеронъ могъ еще спасти республику отъ Катилины или Клодія; но онъ принужденъ былъ уступить когда легионы Антонія и Цезаря стали рѣшать судьбу отечества на чуждомъ ему поприщѣ, — поляхъ сраженія.

Цицеронъ есть второе замѣчательное лице, котораго подробная біографія вошла въ первыя двѣ части творенія Г. Друманна. Слабости и тщесловіе этого необыкновеннаго чело­вѣка не должны затмѣвать его высокіхъ достоинствъ: недостатки Цицерона проистекали отъ его положенія; но значеніе, котораго онъ достигъ, принадлежитъ исключительно ему. Безъ воинскихъ дарованій и безъ славы побѣдъ, онъ былъ однако жъ могучъ, властвовалъ одними только гражданскими доблестями, и при помощи ихъ сталъ на ряду съ Лукуллами, Помпеями и Цезарями. Въ Римѣ былъ еще остатокъ древней Римской добродѣтели, ес­ли­два такихъ чело­вѣка, какъ Цицеронъ и Катонъ, — тотъ помощію одного краснорѣчія, другой единственно непреклоннымъ характеромъ древняго Сабинянина, — сохранили свое положеніе и вліяніе во время конечной бури, которая смяла и уничтожила республику. До-сихъ-поръ Г. Друманнъ даетъ намъ только одинъ эпизодъ изъ жизни Цицерона, — его вражду съ Клодіемъ и участь, которой его подвергло мщеніе Антонія.

Г. Друманнъ слишкомъ безпристрастно осуждаетъ ошибки Цицерона, и намъ кажется, что онъ не отдаетъ должной справедливости его характеру. Мы не станемъ винить автора въ томъ, что онъ явно благопріятствуетъ монархическимъ видамъ Марка Антонія; но затруднительное положеніе безоружнаго Цицерона среди соперниковъ, которые предводительствуютъ огромными арміями, объясняетъ, и даже оправдываетъ, нетвердость и колебанія великаго оратора. Цицеронъ, какъ и другіе его современники, можетъ быть обвиняемъ въ томъ, что онъ развращалъ подлинный характеръ Римлянъ введеніемъ иноземныхъ обычаевъ, мнѣній и модъ: но какъ сохранить этотъ характеръ въ его первобытной чистотѣ,

когда Римъ въ чертъ своихъ владѣній заключаетъ Грецію и Востокъ? и стоило ли труда стараться о сохраненіи грубаго и варварскаго величія вразовъ временъ Цинциннатовыхъ и Эмилиевыхъ? Нынѣшніе писатели исторіи помышляли на словъ образованность, — цивилизація, — хотя никто изъ насъ не можетъ навѣрное сказать, что такое образованность, о которой мы непрерывно толкуемъ. Если образованность народа, или вообще государства, состоятъ въ высшемъ нравственномъ совершенствѣ и должно почитаться благомъ челоуѣчества, то мы никакъ не смѣемъ поставить въ примѣръ, древняго гражданина Римской республики. Это былъ дикарь; съ благородными побужденіями, но всё-таки дикарь. Онъ упорно отстаивалъ свою мнимую свободу и готовъ былъ пожертвовать собою за независимость и величіе Рима: но зато не былъ ли онъ свирѣпый варваръ въ отношеніи къ соотечественникамъ, не пользующимся правами гражданства, и къ независимости другихъ народовъ? Древніе коренные законы Римской республики много содѣйствовали къ ея величію и славъ, но они не могли предохранить ея отъ паденія; напротивъ того, они, по существу своему, должны были ускорить паденіе. Есть ли какая-нибудь возможность, или сообразность, въ угожденіе старинному закону, объѣдать деревянною ложкою, когда вы обладаете серебромъ всего извѣстнаго міра? Эти законы были хороши для одного города, для одной области, бѣдной и мало населенной, но не для огромнаго государства въ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ жителей въ одной межѣ.

Но если вліяніе завсѣванаго Востока на Римъ было неизбежно, то какъ благороденъ Цицеронъ въ сравненіи съ своими современниками, когда мы сообразимъ направленіе, которое онъ далъ этому вліянію! Тогда какъ другіе вносили въ Римъ сокровища Востока, чтобы покупать голоса и честь согражданъ, его чувственную роскошь, чтобы развращать нравственность, его предрасудки и суевѣрія, чтобы исказить религію. Цицеронъ пересаживалъ на Римскую почву мудрость, изящный вкусъ и изуки Греціи. Книги, произведенія искусства, образцы краснорѣчія, свѣтъ философій, вогъ богатства, которыхъ онъ пожиналъ въ ирабощенныхъ провинціяхъ. Если онъ не пренебрегалъ случаемъ наживать себя и другаго рода богатства, въ Азійскихъ провинціяхъ, кото-

рыми доставалось ему управлять, зато онъ щедро расточалъ ихъ на пользу образованности своего отечества. Кто изъ Римлянъ соединялъ въ себѣ въ такой высокой степени двойное достоинство человека государственнаго и ученаго? Занятія его, ученныя и литературныя, никогда не препятствовали ему принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ отечества; но и среди хлопотливыхъ обязанностей правителя онъ всегда умѣлъ сохранить спокойное величіе ученаго и философа. Несмотря на насмѣшку Ювенала, которая укрѣпила за Цицерономъ славу дурнаго поэта, сочиненія его доказываютъ, что въ этой душѣ было много поэзін. Какъ ораторъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго; какъ философъ, онъ, не будучи оригинальнымъ, ни глубокомысленнымъ, сосредоточилъ въ своихъ твореніяхъ, писанныхъ живымъ и свѣтлымъ Латинскимъ языкомъ, всю мудрость различныхъ Греческихъ школъ; и сверхъ-того онъ служилъ сильною опорой партіи сената, то есть, существующаго закона, противъ всѣхъ его враговъ, — противъ Катилины, Клодія, Антонія. Если онъ любилъ похвастать, по-крайней-мѣрѣ нельзя сказать, чтобы въ слѣдующей похвалѣ, которую онъ воздалъ себѣ, каждое слово не было справедливо: «Отечество и друзья постоянно находили во мнѣ усерднаго слугу, и между-тѣмъ я успѣлъ, безпрерывными трудами, соорудить себѣ множество всякаго рода памятниковъ, стараясь всегда, чтобы мои ночныя бдѣнія, и моя письма, юношеству приносили какую-нибудь пользу, имени Римскому сколько-нибудь славы.»

Борьба Цицерона съ Клодіемъ началась уже послѣ уничтоженія заговора Катилины. Отступникъ отъ своей собственной касты всегда бываетъ самый опасный демагогъ. Клодій, который въ то время потрясъ спокойствіе Рима и государственное уложеніе Силлы возмутительными возваніями къ черни, происходилъ отъ рода Клодіевъ, самого аристократическаго изъ всего Римскаго дворянства. Поведеніе Цицерона при началѣ происковъ Клодія было загадкою и для почитателей и для противниковъ великаго оратора. Сперва онъ не принималъ ни какихъ мѣръ противъ него; потомъ довольно слабо преслѣдовалъ Клодія за его наглое нарушеніе обрядовъ доброй богини; наконецъ вдругъ вооружился уже во время процесса. Непримируемую вражду, которую

Цицеронъ внезапно обнаружилъ къ нему, Плутархъ приписываетъ сплетнѣ, — будто-бы ораторъ былъ раздраженъ противъ Клодія своей женой Терезіей. Терезія подозрѣвала въ мужѣ намѣреніе развестись съ нею и жениться на сестрѣ Клодія. Г. Друманнъ довольно основательно опровергаетъ всю эту сплетню. Въ самомъ дѣлѣ, Цицеронъ изъ уваженія ко своему сану и дорожа общиннѣ мнѣніемъ, не могъ думать о бракѣ съ распутною женщиною. Къ тому же, нѣтъ ни какихъ доказательствъ его намѣренія развестись съ женою: а ежели это намѣреніе было, то какъ могла Терезія имѣть столько власти надъ мужемъ, чтобы управлять имъ въ подобномъ случаѣ. Г. Друманнъ приписываетъ ненависть Цицерона къ Клодію ѣдкой насмѣшкѣ этого демагога. Разругавъ всѣхъ другихъ своихъ противниковъ, Клодій прибавилъ: «А что касается до Цицерона, то онъ все открылъ!» Цицеронъ какъ извѣстно, часто повторялъ таинственное выраженіе «Я все открылъ!» — *me comperisse omnia*, — во время заговора Катилины, прежде нежели онъ собралъ достаточныя доказательства для явной улики заговорщиковъ. Конечно, эта язвительная колкость могла раздражить Цицерона, потому что онъ былъ весьма чувствителенъ къ насмѣшкамъ. Но Г. Друманнъ, кажется, приписываетъ ей слишкомъ много вѣсу. Какъ бы то нибыло, всѣ великіе люди того времени, Цезарь, Крассъ, Помпей, Катонъ, Гортенсій, Цицеронъ, дѣйствовали въ знаменитомъ процессѣ Клодія. Цезарева жена была замѣшана въ этомъ дѣлѣ. Поруганіе обрядовъ Доброй богини Клодій совершилъ у ней въ домѣ, очевидно, не безъ ея согласія, потому что, не бывъ увѣренъ въ милостивомъ приѣмѣ со стороны хозяйки, онъ едва-ли, осмѣлился бы ночью проникнуть во внутренніе покои знатной Римлянки. Впоследствии едѣлавшись самовластнымъ, Цезарь гордо говорилъ — «Жена Цезаря не должна быть подозрѣваема», но въ этотъ случаѣ, имѣя уже тайное намѣреніе возбудить плебейскую партію, оскорбленный и обезславленный преступленіемъ Клодія, онъ молчалъ, потому что не хотѣлъ потерять въ этомъ демагогѣ полезнаго орудія, для своихъ будущихъ видовъ. Крассъ внезапно явился сторону Клодія, и своими сокровищами подкупилъ судей. Помпей возвратился въ Римъ, во время этихъ волненій, и, по обыкновенію, приставалъ то къ той то къ дру-

гой сторонѣ, чѣмъ наконецъ онъ лишился доверія обвиняемыхъ. Строгий Катонъ рѣшительно настаивалъ на принятіи наказанія святотатства и оскорбленія народной нравственности. Сговорчивый Гортенсій далъ себя обмануть искусными изворотами приверженцевъ Клодія. Цицеронъ, который только-что вышелъ со славою изъ опасностей заговора Катилины, быть-можетъ, не хотѣлъ тотчасъ вступить въ состязаніе съ новымъ противникомъ. Сверхъ-того авторъ философическихъ твореній «О естествѣ боговъ» и «О враждѣ», конечно, не могъ взирать на обиду Доброй богини съ омерзевіемъ изувѣра. Онъ, вѣроятно, порицалъ Клодія только за несправедливое оскорбленіе народной религіи, но не былъ убѣжденъ въ безбожествѣ. При такомъ положеніи дѣла, все зависело отъ согласія и твердости Сената. Цицеронъ полагалъ, что онъ частнымъ вліаніемъ на главныхъ дѣйствующихъ лица скорѣе достигнетъ цѣли нежели прямымъ вѣщательствомъ. Въ сенатѣ онъ воспламенялъ Помпея своимъ красноречіемъ; угожденіемъ и привѣтливостію привлекалъ къ себѣ Красса; и такъ какъ Цезарь, по своимъ семейственнымъ отношеніямъ, не осмѣливался явно принять стороны Клодія, то этотъ демагогъ, казалось, всеми былъ оставленъ и не могъ избѣгнуть позорной казни. Сенатъ рѣшилъ большинствомъ четырехъ сотъ голосовъ противъ пятнадцати предать его суду. Но теперь главный вопросъ состоялъ въ томъ, — гдѣ его судить, въ обыкновенномъ ли судилищѣ или болѣе безпристрастнымъ судомъ комиссіи, назначенной преторомъ? Гортенсій, ложно циничая силу Клодія, и полагаясь на очевидность его преступленія, склонилъ Сенатъ отправить дѣло въ обыкновенный судъ. Тогда Крассъ положилъ золото свое на вѣсы правосудія; употреблены были все средства къ подкупленію, даже дамскія прелести, и Клодій оправданъ большинствомъ тридцати голосовъ противъ двадцати пяти. Цицеронъ явился въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, и совершенно опровергъ доказательства Клодія, будто онъ во время совершенія святотатства находился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; и дѣло все-таки рѣшилось въ пользу обвиненнаго.

Со времени этой побѣды фортуна Клодія стала возвышаться, а Цицерона упадать. Въ продолженіе процесса, между ними возникла смертельная вражда, а Клодій былъ не изъ

тѣхъ, которые не умѣютъ пользоваться случаемъ отмстить за себя. Изъ всего, что этотъ опасный человекъ нарочно волновалъ народъ и старался усилить свое могущество единственно для того, чтобъ излить свою злобу на Цицерона, и отмстить ему за всѣ громы его краснорѣчія.

Во время перваго триумвирата, утвердившагося въ противность кореннымъ законамъ республики, Клодій, для котораго ничего не стоили всѣ законы, казался похитителемъ власти полезнымъ и драгоценнымъ орудіемъ. Хотя онъ явно присоединился къ плебейской сторонѣ, однако жъ былъ въ союзѣ съ Цезаремъ. Цицеронъ, наслаждаясь уединеніемъ въ своемъ селѣ, не принималъ участія въ дѣлахъ: при послѣднемъ издыханіи законнаго порядка, должность поборника его и главы Силовой аристократіи упразднилась сама собою.

Но усиленіе народной партіи, посредствомъ присоединенія къ ней Клодія съ его плебеями, непримѣтно произвела всеобщій переворотъ въ государствѣ. Вслѣдствіе его узаконеній городъ Римъ поглотилъ все управленіе государствомъ, и въ то же время сдѣлался неспособнымъ править чѣмъ бы то ни было. Сила и власть перешла въ руки низкой черни, по-крайней-мѣрѣ на то время, когда она не видѣла передъ собою арміи. Щедроты въ пользу бѣдныхъ привлекали отовсюду въ столицу всѣхъ безпутныхъ тунеядцевъ, и до чрезмѣрности увеличили классъ буйной черни. Въ самомъ началѣ, черезъ содѣйствіе Клодія, изданъ былъ замѣчательный законъ, который предоставлялъ бѣднымъ горожанамъ пятую долю всѣхъ государственныхъ доходовъ. Даровая раздача хлѣба, который до тѣхъ поръ продавался по низкимъ цѣнамъ, теперь была учреждена закономъ, который служитъ доказательствомъ раболѣпства Клодія передъ возрастающею силою черни, и весьма увеличилъ его вліяніе на толпу. Историкъ Аппіанъ говоритъ, что послѣ этого закона стеченіе въ Римъ всякаго сброду возросло до невторятнаго числа, и что самый городъ отъ него распространился. Другіе два закона Клодія имѣли прямою цѣлію уничтоженіе власти аристократіи: одинъ лишалъ патриціевъ драгоценнаго права, когда два клонились не въ ихъ пользу, прекращать народныя собранія объявленіемъ неблагопріятныхъ предзнаменованій неба, которыя являлись однимъ предоставлено было наблюдать; другой

законъ отивнялъ власть ценсоровъ, требуя для обвиненныхъ публичнаго суда прежде лишенія сана. Четвертый законъ явно клонился къ увеличенію власти собственно городскихъ жителей: Клодій возстановилъ гильдіи и ремесленные цѣхи, или городскія братства, уничтоженныя въ 68 году до Р. Х. по причинѣ своей опасности для спокойствія столицы. Въ республикахъ, основанныхъ на торговлѣ, каковы были Флоренція и Голландія, гильдіи составляли богатство и силу государства, но въ Римѣ торговля находилась въ рукахъ самаго низкаго класса народа. Клодій имѣлъ въ виду, не составленіе общинъ ремесленныхъ, но цѣлыхъ инакъ и скопищъ вооруженныхъ людей. Онъ имѣлъ теперь предлогъ брать къ себѣ въ сподвижники рабовъ и всякую сволочь. Съ помощію головъ этихъ гильдій и цѣховъ, ему не трудно было приводить ихъ въ движеніе и щедрою раздачею денегъ и обещаній побуждать на всякое предпріятіе, такъ, что у него было теперь всегда готовое войско. Пока Цезарь приготовлялъ переворотъ, онъ благопріятствовалъ существованію этого множества цѣховъ, но сдѣлавшись диктаторомъ, онъ уничтожилъ всѣ вновь учрежденныя, и дозволилъ только двѣнадцать древнихъ общинъ. Впослѣдствіи Августъ употребилъ подобную же мѣру. Калигула возобновилъ уничтоженныя цѣхи, и Клодій опять ихъ отивнялъ.

Дѣйствіе этого «царствія ужаса» было чрезвычайно пагубно; оно удалило здравомыслящую часть гражданъ отъ этихъ шумныхъ и буйныхъ народныхъ собраній. Хотя, по уложенію, все-еще классъ гражданъ, владѣющій помѣстьями и богатый, считался настоящимъ законодателемъ, однако жъ чернь, не имѣющая ни какой собственности пользовалась въ собраніяхъ рѣшительнымъ перевѣсомъ. Многочисленное рабство, и вошедшія въ обычай постыдныя увеселенія Рима, развращая нравственность, ожесточали сердца и увеличивали снѣтенія. Невольники и гладіаторы, по первому знаку, готовы были служить орудіемъ, первые страшному Римскому О'Коннелю, вторые его врагу Цицерону, и превратить Марсово Поле въ сцену буйствъ и кровопролитій. Судьбы Рима въ некоторое время зависли отъ вооруженныхъ разбойниковъ Клодіи и Милона. Аристократія была принуждена употребить одинаковыя средства съ своими противниками. Въ про-

твоемощность радикальнымъ клубамъ учреждались клубы консервативные, и Милонова ватага гладиаторовъ защищала Сенатъ и приверженцевъ Силлова уложенія противъ черни, пока Милонъ не убилъ Клодія и не остановилъ этимъ распри до начала сраженія въ самыхъ стѣнахъ Рима.

Въ такомъ положеніи дѣлъ только военная сила могла возстановить порядокъ, подчинивъ своей грозной волѣ обвѣраждующія партіи. Мы пропускаемъ весь періодъ смутъ, и можно сказать — безначалія, который наступилъ непосредственно послѣ этого происшествія и кончился убіеніемъ диктатора Цезаря вслѣдъ за короткимъ тріумвиратомъ, или тройнымъ деспотизмомъ. Въ продолженіе этого періода Цицеронъ является одинъ великимъ человекомъ, одинъ онъ — важный поборникъ кореннаго государственнаго уложенія, между Антоніями, Помпеями-Младшими, Лепидами и Октавианами, изъ которыхъ каждый думаетъ только о присвоеніи себѣ верховной власти; Цицеронъ, безоружный между полководцами, гражданинъ между солдатами. Его упрекали въ недостатокъ твердости и рѣшимости: но что могъ онъ сдѣлать противъ нѣсколькихъ армій? Смерть Цезаря не принесла ни какой пользы аристократіи, которая вооружила руку Брута. Цицеронъ могъ бы, конечно, отвратить опасность появленія преемника Цезарю; онъ могъ бы побудить къ принятію сильныхъ мѣръ противъ Антонія; онъ могъ бы даромъ своего краснорѣчія разгромить врага, стоящаго у веретъ города, или даже въ самомъ городѣ; онъ могъ бы, во время долгихъ переговоровъ и кампаній, которая кончилась битвою при Моденѣ, убедить колеблющійся Сенатъ и равнодушный народъ къ согласію, къ совокупленію всѣхъ силъ, къ бездрости; онъ могъ бы даже рѣшиться на опасную попытку возсоздать прежнюю Помпееву партію подъ начальствомъ сына Помпеева; но Сенатъ былъ уже безъ вѣсу и безъ власти, войска перестали повиноваться, народъ требовалъ хлѣба, безчисленныя толпы невольниковъ ждали только приказанія своихъ патроновъ чтобы нарушить спокойствіе города. Древніе патриціи потеряли значеніе, коренные плебейскіе роми исчезли, утратили свою независимость, или подавлены были смѣшанною городскою чернью. Государственный ко-

рабль кружился безъ баласта надъ бездною, и служилъ игралищемъ вѣтрамъ.

Корпелль, Вольтеръ, и другіе поэты «классической школы», напитанные духомъ Цицерона и Лукана, представляли Римскую свободу и Римскія добродѣтели въ самомъ блестящемъ величественномъ видѣ, и старались возбудить къ нимъ удивленіе Европы. Европа удивлялась, и такъ чистосердечно, что Французская республика, жалкая карриатура Римской, была конечнымъ результатомъ звучныхъ стиховъ полудюжины классическихъ трагиковъ и поэтовъ. Но картина Рима, которую мы здѣсь представили, показываетъ, какъ мало заслуживаетъ онъ удивленія. А что дѣлалось за Римомъ? Какъ ни угнетательно было областное управленіе во времена имперіи, при республикѣ оно было во сто разъ хуже. Стоитъ только припомнить злую насмѣшку Тиверія, который позволялъ губернаторамъ провинцій оставаться какъ-можно дольше при своихъ мѣстахъ. «Римская провинція похожа на голаго челоуѣка, который, какъ говорятъ басня, лежалъ у дороги, покрытый комарами и просилъ прохожихъ не стонать съ него комаровъ, потому что сидяція на немъ насѣкомыя уже насытились его кровью, а мѣсто ихъ могутъ заступить другіе голодные рои». Римскія народныя собранія, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, каждый годъ посылали въ провинціи новыя стаи такихъ кровососовъ. Наглость, съ какой они грабили несчастныя области, превосходитъ всякое понятіе: Турецкіе паши-ангелы кротости и безкорыстія въ сравненіи съ Римскими губернаторамъ. Это даже не ставилось въ порокъ гражданину властителю міра, и въ исторіи можно было прослыть «мужемъ доблестнымъ», *vir probus*, и образцомъ всехъ гражданскихъ добродѣтелей, ограбивши четыре области въ четыре года своего губернаторства. Великій Катонъ, стоикъ Брутъ, Цицеронъ «отецъ отечества», всѣ трое были безбожные взяточники. Никогда «Римская образованность» не утвердилась бы въ провинціяхъ и не принесла бы челоуѣчеству тѣхъ благъ, которыхъ плоды мы и теперь еще пожинаемъ отъ Мессины до Архангельска, если бы Римъ остался республикой. Это было не правленіе, а разбой. Первая польза, какую принесло порабощеніе столицы триумвирами и дикта-

төрөкь состояла въ томъ, что провинціи начали дышать свободнѣе. Смерть Цезаря была только началомъ новаго періода анархіи, грабительства, междоусобія, въ продолженіе которыхъ Римскія провинція испытали всевозможныя бѣдствія отъ губернаторовъ, полководцевъ и враждующихъ армій. Грабители снискались съ неизвѣстною быстротою; каждый изъ нихъ возвращался съ царскими богатствами, и это продолжалось, доколѣ имперія окончательно не утвердилась. Вотъ для какого результата, для какой «свободы», Брутъ вооружился кинжаломъ гнуснаго убійцы и за что исторія и поэзія придали ему имена «великаго гражданина» и «освободителя отечества»! Ничто не показываетъ разительнѣе безсилія партіи, которая вздумала нанести *рѣшительный ударъ*, — *frapper un grand coup*, — какъ неспособность воспользоваться выгодами своего преступленія, совершеннаго безъ толку, безъ плану, даже безъ предварительнаго согласія съ тѣми, въ чьи руки естественно должны были перейти бразды правленія, когда онѣ выпадутъ изъ рукъ низверженнаго Цезаря. Зачинщики не подумали о томъ, что, узнавъ о злодѣяннѣ, Цезаревы ветераны, вѣроятно, не признаютъ надъ собою власти предводителей старой республиканской партіи, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы эти предводители отступились отъ сношенія съ его убійцами, что войска не окажутъ повинновенія сенату; что распродавшае по частямъ аристократія не соединится въ одно твердое тѣло; что народъ едва ли преклонитъ передъ ней колѣни, и, при воззваніи къ свободѣ, навѣрное не станетъ подъ знамена вождя аристократовъ Цицерона, какъ они и называли себя національною партіею, представителями кореннаго порядка вещей, защитниками древнихъ Римскихъ учреждений. Убійцы стояли надъ трупомъ оставленные всеми. Торжественная рѣчь, которою долженъ былъ увѣнчаться ихъ подвигъ, не нашла слушателей; злодѣяннѣ говорило само за себя, и такъ грозно, что Римъ съ ужасомъ отшатнулся отъ нихъ, — сперва сенатъ, которому не хотѣлось принять на себя часть проклятій, сдѣлававшихъ злодѣяннѣ, — потомъ и самый народъ. Никто не пошевелился, когда они, какъ бѣглые рабы, приказавъ нести впередъ шапку свободы на палкѣ, подъ

защитою своихъ окровавленныхъ княжаловъ и гладиаторовъ. шли черезъ форумъ и взымали изъ sorprendantes в подеръ- пленій, утвряя всѣхъ, что вѣчно боятся какъ скоротярши не стало на свѣтъ. Последний изъ нихъ являлся Цицеронъ, котораго Брутъ называлъ «отцомъ отечества». Подъ предлогомъ воздать благодареніе богамъ, они удалились въ Капитолю.

Относительно послѣдующихъ событій Г. Друманнъ справедливо жалуется на рѣдкость чиселъ въ повѣствованіи древнихъ. Онъ отдаетъ преимущество Аппіану передъ Диономъ и Плутархомъ, за силу, съ какою тотъ изобразилъ характеры и происшествія того времени, но находитъ, что событія у него перепутаны. Надписи и медали предлагаютъ болѣе вѣрное пособіе, но онѣ не многочисленны. Авторъ думаетъ, даже, что и самъ Eckhel, который упрекалъ своихъ предшественниковъ въ отсутствіи исторической критики, расположилъ медали въ логичномъ порядкѣ.

Первый страхъ прошелъ скоро все увидѣли, что заговорщики не имѣютъ ни натрениръ, ни силъ, дозвать амальгаму свое надъ городомъ грабежейъ и убійствами; и Римскіе граждане мало-по-малу начали прислѣваться къ коймиліи другой партіи. Которые были по слабѣе и не могли выступить въ баръбу одни, тѣ изъявили усердіе къ свободѣ и республикѣ, то есть, къ аристократіи, возстановленной Силлою; кто надѣялся заступитъ вѣсто Цезаря, тотъ присоединился къ его мотетелю, Антонію. Но кто же были Римляне, собравшіеся вечеромъ пятнадцатаго марта въ Капитолий вмѣстѣ съ «свободителями»? Цицеронъ, жаждущій господствовать своимъ краснорѣчіемъ въ форумъ и своею славою въ сенатѣ, — и горсть людей, которыхъ убійцы прежде не считали достойными участвовать въ заговорѣ, и которые теперь старались выдавать себя за ихъ соумышленниковъ, чтобы получить наравнѣ съ ними почести и награды. Въ числѣ этихъ людей были Лентуль, Спитеръ, Фавоній, Аквинось, К. Октавій, Бальбъ, Маркъ Патискъ и другіе, которымъ Г. Друманнъ даетъ краткія характеристики. Замѣчательно, что тутъ являлся и Долабелла, которому хотѣлось удержать за собою санъ

консула, пожалованный ему Цезаремъ; однако жъ онъ явился уже на другой день.

Послѣ того какъ время было потеряно въ пустыхъ поведеніяхъ и въ привошеніи благодарности богамъ, Цицеронъ предложилъ, чтобы Брутъ и Кассій, въ аваніи преторствъ, тотчасъ созвали сенатъ въ Капитолію, потому что надо воспользоваться отъягою благонамѣренныхъ, уныніемъ и смятеніемъ противниковъ, и *дѣйствовать*, то есть, отъбнѣи въ постановленія диктатора и раздать почетныя мѣста тѣмъ, которые могутъ подкрѣплять и защищать сенатъ. Консуль Антоній укрывался; консуль Долабелла, товарищъ его, въ первый день не приходилъ. Цицеронъ обдумалъ этотъ плащъ, чтобы избѣгнуть безначалія, но его не послушались: педанты, которые любятъ дѣлать все *по порядку*, рѣшили, что надо ждать, пока кто-нибудь изъ консуловъ придетъ распорядиться. Антоній не былъ лишень своего сана, и не отрѣкался отъ него; однако жъ мнѣнія его были довольно извѣстны; а Долабелла, не смотря на вражду къ Антонію, не хотѣлъ быть другомъ освободителя: по этой-то причинѣ Цицеронъ желалъ отрѣшить его. Цицеронъ справедливо думалъ, что убійствомъ Цезаря не все кончено; что союзъ съ приверженцами умерщвленнаго невозможенъ; что, такъ-какъ пощадили ихъ жизнь, надо скорѣе лишить ихъ всѣмъ властью и силой. Но онъ весьма ошибался, если надвѣялся этого слѣдствія отъ сенатскихъ указовъ: если *дѣйствовать*, то надобно было привлечь деньгами народъ, утолить ненасытную жажду ветерановъ золотомъ, поколебать могущимъ металломъ ихъ приверженность къ Цезарю, захватить, безъ околѣностей, государственную казну; словомъ, противопоставить силу силѣ.

Всего забавнѣе видѣть, что уваженіе къ стариннымъ формамъ удерживало въ такое время всѣ мѣрны заговорщиковъ, и даже самаго Цицерона. По древнему закону, одинъ только Консуль имѣлъ право возстановлять порядокъ дѣлъ въ правленіи, — и они добродушно надвѣялись, что Антоній, какъ Консуль, придетъ дѣйствовать за нихъ, съ благоразумною утѣренностью, пожертвуетъ мѣстною и своимъ честолюбіемъ, и станетъ рдять за-одно съ убійцами Цезаря.

Отъ этой точки у древнихъ писателей начинается лабиринтъ, изъ котораго не лзя найти выхода, не опредѣливъ сперва точнаго времени собранія сената въ храмъ земли. Сенатъ собрался, какъ мы тотчасъ увидимъ, семнадцатаго марта. Цѣлыя сутки шестнадцатаго числа Брутъ съ товарищами оставался въ Капитолин, и Антоній между-тѣмъ успѣлъ захватить сокровища и бумаги Цезаря. Анниавъ говоритъ, что это случилось за день до собранія сената, слѣдовательно тотчасъ послѣ убійства. Въ рѣчи, произнесенной въ forum, Брутъ жалуется на слѣдствія управленія Цезаря, и уже знаетъ, что сундуки казначейства пусты, но онъ только въ Капитолинской рѣчи своей объясняетъ, какъ они опустѣли. Замѣчаніе Цицерона, что, въ свое пребываніе въ Римъ, онъ самъ былъ свидѣтелемъ разхищенія казны, и что Антоній уплатилъ свои долги между пятнадцатымъ числомъ марта и первымъ апрѣля — ничего еще не рѣшасть. Дѣло въ томъ, что Кальпурнія, супруга Цезаря, страшась насилія и грабежа ея дома, рѣшилась въ первомъ порывѣ испуга, на отчаянную мѣру — повѣрить оставшіяся послѣ мужа сокровища отъявленному моту; и что Антоній, видя открытое для себя поле, овладѣлъ вмѣстѣ и государственною казною. Онъ взялъ въ Опсовомъ храмѣ до семи согъ милліоновъ сестерцій (около полутора ста милліоновъ рублей); но послѣ увѣрялъ Октавиана, что онъ не нашелъ уже ничего въ храмѣ и самъ предлагалъ нарядить слѣдствіе, такъ, что сенатъ назначилъ десятую долю всего тому, кто донесетъ куда дѣвались деньги. Антоній разстраивалъ ихъ не только на прихоти и на удовлетвореніе своихъ заимодавцевъ, но и на покупку Дюмабеллы и другихъ значительныхъ людей, ветерановъ и народа. Ни бѣшенство и остроты Цицерона, ни угрозы Цезарева племянника довести на него, какъ на государственнаго вора, не могли исторгнуть у Антонія этой добычи. Изъ собственной казны Цезаря, которую Кальпурнія позволила, для безопасности, перенести въ его домъ, онъ получилъ деньгами до четырехъ тысячъ талантовъ (около двадцати милліоновъ рублей) и множество драгоценностей. Но не истощимый источникъ богатства, и вѣрнѣйшее средство содержать въ страхѣ своихъ противниковъ, заключались для него въ

обладаніи бумагами диктатора, особенно памятною книгою, въ которой были записаны будущіе планы Цезаря, всѣ лица, получившія отъ него казенныя деньги, и которую встрѣтила ему въ тоже время Кальпурнія.

Этихъ стеченіемъ благоприятныхъ случаевъ легко объясняется сила Антонія. Собраніе Сената въ храмъ Земли послѣдовало по зову Консула, семнадцатаго числа; но, обладая уже казною, Антоній сталъ играть роль владыки и повелителя, а не служителя республики. Другой консулъ, Долабелла, былъ на его сторонѣ. Чтò могла предпринять аристократическая партія, потерявъ съ самаго начала главное орудіе войны, — деньги! Покорство Лепида выдавъ Антонію можетъ быть скорѣе приписано искусству консула дѣйствовать на тщеславіе и честолюбіе этого слабаго человѣка, нежели ослѣпительному вліянію богатства. Лепидъ, который въ самую ночь убійства, ввелъ свое войско въ городъ и занялъ Марсово поле, былъ въ минуту этого перелома истиннымъ властелиномъ Рима. Но соперникъ, купленный рукою Антоніевой дочери, выданной за его сына, и вакантнымъ мѣстомъ первосвященника, былъ теперь въ рукахъ «кроткаго триумвира», который обнаружилъ большую ловкость, смѣлость и быстроту не только въ этой сдѣлкѣ, но и во всѣхъ дѣлахъ перелома. Несмотря на злословіе Цицероновыхъ Филиппикъ, на свою развратную молодость, и на нервѣзность, оказавшую потомъ послѣ сраженія при Акціумъ, Антоній былъ необыкновенный человѣкъ. Онъ, вѣроятно, самъ почувствовалъ, что заговорщики сдѣлали испростительную ошибку, пощадивъ его жизнь, оставивъ его консуломъ и подчинивъ себя его власти. Теперь онъ могъ только быть всѣмъ, или ничѣмъ, и дѣйствительно онъ былъ бы всѣмъ, если бы не явился новый совѣтникъ, котораго необыкновенныхъ способностей никакаа остроумная политика не могла предвидѣть. Этотъ ужасный соперникъ былъ мальчикъ Октавіанъ, съ хладнокровіемъ, съ тонкостью и непреклонною волею въ исполненіи своихъ намѣреній, со всеми качествами опытнаго старика. Антоній искусно воспользовался выгодами своего положенія, — саномъ, богатствомъ и вліяніемъ на ветерановъ: для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

онъ употреблялъ все извороты и твердо шелъ по кровавому пути междуусобій. Сначала онъ почти убѣдилъ Цицерона въ своихъ патриотическихъ видахъ, и между-тѣмъ онутывалъ своими свѣтями другихъ противниковъ. Цицеронъ и Антоній были начальниками двухъ партій, — Цицеронъ поборникомъ стараго порядка, аристократин, правленія посредствомъ гражданской власти, — Антоній поборникомъ Монархін, которую онъ скрылъ подъ личиною защиты правъ простаго народа, чтобъ такимъ образомъ возбудить его противъ партіи патриціевъ, и представителемъ военнаго правленія. Но Цицеронъ былъ съ самаго начала обезсиленъ безразсудствомъ и несообразными мѣрами заговорщиковъ. Г. Друманнъ хорошо описалъ ихъ быстрое паденіе.

«Судьба такъ называемыхъ освободителей была не завидна. Имъ оставалось только покориться. Ихъ рука была сильна для пораженія княжаломъ, но бессильна для управленія Римомъ. Вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться предметами удивленія, какъ они полагали, убійцы Цезаря принужденны были искать убѣжища подъ кровомъ боговъ, — и благодарили судьбу, когда ихъ простили. Никто имъ ни благопріятствовалъ, и никто объ нихъ не жалѣлъ, ни народъ, ни даже ихъ собственная партія, которая пренебрегала ихъ, какъ неспособныя орудія. Между-тѣмъ никто не являлся на попрѣще; Октавіанъ явился уже послѣ. По Аппіану, они сошли съ Капитолія восемнадцатаго марта, но это происходило семнадцатаго; потому что дѣйствительно нужно было какъ можно скорѣе удостовѣрить народъ, что междуусобной вражды не будетъ въ городѣ. При многочисленномъ собраніи, прочтаны были декреты Сената, по приказанію консуловъ и съ одобренія Цицерона. Въ этотъ день Цицеронъ, послѣ долгаго молчанія, опять возвысилъ свой голосъ, и съ радости говорилъ съ особенною силою. Толпа, въ восторгѣ, хотѣла видѣть заговорщиковъ, которыхъ она приняла подъ свое покровительство. Но совѣсть сдѣлала ихъ трусами: не смотря на эту привѣтливость, они требовали заложниковъ въ своей безопасности.»

Антоній, возстановитель мира, достигъ своей цѣли: онъ послалъ своего сына съ сыномъ Лепида, и такимъ образомъ

выманить «освободителей» изъ ихъ убійщика, чтобы тѣмъ легче выгнать ихъ изъ Рима. Когда они достигли до forum, народъ принялъ ихъ съ радостными восклицаніями и приказалъ консуламъ обнять ихъ въ знакъ чистосердечнаго примиренія. Брутъ, братъ жены Лепида, сдѣлался его гостемъ, а Антоній пригласилъ къ себѣ Кассія, которому онъ тутъ же далъ почувствовать свое презрѣніе, сказавъ подъ видомъ шутки: «Нѣтъ ли у тебя другаго кнжала подъ мышкою?». Съ такимъ же презрѣніемъ принялъ онъ и отвѣтъ убійцы, который проворчалъ, что, въ нужномъ случаѣ, найдется у него другой кнжаль для Лепида. Однако жъ Кассій былъ опаснѣйшій изъ заговорщиковъ и съ нимъ не слѣдовало бы шутить. Чтò касается до знаменитаго Брута, то его можно сравнить съ жалкимъ героемъ Французской республики, Лавайетомъ, котораго Мирабо такъ удачно прозвалъ Крошвелемъ-Грандисономъ. По совершеніи злодѣянія, онъ хотѣлъ играть роль философа, и старался сохранять видъ стоическаго безстрастія во время рѣчи своей къ раздраженной толпѣ. Забавно его авторское тщеславіе: онъ просилъ Цицерона выгладить своимъ ораторскимъ стилемъ эту рѣчь къ народу, отъ которой зависѣла судьба Рима, но Цицеронъ нашелъ ее глупою и безъ жизни и уклонился отъ этой пріятельской услуги. Таковы были союзники Цицерона, съ которыми онъ хотѣлъ спасти Римъ!

Филиппики, были ль онъ произнесены публично или нѣтъ, суть истинное выраженіе чувствъ Цицерона; онъ всегда казались намъ чисто отдѣланною брашью оратора, который ясно видитъ, что дѣло его отчаянно и безнадежно. Ни въ одной изъ этихъ рѣчей не видно того смѣлаго чувства превосходства, тѣхъ могучихъ громовъ, той утврѣнности въ успѣхъ и въ силу, какими одушевлены рѣчи его противъ Катилины и другія. Даже и тогда, какъ дѣла, казалось, принимали счастливый оборотъ, когда Децимъ Брутъ занялъ Галлію, когда Октавіанъ Цезарь еще оставался вѣрнымъ сенату, вслѣдственное уныніе поражаетъ пылкой духъ оратора: «какъ благородные гладіаторы, говоритъ онъ, которые стараются живописно упасть на землю, будучи поражены смертельнымъ ударомъ, такъ сдѣлаемте и мы, владыки міра и всѣхъ народовъ: лучше

намъ пасть съ достоинствомъ нежели покориться со срамомъ.» Очевидно, что Цицеронъ зналъ опасность, и только не могъ уклоняться отъ исполненія своей обязанности какъ начальника партіи.

Въ договоръ о союзъ, или скорѣй о раздѣленіи имперіи, между Ленидомъ, Антоніемъ и Октавіемъ, какое вниманіе обращено было на предводителя аристократической партіи? Его чуть не забыли, и вспомнили объ немъ только потому что у ищенія славная память. Съ Цицерономъ, можно сказать, палъ старый Римъ; но не страхъ его ораторскихъ талантовъ или патриотизма, а личная мстительность Антонія требовала жертвы.

НОВѢЙШЕЕ

ИСКУССТВО ВЪ ГЕРМАНИИ*.

СОЧИНЕНІЕ ГРАФА РАЦИНСКАГО.

Мы уже говорили въ прошломъ мѣсяцѣ объ этомъ великолѣпномъ твореніи**, которое выходитъ въ одно время на языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ (*Die neuere deutsche Kunst*), и выйдетъ еще на Итальянскомъ и Польскомъ. Авторъ, по-видимому, желаетъ соорудить «памятникъ долговѣщія мѣди» Германскому гению художествъ, и убѣдить всю Европу въ его могущество. До-сихъ-поръ извѣстенъ только первый томъ, украшенный восьмидесятью пышныхъ гравюръ, работы отличнѣйшихъ художниковъ Англійскихъ, Французскихъ и Германскихъ; но полное сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ такихъ томовъ. Мы считаемъ долгомъ короче познакомить нашихъ читателей съ твореніемъ, столь занимательнымъ для всякаго любителя художествъ, то есть, для всякаго образованнаго чловѣка, потому что любовь къ изящнымъ искусствамъ есть первый признакъ и самый сильный рычагъ образованности народовъ.

Въ началѣ этого тома авторъ помѣстилъ введеніе, которое заключаетъ въ себя предварительныя замѣчанія о прекрасномъ, идеальномъ и высокомъ, объ исторіи живописи у древ-

* *De l'art moderne en Allemagne, par le comte A. de Raczynski. Berlin, 1836, 4to. Tome premier.*

** Сдѣсь, стр. 117.

нихъ и въ новѣйшей Италіи, объ искусствѣ колорита, о коллекціяхъ и знатокахъ картинъ.

Слѣдующее мѣсто объ исторіи живописи въ Греціи и Италіи, можетъ дать достаточное понятіе о взглядѣ автора и объ его изложеніи.

«Постепенное развитіе идей, кажется, слѣдуетъ установленнымъ путемъ, и мы имѣемъ право думать, что, въ этомъ отношеніи, существуютъ непреложные законы, которымъ подчинена наша нравственная организація; но если справедливо, что уставы и учрежденія оказываютъ вліяніе на прочность и благоденствіе государствъ, что воспитаніе исправляетъ наши недостатки, то позволительно утверждать, что умное изученіе искусствъ можетъ способствовать къ ихъ усовершенствованію и отвратить ихъ упадокъ. Указаніе на опасность часто бываетъ достаточно для устраненія ея слѣдствій.

«Съ этой точки зрѣнія изслѣдуемъ живописцевъ въ Греціи и въ Италіи.

«Полигнотъ, уроженецъ острова Эасоса, былъ родоначальникомъ исторической живописи въ Греціи за пять столѣтій до христіанской эры. Онъ употреблялъ краски, приготовленныя съ воскомъ, и умѣлъ давать своимъ произведеніямъ такую прочность, что его «Битва Мараѳонская», въ Аѳинахъ, несмотря на дѣйствіе воздуха, сохранялась въ совершенной невредимости девять столѣтій. Эта картина возбудила наконецъ жадность Римскаго проконсула, и онъ похитилъ ее. Полигнотъ сдѣлалъ нѣсколько копій съ своей картины «Взятіе Троя»: одна изъ нихъ была въ Аѳинахъ, другая въ Дельфахъ. Въ числѣ фигуръ этого великаго творенія, изображена была Кассандра, дочь Пріама, въ то мгновеніе какъ скромность ея изнемогала подъ самымъ тяжкимъ поруганіемъ. Сквозь покрывало видны были стыдъ и гнѣвъ на ея лицѣ. Въ той же картинѣ Полигнотъ одной изъ фигуръ придалъ лице своей современницы и знакомки, Эльпиники, дочери Мильтиада и сестры Кимона. Въ Дельфахъ онъ написалъ Тартаръ. Это было одно изъ богатѣйшихъ произведеній, какія только приписывались Полигноту: оно заключало въ себѣ восемьдесятъ фигуръ, и особенно отлича-

дась тѣмъ, что Греки называли этнографією, или искусствомъ живописать нравы, страсти и характеры.

«Аппелесъ родился на островѣ Косъ: онъ принадлежалъ къ школѣ Сакіонской, соперницѣ школы Аѳинской, и ввелъ въ живопись грацію и изящество. Его «Діана», окруженная нимфами на склонахъ Тайгетской горы, признана была самымъ удачнымъ и прелестнымъ произведеніемъ. Не менше прославился онъ «Венерою Косскою», моделью которой служила наекная прелестница Фрина.

«Аѳіонъ» пріобрѣлъ славу въ пріятномъ стилѣ. Славнѣйшая его картина — «Бракъ Александра и Роксаны». Въ этой картинѣ видѣнъ былъ цѣлый сонмъ амуровъ, играющихъ оружіемъ и броней Александра, между-тѣмъ какъ другіе лукаво приподнимали покрывъ Роксаны и обнаруживали ея прелести.

«Зевксисъ, который жилъ спустя шестьдесятъ лѣтъ послѣ Полигнота, написалъ «Елену»: эта картина чрезвычайно уважалась современными художниками; она отличалась отдѣлкою и колоритомъ, а относительно выраженія не имѣла себѣ равной.

«Паррасій, современникъ Сократа, украсилъ «Прометеемъ» храмъ Минервы. Если вѣрить Сенеку, этотъ художникъ нарочно подвергъ одного изъ своихъ невольниковъ истязаніямъ, чтобы имѣть модель для картины. Онъ любилъ преувеличенное и отвратительное.

«Протогенъ пріобрѣлъ славу своимъ «Талисомъ»; Павсій своею «Гликерією». Зевксисъ Сицилійскій заслужилъ равную знаменитость. Въ ряду извѣстныхъ художниковъ считаютъ также Павсанія и Діонисія. Первому дѣлаютъ упрекъ, что, вмѣсто приличной важности, онъ давалъ своимъ фигурамъ видъ актеровъ на сценѣ: онъ тоже любилъ преувеличеніе и каррикатуру.

«Рипарографы писали внутренность кухонь, лавокъ, базаровъ, и тому подобныя предметы; другіе художники посвящали свой талантъ роду, который у Грековъ назывался «снани». Многіе опыты этого рода видны были въ Лицеѣ Аѳинскомъ.

«Воздушная и линейная перспектива были неизвестны древнимъ. Геркуланикумъ показываетъ намъ, что Римляне не сдѣлали значительнаго успѣха въ этой важной части живописи. Человѣчскій умъ безпрестанно вращается въ одномъ и томъ же кругу. Не отразился ли Полигнотъ въ лицѣ Микель-Анжелло? Сходство между Аппелесомъ и Рафаэлемъ, быть-можетъ, было бы совершенно, если бы оба они брали свои сюжеты изъ одной и той же религiи. Альбано былъ тотъ же древній Аэгионъ.

«Зевксисъ, относительно Полигнота, былъ то же, что братья Каррачи въ сравненiи съ основателями Италiанскихъ школъ въ самомъ цвѣтущемъ ихъ періодѣ. Паррасій былъ Рубенсомъ своего вѣка. Къ нему жъ подъ-стать приходятся Италiанскiе живописцы, и наши новѣйшіе художники, которые, покоряясь превратному вкусу, истощали свои таланты на предметы возбуждающіе ужасъ и отвращеніе. Наконецъ, Остадосы, Брѣйгелъ и Регасы, вѣроятно, не думали, что они только — отраженіе рипарографовъ.

«Изображеніе Эльпиникiн, во «Взятiи Троя», не напоминаетъ ли намъ новѣйшаго анахронизма этихъ donatisti въ Италiанскихъ картинахъ, или, точнѣе, въ порггретахъ папъ, государей и другихъ покровителей искусствъ, которыхъ художники помѣщали въ предметахъ, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанiя? Въ Греціи, и потомъ въ Италiи, по-мѣръ того какъ художники пріобрѣтали легкость въ исполненiи, въ механической части живописи и въ теорiи, Геній упадалъ, а съ нимъ исчезали чувство и выраженіе.

«Полигнотъ сообщалъ величіе своимъ предметамъ; Діонисій истину выраженiя; Павсавiй напротивъ унижалъ всегда свои предметы.

«Обратимся теперь къ живописи въ Италiи, и бросимъ взглядъ на ея возрожденіе, успѣхъ и упадокъ.

«Первые зародыши возрожденiя живописи восходятъ до 1200 года. Греція уже въ древнія времена оплодотворяла почву Италiи: изъ того же края, именнно изъ Византии, получила Италiя первые образцы для эпохи возрожденiя, столь обильной знаменными произведенiями. Соборы Святаго Павла въ Римѣ, Святаго Марка въ Венеціи, Монте-реальскiй

въ Палермо, и множество другихъ, были украшены мозаиками, которыя почитались за произведенія Греческихъ художниковъ или, лучше сказать, ремесленниковъ того періода. Это были произведенія грубыя и безобразныя, но они послужили первымъ камнемъ прочнаго основанія, на которомъ воздвиглось великолѣпное зданіе.

«Можно, съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, утверждать, что Греки пробудили огъ сна изыщныя художества въ Италиі, но еще болѣе вѣроятно, что, и безъ ихъ пособія, живопись возникла бы пзъ своихъ развалинъ, потому что у всѣхъ народовъ были своя эпоха поэзіи и искусствъ, своя эпоха фанатизма, своя эпоха положительныхъ наукъ, и наконецъ эпоха софизмовъ, холоднаго невѣрія и развращенія. Эта послѣдняя эпоха — могила благороднаго, прекраснаго и величественнаго: тогда суетное тщеславіе празднуетъ грубое торжество свое надъ чувствомъ.

«Чимабуэ жилъ въ тринадцатомъ столѣтіи, во время Людовика Девятаго и Данте: Андрео Таффи, Джунта Пизано и Гвидо Сиенскій принадлежать къ той же эпохѣ.

«Въ четырнадцатомъ вѣкѣ живопись начала улучшаться въ нѣкоторыхъ частяхъ, но не освободилась отъ своихъ недостатковъ. Она была суха, безжизненна. Драпировка тяжелая, угловатая, набросанная безъ плана и безъ мѣры. Ноги и руки худо обрисованныя и непропорціональныя. Суставы рѣзкіе, безъ отлѣлки мускуловъ; группы выгнутыя въ лицію. Но въ изображеніи головъ уже открываете истину, правильность и по-временамъ выраженіе. Въ этомъ вѣкѣ живопись мало двинулась впередъ, но Джотто di Bondone, ученикъ Чимабуэ и современникъ Петрарки, одинокъ преодолѣлъ всѣ трудности, необходимыя для тогдашнихъ художниковъ. Преемники его въ четырнадцатомъ вѣкѣ мало извлекли пользы изъ его образцовъ. Можно слѣдочательно сказать, что Джотто, какъ утреннйа звезда, только возвѣстивъ приближеніе дневнаго свѣту, но не разсвѣлъ его.

«Пятнадцатый вѣкъ, вѣкъ Лоренца Медичи, ознаменовалъ себя рожденіемъ величайшихъ геніевъ въ живописи; всѣхъ тѣхъ даровитыхъ людей, которые въ слѣдующемъ столѣтіи явились основателями различныхъ школъ въ Италиі. Въ

этомъ въкъ живопись не совсемъ еще страхнула съ себя недостатки предъидущихъ столѣтій, но она одушевилась особеннымъ чувствомъ, правдоподобіемъ, естественностью; благоговііе, спокойствіе, тишина, сіяютъ въ произведеніяхъ этого періода. Въ нихъ вообще нѣтъ движенія, но еще не рѣшено, должно ли считать это недостаткомъ въ живописи. Нельзя однако жъ не уврекнуть ихъ въ несоблюденіи воздушной перспективы. Во многихъ произведеніяхъ этого столѣтія я замѣчалъ грубыя отступленія отъ соразмѣрности: головы малы въ сравненіи съ корпусомъ тѣла; черты слишкомъ мелки для лица; но, при всѣхъ своихъ несообразностяхъ, эта эпоха самая занимательная. Чувство, которое согревало художниковъ того времени, происходило изъ сердца — робкое, непритворное, пламеннѣющее энтузіазмомъ къ изящному, но энтузіазмомъ кроткимъ, который отступалъ порой отъ истины, никогда неоскорбляя вкуса. Это были мнѣ, невинные, недостатки юношескаго возраста, которые проистекаютъ отъ избытка чувствительности. Таковы Beato Angelico di Fiesole, Masaccio, Giovanni Bellino, учитель Тициана, Perugino, и выше вѣхъ Рафаэль, тогда еще юноша, и милый Francesco Francia. Ни одно изъ твореній Рафаэля не производило надо мной такого глубокаго впечатлѣнія какъ его Sposalizio: смотря на эту картину я, буквально, приходилъ въ восторгъ, и ощущалъ пріятное наслажденіе, котораго не возможно выразить словами.

«Ghiberti оставилъ намъ «Бронзовыя ворота», какъ памятникъ первокласнаго генія. По своимъ произведеніямъ, Джотто болѣе заслуживалъ бы получить мѣсто здѣсь, нежели между своимъ современникамъ. Cima de Conegliano, Ghirlandajo, учитель Микель-Анджело, il Verrocchio, учитель Леонарда да Винчи, и Mantegna, котораго примѣръ оживилъ кисть Корреджіа, жили около 1500 года.

«Вѣкъ Леона X, Франческа I, Карла V, Козьмы Медичи, пеллскаго герцога Тосканскаго, и Тасса, былъ славнѣйшимъ вѣкомъ живописи.»

Первая глава сочиненія графа Рачинскаго содержитъ въ себѣ исторію живописи въ Германіи, отъ начала текущаго столѣтія, — краткій періодъ тридцати пяти лѣтъ, уже бога-

тый. Важными произведеніями, великими именами; каковы наприимръ Корнелии, База, Шадова, но болѣе всего, знаменитый основаніемъ или возобновленіемъ школы Мюнхенской, Дюссельдорфской и Берлинской. Въ Берлинѣ роскошно расцвѣли скульптура и архитектура подлѣ живописи, и городъ украсился прелестными твореніями Рауха и Шинкеля. Мы не станемъ здѣсь повторять того, что уже прежде было сказано у насъ о Берлинѣ, въ статьѣ «Архитектурная школа въ Германіи»*. О началѣ новѣйшей школы живописи, объ участіи Шлегелей въ пробужденіи національной Германской кисти, и о знаменитой коллекціи Voissegée, которая сдѣлалась для ней первымъ музеемъ старинныхъ образцовъ, говорено было въ послѣдней книжкѣ. Обширныя выписки изъ творенія господина Джемисонъ заключали въ себѣ много подробностей о живописцахъ и скульпторахъ Мюнхенской школы**. Все эти свѣдѣнія уже довольно знакомятъ съ предметомъ сочиненія графа Рачинскаго. Поэтому мы пропустимъ двѣ первыя главы этого тома, и поспѣшимъ къ самой любопытной его частѣ. Третья глава «Исторія новѣйшаго искусства» посвящена Дюссельдорфской школѣ, и заслуживаетъ того, чтобы удѣлить ей столько мѣста, сколько позволятъ предѣлы журнала.

Дюссельдорфская школа — одна изъ самыхъ плодотворныхъ школъ новѣйшей Германской живописи. Нѣкогда начальникомъ ея былъ Мослеръ; потомъ Корнелиусъ; нынче она состоитъ подлѣ управленіемъ Шадова и представляетъ занимательный и необыкновенный соборъ художниковъ.

На берегу Рейна возвышается обширное квадратное зданіе, простой и правильной архитектуры. Нижний этажъ занятъ библиотекю, учебными комнатами, и квартирами; во второмъ помѣщаются мастерскія, состоящія изъ нѣсколькихъ залъ съ большими, округленными сверху, окнами. Настоятель этого монастыря художниковъ есть Шадовъ; мастерская его находится во второмъ этажѣ, противъ монастыря. Подлѣ него помѣщаются его пріатели Дегеръ и Келеръ; Дегеръ, его утѣшитель и неразлучный другъ, Келеръ, ко-

* Б. для Ч., томъ шестой, третье отдѣленіе, стр. 137.

** Б. для Ч., томъ осьмой, отдѣленіе третье, стр. 121.

торый ему обязанъ тѣмъ, что сдѣлался художникомъ. Далеко работаютъ многіе люди съ талантомъ, по двое въ одной комнатѣ: ученый Гибнеръ съ своимъ шурякомъ Бинденномъ; Сгильке съ Дегеромъ; Зовъ съ Лессингомъ и Стадтеромъ; Келеръ съ Зондерландомъ; Ретель съ Рейнекомъ; Гильдебрандтъ съ Оедг'омъ. Въ третьемъ этажѣ, въ комнатахъ, освѣщенныхъ сверху, находятся мастерскія Ширмера съ Ахенбахомъ и другими его учениками. Жизнь самая простая, вкусы самые скромные, дружество истинно братское, дѣлаютъ изъ этой художнической обители странное и любопытное явленіе, единственное въ исторіи искусствъ. Все члены академіи совѣтуются между собою; сношенія художниковъ запечатлены истинно Нѣмецкимъ добродушіемъ, которое не мѣшаетъ гению. Шадовъ, хотя онъ директоръ и основатель академіи, совѣтуется съ Гибнеромъ, уважая основательныя его сужденія и глубокую учевость. Онъ не менѣе благосклоненъ и къ молодымъ живописцамъ, которыми управляетъ съ отеческою вѣжливостію.

Въ ихъ нравахъ, рѣчахъ, сношеніяхъ, замѣтна трогательная простота. Они не знаютъ роскоши и не торгуютъ своими картинами. Забавляются они игрою въ кегли; а по вечерамъ любимыя ихъ наслажденія суть дружескія бесѣды, кружка пива и трубка. Они часто собираются въ Stock-Käthechen, и тамъ предаются преніямъ, болѣе прихотливымъ, чѣмъ ученымъ, незатѣйливымъ разговорамъ и спокойной, невинной, веселости. Тишина и кротость постоянно царствуютъ въ этой Нѣмецкой школѣ; сентиментальное смиреніе тамъ не навлекаетъ на себя насмѣшекъ; буйства и нетерпимости ни въ комъ не замѣтно. Ничто не напоминаетъ жрецовъ искусства Италіанскихъ, столь завистливыхъ, пестовыхъ, кровожадныхъ; ни той странной эпохи, когда каждый художникъ ходилъ со птагою, Беввенуто Челлини платилъ за шутку кинжаломъ; Джоржоне надѣвалъ кольчугу, отправляясь писать фрески, а Эспаньолето угрожалъ Диминкину овертѣ и принуждалъ его выѣхать изъ Неаполя. Братство талантовъ является въ Дюссельдорфѣ въ простомъ, но трогательномъ видѣ. Пензажистъ пишетъ деревья въ картинѣ своего товарища, историческаго живописца; тотъ поправляетъ фигуры пріятеля своего пензажиста; молодые худож-

ники служатъ товарищамъ натуращиками. Случается даже, что въ нвой картинѣ головы писаны однимъ художникомъ, платья другимъ, зданія третьимъ. Въ Дюссельдорфѣ, даже самыя извѣстныя и знаменитыя художники очень и очень довольны, если къ концу года удалось имъ скопить три или четыре тысячи рублей.

Образецъ и наставникъ всего этого художческаго общества есть Шадовъ; Гибнеръ играетъ роль критика и чело-вѣка со вкусомъ; Лессингъ, живописецъ меланхолическій, имѣеть вліяніе на нравственную и страстную часть трудовъ школы; Гильдебрандъ въ особенности замѣчательнъ наивностью; Сгильке и Бендеманнъ чистотою и величіемъ стила. Отличительный характеръ этой школы составляютъ гармонія, нтъсколькo скрытая, колоритъ sfumato, простота, отвращеніе отъ трескучихъ эффеkтовъ и напыщенныхъ уси-лій; чувствительность истинная и мечтательная; исполненіе добросовѣстное; наконецъ простодушіе и вмѣстѣ ученость. Эти художники стремятся болѣе къ глубокости чѣмъ блеску и, можетъ-быть, пиенно по этому уваженію къ простотѣ искусства, они досель еще мало извѣстны.

Дюссельдорфская академія основана въ 1767 году Карломъ Теодоромъ, курфюрстомъ-палатиномъ Баварскимъ, по совѣтамъ Ламберта Краге. Нынѣшнее зданіе академіи построено еще въ 1700 году курфюрстомъ-палатиномъ Иоганномъ-Вильгельмомъ; оно назначено было для помѣщенія знаменитой картинной галлерей. Академія переведена туда въ 1720; на содержаніе ея отпускается ежегодно околю осьми тысячъ талеровъ, и въ томъ числѣ семь тысячъ на счетъ суммъ, назначенныхъ на народное просвѣщеніе въ великомъ герцогствѣ Бергенскомъ. Въ 1790 году, Краге, директоръ галлерей, умеръ и на его мѣсто поступилъ Петръ Лангеръ, который занималъ эту должность до 1806 года. Въ то время галлерей была перевезена въ Мюнхенъ; Лангеръ последовалъ за нею. Тринадцать лѣтъ въ академіи не было директора, и зданіе занимали присутственныя мѣста.

Въ 1819 году преобразование этого заведенія поручено было Петру Корнеліусу, Дюссельдорфскому уроженцу; онъ не могъ приступить къ дѣлу ранѣе 1821 года и пользовался посо-

биенъ профессора Мослера. Въ 1825 году Корнелиусъ былъ вызванъ въ Мюнхенъ для окончанія большихъ фрескъ, которыя утѣчали его слзвою; и начатое преобразование продолжалъ Шадовъ, который не задолго передъ тѣмъ прѣехалъ въ Дюссельдорфъ. Большая часть учениковъ Корнелиуса послѣдовала за нимъ въ Мюнхенъ; Шадовъ остался въ Дюссельдорфѣ съ одними своими учениками, которыхъ число непрерывно возрастало. Между-тѣмъ какъ Петръ Корнелиусъ предавался въ Мюнхенѣ фресковой живописи — величественное направленіе, которое кисть сохранила и досель — живопись маслянными красками процвѣтала въ Дюссельдорфѣ, подъ управленіемъ Шадова и трудами даровитыхъ художниковъ, о которыхъ мы говорили. Шадовъ изложилъ свои теоретическія правила въ небольшой, но превосходной, книгѣ: «Мысли о воспитаніи живописца, или Объ истинномъ критическомъ духѣ въ отношеніи къ художествамъ.»

Онъ утверждаетъ, что у людей исполненныхъ талантами, которыхъ природа предназначила къ графическимъ искусствамъ, подражательная способность проявляется въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, и что ученика не должно обременять сначала трудною работою. Онъ говоритъ, что учениковъ надобно заставлять копировать съ антиковъ и вмѣстѣ съ живыхъ фигуръ, для того чтобы они соединяли свободу рисунка съ правильностью и исправляли жесткость рисовки съ статуи изученіемъ легкихъ, мягкихъ движеній, которыя можно найти только въ мірѣ живущемъ. По мнѣнію Шадова, единственный истинный источникъ вдохновенія и таланта есть сочетаніе спокойной идеальности, которую такъ хорошо выражали древніе, съ развязностью, которая неразлучна съ формами живыми, естественными, дѣйствующими. Онъ утверждаетъ, что каждый ученикъ имѣетъ свой особенный образъ воззрѣнія на природу, и что учитель долженъ угадывать этотъ образъ воззрѣнія, такъ сказать — порождать его, а не заставлять своего воспитанника рабски копировать картины великихъ живописцевъ, картины, которыя нѣредко совершенно несообразны съ собственнымъ стилемъ ваччающаго художника. Онъ говоритъ, что молодой артистъ, который съ самаго начала, не чувствуетъ непреоборимаго влеченія къ созданію, никогда не произведетъ ничего высокаго; но что онъ можетъ одна-

кожъ нить успѣхъ въ родахъ второстепенныхъ, напримѣръ въ искусномъ подражаніи мертвой природѣ, родѣ, къ которому, по мнѣнію Шадова, надобно направлять всѣ посредственные таланты. Онъ настаиваетъ на томъ, что надобно непремѣнно изучать изображеніе голаго тѣла, даже и для такихъ картинъ, въ которыхъ видны почти одни только ткани, и наблюдать природу, даже пошлую, для того чтобы дойти до идеала, не-ложнаго и не-химиряческаго. Онъ высоко цѣнитъ оригинальность перваго очерка, и не совѣтуетъ учителю уничтожать творческую рѣзкость этого рисунка, хотя бы это казалось нужнымъ для того, чтобы исправить его грубую жесткость и нескрасивую сухость. Шадовъ весьма уважаетъ анатомію, и требуетъ, чтобы художники не подчинялись одному какому-нибудь манеру, который по-необходимости сдѣлается монотоннымъ, но изучали особенныя характеры каждаго живописца. Онъ не совѣтуетъ ученикамъ безпрерывно дѣлать очерки и эскизы; признаетъ важность отдѣлки и отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что для славы артиста довольно творческой идеи, слегка набросанной на полотно или бумагу. Изъ этого видно, что школа Шадова есть школа эклектическая и рациональная, что она не допускаетъ ни какого излишества и не ставитъ закономъ ни какого преувеличенія. Такимъ образомъ она приближается къ школѣ Леонарда да-Винчи, къ которому Шадовъ питаетъ живѣйшій энтузіазмъ. Это стремленіе къ совершенству, эта свѣтлая критика, эта практическая смѣлость, по лашему мнѣнію, несравненно выше гипотезъ Менгеса и Асоры. Шадовъ не столько заботится о величинѣ, сколько о гармоніи; онъ утверждаетъ, что нельзя ожидать никакихъ успѣховъ отъ преувеличенія, самонадѣянности, разврата; онъ вѣритъ въ могущество ученія, и хочетъ соединить дѣйствительное съ идеальнымъ; незавидная способность людей, которые, для большаго эффекта, располагаютъ краски не отъ тѣнъ, а пятнами, кажется ему достойною, не удивляющею, но презрѣнною. Онъ терпѣть не можетъ злоупотребленія блестящихъ эффектовъ, и старается добиться совершенства въ изображеніи душевныхъ движеній. Ученики его заботятся не объ идеальномъ величій и высиренности Италіянскихъ живописцевъ; но объ истинно Германской прелести, смѣшанной съ

чувствительностью, о простодушии, которое исполнено любви и часто благородства, наконец о добросовѣстномъ и глубококомъ изученіи подробностей и цѣлаго.

Фридрихъ Вильгельмъ Шадовъ, который уже семь лѣтъ управляетъ Дюссельдорфскою академію и котораго ученики, года четыре назадъ, обратили на себя всеобщее вниманіе, родился въ Берлинѣ, въ 1789 году; рисовать учился онъ у отца, а первые уроки въ живописи давалъ ему Вейчъ. Война 1806 и 1807 годовъ прервала его художественныя занятія, но въ 1810 онъ съ ревностью и постоянствомъ снова принялся за нихъ. Онъ отправился въ Римъ съ братомъ своимъ, Родольфомъ Шадовымъ, который прославился двумя статуями, «Женщина, завязывающая сандалинъ», и «Женщина съ прялкой». Вильгельмъ Шадовъ женился на молодой богатой Курляндкѣ и живя въ тишинѣ и довольствѣ, вполне посвящалъ себя своему любимому искусству. Онъ человекъ простой, тихій; подъ наружностью холодною, и даже гордою, онъ скрываетъ чувства честныя и благородныя. Все существованіе его наполнено нѣжностью къ своимъ воспитанникамъ и отеческими наставленіями; ничто не можетъ быть трогательнѣе этого. Онъ душа, средоточіе, отецъ всего общества; всѣ художники Дюссельдорфской академіи его обожаютъ, и кажется что, безъ него, она тотчасъ бы разотроилась и рушилась.

Онъ, можетъ-быть, уступаетъ Корнелиусу и Баху въ силѣ творчества, изобрѣженіи; но онъ въ особенности отличается вѣрнымъ подраженіемъ природы, которую глубоко изучилъ. Въ Римѣ, въ залѣ Бартольди, онъ написалъ, подлѣ картинъ двухъ своихъ соговарищей, двѣ историческія страницы, «Сновидѣніе Іосифа» и «Братья Іосифа, приносящіе Іакову окровавленную ризу его сына». Онъ славился сначала своими портретами; но потомъ возвысился до исторической живописи, и въ 1819 году возвратился въ Берлинъ, гдѣ талантъ его нашелъ и уваженіе и почетное мѣсто. Гумбольдтъ заказалъ ему большую историческую картину; принцъ Гогенцоллернъ Мадонну, а театръ большую Вакханалію. Потомъ онъ писалъ множество портретовъ, разительныхъ истинною и коморитомъ, и послѣ того «Четырехъ Евангелистовъ»

для Вердерской Берлинской церкви, «Поклоненіе Волхвовъ» и «Христа Спасителя съ двумя Евангелистами» для Шульпфортской церкви. Слава его безпрепятственно возрастала; но она упрочена въ особенности его школою. Таланты столь разнообразны, взлѣтливны и поддержанны Шадовымъ, надѣлали много шуму въ художническомъ свѣтѣ.

Что касается до его собственныхъ произведеній, то они отличаются вѣжностью, прелестью и гармоніею. Въ нихъ замѣтна осторожная легкость кисти, и наивность болѣе кроткая чѣмъ высокая, которая составляетъ отличительный характеръ *Lesueur'a*; но у Шадова болѣе блеску въ эффектѣ и колоритѣ, въ силѣ тѣней и противоположностяхъ. Въ числѣ лучшихъ его произведеній надобно замѣтить «Спасителя въ Эммаусѣ», «Спасителя на Масличной Горѣ» и «Милосердіе», картину, которую художникъ самъ выкупилъ, потому что, когда разыгралъ ее въ лотерею, она попала въ руки челоуѣка, который не въ состояніи былъ оцѣнить ея достоинствъ. Всѣ эти произведенія отличаются характеромъ важнымъ, религіознымъ, кроткимъ безъ приторности; въ нихъ нѣтъ ничего разногласнаго; во всемъ искусное сочетаніе, согласіе, гармонія; все дышетъ глубокою и восхитительною симпатіею. Шадовъ и его воспитанники сдѣлали по заказу Берлинскаго банкира Г. Бендеманна семейную картину, чрезвычайно любопытную. Портретъ Гибнера, зятя Бендеманова, написанъ Шадовымъ. Въ углу самъ Шадовъ со своимъ ученикомъ Гильдебрандтомъ, писанные Зономъ, госпожа Бендеманнъ и Зонъ, писанные Гильдебрандтомъ, — восхитительный символъ общества художниковъ, связанныхъ между собою общою любовью къ искусству. Владѣлецъ этой драгоценной картины не позволяетъ снять съ нея копій, ни гравированной, ни литографированной, ни масляными красками.

Лессингъ болѣе всѣхъ другихъ учениковъ Шадова произвелъ впечатлѣнія на своихъ сотоварищей. Лессингъ челоуѣкъ съ талантомъ разнообразнымъ и по вдохновенію и прихотливости онъ болѣе замѣчательнъ чѣмъ его учитель, который особенно достоинъ удивленія по чистотѣ и гармоническому согласію всѣхъ частей картины. Пылкая душа Лессинга

проникнута неопредѣленною грустью и соболѣзнованіемъ къ человечеству, которые могутъ назваться отличительными чертами Нѣмецкаго гениа. Всѣ его произведенія дышатъ мужественною и важною меланхоліею. Онъ пишетъ пейзажи, портреты, tableaux de genre, историческія картины, и не столько заботится о чрезвычайной чистотѣ ствля какъ о сильномъ выраженіи чувствованій мрачныхъ и мечтательныхъ. У него больше страсти и задумчивости чѣмъ религіозной непорочности. Таланты Лессинга и Леопольда Роберта сходствуютъ между собою таинственною, глубокою, печальною поэзіею, которая разлита въ ихъ произведеніяхъ. Оба они средствами самыми простыми производятъ эффекты, которые потрясаютъ душу до самыхъ сокровенныхъ ея основаній. Въ этихъ твореніяхъ, такъ хорошо обдуманыхъ и созданныхъ, вы никогда не найдете восклицательнаго знака или междометія. Положенія въ нихъ естественны и страстны, лица всегда выразительны. Видно, что художникъ занятъ всего болѣе ощущеніями и горестями людскими, и что отвлеченности не уносятъ его за облака.

Лессингъ, высокій и прекрасный молодой человекъ, съ свѣтлорусыми волосами, полузакрытымъ взоромъ, нѣжнымъ цвѣтомъ лица; фizioномія его запечатана недовѣрчивою задумчивостію; по наружности спокойный и робкій, но въ самомъ дѣлѣ гордый и страстный; славный солдатъ (онъ былъ нѣсколько времени въ военной службѣ); неутомимый охотникъ: онъ съ ружьемъ въ рукахъ по цѣлымъ днямъ бродитъ на поляхъ и въ лѣсахъ; въ этомъ видѣ представилъ онъ себя въ прелестномъ портретѣ во весь ростъ: тутъ весьма хорошо изображены задумчивая лѣтность и небрежная безпечность, изъ которыхъ онъ выходитъ по-временамъ, чтобы создать излщное произведеніе. Въ этомъ портретѣ есть прекрасный сводъ идей, который впрочемъ не составляетъ его единственнаго достоинства: Лессингъ лежитъ на камнѣ, нагнувъ фуражку на глаза, и небрежно цѣлится ружьемъ въ какую-то добычу, которая скрывается вдали на полѣ. Въ большомъ отдаленіи и въ большой глубинѣ видна рѣка, которая извивается на поляхъ и терлется за небосклономъ. Лессингъ любитъ изображать покой, но покой созерцательный, — отсутствіе физическаго движенія, которое благоприят-

ствуешь волнѣнію мысли. Это же замѣтно и въ его «Разбойникъ», посреди ландшафта : та же пустынная природа ; небосклонъ обставленъ печальными горами ; блуждающая рѣка серебряною полосою струится и вьется по полямъ ; на возвышеніи, которое господствуетъ надъ обширною и унылою странною, человекъ въ зрѣломъ возрастѣ, опершись рукою на ружье, погруженный въ глубокую задумчивость, кажется, созерцаетъ вмѣстѣ и уединенность мѣста которое его окружаетъ и пустыню собственной своей жизни. Правая рука его покоится на плечѣ спящаго юноши. Это странное произведеніе запечатлѣно горькою ненавистью къ людямъ, которою исполнены Шиллеровы «Разбойники» и Байроновъ «Корсаръ».

«Зимній видъ», тоже Лессинга, долженъ по-справедливости почитаться однимъ изъ самыхъ странныхъ произведеній живописи. Художникъ употреблялъ тутъ только два тона, черный и бѣлый, и съ этими слабыми средствами наполняетъ душу глубокимъ трепетомъ. Никогда еще зима не была изображена такъ истинно и такъ печально. Это небольшой монастырскій дворъ ; въ глубинѣ его отворена дверь Византійской архитектуры ; взоръ проникаетъ во внутренность, до самыхъ корридоровъ монастыря. Тамъ виднѣтъ черный гробъ обставленный свѣчами. Снѣгъ, подъ которымъ все зданіе какъ-бы погребено, сгибаетъ вѣтви старой сосны ; весь дворъ заваленъ снѣгомъ ; статуи и колонны имъ покрыты. Въ темномъ корридорѣ виднѣются монахи ; они идутъ къ покойнику, который ждетъ молитвъ. Блѣдное сіяніе свѣчей, печальный блескъ снѣгу, горестная и простая тишина, которая царствуетъ подъ тѣнію зданія ; черные или зеленоватые камни, которые повсюду выбиваются изъ-подъ своего блага савана, все это производитъ самое странное дѣйствіе. Что касается до выполненія, то эта картина — истинно превосходное произведеніе : надобно видѣть, какая стужа царствуетъ въ воздухѣ, какъ проморожены все эти стѣны, вся кора, какъ вся земля, все формы обрисовываются подъ легкимъ пухомъ рыхлаго снѣгу. Надобно видѣть длинныя вѣтви сосны, которыя всягъ высоко надъ землею и распространяются во все стороны какъ неподвижныя льдины, которыхъ вѣтеръ не въ силахъ потрясти. «Мнѣ нравятся да-

же и эти сидящая статуя, которыми наполнены окна и которые, съ снегомъ на груди, какъ-будто ждуть въ глу-бокомъ размышленіи совершенія времени. Всего пора-зительнѣе тутъ блескъ живописи, посреди вида, который, кажется, навсегда погасилъ, уничтожилъ могущество жизни.

Превосходство этой картины не вдругъ поражаетъ, но его замѣчаешь и чувствуешь уже при внимательномъ разсматри-ваніи. Въ приемахъ живописца, въ эффектахъ, которыхъ онъ искалъ и которые произвелъ, есть что-то такое таинствен-ное, что не знаешь искусство ли это или фантазмагорія.

«Царственная чета въ горести» еще несравненно выше; кар-тина истинно колоссальная, не столько по разбравъ фигуру, сколько по могучему вдохновенію, которое ее создало. Кажет-ся, она заимствована изъ стихотворенія Уланда. Въ галлерей Византійской архитектуры, галлерей мрачной, которая едва освѣщается окномъ на море, сидятъ два человека, погружен-ные въ безмолвную и торжественную горестъ. Статуя жен-щины, которая, сложивъ руки, молится, показываетъ, что это должна быть молельня. Вдали часть окна и неба закрыта угломъ изволея, на который наброшено черное покрывало и положенъ миртовый вѣнокъ. Молодая дѣвушка, наследница царей, исчезла съ земли и оставила великаго монарха и его подругу въ глухой горести. Тѣ, которымъ надобно только повелѣвать, которымъ народы безирекословно повинуются, просятъ у неба смерти, какъ благодѣлія. Такое могущество и такая горестъ, — тройное величіе отчаянія, старости и цар-скаго достоинства, — меланхолія вечера, меланхолія смерти, меланхолія человѣческаго могущества, столь слабого и блѣд-наго предъ могуществомъ божескимъ, все, что трогаетъ, по-давляеть мысль, соединено въ этой превосходной картинѣ. Ширина драперій, величественность головъ, простота по-ложенія, весьма хорошо соответствують главной мысли произведенія. Монархъ, по движенію, которое свойственно мужественной горести; хочетъ, повидимому, уединиться, отворачивается; величественное лице его выражаетъ борьбу съ судьбою и сознаніе собственной силы, достаточной для того, чтобы восторжествовать надъ злополучіемъ. Эта прекрасная, сильная голова есть голова Шадова, который служилъ на-

турциномъ своему другу и воспитаннику. Царьца, сидя подле своего супруга, не удаляется, а напротивъ приближается къ нему; она, кажется, ищетъ утѣшенія. Левая рука ея лежитъ на рукахъ супруга, а правую она сжимаетъ и поддерживаетъ чело свое, покрытое длиннымъ крепомъ; страдательная горестъ женщины упадетъ подь собственнымъ бременемъ и составитъ превосходную противоположность съ болѣе тихою, мужественною, торжественною горестію царя. Однимъ словомъ, это красивая чета есть одна изъ самыхъ удивительныхъ элегій, какія только искусство когда-либо осуществляло кистью.

Въ 1828 году, Лессингъ написалъ прекрасную картину, изображающую «Развалины кладбища»; въ 1830 «Битву при Иконіи», фреску въ замкѣ графа Спа; въ 1832 году «Ленору», прелестное произведеніе, которое исполнено прстоты и движенія и заимствовано изъ баллады Бюргера; и въ томъ же году «Разбойника», котораго онъ нѣсколько разъ повторялъ. Нынче Лессингъ пишетъ по заказу наследнаго принца картину, изображающую «Фанатика, который проповѣдуетъ въ лѣсу», картину, исполненую движенія и страсти. Изъ числа его рисунковъ надобно замѣтить и Смерть Фридриха II, Гогенштауфеновъ, Вальтера и Гильдегонду и наконецъ Иоанна Гуса, который оправдывается передъ своими судьями. Если исполненіе этого рисунка будетъ соответствовать сочиненію его, то новѣйшая живопись обогатится еще однимъ превосходнымъ твореніемъ. Борьба ужасныхъ страстей замѣтна въ тревожной физиономіи Иоанна Гуса. Видно, что сомнѣніе уже возникаетъ въ душѣ его, но еще не наполнило ея; что онъ не совѣтъ еще вышелъ изъ уваженія къ власти; что онъ знаетъ всю важность борьбы, въ которую вступаетъ; но что онъ не боится ни опасности, ни прелятствій, ни смерти. Внутреннее волненіе, не покидающее людей, которые стремятся къ переворотамъ, выражается въ морщинахъ чела его. Въ этомъ буйномъ сердцѣ — буря, и даже раскаяніе; онъ чувствуетъ, что завоситъ топоръ на плотину, которая еще удерживаетъ потокъ. Что касается до судей его, то они спокойны, увѣрены въ самихъ себѣ; на ихъ сторонѣ сила, прошедшее,

уваженіе въковъ ; они безъ трепета произнесутъ смертный приговоръ.

Не мудрено, что человекъ, одаренный такою силою ощущеній какъ Лессингъ, пріобрѣлъ вліяніе, которое онъ выше имѣеть на школу Шадова.

У Лессинга болѣе силы выраженія, болѣе глубокаго чувства предмета. У Гибнера болѣе важности и обдуманности ; Шадовъ особенно любитъ и уважаетъ его. Уже въ 1836 году этотъ художникъ отличался чувствомъ изящнаго и прекраснаго ; но чрезвычайная робкость въ исполненіи препятствовала его развитію. Съ того времени онъ пошелъ быстрыми шагами. Особенный характеръ его составляютъ спокойствіе и размышленіе. Въ его произведеніяхъ недостаетъ иногда движенія и жару ; но выраженіе у него всегда вѣрно, положенія естественны и прекрасно выполнены. Онъ пріобрѣлъ большія похвалы и навлекъ на себя нѣкоторыя критическія замѣчанія своими картинами : « Воосъ и Руфъ въ полѣ близъ жнецовъ », « Воосъ, провожающій тещу свою Ноэни », « Самсонъ, разрушающій храмъ Филистимлянъ », и многими другими, которыхъ сюжеты заимствованы изъ Библіи ; особенно « Христомъ въ облакахъ ». Въ числѣ его произведеній одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ небольшая картина, въ которой много поэзіи и которая, несмотря на малый размѣръ, исполнена величія. Рамою сюжета служитъ довольно низкій сводъ ; главная фигура Роландъ, который поднимаетъ тяжелый столъ, чтобы поразить имъ окружающихъ его разбойниковъ. Сцена дѣйствія есть мрачная пещера, гдѣ заключена принцесса Галлійская, одна изъ прелестныхъ героинь Аріосто, когда Роландъ приходитъ освободить ее. На право видна сама принцесса, которую эта сцена насилія поражаетъ ужасомъ ; факель разливаетъ на нее свой красноватый погребальный свѣтъ. Все въ этой картинѣ превосходно. Тщательная отдѣлка подробностей не вредитъ красотѣ цѣлаго, и свѣтъ, неровно разлитый на ночную битву, придаетъ ей удивительную поразительность. У Гибнера часто бываютъ весьма остроумныя идеи : такъ напримѣръ здѣсь онъ помѣстилъ надъ своею картиною, съ одной стороны архіепископа Тюрпенна, который подаетъ гению мнимую свою исторію Карла Великаго, а на другой

сторонѣ Аріосто; надъ нимъ парить геній поэзіи и готовится принять рукопись въ руки генія исторіи. Но изъ всѣхъ картинъ Гибнера самая милая — «Золотой вѣкъ», картина, сочиненная весьма просто, потому что на ней изображены только нагіе пастухи, которые сидятъ лѣтомъ подъ тѣнью, съ овцами и собаками. Въ ней есть нѣчто чистое и въ высшій благородное, что ставитъ ее на границѣ между Рафаэлемъ и Пуссеномъ. Въ ней все дышитъ любовью къ полямъ и природѣ, простодушною наклонностью къ первобытной пастушеской жизни.

Эдуардъ Бендеманнъ, родившійся въ Берлинѣ, въ 1811 году, сдѣлался извѣстнымъ, въ 1835, своею картиною «Чудеса въ изгнаніи». Эта картина, девяти футовъ въ длину и пяти въ ширину, заключаетъ въ себѣ пять фигуръ, — старика, трехъ женщинъ и ребенка; въ ней проявляется талантъ самый благородный. Никто лучше Бендеманна не постигалъ великой, могущественной, поэзіи Библии; никто лучше его не выражалъ ее. За этой прекрасною картиною, которая была куплена Обществомъ Искусствъ и отдана въ Кѣльвскій музей, послѣдовала другая, «Иеремія, плачущій на развалинахъ Вавилона». Она заказана была Прусскимъ королемъ и подарена наследному принцу; она напоминаетъ вдохновенныя созданія Микель-Анджело.

Большая часть произведеній Гильдебрандта привели бы комментаторовъ въ затрудненіе. Обладая даромъ колорита, къ которому иногда можно поддаваться, но котораго нельзя пріобрѣсти, если природа не дала его, Гильдебрандтъ приближается иногда тонкостью и странностью тоновъ къ Караваджю, къ Фердинанду Болю, а иногда къ Фавъ-Дайку. Изъ всѣхъ учениковъ Шадова, Гильдебрандтъ наиболее удалится отъ школы Рафаэльской. Онъ беретъ сюжеты почти безъ выбора, какой ни попало, какъ обыкновенно дѣлается въ Голландской школѣ: для ней сюжетъ только предлогъ. Занимаясь гораздо болѣе эффектомъ чѣмъ выраженіемъ, эти живописцы знаютъ, что эффектъ можетъ быть произведенъ во всѣхъ положеніяхъ, при всѣхъ возможныхъ костюмахъ. Какая-нибудь утварь, украшеніе, ожерелье, мѣхъ, родъ освѣщенія, подають имъ случай выказать всю свою силу и развить все волшебство.

Между-тѣмъ посреди богатства красокъ и блеску противоположныхъ оттѣнковъ, которыми отличается Гильдебрандтъ, у него видна истинно Германская чувствительность, которая придаетъ его произведеніямъ необыкновенную прелесть. Глядя на Гильдебрандтова «Больного судью», нельзя не тронуться ребенкомъ, который, положивъ правую ручку на колено стараго отца своего, кажется, спрашиваетъ его взорами, поправляется ли его здоровье. Таже противоположность прелестно выражена въ его «Нѣмецкомъ воинѣ». Это рыцарь среднихъ вѣковъ, въ латахъ, весь въ желѣзъ; а ребенокъ, котораго онъ держитъ на коленяхъ, играетъ его черной бородою и длинными усами. Не нѣтъ притязаній на важную славу историческаго живописца, Гильдебрандтъ оставитъ по себѣ произведенія, которыя потомство будетъ сохранять тщательно и съ любовію. Онъ будетъ жить истинно. Гильдебрандтъ не романтистъ и не возвышенный поэтъ, но восхитительный разказчикъ, который одной простотою доходитъ, то до патетическаго, то до веселаго. Талантъ его непрерывно подвигается впередъ, и послѣднія его произведенія всегда бываютъ лучше прежнихъ. Большія похвалы заслуживаетъ ея «Дѣвушка, плывущая въ лодкѣ съ молодымъ человекомъ». Она нагибается, чтобы схватить цвѣтокъ, плавающий по водѣ. Молодой человекъ съ живостью ее удерживаетъ и какъ-будто упрекаетъ въ неосторожности. Прелестное уединеніе, прекрасный закатъ солнца, большія деревья, которыя отражаются въ водѣ, довершаютъ эту восхительную идиллію. Не менѣе хороша и ея «Разбойникъ», который прячется въ развалинахъ. Онъ сидитъ подъ старыми стѣнами, скрестивъ ноги, упершись карабиномъ въ землю и прислушиваясь. Блестящая игра свѣта, характеръ фізіономіи разбойника, задумчивое его положеніе, отдѣлка пейзажа, придаютъ этой картинѣ большое достоинство.

Но главное доселѣ произведеніе Гильдебрандта есть его «Юднѣя, убивающая Олоферна». Восточный монархъ лежить на богатыхъ подушкахъ; голова его покоится на коленяхъ Юднѣи; онъ спитъ. Юднѣя, сидя на постели, подлѣ которой стоитъ столъ съ плодами и виномъ, устремляетъ взоръ на Олоферна, и въ душѣ ея зарождаются желаніе убій-

ства и жажда мщениа. Она погружаетъ одну руку въ его длинные черные волосы, съ которыми, кажется, еще играетъ, а другою поднимаетъ обнаженный мечъ: она готова поразить. Свѣтильникъ, поставленный у рамы картины, покрываетъ обнаженную шею Олоферна яркимъ блескомъ свѣтомъ. Это искусное расположеніе доставило живописцу возможность воспользоваться всѣми пособіями свѣто-тѣни, и привлекаетъ вниманіе зрителя на мужественную, сладострастную голову, которая скоро отдылится отъ тлѣвша. Есть что-то волшебное въ свѣтѣ лампы и въ ночномъ спокойствіи, которое прикрываетъ тайною и мракомъ сладострастіе и замыслы убійства. Олофернъ спитъ крѣпкимъ сномъ и проснется только для того, чтобы перешагнуть въ вѣчность. Въ фигурѣ Юдионъ не достаетъ величественной красоты. Главное достоинство этой картины есть талантъ, замѣтный въ подробностяхъ, талантъ Вальтеръ-Скоттовскій, который поэтическимъ сочетаніемъ мелочей поражаетъ живую, трагическую занимательность.

Карль Зонъ идетъ совсѣмъ по другому пути. Картиною своею «Ринальдъ и Армида» онъ вдругъ сталъ въ 1835 году на ряду съ замѣчательными людьми, о которыхъ мы говорили. Онъ превосходитъ въ родѣ граціозномъ, и доказалъ, что хорошо понимаетъ свойство своего таланта, когда выбралъ сюжетомъ для картины одну изъ самыхъ милыхъ древнихъ басенъ, «Похищеніе Иласа нимфами.» Въ этой картинѣ наивность Теоокрита соединяется съ простодушіемъ Нѣмецкаго вкуса. Иласъ хочетъ почерпнуть воды въ прозрачномъ ручейкѣ, надъ которымъ нависла скала; онъ уже сталъ одною ногою въ воду, а другой уперся въ скалу. Нимфа, смуглая и здоровая, роскошная жизнью, страстью и красотою, появляется изъ воды и обхватываетъ руками плеча и станъ Иласа. Желаніе тутъ самое пылающее; завоеваніе самое смѣлое; полная откровенность любви. Другая нимфа, нѣжная и блѣлая, которой голубые глаза выражаютъ желаніе болѣе скромное, но можетъ-быть болѣе глубокое, приближается къ нему, приподнимая одной рукою длинные свои волосы съ кокетствомъ женщины, которая хочетъ, чтобы ее видѣли, хочетъ нравиться. Другой рукою она схватываетъ руку Иласа. Наконецъ третья нимфа, которая видна только

сзади и едва выставляется изъ ручья, схватываетъ Иласа за ногу. Зона не безъ причины упрекали за разнообразность этихъ нападеній, которыя развлекаютъ вниманіе и утомляютъ взоры зрителя. Художникъ не совсѣмъ удачно выразилъ цѣломудренную но пылкую вольность древнихъ; новѣйшая стыдливость и робкость, смѣшанная съ кокетствомъ, которыя замѣтны въ его картинахъ, придаютъ всей этой сценѣ неприятный видъ пасилія. Но тѣло у него написано превосходно. Кожа блѣлокурой нимфы ослѣпительна бѣлизною и золотистымъ блескомъ; на груди и на рукахъ ея можно, кажется, сосчитать всѣ жилки.

Зонъ, одинъ изъ старшихъ учениковъ Шадова, работаетъ весьма легко и имѣетъ нѣкоторое сходство съ Альбано и Чиньяни. Первая его картина, «Рипальдо и Армида», бывшая на выставкѣ 1828 года, отдѣлана съ такою же отчетливостью, и кистью, столько же блестящею, какъ произведенія Карла Дольче. Она принадлежитъ нынче Прусскому принцу Фридриху. Прелесть, какою дышатъ всѣ его произведенія, иногда превращается въ принужденность, манерность, кокетство. Онъ особенно любитъ рисовать женщинъ. Его портреты графини Трипсъ, госпожи Деклеръ и Италіанки съ лирою въ рукахъ, много содѣйствовали его извѣстности. Последній особенно уважается. Его «Діана, окруженная нимфами», картина, бывшая на выставкѣ 1834 года, заслужила большіе упреки. Постановка Діаны есть рабское подраженіе положенію Аполлона Бельведерскаго. Но тѣло написано превосходно и головки нимфъ исполнены прелести. Я предпочитаю этой картинѣ его «Двухъ Элеоноръ». Простота и спокойствіе, царствующія въ послѣдней, возвышаютъ ея достоинство; нельзя безъ наслажденія смотрѣть на этихъ двухъ принцессъ; обѣ онѣ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, но одна блѣлокурая, а другая черноволосая и обѣ составляютъ группу истинно восхитительную.

Адольтъ Шредтеръ, изъ Шведта, человекъ лѣтъ двадцати шести, написалъ знаменитый портретъ Донъ-Кихота, котораго одного довольно, чтобы составить репутацію художника. Шредтеръ отличается умомъ, свѣдѣльностью, внимательнымъ изученіемъ природы, тщательною и разборчивою от-

дыкою. На выставкѣ 1835 года была его картинка «Любитель пробующій вино», картинка, исполненная истинны, и другая еще, на которой изображены простолюдны въ трактирѣ на берегахъ Рейна. Въ этой картинкѣ слишкомъ много свѣту, но подробности въ ней прекрасны. Лучшее произведеніе Шредтера есть его Донъ-Кихотъ. Рыцарь печальнаго образа со своимъ орлинымъ носомъ и лысымъ лбомъ, сидѣть развалившись въ большихъ креслахъ, которые такъ нравятся нынѣшнимъ лѣтлямъ, и которые всегда были такъ покойны для больныхъ; вокругъ него кучи рыцарскихъ романовъ; на нихъ покоятся его ноги; на нихъ облакачивается онъ одной рукою; все положеніе его выражаетъ глубокую задумчивость, недалекую отъ помѣшательства. Онъ погруженъ въ созерцаніе Амадиса Галльскаго, и пальцы его, между которыхъ выставляются свѣдые волосы, поддерживаютъ безумно-разсудительную его голову, гдѣ гнѣздится такъ много героическихъ химеръ. Онъ, точно, безумный; онъ бѣдѣеъ; онъ въ лохмотьяхъ; въ немъ много комическаго, много и трагическаго: это дѣйствительно Сервантесовъ Донъ-Кихотъ. Ни какое другое произведеніе новѣйшей Германской живописи не имѣло такого блестящаго, такого общаго, успѣха.

Шредтеръ долго былъ граверомъ въ мастерской профессора Бухберна, и потому весьма заботится о подробностяхъ. Едва вырвавшись, онъ написалъ масляными красками картину, въ которой колоритъ живъ и блестящъ: видно, что онъ хотѣлъ вознаградить себя за долговременное лишеніе и разомъ насладиться всею прелестью красокъ. На этой картинѣ изображены «Рюгенскіе рыбаки». Солнце еще не появлялось изъ волнъ, сѣроватые облака висятъ на небосклонѣ, ночь еще не совсѣмъ исчезла: на берегу, уже нѣсколько освѣщенномъ, рыбаки, кажется, ждутъ утренняго вѣтерка; другіе, нѣсколько пониже, въ бухтѣ, поднимаютъ паруса своей лодки. Силуэтъ старика, котораго рѣзкія черты рисуются въ прекрасной свѣто-тѣни, явственно отдѣляется на небѣ, уже начинающемъ голубѣть.

Мы не можемъ пропустить Стильке, изъ Берлина, который, учившись сначала у великаго Корнелиуса, перешелъ въ

школу Шадова и поселился въ Дюссельдорфъ. Онъ болѣе любитъ изображать идеи, доставляемыя исторіею, чѣмъ собственно историческія сцены. Его произведенія можно назвать элегіями и одами, основанными на исторіи. Такимъ образомъ Стилке написалъ небольшую картину, въ которой три христіанскіе рыцаря, подъ стѣнами Іерусалима, отдыхаютъ на курганѣ, откуда видны святой городъ и палатки крестоносцевъ. Благородный старикъ, котораго длинная, сѣдая борода, падаетъ на колѣна, сидитъ и перебираетъ четки. Другой, въ зрѣломъ возрастѣ, но неполненный крѣпости и силъ, спитъ, растанувшійся на землѣ. Третій, съ копьемъ въ рукѣ, стоитъ, опершись на щитъ, и слѣдитъ внимательнымъ, печальнымъ, взоромъ за стаєю ласточекъ, которыя летятъ, конечно, въ Европу. Невозможно лучше выразить тоски по родинѣ. «Пильгримы въ пустынѣ», картина того же художника, отличается тѣми же качествами. Но пріемы или привычки живописи фресковой, которую Стилке долго занимался, вредятъ его усилкамъ въ живописи масляными красками.

Генрихъ Мукке, изъ Бреслава, Карлъ Келеръ, человекъ еще очень молодой, Эрнстъ Деггеръ, изъ Беккема, Рамель, изъ Ахена, Германъ Клуудеманъ, изъ Кольберга, Петръ Геттингъ, изъ Ахена, Робертъ Рейшпекъ, изъ Данцига, Карлъ Дункеръ, изъ Берлина, Вильгельмъ Беренцъ, изъ Берлина, занимаются историческою живописью и, большею частію, люди съ дарованіями; но трудно судить объ нихъ по первымъ опытамъ, въ которыхъ всегда замѣтны разныя воспоминанія и въ которыхъ они не достигли еще до глубскости выраженія и до основательнаго сужденія, составляющихъ принадлежность болѣе зрѣлаго возраста. «Святой Апостолъ Пертъ, извлекаемый Спасителемъ изъ воды», работы Петра Геттинга, отличается нѣкоторымъ благородствомъ и возвышенностью. Въ «Рахили» Рейнека и «Моисей» Келера есть грація, но въ этихъ двухъ картинахъ совсѣмъ не видно восточнаго характера и слишкомъ явственна простодушная Нѣмецкая кротость. Въ «Пророкъ Іліи» Беренца очень замѣтно, что молодой художникъ хорошо помнитъ произведенія Овербекка, а въ картинахъ Дункера видите слишкомъ близкое подражаніе Пуссену.

За этими художниками слѣдуютъ другіе, болѣе скромные, которые не ищутъ притязаній на громкую славу историческихъ живописцевъ и уже произвели картины, достойныя замѣчанія. Таковы Эберсъ, изъ Бреславля, Родольфъ Иорданъ, Яковъ Бекеръ, Вильгельмъ Герингъ, изъ Берлина, Суидерландъ, изъ Дюссельдорфа, графъ Штейнбокъ, и наконецъ Прейеръ, стройный карло, и Яковъ Лененъ, не больше Прейера. Драгоценнѣйшес изъ всѣхъ произведеній этихъ художниковъ есть, по нашему мнѣнію, «Сватовство», Родольфа Иордана. За рыбачьими тижинами, посреди неводоу, веревокъ и корзиу, стоятъ три человека, отецъ, дочь и женихъ. Отецъ здоровый матросъ, котораго обнаженныя ноги могли бы служить моделью для статуи Геркулеса, и который онъ еще разставляетъ, чтобы надежные поддерживать свое дужее тѣло. На немъ куртка, поясъ и картузъ рыбака. Онъ беретъ за подбородокъ молодаго человека, съ глухою физиономіею, который стовтъ вытянувшись какъ солдатъ; большія его сапоги, которые рыбаки носятъ для защиты отъ прилива, шерстянныи колпакъ, самодовольная улыбка, руки, сложенныя за спиноу, и вся его тупоумная особа, составляютъ прелестью противоположность съ наивною и вмѣстѣ плутовскою рожницею, миловидною дородностью и притворною скромностью дѣвушки, которая съ голыми ногами, съ какимъ-то тюрбаномъ на головѣ, очень красиво набросаннымъ, отличается необычайною прелестью въ этой сельской и морской сценѣ. Всѣ достоинства этого рода живописи соединяются въ превосходномъ произведеніи Иордана.

«Контрабандисты», Эберса, также не безъ достоинствъ. Это національная сцена, достойная Вальтера Скотта: Лодка съ контрабандоу плыветъ по озеру; правитъ ею старая женщина; на берегу дюжій контрабандистъ готовъ причалить ее, а подлѣ него стоятъ два человека съ карабинами: одинъ сторожитъ глазаи, другой ухомъ. У подошвы старой стѣны одинъ изъ мужчинъ, стоя правой ногой на берегу, лѣвой на краю лодки, привязываетъ ее къ дереву; другой, съ ружьемъ въ рукахъ, готовится отразить всякое неожиданное нападеніе.

У Вильгельма Геттинга болѣе кокетства, болѣе тщательности въ отдылкѣ; онъ любитъ готическія подробности, тщательно выдѣланныя, мастеръ писать домашнія сцены, въ ко-

торыхъ сіяютъ драгоценные каменья, блеститъ золото, полированные латы отражаютъ солнечные лучи, падающіе на нихъ сквозь цвѣтныя стекла. Во всемъ этомъ замѣтна нѣкоторая изысканность, и странно видѣть такой свѣтъ и блескъ въ изображеніяхъ готической древности. Карлъ Фильграфъ приближается къ нему тщательностью отдѣлки мебели и другихъ принадлежностей. Между-тѣмъ одна изъ его картинъ отличается чувствительностью въ сюжетѣ и счастливымъ расположеніемъ фигуръ. На ней изображена «Елисавета, графиня Тюрингенская, изгнанная изъ дома мужемъ»: она ищетъ убѣжища у пустытника; съ нею ея маленькія дѣти; ничего не можетъ быть тротательнѣе этой картины, которая притомъ прекрасно выполнена.

Германъ Кречмеръ и Эдуардъ Штейнбрукъ стоятъ выше артистовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. «Красная шапочка», Кречмера, очень старинная сказка, очень мило представлена. Три фигуры этой картины, старуха мать, молоденькая дочь и волкъ, который щеритъ зубы, выставляя морду въ окно, расположены чрезвычайно замысловато. «Ангелъ, отворяющій ворота неба», Штейнбрука, есть счастливая и поэтическая идея, съ чувствомъ и изящно выраженная. Ограниченный характеръ этого художника составляютъ наивность и вмѣстѣ идеальность, которыя одна другую возвышаютъ; это въ особенности замѣтно въ его картинѣ «Купающіяся дѣти». Невозможно передать словами всей прелести положенія этихъ дѣтей, и вообще всей картины, на которую немногія матери въ состояніи посмотретьъ безъ улыбки, исполненной чувства. Вообще надобно сказать, что у всѣхъ этихъ молодыхъ людей замѣтны любовь къ природѣ, довѣренность къ ученію, и уваженіе къ наивному вдохновенію.

Писториусъ, болѣе всѣхъ нынѣшнихъ Германскихъ художниковъ, приближается къ Голландскимъ живописцамъ; у него та же блестящая, цѣльная и мелочная отдѣлка. Чтобы отличаться въ этомъ родѣ, надобно тонкое, замысловатое изобрѣтеніе. Эти качества являются въ высокой степени въ картинѣ Писториуса «Дочь и мать, читающія письмо». Дѣвушка потихоньку бросила работу и ушла въ уголь прочесть интересное для ней письмо. Мать это замѣтила, подходитъ къ ней на цыпочкахъ и черезъ плечо ея видитъ съ нею ча-

таеть. «Игроки въ кегли», того же художника, имѣютъ не менше достоинствъ въ другомъ родѣ.

Пейзажисты Дюссельдорфскіе не заботятся о мелочной вѣрности, какъ Гоббима, и не создаютъ обширныхъ горизонтовъ и идеальныхъ сценъ, какъ Guaspre Poussin. Въ Нѣмецкихъ пейзажахъ есть что-то кроткое и мечтательное, располагающее къ размышленію и мирнымъ добродѣтелямъ: и здѣсь проявляется національный характеръ. Лессингъ, о которомъ мы уже говорили, отличается также и въ этомъ родѣ. Ширмеръ не далеко отстаетъ отъ него и усвоилъ себѣ многія изъ его качествъ. Кисть его свободна, и всѣ признаютъ Ширмера искуснымъ колористомъ. Онъ хорошо пишетъ даль и лѣсъ; но иногда легкость работы вредитъ его картинамъ: природа у него порой покрыта какимъ-то таинственнымъ туманомъ. Тогда уже это не пейзажъ, но выраженное красками ощущеніе; не изображеніе предметовъ, но отчетъ въ меланхолическомъ впечатлѣніи, произведенномъ на душу художника. Надобно замѣтить, что при этомъ эффектѣ, почти фантастическій, часто покупается цѣною истины.

Мы должны еще упомянуть о Лазинскомъ и Шурепъ, которые не принадлежатъ къ школѣ Ширмера. У Лазинскаго много силы и оригинальности. Онъ застигаетъ свои картины дикими скалами, и людей въ нихъ никогда не бываетъ. У Шурена болѣе живости, и онъ, конечно, пойдетъ по слѣдамъ Руйсдаля, если будетъ тщательно наблюдать природу.

Выразительность и простота составляютъ отличительный характеръ Нѣмецкаго искусства; оно имѣетъ нужду въ размышленіи, во вниманіи, въ постоянной привязанности сердца, чтобы литься во всемъ своемъ достоинствѣ; а вѣрность характеровъ и чувствительность скорѣе могутъ быть въ тѣхъ картинахъ, гдѣ человекъ играетъ главную роль. Все это объясняетъ, почему Дюссельдорфскіе живописцы отличаются болѣе въ живописи исторической и домашнихъ сценъ чѣмъ въ ландшафтахъ.

Мы прошли почти всю книгу, останавливаясь только въ важнѣйшихъ мѣстахъ ея. Въ четвертой главѣ этого тома авторъ разсуждаетъ объ исторической живописи; въ пятой, о переходѣ отъ живописи исторической къ живописи въ своемъ родѣ, гезге; шестая глава посвящена такъ

называемой «живописи въ своемъ родѣ»; седьмая пейзажамъ. Томъ заключается дневникомъ послѣдней поездки автора въ Парижъ и обзоромъ состоянія живописи во Франціи судя по выставкѣ. Изъ программы видно, что во второмъ томѣ будетъ представленъ отчетъ о трудахъ Мюнхенскихъ художниковъ, а въ третьемъ графъ Рачинскій хочетъ говорить о Берлинской школѣ и ея отрасляхъ. Любители искусствъ и богатыхъ книгъ съ нетерпѣніемъ ждутъ выхода остальной части творенія, писаннаго слогомъ яснымъ и пріятнымъ, и украшеннаго прелестными гравюрами картинъ, которыя авторъ почитаетъ за самыя достойныя уваженія со стороны знатоковъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

КАПИТАНА БЕКА СУХИМЪ ПУТЕМЪ

ВЪ ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ *.

=

Экспедиція капитана *Ross*'а, о которой мы нѣсколько разъ, и весьма подробно, говорили въ этомъ журналѣ**, какова бы ни была ея настоящая важность для науки, останется памятною тѣмъ, что она подала поводъ къ изумительному подвигу самоотверженія со стороны нѣсколькихъ благородныхъ людей, особливо капитана *Back*'а (Бекъ), которые отважились на страшныя мученія, чтобы отыскать слѣдъ своихъ соотечественниковъ, затертыхъ полярными льдами въ неизвѣстномъ морѣ. Легко можно понять пожертвованіе своей жизнію въ минуту страсти, отчаянія, восторга, когда скорая смерть однимъ ударомъ, оканчиваетъ всѣ наши расчеты съ чувствомъ самоотверженія; но добровольное, хладнокровное намѣреніе подвергнуться двугодичному ужаснѣйшему страданію и ужаснѣйшему труду, которые случай могъ продлить на неизвѣстное число лѣтъ, но рѣшимость путешествовать по оледенѣлымъ странамъ и неизвѣстными снѣгамъ къ метѣ, тоже неизвѣстной и неопредѣленной, съ опасностью погибнуть тамъ отъ

* Journal of the arctic land expedition to the mouth of the Great Fish-River, and along the shores of the arctic ocean, in the years 1833, 1834 and 1835; by captain Back, R. N., commander of the expedition. London, 1836.

** Б. для Ч., томъ V, отд. vij, стр. 89; — томъ X, отд. vij, стр. 71; — томъ XIV, отд. iij, стр. 25.

голоду и стужи или, на лучшей конецъ, только отъ стужи, — вотъ по-истинѣ черта великодушія, достойная всякаго удивленія! Въ древней Греціи поставили бы храмъ въ честь такого подвига, и капитанъ Васк съ докторомъ *King*'омъ причислены были бы къ лику боговъ.

Капитанъ Васк извѣстенъ всѣмъ, которые съ любопытствомъ слѣдовали за экспедиціей *Franklin*'а и *Richardson*'а въ полярныя воды. Онъ постоянно раздѣлялъ съ ними все труды и опасности. Эти экспедиціи имѣли предметомъ расширить предѣлы нашихъ географическихъ свѣдѣній о самомъ сѣверномъ берегу Америки, повѣрить рассказы *Hearne*'а и *Mackenzie*, которые, первые, ихъ посетили, и рѣшить вопросъ о сообщеніи Берингова пролива съ Гудсоновымъ заливомъ: въ этихъ предпріятіяхъ Г. Васк отличился при двухъ случаяхъ. Между описаніями подобныхъ предпріятій едва-ли можно встрѣтить что-нибудь трогательнѣе и простѣе разсказа *Franklin*'а о тѣхъ почти невообразимыхъ страданіяхъ, которыя онъ и его спутники перенесли въ своихъ странствованіяхъ: среди мятежей и морозовъ, безъ крова, безъ огня, безъ пищи, доведенные до такого недостатка въ жизненныхъ припасахъ, что для утоленія голоду они принуждены были пожирать свои башмаки и кожаные ружейныя чехлы, употребляя вмѣсто салата къ этой пищѣ горькій мохъ, растущій на скалахъ. Надо припомнить себѣ подробности этихъ опасныхъ предпріятій, чтобы удивиться твердости духа, съ какою капитанъ Васк, добровольно отваживаясь на отчаянное путешествіе, о которомъ мы будемъ говорить, весьма хорошо зналъ все предстоящія опасности, трудности и лишенія. Оно не остановило его, когда, въ 1832 году, находясь подъ роскошнымъ небомъ Италіи, онъ услышалъ, что, по трехлѣтнемъ отсутствіи капитана *Ross*'а и его спутниковъ, все-еще судьба ихъ остается неизвѣстною: онъ поспѣшилъ въ Англію съ намѣреніемъ предложить свои услуги правительству и, если угодно, принять начальство надъ экспедиціею для отысканія ихъ. Въ то самое время въ Англіи уже приготавлилась экспедиція съ этою цѣлію: но онъ составилъ другой проектъ, по своимъ понятіямъ о дѣлѣ и о средствахъ успѣха, и предложилъ его Королевскому географическому обществу: проектъ былъ одобренъ и капи-

тану поручено начальство надъ экспедиціею , которая взя-
ла съ достигнуть , если нужно , послѣдняго предѣла Сѣверной
Америки *сухимъ путемъ*.

Согласно своей инструкціи , капитанъ Bask 17 февраля
1833 года отправился изъ Ливерпуля , въ сопровожденіи Г.
King'a , въ качествѣ врача и натуралиста , и трехъ человекъ ,
изъ которыхъ двое служили и приобрѣли опытность подъ
начальствомъ *Franklin'a* . По тридцати пяти дняхъ плаванія ,
они прибыли въ Нью-Йоркъ , гдѣ жители всѣхъ классовъ на-
перерывъ старались оказывать смѣлымъ путешестве никамъ
живѣйшее участіе и гостепріимство . Владѣльцы одного па-
рохода , который ходилъ по рѣкѣ Огайо , увлекаясь общими
восторгомъ , предложили ему свое прекрасное судно для пе-
реѣзда въ Албани .

Девятаго апрѣля капитанъ Bask достигъ до Монреаля ,
гдѣ знатнѣйшіе граждане также ничего не щадили , чтобы
доставить путешественникамъ всѣ возможные удобства . Од-
нако жъ эти изъявленія участія имѣли также свои невыгоды :
въ дружѣ изъ его провожатыхъ они возбудили страхъ
необыкновенныхъ опасностей . Чтобы не дать имъ времени
раздумать и оставить его службу , онъ принужденъ былъ
тотчасъ отправить ихъ впередъ , въ самое дальнее поселеніе
Гудсонскаго общества , которое также дѣятельно помогало
экспедиціи .

Увеличивъ число своихъ служителей четырьмя артилле-
ристами , и напявъ въ *la Chine* нѣсколько человекъ такъ-
называемыхъ *божѣровъ* , *voyageurs* , капитанъ Bask оставилъ
это мѣсто средѣ ружейной пальбы и прощальныхъ привѣт-
ствій обывателей .

Экспедиція начала свое плаваніе въ маленькой лодкѣ
вверхъ по рѣкѣ Святаго Лаврентія , и скоро вступила въ рѣ-
ку Оттова , которой мутныя волны , долго по соединеніи двухъ
рѣкъ , не смѣшиваются съ прозрачною водою Святаго Лав-
рентія . Оставивъ Оттову , они направили путь далѣе на се-
веръ по рѣкѣ , впадающей въ нее съ лѣвой стороны , и кото-
рой берега поражали путешественниковъ своими навислыми ,
угрюмыми скалами . Эта рѣка привела капитана въ озеро

Nipising, изъ котораго онъ спустился въ озеро Гуронъ и наконецъ достигъ до мѣстечка Святой Маріи, лежащаго на оконечности этого озера, крайняго предѣла образованности. Здѣсь встрѣтили его съ тѣмъ же участіемъ, какое онъ находилъ по всему штату Нью-Йоркскому. Не ограничиваясь обыкновенными учтивостями, начальникъ поселенія прислалъ въ подарокъ экспедиціи множество дичи, копченыхъ языковъ и другихъ припасовъ.

Перерѣзавъ сѣверную оконечность Верхняго-Озера, 26 мая экспедиція достигла до Форть-Вилліама. Наконецъ послѣ мѣсячнаго странствованія, 17 іюня, капитанъ Васк прибылъ въ Norway-house.

Дополнивъ тутъ потребности экспедиціи, 28 іюня онъ пустился въ дальнѣйшій путь съ шестнадцатью людьми свиты: съ нимъ былъ два лоцмана, три плотника, четыре артиллериста, два рыбака, толмачъ и нѣсколько *voyageur*'овъ. Впослѣдствіи присоединилось еще человекъ восемь.

«Этотъ день, говоритъ Г. Васк, былъ счастливѣйшій въ моей жизни: сердце мое трепетало надеждою и радостію, когда караванъ нашъ отчалилъ отъ берега. Я чувствовалъ, что наступило время, когда мнѣ надлежало оправдать ожиданія моихъ друзей: всѣ предварительныя препятствія были побѣждены; и я наконецъ настоящимъ образомъ приступилъ къ выполненію человеклюбиваго порученія, которое было на меня возложено. Разсуждая о важной цѣли своего предпріятія, я одушевлялся какимъ-то необыкновеннымъ восторгомъ.»

Двадцать перваго іюля капитанъ прибылъ въ Portage-la-Loche, гдѣ внезапно глазамъ представляется необыкновенно живописный ландшафтъ.

«Въ тысячи футахъ подъ нами, развернулся самый удивительный видъ милъ на тридцать во всемъ великолѣпіи своей лѣтней одежды. Даже самые утомленные изъ моихъ спутниковъ, когда внезапно явилась ихъ глазамъ эта очаровательная картина послѣ скучныхъ мрачныхъ лѣсовъ, черезъ которые мы пробирались, даже они забыли свою усталость, не думали о тяжести, которой обременены были ихъ плечи,

и невольно остановились какъ вкопанные, пораженные восторгомъ при видѣ такого величественнаго зрѣлища.»

Въ Pinc-Portage онъ познакомился съ Г. *Mac-Leod*'омъ, состоящимъ на службѣ при Гудсонской Компаніи; и хотя этотъ чиновникъ возвращался въ Канаду для поправленія своего здоровья. однако, услышавъ о челоѣколюбивой цѣли экспедиціи, онъ тотчасъ изъявилъ великодушное желаніе присоединиться къ Г. *Vack*'у, съ женою, тремя дѣтьми и слугою.

Изъ крѣпостцы Chipewyan, куда экспедиція прибыла 29 іюля, они направили путь къ Соленой Рѣкѣ (Salt-River), гдѣ попалась имъ часть поколѣнія индѣйцевъ, которое скитается около Невольничьяго Озера.

«Скоро послѣ того, мы встрѣтили цѣлый флотъ лодокъ индѣйскихъ, которыхъ приближеніе было предвозвѣщено ужаснымъ концертомъ голосовъ всѣхъ половъ и возрастовъ. Главою этого каравана былъ старикъ, съ выразительнымъ лицомъ, прозванный «Le samarade de Mandeville». Толпа эта представляла нѣчто необычайно дикое и странно сгрозможденное: одна лодка-особенно привлекла мое вниманіе. Она была менѣе даже обыкновеннаго индѣйскаго челнока. Какимъ образомъ восемь мужчинъ, женъ и дѣтей ухитрились развѣстить свои ноги на пространствѣ едва достаточномъ для трехъ Европейцевъ, это покажется не разрешимымъ для того, кто не знакомъ съ гибкостью членовъ Американскаго дикаря. Несмотря на сильный жаръ, который доходилъ до 15° Реомюра въ тѣни, полу-nagie, съ разтрепанными длинными волосами, укрытые цыновками, въ поту, въ грязи, они сидѣли въ своихъ челнокахъ какъ сельди въ боченкѣ. Въ довершеніе этой занимательной картины, собаки ихъ, по уму едва однимъ градусомъ ниже этихъ людей, составляли какъ-бы фланговое войско по обѣимъ сторонамъ рѣки; и когда ихъ челноки быстро неслись съ потокомъ, все это животное собраніе, люди и собаки, оглашало окрестности самымъ пронзительнымъ крикомъ.» Отъ главы этого индѣйскаго племени, Le samarade de Mandeville'я, капитанъ получилъ важное свѣдѣніе, что далеко на сѣверъ, за Большимъ Невольничьимъ Озеромъ есть нѣсколько озеръ и

потомъ двѣ широкія рѣки, Тлюви-чо и Те-лонъ, которыя текутъ почти параллельно къ сѣверо-востоку и впадаютъ въ море въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. По его описанію, рѣка Тлюви-чо узка, исполнена отмелей, пороговъ и опасныхъ водопадовъ, и неудобна тѣмъ, что почти вовсе нѣтъ средства добыть лѣсу для топлива. Опечаленный этимъ извѣстіемъ, капитанъ Васк продолжалъ свое плаваніе по теченію Невольничей Рѣки. Осьмага августа онъ достигъ Большаго Невольничьяго Озера, и радушно былъ принятъ начальникомъ крѣпостцы Resolution, которая служить складочнымъ мѣстомъ для Гудсонской Компаніи.

Тутъ Г. Васк старался собрать болѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ рѣкахъ. Всѣ индѣйцы единодушно не одобряли его намѣренія плыть по Тлюви-чо; однако онъ не устранился ихъ рассказовъ. Онъ раздѣлилъ своихъ людей на двѣ части: пять человекъ оставилъ онъ подъ начальствомъ Г. *Mac-Leod*'а, которому поручено было расположить и устроить зимнее становище въ крѣпостцѣ Reliance; а съ остальною частию, состоящею изъ его слуги Англичанина, одного Канадца и четырехъ индѣйцевъ, 11 августа пустился въ путь въ маленькой лодкѣ. Плаваніе по Большому Невольничьему Озеру не представляло много занимательнаго. Шловучій лѣсъ, который въ такомъ множествѣ попадался отъ Невольничей Рѣки до рѣки Мекензи, и по берегамъ самаго озера, не являлся; вода, вмѣсто мутнаго желтоватаго цвѣту, была прозрачно-зеленовата, лѣвый берегъ постепенно терялъ свой утесистый видъ, и живописность правой стороны болѣе и болѣе поражала своимъ дикимъ величіемъ и суровостью своихъ громадныхъ утесовъ. «Ни среди Альпъ ни между Аппенинами не случалось мнѣ видѣть такихъ величественныхъ утесовъ и скалъ», говоритъ Г. Васк. Весь берегъ, подымаясь отвѣсно на тысячу двѣстп футовъ, казалось былъ изорванъ страшнымъ потрясеніемъ; повсюду видѣлись глубокія пропасти и трещины, недоступныя даже для самыхъ легконогихъ животныхъ. Засохшія сосны, косящіяся отъ старости, съ вершины утесовъ простирали надъ пропастью свои обнаженныя вѣтви, и порой отважный орелъ, несмотря на крикъ людей, спокойно сидѣлъ на об-

наженномъ деревь, какъ-будто наслаждался этою дикою природою, надъ которой онъ царь едино-державный.

Въ восточной оконечности озера, они вступили въ новую рѣку, которая имѣла дно каменистое, но почиталась единственнымъ путемъ въ нагорныя стороны. Она получила названіе рѣки Инеа, Hoar Frost River. При самомъ ея устьѣ находится величественный и необыкновенно живописный водопадъ, глава цѣлаго ряда грозныхъ каскадовъ и пороговъ, которыя лежатъ позади его. Капитанъ Васк принужденъ былъ на рукахъ перенести здѣсь свой челнокъ и весь грузъ, по весьма скользкой и негладкой покатоности. Далѣе, надобно было повторять эту операцію на каждомъ шагу. Рѣка такъ загромождена порогами и стремнинами, что путешественникамъ пришлось перетаскивать на себѣ, черезъ крутыя вершины береговъ, черезъ болота, поросшія засохлыми елями, по пустыннымъ и дикимъ мѣстамъ, гдѣ утесъ возвышался на утесъ, иногда до двухъ сотъ футовъ вышины. Къ довершенію тягостнаго труда, съ какимъ сопряжена была подобная работа, они страдали ужасно отъ несчетныхъ роевъ мушкетовъ и одного рода мошекъ, который зовутъ «песчаньями», sand-flies. «Надо признаться, говоритъ сочинитель, что въ числѣ множества неудобствъ, какимъ подвержена здѣсь скитальческая жизнь путешественника, едва-ли есть другое, которое было бы нестерпимѣе и досаднѣе, какъ страданіе, которое причиняютъ ему эти крошечныя, злыя, презрѣныя кровопійцы. Защищаться отъ нихъ нѣтъ возможности; напрасно однимъ движеніемъ руки раздавлишь ихъ цѣлыя тысячи: вслѣдъ за ними являются новыя тысячи, и наконецъ они остаются побѣдителями человека, такъ, что выбившись силъ отъ чрезмерной боли и усталости боренія съ ними, онъ въ отчаяніи бросается лицомъ на землю, и задыхается подъ покрываломъ, чтобы хоть на несколько времени отдохнуть отъ этой пытки.

«Тщетно сталъ бы я искать выраженій, чтобы дать ясное понятіе о мученіяхъ, какія мы терпѣли отъ несносныхъ песчаныхъ мошекъ. Въ тѣсныхъ, удушливыхъ ущеліяхъ, черезъ которыя намъ случалось проходить, или въ болотистыхъ сосновыхъ лѣсахъ, онъ тучами подымались и дѣйствительно помирали воздухъ: смотрѣть открытыми глазами,

или говорить, рѣшительно было невозможно, потому что они мгновенно наполняли собой ротъ, покрывали каждую обнаженную часть тѣла, и впивались своимъ ядовитымъ жаломъ. Кровь текла ручьями по лицу, какъ отъ пиявицъ; жгучая боль, сопровождаемая воспаленіемъ и головокруженіемъ, доводила насъ почти до безумія. Когда мы останавливались для отдыха, что по свойству страны должно было часто дѣлать, многіе изъ насъ, въ томъ числѣ даже привычныя индѣйцы, бросались ницъ наземь и стонали отъ боли. Надѣвши надежныя перчатки и закрывъ лице вуалью, я безпрестанно обмахивался вѣтвями, но и тутъ не могъ избѣжать ихъ жестокаго жаленья. Эти мелкія ядовитыя наѣкомыя во сто разъ хуже мускитосовъ. На зиму они скопляются въ плотныя массы и остаются въ этомъ положеніи до весны: тогда первый теплый лучъ солнца пробуждаетъ ихъ отъ омертвѣнія и воздухъ кипитъ ихъ алчными тучами.

«Сиръ John Franklin имѣлъ обычай никогда не бить мухъ; посѣщая этотъ край, онъ не отступалъ отъ своего правила и одинъ изъ моихъ индѣйцевъ рассказывалъ мнѣ, что даже во время своихъ астрономическихъ наблюденій, когда песчаныя мошки ему чрезвычайно надоедали, онъ хладнокровно оставлялъ занятія, сдувалъ этихъ наглыхъ кровопійцъ съ своихъ рукъ, и приговаривалъ: — для насъ обихъ довольно мѣста въ мірѣ. Эта черта кротости его характера сдѣлала глубокое впечатлѣніе надъ индѣйцами, которые находились въ его службѣ. Старый индѣецъ, Мафелли, замѣтивъ, что я по-временамъ наполняю мою походную палатку дымомъ, и потомъ, поднявъ передній пологъ, начинаю вѣтвями обивать кругомъ всѣ бока, чтобы выгнать отуманенныхъ мухъ, съ удивленіемъ замѣтилъ мнѣ, что я далеко не похожу на его стараго начальника, который не обижалъ даже мускитовъ.»

Плаваніе съ каждымъ шагомъ становилось затруднительнѣе отъ безпрерывныхъ пороговъ и водопадовъ. «Достигнувъ до одного узкаго водопада футовъ въ двадцать вышиною, мы наконецъ принуждены были прекратить наше плаваніе по этой бурной, неугомонной и испріазненной рѣкѣ. Надо признаться однако жъ, что нѣтъ рѣки, которая бы представляла болѣе видовъ разнообразныхъ и истинно романтичес-

скихъ чѣмъ эта ; тутъ огромныя скалы поднимаются въ видѣ башенъ изъ пороговъ, тамъ утесы покрытыя разноцвѣтными мхами, поражаютъ васъ своими странными формами, въ другомъ мѣстѣ рѣка являетъ зеркальную поверхность озера — далѣе встрѣчаете вы цѣлую цѣпь пѣнящихся каскадовъ.»

Исправивъ свой пострадавшій челнокъ, путешественники 20 августа вступили какъ-бы въ другую область: холмы, нечувствительно возрастающія, амфитеатромъ окружали гладкую поверхность озера, которое они назвали Куковымъ, Cook Lake. Двадцать втораго августа экспедиція прошла въ другое обширное озеро: капитанъ далъ ему имя озера Walm-sley (Уамсли). Но тутъ ихъ проводникъ сознался, что почти вовсе не знаетъ страны: онъ ходилъ здѣсь еще ребенкомъ, и совершенно забылъ мѣстоположеніе. Несмотря на то, они продолжали подвигаться впередъ. Термометръ опустился до нуля, однако жъ мушкетеры и песчаныя мошки ронились надъ ними, и не преставали ихъ беспокоить. Кромѣ этихъ неотвязныхъ насѣкомыхъ, они тутъ не видали ни одного живаго существа; воздухъ былъ тихъ, озеро спокойно; казалось, будто оставленная жизнью природа находилась при своемъ послѣднемъ издыханіи; ихъ окружала тишина, — страшная тишина, — и неподвижность, подобная смертному сну.» Наконецъ проводникъ открылъ вдали нѣсколько песчаныхъ холмовъ, и позади ихъ огромное озеро; при этомъ видѣлице его прояснилось: «Эти мѣста, кажется, мнѣ знакомы», сказалъ онъ. Перетащивъ челнокъ черезъ песчаные холмы, они отважнѣе пустились по новому озеру, которое сообщалось съ другимъ обширнѣйшимъ всѣхъ предъидущихъ. Капитанъ далъ ему названіе Озера Aulmer, въ честь генерал-губернатора Канадскаго. Съ высокихъ песчаныхъ холмовъ, лежащихъ у восточной оконечности этого озера, онъ открылъ нѣсколько потоковъ, которые всѣ текли къ небольшому озеру. По его соображенію, казалось, что тутъ долженъ быть истокъ рѣки, о которой ему говорилъ Le camarade de Mandeville: послѣдствіе показало, что онъ не обманулся. Капитанъ скоро удостовѣрился, что наконецъ имъ удалось открыть рѣку Тяюни-чо, которую географическое общество потомъ назвало «Бековою Рѣкою», Back River. Августъ былъ уже въ исходѣ; экспедиція находилась теперь подъ 65°

сѣверной широты; надобно было удовольствоваться на этотъ разъ открытіемъ, чрезвычайно для нея важнымъ, потому что оно доставляло средство къ дальнѣйшему походу на сѣверъ, и капитанъ счелъ за полезное, даже за необходимое, возвратиться на зимнее становище. Они пошли въ обратный путь. Капитанъ избралъ другую дорогу, и другую рѣку, которая впадала въ длинное и узкое озеро, лежащее къ востоку отъ прежняго ихъ пути. Это озеро они назвали «Артиллерійскимъ», и оно привело ихъ обратно къ восточной оконечности Большаго Незольничьяго озера, не въ дальнемъ разстояніи отъ *Reliance's* и того мѣста, куда посланъ былъ Г. Мас-Леод для устройства зимней квартиры. По прибытіи туда, они нашли на краю небольшого залива уже построенный обрубъ для дома, защищаемаго сзади густымъ сосновымъ лѣсомъ. Они весело принялись за окончательное сооруженіе своего зимняго жилища.

«Вся моя свита раздѣлена была на отряды, и каждому я поручилъ особое занятіе: одни рубили деревья, другіе кое-какъ обтесывали ихъ на балки и стойки, третьи пилили доски. Нѣсколько человекъ трудились надъ обтѣченіемъ безобразныхъ обломковъ гранита, чтобы дать имъ болѣе удобную форму; другая партія занялась собираніемъ и доставкою мху, песку и вязкой тины, которая служили намъ вмѣсто цемента. Всѣ одушевлены были необыкновенною дѣятельностію. Полотняныя палатки и дымныя, покрытыя, кожаныя юрты индѣйцевъ, рѣзко отсвѣчиваясь отъ дикой гористой природы и зелени лѣсовъ, придавали нашему становищу видъ весьма живописный.

Но при всей ихъ дѣятельности, устройство зимнихъ квартиръ приведено было къ концу не прежде 5 ноября. Капитанъ Вакъ провелъ здѣсь зиму не безъ страданій. Стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ было причиною преждевременнаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Хотя безпрестанно появлялись тѣлая стада оленей, дикихъ козъ, лисицъ и дикихъ быковъ, однако путешественники не могли извлечь изъ нихъ пользы: погода вообще была не сурова; эти животныя еще находили повсюду мохъ, который составляетъ ихъ главную пищу, и не думали удалиться отъ

степенъ и открытыхъ пустынь, гдѣ не было возможности къ нимъ подкрасться. Въ рыбной ловлѣ экспедиція также, противъ чаянія, имѣла неудачу. Эти причины заставили капитана *Vack'a* еще въ октябрѣ уменьшить ежедневную порцію. Забота о средствахъ къ прокормленію была бы еще для него не такъ тягостна, когда бы она ограничивалась одними членами экспедиціи; но больные и престарѣлыя Индѣйцы, умирая съ голоду въ пустынь, толпами стекались къ нему, въ надеждѣ получить пособіе, котораго имъ не давали собственные ихъ братья. Въ характеръ Индѣйцевъ есть замѣчательная черта: они обнаруживаютъ необыкновенно сильную привязанность и любовь къ своимъ дѣтямъ, но совершенно равнодушны къ недостаткамъ и страданіямъ больныхъ и престарѣлыхъ. Слѣдующій примѣръ покажетъ, могло ли чело-вѣколюбіе храбраго моряка, который шелъ спасать своихъ земляковъ въ неизвѣстныхъ льдахъ, отказывать въ пособіи несчастнымъ туземцамъ.

«Однажды мы увидѣли огонь на другой сторонѣ залива нашего озера: желая узнать, что это значить, я послалъ лодку съ нѣсколькими челоувѣками; мы надѣялись, что они намъ привезутъ грузъ съѣстныхъ припасовъ, но вмѣсто того они привезли бѣдную старуху, которая вѣроятно удручена была, — лѣтами и болѣзнями. Голодь и болѣзнь привели ее въ ужасное положеніе. Одежда ея состояла изъ оленьей шкуры. Она едва имѣла видъ челоувѣческой. Представьте себѣ вѣдѣму, съ выпученными глазами, съ косматыми и грлзными волосами, сморщенную, опертую обѣими руками на палку и согнутую въ двое отъ дряхлости, боли и истощенія, она походила на звѣря. Она была такъ жалка и отвратительна, что я не желалъ бы въ другой разъ встрѣтиться съ нею. Въ короткихъ словахъ разсказала она свою исторію. На удрученную лѣтами старуху взирали какъ на тягостное бремя, даже женщины ея племени. Прежніе ея труды и услуги были забыты: наконецъ онѣ предоставили ее судьбѣ, и хладнокровно сказали: «Хотя ты еще дышишь, но ты уже умерла. Вонъ тамъ живутъ бѣлые; поди къ нимъ: бѣлые люди умѣютъ врачевать, и могутъ спасти тебя.» Это случилось за мѣсяць тому назадъ. Съ тѣхъ поръ она скиталась въ пустынь, по

скаламъ, питаясь однѣми ягодами; еще день, два, и ея страданія прекратились бы смертью.»

Когда рѣка и края озера покрылись льдомъ, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ сдѣлался ощутительнѣе: несчастные Индѣйцы, особенно ихъ жены и дѣти, толпами стекались къ становищу капитана. Появленіе индѣйца Аканчо, стараго знакома Г. *Vack'a*, съ небольшимъ запасомъ сушеного мяса, утишило на короткое время вопли индѣйцевъ. Помня доброе расположеніе Г. *Franklin'a*, котораго подарокъ, — серебряную медаль, — онъ всегда носилъ на шеѣ, этотъ отличный охотникъ обѣщалъ капитану, что его люди не потерпятъ недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, пока онъ, Аканчо, умѣетъ стрѣлять. Цѣлая толпа индѣйцевъ отправилась вмѣстѣ съ нимъ на ловлю.

Хотя капитанъ придумывалъ вслѣкія средства добывать рыбу и дичь для уменьшенія общаго бѣдствія, хотя онъ ограничился небольшимъ числомъ людей, однако жъ все его заботы не устранили ужасовъ голода, который свирѣпствовало ужасно между индѣйцами, и угрожалъ даже самимъ путешественникамъ. До сорока человекъ отличнѣйшихъ охотниковъ между Чинвианами погубило отъ недостатка пищи; другіе пропали безъ вѣсти; остальные должны были бороться съ голодною смертью и суровостью зимы.

«Тщетно, говорить Г. *Vack*, мы старались оживлять упавшій духъ индѣйцевъ, и возбудить ихъ къ дѣятельности: страданія ихъ были слишкомъ тяжки, и отнимали у нихъ послѣднее мужество. Не успѣвала одна толпа оставлять насъ, какъ появлялась другая, еще болѣе истощенная: впалыя щеки, тусклые взоры, подтверждали рассказы объ ихъ страданіяхъ. Впрочемъ они мало говорили, и молча толпились около огня, какъ будто желая насладиться этою послѣднею отрадою. Нуждаясь сами безмѣрно, мы раздавали имъ по горсти толченаго заплесневѣлаго мяса, которое у насъ хранилось для собакъ; эта нездоровая и безвкусная пища, и трубка табаку, которою мы всегда ихъ потчивали, на минуту заставляла ихъ забывать свое бѣдствіе, и даже по временамъ оживляла лице ихъ неопредѣленною надеждою. «Мы знаемъ, говорили они, что вы такъ же бѣдны, какъ и мы, и

чувствуемъ, что вы очень добры.» Конечно, это зрѣлище было печально; но утѣшительно тѣмъ, что они безъ ропота покорялись своей судьбѣ, не изрыгали богохуленій, не предавались тѣмъ омерзительнымъ порывамъ, которые, въ другихъ мѣстахъ, набрасываютъ мрачную тѣнь на характеръ дикаго Американца.

«Капитанъ Васк началъ беспокоиться объ отрядѣ индѣйцевъ, которой отправился подъ предводительствомъ Аканчо. Г. Мас-Leod, побуждаемый человеколюбіемъ, пустился ихъ отыскивать; чтобы одушевить ихъ своимъ присутствіемъ. Вскорѣ по его отбытіи, явился одинъ индѣецъ изъ улуса Аканчо съ грузомъ сушеного мяса, которое онъ тащилъ на себѣ восемь дней. Показанія его о множествѣ краснаго звѣря, попадавшагося ему на пути, оживили нѣсколько ихъ надежды, которыя помрачены были возвращеніемъ съ пустыми руками рыболовной партіи: въ цѣлую недѣлю она едва добывала столько, чтобы поддержать свое собственное существованіе. Между-тѣмъ, изнуренные голодомъ индѣйцы не преставали приходить въ ихъ поселеніе.

«Наша изба, говоритъ Г. Васк, представляла родъ инвалиднаго дома, гдѣ до крайности доведенные индѣйцы толпились около огня, поджаривали и глотали куски своихъ оменьихъ тулуповъ, которые и въ цѣльномъ своемъ видѣ недостаточно защищали ихъ противъ мороза въ *пятьдесятъ семь градусовъ Реомюра* (— 102° Фаренгейта). Отецъ, дрожащій отъ холоду, съ онѣмѣлыми членами, въ отчаяніи; мать глухимъ гробовымъ голосомъ тщетно старающаяся успокоить взгъ своего ребенка, который сосетъ ея изсохшую грудь, — вотъ группы, которыя насъ окружали ежедневно. Г. King, какъ врачъ, имѣлъ неослабное попеченіе обо всѣхъ несчастныхъ, которые прибѣгали къ его помощи. Я самъ нерѣдко раздѣлялъ послѣдній кусокъ съ дѣтми, которыхъ безпомощное состояніе и крики раздирали мнѣ душу.»

Капитанъ Васк и Г. King, сами должны были ограничиться полуфунтовою третью дневной порціи. Несмотря на такое уменьшеніе пищи, спутники его сохранили веселость и бодрость духа. Для развлеченія ихъ въ скухъ, онъ, по призыву стараго своего начальника *Franklin'a*, урядилъ вечер-

нюю школу. Самъ капитанъ весьма часто занимался астрономическими наблюденіями, и когда термометръ, въ концѣ декабря, понизился до 39° Реомюра холоду, онъ дѣлалъ опыты надъ дѣйствиемъ этой стужи на разные эфирныя жидкости. Средняя температура цѣлаго января мѣсяца, 1834, была не выше 32° Реомюра ниже нуля; начало февраля явилось еще суровѣе: необыкновенная стужа удалила отъ нихъ становища всѣхъ живыхъ тварей; даже бѣлыя куропатки, которыя такъ легко переносятъ холодъ, наконецъ исчезли. Четвертаго февраля холодъ достигъ до 35°: при сильномъ вѣтрѣ стужа сдѣлалась дотогу нестерпимою, что, поддерживая постоянно на очагѣ огонь восемью добрыми полѣнами, они едва могли нагрѣть свою избу до 20° Реомюра ниже нуля. Чернила и краски превращались въ ледъ; ящики съ инструментами всѣ растрескались; тѣло страдало также, потому что кожа, особенно на рукахъ, сохла, лупилась и разрывалась. Для облегченія нестерпимой боли, они намазывались жиромъ. Однажды стужа достигла до того, что лице Г. *Back'a*, въ трехъ футахъ отъ огня, покрылось ледяною корою, мокрые волосы на головѣ превратились въ сосульки, прежде нежели онъ успѣлъ отереться полотенцемъ.

Девятаго февраля прибылъ Г. Mac-Leod съ партіею индѣйцевъ, нагруженныхъ сушенымъ мясомъ: это нѣсколько обрadowало страдальцевъ. Лице его покрыто было болячками, — слѣдствіе сильныхъ морозовъ, — и всѣ его индѣйцы, числомъ до четырнадцати человекъ, явились не въ лучшемъ видѣ. Описывая свои страданія отъ холоду, онъ между прочимъ, сравнивалъ ощущеніе отъ прикосновенія къ стволу своего ружья, съ тѣмъ, какое производитъ раскаленное желѣзо; боль была такъ остра и жгуча. До девяти человекъ индѣйцевъ въ томъ улусѣ, изъ котораго онъ пришелъ, пали жертвою голода; прочимъ предстояла быть-можетъ такая же участь, если бы не переѣнилась погода въ то время, какъ подоспѣлъ къ нимъ Г. Mac-Leod. Одинъ индѣецъ рассказывалъ о себѣ, что въ жестокую зиму 1831 года, онъ находился съ своею семьей средѣ пустынныхъ лѣсовъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи: жена его, мать дѣтей, обезсиленная голодомъ и стужей, впала въ безпамятство и умер-

ла; старшая дочь ихъ скоро за нею послѣдовала; двое сыновей, оба уже юноши, въ которыхъ онъ надѣялся имѣть подпору въ старости, также погибли; въ заключеніе, и младшія его дѣти, которыхъ нѣсколько времени кормилъ обрѣзками тулуповъ замерзшаго семейства, заснули смертнымъ сномъ. «Что жъ мнѣ оставалось дѣлать? вскричалъ онъ съ такимъ бѣшеннымъ взоромъ, что заставлялъ содрогнуться слушателей: могъ ли я долѣе призывать Великаго Духа? Могъ ли я равнодушно дожидаться пока я паду? Нѣтъ, нѣтъ! Еще одинъ ребенокъ оставался. Я призывалъ на помощь. Но лѣса молчали. И какъ молчали!..... Теперь я здѣсь.» Повѣствованіе индѣйца не прерывалось ни однимъ словомъ, ни малѣйшимъ знакомъ со стороны его соотечественниковъ. Но когда онъ пересталъ говорить; глухой шопотъ поднялся между столпившимися индѣйцами: одинъ изъ нихъ вышелъ на середину, и началъ говорить рѣчь, прежде тихимъ голосомъ, потомъ громко, съ силою, съ раздраженіемъ, и въ заключеніе рѣчи назвалъ его злодѣемъ и каннибломъ.

Въ продолженіе всей остальной части зимы старый Акаичо, начальникъ ихъ улуса, былъ великодушнымъ другомъ бѣлаго человѣка. Съ разсвѣтомъ каждаго дня онъ снаряжался на охоту, собственнымъ примѣромъ одушевлялъ своихъ единоземцевъ къ трудамъ, и если не могъ совершенно помочь бѣдственному состоянію путешественниковъ, то крайней-мѣрѣ весьма облегчалъ его. Когда индѣйцы стали упрекать его въ томъ, что онъ болѣе заботится о пособіи бѣлымъ людямъ, нежели своимъ соплеменникамъ; онъ однажды сказалъ имъ на это: «Да вѣдь Великій Начальникъ (капитанъ Васк) нашъ гость! Пусть лучше погибнуть десять нашихъ, нежели чтобы одинъ бѣлый человѣкъ пострадалъ отъ нашей небрежности или ввроломства.» Мафели, начальникъ другаго улуса, находившійся въ отсутствіи уже нѣсколько мѣсяцевъ, прибылъ также къ нимъ съ доброю вѣстію, что онъ убилъ для нихъ пять штукъ краснаго звѣря, и не далѣе какъ на разстояніи двухъ дней пути. Эта неожиданная помощь доставила имъ пріятный случай, въ первый разъ черезъ три мѣсяца съѣсть кусокъ свѣжаго мяса. Вскорѣ воротилась партія фуражировъ изъ людей самаго капитана

Back'a, послѣ четырнадцати-дневнаго странствованія: они принесли небольшой грузъ полу-сушеннаго мяса, проголодавъ однако жъ нѣсколько дней, прежде чѣмъ его достали. Наконецъ явился также въ ихъ становищѣ *Le samarade de Mandeville* съ двумя салазками сушеннаго мяса, которое онъ привезъ самъ съ однимъ молодымъ индѣйцемъ изъ своего улуса, стоявшаго за пять дней пути отсюда.

Около 20 апрѣля належды капитана *Back'a* начали провѣтливаться. Появленіе двухъ вороновъ служило знакомъ наступленія весны, и они мало-по-малу начали дѣлать приготовленія къ новому походу. Но двадцать пятаго апрѣля внезапно явился къ нимъ посоль съ пакетомъ изъ Англии: экспедиція получила пріятную вѣсть о благополучномъ возвращенія капитана Росса въ отечество.

«При этомъ неожиданномъ и радостномъ извѣстїи, мы все упали на колѣни и воздали благодареніе благому Провидѣнію. Мысль о такомъ чудесномъ сохраненїи, на нѣкоторое время остановила все наши помышленія о себѣ. Мы только-что расположились завтракать: но аппетитъ исчезъ мгновенно, и мы весь день провели въ какомъ-то лихорадочномъ волненїи. Я и докторъ *King* рѣдко прибѣгали къ пуншевой чашкѣ, но на этотъ разъ, радость заставила насъ забыть экономїю: приготовивъ вазу пуншу, мы задали пиръ себѣ и своимъ людямъ.»

Это извѣстіе, по необходимости, отчасти измѣнило планъ капитана *Back'a*. Имѣя на три мѣсяца запаса для десяти чловѣкъ, онъ рѣшился пуститься на географическія открытія въ полярныхъ земляхъ и плыть до самого моря только въ одномъ челнѣ. Выбравъ надежнѣйшихъ людей, онъ поручилъ прочимъ начальству *G. Mac-Leod'a*, которому онъ далъ наказъ перевезть на рѣку *Тлюви-чо* изъ крѣпостцы *Resolution* все припасы, заготовленные для нихъ Гудсонскою Компанїею, и около половины сентября ожидать его на берегахъ этой рѣки. Весь запасъ и багажъ перенесли на берегъ Артиллерійскаго озера, гдѣ плотники между-тѣмъ окончили построеніе лодки. Седьмого іюня капитанъ въ сопровожденїи доктора *King'a* оставилъ зимнее обиталище. Легко образить, съ какими чувствами этотъ отважный путеше-

стенникъ отправлялся на открытія въ пользу науки и, какъ ему пріятно было избавиться отъ сценъ страданій и смерти, отъ скучнаго бездѣйствія и однообразія. «Меня оживляли, говорить онъ, новость предмета и слава подвига; надежда, любопытство, и страсть моя къ такимъ предпріятіямъ сопутствовали мнѣ съ той минуты; даже ожиданіе неминуемыхъ опасностей, и мысль ответственности, которая обыкновенно падаетъ на начальника экспедиціи, не уменьшали моего удовольствія».

Не станемъ слѣдовать за нимъ почти по тѣмъ же мѣстамъ, которыми онъ уже проходилъ прошлаго года. Довольно сказать, что 28 іюня лодка была перенесена черезъ послѣднее узкое пространство, отдѣляющее воды, текущія на югъ отъ тѣхъ, которыя стремятся къ сѣверу и образуютъ Глюви-чо, или рѣку Бека. Въ тотъ же день къ вечеру они наконецъ имѣли удовольствіе спустить лодку на рѣку Бека, которая, по ихъ соображеніямъ, необходимо должна была привести ихъ къ полярному морю. Весьма замѣчательна разница сѣверныхъ климатовъ въ Европѣ и Америкѣ подъ одинаковыми широтами. Въ это время экспедиція находилась между 64° и 65 градусами, то есть, подъ широтою Архангельска, и погода въ продолженіи всего іюня была очень сурова; попеременно господствовали туманы, снѣговыя вѣтели и дожди; ртуть въ термометрѣ всегда стояла ниже 14° холоду. Между-тѣмъ въ концѣ мая мѣсяца, за недѣлю до ихъ отправленія въ походъ температура возвышалась до 32° тепла, и составляла рѣзкую противоположность съ январскимъ холодомъ, который достигалъ до 40° Реомюра.

Здѣсь капитанъ Васк распрощался съ Г. *Mac-Leod* омъ, который прежде его прибылъ съ своей партіею и багажемъ на это мѣсто. Г. *Mac-Leod* съ частью экспедиціи отправился въ возвратный путь на югъ, въ *Resolution*, а капитанъ Васк съ своими людьми пустился на новыя открытія. Невозможно было бы исчислять здѣсь всѣ затрудненія и опасности, съ которыми капитанъ каждый день долженъ былъ сражаться въ своемъ плаваніи внизъ по рѣкѣ Глюви-чо, наполненной порогами, катарактами и водопадами: онъ поминутно боялся, что лодка его разобьется въ дребезги о скалы,

торчащая из воды, среди кипящих пѣною пороговъ. Достигнувъ разъ до одного страшнаго порога, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, загроможденная огромными камнями, стѣснена была еще ледяною стѣною и оттого воды ея неслысъ съ неимоверною быстротою, они увидѣли себя въ необходимости облегчить грузъ лодки. «Я стоялъ на скалѣ, гогорять авторъ, когда боть пустился къ порогамъ, и съ сжатымъ сердцемъ ожидалъ поминутно крушенія нашего скудельнаго челнока. Одинъ ударъ могъ разрушить весь планъ похода. Скоро лодка скрылась отъ глазъ моихъ, среди пѣны и торчащихъ скалъ. Наконецъ послышался дикій крикъ. Я въ страхъ побѣжалъ къ тому мѣсту, но къ неизъяснимой радости моей оказалось, что это былъ побѣдный возгласъ моихъ людей, которые благополучно пристали въ маленькомъ заливѣ.»

Пройдя еще опасный рядъ водопадовъ, длиною версты въ три, экспедиція стала быстрѣе подаваться впередъ, и 19 июля вступила въ озеро Mac-Dougald, необыкновенно длинное, почти безъ теченія, и съ множествомъ глубокихъ заливовъ. Они находились подъ 66° широты. Долго искали они выхода изъ этого пространнаго озера: хуже всего было то, что глазъ на безконечную даль видѣлъ впереди грозное, непрерывное, ледяное поле. Наконецъ 22 июля, имъ удалось въ юго-восточной оконечности этого озера открыть выходъ среди ледяныхъ грудъ, между которыми воды озерныя быстро стремились къ двумъ грозно возвышающимся скаламъ, отъ пяти сотъ до восьми сотъ футовъ вышиною. Здѣсь опять начался рядъ водопадовъ: путешественники должны были на рукахъ переносить чрезъ значительное пространство весь грузъ своей лодки. Невольный ужасъ обнималъ ихъ при видѣ этихъ страшныхъ каскадовъ, которые въ своемъ паденіи увлекали въ бездну огромныя глыбы льду и опять выбрасывали ихъ на воздухъ въ тысячѣ раздробленныхъ кускахъ. Съ помощію канатовъ они кое-какъ спустили порожній челнъ, но съ большою для него опасностію. При послѣднемъ водопадѣ, пришлось вытаскать и самую лодку на берегъ, и на рукахъ съ неимовернымъ трудомъ перенести ее по сушѣ. Капитанъ и докторъ въ подобныхъ обстоятельствахъ личнымъ примѣромъ одушевляли истощенныя силы своихъ людей.

Двадцать пятого іюля, когда они неслись черезъ одинъ порогъ, гдѣ вода крутилась съ необыкновенною быстротою, люди и лодка дважды едва не погибли: спасеніемъ своимъ они обязаны были единственно тому, что неумышленно не послушали наставленій кормчаго. На 28 іюля, при обзорѣннн одного порога, капитанъ увидѣлъ отрядъ Эскимосовъ, состоявшій изъ тридцати пяти человекъ: ему давно желалось столкнуться съ этимъ народомъ. Эскимосы не мало были изумлены при видѣ людей, столь отличныхъ отъ тѣхъ, которыхъ они привыкли видѣть. Когда капитанъ обнаружилъ намѣреніе причалить лодку къ ихъ берегу, они бросились къ рѣкѣ, махая своими копьями и давали ему знать тѣлодвиженіями и крикомъ, чтобы онъ не приставалъ къ берегу.

«Наконецъ, видя, что лодка причалила, они стали всѣ въ полу-кружье, шагахъ въ двадцати пяти: ихъ непонятныя слова, крикъ и поперебѣнное подниманіе и опусканіе распростертыхъ рукъ, показывали ихъ неудовольствіе. Я рѣшился одинъ выйти на берегъ и, скрывши оружіе, осторожно сталъ подходить къ нимъ; по ихъ примѣру я поднималъ обѣ руки, кричалъ имъ *тима, тима*, — «миръ, миръ!» Въ ту же минуту они побросали всѣ копья, сложили руки на груди и также закричали — *тима!* Я старался растолковать имъ, что мы не индѣйцы, но *Каблунды*, то есть, Европейцы, и пришли не съ тѣмъ, чтобы причинять имъ зло. Потомъ въ знакъ пріязни, я потрещалъ ихъ по груди, по ихъ обычаю, и далъ имъ понять какъ могъ, что бывые люди всегда друзья Эскимосамъ. Нѣсколько мѣдныхъ пуговицъ, удочекъ и другихъ бездѣлокъ скоро возбудили въ нихъ довѣріе. Они не скрывали своего изумленія, видя, что я непрестанно заглядываю въ маленькій словарь, которымъ меня снабдилъ одинъ чиновникъ Гудсонской Компаніи, и помирали со смѣху, когда я началъ коверкать ихъ слова, которыхъ они не понимали, потому что я не умѣлъ произносить ихъ.» Эскимосы эти жили въ нѣсколькихъ юртахъ изъ шкуръ, и имѣли пять челноковъ. При нихъ были ножи, стрѣлы и копья. Съ помощію словаря однако жъ, Г. Васк получилъ отъ нихъ нужныя для себя свѣдѣнія. Одинъ изъ нихъ, по-догадливѣе своихъ собратьевъ, провелъ на бумагѣ черту, желая означить ея правый берегъ рѣки: черта шла по направленію къ сѣверу, и потомъ дугою склонялась къ югу.

Эскимосскій гидрографъ взялъ Г. Васк'а за руку и повелъ на высокую скалу, гдѣ онъ описалъ рукою дугу отъ запада къ востоку, и нѣсколько разъ повторилъ — *теріоки, теріоки*, «море, море»; потомъ указывалъ рукою на юго-востокъ, онъ сказалъ — *теріоки нага*. «Моря нѣтъ.» Послѣдствія оправдали его показанія.

Эти добродушные и ласковые люди оказали важную услугу капитану. Когда его спутники донесли, что паденіе воды въ порогахъ такъ быстро, что ни какой ботъ не устоитъ противъ него, и что они не въ силахъ одни перетащить лодку по высокому берегу до удобнаго мѣста, Г. Васкъ началъ знаками просить Эскимосовъ помочь ему въ бѣдѣ. Они съ радостію поспѣшили на помощь, и, при ихъ пособіи, экспедиціи удалось перетащить ботъ мимо пороговъ и спустить его опять на воду, такъ, что достиженіемъ до моря, главной цѣли похода, путешественникъ совершенно обязанъ дружескую любію Эскимосовъ.

Разставаясь съ Эскимосами, капитану вздумалось списать портретъ одной изъ ихъ красавиць.

«Эскимоска, которая удостоилась чести видѣть себя въ портретъ, до такой степени довольна была своимъ выборомъ, что она ловила каждый мой взоръ, изъ опасенія, чтобъ я не проронилъ ни одной *трасы* ея краснощекаго лица; она угадывала по моимъ глазамъ, какую часть я рисовалъ, и тотчасъ ее повертывала и выставляла впередъ, чтобы отнять у меня всякое право на извиненіе, если мнѣ не удастся представить ея въ полной красотѣ. Такъ напримѣръ, замѣтивъ, что я смотрю на ея голову, она ее нагнула впередъ; когда я обрисовывалъ глаза, она придала имъ сердечный видъ; раздула свои щеки, когда до нихъ дошла очередь; и наконецъ, увидѣвши, что я рисую уста, разинула ротъ такъ широко, какъ только челюсти могли раздвинуться, и высунула свой языкъ до самаго корня, съ тѣмъ чтобы я могъ изобразить съ надлежащей отчетливостію наружность и внутренность, — губы и языкъ.»

Двадцать девятого іюля, то есть, на другой день послѣ свиданія съ Эскимосами, когда густой туманъ разстался, они увидѣли далеко къ сѣверу грозный мысъ, на восточной сто-

ронъ рѣки, при впаденіи Тлюви-чо въ полярное море. Они назвали его «Мысомъ принцессы Викторіи», въ честь дочери короля. По прибытіи экспедиціи къ этому мысу, капитанъ говоритъ: «Такъ, мы наконецъ достигли до устья рѣки Тлюви-чо, которал на протяженіи пяти сотъ тридцати миль, стремительно и бурно извивается по странъ пустынной, каменной, болотной! Въ этой ужасной странъ, гдѣ по обоимъ берегамъ не встрѣчаешь ни одного дерева, Америкапская Двина то расширяется въ видѣ необозримыхъ озеръ, затруднительныхъ для плователя, то мчитя по порогамъ каскадами, которыхъ мы насчитали слишкомъ восемьдесятъ, и наконецъ изливаетъ свои воды въ Полярный Океанъ, полъ $67^{\circ} 11' 00''$ широты и $94^{\circ} 30'$ западной долготы, отъ Гринвича, то есть, на тридцать семь миль южнѣе устья Мѣдной рѣки, и на девятнадцать миль южнѣе устья Бековой рѣки.»

Самый сѣверный предѣлъ, до какого достигъ капитанъ Вакъ, есть Мысъ Ричардсонъ, лежащій подъ $68^{\circ} 46'$ широты и 96° и $20'$ долготы. Обелискъ, который капитанъ Ross поставилъ въ своей незабвенной Boothia Felix, находится подъ $69^{\circ} 31'$ широты и $99^{\circ} 7'$ долготы. Слѣдственно Г. Вакъ былъ только въ ста тридцати верстахъ отъ обелиска, отъ котораго *его отдѣляло море*. Изъ этого видно, что показаніе Г. Ross'a, будто его Бутія соединяется своимъ западнымъ берегомъ съ западнымъ берегомъ Америкки и образуетъ съ нею одну материкъ, не совсемъ основательно: въ берегѣ находится перерывъ, отверстіе, — вѣроятно, отверстіе пролива между Бутіей и Америккою, который въ самой узкой части своей можетъ имѣть не менѣе сорока пяти миль, такъ какъ это — разстояніе между мысомъ Ричардсонъ въ Америкѣ и мысомъ Смитъ въ Бутіи.

Цѣль была мужественно достигнута. Между-тѣмъ предвѣстники грозной зимы начинали уже угрожать заточеніемъ неутонимыхъ путешественниковъ въ самомъ дикомъ и негостепріимномъ краю свѣта. Имъ предстоялъ еще такой же длинный и трудный путь на зимнія квартиры; путь, теперь еще труднѣе тѣмъ, что всѣ эти пороги и водопады, которые до-сихъ-поръ нѣсколько ускорили ихъ ходъ по теченію рѣки, дѣлались страшными преградами для обратнаго плаванія.

Но ихъ ожидали еще другія бѣдствія. Капитану *Vack* хотѣлось обозрѣть берегъ далѣе и собрать вся географическія свѣдѣнія, какія позволяютъ погода и позднее время года. Мысль, описанный Эскимосами, лежалъ прямо передъ ними, нѣсколько далѣе Мыса Викторія; они назвали его *Sare-Nau*. Все устье рѣки загромождено было льдинами; и потому малѣйшее покушеніе обогнуть его, вовлекло бы ихъ въ невѣроятныя опасности, быть-можетъ, и въ погибель. Пловучія льдины, спираемыя въ проливѣ Принца регента западными вѣтрами и теченіемъ воды, поставили бы непреодолимую преграду ихъ возвращенію въ рѣку. Ктому жъ погода уже десять дней была холодна, сыра, туманна, и льды такъ стѣснили лодку, что она не въ состояніи была двигаться впередъ. Этого мало: оленій мохъ и родъ папоротника, который они употребляли для топлива, — единственные прозябанія этого безплоднаго края, такъ отсырѣли, что не могли горѣть; и, хотя имъ удавалось убивать оленей, они не имѣли средствъ готовить себѣ пищи изъ добытаго мяса. Въ теченіи уже восьми дней, одинъ разъ они кушали горячее. Ни мало неудивительно, что въ такихъ невеселыхъ обстоятельствахъ, безъ огня, безъ крова, подъ безирсрывнымъ дождемъ или снѣгомъ, которые взаимно смѣнялись, не видя ничего утѣшительнаго для себя впереди, даже самые крѣпкіе и лучшіе спутники капитана на-минуту забылись и начали роптать на свои безплодныя усилія. Одно маловажное происшествіе отвлекло однако жъ, на нѣкоторое время, ихъ вниманіе отъ своего бѣдственнаго положенія. Десятаго августа они проникли до $68^{\circ} 10'$ широты, слѣдуя по западному взморью. Часть экипажа была послана для развѣдокъ по направленію къ западу. «Вечеромъ того же дня, говоритъ капитанъ, громкій запросъ — Что это вы добыли? извѣстилъ меня о возвращеніи партіи. «Кусокъ сѣвернаго полюса!» отвѣчали посланные. Этотъ страшный отвѣтъ вызвалъ *G. King*'а и меня изъ падачки: мы увидѣли, что они принесли съ собой бревно въ четыре аршина длиною и вершковъ въ шесть въ діаметръ, нѣсколько другихъ полѣнъ потоньше, и часть какой-то лодки. Когда расцѣпляли толстое бревно, я удивился, что оно мало промочено было водою — явное доказательство, что оно недолго носилось по морю. По качеству дерева, которое было изъ роду сосенъ,

замѣчательныхъ своею неуловатостью, я вывелъ заключеніе, что оно росло гдѣ-нибудь въ верховьяхъ этой страны, около рѣки Мекензи, потому что совершенно походило на тотъ родъ пловучаго лѣсу, который мнѣ прежде попадался на этой рѣкѣ. Мы весьма много причинъ имѣли радоваться этому неожиданному сокровищу: оно доставило намъ возможность сварить добрый обѣдъ, которымъ мы не наслаждались уже нѣсколько дней. Но и въ другихъ отношеніяхъ, оно имѣло для меня большую важность. Въ немъ я видѣлъ неоспоримое доказательство, что влѣвъ отъ насъ существуетъ морское теченіе съ запада, которое стремится вдоль берега, и что слѣдовательно мы достигли до крайняго предѣла твердой земли: всѣмъ офицерамъ, которые были съ *Franklin*'омъ въ его бывшихъ экспедиціяхъ, извѣстенъ фактъ, что отсутствіе пловучаго лѣсу всегда служило несомнѣннымъ признакомъ, что мы удалились отъ материка въ море или вошли между острововъ въ какой-нибудь проходъ, подобный Бетурстову, куда теченіе не проникнетъ и слѣдственно не заноситъ большихъ бревенъ.

Вскорѣ послѣ того Г. King напелъ на морскомъ берегу нѣсколько штукъ пловучаго дерева, позвонковъ и ребръ китовыхъ. Безъ-сомнѣнія, все это привнесено было теченіемъ съ запада. Капитану весьма хотѣлось извѣдать направленіе берега; но затрудненіе состояло въ томъ, какъ пробраться черезъ ледъ, который наполнялъ собою все устье, въ длину миль на двадцать, и въ ширину, отъ мыса Викторіи до мыса Ричардсона, на семьдесятъ. Наконецъ онъ рѣшился отправить людей сухимъ путемъ. Имъ назначено было проникнуть какъ можно далѣе и обозрѣть берегъ къ западу. По возвращеніи, они донесли ему, что снѣгъ и болотистая почва, въ которой ноги тонули до икръ, съ трудомъ позволили имъ пройти миль пятнадцать по берегу: они только достигли до одного зеленаго холма, футовъ въ восемьдесятъ вышиною (Mount Barrow), съ котораго увидѣли широкое отверстіе въ землѣ, по направленію къ югозападу, — вѣроятно устье другой рѣки, — къ сѣверовостоку воду и ледъ, а за нимъ темно-сѣрое небо; отъ востока до мыса Нау виднѣлось открытое море.

Вечером 13 августа, когда путешественники со *всѣхъ* сторонъ заперты были льдинами, вдругъ, какъ-бы магическою силой, двинулась вся масса льду, и быстро понеслась къ западу. «Это меня еще болѣе убѣдило, говорить Г. Вакъ, что въ той сторонѣ должно быть или открытое море или глубокая губа; иначе, куда бы могла стремиться такая страшная масса льду?» Капитанъ обрадовался-было, что открывшаяся часть моря позволить ему объѣхать весь берегъ по-крайней-мѣрѣ до мыса «Поворачивай назадъ», Cape Turnagain, но на другой день сѣверо-западный вѣтеръ пригналъ опять на прежнее мѣсто часть льдовъ. Капитанъ, къ крайнему своему огорченію, почувствовалъ необходимость подумать о возвратномъ пути, страшась, чтобы наконецъ льды совершенно не запрудили ему дороги.

«Мнѣ не разъ приходила мысль раздѣлить всю ватагу нашу на двѣ части, оставить четырехъ человекъ для охраненія лодки и поклажи, а съ остальными и съ докторомъ брести сухимъ путемъ къ мысу Поворачивай-назадъ. Но и этотъ планъ не состоялся: я убѣдился опытомъ въ невозможности тащить съ собою необходимыя тяжести по почвѣ топкой, въ которой ноги на каждомъ шагу топили по колену; почва совершенно обнаженной, гдѣ мы не могли достать ни хворосту, ни даже мху для разведенія огня, и почти безводной. Сообразивъ, что гибель неизбежна для каждого изъ насъ, кто бы занемогъ въ этомъ трудномъ странствованіи, и подумавъ о проклятой рѣкѣ, по которой надобно было возвращаться на зимнее становище, и которая соединяетъ въ себя одвою все что есть опаснаго и дурнаго на прочихъ рѣкахъ этой части свѣта, я наконецъ собралъ всѣхъ своихъ людей, и объявилъ, что цѣль, предписанная мнѣ правительствомъ, выполнена, что теперь мы имѣемъ полное право возвратиться на родину, и что остается намъ только распустить Британскій флагъ, прокричать троекратное ура въ честь его величества, и назвать по его имени эту часть Америки «Землею Вильгельма IV». Приказъ мой былъ принятъ съ восторгомъ, и исполненіе долга службы заключилось добрымъ стаканомъ грогу.»

Обратный путь дѣйствительно сопряженъ былъ съ гораздо болѣе большими затрудненіями нежели плаваніе внизъ по

Тлюви-чо. Они почти все время несли лодку свою на руках; погода сдѣлалась ужасной: бури и мятели не давали имъ отдыха. По всему пространству края природа представляла унылую безжизненность: кой-гдѣ видны они на берегу бѣгушаго бѣлаго волка, изрѣдка оленя или дикаго быка; даже мускитосы и песчанныя мухи вымерли, или погреблись до новаго воскресенія на будущую весну; самыя ягоды висѣли на кустикахъ недозрѣлыя, зеленныя. Двадцать перваго они опять увидѣли улусъ Эскимосовъ, которые однако жъ не рѣшались къ нимъ приближаться: путешественники, въ память, оставили для нихъ на берегу разные подарки, — лентъ, удочекъ и бусъ. При озерѣ Гарри они встрѣтили новый улусъ Эскимосовъ, состоящій изъ двѣнадцати юрть. Капитанъ покусался подойти къ нимъ съ обычными привѣтствіями, но и тутъ испыталъ неудачу: дѣти, при его приближеніи, ужасно стали визжать, а отцы съ воплями спрятались въ юрты. Въ продолженіи тридцати пяти дней, экспедиція дѣлала только по двадцати верстъ въ сутки. Двадцатаго сентября, вступая въ озеро Аулмер, она соединилась съ Г. *MacLeod* омъ, который съ шестью человекѣми уже нѣсколько дней ожидалъ ея прибытія. Отсюда до прежняго зимняго становища, то есть, до *Reliance*, они употребили только семь дней. Въ послѣднія сутки, чувствуя себя не въ силахъ перетаскать лодку черезъ Андерсоковъ Порогъ, они принуждены были бросить ее. Взваливъ на плеча, каждый по семидесяти пяти фунтовъ груза, они пошли къ укрѣпленію *Reliance* черезъ горы, покрытыя уже тогда на четверть аршина снѣгомъ. Близъ устья рѣки, которая пронизываетъ цѣлую цѣпь озеръ — *Aulmer, Clinton-Golden, Artillery-Lake*, и вливается въ Большое Невольничье Озеро, глазамъ ихъ внезапно явился величественнѣйшій предметъ въ природѣ, — грозный водопадъ, который предоставляемъ описать самому Г. *Vask'u*.

«Рѣка, круто огибая скалу, низвергается въ верхній водопадъ, почти загороженный утесами: съ шумомъ вырываясь отсюда, она цѣльнымъ и широкимъ полотномъ, летитъ въ пропасть, футовъ въ пять сотъ глубиною. Издали она казалась намъ очень узкою; но, приблизившись, мы увидѣли,

что она висит здесь до тридцати саженей ширины. Я постигнул этот водопад, вторично, следующей весной. Путь, по которому я тогда пробираюсь къ нему на лыжахъ, былъ немощно затруднителенъ: не говоря уже о крутыхъ входахъ, о разстояннхъ между скалами, о глубокомъ снѣгѣ въ долинахъ, намъ нерѣдко доставалось ползти на четверенькахъ по закраивающъ пропастей, весьма скользкихъ и обледенѣлымъ. Но наша отвага вознаграждалась великолѣпнымъ зрѣлищемъ. При первомъ взглядѣ, мнѣ показалось, что я вижу передъ собою ледяную гору Шницбергера, въ Смеренберговой гавани. Наличная сторона скалъ, образующихъ пропасть, покрыта была разноцвѣтными ледянными сосульми, — голубоватыми, блесоватыми; присокупите еще къ этому пещеры, разсыпаны и навислые верхи утесовъ, превосходящіе разнообразіемъ и живописностью формъ все, о чемъ вамъ случалось читать или слышать. Прямой путь къ водопаду сопряженъ былъ съ видимою опасностью, и мы не могли вполне видѣть нижней части водопада, по причинѣ утесовъ, выдающихся съ западной стороны. Спустился какъ можно ниже, мы всё-еще стояли во ста футахъ надъ уровнемъ рѣки, которая ревла подъ нашими ногами. Цвѣтъ воды переливался отъ ярко-зеленаго до весьма темно-зеленаго; водяная пыль возносилась свѣтло-сѣрыми облаками. Ни ужасная Ніагара, ни Какабикка Верхняго-Озера, ни Вильберфорскій водопадъ на рѣкѣ Гудъ (Hood's River), ни водопады Швейцаріи и Италіи, не представляютъ ничего подобнаго этой величественной картинѣ. Грозивъ и краше этого зрѣлища мнѣ въ жизнь свою не видать. Въ честь знаменитому мореплавателю, сирѣ Эдуарду Парри, я назвалъ этотъ водопадъ Parri's Falls.

Прибывъ въ Reliance, экспедиція принуждена была опять провести утомительную зиму въ своемъ скучномъ жилищѣ. Индѣйцы по-временамъ доставляли путешественникамъ съѣстные припасы; старый Аканчо съ своими товарищами явился снова ихъ вѣрнымъ другомъ; капитанъ Back посвящалъ большую часть времени приведенію въ порядокъ своихъ записокъ и наблюдений, и составлялъ свою карту. Сначала погода была весьма сурова, но въ февралѣ наступило

противъ чаянія такое теплое время , что 21 марта капитанъ могъ проститься съ своимъ становищемъ. Съ нѣкоторыми остановками , въ концѣ юля онъ прибылъ въ Sault-Sainte-Marie , гдѣ съ радушіемъ былъ принятъ Американскимъ комендантомъ, и 8 сентября явился уже въ Ливерпуль , черезъ два года и семь мѣсяцовъ послѣ своего отплытія изъ Англіи.

Выписки изъ повѣствованія капитана *Back*'а могли дать весьма выгодное понятіе о литературномъ достоинствѣ его книги. Въ самомъ дѣлѣ это сочиненіе, въ ряду путешествій къ сѣверному полюсу, должно занять гораздо высшее мѣсто нежели творенія другихъ знаменитыхъ мореплавателей, которые ничего не выплавали. Скажемъ нѣсколько словъ о результатахъ изысканій Г. *Back*'а. Записки его о стояніи термометра въ зимніе мѣсяцы, хоть весьма тщательно веденныя, не представляютъ ничего рѣшительнаго для опредѣленія средней годичной температуры этого ужаснаго края. Мы упомянули объ опытахъ надъ дѣйствіемъ холоду на эфирныя жидкости. «Когда термометръ Реомюровъ показывалъ 42° холоду, говоритъ авторъ, мы вынули изъ ящика четвероугольную бутылку, въ которой было до шести унцій сѣрнаго эѳира, и тотчасъ поставили бутылку, пробкою внизъ, на снѣгъ подъ термометромъ. Черезъ пятнадцать минутъ, внутренняя верхняя поверхность боковъ бутылки покрылась льдомъ, и на днѣ бутылки оказался густой осадокъ; вообще спиртъ казался сгущеннымъ и непрозрачнымъ. Въ продолженіи часа, между-тѣмъ какъ холодъ уменьшился до 41°, спиртъ оставался почти безъ перемѣны, или еще сдѣлался нѣсколько гуще. Въ этомъ состояніи мы осторожно внесли бутылку въ комнату и поставили на столъ въ четырехъ съ половинсю футахъ отъ огня: несмотря на близость его, при температурѣ въ 1½ градуса тепла, спиртъ получилъ свою прежнюю прозрачность и чистоту не прежде, какъ черезъ сорокъ двѣ минуты. Селитряный эѳиръ въ бутылкѣ, одинаковой величины съ первою, выставленный на морозъ въ теченіи двухъ часовъ, также сдѣлался липкимъ и вязкимъ, при температурѣ отъ 41° до 39 градусовъ холоду. Полторы драхмы сѣрнаго эѳира было влито въ бутылку съ стеклянною

пробкою. Когда зѣбрь сдѣлался вязкимъ, мы, вынувъ пробку, поставили къ горлу зажженую бумажку: зѣбрь загорѣлся, производя трескъ и выпуская газъ. При второмъ опытѣ, воспламененіе послѣдовало тогда только, когда огонь приведенъ былъ въ соприкосновеніе съ жадкостью, и сопровождалось подобнымъ же трескомъ».

Маленькая бутылка пригорѣло-древесной кислоты замерзла менѣе нежели въ полчаса при температурѣ 35° холоду. То же случилось со смѣсью одной части двойнаго спирту съ двумя частями воды; одной части того жъ спирту съ одной частью воды.

Ромъ сгустился въ нѣсколько минутъ, но не замерзъ.

Смѣсь двухъ частей чистаго спирту съ одною частию воды превратилась въ ледъ въ теченіе трехъ часовъ при температурѣ отъ 43° до 41° холоду. Другая смѣсь изъ четырехъ частей спирту и одной части воды только немного сгустилась въ то же самое время.

Ртуть, въ четыре дюйма толщиною, выставленная на холодъ въ 40 градусовъ, превратилась въ теченіе двухъ часовъ въ твердое тѣло.

Важнѣйшія изъ наблюденій капитана *Bask'a* суть тѣ, которыя онъ дѣлалъ надъ движеніемъ магнитной стрѣлки, и надъ вліяніемъ на нее сѣверныхъ сіяній, которыя всегда уклоняли стрѣлку отъ магнитнаго меридіана. Семь рисунковъ этого явленія весьма любопытны, и желательно, чтобы будущіе наблюдатели съ большею точностію опредѣляли формы и цвѣта самыхъ яркихъ переливовъ, замѣчая, какое положеніе, какой цвѣтъ, какія движенія этихъ блестящихъ лучей всего сильнѣе дѣйствуютъ на безпокойство и уклоненіе магнитной стрѣлки.

«Мы могли постоянно наблюдать сѣверное сіяніе въ продолженіи шести мѣсяцовъ въ первой и пяти мѣсяцовъ второй зимы. Однажды стрѣлка уклонилась на восемь градусовъ. Блестящіе и движущіея столбы съ радужными цвѣтами, при туманной атмосферѣ, всегда дѣйствовали на нее. Напротивъ того, тѣ же столбы, блестящіе и движущіея, даже съ

темно-красными или желтоватыми цвѣтами, при совершенно ясномъ небѣ рѣдко производили замѣтное измѣненіе: стрѣлка только немного колебалась. Густой туманъ, съ яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ, обыкновенно имѣлъ на нее сильное вліяніе. Притомъ самыя блистательныя и игривыя мерцанія происходили всегда въ самыя жестокіе морозы. Втеченіе двухъ зимъ, ни при одномъ случаѣ, игра сѣвернаго сіянія не сопровождалась какимъ-либо звукомъ. Сіяніе часто было видно въ сумерки, то на востокъ, то на западъ. Часто даже среди дня, являлись облака, по формѣ и по расположенію похжія на сіяніе.

Смотря на карту открытій капитана *Back'a*, нельзя не видѣть важнаго прибавленія къ нашимъ географическимъ свѣдѣніямъ. Онъ наполнилъ землями, рѣками и озерами пробѣлъ между Бетурстовымъ Пролывомъ, Большимъ Невольничьимъ Озеромъ и Гудсоновымъ Заливомъ. Данный, который онъ собралъ, снова воскресилъ усопшій вопросъ о существованіи сѣверо-западнаго прохода и возможности открыть его; вопросъ, который прежде уже встѣлъ наскучилъ, а послѣ изданія знаменитаго путешествія капитана *Ross'a* сдѣлался предметомъ насмѣшекъ. Со времени выхода въ свѣтъ книги капитана *Back'a*, многочисленныя предложенія новыхъ попытокъ были сдѣланы Англійскому Географическому Обществу, которое наконецъ назначило комитетъ для разсмотрѣнія дѣла. Три мнѣнія уже напечатаны, — одно сирѣ *John'a Barrow*, президента общества, другое доктора *Richardson'a*; третье сирѣ *John'a Franklin'a*.

Сирѣ *John* Вагговъ говоритъ, что вѣнокъ Васко-де-Гамы ожидаетъ того, кто переступитъ черезъ завѣтный порогъ сѣвера, и закликаетъ Англію не отдавать этого вѣнка никому другому народу. Онъ указываетъ на Россійскія поселенія, лежація близъ Берингова Пролыва, гдѣ есть человекъ, говоритъ онъ, отважный, предприимчивый и прозорливый (баронъ Врангель), котораго всѣ мысли устремлены къ пользамъ Географіи, который провелъ пятьдесятъ восемь дней на сѣверномъ Сибирскомъ океанѣ, и который имѣетъ въ готовности двѣ корветты: все заставляетъ думать, что онъ только

ждать соизволенія своего правительства, чтобы испытать счастья въ такомъ предпріятіи, котораго успѣхъ увѣнчаетъ его безсмертною славою. Утвердивъ множествомъ доводовъ несомнѣнность сообщенія между Атлантическимъ и Тихимъ Океанами, президентъ переходить къ разбору причинъ всѣхъ неудачныхъ попытокъ открыть это сообщеніе. Онъ говоритъ, что донынѣ всѣ покушенія были только опыты; что добровольно сбывались съ настоящаго пути; что провезъ зиму въ замерзшемъ океанѣ было нѣчто новое, романическое, и оттого до-сихъ-поръ всѣ мореплаватели держались какого-нибудь берега; что *это самое* и было причиною неудачъ: плавающіе льды нагромождаются около береговъ, особенно около узкихъ проливовъ, и отъ нихъ-то подвергались опасности корабли, изъ которыхъ одинъ разрушился совершенно, другой почти, а третій былъ брошенъ. Находясь взаперти девять или десять мѣсяцевъ въ году, у моряковъ пропадала охота отбавиваться далѣе на *сплдующее льто*. По его мнѣнію, надлежало кораблямъ сколько возможно избѣгать береговъ и проливовъ, и держаться открытаго моря, которое лѣтомъ совершенно чисто ото льдовъ, а зимою только отчасти покрывается ими. Въ примѣръ приводятъ онъ одно китоловное судно, *Granville Bay*, которое было затерто между пловучимъ льдомъ, унесено вмѣстѣ съ нимъ на шесть сотъ миль и не претерпѣло поврежденія. Отсюда Г. Ваггю выводять, что военному кораблю и подавно нечего бояться сѣверныхъ льдовъ.

Но гдѣ же найти это открытое море? Для рѣшенія вопроса онъ указываетъ на свѣдѣнія, доставленныя *Franklin'омъ*, *Richardson'омъ*, *Elson'омъ*, *Ross'омъ*, *Back'омъ*. Всѣ они говорятъ, что вдоль всего берега Америки ни какой земли не было видно къ сѣверу; что море большею частію свободно было ото льдовъ; что небольшія отдѣльныя массы, которыя тамъ носятя, не представляютъ затрудненія даже путешествіямъ Эскимосовъ въ ихъ челнокахъ. Капитанъ *Ross* плылъ вдоль западнаго берега земли, неправильно названной *Boothia*, — потому что еще Раггу открылъ ее и зимовалъ на ней, — сперва къ сѣверу, гдѣ онъ опредѣлялъ точку магнит-

наго полюса, и потомъ къ югу, гдѣ онъ поставилъ свой обелискъ; но въ продолженіе всего плаванія не видалъ онъ земли къ западу и не встрѣчалъ препятствія для плаванія по этому морю. Этотъ же мореплаватель думаетъ, что западный берегъ протягивается къ сѣверу до Мыса Завлада, Cape Walker, гдѣ капитанъ Parry показалъ широкое море, открытое съ юга. Изъ всего этого Г. Ватгюу заключаетъ, и кажется довольно основательно, что между берегомъ Америки и сѣверными островами, Мельвилль и другими, есть широкое море, достаточно открытое, чтобы военный корабль могъ по немъ свободно плавать. Такъ какъ уже доказано, что ни какого затрудненія не существуетъ для прохода черезъ проливы Lancaster и Ватгюу, то легко достигнуть до этого открытаго моря; и «въ такомъ случаѣ, говоритъ президентъ, можно надѣяться совершить этотъ проѣздъ (сѣверо-западный) не болѣе какъ въ одинъ годъ.»

Другія два мнѣнія — чисто географическія. Докторъ Richardson предлагаетъ отправить экспедицію черезъ страны уже пройденныя, съ тѣмъ чтобы она зимовала на восточной оконечности Большаго Медвѣжьяго озера; отсюда она должна совершить обзорніе берега, сперва къ западу отъ рѣки Мекензи, а потомъ къ востоку отъ мыса Tigzagain. Для этого онъ предлагаетъ свой планъ, исчисляетъ число нужныхъ людей и ботовъ, и даетъ экспедиціи работы по крайней-мѣрѣ года на три. Однако жъ онъ допускаетъ, что въ восточной части надо слѣдовать плану Г. Franklin'a. Этотъ планъ состоитъ въ слѣдующемъ: отправить одинъ корабль, или два небольшихъ корабля, съ двумя ботами къ рѣкѣ Завлада, которая не можетъ быть далѣе сорока миль отъ оконечности залива Принца регента; каждый ботъ долженъ поднимать до восьми человѣкъ съ запасомъ на два мѣсяца; одинъ употребить на изслѣдованіе берега къ западу до той точки, куда достигъ Г. Васк, и далѣе до Мыса Поворачивай-назадъ; другому боту плыть восточнымъ берегомъ залива Принца регента, вверхъ, до пролива Несла и Fugy. Тутъ слѣдуютъ подробныя правила для руководства обѣимъ партіямъ, и для возвращенія ихъ на корабль или корабли въ Заливъ Завлада,

и авторъ, приглашая всѣхъ читателей отправляться въ эту невыразимо интересную экспедицію, предлагаетъ для ней употребить капитановъ *Ross'a* и *Back'a*; а если ни тотъ ни другой не согласится, то самъ докторъ «за честь себя поставить» начальствовать надъ вами и править кораблемъ между ледяныхъ горъ, сколько бы ихъ тамъ ни плавало.

=

НОВѢЙШІЯ

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМЪ.

=

Ничто столько не вредитъ успѣху положительнаго знанія какъ теорія , или умозрительныя понятія , о свойствахъ различныхъ дѣятелей природы. Когда мы , съ теоріей на умѣ , открываемъ новый фактъ , мы никогда не смотримъ на него съ той стороны , съ какой онъ намъ является , но хотимъ непременно найти его согласнымъ съ предвзятымъ понятіемъ о сущности вещества , къ которому онъ относится ; и , что всего хуже , хотимъ тотчасъ объяснить его тѣмъ , что уже знаемъ , не думая , что можетъ-быть мы дурно знаемъ это или что между прежнимъ знаніемъ нашимъ и новооткрытымъ фактомъ таится цѣлый рядъ фактовъ , намъ вовсе неизвѣстныхъ. Ни въ одной наукѣ эта опрометчивость , или это несчастье , нашего ума не дѣлаетъ столько зла какъ въ Физикѣ , которая служить свѣтломъ и пособіемъ для множества другихъ наукъ. Здѣсь всякая легкомысленность теоретиковъ порождаетъ длинную цѣпь заблужденій , которыя потомъ распространяють запутанность и мракъ во многихъ другихъ отрасляхъ знанія. Въ Астрономіи , Механикѣ , Физиологіи , Медицинѣ , допытливый испытатель обыкновенно опираетъ свои соображенія на какую-нибудь истину уже дознанную въ Физикѣ , а между-тѣмъ истина эта далеко не дознана ; она только предположеніе , выданное за фактъ заносчивостью тѣхъ , которые все объясняютъ ; она только благовидная ложь , и на этой-то лжи , въ десяти другихъ наукахъ , основываютъ самыя блистательныя выводы. Лигушка , кусокъ стекла и маг-

вить, случайно обнаружили намъ разные непонятныя явленія. Вмѣсто того чтобы ограничиться собираніемъ и записываніемъ этихъ явленій, пока не исчерпаемъ ихъ до послѣдней возможности, мы ту жъ минуту принялись объяснять ихъ, и создали для удобства нашего бѣднаго ума три различныя летучія, невѣсомыя жидкости, — гальанизмъ, электричество и магнитность. Сколько ученій основано было на этихъ трехъ *дѣтеляхъ*! Въ наукахъ положительныхъ, какъ и въ нравственныхъ, есть люди, несмотря на свою ученость, слабоумные и фанатики, которые все принимаютъ за истину и готовы предать себя истязанію за несомнѣнность теоріи, которая удовлетворяетъ ихъ сегодня. Эти ученые живутъ только настоящимъ временемъ и никогда не думаютъ о завтрашнемъ. Для нихъ пословица — «утро вечера мудренѣе» не существуетъ. Такимъ образомъ, три жидкости, гальваническая, электрическая и магнитная, превратились въ пламенные вѣрованія. Между-тѣмъ какъ немногіе осторожныя умы изрѣдка изъявляли сомнѣніе въ основательности наблюденія, боясь, чтобы тутъ не скрывался оптической обманъ, всѣ остальные смѣло писали теоріи, твердили о трехъ жидкостяхъ и сочетаніемъ ихъ объясняли даже начало міра. Послѣ цѣлаго столѣтія мечтаній, громкихъ разглагольствій, страстныхъ увѣреній въ очевидности дѣла, наконецъ въ наше время, когда уже нашлось довольно значительное количество наблюденій надъ образными проявленіями трехъ жидкостей, мы спохватились, что эти теоріи были преждевременны, что весьма многія явленія обща тремъ инымъ дѣтелямъ, и что каждый изъ нихъ можно получить, въ извѣстныхъ случаяхъ, одни и тѣ же результаты, которые, слѣдственно, должны принадлежать одному дѣтелю; что мы только не знаемъ еще всѣхъ промежуточныхъ фактовъ, которыми бы могли вполне связать три жидкости, три различныхъ образа проявленія одной и той же силы, въ одну жидкость и одну силу.

Гальанизмъ первый исчезъ съ поприща и слился съ электричествомъ, съ тѣхъ поръ какъ Вольтовъ столбъ и электрическая машина, употребленные въ дѣлю съ большимъ искусствомъ, начали производить одинаковыя явленія. Вскорѣ магнитность стала обнаруживать разные феномены, совер-

шенно сходные съ феноменами электричества, и надобно было слить двѣ остающіяся жидкости въ одну: на первый случай составили изъ нея смѣсь подъ названіемъ электромагнитности. Наконецъ, года четыре тому назадъ получили изъ магнита и электрическую искру, которая жестоко потрясла теоріи: свѣтлый умъ Faraday, пользуясь этимъ открытіемъ, успѣлъ связать одною неразрывною цѣпью множество фактовъ, примѣченныхъ другими и почитаемыхъ за несогласные между собою, и теперь одни только отсталые и старовѣры упорствуютъ еще въ раздѣленіи магнитности отъ электричества.

Но не должно думать, чтобы мы уже достигли до познанія истины, удостовѣрившись болѣе или менѣе въ тождествѣ трехъ предполагаемыхъ дѣателей и водворивъ одно *электричество* вмѣсто электричества, гальванизма и магнитности. Ганстенъ, собравъ все наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, сдѣланныя доселѣ въ разныхъ точкахъ шара, провелъ на картѣ черты равносильной земной магнитности, и эти черты оказались соответственными Гумбольдтовымъ линіямъ равносильной теплоты климатовъ: пришлось по-необходимости заключить, что магнитность и теплота (также невѣсомая *жидкость*) должны зависѣть отъ одного и того же начала. Вотъ уже третья жидкость, теплота, сливается съ электричествомъ, и третья прекрасная теорія опрокинута, хотя еще нѣтъ средства согласить всѣхъ явленій теплоты съ извѣстными явленіями электричества. Далѣе: свѣтъ (опять невѣсомая *жидкость*), такъ же какъ и теплота, въ разныхъ случаяхъ производитъ явленія, которыя прежде приписывались исключительно магнитности. Неужели и эта драгоценная жидкость, свѣтъ, уничтожится, и мы будемъ, вмѣсто пяти дѣателей, имѣть одно только электричество? Моссотти сверхъ-того приписываетъ ему силы тяготѣнія и сцепленія, а Mackintosh и самое движеніе. Очень хорошо: электричество, жидкость летучая, безконечно тонкая, невѣсомая, проникать въ тѣла и весь земной шаръ, приводитъ его въ движеніе, связываетъ его съ солнцемъ, является въ магнитѣ и земномъ шарѣ магнитностью, въ живыхъ тѣлахъ гальванизмомъ, въ другихъ случаяхъ теплою и свѣтомъ:

*

какъ оно это дѣлаетъ, мы не знаемъ, но эти протеевы превращенія, эти бесконечно разнообразныя феномены, по-видимому; относятся къ одному и тому жъ началу. На этомъ можно было бы остановиться; но вотъ Г. Реасокъ представляетъ очень замысловатую машинку для *взвѣшиванія* значенной *вертѣсой* жидкости электрической, а Г. Brewster объщаетъ сообщить въ нынѣшнемъ году, на съѣздѣ Англійскихъ ученыхъ, несомнѣныя доказательства, что такъ-называемая магнитность земнаго шара, которая дѣйствуетъ на стрѣлку, имѣетъ мѣсто въ *воздухѣ*, а не въ земномъ шарѣ. Тутъ ужъ надо признаться, что нынче менѣе чѣмъ когда-либо можно сказать, что такое электричество. Достоверно лишь одно, — что оно есть и что мы его не понимаемъ; что еще не скоро мы будемъ въ состояніи понять его, и потому должны удерживаться, покажемъ, отъ всякихъ теорій, всякихъ умозрительныхъ объясненій, и собирать факты. Когда мы накопишь два милліона новыхъ наблюденій, тогда бытъ-можетъ выведемъ изъ нихъ что-нибудь путное. Теперь мы въ правѣ сказать только то, что въ природѣ есть какое-то начало, — если угодно, жидкость, — а если не угодно, то *свойство*, — которое составляетъ основаніе всѣхъ тѣхъ и обнаруживается тысячью удивительными явленіями добровольно, или когда мы раздражимъ эти тѣла известными средствами. Молнія, искры, свѣтъ, теплота, огонь, таинственныя химическіе процессы, развитіе жизни, потрясенія тѣлъ, сѣпленіе частицъ, образованіе правильныхъ фигуръ, и прочіе безчисленныя феномены, все исторгается изъ непрозрачныхъ тайниковъ матеріи, когда мы взволнуемъ или разшевелимъ въ ней это основаніе, эту душу, тѣлъ. Пусть оно будетъ и электричество: названіе ничего не значить и ничему не научаетъ.

Бытъ-можетъ, мы находимся теперь въ точкѣ великаго перелома человѣческаго знанія. Бытъ-можетъ, изъ этого хаоса понятій истечетъ лучъ яркаго свѣту, который озаритъ нашъ путь къ великимъ истинамъ природы. Но, пока это наступить, намъ остается только слѣдовать за ходомъ новыхъ наблюденій и открытій, и не спѣшить общими выводами.

Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій, и именно

тъ, которыя, по мнѣнію нашему, могутъ быть занимательны для читателей этого журнала.

Въ 1835 году дали мы въ «Сѣси» двадцать второй книжки Б. для Ч. описаніе машины, которую изобрѣлъ Г. Мас-Gauley и которая вмѣсто паровъ дѣйствовала магнитами. Великій шумъ поднялся по случаю этого изобрѣтенія, и жестоко взволновались компаніи паровыхъ дилижансовъ и желѣзныхъ дорогъ въ Англіи. Оно грозило совершеннымъ переворотомъ въ этой промышленности. Общество Англійскихъ Ученыхъ, на Дублинскомъ сѣздѣ, опредѣлило значительное денежное пособіе господину Мас-Gauley для усовершенствованія этой машины. Важность ея зависѣла вполне отъ приданія ей практической пользы. Въ прошломъ году, на сѣздѣ общества въ Бристолѣ, Г. Мас-Gauley представилъ подробный отчетъ въ своихъ любопытныхъ опытахъ. Онъ не могъ устранить всѣхъ неудобствъ первоначальнаго изобрѣтенія; и, кажется, «магнитную машину» можно, покажѣтъ, считать неудавшейся. Но опыты его весьма любопытны тѣмъ, что они служатъ новымъ доказательствомъ тождества магнитности и электричества.

При изслѣдованіи электричествъ, происходящихъ изъ различныхъ источниковъ, мы часто забываемъ, что электричество можетъ измѣняться и въ количествѣ и въ силѣ, и что при всякомъ измѣненіи качества или силы, или качества и силы вмѣстѣ, нельзя ожидать тѣхъ же результатовъ. Следовательно, при испытаніи тождества какого-нибудь дѣятеля съ электричествомъ, мы не должны употреблять тѣхъ средствъ, которыя служатъ къ опредѣленію или количества или силы, или находятся въ зависимости отъ того или другаго. Если во время такихъ опытовъ электрометръ или гальванометръ остаются безъ видимой перемѣны, отсюда нельзя еще вывести отрицательнаго заключенія. Если до-сихъ-поръ мы не замѣчали, чтобъ гальванизмъ дѣйствовалъ на электрометръ, или электрическая машина на гальванометръ, или чтобъ электричествомъ можно было производить магнитность, и на оборотъ магнитностію электричество, или электричествомъ теплоту, и наоборотъ теплотою электричество, то это отнюдь не значитъ, чтобъ они были не тождественны.

Чтобы опредѣлить съ достовѣрностію тождество чего-нибудь съ электричествомъ, намъ остается открыть такое свойство электричества, которое бы не претерпѣвало измѣненія или не зависѣло бы отъ его количества или силы. Извѣстно, — и химія предлагаетъ намъ одно доказательство, — что начала тѣмъ могутъ быть одинаковы, по количеству и по силѣ взаимнаго ихъ дѣйствія, и, несмотря на то, они могутъ производить совершенно различныя послѣдствія. Такъ, напримеръ, изъ двухъ равныхъ, по объему, количествъ углерода и водорода можно составить, по-крайней-мѣрѣ, три весьма различныя тѣла.

Слѣдующіе результаты опытовъ господина Mac-Gauley, кажется, ясно удостовѣряютъ въ тождествѣ электричества и магнитности, и въ томъ, что магнитность не требуетъ, и не предполагаетъ обращенія электрическихъ теченій.

Во-первыхъ: ударъ и искра получались *посредствомъ магнита* тогда только, когда прервано сообщеніе батареи; доколѣ поддерживалось это сообщеніе, Г. Mac-Gauley не примѣчалъ ни искры, ни удара. Во-вторыхъ: ударъ и искра не суть дѣйствія батареи; потому что для полученія удара, — этого удара, не замѣтилъ ни одинъ физикъ, — не нужно возстановлять части сообщенія между мѣдью и цинкомъ, но просто, между оконечностями винтообразной проволоки, или между каждою изъ этихъ оконечностей и мѣдью или цинкомъ батареи. Въ-третьихъ ударъ и искра не происходятъ отъ магнетизма полосы, заключенной въ проволоку, потому что тѣмъ совершенное размагнитизирована полоса, посредствомъ прерваннаго сообщенія, тѣмъ лучше. Замѣчательно сверхъ-того, что сильный ударъ и блестящую искру можно получить посредствомъ магнита безъ всякаго желѣза, и изъ кучи проволоки, сложенной вовсе не въ винтообразномъ видѣ. Это, какъ замѣчаетъ Г. Mac-Gauley наводитъ на идею весьма простаго и сильнаго электрическаго аппарата, который и легокъ для владѣнія, и всегда можетъ быть въ готовности: извѣстная длина проволоки и извѣстное число ея колець, при данномъ теплотѣрѣ, имѣютъ свойство столба и дѣйствуютъ съ ударомъ и искрою. Г. Mac-Gauley полагаетъ, что ударъ и искра

могутъ происходить слѣдующимъ образомъ: потокъ электрической бѣжити по проволоку отъ мѣди къ цинку; его дѣйствіе на проволоку прекращается, какъ скоро прервано соприкосновеніе батареей; нарушенное равновѣсіе проволоки мгновенно возобновляется. Электричество батареи, пробѣгая по винтообразной проволоку, казалось бы, должно пріобрѣтать сугубую силу; но по этимъ опытамъ, очевидно выходитъ не то. Въ-четвертыхъ: искра и ударъ доказываютъ, что теченія не обращаются около магнита. Но если и обращаются, они и тогда могутъ, какъ намъ извѣстно изъ второстепенныхъ теченій, производить ударъ и искру. Винтообразная проволока, сама по себѣ можетъ производить такіа дѣйствія: пусть проволока и магнитъ дѣйствуютъ совокупно; мы ожидаемъ, что эти дѣйствія усилятся, — а на-дѣлъ выходитъ протпвное: они могутъ, и должны, уничтожаться, потому что магнитъ, вслѣдствіе своего электрическаго дѣйствія, содержитъ проволоку въ возбужденномъ состояніи. Общій законъ электричества удѣлнительно объясняетъ магнитныя явленія.

Г. Mac-Gauley никакъ не вѣритъ, чтобы электрическое дѣйствіе состояло въ *передачѣ жидкости*, а не въ простомъ расположеніи частицъ: повятіе о передачѣ опровергается однимъ опытомъ, который онъ уже производилъ прежде. Ничто не доказываетъ, чтобы дѣйствіе Вольтова столба состояло въ прохожденіи электричества черезъ жидкость отъ цинка къ мѣди и, по проволоку, отъ мѣди къ цинку: оттолкновение, которое послало электричество черезъ жидкость, — несовершенный проводникъ, — должно бы тогда препятствовать возврату электричества по проволоку. Г. Mac-Gauley устроилъ маленькой деревянный ящикъ, мѣроу внутри въ три кубическіе дюйма; раздѣлил его на двѣнадцать камерокъ посредствомъ стеклянныхъ пластинокъ; помѣстилъ въ камерки шесть мѣдныхъ и шесть цинковыхъ пластинокъ, въ каждую по одной, въ обыкновенномъ порядкѣ Вольтовой машины; наполнилъ камерки зарядомъ изъ смѣси одной части сѣрной кислоты, разведенной пятидесятью частями воды, съ одной частію селитряной кислоты, разбавленной ста частями воды, и соединилъ крайнія пластинки съ весьма тонкимъ гал-

ванометромъ; но дѣйствія ни какого не послѣдовало, исключая только того случая, когда шъдъ и цинкъ были помѣщаемы въ одну каморку, или когда каморки ихъ соединили проводниками. Однако жъ въ этомъ опытѣ нѣтъ еще рѣшительнаго опроверженія его идеи; потому что самая разобщающая способность стекла и другихъ веществъ, можетъ происходить отъ неспособности ихъ частицъ къ электрическому расположенію.

Если справедливо, что электрическое дѣйствіе есть *расположеніе*, а не передача, частицъ, то понятна будетъ причина движенія мускуловъ лягушки, производимаго *прерваннымъ* прикосновеніемъ къ Вольтову столбу, даже къ одному кружку; опасныя слѣдствія для того, кто находится въ близкомъ разстояніи отъ молніи, перелетающей изъ одного облака въ другое; наконецъ ударъ и искра, получаемыя отъ большаго количества проволоки: все это, конечно, происходятъ отъ одной причины, и есть слѣдствіе одного общаго закона.

Перейдемъ къ занимательныхъ опытахъ надъ вліяніемъ электричества на жизнь растений. Никто не сомнѣвается въ томъ, что растенія, какъ и животныя, получаютъ свое жизненное начало изъ воздуха, и едва ли можно сомнѣваться, что это начало есть то же таинственное основаніе всѣхъ неодушевленныхъ тѣлъ, о которомъ мы говорили, — электричество, — или какъ бы оно ни называлось. Но вотъ въ чемъ дѣло: мнѣніе весьма многихъ Англійскихъ физиковъ клонится теперь къ тому, что это начало *истекаетъ изъ солнца*, — предположеніе, которое весьма сближаетъ электричество со свѣтомъ и согласуется съ тѣмъ, что докторъ Brewster говоритъ о пребываніи магнитной силы въ воздухъ, а не въ земль. Оставимъ гипотезы, посмотримъ факты, примѣченные Г. *Pine* омъ.

«Меня увѣрялъ Г. Sturgeon, пишетъ этотъ испытатель, что напряженіе воздушнаго электричества бываетъ гораздо сильнѣе во время холодныхъ, сухихъ вѣтровъ мартовскихъ, при ясной атмосферѣ, нежели въ прочія поры года, и что въ этомъ убѣждаютъ его многочисленныя опыты. Не худо замѣтить, что мои собственные опыты довели меня до того же заключенія, прежде нежели онъ сообщилъ мнѣ свое мнѣніе. Въ

этомъ случаѣ теорія и наблюденіе совершенно совпадаютъ. Слѣдующій опытъ докажетъ, что отрицательное электрическое состояніе сѣмянъ и почвы тогда какъ атмосфера наэлектризована положительно, особенно благопріятствуетъ прозябанію, и что сверхъ-того, прозябаніе, ростъ, есть процессъ электрическій. Я посадилъ 20 апрѣля, въ одинаковыхъ почвахъ, нѣсколько сѣмянъ горчичныхъ: одно было наэлектризовано положительно, другое отрицательно, а третье оставлено въ естественномъ состояніи. Наэлектризованныя сѣмена взошли черезъ четверо сутокъ, но отрицательно-наэлектризованное сѣмя имѣло ростокъ больше и сильнѣе нежели другое; не-наэлектризованное взошло двумя сутками позже. Двѣнадцатаго мая отрицательное растеніе дошло до $2\frac{3}{4}$ дюймовъ; положительное до $2\frac{1}{4}$; не-электризованное только до $1\frac{1}{2}$ дюйма; и притомъ оба наэлектризованныя, сравнительно съ нимъ, были и крѣпче и роскошнѣе. Превосходство отрицательнаго электричества въ сѣменахъ передъ положительнымъ, и превосходство того и другаго, относительно быстроты прозябанія, передъ сѣменами въ естественномъ состояніи, были явны. Этотъ фактъ замѣченъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и подтвержденъ многими опытами доктора Сахтоу и аббата d'Огтоу; но я никакъ не надѣялся получить такой же результатъ, когда производилъ свой опытъ, который предшествовалъ наблюденіямъ моимъ объ относительномъ электриствѣ атмосферы и почвы. То и другое электричество, возбуждая растительные соки, кажется, производятъ растяженіе и прозябаніе; и сильнѣе дѣйствуетъ то изъ нихъ, которое дѣйствуетъ по направленію вверхъ. Г. Weekes подтверждаетъ этотъ общій фактъ: онъ говоритъ, что его «наэлектризованныя растенія показываются прежде ненаэлектризованныхъ, посаженныхъ совершенно одинаково съ ними, и что потомъ они продолжали расти съ болѣею силою». Съ помощію Вольтова столба онъ получилъ удивительные результаты, которыхъ подробности онъ скоро сообщитъ публикѣ. Г. Weekes дѣлалъ прошлаго лѣта опыты надъ жизнію и ростомъ особенно тѣхъ растеній, которыя живутъ на разныхъ высотахъ.

«Вотъ еще нѣсколько фактовъ, которые я имѣлъ случай

замѣтить. Нарсизъ, совершенно чахлый, по перенесеніи въ ту комнату, гдѣ его сильная электрическая машина содержится въ частомъ дѣйствіи, скоро обнаружилъ признаки необыкновенной силы: онъ выросъ до высоты *трехъ футовъ*, былъ свѣжъ и роскошенъ. Нѣсколько сорванныхъ вѣтокъ мохъ-розы, и другихъ цвѣтовъ, были поставлены въ стакавъ воды на панель той же комнаты, и они цвѣли до тѣхъ поръ, пока не образовывались сѣмяна; цвѣли *пять недѣль*, и наконецъ потеряли цвѣтъ, но не завяли. Одна прекрасная лилія склоняла свой цвѣтокъ на нѣсколько часовъ ночью, когда машина переставала дѣйствовать, и принимала опять прежнюю силу, бодрость, прамизну, какъ скоро машина приводилась поутру въ движеніе. Эти опыты въ особенности важны тѣмъ, что растенія не были въ прямомъ сообщеніи съ электрическою машиною и что электрическая жидкость дѣйствовала на нихъ черезъ воздухъ, наполняющій комнату. Они служатъ также подтвержденіемъ той истины, что отрицательное состояніе снизу при положительномъ состояніи атмосферы сверху, хоть бы вы ничего не прибавляли къ количеству электрической матеріи, есть самая существенная потребность растеній, для возбужденія и успѣха ихъ жизни. Высокая температура комнаты, безъ сомнѣнія, значительно споспѣшествовала къ процессу. Я недавно замѣтилъ также, что отпрыски растеній, опущенные въ воду, изъ которой предварительнымъ кипяченіемъ былъ выгнать углекислый газъ, быстро погибаютъ, какъ-будто лишены были воды; что, напротивъ, они сохраняютъ свою силу, когда насытитъ воду избыточнымъ количествомъ этого газа. Это согласуется съ опытомъ надъ осеннимъ листомъ: паденіе этого листа, безъ увяданія на вѣтви, явно кажется зависеть отъ присутствія углекислаго газа въ водѣ; и потому весьма вѣроятно, что этотъ газъ необходимъ, или весьма много способствуетъ восхожденію растительнаго соку по причинѣ сродства кислорода, содержащагося въ сокѣ, съ положительнымъ электричествомъ атмосферы, между-тѣмъ какъ углеродъ отдѣляется отъ соку и переходитъ въ листъ или въ вещество растенія. Наблюденія Г. *Weekes*'а совершенно согласны съ этимъ выводомъ: «Судя по моимъ опытамъ, пишетъ онъ ко

мъ, углекислый газъ бываетъ въ большомъ изобиліи къ концу весны и въ началѣ лѣта; потомъ независимо отъ мѣстныхъ причинъ, онъ постепенно убавляется, и наконецъ въ зимніе мѣсяцы самое меньшее его количество присутствуетъ въ обыкновенной атмосферѣ.»

Но любопытнѣе всего, что помощію электричества можно *дѣлать червей изъ камня*, и притомъ червей совершенно новой породы. Это походитъ на парадоксъ. Для оправданія подобнаго извѣстія, мы должны сдѣлать довольно пространную выписку изъ письма профессора *Philips'a*, известнаго физика, котораго любопытныя опыты надъ дождемъ были описаны въ одной изъ книжекъ Б. для Ч^а. Докторъ *Philips* посвятилъ прошлымъ лѣтомъ *G. Crosse'a*, котораго многочисленные опыты съ сильными электрическими снарядами возбуждаютъ вниманіе естествоиспытателей. *G. Crosse* принадлежитъ къ многочисленному классу тѣхъ благородныхъ людей съ наукою и дарованіемъ, которые въ Англіи посвящаютъ не только свои досуги, но свои богатства, распространенію круга нашихъ познаній. Со времени блистательныхъ открытій доктора *Faraday*, электро-магнитность, или по-просту электричество, сдѣлалось модою въ Англіи. Люди богатые запасаются огромными батареями и въ своихъ красивыхъ помѣстіяхъ производятъ опыты съ примѣчательнымъ искусствомъ и рвеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этого множества наблюденій, которыя тамъ дѣлаются повсюду, въ скоромъ времени будутъ выведены чрезвычайно важныя факты, и мы, вѣроятно, будемъ обязаны Англіи открытіемъ по этой части, новаго великаго закона природы, не менѣе, благотворнаго для успѣховъ науки чѣмъ Ньютонъ законъ всеобщаго тяготѣнія.

«Въ числѣ машинъ *G. Crosse'a*, пишетъ докторъ *Philips* особеннаго вниманія заслуживаетъ его электрической аппаратъ, устроенный для собиранія и измѣренія силы атмосфернаго электричества. Онъ собираетъ его посредствомъ проволоки, толщиною въ шестнадцатую долю дюйма, протянутой отъ высокаго шеста, или отъ одного дерева до другаго, по всему его парку. Проволоки изолированы стек-

* Томъ XVII, Смѣсь, стр. 46.

ляными трубочками, весьма остроумно приспособленными. Теперь, все количество проволоки, протянутой такимъ образомъ въ его паркѣ, составляетъ въ длину до двухъ сотъ пятидесяти сажень. Баронъ Charles Dupin, на съездѣ ученыхъ въ Бристоль, рассказывалъ, что проволоки протянуто на двадцать миль, и что вся окрестность усадьбы кипитъ громомъ и молнією къ великому страху поселянъ, которые, такимъ образомъ, перестали красть дичину Г. Crosse'a и оставили затѣйливаго помѣщика въ спокойномъ обладаніи его фазанами и кроликами. Г. Crosse отъ души смѣялся этому преувеличенію, однако жъ увѣрялъ меня, что дѣйствительно его опыты поселяли ужасъ въ крестьянахъ.

«Проволоки эти проведены къ аппарату, устроенному въ окнѣ музыкальной залы, и помощію разобщающаго рычага могутъ по произволу быть удалены отъ аппарата, когда притокъ электричества бываетъ слишкомъ силенъ; но при умѣренномъ притоцѣ, проволока примыкаетъ къ шару, висающему надъ исполнскою батареею, которая быстро заряжается, и потомъ разряжается посредствомъ обыкновеннаго разрядника. Онъ сказывалъ мнѣ, что иногда притокъ электричества бываетъ такъ силенъ, что батарея заряжается и разряжается двадцать разъ въ минуту съ громомъ, похожимъ на пушечные выстрѣлы; и какъ эти выстрѣлы слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ, то незнакомые съ дѣломъ убѣгаютъ со страхомъ изъ дому, поминутно ожидая, что хозяинъ погибнетъ со всеми своими затѣями. Но онъ самъ привыкъ уже къ этой оглушительной и опасной пальбѣ; хладнокровно повертываетъ свой разобщающій рычагъ, когда машина его приходитъ въ ярость, и проводитъ молнію въ землю. Погода была въ тотъ день очень сыра, и потому мы не могли подвергнуть нашей храбрости опыту.

«Всѣ части аппарата имѣютъ видъ издѣльнаго совершенства, — и все это имъ самимъ придумано, потому что самъ онъ хорошій механикъ и постоянно занимался физикою въ теченіи тридцати лѣтъ. Я узналъ также, что на покунку и снаряженіе одного этого аппарата Г. Crosse употребилъ около 3000 фунтовъ стерлинговъ (75,000 рублей).

«Я съ любопытствомъ замѣчалъ каждую вещь въ его водяныхъ вольтовыхъ батареяхъ, и исчислю вамъ главнѣйшіе аппараты.

1. Батарея во 100 паръ кружковъ, каждый въ 25 квадратныхъ дюймовъ, заряжаемая, какъ и прочія, посредствомъ воды; она дѣйствуетъ на чашки, въ которыхъ содержится одна унція углекислаго барита и приведеннаго въ порошокъ сѣрнокислаго алюминія и образуетъ своимъ электричествомъ кристаллы сѣрнокислаго барита при положительномъ, и кристаллы алюминія при отрицательномъ полюсахъ.

2. Батарея въ 11 паръ кружковъ, имѣющихъ 12 дюймовъ въ длину и 4 дюйма въ ширину. Дѣйствуя шесть мѣсяцовъ на плавиковокислосое серебро, она произвела большіе шестисторонніе кристаллы у отрицательнаго, и кристаллы хальцедона и кремнезема у положительнаго полюса.

3. Батарея во 100 паръ кружковъ, каждый въ 4 квадратныхъ дюйма, дѣйствующая на 832 части стланца и 3 части платины. Она служитъ Г. *Crosse*'у для произведенія шестистороннихъ кристалловъ при положительномъ полюсѣ.

4. Батарея во 100 паръ кружковъ, имѣющихъ 5 квадратныхъ дюймовъ. Этотъ аппаратъ дѣйствуетъ на селитро-кислосое серебро и мѣдь, и производитъ малахитъ при положительномъ полюсѣ; при отрицательномъ, во время моего посѣщенія, уже появлялись кристаллы съ замѣтными углами и гранями.

5. Батарея въ 16 паръ двухъ-дюймовыхъ кружковъ, въ маленькихъ стеклянныхъ кувшинахъ, которая дѣйствуетъ на слабый растворъ селитро-кислаго серебра и уже произвела твердые кристаллы серебра.

6. Батарея (эта почитается лучшею) въ 813 паръ пятидюймовыхъ кружковъ, разобшенная стеклянными листами на сосновыхъ брускахъ, покрытая цементомъ, и которая такъ слабо окисляется водою, что не требуетъ чистки болѣе одного или двухъ разъ въ годъ. Я попробывалъ дѣйствіе снаряда въ 458 паръ, который былъ оставленъ въ забвеніи и несовершенно омоченъ; онъ произвелъ слабое ощущеніе въ пальцахъ; по эта сила черезъ нѣсколько недель произвела рѣшительное дѣйствіе.

7. Батарея въ 12 парь , по 25 дюймовъ цинку и 36 дюймовъ мѣди; она была заряжена водою за два мѣсяца , и дѣйствуетъ на растворъ селитроксилаго серебра , налитый на зеленое стекло. Она также произвела кристаллы при положительномъ полюсѣ.

8. Батарея изъ 159 галлерныхъ горшковъ , съ полукруглыми пластинами въ $2\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникъ , расположенныя на стеклянныхъ пластинахъ , и которая дѣйствуетъ уже пять мѣсяцовъ черезъ небольшой кусокъ скважистаго кирпича на растворъ кремнезема и поташа. Я видѣлъ при полюсахъ маленькіе кристаллы кварца.

9. Батарея изъ 30 парь , подобная описанной въ N° 8. Уже болѣе пяти недѣль дѣйствуетъ она на смѣсь сѣрнокислаго свинцу, бѣлаго окисла сурьмы, сѣрнокислой мѣди, зеленого сѣрнокислаго желѣза (205 грановъ) и зеленого бутылочнаго стекла (615 грановъ). Смѣсь заключается въ иготи. Черезъ пять недѣль результатомъ было , осажденіе при отрицательномъ полюсѣ чистой мѣди въ два дня, и окристаллизованныхъ желѣзныхъ пиритовъ въ четыре дни. Ожидали, что получатся сѣрные свинецъ , мѣдь и сурьма , по отнятїи кислотвора у этихъ веществъ сѣрнокислыхъ.

10. Батарея изъ 5 кувшиновъ , съ пластинками разныхъ металловъ , — мѣди, платины, свинцу, серебра и желѣза. Въ видѣ опыта.

11, 12 и 13. Въ этихъ трехъ батареяхъ — около 200 парь. Они дѣйствуютъ въ темной комнатѣ, и я ихъ не видалъ.

«Я много бесѣдовалъ съ Г. *Crosse*’омъ объ этомъ чудесномъ производствѣ кристалловъ посредствомъ электричества и о силѣ , которую онъ употребляетъ. Я нѣкоторымъ образомъ опередилъ его опыты , сказавъ въ последнемъ изданїи моей книги, что такъ какъ металлы перемѣшаны въ землѣ съ разными горнокаменными породами , то между ними необходимо должно возникать гальваническое дѣйствїе на воздухъ или воду, и въ продолженїи значительнаго времени это можетъ производить матки металловъ. Однако жъ я не хочу этимъ унижить его заслугъ, и отдаю полную дань удивленїя его усилямъ, рвенїю и огромнымъ издержкамъ , которыхъ онъ не щадилъ для столь важныхъ опытовъ.

«Г. Crose нѣсколько разъ принимался говорить о жидкости в другихъ выдумкахъ старинныхъ электристовъ, которые изобрѣли свое ученіе прежде нежели открыто, что воздухъ есть сложное вещество, и что такіе дѣятели какъ кислородъ, селитрородъ и водородъ, и ихъ опредѣленные числительныя соприимся, сообщаютъ механической характеръ самымъ нѣжнымъ дѣйствіямъ природы. Онъ сказывалъ мнѣ, что его батареи исполняютъ свою обязанность четыре раза въ тѣ часы утра, то есть отъ семи до одиннадцати, когда великая лабораторія природы выпускаетъ болѣе кислорода; и что въ тѣ же часы вечеромъ бываетъ совсѣмъ противное. По его мнѣнію, въ сырое время, воздухъ находится до того въ не-электрическомъ состояніи, что ни одного слоя между облаками и землею не лзя вывести тогда изъ состоянія равновѣсія. Между прочимъ онъ утверждалъ, что земля всегда положительно наэлектризирована.

«Продолжая свои опыты надъ процессомъ кристаллизаціи помощію гальваническихъ батарей, Г. Crose сдѣлалъ недавно такія открытія, которыя можно назвать изумительными. Онъ хотѣлъ кристаллизировать кремнеземъ, и приготовилъ растворъ этого вещества. Сперва онъ раскалил кремь до бѣлокалильнаго жара, и потомъ опустилъ его въ воду, чтобъ легче превратить въ порошокъ. Этотъ порошокъ насытилъ онъ до излишества соляною кислотою, вылилъ всю смѣсь въ кувшинъ, и опустилъ внутрь его кусокъ фланели, такъ, чтобы одинъ ея конецъ висѣлъ снаружи кувшина. Жидкость, подымаясь по фланели, силою капиллярнаго притяженія, медленно протѣживалась въ воронку и оттуда капала на кусокъ желѣзнаго камня съ горы Везувія. Къ камню проведены были двѣ проволоки отъ двухъ полюсовъ батареи. Надо замѣтить, что желѣзо предварительно было доведено до бѣлокалиленія такъ, что на немъ не могло уже существовать ни какого зародыша животной или растительной жизни. Г. Crose ежедневно присматривалъ за проволоками, чтобы видѣть начало кристаллизаціи. На четырнадцатый день онъ замѣтилъ на камнѣ нѣсколько чуть-видныхъ бѣлыхъ пятнышекъ. Черезъ четыре дни, пятнышки какъ-бы вытѣнулись и приняли овальную форму. Онъ полагалъ, что это были раждаю-

щіея кристаллы. На двадцать второй день, къ изумленію своему, онъ замѣтилъ, что изъ каждаго бѣлаго пятнышка выросло по восьми ножекъ; но всё-еще ему никакъ не приходило на умъ, чтобъ это могли быть живыя существа. На двадцать шестой день удивленіе его достигло высшей степени, когда онъ ясно убѣдился, что это были совершенныя насѣкомыя, которыя двигались, питались. Ихъ появилось до двадцати штукъ. Многія особы ихъ видѣли, но не могли рѣшить, какого рода были эти насѣкомыя.

«Это насѣкомое по формѣ уподобляется червячку, который зараждается въ сырѣ или хлѣбѣ; оно имѣетъ восемь ножекъ, четыре щетинки на хвостѣ; края тѣла его вообще очень щетинясты; движенія его замѣтны для невооруженнаго глаза; цвѣтъ его сѣрый; вещество мясисто. Оно кажется питалось кремнистыми частицами раствора.

Самое необыкновенное обстоятельство въ этомъ явленіи есть родъ жидкости, въ которой эта насѣкомое живетъ и растетъ: извѣстно, что эта кислота мгновенно истребляетъ всякое живое существо.

«Вторичный опытъ подтверждалъ еще болѣе этотъ фактъ. Другой кусокъ кремня былъ приготовленъ точно такимъ же образомъ и приведенъ въ студень, но безъ кислоты. Конецъ серебряной винтообразной проволоки былъ опущенъ въ эту жидкость отъ одного полюса батареи, другой полюсъ тоже былъ погруженъ, такъ что всю массу пронизало непрерывное теченіе электрической жидкости. Черезъ три недѣли Г. Grosse осмотрѣлъ полюсы, надѣясь увидѣть кристаллы, и въ одномъ кольцѣ проволоки нашелъ одного изъ этихъ странныхъ насѣкомыхъ. Это доказываетъ, что они зараждаются отъ кремня, а не отъ кислоты.

«Г. Grosse, по обыкновенной своей скромности, удовольствовался только сообщеніемъ факта другимъ ученымъ, и не входилъ самъ въ объясненіе этого чуда. Онъ между прочимъ писалъ къ Г. *Buckland*'у. Этотъ ученый уже предложилъ свое объясненіе, которое, быть-можетъ, подтвердятъ будущіе наблюдатели. Замѣтимъ мимоходомъ, что насѣкомыя появлялись болѣе у отрицательнаго полюса батареи.»

Г. Buckland объясняетъ открытіе Г. Crosse'a недавнимъ открытіемъ профессора Эренберга, который нашелъ, что одинъ родъ кремнистой скалы состоитъ весь изъ мертвыхъ микроскопическихъ животныхъ, скопленныхъ въ плотную массу вмѣстѣ съ своими крошечными скорлупками. Въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. мы изложили опыты Г. Brébisson'a, который, наоборотъ, подвергнувъ каленно эти незримыя существа вмѣстѣ съ ихъ скорлупками, или оболочками, по выжженіи студенистаго вещества, содержащагося подъ скорлупками, получилъ изъ нихъ чистый кремнеземъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, что Г. Crosse сдѣлалъ новое обратное открытіе, то есть, что, дѣйствуя электрическими аппаратами на кремнеземъ, онъ возвратилъ мертвую скалу къ животной жизни, которая дала ей начало. Сильное и продолжительное теченіе электричества въ кремнеземъ, который впрочемъ есть не что иное какъ собраніе микроскопическихъ животныхъ скорлупокъ, могъ оживить остатокъ заключеннаго въ нихъ студенистаго вещества, или тѣла, обмершаго и невыжженнаго Г. Crosse'омъ; или развитъ яйца наливочныхъ, сохранившіяся въ этой кучѣ ихъ труповъ. Г. Buckland думаетъ, что тотъ же сильный приливъ электричества могъ также понудить оживленное животное свѣя къ необычному росту, выдвинуть существа, собственно наливочныя, изъ незримаго состоянія, и придать имъ значительную величину, какъ это происходитъ съ растеніями, когда мы, питая электричествомъ, приводимъ ихъ въ необычную степень росту. Нарсизъ въ три зута вышны и микроскопическое животное разросшеся до осязаемаго зрѣніемъ объема суть по-видимому явленія одного и того же разряда. Какъ бы то ни было, всегда будетъ досгойна удивленія въ этомъ опытѣ чудесная сила электричества, которая изъ нѣдръ полной смерти выводитъ новую жизнь. Послѣ этого нельзя не сказать, что движеніе, или жизнь, есть — электричество!

Письмо, изъ котораго мы заняли этотъ отрывокъ, было напечатано въ разныхъ Англійскихъ журналахъ. Должно однако жъ сказать, что Г. Crosse протестовалъ въ тѣхъ же журналахъ противъ послѣдней части его содержанія. Г. Crosse объявляетъ, что *главный фактъ* (образованіе червей изъ

кремнезема), *стренъ и не подлежатъ сомнѣнію*, но что въ описаніе процесса, которымъ оно совершилось, вкрались разныя невѣрности въ подробностяхъ, которыя онъ представляетъ себѣ изложитъ по окончаніи своихъ опытовъ.

Само собою разумѣется, что мы заранѣе не будемъ порукою и за вѣрность главнаго факта, несмотря на остроумное объясненіе Г. *Buckland'a*.

Въ скоромъ времени мы изложимъ еще электрическую теорію міра, Г. *Mackintosh'a*, не потому чтобы мы считали ее за достовѣрную, но потому что она находитъ себѣ столь же жаркихъ приверженцевъ, какъ и противниковъ, и каждому любопытно знать, въ чемъ состоитъ дѣло.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СТАДО ТОНКОРУННЫХЪ ОВЕЦЪ

ГРАФИННИ Ю. С. ВОВРИНСКОЙ.

« Я говорю вамъ, господа, то, что вы сами знаете » или по крайней-мѣрѣ должны знать : слова Юлія Цезаря, у нѣкаго Англичанина, по имени Шекспира. Я говорю, что очень странно, очень прискорбно, несмотря на всѣ поощренія, на всѣ пособія щедраго и патріотическаго Правительства, вк- деть какъ наше сельское хозяйство, основаніе Русскаго быта, источникъ нашихъ средствъ, пользы и наслажденій, медленно подвигается на пути, которое ему открыто содѣйствіемъ Бласти, пекущейся о благу отечества, примтромъ сосѣдей, наукою, раздаваемою бездепжно, убѣжденіями людей съ познаніями и съ толкомъ. Превосходныя, заманчивыя статьи Г. Шелехова, въ Б. для Ч., читаются сельскими хозяевами съ жадностью, съ наслажденіемъ, потрясаютъ земледѣльче- скіе мозги, воспаляютъ помѣщиковъ; но дѣйствіе ихъ тѣмъ и ограничивается. Черезъ сутки по прочтеніи статьи, которая очаровала своимъ слогомъ, волшебство ея исче-

засть; наша природная безпечность беретъ верхъ надъ вчерашнею рвшительностью дѣйствовать и быть полезнымъ, мы опять дремлемъ, и хозяйство по-прежнему остается неподвижнымъ. Но и этого уже много. Надо радоваться при видѣ этихъ электрическихъ потрясеній, какъ они ни скоропроходящи. Продолжайте, Дмигрій Потаповичъ! Уда безпрестанно, наконецъ насъ разбудите. Протерши глаза, мы наконецъ увидимъ съ удивленіемъ, сколько средствъ приготовляю для насъ неутомимое Правительство, какими могущественными пособіями оно окружаетъ насъ отъсюду, и какъ легко, при небольшомъ хотѣніи, вступить нынче на поприще улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, съ полною увѣренностью въ успѣхъ. Между-тѣмъ каждый, у кого есть голосъ въ Русской публикѣ, долженъ считать для себя долгомъ патриота повторить намъ безпрестанно эти истины, пока совокупное дѣйствіе всѣхъ благонамѣренныхъ увѣщеваній не выдвинетъ насъ изъ застоя предрасудковъ, которыя составляютъ единственную преграду къ процвѣтанію этой основы народнаго и частнаго богатства.

Прискорбно, говорю я, видѣть равнодушіе со стороны сельскихъ хозяевъ къ улучшеніямъ, поставившимъ хозяйства съсѣдей нашихъ на высокую степень совершенства; но еще прискорбнѣе холодность, которую встрѣчаетъ у насъ разведеніе тонкорунныхъ овецъ, — самая простая и самая выгодная сельская промышленность, даже при нашемъ необразованномъ хозяйствѣ. Во всѣхъ странахъ, славящихся отличнымъ устройствомъ хозяйства, эта часть составляетъ краеугольный камень всего дѣла. Едвали существуетъ домашнее животное полезнѣе овцы, особенно тонкорунной: это признано всѣми, и, несмотря на общее убѣжденіе, у насъ не радуютъ объ овцеводствѣ, ограждаясь отъ упрека въ такомъ важномъ упущеніи разными затрудненіями и неудобствами, которыя, сказать по совѣсти, наводятся самими же хозяевами и весьма легко могутъ быть устранены.

Напрасно клеветаютъ на мнимыя преграды къ разведенію тонкорунныхъ овецъ, представляемыя будто-бы суровымъ климатомъ, и неимѣніемъ довольно обширныхъ пастбищъ лѣтомъ и сухаго корму зимою.

Не отвергая огромной выгоды, представляемой овцеводству полуденными степями нашими, которые соединяютъ въ себя всѣ условія для размноженія, безъ особыхъ заботъ, всякаго рода скота, нельзя не согласиться, что мнимость вреднаго вліянія холодныхъ зимъ доказана до очевидности удачными попытками разведенія тонкорунныхъ овецъ въ самыхъ сѣверныхъ полосахъ Россіи. Эти опыты увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Германія, которой зимы въ суровости не много уступаютъ нашимъ, обладаетъ нынче лучшими мериносовыми стадами въ Европѣ, и снабжаетъ превосходнѣйшею шерстью большую половину станковъ промышленной Англіи, между-тѣмъ какъ Испанскія стада, роскошествуя подъ теплымъ небомъ одной изъ прелестнѣйшихъ странъ стараго свѣта, далеко отъ нихъ отстали качествомъ шерсти. Это такъ вѣрно, что Испанское правительство нѣсколько лѣтъ средѣ закупало въ Саксонскомъ стадѣ Г. Годегаста всѣ бараны для улучшенія породы полуострова. Я не хочу утверждать, чтобы равно удобно было разводить овецъ въ Архангельскѣ и въ Андалузіи: истина и здѣсь, какъ вездѣ, на серединѣ. Полуденный климатъ вообще облегчаетъ всѣ дѣйствія сельскаго хозяйства, и преимущественно способенъ къ скотоводству; но не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что тонкорунныя овцы даютъ и въ сѣверныхъ странахъ шерсть ни мало не уступающую въ качествѣ шерсти изъ южныхъ овчаренъ: следственно овцеводство и на сѣверѣ можетъ составлять важный источникъ доходовъ. Сверхъ-того, оно содѣйствуетъ и къ улучшенію земледѣлія, и поэтому заслуживаетъ еще большаго вниманія Русскихъ хозяевъ. Надо только помнить, что успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ знанія и исполненія условій, неразрывно съ нимъ связанныхъ: такъ точно и въ овцеводствѣ, — оно хорошо удается вездѣ, даже въ самыхъ холодныхъ полосахъ, если имъ руководствуютъ познанія и опытность овцевода: небреженіе правилъ непременно наказывается упадкомъ тонкости шерсти и значительною смертною въ стадѣ, особенно между новорожденными ягнятами.

Если вредное вліяніе, приписываемое нашему климату, не заслуживаетъ ни какого вниманія и не должно колебать доб-

рых намѣреній Русскихъ хозяевъ пока опытъ не убедить въ ничтожности опасенія, то еще менѣе позволительно отговариваться недостаткомъ у насъ пастбищъ. Овца питается преимущественно молодыми травами, которыя едва достигли верхковаго росту, и уже находятъ роскошный кормъ на такомъ пару, гдѣ рогатый скотъ еще реветъ отъ голоду. И много ли требуется издержекъ, чтобы засѣять хоть половину яроваго поля бѣлымъ клеверомъ и тѣмъ превратить часть пару слѣдующаго года въ отличное пастбище, превосходящее самыя тучныя полуденныя степи ваши? Кто виновъ, что паровое поле вообще производитъ у насъ однѣ сорныя травы, и составляетъ, по выраженію Г. Шелхова, «апоэрище голоду?» что оно не покрыто сочнымъ трилистникомъ? Право, грѣшно жаловаться на недостатокъ пастбищъ, тогда какъ цѣлая треть полей остается безъ употребленія, или по крайней-мѣрѣ не доставляетъ и десятой доли того корму, который могъ бы на нихъ родиться, не только безъ ущерба для слѣдующихъ посѣвовъ, но даже съ явною для нихъ выгодою.

Не менѣе напрасны жалобы на затрудненіе сохранить овецъ въ нашу продолжительную зиму. Полезное это животное довольствуется соломою, съ прибавкою одного фунта въ сутки сѣна, луговаго или клевернаго; а при недостаткѣ и дороговизнѣ травъ, сѣно удобно можетъ быть замѣнено небольшимъ количествомъ овса. Допустимъ даже, что въ ишѣніи вовсе нѣтъ луговъ или ихъ весьма мало: и тутъ заведеніе, въ небольшой части яроваго поля, краснаго клевера, доставляющаго почти во всѣхъ климатахъ два богатыхъ покоса въ лѣто, замѣнить обширные луга, и будетъ сверхъ-того полезно земледѣлю истребленіемъ сорныхъ травъ, которыя стануть скашиваться вмѣстѣ съ нимъ въ цвѣту. Какъ посѣвъ бѣлага клевера для пастбища въ пару, такъ и разведеніе краснаго клевера въ части яроваго поля для снятія зимняго запаса сѣна, не требуютъ ни хитрыхъ соображеній, ни значительныхъ издержекъ, ни прибавки рабочихъ рукъ, словомъ ни какого измѣненія въ порядкѣ обыкновеннаго трехъ-польнаго полеводства, — если ужъ оно такъ вамъ мило, что разстаться съ нимъ не можете. Такимъ образомъ, въ са-

момъ простомъ и грубомъ хозяйствѣ, чуждомъ всякихъ улуч- ній, или *заморскихъ затпй*, оба эти трилистника вездѣ мо- гутъ быть производимы, гдѣ родятся зерновые хлѣба. Если кому хозяинъ заведетъ хоть самыя небольшіе искусственные луга, люцерны (*medicago sativa*) и эспарсету (*hedisarum opo- brychis*), которые и въ нашемъ климатѣ, безъ повторенія посѣва, доставляютъ въ теченіи по-крайней-мѣрѣ десяти лѣтъ по два богатѣйшихъ покоса въ годъ и сѣно, превосходящее добротою всѣ сѣна въ мѣрѣ, то онъ никогда не можетъ нуж- даться въ зимнемъ кормѣ. Я не говорю объ усиленномъ посѣвѣ картофелю и кормовой свеклы (*brassica parobrassica*), составляющихъ важную часть корму въ лучшихъ загранич- ныхъ овчарняхъ: производство ихъ требуетъ болѣе рукъ, хотя и вознаграждаетъ эту издержку съ избыткомъ; я гово- рю просто о посѣвѣ кормовыхъ травъ въ поляхъ и заведеніи постоянныхъ и искусственныхъ луговъ люцерны и эспарсету, которая не влекутъ за собою, какъ уже сказано, ни малѣй- шаго измѣненія въ обыкновенномъ Русскомъ хозяйствѣ, не прибавляютъ работы, не причиняютъ ни какихъ особыхъ издержекъ, не мѣшаютъ даже предаваться любезной нашей безопасности и деревенскому *dolce far-niente*, которое, я ду- маю, Итальянцы у насъ украли.

Трудно послѣ этого понять, почему тонкорунное овцевод- ство до сихъ поръ остается въ небреженіи, тогда какъ его весьма удобно можно содержать въ каждомъ хозяйствѣ; тогда какъ оно доставляетъ гораздо болѣе доходу нежели огромные наши посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ, едва вознаграждающіе труды земледѣльца; тогда наконецъ какъ оно *ничему не мѣ- шаетъ*. Кромѣ шерсти, и приплода, стадо снабжаетъ еще хозяина навозомъ, этимъ гениемъ земледѣлія, который въ себѣ одною заключаетъ *все искусство* сельскаго хозяина и не мо- жетъ быть замѣненъ ни какими трудами, никакими познанія- ми. Самъ великій Теэръ безъ навозу далеко не стоялъ бы послѣдняго изъ огородниковъ, который унавоживаетъ свою грядку ежегодно. Г. Шелеховъ, понимающій сельское хозяй- ство въ духѣ нынѣшняго просвѣщенія, какъ науку, описы- вая переходъ отъ трехпольнаго къ плодоспрѣмному поле- водству, яснымъ и убѣдительнымъ образомъ показалъ всю

важность земледобренія и то вліяніе, какое оно имѣетъ на раздѣлъ полей въ земледѣліи. Дѣло сличкомъ очевидно; и потому должно надѣяться, что наши просвѣщенные хозяева убѣдятся наконецъ въ огромной пользѣ тонкошерстнаго овцеводства для помѣстій, тѣмъ болѣе, что низкія цѣны зерновыхъ хлѣбовъ поставятъ ихъ въ необходимость обратить всѣ свои усилія на производство другихъ произрастеній: а необходимость, какъ извѣстно, лучшей наставникъ. Нужда въ увеличеніи скотоводства для одного уже удобренія полей, болѣе и болѣе истощающихся, или для утучненія скудныхъ отъ природы почвъ, съ каждымъ годомъ становится ощутительнѣе: и какое домашнее животное такъ превосходно соответствуетъ нынѣшнимъ потребностямъ хозяевъ, какъ облагороженная порода овецъ, которая кромѣ значительнаго прямого дохода отъ шерсти и приплода, доставляютъ еще огромное количество навозу, довольствуясь содержаніемъ, удобно и въ избыткѣ находимымъ въ самомъ простомъ хозяйствѣ?

Я руководствовался этими соображеніями въ 1834 году, когда готовился взять въ арендное содержаніе, на особенныхъ условіяхъ, имѣніе графини Ю. С. Бобринской, состоящее въ Тульской губерніи, въ Богородицкомъ и Вешевскомъ уѣздахъ. Я нашелъ даже въ тѣхъ деревняхъ, которая были на господской запашкѣ скотоводство ничтожное, едва достаточное для сливокъ и молока на ежедневное употребленіе, и маленькое стадо низкаго качества шленокъ, которое съ трудомъ прокармливалось, отъ неумѣнія обращаться съ ними. Необходимо было, для уваживанія весьма истощенныхъ полей, усилить до возможной степени число домашняго скота. По согласію владѣтельницы, которая также съ своей стороны пожертвовала значительнымъ капиталомъ, я рѣшилъ завести столь выгодное во всѣхъ отношеніяхъ тонкорунное овцеводство, и тѣмъ положить хорошее основаніе самому земледѣлію, хотя для перваго обзаведенія требовалось значительныхъ издержекъ на покупку стада, на устройство хорошихъ овчаренъ, на содержаніе опытныхъ иностранныхъ овчарей, безъ которыхъ, по-крайней-мѣрѣ въ началѣ, нельзя было дѣйствовать успѣшно.

Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, я отправился зимою съ 1834 на 1835 годъ въ Германію, и купилъ тамъ 1047 овецъ и 47 барановъ, лучшихъ породъ, въ наиболѣе славившихся племянныхъ овчарняхъ:

1. Въ Мерцинской племянной овчарнѣ Г. Бемера, въ герцогствѣ Ангальтъ-Кёгень, 100 овецъ и 25 барановъ; послѣдніе цѣною отъ 20 до 60 лундоровъ (378 до 1134 рублей ассигнаціями) за каждаго.

2. Все племянное стадо владѣтельнаго герцога Бернбургскаго, состоящее изъ 346 овецъ.

3. Изъ племянной овчарни владѣтельнаго герцога Дессаускаго по выборъ 421 овцу.

4. Все племянное стадо Г. Моргенштерна въ селѣ Петницѣ, въ герцогствѣ Ангальтъ-Дессау, изъ 180 овецъ.

5. Наконецъ въ стадѣ Г. Теэра, сына знаменитаго агрономическаго писателя, въ Мёглинѣ, 22 лучшихъ племянныхъ барана.

Все это стадо прибыло въ городъ Богородицкъ въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца 1835 года. Оно потеряло на почти четырехмѣсячномъ походѣ только 10 овецъ и 1 барана. Незначительность этой убыли должно приписать отличному присмотру въ дорогѣ опытнаго старика овчаря, Г. Биркана, изъ Бернбурга, который привелъ стадо на мѣсто, и благопріятной, теплой и сухой погодѣ во время всей дороги.

Стадо для зимовки раздѣлено было на двѣ почти равныя части, и поставлено въ двухъ деревняхъ. Одна часть имѣла съ половины зимы отличную, вновь построенную, каменную овчарню, длиною въ 77 аршинъ, шириною въ 18 и вышиною внутри въ 5 аршинъ, съ дощатымъ потолкомъ. Другая половина стада, по-необходимости, должна была помѣститься всю зиму въ старой деревянной овчарнѣ, построенной изъ пластовъ, съ хворостяннымъ потолкомъ, толсто наложеннымъ сверху соломою. Тонкія стѣны этого строенія, хоть и обложенныя соломою и навозомъ, недостаточны были для удержанія теплоты, такъ, что вода, припасенная на поило овцамъ, обыкновенно замерзала. Такимъ же образомъ стояла и пер-

вая часть стада до половины зимы, пока советъи отстронилась новая овчарня. Не смотря на такія неудобства, стадо перенесло суровую зиму 1836 года весьма благополучно: всего пало 13 овецъ и 5 барановъ; изъ лучшихъ барановъ стадо не лишилось ни одного.

Кормъ, какъ обыкновенно водится въ благоустроенныхъ овчарняхъ, задавался въ ясляхъ, покоящихся на плоскихъ корытахъ изъ досокъ. Въ узкой деревянной овчарнѣ, сварядъ этотъ, висящій на веревкахъ, былъ поставленъ по срединѣ во всю длину, въ одинъ рядъ; въ широкой каменной овчарнѣ помѣстилъ я два ряда ясель, къ которымъ овцы подходили со всѣхъ сторонъ. Но недостатку въ сѣнѣ одна только половина стада получала по одному фунту лугового сѣна въ день; другая, въ замѣтъ травы, получала по немногу овса. Порядокъ кормленія былъ слѣдующій: поутру закладывалось въ ясли по два фунта яровой соломы на каждую овцу; въ полдень давалъ я по одному фунту сѣна, а въ другой половинѣ стада вмѣсто сѣна, по немногу овса, который сыпали на корыта; вечеромъ, передъ заходомъ солнца, ясли наполнялись ржаной соломою, отъ которой овцы объѣдали одни колосья, разумѣется, напередъ вымолоченные. Остатокъ соломы поутру слѣдующаго дня разбивался на подстилку, вода для поила находилась безвыходно въ корытѣ. При этомъ должно замѣтить, что, вопреки принятому здѣсь мнѣнію о вредности грѣчишной соломы, производящей будто-бы коросту, я она задавалась, безъ малѣйшаго вреда овцамъ, которыхъ предпочитали ее овсяной соломою. Овса всего скормлено во всю зиму 60 четвертей.

Чтобы доставить овцамъ болѣе простору, ясли, послѣ того какъ кормъ былъ съѣденъ, поднимались вверхъ: они цѣплялись придѣланными къ корытамъ кольцами за крючки, привязанные къ веревкамъ, на которыхъ висѣли корыта съ яслями.

Спускъ овецъ былъ произведенъ во второй половинѣ сентября; котиться онѣ начали въ концѣ февраля прошедшаго года. Въ это время наблюдалось, чтобы каждая окотившаяся овца была отдалена отъ стада вмѣстѣ съ ягненкомъ, на три

дня: мать и дѣтенышъ ставились за легкою деревянною загородкою, для того чтобы могли ознакомиться и свыкнуться другъ съ другомъ; безъ этой предосторожности матери теряютъ своихъ ягнятъ между овцами, ягнята не узнаютъ матерей; матери не допускаютъ ихъ потомъ къ сосцамъ, и они издыхаютъ съ голоду.

Приплодъ, полученный весною 1836 года состоитъ, за вычетомъ болѣе двухъ сотъ падшихъ ягнятъ, изъ

340 Молодыхъ барановъ

451 — — — овецъ.

Причиною значительной смертности между ягнятами былъ поносъ, который открывался почти у всѣхъ ихъ въ первый день рожденія и не уступалъ ни какимъ средствамъ, употребленнымъ противъ этого недуга. Ягненокъ, выжившій два дня, былъ внѣ опасности, скоро поправлялся, дѣлался бодрымъ и веселымъ. Болѣзнь эта произошла отъ слишкомъ сытнаго содержанія матокъ, слѣдствіемъ чего было отдѣленіе у нихъ молока такого густаго, что слабые пищеварительные органы новорожденныхъ ягнятъ не были въ состояніи переварить его. Неприятное обстоятельство это, слѣдствіе неумѣренной заботливости о хорошемъ содержаніи стада, отвращается очень легко, если матокъ, ведли двѣ прежде чѣмъ онѣ начнутъ котиться, держать на мало питательномъ корму, папримѣръ, на одной соломѣ, или на такомъ корму, который разжижаетъ молоко, какъ то: на картофелѣ, свеклѣ или выжимкахъ сурьницы изъ маслѣбойнѣ, то есть, на такъ называемыхъ жмыхахъ. Смотрители стадъ и иностранные прикащики, которые управляли тѣми деревнями, гдѣ находились стада, не понимали причины болѣзни, и потому не принимали противъ нея надлежащихъ мѣръ, состоящихъ, какъ сказано, въ приличной діетѣ овецъ. Поступая по старымъ своимъ привычкамъ, и не размышляя о причинахъ, какія побуждаютъ хозяевъ содержать овецъ въ известное время тѣмъ или другимъ образомъ, они радовались хорошему состоянію овецъ, старались поддерживать ихъ какъ-можно въ лучшемъ тѣлѣ и вовсе не думали о томъ, почему онѣ въ Германскихъ овчарнахъ кормятся въ это же время сырыми корнями и

жыхамп. Находясь всю зиму за границею, я не могъ поправить этой ошибки.

Весенняя стрижка этого стада дала мытой на овцахъ шерсти $2,486\frac{1}{4}$ фунтовъ, что составляетъ по $2\frac{1}{8}$ фунта съ каждой штуки.

Для усиленія стада и заведенія какъ-можно высшихъ породъ овецъ, тѣмъ я вновь въ Германію прошедшею зимою. Потѣдка моя увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ. Кромѣ другихъ превосходѣйшихъ породъ, я успѣлъ получить:

1. Приторгованныхъ еще въ первую потѣдку, 100 овецъ и 13 барановъ, изъ стада Г. Гадегаста, въ Саксоніи. Заведеніе Г. Гадегаста находится близъ города Ошаца въ деревнѣ Таль. Это замѣчательное стадо, происходящее изъ смѣшенія породъ Электоральной и Эскуріальной, признано *лучшимъ во всей Европѣ*, и ставило весь свой приплодъ въ теченіе 1828, 1829, 1830 и 1831 годовъ въ Испанію, куда онъ былъ впередъ закупленъ правительствомъ для улучшенія тамошнихъ овчаренъ. Слѣдующіе послѣ того три года приплодъ его былъ покупаемъ разными Германскими овцеводами, а продажныя ягнята 1835 года куплены были впередъ барономъ Унгернъ-Шгернбергомъ въ Эстляндію для имѣнія его Нойсферъ и составляютъ теперь лучшее стадо Остзейскихъ губерній. Изъ этой послѣдней продажи получилъ я съ трудомъ, и то въ уваженіе прежде заключеннаго договора и оставленнаго задатку, сто овецъ по высокой цѣнѣ 6 лундоровъ (112 рублей 40 копѣекъ) за каждую голову на-мѣсть, и тринадцать барановъ, изъ которыхъ два заплачены по 200 лундоровъ (3,780 рублей) каждый, одинъ 50 лундоровъ (945 рублей) а остальные по 30 лундоровъ (567 рублей).

2. Изъ племянной овчарни Г. Бемера, въ Мерцинъ, 134 овцы и 19 барановъ.

3. Изъ Фрейдорфской племянной овчарни Г. Гейдсрейха, въ Ангальтъ-Дессау, 232 овцы и 3 барана.

4. Изъ племянной овчарни Г. Рейснера, въ селѣ Готтагендъ, бывшей знаменитаго сельскаго хозяина Штейнко-

пера, 300 овецъ, отличающихся большимъ ростомъ и особеннымъ богатствомъ шерсти.

5. Изъ племянной овчарни Г. Зандера, въ селѣ Тринумъ, въ Ангальтъ-Кётепъ, 300 овецъ.

6. Изъ племяннаго стада владѣтельнаго герцога Леопольда Дессаускаго 300 овецъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что лбы у нихъ и ноги по копыта покрыты шерстьюю.

Всѣ овцы и бараны вышепней покупкя, числомъ 1402 штуки, прибыли перваго сентября прошлаго года въ Богородицкъ, вышедши изъ мѣста закупки двѣнадцатаго мая. Въ дорогѣ до нашихъ границъ пало изъ нихъ тринадцать овецъ, а по переходѣ границы до нынѣшняго мѣста расположенія близъ города Богородицка, отошло еще двѣ штуки.

Нынче все стадо мериносовъ, въ Гюльскихъ имѣніяхъ графини Ю. С. Бобринской, состоитъ, съ приплодомъ отъ прошлагодняго привода, изъ 3.254 головъ. Въ этомъ числѣ нѣтъ и двухъ штукъ дурныхъ или посредственныхъ, и стадо это по справедливости можетъ равняться съ лучшими Европейскими, изъ которыхъ оно выбрано. Особенно отличны Ошадскіе бараны и овцы стада Г. Годегаста: сверхъ высочайшей доброты шерсти, какая только существуетъ, они еще драгоцѣнны тѣмъ, что шерсть ихъ на всѣхъ мѣстахъ тѣла почти одинаковой тонины. За ними слѣдуютъ, по степени тонкости шерсти, овцы и бараны Мерципскіе, стада Г. Бёмера, почитаемыя лучшими въ Германіи послѣ Гадегастскихъ.

Въ намѣреніи размножить это стадо до возможно большаго объема, для потребностей имѣнія, состоящаго изъ тысячи семи сотъ душъ, заняты въ Германіи искусные овчари; эта предосторожность необходима не только длятого чтобы, чрезъ надлежащее смѣшеніе породъ и посредствомъ приличнаго содержанія, удержать ихъ на одинаковой высотѣ доброты, но и длятого, чтобы не растерять дорогаго стада отъ губительныхъ болѣзней. между которыми оспа самая опасная. Какъ приведенныя овцы всѣ были привиты въ Германіи, то оспа, свирѣпствовавшая весною въ здѣшнихъ мѣстахъ, къ нимъ не приспала. Приплодъ весь привить въ первыхъ числахъ сентября, обыкновеннымъ способомъ, посредствомъ

жолобоватой иглы, обмакиваемой въ матерію и вводимой подъ кожу на внутренней поверхности уха: при этомъ соблюдается одна только предосторожность, — не ранить ушнаго хряща, что часто бываетъ причиною образованія язвы и прорыва уша. Операція эта такъ легка, что каждый, нѣсколько ловкій крестьянинъ можетъ научиться ей въ короткое время, но вѣсть съ тѣмъ она такой важности, что пренебреженіе ея влечетъ за собою величайшіе убытки.

Для теплаго помѣщенія овецъ на зиму построены за лѣто овчарни, которыхъ стѣны, толщиною въ аршинъ, выведены изъ глины замѣшанной соломою. Этимъ способомъ строятся въ Германіи овчарни, и другія хозяйственныя строения; даже большіе жилые дома.

Овчарня, заведенная съ пожертвованіемъ такихъ значительныхъ суммъ, стадо лучшей породы овецъ, какія гдѣ-либо существуютъ, и для которыхъ устроиваются ежегодно новыя помѣщенія по способу самому дешевому, удопонятному для каждаго крестьянина и доступному хозяевамъ, не могутъ и не должны быть бесполезными для прочихъ Русскихъ помѣщиковъ. Отъ распространенія тонкоруннаго овцеводства зависить столько существенныхъ польвъ государства, что тѣ, которые любятъ отечество и сами поощряютъ этотъ родъ промышленности, обязаны дѣлиться своей опытностью и своими средствами. Имѣя нынче овчарей, совершенно свѣдущихъ во всѣхъ частяхъ предмета и занимающъ самъ безотлучно надзоромъ за порядкомъ спуска и содержаніемъ овецъ, на которыхъ я основалъ свое плодо-перемѣнное полеводство, я охотно готовъ вступать въ сношенія со всѣми желающими заводить у себя высокія породы меринсовъ и готовъ руководствовать ихъ въ полезномъ дѣлѣ не только совѣтомъ но и дѣломъ, — уступкою извѣстныхъ количествъ приплода. Какъ хожденіе за тонкорунными овцами требуетъ знанія нѣкоторыхъ необходимыхъ предосторожностей, относительно пастбищъ, произращенія, уборки и сохраненія зимняго корму, и присмотра во время котеній за матерями и ягнятами, — предосторожностей, за несоблюденіе которыхъ я самъ понатился, то для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ со стороны новыхъ овцеводовъ, я не откажусь принять отъ нихъ для обученія

способныхъ людей, которымъ всѣ заведенія и всѣ тайны производства будутъ открыты безъ всякой мимолетной зависти и съ полнымъ желаніемъ добра. Если бы рѣшающіеся заводить топкорунное овцеводство желали имѣть корень для стада непосредственно изъ Германіи, мнѣ пріятно будетъ помочь имъ въ этомъ случаѣ, указаніемъ лучшихъ овчаренъ и направленіемъ ихъ къ людямъ, соединяющимъ съ основательнымъ знаніемъ породъ и добродушною услужливостью, совершенное безкорыстіе. *Баронъ Ѡ. Унгернъ-Штерибергъ.*

=

КВАШЕНИНА ДЛЯ РОГАТАГО СКОТА.

=

Во многихъ хозяйствахъ, которые мнѣ случилось видѣть, вовсе неизвѣстенъ предлагаемый здѣсь простой способъ приготовить квашенину для рогатаго скота. Обыкновенно, при очисткѣ корнеплодныхъ растеній, какъ то, рѣдьки, брюквы, свеклы, картофеля, ботовъ сваливаютъ въ кучу, какъ ни къ чему негодную вещь, или отдаютъ скоту, не обращая вниманія на то — употребляетъ ли его скоть въ пищу или топчетъ ногами. Изъ этихъ жирныхъ травъ можно однакожь изготовить истинное сокровище для коровъ. Надо имѣть большіе чаны, или просто яму, выложенную внутри кирпичемъ, въ которую бы никакъ не могла проникнуть вода; въ эту яму должно, въ теченіи всего лѣта, бросать огородную ненужную зелень, пересыпая ее по временамъ мукой ячмой или овсяной, или даже мелкими отрубями и солью. Такимъ образомъ скопится непримѣтно значительное количество квашенины, которую надобно сберегать преимущественно на время теленія коровъ: тогда она употребляется съ самою незначительною частію посыпки, смачивая кипяткомъ, по полуведру въ дачу. По моимъ опытамъ, весьма достаточно на кубическую сажень квашенины трехъ кулей муки и че-

тырехъ пудовъ соли: ежели это, съ перваго взгляду покажется нѣсколько дорого, то надо разсмотрѣть выгоды подобнаго припасу. Первое, — во время теленія, ничто такъ быстро не возстановляетъ силъ коровы; второе, — ежели скотъ будетъ дурно пить или ѣсть, стоять только попотчевать его нѣсколько разъ квашениною, онъ станетъ потреблять двойную порцію; сверхъ-того квашенна питеть лекарственное свойство — возстановлять потерянную жвачку. Этихъ трехъ причинъ, кажется, весьма достаточно, что бы пить квашенину вездѣ, гдѣ есть рогагый скотъ. *М. Марковъ.*

=

ИСПЫТАННЫЙ СПОСОБЪ

ПРЕДОХРАНЯТЬ ОВСЯННЫЯ ПОЛОСЫ ОТЪ НАПАДЕНІЯ МЕДВѢДЕЙ.

=

Самый вѣрный способъ удалить медвѣдей есть превосходная обработка полей и луговъ и содержаніе лѣсу въ чистотѣ: медвѣди ужасно боятся свѣту науки и никогда не ходятъ на дачи владельцевъ, производящихъ усовершенствованное и просвѣщенное сельское хозяйство. Заведите такое у себя, и всѣ медвѣди перейдутъ къ вашимъ сосѣдямъ. Но кому лѣнь заводить просвѣщеніе на своихъ поляхъ и въ своемъ лѣсу, тотъ можетъ употребить слѣдующій способъ.

Извѣстно каждому изъ обитателей лѣсныхъ сторонъ, что подъ-осень, когда начинается вырѣзывать овесъ, медвѣди «обсасываютъ» его и вытаптываютъ цѣлыя полосы. Эготъ вредъ особенно ощутителенъ крестьянамъ, имѣющимъ черезполосный поствъ: случается, что косматый гость повадится ходить къ одному какому-нибудь бѣдняку и оставитъ его на чисто безъ овса. У меня, прошлагою осенью, въ одну ночь медвѣдь разметалъ до двѣнадцати суслонъ овса; иные снопы обсосалъ, другіе втопталъ въ грязь, такъ, что изъ ра-

зоренныхъ суслоновъ я не получилъ ничего, кромѣ грязной соломы; на слѣдующую ночь случилось то же. Я придумалъ поставить около того мѣста зажженный артиллерійскій фитиль, который тлѣлъ три ночи сряду, и медвѣдь не появлялся болѣе. Спусти съ медвѣдь напроказничалъ опять. но уже въ другомъ мѣстѣ, весьма удаленномъ отъ прежняго; я и тамъ поставилъ фитиль, и не видалъ болѣе проказъ на своемъ полѣ. Это средство сообщилъ я крестьянину, который просилъ у меня пороху, что бы разсыпать его на поле въ предохраненіе овса отъ лѣснаго грабителя; и вскорѣ крестьянинъ увѣдомилъ меня, что онъ не видалъ ни одного медвѣдя съ того времени, какъ употребилъ артиллерійское средство въ продолженіи только одной ночи.

Чтобы приготовить фитиль къ постановкѣ въ полѣ, надо обвить его винтообразно около желѣзнаго прута, довольно рѣдко, такъ, чтобы верхній рядъ сгарая не зажигалъ слѣдующаго; и потомъ прижать фитиль къ пруту тоненькою проволочкою, для того чтобы онъ во время горѣнія не отдѣлялся отъ прута; послѣ чего остается зажечь фитиль и воткнуть пруть въ землю, гдѣ нужно.

Ежели кому не удобно приобрести артиллерійскій фитиль, тогъ можетъ его сдѣлать самъ, по слѣдующей выпискѣ изъ «Артиллерійскаго наставленія».

«Для дѣланія палительнаго фитиля, свиваются слабо веревки, толщиною не тонѣе мязинца изъ оческовъ льна, очищенныхъ отъ кострики; потомъ эти веревки варятся въ щелокъ изъ берсзовой золы, куда иногда прибавляютъ еще «на пудъ фитиля $\frac{1}{2}$ фунта селитры; и послѣ высушиваются «на шестахъ. Щелокъ дѣлается, насыпая въ кадку, илѣющую внизу гвоздь для спуска, съ-первыхъ слой золы, потомъ вполвину того меньше слой негашеной извести, потомъ опять золы и на верхъ извести и такъ далѣе, и гдѣ угодно, чтобы на 100 фунтовъ фитиля было 50 фунтовъ золы и котъ 25 до 30 фунтовъ извести; впрочемъ за неимѣніемъ извести можно обойтись и безъ нея. На все это наливаютъ кипячей воды и потомъ пропускаютъ ее сквозь въ другую кадку, и опять наливаютъ воды на ту же золу, до тѣхъ поръ пока щелокъ сдѣлается такъ густъ, что сырое яйцо можетъ

«въ немъ плавать, и тогда варять въ немъ фитиль на легкомъ огнѣ отъ четырехъ до пяти часовъ. Когда же фитиль «хорошо уварится, тогда даютъ ему въ щелока остынуть; «наконецъ, вынувъ изъ щелока, укладываютъ въ кучи и по-«крывъ пакулемъ, даютъ ему прѣсть отъ двѣнадцати до пят-«надцати дней, и тогда уже высушиваютъ.»

Фитиль, такъ приготовленный неопытнымъ мастеромъ, можетъ и не годиться для употребленія въ артиллеріи; но онъ достаточно хорошъ для медвѣдя. Должно замѣтить, что селитра необходима при дѣланіи фитиля даже прогивъ медвѣдей. А какъ фитиля сгараетъ въ часъ только шесть дюймовъ, то можно расчесть, сколько нужно обвить его околю прута, чтобы онъ курился во всю ночь. *М. Марковъ.*

О ПРОМЫШЛЕННОСТЯХЪ

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА, РЕМЕСЛЕННОЙ И ТОРГОВОЙ.

«Было время, говорить сирь Джонъ Синклеръ, знаменитый Англійскій писатель о сельскомъ хозяйствѣ, въ своемъ «Земледѣльческомъ уставѣ», Code of agriculture, было время, когда въ Европѣ почиталось низкимъ для дворянина заниматься сельскимъ хозяйствомъ: отношенія между помѣщикомъ и земледѣльцами, его подвластными, были тогда совершенно военныя.» Это было во времена феодальныя. Еще недавно, не даѣе прошедшаго столѣтія, вѣнялось въ стыдъ, въ наказаніе, человѣку образованному, съ заслугами, жить въ деревнѣ и хозяйничать. Образъ жизни людей высшаго общества и главныхъ владѣльцевъ поземельной собственности, самая ихъ одежда, пышная, великолѣпная, враждовали съ сельскими занятіями. Въ пудрѣ и шелковыхъ чулкахъ, въ бархатѣ и въ фижмахъ, въ кафтанахъ, залитыхъ золотомъ и серебромъ, немного находившася поль открытымъ небомъ, въ дождь и въ лѣтніе жары, недалеко пройдеши по пашнямъ, лугамъ и зыблямъ болотнымъ. Тогда одни только поэты прославляли простую природу, сельскіе виды, сельскую жизнь, и то жизнь праздную, веселую, а не трудолюбивую. Французъ Демиль, отголосокъ своего вѣка, воспѣвалъ въ сахарныхъ стихахъ сады, восхищался удовольствіями жизни сельской и научалъ отыскивать въ ней наслажденій и пріятнаго препровожденія времени. Двѣ поэмы его, «Сады» и «Сельской житель» написаны совершенно съ другою цѣлю нежели «Георгики» Виргилія. Демиль хлопоталъ о забавахъ, объ удовольствіяхъ въ деревнѣ; Виргилій со всею жаромъ поэзіи призывалъ къ полезнымъ трудамъ, научалъ полеводству и животноводству, и заботился о усовершенствованіи сельской промышленности. Нѣтъ сомнѣній, что полезныя наставленія великаго поэта, изображенныя въ превосходныхъ

стихахъ, напечатлѣвались въ памяти современниковъ, и нигдѣ благотворное вліяніе на Римское сельское хозяйство. Но направление новѣйшихъ поэтовъ, которые видѣли въ сельской жизни только тѣхія забавы и вѣщныя увеселенія, не могло имѣть такихъ послѣдствій. Одно было на умѣ и на языкѣ у богатыхъ и знатныхъ владѣльцевъ помѣстій. — пріятное препровожденіе времени и покой въ деревнѣ. Стихотворцы непрерывно совѣтовали лѣниться и мечтать о нифахъ въ сельскомъ уединеніи, и изъ этихъ важныхъ занятій позволялось выходить благопристойно только для шумныхъ радостей, для городскихъ пировъ въ деревнѣ, каруселей, театровъ, маскарадовъ, охоты. Это, конечно, не вело ни къ трудолюбію, ни къ успѣхамъ сельскаго дѣла.

Между-тѣмъ Европейское народонаселеніе возрастало; села и деревни распространялись, помѣщичьи усадьбы размножались и выстраивались великолѣпно; по-видимому все способствовало развитію промышленности сельскаго хозяйства, но она не развивалась и не разцвѣтала. Съ многочисленностью сель и деревень только раздроблялись участки владѣній, и прибавлялось число ртовъ, требовавшихъ пропитанія, а усадьбы богатыхъ помѣщиковъ загромождались зданіями для помѣщенія самаго владѣльца и его многочисленной дворни. Эти зданія, пустыя затѣи барскаго тщеславія, театральныя декорации бесполезнаго великолѣпія въ деревнѣ, не приставали ни къ селу ни къ городу. Въ домѣ, въ саду, въ усадьбѣ, все дышало пышностью, все имѣло цвѣлю одинъ только суетный блескъ и скоротечныя удовольствія жизни. Ничего не принаровляли къ простому и трудолюбивому сельскому быту, къ потребностямъ хозяйства, къ успѣшному производству дѣла. За оградю обширнаго, гулеваго сада, тянулись обезображенныя порубкою лѣсныя дачи, и истощенныя пахатныя поля и луга, за чертою усадебъ съ великолѣпною постройкой виднѣлись полуразвазавшіяся лачуги и дурныя, неопрятныя деревни, гдѣ земледѣльцы вели жизнь жалкую въ непрерывной борьбѣ съ холодомъ, голодомъ и всѣми нуждами жизни. Скотныя дворы въ усадьбахъ, которые доставляютъ нынче почти половину доходовъ всего хозяйства, были мѣстами ссылки для домочадцевъ; скотоводство почиталось самымъ гнуснымъ занятіемъ; трепетали про-

износить невинное слово *навозъ* въ барскихъ палатахъ. Общее мнѣніе, которое дѣляло все знанія, науки и искусства, промышленности, на благородныя и низкія, приличныя и неприличныя для дворянина; которое поставило въ деревнѣ верховнымъ благомъ эпикуреизмъ, увлекало владѣльца въ смѣшное отвращеніе отъ самыхъ полезныхъ трудовъ и заставляло вдаваться въ безразсудныя траты на прихоти, входить въ неоплатные долги и разоряться. Между-тѣмъ настоящее сельское хозяйство не дѣлало ни одного шагу впередъ, и наука этой промышленности ограничивалась пустымъ сборомъ давно высказанныхъ общихъ мѣствъ. Сельское хозяйство не включалось даже въ кругъ предметовъ народнаго просвѣщенія; считали излишнимъ доставлять юношеству основательныя и систематическія свѣдѣнія о такомъ пошломъ трудѣ; сомнѣвались въ возможности подобной науки. До Теэра не называли сельскаго хозяйства даже искусствомъ и промышленностію, но ремесломъ протонароднымъ. Хлѣбопашецъ, смердъ, сельскій хозяинъ, прикащикъ, управитель были званія самыя низкія. Съ ними соединялись понятія о необразованности, дикости нравовъ, нищетѣ умственной и душевной, скражничествѣ, плутовствѣ, трудѣ грубомъ, безотчетномъ, корыстолюбивомъ.

Не болѣе были счастливы нѣкогда въ общемъ мнѣніи и двѣ другія промышленности, торговая и ремесленная, перазлучныя спутницы сельскаго хозяйства въ благоустроенномъ гражданствѣ и главныя пружины народнаго обогащенія. Люди высшаго сословія съ высшею образованностію стыдились также заниматься ремесленностью и торговлей и посвящать имъ свои капиталы и способности. Неприличнымъ казалось дворянину заводить фабрику, открывать лавку своихъ издѣлій, учреждать купеческую контору, отправлять обозы или корабли съ избытками своей земли въ чужіе края и быть съ своимъ народомъ въ коммерческомъ сношеніи. Французскій дворянинъ, еще на памяти графини Жанли, могъ только, безъ униженія для себя, выдѣлывать бутылки, стаканы и рюмки: такихъ людей называли «стекольнымъ дворянствомъ», *gentilhomme verrier*, титулъ, въ которомъ заключалось болѣе насмѣшки чѣмъ отличія. Однако жъ самыя важныя лица въ государствѣ съ радостью дѣлались откуп-

щиками податей и питій, или винными заводчиками, хотя для этого рода торговли и ремесленности требуется очень мало образованности и нравственныхъ качествъ.

Ошибочныя понятія необходимо вели къ запутанности въ дѣлахъ. Сквозь туманъ ложныхъ идей, умъ долго не могъ пробиться до истинныхъ началъ обогащенія и благоденствія народнаго, ни составить науки общаго государственнаго хозяйства, которою Европа одолжена Адаму Смиту въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтїя. До появленія въ 1776 году знаменитаго творенія Адама Смита, *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*, «Разысканія свойствъ и причинъ народнаго богатства», не умѣли хорошо опредѣлить существа трехъ основныхъ отраслей труда народнаго, — промышленности сельскаго хозяйства, промышленности ремесленной и промышленности торговой; думали, что эти промышленности въ непрерывной враждѣ между собою, что онѣ не могутъ существовать вмѣстѣ, не могутъ развиваться, усиливаться и процвѣтать иначе, какъ одна насчетъ другой, съ стѣсненіемъ своей совѣстницы; не знали которой изъ нихъ отдать преимущество, и предпочтительно покровительствовать; которія ведетъ кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ общему изобилію, и къ которой должно направлять народную дѣятельность. Видѣли, что торговые города быстро обогащаются и дѣлаются многолюдными и спѣльшими: перевознесли торговлю, оставляя попрежнему въ презрѣніи двѣ другія промышленности, ремесленную и сельскаго хозяйства; заботились только о распространеніи торговли, содѣйствовали только къ ея развитію, покровительствовали только ея оборотамъ; забывали, что городъ не государство, и что потребности, занятія, нужды, отношенія городскихъ жителей отнюдь не тѣ какъ въ быту сельскихъ жителей, подъ открытымъ небомъ, на обширной степи полей, луговъ, лѣсовъ, озеръ, рѣкъ, съ ихъ произрастеніями и животными, изъ которыхъ умъ и трудъ составляютъ огромныя массы произведеній и народныхъ промысловъ. Не догадывались, что торговля сама по себѣ ничего не производитъ, что она только собираетъ въ города купленные или вымѣненные издѣлія двухъ другихъ промышленностей, ремесленной и сельскаго хозяйства, и дѣлаетъ ими обороты.

О достоинствѣ промышленностей и народномъ благосостояніи судили только по количеству денегъ, — золота и серебра, ввозимаго въ государства, и утверждали, что главный источникъ внутренняго изобилія и благоденствія, есгь торговля, доставляющая деньги, на которыя все можно купить. Это повтрѣе вѣка извѣстно подѣ именемъ «меркантильной системы». Въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ, до половины осьнадцатаго столѣтія, заботились только о томъ, какимъ образомъ государству выманить изъ другихъ государствъ золото и серебро, провести другъ друга тою или другою торговою шстрою, и склонить на свою сторону *торговый балансъ*, который, какъ извѣстно, показываетъ, сколько, вмѣсто товаровъ и сырыхъ произведеній, привезено изъ-за границы драгоценныхъ металловъ, или наличныхъ денегъ, въ уплату за опущенные продукты и издѣлія. Никто не хотѣлъ разсудить, что деньги тогда только составляютъ цѣнность, когда есть уже произведенія промышленности ремесленной и торговой; что она не замѣняютъ собою жизненныхъ припасовъ и не сочиняютъ издѣлій; не пахутъ земли, не садятъ за стапки, не огораживаютъ неурожаевъ и голоду, не даютъ занятія рукамъ, требующимъ работы и пропитанія. Дѣло, казалось бы, яснѣе солнца, что гораздо выгоднѣе взять отъ иностранцевъ вмѣсто двадцати милліоновъ деньгами, золотомъ или серебромъ, на двадцать милліоновъ желѣза или хлопчатой бумаги, передѣлать эти матеріалы своими руками въ ножи или ситцы, и продать потомъ ихъ за сорокъ милліоновъ. Сырой продуктъ пріобрѣтаетъ отъ передѣлки двойную и тройную цѣнность и доставляетъ работу многочисленному классу гражданъ, между-тѣмъ какъ полученный изъ-за границы червонецъ въ одиннадцать рублей, останется всё тѣмъ же червонцемъ, ее получить достоинства двадцати рублей, оттого что пролежитъ полгода въ вашемъ карманѣ, и вы на слѣдующій годъ отдадите его иностранцамъ опять по той же цѣнѣ за ножи или за ситець. Однако жъ втеченіи двухъ вѣковъ многія государства, не зная изобилія ни въ съѣстныхъ припасахъ, ни въ хорошихъ ремесленныхъ издѣліяхъ, одобряли только вывозъ своихъ внутреннихъ произведеній, и останавливали ввозъ иностранныхъ, часто необходимыхъ для успѣховъ и развитія промыш-

шленостей ремесленной и сельского хозяйства. Этими итерами не достигали ни чего другого, кромѣ взаимныхъ неудовольствій, недоброжелательства, зависти къ обогащенію и благоденствію сосѣдовъ, разрыва народныхъ связей, и стѣсненія самой торговли отъ запретительной системы. Безпрестанно возникали ссоры и предлоги къ войнамъ, несправедливымъ и разорительнымъ. Внутреннее изобиліе и богатство не только не возрастало, но даже во многихъ случаяхъ явно приходило въ упадокъ. Денежные капиталы оставались въ рукахъ немногихъ частныхъ лицъ, производящихъ заграничную торговлю; обогащались только купцы и приморскіе торговые города: села, деревни, города внутри государства, и весь прочій сословія народа претерпѣвали попрежнему скудость и еще болѣе бѣднѣли отъ неизбѣжныхъ прельщеній привозной роскоши, къ которой завлекали прекрасные для глазъ иностранные товары.

Наконецъ почувствовали отчасти ошибку: сама торговля способствовала много къ открытію глазъ заслѣпленнымъ приверженцамъ торговыхъ балансовъ. Съ развитіемъ торговли и ея оборотовъ, потребовались всякаго рода внутреннія ремесла и издѣлія для выгоднѣйшихъ сдѣлокъ съ иностранцами чѣмъ на наличныя деньги; потребовались также болѣе ярныя и легкіе способы производить торговлю, именно, хорошія водяныя и сухопутныя сообщенія, извозничество, транспорты, для закупки издѣлій и для доставки ихъ на мѣста вѣншиаго сбыта. Словомъ, для вѣншиаго сдѣлались необходимыми ремесленность и внутренняя торговля. Убѣдились, что вѣншиаго торговля, ремесленность и внутренняя торговля, связаны между собою неразрывными узлами; что при стремленіи государствъ обогащаться на чужой счетъ наличными деньгами, ни чѣмъ другимъ нельзя такъ скоро достигнуть до этой цѣли, то есть, нажить денегъ, какъ продажею иностранцамъ своихъ собственныхъ издѣлій. Для этого надобно было имѣть свои фабрики и заводы, и изготовлять издѣлія высокаго достоинства и отличной красоты, которыя бы могли нравиться и привлекать къ себѣ покупателей. Рѣшились покровительствовать успѣхамъ ремесленности и мануфактуръ: заводить и поощрять фабрики. Отъ дружнаго дѣйствія ремесленной промышленности и вѣншиаго торго-

внѣ ожидали богатствъ неизчерпаемыхъ, выгодъ безчисленныхъ и разнообразныхъ. Воображеніе рисовало въ умахъ самыя блестящія картины быстро народнаго обогащенія. Нѣтъ сомнѣнія, говорили, что хоронія домашнія издѣлія своихъ фабрикъ и заводовъ замѣнятъ ввозныя, покупаемыя у иностранцевъ на чистыя деньги, и что такимъ образомъ золота и серебра, — деньги — останутся въ государствѣ. Это первая выгода отъ ремесленности. Вторая, и главнѣйшая, та, что отличныя внутреннія издѣлія привлекутъ къ себѣ толпы заграничныхъ покупателей и доставятъ государству груды серебра и золота иноземнаго. Третья выгода, не менѣе важная, — что золото и серебро не будутъ залеживаться въ сундукахъ богачей, купцовъ, и составлять мертвый капиталъ до прибытія иностранныхъ кораблей съ чужими издѣліями. Эти капиталы неминуемо разольются по всему государству на заказы и закупки внутреннихъ издѣлій для внѣшней торговли. Тогда все сословія почувствуютъ пробужденіе капиталовъ въ краю и примутъ участіе во внѣшней торговлѣ своими издѣліями, своими трудами по перевозкѣ, доставкѣ и сбытѣ товаровъ. Всякой будетъ имѣть средства пріобрѣтать деньги, накапливать себѣ капиталы и обогащаться. Сама внѣшняя торговля получитъ особое достоинство, опираясь на превосходныя внутреннія издѣлія своихъ фабрикъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ мірѣ; рѣки золота и серебра потекутъ изъ-за моря въ нѣдра государства; могущество, слава, независимость возрастутъ и упрочатся. Этотъ союзъ обворожилъ умы, и поселилъ надежды за быстрое всеобщее обогащеніе, но надежды не сбывались на дѣлѣ, несмотря на все усиліе поддерживать вмѣстѣ ремесленность и торговлю.

Для успѣховъ ремесленности и торговли оказались важныя препятствія, именно, недостатокъ сыѣстныхъ припасовъ и дурное качество всѣхъ первоначальныхъ матеріаловъ, нужныхъ въ ремесленности. Изъ дурныхъ или худо приготовленныхъ произведеній забытой, униженной, пренебреженной промышленности сельскаго хозяйства мануфактуры не могли ничего переработать въ хорошее издѣліе и, что важнѣе, переработать дешево. Ремесленность не знала за что взяться и на чемъ основать прочныя фабрики, при мѣдленности сельскаго хозяйства, при рѣдкости сельскихъ произведеній

и непрерывномъ колебаніи цѣнъ на всѣ вообще жизненные и ремесленные припасы отъ неурожаевъ и дурной обработки. Увидѣли ясно, что объ промышленности, — ремесленная съ своими изделиями, и торговая съ своими извозами, сухопутными и водяными, доставками товаровъ на мѣста вѣшняго сбыта и отправленіями кораблей за море, не могутъ не только процвѣтать, но даже удерживаться, безъ изобилія и хорошаго качества первоначальныхъ произведеній земли, какія доставляетъ только усовершенствованная промышленность сельскаго хозяйства. Догадались, что въ общемъ народномъ трудѣ сельское хозяйство играетъ важную роль, хотя неблестящую; что она входитъ во всѣ обороты торговли и труды ремесленности и могущественно содѣйствуетъ къ развитію и успѣхамъ той и другой. Вникая болѣе и болѣе въ свойство промышленности сельскаго хозяйства, удостовѣрились, что не торговля, но именно сельское хозяйство есть тотъ первоначальный источникъ, изъ котораго почерпаютъ объ промышленности, — ремесленная для дальнѣйшей переработки, торговая для мѣны и продажи, — первоначальныя произведенія, безъ которыхъ нѣтъ ни издѣлій, ни мѣны, ни продажи.

Такимъ образомъ, сдѣлалось очевиднымъ, что для государства не только невыгодно, но даже опасно, не имѣть во все, подобно Венеціи, сельскаго хозяйства или основывать, подобно Генуѣ, надежды на обогащеніе и могущество только на ремесленности и торговлѣ. Получать съѣстные припасы и всѣ матеріалы для фабрикъ изъ чужихъ земель — значитъ добровольно подвергаться зависимости отъ иностранцевъ въ первыхъ и необходимыхъ потребностяхъ жизни, дѣлаться игрушкою политическихъ несогласій и перемѣнъ въ торговлѣ и тарифахъ, быть всегда въ опасности вдругъ лишиться цвѣтущихъ ремесленныхъ заведеній, основанныхъ на невѣрномъ привозѣ иноземныхъ сельскихъ произведеній и потерять употребленные капиталы. Общій кредитъ можетъ испытать жестокой переломъ; даже независимость народная можетъ пострадать. Примеромъ этого въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій была Испанія, Венеція, Генуя, Пиза, которыя производили некогда обширную торговлю, и покровительствовали только торговлѣ и ремесленности, не

заботясь о промышленности сельскаго хозяйства, и не могли сберечь ни богатствъ своихъ ни даже независимости, какъ скоро измѣнились торговыя отношенія между народами и первенство въ торговлѣ перешло въ другія руки. Голландія напротивъ того, несмотря на свое мѣстоположеніе, неблагоприятное для сельскаго хозяйства, неусыпно старалась объ усовершенствованіи этого труда народнаго, пріобрѣтала каждую десятину земли подъ луга и пашню неутомимыми трудами, отодвигала океанъ съ суши, устроивая съ дивнымъ терпѣніемъ плотины противъ бурной стихіи, Голландія не лишалась ни силы, ни торговаго изобилія, ни самостоятельности, хотя и не могла удержать за собою первенства торговли.

Признали наконецъ промышленность сельскаго хозяйства важною, полезною, необходимою для обѣихъ промышленности, торговой и ремесленной, первымъ звѣномъ въ цѣпи государственныхъ выгодъ, основою внутренняго изобилія. Здѣсь слѣдовало бы и остановиться: отдавъ должную справедливость сельскому хозяйству, поднявъ эту промышленность изъ праха униженія, поставивъ наряду съ другими производящими силами общественнаго благосостоянія, призывавъ столь же благотвительною промышленностію въ гражданствѣ, какъ и двѣ другія, слѣдовало бы только утверждаться болѣе и болѣе въ той мысли, что всѣ три промышленности неразрывны, что онѣ суть первоначальныя и основныя дружныя обогащенія государствъ; что чѣмъ дружнѣе развиваются и разцвѣтаютъ онѣ въ народъ, тѣмъ скорѣе составляются богатства и тѣмъ глубже укореняется общественное благосостояніе; что поэтому всѣ три имѣютъ равное право на вниманіе, поощреніе и покровительство; что, наконецъ, должно принять за правило — поощрять и совершенствовать ихъ вмѣстѣ, нераздѣльно, одновременно. Но не такъ было на дѣлѣ.

Общее мнѣніе, которое всегда сбивалось съ пути въ предметахъ народнаго обогащенія, и попеременно отдавало предпочтеніе той или другой промышленности по безотчетному вѣрованію въ чужіе толки, вдругъ превознесло сельское хозяйство до небесъ, поставило эту промышленность выше обѣихъ ея совмѣстницъ, ремесленности и торговли, и

въ пылу безразсудныхъ похвалъ тотчасъ же заклеяно ее печатію разрушенія, наложивъ на нсе несъносимое бремя всѣхъ государственныхъ податей и налоговъ. Справедливость требуетъ, говорили умствователя, чтобъ одно только сельское хозяйство, какъ первоначальный источникъ издѣлій, мѣны и торговли, какъ основа обѣихъ промышленностей ремесленной и торговой, какъ занятіе, которое пріобрѣтаетъ свои произведенія даромъ, непосредственно изъ рукъ природы, трудящейся (неправда!) за человѣка, несло также всѣ расходы государства. Это повѣрье извѣстно подъ именемъ системы экономистовъ или фізіократовъ. Она заступила систему меркантильную около половины восемнадцатаго столѣтія и продолжала укореняться до Адама Смита. Онъ первый открылъ истинныя начала богатствъ, и показалъ связь, отношенія и участіе трехъ главныхъ отраслей народнаго труда: сельскаго хозяйства, ремеслъ и торговли. Марграфъ Баденскій, около 1770 года, ввелъ въ своихъ владѣніяхъ по системѣ экономистовъ однѣ только поземельныя подати, освободивъ отъ всѣхъ акцизовъ и повинностей ремесленность и торговлю; писалъ книги въ защиту этой системы и подрывалъ въ основаніяхъ благосостояніе своихъ подданныхъ.

Эта измѣнчивость мнѣній, переходившихъ съ разными отѣнками изъ вѣка въ вѣкъ, изъ царства въ царство, имѣла одинъ общій корень — незнаніе дѣла. Опытъ и наука уничтожили старинныя предрассудки. Неужели мы не воспользуемся свѣтомъ, который другіе народы купили цѣною таккихъ пожертвованій. Я обращаюсь къ моимъ собратямъ, помѣщикамъ, которые заводятъ фабрики и проповѣдуютъ мануфактуры, унижая сельское хозяйство. Неужели вы думаете, господа, что ваши фабрики будутъ долго процвѣтать, если вы дѣятельно не займетесь усовершенствованіемъ сельскаго хозяйства. Я думаю, что страсть къ фабрикамъ, воздвигаемымъ безъ оглядки, безъ основательнаго соображенія началъ ремесленности, — что эта страсть, можетъ сдѣлаться причиною разоренія. *Д. Шелеховъ.*

V.

ВРЕМЯ.

ОПИСАНІЕ ПОХОДА во Франціи въ 1814 году. А. Михайловскаго-Данилевскаго. Съ двадцатью тремя картами и планами. Санкт-петербургъ, 1836. Двѣ части.

Съ эпохи переселенія народовъ, конечно, ни одинъ походъ въ Европѣ не имѣлъ такого рѣшительнаго вліянія на ея политическое раздѣленіе, правительственныя формы, учрежденія, понятія и образованность какъ война, которая началась вторженіемъ двадцати вооруженныхъ народовъ въ Россію и кончилась занятіемъ Парижа двадцатью вооруженными народами. Это было дѣйствительно переселеніе народовъ, хоть временное. Меньше чѣмъ въ два года разыгралась при глазахъ нашихъ вся драма тысячи лѣтъ исторіи Римской: новый Римъ въ Парижѣ, Римъ прежде республиканскій, потомъ императорскій, возмечталъ «покореніе вселенной», съ мечемъ въ рукѣ разносилъ свои учрежденія по поработаннымъ землямъ, и двинулся съ «союзниками» своими на сѣверъ, чтобы водрузить на Рифейскихъ Горахъ возрожденные орлы, которые Валентиніанъ успѣлъ водрузить только на Карпатскихъ; и вслѣдъ за тѣмъ ополченный сѣверъ нахлынулъ на новый Римъ, уничтожилъ могущество новаго цезаря и, на развалинахъ его огромной имперіи, которая выѣсть съ честолюбіемъ приняла даже было политическія формы древняго Рима, основалъ новыя государства, воскресивъ только старыя имена. Изумительное повтореніе въ предѣлахъ двадцати лѣтъ (1794

— 1814) того, что некогда совершалось медленно въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія; повтореніе, въ которомъ каждый изъ двадцати годовъ представляеть собою полвѣка. При всемъ различіи наружныхъ формъ событій, средствъ и продолженія времени, повтореніе было полно и, что всего примѣчательнѣе, касалось судьбы тѣхъ же племенъ, которыхъ предки боролись съ Римомъ. Мы почти готовы вѣрить, что на этотъ разъ Вико, съ своимъ историческимъ циклами, правъ: мечтательная его теорія только въ томъ отношеніи не примѣняется къ эпохѣ Французской республики и имперіи, что допускаеть свое начало безусловнымъ образомъ и независимо отъ отдаленныхъ причинъ, между-тѣмъ какъ это было слѣдствіе и продолженіе идеи Рима, которая доселѣ живетъ въ Европѣ, связываетъ наше время съ временемъ Нумы неразрывною цѣпью, и должна была имѣть тѣ же послѣдствія, какія имѣла прежде. Послѣ Вѣнскаго конгресса идея Рима кажется уничтоженной, какъ казалась уничтоженной въ шестомъ вѣкѣ; но она еще будетъ воскресать многократно изъ волшебнаго пепла самой образованности Римской, которымъ усыпана и удобрена почва Европы.

Походъ союзныхъ державъ во Франціи, знаменитый походъ 1814 года, можетъ быть разсматриваемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: для всеобщаго историка, онъ будетъ представлять только ударъ, который уничтожилъ въ девятнадцатомъ столѣтіи возрожденное страшилище Римскаго честолюбія, Римскихъ идей, Римскихъ чувствованій, всегда одинаковыхъ и одинаково опасныхъ, какою бы наружностью они каждый разъ ни облекались; для Франціи, онъ изображаетъ только паденіе личнаго ея величія и разрушеніе почти тридцатилѣтнихъ кровавыхъ трудовъ ея; для западной Европы этотъ походъ — только торжественное мщеніе послѣ сокрушенія ига, которое долго

тяготъло надъ нею; для Россіи онъ, напротивъ того, нѣчто національное и необходимая страница ея лѣтописей. Русскіе не могли бы раскрыть безъ стыда славной книги своей исторіи, если бъ за страницю, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является средь Парижа и побѣдоносною рукою великодушно защищаетъ его отъ ярости западной Европы. Для Русскихъ этотъ походъ былъ необходимою чувства долга и чести, однимъ изъ самыхъ неизбежныхъ дней народной ихъ жизни, котораго никакъ не возможно было миновать ни обойти. Не мщеніе было здѣсь въ виду, но необходимое довершеніе начавшагося событія, которое безъ этого осталось бы навсегда неполнымъ и всегда лежало бъ камнемъ на груди Россіи. Этимъ именно чувствомъ проникнуть былъ Александръ, первый изъ Русскихъ и по доблестямъ и по духу, — истинный представитель Русскаго народа, — хотя долго принужденъ былъ изъ благоразумія таять въ душѣ то, что свободно вырывалось изъ устъ его подданныхъ. Но союзная съ нимъ западная Европа не могла быть проникнута подобнымъ чувствомъ: для нея, главная и существенная цѣль возстанія была уже достигнута на Рейнѣ; ея столицы не дымились въ развалинахъ; ея военная слава на старости лѣтъ привыкла къ обидамъ и не надбьалась смѣть съ себя всѣхъ прежнихъ пятенъ однимъ счастливымъ походомъ; покореніе Парижа представлялось ей только мщеніемъ за послѣднія страданія, а мщеніемъ можно всегда пожертвовать не подвергаясь безчестию, тѣмъ болѣе что не она начала великій подвигъ освобожденія себя отъ Галло-Римскаго ига и слѣдственно играла только второстепенную роль въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Эта разность положенія и чувствованій Россіи и ея союзницы, западной Европы, относительно Франціи, служить ключемъ ко всѣмъ

тайнамъ похода ; и она поставляла Александра, какъ Русскаго, въ самое затруднительное положеніе относительно союзной Европы. Видъ и потребности ихъ были совершенно различны ; и здѣсь-то Александръ является истинно великимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, — великимъ Русскимъ, какъ неутомимый, усердный, безстрашный преслѣдователь Русскаго національнаго чувства, — великимъ политикомъ, который непрерывно долженъ былъ ласкать тысячу гордыхъ и вооруженныхъ самолюбій и непримѣтно склонять ихъ къ Русской цѣли, — великимъ полководцемъ, потому что только онъ одинъ могъ составлять планы, и руководствовать дѣйствіями общей кампаніи, которая каждому изъ ея участниковъ представляла другую цѣль, несогласную съ его цѣлію, — наконецъ великимъ умомъ, потому что онъ могъ достигнуть до ней только свѣтлостью своихъ понятій, силою убѣжденія, безкорыстіемъ, умѣренностью, глубокимъ соображеніемъ и почти сверхъ-человѣческимъ благоразуміемъ. Какая дѣятельность, какая твердость, пронизательность, власть надъ собою средь упоеній побѣды, надобны были, чтобы выйти со славою изъ такого положенія, чтобы не оскорбить никого, чтобы утвердить согласіе между членами союза, готоваго поминутно расторгнуться отъ скрытныхъ происковъ, чтобы удовлетворить тщеславіе всѣхъ и cadaго и между тѣмъ вездѣ выставить Россію въ чель предпріятія, къ ней отнести его славу и сдѣлать весь походъ походомъ Русскихъ, хотя они не составляли и третьей части числительной силы общаго ополченія ! Намъ кажется, что до сихъ-поръ Александръ не былъ еще постигнутъ вполне съ этой стороны въ Европѣ, его мало знаютъ и не умѣютъ оценить необыкновенныя качества, которыя ставятъ, неговоря уже о чувствованіяхъ, самый умъ его несравненно выше ума Наполеона. Наполеонъ былъ только великій пол-

ководецъ; но Александръ былъ величайшій умъ своего вѣка, умъ, которому послѣ Петра не было равнаго. Наполеонъ нѣсколько разъ потерялся въ опасностяхъ; Александръ — никогда. И само собою разумѣется, что, въ послѣднемъ результатѣ, полное торжество надъ гениемъ матеріальной силы, должно было остаться за умомъ. Борьба не могла кончиться иначе; счастье не участвовало въ ея рѣшеніи. Исторія, если она способна быть когда-нибудь справедливою и умѣетъ судить людей, признаетъ Александра первымъ гениемъ того самаго вѣка, въ которомъ жилъ Наполеон.

Мы не будемъ заниматься здѣсь военными подробностями борьбы 1814 года: величіе, умственное и нравственное, Александра среди ея многосложныхъ происшествій такъ поразительно для насъ, что мы посвятимъ наше вниманіе исключительно дѣйствіямъ этого могучаго ума, который былъ душею предпріятія, управлялъ всѣми его случайностями, сводилъ все къ одной цѣли, и долженъ былъ побѣдить не только Наполеона, но даже своихъ союзниковъ. Генераль Михайловскій-Данилевскій, въ превосходномъ предисловіи къ своей книгѣ, столько же примѣчательномъ по ясности воззрѣнія на предметъ, какъ и по благородной умѣренности, старается устремить взглядъ читателя именно на этотъ предметъ; и хотя онъ, въ сочиненіи, тщательно слѣдуетъ за военными подробностями похода, которые такъ жестоко исказили иностранные писатели, натягивая ихъ каждый въ пользу своего народнаго самолюбія, но главная цѣль его — показать личное вліяніе Императора Александра на дѣла и успѣхъ кампаніи и рассмотреть ее съ точки, которую онъ весьма удачно называетъ — Русскою. «Н. о-странцы, говоритъ авторъ, издали объ этомъ походѣ большое число книгъ, но отъ ихъ наблюденій ускользнули любопытныя и важныя обстоятельства, безъ

которыхъ нельзя имѣть истиннаго понятія о походѣ, на примѣръ: противоборствовавшія мнѣнія на счетъ продолженія войны, причины бездѣйствія главной арміи послѣ побѣды подъ Бриенномъ и дѣла при Барь-сюръ-Объ, подробности дѣлъ подъ Шампоберомъ, Морманомъ и Реймсомъ, покоренія и защиты Суассона, сраженій при Краонъ и Феръ-Шампенуазъ, отступленія къ Шомону и Лаону, приступа на Монмартръ, капитуляціи Парижа. Спросимъ я здѣсь, какъ при описаніи похода въ 1813 году, чтѣ знаемъ объ Императорѣ Александрѣ, въ чемъ именно заключались вліяніе нашего Монарха и его пастоянія не мириться съ Наполеономъ, и какія были дѣйствія Россійскихъ войскъ? Вотъ, между прочимъ, случаи и вопросы, еще не разрѣшенные. Къ нимъ можно присовокупить множество другихъ, то же требующихъ объясненія; иначе, эта эпоха останется темна, невразумительна. Пѣмцы, Англичане, Французы, написали объ ней сотни томовъ; потому въ Европѣ думаютъ, что она со всѣхъ сторонъ разобрана, обсуждена, и что всѣ происшествія взвѣшены, каждому дѣйствовавшему лицу по заслугамъ опредѣлено мѣсто. Не въ этомъ одномъ заблуждаются въ Европѣ, съ которою у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто и охотно соглашаются безъ предварительнаго разсмотрѣнія предметовъ съ *Русской точки зрѣнія*. Французы представили походъ въ превратномъ видѣ. Желая спасти обломки своей славы, они до невѣроятности уменьшаютъ число войскъ, которыми предводительствовалъ Наполеонъ, и безъ мѣры увеличиваютъ силу союзныхъ армій. Эта замысловатая уловка удалась имъ до такой степени, что они успѣли увѣрить, будто походъ 1814 года былъ непрерывною цѣпью ошибокъ со стороны союзниковъ, торжествомъ искусства Наполеонова и храбрости Французовъ, и что счастливымъ окончаніемъ войны обязаны мы только сѣпому

случаю. Побѣжденнымъ не противорѣчили, и мнѣніе ихъ едва ли не сдѣлалось общимъ. Нѣмцы то же себя не забыли: войска почти всѣхъ Германскихъ владѣтелей нашли историографовъ, которые разобрали по рукамъ побѣды и присвоили ихъ своимъ единоземцамъ. Сочиненія Англичанъ не заслуживаютъ вниманія, потому, что Англичане глядѣли на войну глазами своихъ комиссаровъ, находившихся при союзныхъ арміяхъ, и которые были чужды военному ремеслу. Только Русскіе молчатъ. Ни одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще не принялъ на себя труда описать нашихъ дѣйствій за Рейномъ.»

Послѣ сочиненія генерала Данилевскаго никто не скажетъ, что мы не имѣемъ весьма хорошаго описанія этой знаменитой кампаніи; однако жъ каждый вмѣстѣ съ нами пожалуетъ, что оно по-крайней-мѣрѣ втрое не обширнѣе: авторъ, какъ видно изъ каждой страницы, кромѣ личныхъ своихъ свѣдѣній, пользовался еще безцѣпными документами военнаго архива, и читатель, благодаря его всюду за откровенное изложеніе дѣла, иногда съ нетерпѣніемъ перекидываетъ страницы слишкомъ сжатаго разсказа. Надѣемся, что, при слѣдующихъ изданіяхъ своей прекрасной книги, которыхъ она будетъ имѣть много, генералъ Данилевскій будетъ постепенно увеличивать ея объемъ.

Союзныя войска, которыя вступали во Францію перваго января 1814 года, по новому стилю, были раздѣлены на три арміи, — главную подъ командою князя Шварценберга, Силезскую подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера и сѣверную, которою предводительствовалъ въ Нидерландахъ послѣдній принцъ Шведскій: этой арміи только одна часть, именно Русскій корпусъ генерала Винценгероде, вступилъ на Французскую землю. Въ главной арміи, при которой находились Государь и союзные монархи, считалось 260,508 войска, въ томъ числѣ только 53,408 Рус-

скихъ; а въ Силезской арміи Блюхера 92,514 человекъ, въ томъ числѣ 55,583 Русскихъ. Вся союзныя силы, дѣйствовавшія противъ Наполеона, простирались до пяти сотъ тысячъ, но Русскихъ въ этой массѣ было не болѣе 142,288, и корпуса разставлены были на такомъ обширномъ пространствѣ, что наиримѣрь въ главной арміи изъ двухъ сотъ шестидесяти тысячъ едва сто двадцать тысячъ дѣйствовало прямо противъ самого Наполеона.

Планъ кампаніи начертанъ былъ самимъ Императоромъ Александромъ, 29 октября 1813 года во Франкфуртѣ. Государь такъ излагалъ его въ письмѣ къ наследному принцу Шведскому:

«Вотъ планъ, мною предложенный, съ которымъ Австрійскіе и Прусскіе военачальники совершенно согласились; я желаю, чтобы и ваше королевское высочество нашли его сходнымъ съ образомъ мыслей вашихъ.

«Наступательныя дѣйствія главной арміи между Майнцомъ и Стразбургомъ представляютъ много затрудненій, потому что крѣпостей нельзя оставить безъ вниманія. Вступая во Францію со стороны Швейцаріи, мы встретимъ несравненно менше препятствій, потому что эта граница не такъ сильно укрѣплена. Движеніе это еще представитъ ту выгоду, что можно обойти лѣвое крыло вице-короля, и тѣмъ понудить его къ поспѣшному отступленію. Тогда Австрійская армія въ Италіи можетъ у Ліона стать на одну высоту съ нами, и лѣвымъ крыломъ своимъ связать дѣйствія наши съ герцогомъ Веллингтономъ, котораго главная квартира была въ Олеронѣ, потому что Сультъ отошелъ къ Ортесу. Между-тѣмъ, фельдмаршалъ Блюхеръ, усиленный Баварцами, со ста тысячами составитъ наблюдательную армію; но онъ не ограничится однимъ наблюденіемъ, а можетъ перейти черезъ Рейнъ близъ Мангейма, и маневрировать противъ непріятеля до тѣхъ поръ, пока главная армія дойдетъ до мѣста своихъ дѣйствій. Такимъ образомъ станутъ въ линію всѣ четыре арміи, главная, Италійская, Блюхера и Веллингтона. (не будутъ находиться въ самыхъ плодотворныхъ областяхъ Франція; образуя собою дугу круга»

«четыре арміи будутъ подвигаться впередъ, сокращать дугу, и такимъ способомъ приближаться къ центру круга, то есть, къ Парижу или къ главной квартирѣ Наполеона.

«Вашему высочеству угодно было предоставить себѣ поскореніе Голландіи. Изложенныя здѣсь предположенія облегчатъ это предпріятіе, потому что принудятъ Наполеона «соединить главную часть силъ своихъ противъ нашихъ армій, которыя будутъ находиться на лѣвой сторонѣ вашего театра войны. Если ваше высочество пойдете на Кёльнъ и Дюссельдорфъ, или оттуда по направленію къ Антверпену, то вы отдѣлите Голландію отъ Франціи. Въ этомъ случаѣ, если Наполеонъ вознамѣрится удерживать за собою крѣпости, то гарнизоны ихъ произведутъ значительное уменьшеніе въ его дѣйствующихъ арміяхъ; въ противномъ случаѣ, если онъ не снабдитъ крѣпостей достаточными гарнизонами, вашему королевскому высочеству не представитъ много затрудненій войти во Фландрію, можетъ-быть, и далѣе. Главное дѣло — не терять ни одного мгновенія, чтобы не дать Наполеону времени набрать и обучить армію и снабдить ее всѣмъ нужнымъ: надобно пользоваться разстройствомъ его войскъ.»

Такимъ образомъ союзная армія переправлялась черезъ Рейнъ на огромной чертѣ отъ Кёльна до Базеля. На этомъ пространствѣ ведутъ въ Парижъ четыре главныя дороги: одна отъ Кёльна черезъ Лаонъ; вторая отъ Мангейма черезъ Шалонъ; третья отъ Страсбурга: по этой дорогѣ союзныя войска не входили, но вышли на нее впоследствии, потому что она соединяется въ Шалонъ съ Мангеймскою дорогою; четвертая, Базельская, черезъ Лагерь и Троя. Первою дорогою, съ сѣвера, вошла часть сѣверной арміи, — корпусъ Винценгероде; Мангеймскою, вступила Силезская армія Блюхера, которая тотчасъ своротила съ ней нѣтъ и вышла въ Нанси на Страсбургскую дорогу; Базельскою, или восточною, шла главная армія. Русскимъ предоставлено было почти на всѣхъ пунктахъ ступить первымъ за Рейнъ, и Русскіе же

заняли первый добрый городъ Французскихъ королей, Нанси. Армія Блюхера скоро пришла въ сообщеніе съ главною , которая уже дошла , по Базельской дорогѣ, до Лаугра и далѣе до Баръ-сюръ-Оба, почти не встрѣчая сопротивленія. Корпусъ Винценгероде подвигался по дальней Кельнской дорогѣ гораздо медленнѣе. Такимъ образомъ , въ первой половинѣ января союзныя арміи прошли горы Юру и Вогезскія , пришлося лѣвымъ крыломъ къ Лиону, а правымъ къ Бриенну , и главныя силы стояли на скатѣ возвышенности, откуда берутъ начало Мозель , Маасъ , Мэрна, Объ , Сена и Лоара. «Еще шагъ , говоритъ авторъ , и мы спускались въ долины , гдѣ по всемъ вѣроятіямъ , предстояли битвы на жизнь и смерть, битвы, отъ которыхъ зависѣло торжество или разрушеніе союза.»

Еще до перехода черезъ Рейнъ дипломаты союзныхъ кабинетовъ , народъ , котораго въ особенности не жалуетъ генераль Данилевскій , хотѣли непременно опредѣлить заранѣй цѣль кампаніи , то есть , страшились его слѣдствій для своихъ державъ и не желали запутываться слишкомъ далеко въ дѣло , содѣйствуя видамъ Россіи. Никто не думалъ о Бурбонахъ , и все считали выгоднѣйшимъ помириться съ Наполеономъ при первомъ удобномъ случаѣ. Государь , который въ глубинѣ души таилъ мысль низложить Наполеона , потому что Русская война могла кончиться только низложеніемъ того , черезъ кого Москва сгорѣла, настаивалъ всегда, что «надобно подчинить ходъ политики успѣхамъ оружія , не стѣснять себя ни какими преждевременными обязательствами и отъ побѣды ожидать условій для заключенія мира.» Но ни какой гласный поступокъ не обнаруживалъ цѣли виновника союза. Въ Лаугрѣ уже обнаружилось явно сопротивленіе его обширнымъ видамъ. До-сихъ-поръ , шествіе союзныхъ армій не встрѣчало сильныхъ преградъ со стороны непріятеля , но до успѣха еще было

далеко, и онъ лежалъ за большими опасностями. Наполеонъ издалъ повелѣніе, чтобы при появленіи непріятеля всѣ чиновники увѣжали изъ городовъ и мѣстечекъ, увозили съ собою деньги, дѣла и все, что бы могло союзникамъ объяснить средства занятаго края; чтобы уводили всѣхъ жителей и предоставляли врагу голую землю. Франсузы вели войну въ своемъ отечествѣ, гдѣ могли имѣть все нужное, людей, оружіе, хлѣбъ и точныя извѣстія —

«Напротивъ того, союзныя арміи не имѣли за собою ни магазиновъ, ни надежныхъ переправъ черезъ Рейнъ. Онъ вторглись въ непріятельскую землю въ суровое зимнее время, не обращая вниманія на разосланныя Наполеономъ воззванія къ общему возстанію и на бывшія въ тылу крѣпости, которыми устланы сѣверная и восточныя границы Франціи. Намъ надлежало бороться не съ одними непріятельскими войсками, но и съ нуждами, преимущественно же съ недостаткомъ продовольствія, въ которомъ встрѣчали тѣмъ болѣе затрудненія, что распоряженія на этотъ счетъ начальствъ, принадлежавшихъ различнымъ державамъ, нерѣдко прогиворѣчливы были другимъ. Въ перепискѣ, жалобахъ и упрекахъ, длилось время, между-тѣмъ какъ полки оставались безъ пищи. Больные и отсталые падали жертвами вооруженныхъ крестьянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ и ущельяхъ, откуда они, особенно съ февраля, нападали на проходившія команды и курьеровъ, и прерывали сообщенія между арміями и даже корпусами. Еще вреднѣе было подчиненіе союзныхъ армій вліянію нѣсколькихъ кабинетовъ, не всегда согласныхъ во мнѣніи не только насчетъ военныхъ предпріятій, но даже и самой необходимости войны. Наконецъ надобно принять въ уваженіе, что союзные генералы, не подвѣдомственные одной непосредственной верховной власти, и столько же между собою различныя въ свойствахъ, какъ и въ зависимости отъ дворовъ, во многомъ уступали тому, кто почитался первымъ полководцемъ вѣка и не обзывался никому отчетомъ, бывъ властелиномъ своихъ поступковъ. Мы превосходили непріятеля многолюдствомъ и отчасти устройствомъ войскъ, но у насъ не было и, по самому существу разнароднаго союза, не могло быть единства въ мысли и волю.»

Такимъ положеніемъ дѣль приходилось управлять Александру помощію одного нравственнаго вліянія на лица и мѣры. Вверивъ свои войска предводительству иностранныхъ полководцевъ, за собою старался Императоръ удержать только общее вліяніе на ходъ военныхъ и дипломатическихъ дѣль, и для этого былъ непрерывно въ личныхъ и письменныхъ сношеніяхъ съ главными военскими начальниками и министрами дворовъ. Онъ согласовалъ противоборствовавшія мнѣнія, воспламенялъ охладѣвавшихъ къ продолженію войны, вездѣ былъ самъ, ночью входилъ въ палатки полководцевъ съ полученными извѣстіями, понуждалъ, уговаривалъ, и направлялъ все пружины многосложнаго союза къ тайной своей цѣли, — сокрушенію Наполеона. Великому Монарху, который встрѣчалъ вездѣ тысячи препятствій, скрытныхъ и явныхъ, достойно содѣйствовала одна только твердость Русскихъ воиновъ, которой не могли поколебать ни какія страданія. Если общее положеніе союзной арміи не весьма было выгодно, то положеніе Русскихъ войскъ въ этой арміи было во сто разъ хуже. Барклай-де-Толли носилъ званіе главнокомандующаго Русскими войсками, но непосредственно онъ завѣдывалъ только Россійско-Прусскимъ резервомъ, при которомъ находился и которому сообщалъ распоряженія Шарценберга. Его вліяніе на наши корпуса, бывшіе при трехъ дѣйствующихъ арміяхъ, ограничивалось общимъ надзоромъ за хозяйственную частію. Но это было весьма трудно, по удаленію войскъ отъ границъ Россіи и слѣдовательно отъ необходимыхъ пособій и отъ источниковъ подкрѣпленій, и по причинѣ размѣщенія корпусовъ по разнымъ арміямъ въ вѣдѣніи иностранныхъ начальниковъ, не имѣвшихъ прямой обязанности заботиться объ ихъ благосостояніи. Часто бывали ощущаемы недостатки въ снарядахъ и аммуниціи, не оттого чтобы ихъ не было въ запасѣ, но отъ самой невозможности доста-

влять ихъ войскамъ. Барклай-де-Толли не былъ при корпусахъ, и не могъ знать о предписаніяхъ и назначеніяхъ, которыя чимо его къ нимъ насылались. По части продовольствія союзники также мало содѣйствовали Русскимъ, и нерѣдко оказывали совершенное равнодушіе къ нашимъ нуждамъ. Русскій Императоръ безпрестанно подтверждалъ о необходимости строжайшей дисциплины, зная, какъ важно было не ожесточать Французскаго народа насильствами надъ частною собственностью и лицами; полководцы издавали приказы по арміямъ и грозили смертію солдатамъ, но только одни Русскіе въ точности слушались предписаній, согласныхъ съ челоуѣколюбіемъ и политикою: прочіе позволяли себѣ разнаго рода шалости и даже неистовства, особенно въ деревняхъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, куда проникали Нѣмецкіе бродяги и отсталые отъ полковъ солдаты. Они въ этомъ отношеніи не подражали Русскимъ, которые, несмотря на свои лишенія, оставили даже между Французами, осквернителями храмовъ нашихъ, память примѣрной подчиненности. Поведеніе союзниковъ прибавило такимъ образомъ новое неудобство къ числу всѣхъ прочихъ: крестьяне, которыхъ вооруженія сначала были весьма рѣдки, стали нападать во множествѣ на мелкія отдѣльныя команды.

Мы сказали, что уже въ Лангрѣ обнаружилось сопротивленіе іе Александрѣ. Англія, Австрія и Пруссія, когда почти безъ выстрѣла была покорена четверть Франціи, думали, что можно удовольствоваться этимъ успѣхомъ, и въ пространной запискѣ, изъясняя опасности похода, предложили вопросы — итти ли далѣе? достигнута ли цѣль союза, заключеннаго въ Тѣн-шицѣ, союза, который состоялъ въ томъ, чтобы возстановить Австрію и Пруссію въ томъ видѣ, какъ онѣ были до 1805 года? въ случаѣ продолженія войны и полного успѣха, удалить ли Наполеона отъ престола, его од-

ного или его и все его семейство? кого тогда возвестить на Французскій престолъ, если не признають за лучшее предоставить выборъ династїи самимъ Французамъ? если не продолжать войны, то согласны ли державы назначить Франціи границами Альпы и Рейнь, по прошлогоднему предположенію, и вступить въ переговоры о миръ? и если онъ не согласится, объявить ли о томъ всенародно? Доводы въ пользу мира не согласовались съ образомъ мыслей государя. Онъ изложилъ свое мнѣніе въ замѣчательной запискѣ, которую приводитъ авторъ.

«Прекратить дѣйствія арміи по какимъ-либо причинамъ, «кромя военныхъ, значило бы лишить себя единственныхъ «рѣшительныхъ средствъ, отъ которыхъ можемъ ожидать «политическихъ выгоды. Линія Лангра, на которой мы теперь находимся, нельзя назвать военною. Лангръ лежитъ «на дорогѣ, по которой намъ надобно проходить, чтобъ встрѣ- «титься и сразиться съ непріятелемъ. Настоящія движенія «союзныхъ армій не суть начало новаго похода, но послѣд- «ствія мѣръ, прежде утвержденныхъ, и *самого вступленія* «нашего во Францію. Это вступленіе не могло ограничи- «ваться какимъ-нибудь тщетнымъ покушеніемъ, но соста- «вляетъ великое военное предпріятіе, которое имѣетъ цѣлю «уничтожить средства непріятели, лишить его способовъ «сформировать армію, ослабить его могущество, словомъ, «нанести ему всякой вредъ, какой можно сдѣлать въ военное «время. Я всегда настаивалъ, чтобы такимъ образомъ упо- «треблять наши силы, и дѣйствія согласовать съ военными «уваженіями: теперь остается только стараться объ испол- «неніи этой мысли съ быстротою и благоразуміемъ. Доколѣ «война продолжается, нельзя сказать утвердительно, *испол-* «*нилась ли цѣль союза*: это должна рѣшить послѣдняя по- «бѣда. Я постоянно слѣдовалъ этому правилу, которое и те- «перь можетъ увѣнчать предположенія наши успѣхомъ.

«Пока значительная часть Европы еще была занята Фран- «цузскими войсками и надежда на успѣхъ сомнительна, мы «должны были ограничивать свои требованія сообразно съ «силами нашими, и цѣль опредѣлять общими выраженіями,

«какъ напрямѣръ, возстаповленіемъ Пруссіи, Австріи, и тому подобнымъ. Такія выраженія не заключаютъ въ себѣ «однако жъ отреченія отъ тѣхъ выгодъ, которыхъ Провидѣніе и наши огромныя пожертвованія позволютъ намъ надѣяться. Эта истина доказана примѣромъ всѣхъ войнъ, и «самыми поступками нашими. Условія мира, о которыхъ «не оффиціально говорено было во Франкфуртѣ, уже не тѣ, «которыхъ мы теперь желаемъ; во Фрейбургѣ мы думали о «другихъ условіяхъ нежели въ Базелѣ, а въ Лангрѣ можно «думать объ иныхъ чѣмъ при переходѣ черезъ Рейнь. Если «позвоительно распространять свои требованія, то это право должно сохранять полную силу, доколѣ война успѣшно «продолжается; а исполненіе его будетъ зависетьъ отъ благо- «разумія и государственныхъ причинъ, потому что ни какое «прежнее соглашеніе между союзниками ничѣмъ не связываетъ ихъ въ отношеніи къ непріятелю. Мы увеличивали «свои требованія по мѣрѣ успѣховъ, и это самое доказываетъ, какъ необходимо для насъ умножить наши успѣхи, «чтобы съ большею увѣренностью достигнуть цѣли. Въ нѣ- «сколько дней мы не можемъ въ этомъ убѣдиться, и потому «не должно поспѣшишь примиреніемъ извлекать непріятеля «изъ опаснаго положенія, въ которомъ онъ находится.

«Союзники единодушно соглашаются въ томъ, что они не имѣютъ права разсуждать, а тѣмъ менѣе предупреждать «мнѣніе, на счетъ династіи, которой царствовать во Франціи. *Война ведется не для этого предмета*, слѣдственно «онъ не подлежитъ сужденію. Союзники не хотятъ пользоваться побѣдою, чтобы вынудить Французовъ къ объявленію своего мнѣнія, и слава наша возрастетъ, если, имѣя въ «рукахъ силу, окажемъ безпристрастіе.

«Теперь нужно согласиться, на какихъ условіяхъ предложить миръ Франціи, съ тѣхъ однако же, чтобы мы предложили себѣ право увеличить наши требованія, если въ «продолженіе переговоровъ встрѣтятся благоприятныя для «насъ обстоятельства. Я первый сказалъ, что должно договариваться съ Франціею отъ имени Европы, и согласенъ, чтобы Франція не имѣла голоса касательно разграниченія и всякаго другаго рода сдѣлокъ между прочими государствами, о чемъ сообщить ей только для свѣдѣнія; всѣ переговоры съ

«всю исключительно должны относиться до ее будущих «гравицъ. Если переговоры замедлятся или не будутъ прива- «дены къ желаемому окончанію, я готовъ объявлять Франціи «и Европѣ объ условіяхъ, которыя были предложены.

«Въ заключеніе, я долженъ обратить вниманіе союзниковъ «на силы непріятеля и на необходимость сокрушить ихъ, «какъ въ продолженіе самыхъ переговоровъ, такъ и въ томъ «случаѣ, когда исчезнетъ всякая надежда на миръ. Слабость «Наполеона состоитъ въ разстройствѣ большей части его «войскъ, въ неопытности его новонабравныхъ солдатъ, чуж- «дыхъ подчиненности, что происходитъ отъ нанесенныхъ «ему поражений, послѣ которыхъ онъ еще не успѣлъ сформир- «ровать арміи; но все эти недостатки ежедневно исправля- «ются, и, если мы еще болѣе будемъ медлать, то подадимъ «непріятелю возможность совершенно изгладить ихъ.

«Поможишь даже, что мы заключимъ миръ; но для испол- «ненія различныхъ статей его потребуется много времени. «Сколько земель и крѣпостей отъ Мантуи до Текселя при- «дется непріятелю уступать, а намъ принимать во владѣніе! «Если между-тѣмъ Наполеонъ соберется съ силами и восполь- «зуется тысячею случаевъ, которые могутъ подать поводъ «къ новымъ спорамъ въ столь многосложномъ дѣлѣ, то какъ «ручаться, чтобъ онъ не разорвалъ мирнаго договора въ ту «самую минуту, коль скоро возьмѣтъ надежду на успѣхъ? «Единственная предосторожность противъ этой опасности «состоитъ въ истребленіи армій, которыя онъ собираетъ, и «въ томъ чтобъ поставить его въ невозможность «формиро- «вать новыя войска. Все это не касается до перемѣны династ- «тин; но если Провиднїе обратитъ обстоятельства и самого «Наполеона въ орудія разрушенія политическаго его суще- «ствованія, это не будетъ противно ни справедливости, ни «выгодамъ Европы.»

Такимъ образомъ первое покушеніе дипломатіи «остановить походъ на Парижъ было благополучно «опровергнуто, и рѣшено продолжать наступательное «движеніе. Однако жъ министры союзныхъ дворовъ «выхлопотали согласіе Русскаго государя на вступле- «ніе между-тѣмъ въ переговоры съ Коленкуромъ въ

Шаттлмюнь: главныя условія мира состояли въ томъ, что Франція должна заключиться въ границахъ 1792 года и отказаться отъ всякаго непосредственнаго вліянія на сосѣднія государства. Александръ принужденъ былъ послать на конгрессъ и своего уполномоченнаго, но, отправляя графа Разумовскаго въ Шаттлмюнь, онъ далъ ему тайное приказаніе не торопиться, медлить какъ-можно долѣе и на все испрашивать Высочайшаго разрѣшенія. Уполномоченный превосходно постигъ мысль Государя и выполнялъ порученіе съ рѣдкою осмотрительностью.

Союзныя арміи были уже въ сто сорока верстахъ отъ столицы Франціи по обѣимъ дорогамъ, Базельской и Страсбургской, когда Наполеонъ устремился на нихъ изъ Парижа по Страсбургской дорогѣ, отбросилъ корпусъ Ланскаго отъ Сень-Дизиде и поворотилъ влѣво на Блюхера, который неосторожно разсыпалъ свои войска. Дѣло завязалось при Бриеннѣ; обѣ стороны потеряли по три тысячи человѣкъ убитыми и ранеными; Блюхеръ принужденъ былъ отступить на семь верстъ. Въ этомъ дѣлѣ, которое Наполеонъ выдалъ въ своихъ бюллетеняхъ за побѣду, со стороны союзниковъ не было другихъ войскъ кромѣ Русскихъ. Такъ, Русскимъ суждено было выдержать первый напоръ Наполеона во Франціи. Они дрались съ отчаяніемъ. Первое Бриенское дѣло послужило болѣе го вредъ чѣмъ въ пользу Наполеону, потому что заставило союзниковъ сосредоточить свои силы. Изъ перехваченныхъ депешей узнали, что императоръ Французовъ приказалъ маршалу Мортиѣ примкнуть изъ Троя къ Бриенну, чтобы совокупными силами нанести рѣшительный ударъ Блюхеру. Государь прискакалъ изъ Шомона, употребилъ всю свою дѣятельность, и значительныя силы поспѣшили на выручку Прускаго фельдмаршала изъ опаснаго положенія. Наступило второе Бриенское сраженіе, въ которомъ со сто-

роны союзниковъ участвовали войска шести державъ, но преимущественно корпусъ Сакена. Чтобы удобнѣе можно было различить своихъ отъ Французовъ, Государь приказалъ всемъ воинамъ, отъ генерала до солдата, носить на лѣвомъ рукавѣ бѣлую повязку. Генераль Жомини замѣтилъ, что бѣлый цвѣтъ вѣроятно будетъ принятъ за расположеніе къ Бургонамъ. «А мнѣ какая до нихъ нужда!» отвѣчалъ Александръ. Во время сраженія адъютанты всѣхъ союзныхъ начальниковъ привозили прямо къ Государю донесенія объ ихъ успѣхахъ. Онъ тутъ же жаловалъ имъ орденна. Этотъ день былъ торжествомъ Блюхера. Александръ, когда сраженіе кончилось, обнялъ его адъютанта, графа Ностица, съ этими словами: «Скажите фельдмаршалу, что онъ сегодня увѣнчалъ всѣ прежнія свои побѣды!» Государь былъ отменно доволенъ порядкомъ и храбростью Русскихъ войскъ. Онъ въ особенности выхвалялъ дѣйствія Сакена и присовокупилъ: «Какъ чувствую я себя виноватымъ передъ нимъ! Этому причину***, который оклеветалъ его передо мною. Надѣюсь однако жъ, что теперь Сакенъ будетъ мной доволенъ.» Орденъ Святаго Андрея былъ наградою полководца. Авторъ упоминаетъ еще объ одной прекрасной чертѣ души Александра: осматривая потомъ корпусъ Сакена, Монархъ благодарилъ всѣхъ, а генералу сказалъ: «Ты побѣдилъ не только вѣншихъ неприятелей, но и *внутреннихъ.*»

Семьдесятъ три орудія и тысяча плѣнныхъ были трофеями этой побѣды. Союзники лишились до четырехъ тысячъ убитыми и равными. Французы всю ночь отступали въ безпорядкѣ за Объ и Вуару. «Что скажутъ въ Парижѣ объ этой побѣдѣ!» воскликнулъ Александръ. Въ самомъ дѣлѣ, она тамъ повергла въ уныніе даже самыхъ пламенныхъ приверженцевъ Наполеона, хотя онъ выдавалъ Бріенское сраженіе за простое авангардное дѣло. Союзная армія двинулась

впередъ, но весьма слабо преслѣдовала непріятеля. Напрасно Александръ понуждалъ Шварценберга устремиться всѣми силами за побѣжденнымъ: аванпостная служба была такъ дурно отправляема Нѣмцами, что долго не знали куда ушелъ Наполеонъ. Заняли однако жъ Троа, и Государь приказалъ написать къ Шварценбергу, чтобы строжайше предписано было шадить городъ: «эта мѣра, присовокупляетъ князь Волконскій, кажется Его Императорскому Величеству тѣмъ болѣе пужною, что Французы, отступая, грабили въ Троа. Хорошее поведеніе вашихъ войскъ можетъ во многомъ имѣть вліяніе на духъ народа и показать ему различіе нашего съ нимъ обращенія.» Путь въ Парижъ былъ открытъ, и при належащей быстротѣ движеній союзныя войска въ нѣсколько дней были бы подъ его стѣнами. Государь даже сообщилъ письменно Блюхеру распоряженія свои о томъ, какіе корпусы должны первые вступить въ Парижъ. Со стороны союзниковъ также составлены были предположенія какъ поступать въ Парижъ; и, — странное дѣло! — въ этомъ проектѣ предлагали заключить въ Парижъ миръ съ Наполеономъ на условіяхъ, объявленныхъ въ Шатиллионѣ, ежели сами Французы не провозгласятъ Бурбоновъ. Изъ особеннаго уваженія къ Россійскому Императору, кабинеты предоставляли Его Величеству выборъ генераль-губернатора. Этотъ проектъ остался даже неподписаннымъ, потому что Коленкуръ, чтобы выиграть время, прислалъ изъ Шатиллиона письмо къ Шварценбергу съ изъясненіемъ согласія на предложенныя условія, ежели можно тотчасъ заключить перемиріе, и Австрія, Англія и Пруссія болѣе чѣмъ когда-либо настаивали теперь на *необходимости* подписать миръ не доходя до Парижа, съ которыми, говорили онъ, трудно будетъ управиться. «Должно предоставить времени и чужестраннымъ писателямъ, говоритъ авторъ, въ подробности

*

раскрыть заключенія этихъ трехъ государственныхъ мужей (Меттерниха, Кастльре и Гарденберга), и также доводы и причины, на основаніи которыхъ имъ вельно было настаивать на мирѣ.» Со стороны Прусскаго министра это поведеніе было тѣмъ загадочнѣе, что сто величество король былъ совершенно согласенъ съ Русскимъ Государемъ и вмѣстѣ съ нимъ давалъ наставленіе о порядкѣ вступленія въ Парижъ Блюхеру, который пылалъ ненавистью и мщеніемъ къ Наполеону и открыто говорилъ объ его сверженіи. Австрійскій императоръ тоже отвергалъ съ истиннымъ благородствомъ всѣ покушенія Франціи отторгнуть его отъ союза. И между-тѣмъ Австрія, Англія и Пруссія, согласились на перемиріе! Онѣ только желали, чтобы Наполеонъ отдалъ нѣсколько крѣпостей въ залогъ того, что не будетъ противиться подписанію мира на условіи принять для Франціи границы 1792 года. Зная отвращеніе Государя договариваться съ Наполеономъ, эти три державы протоколомъ опредѣлили просить Его Величество о приказаніи графу Разумовскому подписать миръ въ Шатилліонѣ, гдѣ конгрессъ все-еще продолжался. Лордъ Кастльре, князь Меттернихъ, князь Гарденбергъ, изложили въ особыхъ запискахъ мнѣнія свои о вопросахъ—продолжать ли войну, и достигнута ли цѣль союза: и въ политическомъ и въ военномъ отношеніи, по ихъ словамъ, эта цѣль была достигнута, и пришло время, когда для благоденствія Европы надобно войти въ соглашеніе съ Наполеономъ; на это они изъясняли и желаніе и готовность своихъ дворовъ, и утверждали необходимость предлагаемой мѣры. «Здѣсь впервые, присовокупляетъ генералъ Данилевскій, со времени дружественнаго союза, заключеннаго съ Пруссіею въ Калишѣ, оказалось разномысліе ея кабинета съ Русскимъ.» Можно себѣ представить огорченіе Александра при этой внезапной перемѣнѣ образа мыслей сво

ихъ союзниковъ, — и въ какое время? — послѣ рѣшительной побѣды! Императоръ изложилъ мнѣніе свое въ запискѣ, которая была сообщена 3 февраля союзнымъ державамъ, въ Тройа, и останется навсегда памятникомъ глубокихъ соображеній и дальновидности Александра.

«Я со вниманіемъ разсматривалъ отвѣты министровъ Австрійскаго, Англійскаго и Прусскаго на предложенные вопросы.

«Такъ какъ первый изъ вопросовъ имѣетъ предметомъ «опредѣлять цѣль, для которой война ведется, то почитаю «нужнымъ войти по этому поводу въ историческія и откровенныя объясненія.

«Союзнымъ дворамъ извѣстно, въ какихъ обстоятельствахъ «я обратился къ оружію, чтобы воспротивиться завоеванію «моего государства, и какимъ образомъ непріятель, претерпѣвъ несметныя потери, былъ изъ него изгнанъ. Это событіе непосредственно обезпечило Россію; но, не прельщаясь «спокойствіемъ, которое могло послѣдовать отъ временнаго «примиренія съ Франціею, я рѣшился предпринять осво- «божденіе Европы. Ни опасности, сопряженныя съ войною, «которую надлежало вести далеко отъ границъ, ни препятствія, затруднявшія другимъ державамъ намѣреніе соединиться съ Россіею, ни себялюбивыя и робкія совѣты, ничто «не могло остановить меня.

«Приступленіе Пруссіи къ союзу съ Россіею начало оправдывать мои надежды. Съ той минуты, какъ эта держава рѣшилась соединить войска свои съ Россійскими, непосредственная цѣль войны должна была только соразмѣряться «съ ихъ успѣхами и средствами: потому, въ этомъ смыслѣ «и слѣдовало составить союзный договоръ. Приступленіе «Австріи должно было довершить союзъ, необходимый для «благоденствія Европы. Причины, побуждавшія Вѣнскій «дворъ откладывать свое намѣреніе, дали непріятелю время «предстать съ великими силами въ сердцѣ Германіи, которая находилась подъ его игомъ. Надобно было выбрать «одно изъ двухъ, — сразиться, или отступить, отдавъ безъ боя во власть непріятеля по-крайней-мѣрѣ Саксонію и Си-

«лезію, и, такимъ образомъ, не сдѣлавши ни какого усилія, «обмануть надежды Германіи. Король Прусскій и я рѣшились на то, что предписывала честь: счастье не совсѣмъ «благопріятствовало намъ, но непоколебимая твердость наша «въ неудачахъ породила новыя соображенія, которыя позволили Австріи заняться штрами, чтобы соединиться съ Россією и Пруссією.

«При началъ этого союза, Франціи были сдѣланы предложенія о мирѣ. Союзникамъ извѣстиво мое мнѣніе: я полагалъ, «что такой миръ не довелъ бы ихъ до цѣли, достойной сдѣланныхъ пожертвованій и соотвѣтственной выгодъ нашего «положенія. Мнѣ возражали, что случайности войны могутъ «воспротивиться нашимъ требованіямъ, которыхъ мы не «могли достигъ иначе какъ силою оружія. Я настоялъ, чтобы «опасности борьбы, представляющей вѣроятность успѣха, «предпочестъ миру, который оставилъ бы Европу въ цѣпяхъ: «изъ этого произошелъ счастливый союзъ, которому, по «благости Провидѣнія, мы одолжены всѣми одержанными «успѣхами. Однако жъ, когда Австрія рѣшилась соединиться «съ Россією и Пруссією, побѣда была еще сомнительна, и «потому *цѣль войны* слѣдовало ограничить тѣмъ полженіемъ, въ какомъ находились тогда дѣла, и на этомъ основаніи были составлены взаимныя обязательства.

«Приведенные побѣдою во Франкфуртъ, союзники предложили Франціи мирныя условія, которыя они полагали тогда «сообразными съ пріобрѣтенными успѣхами: въ то время «можно было назвать эти условія *цѣлю войны*.

«Для меня пріятно здѣсь вспомнить, какъ много я «противился поспѣшному приступленію къ переговорамъ. Я неоднократно отвергалъ подобныя предложенія, не потому «чтобы не желалъ мира, но по расчету, что время должно «явить намъ благопріятнѣйшіе случаи и, такъ сказать, расккрыть передъ нашими глазами превосходство наше передъ «непріятелемъ. Союзники имѣли право быть довольны, поэтому что этому обстоятельству мы обязаны всѣми неисчислимыми выгодами, которыя произошли отъ различія условій, предложенныхъ во Франкфуртѣ и Шатиліонѣ, то есть, «возвращеніе отъ Франціи тѣхъ владѣній, безъ которыхъ

«Голландія, Германія и Италия, были бы потеряны при первом наступательномъ движеніи.

«Изложеніе этихъ происшествій ясно доказываетъ, что цѣль войны никогда не была съ точностью опредѣляема, но что она изменялась по обстоятельствамъ.

«Обращаясь къ точкѣ, которой мы теперь достигли, думаю, что нынѣшнее положеніе воюющихъ армій не позволяетъ помышлять ни о какихъ другихъ послѣдствіяхъ кромѣ тѣхъ, которыя могутъ произойти отъ продолженія войны. «Всякаго другаго рода сдѣлки, для дѣйствительнаго приведенія ихъ въ исполненіе, требовали бы такъ много времени, что непріятель, между-тѣмъ, могъ бы отказаться отъ своихъ обѣщаній, особенно, если выиграетъ время чтобы собрать силы и утвердить колеблющееся общее мнѣніе на счетъ личной судьбы своей. Разрушеніе политическаго могущества его не составляетъ главной цѣли усилій, которыя намъ предстоитъ; но оно можетъ сдѣлаться ихъ цѣлью, если счастье оружія, примѣръ Парижа и явное расположеніе жителей Французскихъ провинцій, подадутъ союзникамъ возможность открыто провозгласить ее.

«Я не раздѣляю образа мыслей союзниковъ насчетъ большей или меньшей важности сверженія Наполеона, если оно можетъ быть оправдано благоразуміемъ. Напротивъ того, «взираю на эту мѣру какъ на довершеніе освобожденія Европы, какъ на самый блестятельный примѣръ справедливости и нравственности, какой можно явить свѣту, и наконецъ, какъ на счастливѣйшее событіе для Франціи, которой внутреннее состояніе никогда не можетъ быть малозначущимъ для спокойствія ея сосѣдей.

«Никто болѣе меня не убѣжденъ въ непостоянствѣ счастья «на войнѣ, однако жъ я не почитаю неудачи, или даже проигрышнаго сраженія, такимъ бѣдствіемъ, которое бы въ одинъ день лишило насъ плода побѣдъ. Я долго размышлялъ о нашемъ положеніи, и увѣренъ, что искусство генераловъ, храбрость войскъ, превосходство въ конницѣ, подкрѣпленія, которыя къ намъ слѣдуютъ, и общее мнѣніе, «одушевляющее народы, не допустятъ насъ унизиться до той степени, какъ думаютъ.

«Если въ этомъ отношеніи предстоитъ намъ какая-нибудь

«опасность, то она заключается только въ томъ, что боязнь, «выраженная въ мнѣніяхъ, мнѣ предстаменныхъ, можетъ «сообщиться войскамъ; но и они являя уже опыты столь великой твердости, что подобныя впечатлѣнія не сильны «внѣсть на нихъ дѣйствія.

«Что касается до затрудненій, которыя могутъ возникнуть «отъ занятія Парижа, думаю, что они преувеличены: столица сама озаботится о своей безопасности и сохраненіи. Для «этого намъ надобно добросовѣстно условиться о вѣрахъ, «нужныхъ для ея спокойствія: къ чему полагать, что найдемъ «ее въ совершенномъ безначаліи?

«Я отнюдь не прогвилюсь продолженію переговоровъ въ «Шатиллионъ и сообщенію Коленкуру отвѣта на послѣдній «запросъ его и требуемыхъ объясненій о будущемъ жребіи «Европы въ томъ случаѣ, если Франція возвратится въ старинныя границы. Объ этомъ отвѣтѣ можно союзникамъ «уговориться, согласно постановленію, состоявшемуся въ «Лангрѣ.

«Что касается до перемирія, котораго просятъ въ письмѣ «къ князю Меттерниху, то этотъ поступокъ Французскаго «уполномоченнаго почитаю противнымъ существующему «ряду переговоровъ. Не трудно угадать намѣреніе непріятеля въ подобномъ нарушеніи принятыхъ правилъ: согласиться на переговоры о столь важномъ предметѣ, значило бы «потворствовать его видамъ. Насчетъ же сущности требованія его, полагаю, что въ настоящихъ обстоятельствахъ «перемиріе полезно только для непріятеля, и что не слѣдуетъ останавливаться при видѣ съѣтъ, которыя сдѣлаются «еще опаснѣйшими, когда время дастъ Наполеону новыя «средства усилиться и отказаться отъ своихъ обѣщаній. Самое важное изъ этихъ средствъ состоитъ въ томъ чтобъ «увѣрить Французовъ, что нынѣшній монархъ будетъ надъ «ними царствовать и тяготѣть. Это убѣжденіе неминуемо «подвигнетъ ихъ соединиться вокругъ него съ поспѣшностью, «которую внушатъ имъ боязнь и желаніе оправдаться въ «равнодушіи и отвращеніи, оказываемыхъ до-сихъ-поръ къ «вооруженію и поголовному возстанію.

«Я увѣренъ, что теперь, какъ и прежде, все правдоподобіе «включается въ пользу счастливаго окончанія, если союзники

«пребудутъ единодушными въ видахъ и условіяхъ, которыми досель руководствовался въ главной своей цѣли, *сокрушеніи непріятельскихъ армій*. Съ добрымъ согласіемъ успѣхъ будетъ совершѣнный, а неудачи легко перенести. Не полагаю, чтобъ пришло время остановиться, и надѣюсь, какъ и въ прежнихъ обстоятельствахъ, что новыя событія укажутъ, когда настанетъ это время.»

Несмотря на ясность и убѣдительность этихъ доводовъ, министры союзныхъ державъ не согласились съ Государемъ. Меттернихъ, Кастльре и Гарденбергъ, лично были у Его Величества: Императоръ имѣлъ съ ними продолжительныя и столь жаркія пренія, что иногда примѣтно было измѣненіе въ лицѣ его.» Чтобы не расторгать союза, онъ далъ графу Разумовскому повелѣніе подписать перемиріе. На непреклонность союзниковъ, вѣроятно, подѣйствова о много, говоритъ авторъ, полученное въ тотъ же день извѣстіе о пораженіи Омсуфьева подъ Шампоберомъ. Государь, однако жъ, отнюдь не почиталъ этого несчастія за побудительную причину къ заключенію мира, и 3 февраля, посылая графу Нессельроде бумаги для исполненія, написалъ собственноручно эти слова: «Еще вся наша главная армія въ тылу непріятеля, и если будемъ дѣйствовать умно, рѣшительно, то дѣла могутъ еще принять счастливейшій оборотъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе союзниковъ вдругъ сдѣлалось сомнительнымъ единственно отъ тайныхъ прожектовъ нѣкоторыхъ лицъ и неискренности союзниковъ Россіи. Мы сказали, что Блюхеру дано было предписаніе отъ государя и короля Прусскаго приближаться къ Парижу и идти прямо въ Мё, небольшой городъ въ двѣнадцати льё отъ столицы. Блюхеръ пошелъ, и растянулъ свою армію по Страсбургской дорогѣ. Шварценбергъ, который получилъ тайныя предписанія отъ своего двора, не пошелъ съ тою же быстротою по Базельской, не преслѣдовалъ разбитаго

непріятеля, придумывалъ разные предлоги къ бездѣйствію и даже расположилъ свою армію на кантонирь-квартирахъ. Двадцатаго января одержана была побѣда подъ Бриенномъ, а двадцать-осьмага числа войска его еще не трогались изъ Троя, гдѣ между-тѣмъ происходили пренія о необходимости мира. Онъ позволилъ Наполеону спокойно отойти отъ Троя къ Ножану, укрѣпить его и переправиться со всею арміею на правый берегъ Сены. Съ свойственною себѣ быстротою взгляда, императоръ Французовъ тотчасъ принялъ разобщенное движеніе корпусовъ Блюхера, и налетѣлъ на нихъ съ боку. Между-тѣмъ какъ въ Парижѣ, гдѣ господствовало величайшее смѣненіе, укладывали уже казну и архивы, и министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Бассано, поднесъ ему приготовленный отвѣтъ Коленкуру по дѣлу о перемиріи, Наполеонъ долго разсматривалъ карту театра войны, и наконецъ сказалъ: «Теперь рѣчь не объ этомъ: я мысленно разбиваю Блюхера, который идетъ отъ Монмираля въ Парижъ. Если мое предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, то дѣла пріймутъ другой оборотъ, и тогда увидимъ.» Первый его ударъ упалъ на маленькій корпусъ Осуфьева, котораго онъ настигъ подъ Шампоберомъ. Князь Шварценбергъ слышалъ пушечные выстрѣлы въ этомъ направленіи. Казачій полковникъ Власовъ доносилъ ему, что Наполеонъ пошелъ въ ту сторону. Шварценбергъ не уважилъ этого извѣстія, и утверждалъ, что, по донесеніямъ лазутчиковъ, Наполеонъ находится теперь въ Парижѣ, по случаю возникшихъ тамъ безпокойствъ. Оставленный безъ защиты, Осуфьевъ потерялъ до двухъ тысячъ убитыми и плѣнными и самъ взятъ былъ въ плѣнъ. Наполеонъ, не зная числительной силы корпуса, думалъ, что онъ одержалъ блистательную побѣду. Онъ желалъ видѣть Осуфьева и пригласилъ его къ себѣ ужинать; но какъ этотъ генералъ съ трудомъ объяснялся по-

Французски, то Наполеонъ прислалъ за генераль-маіоромъ Полторацкимъ. — «Сколько васъ сегодня было въ дѣлѣ?» — Три тысячи шесть сотъ девяносто человекъ и двадцать четыре пушки. — «Вздоръ! этого быть не можетъ! Васъ было по-крайней-мѣрѣ восемнадцать тысячъ.» — Русскій офицеръ не говоритъ вздору; я говорю правду. Впрочемъ, кромѣ меня, у васъ есть другіе плтинные, которые вамъ скажутъ, государь то же самое; тогда, надѣюсь, удостовѣритесь, что Русскіе не лгутъ. — Наполеонъ нахмурился, и по нѣкоторомъ молчаніи сказалъ: «Если это справедливо, то по чести можно сказать, что только Русскіе умѣютъ такъ жестоко драться. Я прозакладывалъ бы голову, что васъ было по-крайней-мѣрѣ восемнадцать тысячъ!» На это Полторацкій замѣтилъ со вздохомъ: — И при всемъ томъ я въ плѣну! — «Что это значить! вскричалъ Наполеонъ: у вашего Императора, а въ плѣну до пятидесяти лучшихъ моихъ генераловъ, которые не хуже васъ! Но, положимъ, я васъ истребилъ: хоть въ этомъ нѣтъ большой чести, потому что войска мои дрались съ вами цѣлый день, однако жъ послѣдствія этого дѣла для меня важны; и я скажу вамъ: сегодня я разбилъ васъ, завтра уничтожу Сакена, въ четвергъ весь авангардъ Витгенштейна, въ пятницу дамъ такой щелчокъ Блюхеру, что онъ ввѣкъ не вспомнится, а тамъ надѣюсь вашему Александру предписать миръ на Вислѣ.»

До такихъ блистательныхъ успѣховъ далеко было хвастливому императору Французовъ, однако жъ онъ отчасти сдержалъ слово въ отношеніи къ Сакену и Блюхеру. Онъ на слѣдующій день напалъ на Сакена у Монмираля и оттѣснилъ его до Шато-Тьерри, за Марну. Во все время отступленія корпусъ Сакена сражался съ неслыханною храбростью, и изъ четырнадцати тысячъ потерялъ пять тысячъ человекъ. Прусакъ тутъ было четыре тысячи, но изъ нихъ ранено

и убито только восемь сотъ пятьдесятъ человекъ: всѣ тяжесть урона пала на Русскихъ, которые залили путь своего отступленія потоками своей и непріятельской крови. Тогда Наполеонъ обратился на Блюхера, котораго главнымъ недостаткомъ была самонадеянность и презрѣніе къ непріятелю, и отбросилъ его отъ Этожа до самого Шалона, гдѣ соединяются дороги Мангеймская и Страсбургская. «Преслѣдованіе было такъ жестоко, что совершенная гибель казалась Блюхеру неизбежною. Содрогнулась его мощная душа при мысли, что ему, принцу Августу и всему корпусу, предстоитъ пльнѣ. Онъ искалъ смерти, и во время батальнаго огня становился передъ фасадами казаремъ.» Однако жъ чудеса храбрости, оказанныя въ этотъ убійственный день преимущественно Русскими, спасли честь стараго героя. Блюхеръ потерялъ шесть тысячъ человекъ и пятнадцать орудій, и 3 февраля укрылся въ Шалонъ. Къ счастью, для пополненія этихъ уронновъ, въ это время корпусъ Винценгероде, шедшій отъ сѣверной арміи по Брюссельской дорогѣ, дошелъ до самаго Соассона, почти въ окрестностяхъ Парижа и генераль Чернышевъ смѣлымъ ударомъ захватилъ этотъ городъ, что снова обезпечило Наполеона касательно безопасности столицы. Блюхеръ, который дѣятельно занялся въ Шалонъ собраніемъ своей разстроенной арміи, приказалъ корпусу Винценгероде сойти съ этой дороги въ Ренсъ и примкнуть къ нему лѣвымъ крыломъ. Но къ довершенію несчастій, въ это время начала возгораться народная война во Франціи.

«Послѣ пораженій Силезской арміи толпы солдатъ были разметаны въ разныя стороны; къ нимъ присоединились многочисленныя тяжести различныхъ корпусовъ, погонщики, маркитанты и отсталые, обыкновенно витающіе при обозахъ, которые до-сихъ-поръ ни въ одной Европейской арміи не приведены въ надлежащій порядокъ. Буйныя шайки разбрелись по лѣсамъ и селеніямъ, и, не будучи удерживаемы

установами подчиненности, удовлетворяли порывамъ своихъ страстей, преувеличенныя Французскими газетами, въ которыхъ употребляли всѣ усилія чтобы сдѣлать возстаніе общимъ. Съ одной стороны поджигаемые воззваніями, а съ другой видя возможность поражать разбрѣдшихся солдатъ, жители вооружались, и съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ продолжали нападенія до заключенія мира.»

Таковы были слѣдствія пагубнаго противоборства кабинетовъ великой мысли Александра, въ которой заключалось ихъ спасеніе. Когда Государь получилъ донесеніе о нападеніи Наполеона на армію Блюхера, Его Величество имѣлъ сильное преніе съ лордомъ Кастльре о необходимости продолжать войну и дѣйствовать рѣшительно. Неудача Блюхера была краснорѣчивымъ доводомъ въ подкрѣпленіе словъ Государя. Съ пламенѣющимъ лицемъ и гнѣвнымъ видомъ Императоръ объяснилъ лорду Кастльре содержаніе донесенія, и присовокупилъ, что это слѣдствія настояній о мврѣ и бездѣйствія главной арміи. Въ самомъ дѣлѣ, князь Шварценбергъ дѣйствовалъ только для виду, то есть, такъ, чтобы изъ дѣятельности его не вышло ничего рѣшительнаго.

«Князь Шварценбергъ соблюдалъ всѣ мѣры предусмотрительности, принимаемая въ оборонительномъ положеніи. Онъ прикрывалъ на дальнее разстояніе фланги арміи, и, какъ-бы опасаясь быть повсюду атакованнымъ, разсылъ войска по всѣмъ направленіямъ. Но такія, и соответствующія дарованіямъ его, распоряженія не были слѣдствіемъ его убѣжденія, а дѣлались для того чтобы дать Австрійскому кабинету время для настоянія въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Изъ этого предмѣтъ князь Шварценбергъ снабженъ былъ отъ своего двора тайнымъ повелѣніемъ не переходить за правый берегъ Сены. Это обстоятельство, которое объясняетъ поступки его, не я одинъ слышалъ изъ устъ Государя. Его Величество узналъ объ этомъ на Вѣнскомъ конгрессѣ отъ самого князя Шварценберга. Вотъ истинная причина бездѣйствія главной арміи со времени занятія Троя, и

того, что въ преслѣдованіи разбитаго подъ Бриенномъ непріятеля она въ десять дней прошла только сто верстъ отъ поля сраженія до Ножана.

«По незнанію этой причины до-сихъ-поръ судятъ о князѣ Шварценбергѣ ошибочно. Одни приписываютъ медлительность его и раздробленіе войскъ ограниченнымъ способностямъ, а другіе страху, который будто-бы Наполеонъ внушалъ союзникамъ. И въ продолженіе самой войны, когда мы были въ Троа, распоряженія князя Шварценберга казались непонятными, потому что никто не догадывался объ истинныхъ причинахъ. Тогда неизвѣстно было, что настоящую цѣль свою главнокомандующій старался таить подъ разными благовидными предлогами, напримѣръ, въ неважное время не изнурять арміи усиленными переходами, устранить недостатокъ въ продовольствіи, не упустить изъ виду какой-либо предосторожности, или противостоять внезапному нападенію Наполеона. Онъ не имѣлъ права помышлять о натискѣ на непріятеля и новой встрѣчѣ съ Наполеономъ, потому что ему было предписано не подвергать случайностямъ войны успѣховъ, дотолѣ пріобрѣтенныхъ, и объявлено, что пришло время подписать миръ. Онъ обязанъ былъ безусловно повиноваться, согласовать дѣйствія съ этимъ повелѣніемъ и расчеты стратегіи подчинять дипломатическимъ соображеніямъ, которыя впрочемъ въ скоромъ времени были разстроены Наполеономъ.»

Императоръ Александръ употреблялъ всю свою дѣятельность, чтобы вывести Блюхера изъ опаснаго положенія. Не будучи въ силахъ долѣе противиться настояніямъ Государя, князь Шварценбергъ началъ по немногу трогаться изъ Троа. Въ полночь, съ третьяго на четвертое февраля, Императоръ получилъ отъ Блюхера донесеніе, что послѣ дѣла при Этожѣ Наполеонъ не преслѣдуетъ Силезской арміи, но обратился къ Монмюралю. Тотчасъ же Государь поѣхалъ самъ съ этимъ извѣстіемъ къ Шварценбергу въ Ножанъ, разбудилъ фельдмаршала, сѣлъ къ нему на кровать и говорилъ о мѣрахъ, какія нужно было принять. Между-тѣмъ, Наполеонъ обошелъ черезъ Мё, оста-

звѣвъ Блюхера; бросился на главную армію и отгѣснилъ графа Витгенштейна до Нанжиса съ урономъ 2,114 человекъ. Тщетно Витгенштейнъ и Паленъ посылали къ одному изъ союзныхъ генераловъ, стоявшему съ авангардомъ графа Вреде между Нанжисомъ и Донмари, требовать помощи: онъ отвѣчалъ, что ему не вѣльно завязывать дѣла, отступилъ до Донмари, но былъ также настигнутъ Французами и претерпѣлъ значительный уронъ. Благодаря неутомимой заботливости Александра и его диспозиціямъ, дѣла скоро поправились: Блюхеръ быстро привелъ въ порядокъ свою армію, въ которой уже оставалось только пятьдесятъ одна тысяча человекъ, и соединился съ арміей Шварценберга. Наполеонъ со всѣми силами наступалъ на Троа. Князь Шварценбергъ, усиленный приближеніемъ Силезской арміи, которая уже находилась почти въ виду удивленнаго Наполеона, нашелъ предлогъ не принять сраженія, и началъ отступление отъ Троа. Прежде чѣмъ оставили этотъ городъ, у короля Прусскаго происходило совѣщаніе, при которомъ присутствовали оставшіеся еще въ Троа монархи, нѣсколько генераловъ и министры. Разсуждали о положеніи дѣлъ. Такъ какъ большинство голосовъ было на сторонѣ противниковъ наступательнымъ дѣйствіямъ, на которыхъ настаивалъ Императоръ Александръ, то сочли за лучшее *предложить* Наполеону перемиріе и отправить къ нему одного изъ адъютантовъ князя Шварценберга. Лордъ Кастльре объявилъ въ совѣщаніи: «Я имѣю приказаніе пользоваться удобными случаями къ заключенію мира, который теперь тѣмъ необходимѣе, что, какъ я вижу, союзъ готовъ расторгнуться.» Государь отвѣчалъ съ твердостью: «Милордъ! это будетъ не миръ, а кратковременный отдыхъ отъ войны. Я не могу прибѣгать къ вамъ съ арміею за двѣ тысячи верстъ! Пока Наполеонъ на престолѣ, я не заключаю съ нимъ мира.»

Такимъ образомъ, теперь уже союзники предлагали перемиріе! Наполеонъ принялъ посланнаго въ мѣстечкѣ Шатрѣ. Австрійцы требовали даже, чтобы онъ прекратилъ военныя дѣйствія во время переговоровъ о перемиріи, но теперь онъ уже не хотѣлъ уступить имъ. Этого и желалъ Государь! Между-тѣмъ какъ переговоры о перемиріи были въ ходу, главная армія отступала къ Баръ-сюръ-Обу и Французы слабо ее преслѣдовали, случилось одно обстоятельство, которое отъѣнно пособило видамъ Русскаго Царя. Императоръ прибылъ въ Баръ-сюръ-Объ въ невеселомъ расположеніи духа, потому что никогда еще такъ сильно, какъ въ это время, не обнаруживалось разномысліе между союзниками насчетъ военныхъ и политическихъ дѣйствій. Чтò важнѣе, — два главнокомандующіе, Шварценбергъ и Блюхеръ, были совершенно противоположныхъ мнѣній. Государь на другой день собралъ военный совѣтъ.

«Для поясненія этого обстоятельства надобно знать, что при отступленіи отъ Троа Блюхеру послали изъ Австрійской главной квартиры диспозицію, по которой ему назначалось быть на правомъ крылѣ главной арміи и вмѣстѣ съ нею отходить отъ Сены. Невозможно описать его негодованія при этомъ извѣстіи. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ явно говорилъ о подкупѣ, объ измѣнѣ, и что его вызвали изъ Шалона только подъ предлогомъ будто-бы участвовать въ сраженіи при Троа, но въ сущности для того чтобы лишить возможности поразить Наполеона. Въ заключеніе, онъ объявилъ, что ни подъ какимъ видомъ не отступитъ вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ, но отъѣнится отъ него чтобы опять идти на Парижъ, принудить Наполеона оставить преслѣдованіе главной арміи и вновь обратиться на Силезскую. Онъ тотчасъ послалъ доложить Государю о своемъ предположеніи. Императоръ одобрилъ его, но вслѣдъ сказалъ фельдмаршалу, чтобы предварительно подробнѣе объяснилъ свое мнѣніе.»

Блюхеръ собственноручно изложилъ мыслѣ свою на бумагѣ, чтò весьма рѣдко съ нимъ случалось. Свѣтъ

льи умъ Александра оцѣнилъ въ полной мѣрѣ блистательное вдохновеніе стараго героя. Большая часть присутствующихъ находили предложеніе несбыточнымъ, и утверждали, что объ арміи должны отступать. Государь отвѣчалъ рѣшительно, что въ такомъ случаѣ онъ со всеми своими войсками отдѣлится отъ главной арміи и съ Блюхеромъ двинется на Парижъ. «Надѣюсь», присовокупилъ онъ, обращаясь къ королю Прусскому, «что и ваше величество, котораго дружбы имѣю многіе опыты, не откажетесь итти со мною!» Король отвѣчалъ утвердительно, прибавивъ, что онъ давно уже предоставилъ своимъ войскамъ въ распоряженіе Государя. «Для чего жъ меня одного оставлять?» воскликнулъ добродушный императоръ Французъ. Пріязненные чувствованія мона ховъ рѣшили вопросъ. Дипломатія должна была умолкнуть. Положили — предоставить Блюхеру дѣйствовать отдѣльно, лишь бы только онъ соблюдалъ «нѣкоторое военное благоразуміе», а самимъ отступать далѣе къ Лангрену для соединенія съ Австрійскими резервами.

Блюхеръ пошелъ впередъ. Наполеонъ, узнавъ объ его движеніи, послѣдовалъ за нимъ, а главное начальство надъ частію своей арміи поручилъ Макдональду, которому приказано было маневрировать такимъ образомъ, чтобы союзники не замѣтили отсутствія Наполеона. Въ это время произошло при Баръ-сюръ-Объ сраженіе съ Французскимъ войскомъ, которое тянулось за отступавшею арміею. Король Прусскій припудилъ къ тому Шварценберга. Графъ Витгенштейнъ отличился здѣсь съ Русскими войсками. Сраженіе при Баръ-сюръ-Объ не столько важно по урону непріятели, сколько по тому, что наконецъ оживило главную армію какимъ-нибудь успѣхомъ. Французы начали послѣшво отступать. Это одно могло уже убѣдить Шварценберга, что тутъ не было Наполеона; но фельдмаршалъ не хотѣлъ вѣрить его отсутствію, несмотря на

положительныя донесенія о движеніи главныхъ Французскихъ силъ за Блюхеромъ, между-тѣмъ какъ онъ могъ легко уничтожить Макдональда, будучи втрое сильнѣе его. Онъ съ прежнею медленностью отправилъ за нимъ войска по тѣмъ же дорогамъ, по которымъ они ходили послѣ Бріенской победы. Государь до перваго марта оставался въ Шомонъ, между Барсьюръ-Обомъ и Лангромъ, и не переставалъ понуждать къ большей дѣятельности. Изъ отвѣта фельдмаршала на одно письмо, писанное отсюда, но котораго не отыскано ни подлинника ни черновой, видно даже, что Императоръ изъявилъ ему свое неудовольствіе довольно колкою фразою. Наконецъ здѣсь состоялся извѣстный Шомонскій договоръ, который былъ исторгнутъ у союзниковъ самими успѣхами непріятеля и опасностью обѣихъ армій. Россія, Австрія, Англія и Пруссія обязались, если Наполеонъ не приметъ Шатиллонскихъ условій, всеми средствами продолжать войну для достиженія мира, который бы ручался въ ненарушимости правъ независимыхъ государствъ: на этотъ конецъ, каждой изъ четырехъ державъ выставить по полтораста тысячъ человекъ, и ни одной отдѣльно не вступать ни въ какія соглашенія съ общимъ врагомъ. Благодѣтельное слѣдствіе этого трактата отразилось тотчасъ на переговорахъ о перемиріи: они были прекращены.

Между-тѣмъ Блюхеръ подходилъ къ Парижу. Гульканнонады Сакена подъ стѣнами Мё раздавался въ предмѣстіяхъ столицы. Наполеонъ спѣшилъ защищать столицу, и надѣялся уничтожить Силезскую армію. Извѣстно, что фельдмаршалъ перешелъ отсюда на Брюссельскую дорогу, и отступилъ сперва до Соасона, потомъ далѣе на сѣверъ, до Лаона. Здѣсь и при Краонѣ происходили два кровопролитныя сраженія, столь славныя для Русскаго оружія. Этимъ и кончилось движеніе Наполеона противъ Силезской арміи:

оно стоило ему сорока двухъ орудій и двѣнадцати тысячъ убитыхъ и раненыхъ, и, что всего важнѣе, не оправдало его надежды разбить эту армію и отбросить ее отъ театра войны, тогда какъ Блюхеръ вполне достигъ своей цѣли — оттянуть Наполеона отъ главной арміи и дать ей возможность свободно дѣйствовать. Въ ярости, и почти въ отчаяніи, императоръ Французовъ поворотилъ отъ Краона черезъ Ренсъ на главную армію, разбилъ на пути подъ Ренсомъ корпусъ несчастнаго Сенъ-При и устремился на Шварценберга, который опять подвинулся до Троа въ походѣ своемъ отъ Баръ-сюръ-Объ къ Парижу. Пятаго марта началось его движеніе отъ Ренса къ Обу. Князь Шварценбергъ узналъ четвертаго о пораженіи Сенъ-При.

«Новая побѣда Наполеона крайне его встревожила; онъ не зналъ что предпринять, на что рѣшиться, и не сохранялъ того спокойствія и хладнокровія, которыя начальнику особенно необходимы при неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ. Какъ бы уклоняясь отъ присутствія Государя и не желая встрѣтиться съ Его Величествомъ, онъ переезжалъ изъ одного мѣста въ другое. Лучшимъ изображеніемъ этихъ смутныхъ дней могутъ послужить слѣдующія строки, заимствованныя изъ одного собственноручнаго письма начальника главнаго штаба Государева. «Мы сами не знаемъ, чего хотимъ,» писалъ князь Волконской къ генералу Толю. «Ради Бога, успокойте насъ чѣмъ-нибудь! Что за радость фельдмаршалу отъ насъ бѣгать? только время теряемъ въ перепискѣ.»

Кайсаровъ дважды въ одинъ день доносилъ о приближеніи Наполеона къ Арсису, гдѣ стоялъ корпусъ Вреде. Шварценбергъ не хотѣлъ вѣрить показнію. «Не можетъ быть, сказалъ онъ генералу Толю, чтобы Наполеонъ со всѣми силами на насъ обратился: Блюхеръ вѣрно не упуститъ его изъ виду!» Генералъ Толь тщетно старался доказать, что такой опытный офицеръ, какъ Кайсаровъ, заслуживаетъ полной довѣренности. Государь, находясь въ Троа, частыми рапортами отъ генерала Толя былъ извѣщаемъ обо всемъ,

что происходило въ главной квартирѣ фельдмаршала, и о нерѣшимости генераловъ, составлявшихъ его совѣтъ. Присутствіе Императора въ Арсисъ, гдѣ былъ фельдмаршалъ, сдѣлалось необходимымъ, чтобы положить конецъ недоумѣнію главнокомандующаго въ такую минуту, когда разобщенное положеніе арміи на ста верстахъ отъ Провена до Бриенна представляло неприятелю средство разбить ее по частямъ.

«Надобно было подвинуть князя Шварценберга къ болѣе дѣятельности и побудить его на что-нибудь рѣшиться. Безпечность въ его главной квартирѣ была невѣроятна. Въ это время, когда Наполеонъ былъ почти въ виду и шелъ на перерезъ корпусовъ, изъ главнаго штаба фельдмаршала не всегда съ нарочными отправляли повелѣнія къ корпуснымъ командирамъ, а посылали ихъ по почтѣ въ край, гдѣ съ трудомъ, а иногда и вовсе нельзя было, имѣть лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

«Въ шесть часовъ вечера, Государь, въ сопровожденіи князя Волковскаго, прибылъ изъ Троя въ Арсисъ, прямо въ домъ, занимаемый княземъ Шварценбергомъ, который былъ одержимъ подагрой и лежалъ въ постели. Встрѣтивъ въ пріемной комнатѣ генерала Толя, Императоръ сказалъ ему съ неудовольствіемъ: «Что это у васъ дѣлается? Мы всю «армію потерять можемъ.»—«Ваше Величество лично усмотрѣть изволите мнѣтельность этихъ господъ,» отвѣчалъ генералъ Толь. «Я съ моей стороны употреблялъ всѣ способности, чтобы представить имъ опасность нашего положенія. «Величайшее счастье, что Ваше Величество пріѣхали; Вы «исправите всѣ наши ошибки.» Потомъ Императоръ обратился къ начальнику штаба князя Шварценберга, графу Радецкому, и къ генералъ-квартирмейстеру, барону Лангенау, и спросилъ ихъ: «Господа, какъ вы намѣрены поступить въ «этомъ критическомъ положеніи?» Они отвѣчали, что надобно ожидать дальнѣйшихъ увѣдомленій съ передовыхъ постовъ, куда отправлены четыре эскадрона Баварцевъ.

Услышавъ такой неудовлетворительный отзывъ, генералъ Толь доложилъ Государю, что теперь каждая минута дорога, и не остается другаго средства избѣгнуть бѣды, какъ

велѣть всѣмъ корпусамъ сдѣлать сосредоточенное движеніе и стать между Троя и Пужи, а корпусу Вреде возвратиться ночью на лѣвый берегъ Оба и всѣми силами удерживать Арсисъ и переправу при этомъ городѣ. Государь, соглашаясь на это предложеніе, приказалъ генералу Толю сообщить объ немъ князю Шварценбергу, лежавшему въ другой горницѣ. Фельдмаршалъ не противурѣчилъ, и, позвавъ къ себѣ графа Радецкаго и барона Лапгенау, велѣлъ имъ написать сообразныя съ этимъ повелѣнія къ корпуснымъ командирамъ.»

Такимъ образомъ, благодаря прибѣгнѣю Императора, армія была нѣсколько обезпечена. Но Наполеонъ, вмѣсто того чтобы продолжать путь прямо черезъ Арсисъ на Троя, сдѣлалъ фланговое движеніе на Планси для соединенія съ Макдональдомъ, и Шварценбергъ искусно воспользовался этимъ неудачнымъ маршемъ, величайшею ошибкою, какую только сдѣлалъ бывшій побѣдитель во всю эту кампанію. Изъ оборонительнаго положенія фельдмаршалъ вдругъ перешелъ въ наступательное и, сосредоточивъ свои войска между Арсисомъ и Планси, принудилъ Наполеона принять сраженіе на пути его къ Макдональду. Какъ-бы оживленный примѣромъ Государя, онъ вдругъ оставилъ свою медленность и сталъ дѣятеленъ. Сраженіе, которое здѣсь происходило, замѣчательно тѣмъ, что Александръ и Наполеонъ встрѣтились здѣсь въ послѣдній разъ. Оно важно не потому, что императоръ Французъ потерялъ шесть пушекъ, но по тому, что, не успѣвъ въ своемъ нахѣреніи разбить по частямъ главную армію и нашедши ее сосредоточенной, онъ принужденъ былъ избрать другой путь для своихъ движеній. Онъ долженъ былъ отступить, и, къ изумленію союзниковъ, отступилъ не по той же дорогѣ, которою пришелъ, а вправо; не по направленію къ Парижу, а въ противоположную сторону, къ Рейну. Онъ бросился къ Сень-Дизіе, на Страсбургскую дорогу. Одинъ казачій офицеръ, посланный для развѣдковъ,

былъ такъ удивленъ этимъ движеніемъ, что въ рапортѣ своемъ сказалъ: «непріатели отступаютъ не къ Парижу, но къ *Москвѣ*.» Въ этихъ простодушныхъ словахъ заключалась судьба героя девятнадцатаго вѣка.

Изъ перехваченныхъ депешъ узнали тайну этого поступка. Наполеонъ, какъ самъ сказывалъ впоследствии, всегда замѣчалъ, что осторожные Австрійцы приходили въ замѣшательство, когда онъ бросалъ горсть гусаръ въ тылъ ихъ арміи, угрожая сообщеніемъ ея съ резервами. Не зная что дѣлать въ своемъ затруднительномъ положеніи, когда Шварценбергъ воспрепятствовалъ соединенію его съ Макдональдомъ, онъ рѣшился дѣйствовать на сообщенія главной арміи. Не извѣстно что случилось бы, если бы тутъ не было Императора Александра: фельдмаршалъ вѣроятно отступилъ бы съ поспѣшностью къ Базелю. Рѣшимости и свѣтлымъ соображеніямъ Александра принадлежитъ прекраснѣйшее движеніе, какое только сделано было союзниками въ этотъ походъ, и которое въ семь сутокъ привело насъ къ Парижу. Не заботясь о сообщеніяхъ, Австрійскимъ резервамъ предписано тотчасъ отступить къ Базелю и уклоняться отъ натиска Наполеона, а съ главной арміею рѣшено идти на соединеніе съ Блюхеромъ на Страсбургской дорогѣ и потомъ быстро устремиться на Парижъ. Такимъ образомъ, каждыя сутки удаляли на два перехода союзную армію отъ Наполеона, стремящагося въ противоположную сторону, и можно было надѣяться, что Парижъ сдастся прежде чѣмъ императоръ Французовъ узнаетъ о движеніи главной арміи. Чтобы скрыть это слѣдованіе отъ Наполеона, положено послать за нимъ сильный кавалерійскій корпусъ Винценгероде, который получилъ приказъ вездѣ заготовлять помѣщеніе для главной квартиры Россійскаго Императора, какъ-будто Его Величество идетъ со всею арміею за кавалерійскимъ корпусомъ. Государь, желая самъ объяснить

планъ свой королю Прусскому и фельдмаршалу, приказалъ подвести лошадь, сѣлъ на нее и побхалъ къ Витри. На шестой или седьмой верстѣ, онъ увидѣлъ короля Прусскаго и фельдмаршала, пригласилъ ихъ сойти съ лошадей и велѣлъ генералу Толю подать карту, которую разостлали на землѣ. Императоръ подробно разсказалъ въиценосному другу своему и князю Шварценбергу свои предположенія, которыхъ первую мысль подалъ князь Волконскій. Они съ радостью согласились съ этими предположеніями. Императоръ Францъ отправился съ дипломатическимъ корпусомъ въ Дижонъ, а король Прусскій пожелалъ сопровождать Государя въ смѣломъ стремленіи двухъ армій на столицу Франціи. Войска тронулись.

«Первымъ изъ благотельныхъ слѣдствій предпріятія, говоритъ генералъ Данилевскій, было это временное удаленіе дипломатовъ отъ театра войны, потому что они во многомъ препятствовали быстротѣ и успѣхамъ похода. Съ самой переправы черезъ Рейнъ они безпрестанно твердили о необходимости мира, и представляли различныя мнѣнія объ условіяхъ его и будущемъ положеніи державъ. Подъ этими предлогами они старались скрыть боязнь, которой еще не переставалъ внушать имъ Наполеонъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на нѣкоторые кабинеты, они даже присвоили себѣ право судить о военныхъ дѣйствіяхъ. Надобно было вступить съ ними въ состязанія и опровергать недалководныя ихъ предположенія. Въ возникавшихъ съ ними преніяхъ проходило безцѣнное время, которое, въ противномъ случаѣ, было бы исключительно посвящено войнѣ. До какой степени пребываніе дипломатовъ въ главной квартирѣ арміи было пагубно, видно изъ того обстоятельства, что, коль-скоро они отправились въ Дижонъ и мы избавились ихъ присутствія, какъ излишняго бремени, походъ тотчасъ принялъ совершенно другой оборотъ и былъ конченъ въ одну недѣлю.»

Въ самомъ дѣлѣ, съ этой минуты начинается непрерывный рядъ торжествъ, — достойный вѣнецъ трудовъ, заботъ, постоянства и неимоверной твердости духа ве-

ликаго Русскаго Царя, который явилъ въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ столько же терпѣнія сколько дѣятельности и гениальнаго ума. Чѣмъ болѣе событія приближаются къ развязкѣ, — взятію Парижа, — тѣмъ они общензвѣстнѣе: мы уже не последуемъ далѣе за авторомъ. Всѣ знаютъ, какимъ образомъ великодушный Александръ явился ангеломъ-хранителемъ непріятельской столицы средѣ наклонности союзныхъ воиновъ къ мщенію побѣжденнымъ, и какъ обманутый Наполеонъ, извергнувъ свою ярость на корпусъ Винценгероде, который заслонялъ отъ него дѣйствія союзныхъ армій, прискакалъ на почтовыхъ въ Фонтенблѣ для того только, чтобы снять съ своей головы двѣ короны.

Мы коснулись только весьма малой части сочиненія генерала Данилевскаго, — личной роли новаго Агамемнона въ этомъ походѣ царей противъ Титана; роли, которая въ такомъ яркомъ свѣтѣ являетъ высокія доблести, умъ и характеръ незабвеннаго Русскаго Монарха. Два эти тома наполнены сверхъ-того чрезвычайно любопытными, и болѣею частію новыми, подробностями о военныхъ дѣйствіяхъ и стратегическими сужденіями самого автора. Книга, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ много обвиненій противъ лицъ, которыхъ имена принадлежатъ нынче исторіи, но обвиненій, основанныхъ на документахъ и, кажется, неопровержимыхъ. Авторъ нигдѣ не смягчаетъ нашихъ неудачъ, и съ точностью исчисляетъ количество пролитой Русской крови, но зато не щадитъ и тѣхъ, чьи ошибки или происки были причиною напраснаго кровопролитія. Разсказъ напечатлѣнъ благородною откровенностью война, и сочиненіе безспорно принадлежитъ къ небольшому числу лучшихъ описаній достопамятнаго похода. Военный характеръ Блюхера, одинъ изъ самыхъ живописныхъ характеровъ этой книги, обрисованъ превосходно.

акты, собранные въ библиотекахъ и архивахъ Россійской имперіи Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссіею. Санкт-петербургъ, 1836. Четыре тома, въ-4.

Нѣтъ сомнѣній, что въ послѣднее время весьма усилилась у насъ любовь къ отечественной исторіи, явилось пламенное желаніе заниматься ея изслѣдованіями, обнаружилась охота собирать свѣдѣнія и матеріалы. Что прежде дѣлалось годами, то теперь дѣлается въ годъ. Доброе начало, и каждый изъ насъ сердечно желаетъ ему дѣлительнаго продолженія. Работы еще много; только-что начата она. Любопытно было бы опредѣлить причины подобнаго движенія въ нашей литературѣ и нашемъ ученомъ мірѣ. Не входя въ подробныя изысканія, мы находимъ главную причину этого въ попечительномъ вниманіи правительства, которое всегда бывало первымъ на пути всякаго дѣла, приносящаго честь и славу отечеству. Оно первое и въ этомъ дѣлѣ. Его дѣятельность движетъ впередъ усердіе частныхъ дѣлателей. Вторая причина заключается, быть-можетъ, въ примѣрѣ нашихъ Европейскихъ соотечественниковъ. Теперь вездѣ исторія и матеріалы историческіе въ сильномъ ходу и дружно разрабатываются; исторія проникаетъ всюду; она зашла въ романъ, она овладѣла драмой, ее прилагаютъ ко всякой наукѣ и ко всѣмъ знаніямъ. Мы не могли быть чужды тому, что дѣлалось общимиъ всей Европѣ. Наконецъ, не должно ли отнести части нашей дѣятельности и къ чувству національнаго самосознанія, къ болѣе очищенному понятію о нашей народности? Обращеніе къ исторіи, къ изученію прошедшаго, въ такомъ случаѣ, весьма естественно, и даже неизбежно. Кто уважаетъ самого себя, тотъ дорожитъ своими предками и ихъ

дѣйствию, тотъ любить прошедшее: тамъ жизнь наша; тамъ поясненіе современныхъ вопросовъ; тамъ указаніе на цѣль въ будущемъ.

Но какія бы ни были причины, слѣдствіи ихъ очевидны, — и слѣдствія прекрасныя, которыя обѣщаютъ много хорошаго. Всегда у насъ дѣло всего болѣе и всегда останавливается за *приемомъ*, а что мы сможемъ сдѣлать съ другихъ, это уже не разъ было доказано и въ этомъ журналѣ. Силы наши юны, свѣжи, крѣпки, еще не испорчены предразсудками.

Прошедшій годъ и начало нынѣшняго особенно ознаменовались замѣчательными явленіями по части отечественной исторіи и Русскихъ древностей. Въ эти немногіе мѣсяцы, прежнія предпріятія вдругъ столкнулись съ новыми, и прежніе дѣлатели встрѣтились съ новыми поборниками общаго дѣла. Укажемъ на нѣсколько этихъ утѣшительныхъ явленій.

Во-первыхъ, изданіе «Супральной лѣтописи», княземъ М. А. Оболенскимъ, который такъ не давно вступилъ на поприще отечественной археографіи, и уже занимаетъ въ ней такое почетное мѣсто. Изданіе этой лѣтописи составило любопытный опытъ палеографической обработки лѣтописныхъ матеріаловъ нашихъ, и показало въ издателѣ гврный и обширный взглядъ на предметъ. Во-вторыхъ, не менѣе важное напечатаніе такъ-называемой «Филаретовой» лѣтописи, матеріала драгоценнаго для исторіи XVII вѣка. П. А. Мухановъ подтвердилъ здѣсь новымъ доказательствомъ неутонимую дѣятельность свою въ собираніи памятниковъ и въ искусной передачѣ ихъ публикѣ: и можно ли забыть еще изданный имъ въ то же время «Сборникъ», кладъ превосходныхъ запасовъ историческихъ? Отецъ архимандритъ Досиѣеъ подарилъ намъ подробнымъ описаніемъ Соловецкой Обители: тутъ при-

ложенія грамматъ и актовъ были весьма значительны. Г. Ивановъ показалъ намъ въ книгѣ своей богатства, какихъ можно ожидать отъ разбора Сенатскихъ архивовъ. Мы уже подробно говорили о «Библиотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», Гг. Семенова и Каллистратова, и весьма сожалѣемъ, что продолженіе этого прекраснаго предпріятія почему-то двойтся. Г. Семеновъ, какъ мы читали, издаетъ теперь труды свои отдѣльно: счастливо начатое для пользы общей встрѣтило по-видимому затрудненія въ частныхъ выгодахъ, и должно бояться, чтобы оно не прервалось: всѣ благомыслящіе и всѣ любители Русской исторіи были бы крайне огорчены этимъ. Если ободреніе наше въ чемъ-либо можетъ быть полезно этой «Библиотекѣ», то мы готовы употребить весь гальваническій столбъ нашихъ страницъ, чтобы содержать ея жизненные силы въ напряженіи. На-дняхъ получили мы изъ Москвы новый томъ «Трудовъ» тамошняго общества исторіи и древностей Россійскихъ: общество, какъ кажется, горячо оживаетъ при стараніи своего просвѣщеннаго предсѣдателя. Замѣтимъ еще «Словарь», гдѣ въ первый разъ собраны были въ-одно жизнеописанія святыхъ мужей Россійской церкви, дотомъ разсѣянные въ книгахъ и рукописяхъ: этимъ, кромѣ благочестивой цѣли, доставлено еще историческое пособіе. Издатель «Словаря», доказывающій свою ревность и способность къ труду прекрасными историческими статьями въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», подаетъ надежду на будущее. Усердный собиратель древностей, И. П. Сахаровъ, издалъ вдругъ двѣ книги: обѣ онѣ равно любопытны, — и та, гдѣ онъ объщаетъ познакомить насъ съ народными суевѣріями, и та, въ которой мы увидимъ печатные тексты «Путешествій» нашихъ стариковъ въ чужія земли. Мы еще не успѣли ничего сказать о новомъ трудѣ И.

М. Сызгпрева, — «Русскіе простонародныя праздники»: эта книга, которая только-что появилась, будет полезнымъ дополненіемъ прежнихъ трудовъ почтеннаго археографа, избравшаго предметомъ своихъ занятій старинный бытъ Русскаго народа.

Безспорно, что не все эти сочиненія совершенны; что иное только обѣщаніе лучшаго въ будущемъ, и что всего этого еще мало. Но мы указываемъ только на сдѣланное въ нѣсколько мѣсяцевъ, и смотримъ на него какъ на начало. Совершенство, — это ужъ извѣстно до пошлости, — не есть удѣлъ челоуѣка на землѣ, и лучше начинать и дѣлать несовершенно, нежели, для достиженія мнимаго совершенства, между тѣмъ оставаться въ бездѣйствіи. Ускорное трудолюбіе, конечно, не хорошо: но и копотливая суствивость отдѣлки развѣ лучше? Развѣ не видали мы примѣровъ людей ученыхъ и съ большими средствами и свѣдѣніями, которые, начавши что-нибудь, дѣлали, пердѣлывали, копались, собирались изумить и оканчивали ничѣмъ? «Спѣши медленно!» мудрое правило. Но и «не медли спѣшить» — правило очень замысловатое и составляетъ необходимое дополненіе первого. Сдѣлаемъ что можемъ и какъ умѣемъ; а тамъ явятся другіе, и сдѣлаютъ лучше. Ждать пока трудъ нашъ будетъ вполне удовлетворителенъ, значить — искать вѣчнаго движенія, философскаго камня, квадратуры круга и смыслу въ Московскихъ романахъ, — *exserpis excipiendis*. Да и не скрывается ли иногда за этимъ, вмѣсто ученой совѣстливости, коварный врагъ челоуѣка, лѣнь, — хитрая, злая, проклятая лѣнь?.....

Исчисливъ частныя замѣчательныя предпріятія, совершенныя въ последнее время, обращаемся къ самому любопытному явленію по части отечественной исторіи и древностей; къ явленію, которое доказы-

вѣсть, что Правительство наше, какъ мы уже сказали, всегда стоитъ впереди всякаго дѣла, клонящагося къ чести и пользѣ отечества. Мы говоримъ объ изданіи «Актовъ», собранныхъ археографическою экспедиціею по Россіи. Оно носитъ число 1836 года, но поступило въ публику въ началѣ прошлаго мѣсяца.

Первою мыслью этого предпріятія мы обязаны П. М. Строеву, который въ 1823 году изложилъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей необходимость осмотрѣть и сохранить отъ гибели архивы, находящіяся въ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ Россіи. Академія Наукъ приняла проектъ его въ 1828, по предложенію своего президента, и въ июль того же года предпріятіе ея было удостоено Высочайшаго одобренія. Съ весны 1829 года, экспедиція начала свои поѣздки и труды. Къ Г. Строеву вскорѣ присоединился дѣятельный сотрудникъ, Г. Бередниковъ. Больше шести лѣтъ продолжалось странствованіе, котораго поприщемъ назначены были предѣлы сѣверо-восточной Россіи, какъ самой богатой предполагаемыми матеріалами. Экспедиція осмотрѣла архивы и библиотеки пятидесяти монастырей, девятнадцати церквей и соборовъ, тридцати разныхъ присутственныхъ мѣстъ, и восьмидесяти двухъ частныхъ лицъ. Все это заключалось въ губерніяхъ Петербургской, Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Казанской и Вятской. Обозрѣнію подверглись замѣчательнѣйшія мѣста въ Московской губерніи, — библиотеки Московская Синодальная, Троицко-Сергіевская, Симоновская, Саввы Сторожевскаго, и другія, — архивы Николаево-Козельскій, Кирилло-Бѣлоозерскій, Макарьево-Унженскій, Спасо-Евѣмѣевскій, Соловецкій, Валдайско-Иверскій, Флорищевскій, и мио-

гихъ другихъ мѣсть. Экспедиція представила наконецъ плоды трудовъ своихъ на усмотрѣніе начальства. Они состояли въ систематическихъ описяхъ всѣхъ осмотрованныхъ архивовъ и библіотекъ, въ подробныхъ каталогахъ всѣхъ находящихся въ нихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, какъ матеріалахъ для библіографіи Русской литературы до XVIII вѣка, и наконецъ, въ спискахъ тѣхъ грамматъ и актовъ, какіе почтены были почему-либо замѣчательными. По представленіи отчетовъ экспедиціи на Высочайшее вниманіе, положено было, по докладу Г. министра народнаго просвѣщенія, дѣйствія экспедиціи прекратить до дальнѣйшаго усмотрѣнія, и немедленно заняться изданіемъ того, что она собрала. Для этого, учреждена была при департаментѣ народнаго просвѣщенія особенная коммиссія, въ декабрь 1834. Между-тѣмъ, какъ уволенному отъ службы начальнику экспедиціи, Г. Строеву, предоставлено составленіе «Библіологическаго Словаря» всѣхъ памятниковъ собственно-литературныхъ. Коммиссія привела въ порядокъ, пересмотрѣла, дополнила и напечатала акты и грамматы, и такимъ образомъ мы получили важное изданіе, котораго заглавіе выставлено въ началѣ этой статьи.

Мы имѣемъ теперь возможность судить о родѣ и важности пособій, которыхъ стечественная исторія можетъ ожидать отъ письменныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по Русской почвѣ.

Не имѣя ни малѣйшаго повода подозрѣвать экспедицію въ томъ, чтобы ея обозрѣнія были произведены поверхностно или наскоро, мы прежде всего открываемъ въ результатъ большую скудость историческихъ матеріаловъ по всѣхъ архивахъ монастырскихъ и частныхъ въ Россіи. Замѣтимъ, что осмотрованія мѣста были еще тѣ, которыя подавали болѣе дру-

гихъ надежды. Жатва въ южной и западной Россіи необходимо должна быть гораздо меньше. Сибирь уже подробно осмотрѣна Миллеромъ. Чтѣ же выходить? Экспедиція удостовѣрилась, что нигдѣ не находится Русскихъ письменныхъ памятниковъ старѣе XIV вѣка, но что и тѣ весьма рѣдки. Число памятниковъ начинаетъ умножаться съ XVI вѣкомъ, и дѣлается значительнымъ уже въ XVII столѣтіи, къ которому относится начало почти всѣхъ гражданскихъ архивовъ. Почти все, чтѣ древнѣе этого, принадлежитъ монастырямъ и духовнымъ мѣстамъ. Но и тутъ, безъ положительнаго доказательства, можно ли было повѣрить, что экспедиція воспользуется изъ Кирилло-Белозерскаго архива только сто сорокъ однимъ актомъ (не далѣе 1435 года), изъ Софійско-Новгородскаго пятьдесятъ-три (не далѣе 1551 года), изъ Соловецкаго девяносто однимъ (не далѣе 1459 года), изъ Троицко-Сергіевскаго ста двадцатью (не далѣе 1363 года)? Однако жъ это правда. Свидѣтельство и отчеты экспедиціи показываютъ, что большаго числа полезныхъ документовъ нельзя ожидать отсюда. Въ иныхъ мѣстахъ находили одинъ, два, пять, десять, двадцать актовъ, достойныхъ исторической памяти. Лѣтописей, доселѣ неизвѣстныхъ, чего-нибудь столько же важнаго, какъ «Слово о полку Игоревѣ», рѣшительно не найдено.

Но должно ли изъ этого заключить, что предпріятіе не увѣнчалось ожидаемыми успѣхами? Должны ли мы съ уныніемъ помышлять впередъ о бѣдности матеріаловъ историческихъ въ Россіи? Совсѣмъ нѣтъ!

Во всякомъ дѣлѣ, — а въ ученомъ еще болѣе, — весьма важно рѣшеніе вопроса: *Есть? — Нѣтъ!* Предпріятіе Г. Стросва было необходимо, для-того, чтобы взять чтѣ есть, и удостовѣриться, чтѣ болѣе ничего нѣтъ. Люди знающіе очень хорошо напередъ понимали,

что жатва будетъ неогромна, и особливо что она не поидеть въ глубь столѣтій: жизнь Россіи письменная, актовая, начинается съ XIV вѣкомъ; предки наши совсѣмъ не думали беречь своихъ актовъ, потому что не понимали ихъ историческаго достоинства; изъ памятниковъ XVI столѣтія видно, что важнѣйшихъ древнихъ актовъ тогда уже не существовало. Люди знающіе хорошо понимали и то, что сокровищъ нашихъ искать должно совсѣмъ не такъ далеко. Въ *архивахъ* Москвы и Петербурга хранятся они; здѣсь наши грамматы, записи, договоры, разряды, бумаги старинныхъ приказовъ, статейные списки. Но все это можно было только предполагать; рѣшить долженъ былъ опытъ на мѣстѣ. Вотъ почему дѣйствія и труды археографической экспедиціи во всякомъ случаѣ весьма важны.

Мы удостовѣрились теперь, что въ монастырскихъ и другихъ частныхъ архивахъ, действительно, намъ искать нечего. Между-тѣмъ мы приобрѣли описи, систему, познаніе этихъ архивовъ, и знаемъ, чего можно еще въ нихъ доискиваться.

Дополненія комиссіи къ бумагамъ экспедиціи показали намъ въ то же время, какіе богатые матеріалы скрываются въ Московскихъ и Петербургскихъ сокровищницахъ. Архивы двухъ столицъ только отчасти входили въ кругъ трудовъ экспедиціи. Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, патріаршая библіотека, сенатскіе архивы, военный, эрмитажный, Императорской библіотеки, Румилицовскій, академическій, и многіе другіе, были поставлены внѣ плана дѣйствій экспедиціи. Но едва потомъ коснулись къ нимъ, — посмотрите, какія драгоценности тамъ найдены! Новгородскія и Двинскія грамматы, которыя считались потерянными; сборники касательно Смоленскаго похода 1632 года, стрѣлецкаго бунта, дѣла

несчастнаго боярина Шенна, и прочая. Разборка сенатскихъ архивовъ академикомъ Гомелемъ и комиссією, учрежденною въ Москвѣ отъ министерства юстиціи, новыя изысканія въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, — все подтверждаетъ наши надежды. И чего не должны мы ожидать при волѣ и желаніи правительства, которое не щадитъ расходовъ на полезное и хочетъ все это спасти отъ забвенія и сдѣлать извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ?

Обращаясь къ положительной сторонѣ трудовъ археографической экспедиціи, — до-сихъ-поръ мы говорили только объ ея отрицательныхъ заслугахъ, — скажемъ, что если мы не приобрѣли черезъ нее чего-либо совершенно новаго и особенно важнаго, тѣмъ неменѣе и приобрѣтенное, имѣетъ значительное достоинство. Кромѣ библиографическихъ данныхъ для нашей старинной литературы; кромѣ многочисленныхъ мѣстныхъ замѣчаній, открытій, поправокъ, по части палеографіи, исторіи и древностей, — чтѣ еще не доведено до свѣдѣнія публики и хранится въ портфеляхъ экспедиціи, — въ четырехъ изданныхъ томахъ «Актовъ», при дополненіяхъ комиссіи, мы имѣемъ плодъ обыска почти двухъ сотъ архивовъ и библіотекъ, и они представляютъ намъ много весьма замѣчательнаго и любопытнаго. Ихъ содержаніе таково, что послѣ «Виліюэики», Новикова, продолженной академією наукъ, послѣ «Собранія грамматъ и договоровъ», изданныхъ въ Москвѣ при архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, в послѣ «Собранія законовъ Россійской Имперіи», изданныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, наша историческая литература не приобрѣтала еще подобнаго собранія драгоценностей. Никакія изданія частныхъ людей не могутъ съ нимъ сравняться, по одной уже ограниченности средствъ и способовъ.

Для доказательства истинны нашихъ словъ, намъ пришлось бы войти въ большія подробности, переходящія за предѣлы журнала. Когда это невозможно, мы ограничимся хоть самымъ краткимъ извѣстіемъ собственно о книгѣ.

Скажемъ прежде всего о паружности. «Акты» изда ны не великолѣпно, но чисто и изящно. Форматъ, бумага, буквы тѣ самыя, какія употреблены были для «Собранія законовъ», — большая четвертка, въ дѣя колонны, печатанныя четкими красивыми буквами. Подробныя реестры содержанія; предисловіе, гдѣ изложено производство дѣла, реестръ библиотекъ, изъ которыхъ акты извлечены, реестръ книгъ и журналовъ, откуда иные акты перепечатаны въ лучшемъ и исправнѣйшемъ видѣ, — такихъ актовъ не болѣе ста, — все это облегчаетъ употребленіе книги. Подробныя указатели именъ и названій, еще неизданные, довершать это удобство.

Вся тексты «Актовъ» были тщательно списаны, и они тщательно напечатаны, съ удаленіемъ орфографическихъ и палеографическихъ мелочей, важныхъ только для немногихъ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ акты съ 1294 по 1598 годъ. Актовъ древнѣе XIII столѣтія здѣсь находится съ пятнадцать, а вообще всѣхъ до княженія Іоанна III *семьдесятъ*. Далѣе, актовъ, относящихся къ княженію Іоанна III, также *семьдесятъ*, къ княженію Василя Іоанновича *тридцать семь*, къ царствованію Іоанна Грознаго *сто сорокъ три*; къ царствованію Феодора Іоанновича *шестьдесятъ шесть*: всего *триста восемьдесятъ шесть*.

Томъ второй: актовъ къ царствованію Бориса Годунова *тридцать*; къ царствованію Феодора Годунова *четыре*; времени Ажедомитрія *девять*; царствованію

Василія Шуйскаго сто девятнадцать; дополнительныхъ разнаго времени три; а всего двѣсти двадцать пять.

Въ третьемъ томѣ, актовъ изъ царствованія Михаила Феодоровича триста пятьдесятъ.

Томъ четвертый содержитъ въ себѣ актовъ къ царствованію Алексія Михайловича двѣсти восемь, къ царствованію Феодора Алексѣевича сорокъ шесть, къ царствованію Іоанна и Петра Алексѣевичей до 1700 года, шестьдесятъ шесть; дополнительныхъ къ разнымъ временамъ пятнадцать: всего триста тридцать пять.

Слѣдовательно, число всѣхъ актовъ простирается до тысячи трехъ сотъ (1296). Они обнимаютъ періодъ Русской Исторіи отъ конца XIII по XVIII вѣкъ, и если древняго тутъ мало, зато многочисленны запасы для времени Грознаго, Годунова, Шуйскаго, Михаила, Алексія.

Отметимъ теперь, что должно обратить на себя особенное вниманіе по своему содержанію.

Четырнадцать договорныхъ грамотъ великихъ князей съ удѣльными и Новгородомъ, Полоцка съ Ригюю, и прочая, XIV и XV вѣка, только отчасти извѣстныхъ по Карамзину.

Письма Польской королевы Елены къ отцу, матери и братьямъ, отчасти только извѣстныя по Вивлюэникъ Новикова.

Дѣло Максима Грека, при Василіи Іоанновичѣ, извѣстное только по выпискамъ Карамзина.

«Опись» Царскаго архива, въ XVI вѣкѣ, доселѣ во все неизвѣстная.

Акты, касающіеся междоцарствія, пребыванія Заруцкаго въ Астрахани, Смоленскаго похода 1632 года, и прочая. Почти все неизвѣстное.

Переписка — Царя Алексія съ митрополитомъ Никономъ, во время поѣздки его за мощами Святаго Филлиппа въ Соловецкую обитель.

Акты, относящіяся до Стрѣлецкаго бунта.

Все это имѣетъ неоспоримое, положительное историческое достоинство. Но и остальнаго не должно считать незначительнымъ: здѣсь нѣтъ собственно историческаго, но есть матеріалы для познанія прежняго духовнаго и гражданскаго управленія, для Русской географіи, этнографіи, юриспруденціи, фискальной части торговли, промышленности. Тутъ грамматы уставныя, губныя, жалованныя, несудимыя, таможенныя; тутъ уставы, наказы, челобитныя, памяти, и прочая, и между ними много найдется тако-го, что поясняетъ и Русскій бытъ и исторію.

Не любопытны ли, напримѣръ, для замѣчательнаго историка и археографа рѣчь Бориса Годунова патриарху, и отвѣтъ патриарха, при коронованіи Бориса; рѣчь патриарха Борису послѣ Серпуховскаго похода, въ 1598 году; чинъ вънчанія на царство Васлія Шуйскаго; статейный списокъ о призваніи въ Москву бывшаго патриарха Іова, въ 1607 году; привѣтствіе протопопа Терентія Самозванцу? Въ этихъ-то актахъ частнаго содержанія находимъ мы, напримѣръ, подтвержденіе донинѣ сомнительнаго указа царскаго о непереходѣ крестьянъ, изданнаго въ 1597 году; драгоценныя свѣдѣнія о родѣ Козьмы Минина, о бывшей невѣстѣ Царя Михаила, Марьѣ Хлоповой, о бывшей невѣстѣ Царя Алексія Всеволожской, объ имѣніяхъ знаменитыхъ Строгоновыхъ; и прочая.

Послѣ этого, каждый просвѣщенный читатель согласится, что труды археографической экспедиціи, стоявшіе столькихъ лѣтъ времени и значительныхъ

издержекъ , не только заслуживаютъ полнаго вниманія , но и достаточно вознаградили насъ за ожиданіе. На этотъ разъ мы весьма сожалѣемъ , что журналъ нашъ долженъ имѣть въ виду удовольствіе слишкомъ обширнаго класса читателей. Если бъ намъ позволено было быть скучными сколько душъ угодно , мы бы охотно уступили врожденному влеченію нашему къ пыльнымъ бумагамъ старины и сдѣлали бы обильныя выписки изъ четырехъ томовъ , въ которыхъ копались трое сутокъ съ душевнымъ наслажденіемъ. Но въ тѣхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ , въ какихъ мы находимся , намъ не остается другаго спасенія , какъ заключить этотъ бѣглый обзоръ «Актовъ археографической экспедиціи» выпискою двухъ документовъ , представляющихъ общій интересъ , то есть , занимательныхъ не для однихъ только изслѣдователей исторіи. Того , кто незнакомъ съ нашими историческими матеріалами , они ознакомятъ съ ихъ характеромъ , складомъ и оригинальностью. Другимъ представятъ они любопытную картину быта нашихъ предковъ , въ XVI и XVII вѣкахъ. И почему знать ! Можетъ-быть , этотъ обрачикъ заставитъ многихъ не пугаться чтенія «источниковъ» , и въ чьей-нибудь душѣ зажжетъ желаніе къ изысканію подобныхъ матеріаловъ , къ изхищенію ихъ изъ нѣдръ пыли и уничтоженія.

Одинъ изъ этихъ документовъ есть судное дѣло Максима Грека , которое производилось при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ. Другой — статейный списокъ Царя Алексія Михайловича къ митрополиту Никону , описывающій кончину патріарха Іосифа. Вотъ они , во всемъ добродушіи старинны , со всѣмъ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ простыхъ нравовъ , и еще болѣе простаго слога :

СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО МАКСИМА ГРЕКА.

ЛѢТА 7033, ФЕВРАЛЯ, НА ВЕРСЕНЯ МАКСИМОВА СКАЗКА СТАРЬЦА ГРЕКА, И ОЕДЬКА ЖАРЕНОГО РЪЧИ СЪ МАКСИМОМЪ И СЪ ВЕРСЕПЕМЪ.

«Лѣта 7033, февраля, сказывалъ Максимъ Старецъ Грекъ, приходилъ ко мнѣ Иванъ Берсень и говаривалъ со мною о книгахъ, и о царьградскихъ обычаяхъ: нынѣ у васъ Цари бессермеескіе и гонители, и вамъ дей нынѣ отъ нихъ люта времена, и какъ вы отъ нихъ проживаете? И лзь ему говорилъ: Цари у насъ злочестивые, а у Патріарховъ и у Митрополитовъ въ ихъ судъ не въступаются. И Берсень молвилъ: хоти у васъ Цари злочестивые, а хотять такъ; ппо у васъ еще Богъ есть. *(А иньлхъ есми рпчей съ нимъ не говаривалъ. Слова эти вычеркнуты).*

А Келейникъ Максимовъ Аѳонасей сказалъ, что приходи были къ Максиму: Иванъ Берсень, Князь Иванъ Токмакъ, Василий Михайловъ сынъ Тучковъ, Иванъ Даниловъ сынъ Сабурова, Князь Андрей Холмской и Юшко Тютинъ. А совѣтенъ, господине, изъ тѣхъ добръ Максиму Иванъ Берсень. Коли къ Максиму придуть: Токмакъ, Василий Тучковъ, Иванъ Даниловъ Сабуровъ, Князь Андрей Холмской и Юшко Тютинъ, и они говаривали съ Максимомъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ, и насъ тогда Максимъ и вонъ не высылаеть, а коли къ нему придетъ Берсень и онъ насъ вышлетъ тогда всѣхъ вонъ, а съ Берсепемъ сидѣть долго одинъ на одинъ.

И въспросили Максима: сидѣлъ еси съ Берсепемъ одинъ на одинъ, что еси съ нимъ говорилъ? И Максимъ сказывалъ: пришелъ, господине, ко мнѣ Берсень, коли былъ въ опалѣ, а тому съ годъ нѣтъ, не упомяну, о которую пору. И лзь Максимъ Берсеня попыталъ, былъ ли еси сего дни у Митрополита? И Берсень мнѣ молвилъ: лзь того не вѣдаю, есть ли Митрополитъ на Москвѣ. И лзь Берсеню молвилъ: какъ Митрополита нѣтъ? — Митрополитъ на Москвѣ Данилъ. И Берсень мнѣ молвилъ: не вѣдаю-дей Митрополита; не вѣдаю простой Чернецъ; учительна слова отъ него нѣтъ ни котораго, а не печалуется ни о комъ; а прежніе Святители сидѣ-

ли на своихъ мѣстѣхъ въ манатьяхъ, и печаловалися Государю о всѣхъ людехъ. А тебя есмь, господине Максимъ, взяли изъ Святыхъ Горы, да отъ тебя есмь какую пользу взяли? И изъ ему молилъ: изъ, господине, сиротина, какой отъ меня пользы быти? И Берсень мнѣ молилъ: ты человекъ разумной, и можешь насъ пользоваться, и пригоже было намъ тебя въспрашивать, какъ устроить Государю землю свою, и какъ людей жаловати, и какъ Митрополиту жити. И изъ Максимъ Берсеню молилъ: у васъ, господине, книги и правила есть, можете устроитися. — И Максима въспросили: къ чему онъ тое рѣчь молилъ? и Максимъ молилъ: молилъ, господине, онъ тое рѣчь про Государя. — Да Берсень-жо мнѣ говорилъ: добръ-дей былъ отецъ Великого Князя Васильевъ, Князь Великій Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшней Государь не по тому: людей мало жалуетъ. А какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замъшалася; а дотолѣ земля наша Руская жила въ тишинѣ и въ миру; а молилъ то про Великую Княгиню Софью. Какъ пришла сюды Мати Великого Князя, Великая Княгиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замъшалася и пришли нестроения великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ при вашихъ Царѣхъ. И изъ Берсеню молилъ: господине, Мати Великого Князя, Великая Княгиня Софья съ обѣ стороны была роду великого по отцу Царскій родъ Царѣгородскихъ, а по матери Великого Дуксуса Ферарійскаго Италійскія страны. И Берсень мнѣ молилъ: господине, какова ни была, а къ написанію нестроению пришла. Да Максимъ-жо сказываетъ: да Берсень-жо, господине, мнѣ говорилъ: Максимъ, господине, вѣдася и самъ, а и мы слышали у разумныхъ людей, которая земля переставиваетъ обычай свой, и та земля не долго стоять, а здѣсь у насъ старые обычай Князь Великій переменялъ, ино на насъ котораго добра части. И изъ Максимъ Берсеню молилъ: господине, которая земля преступаетъ заповѣди Божьи, та и отъ Бога казни чаеть; а обычай Царскіе и Земскіе Государи переменяють какъ лутче Государству его. И Берсень молилъ: однако лутче старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ дей Государь нашъ

запершыся самъ-гретей у постели вслкіе дѣла дѣлаеть. И жаловался Берсень на Великого Князя: Подворье-дей у меня отнялъ въ городѣ, да прочь отдалъ; а изъ Новагорода изъ Нижняго людей всѣхъ распустилъ, а сына моего одного оставилъ въ Новгородѣ. А во се нынѣ отсюды брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ: ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью, всѣ намъ недрузи, а за наше несгроенье. И спросили Максима, что то онъ молвилъ: *за наше нестроенье?* и Максимъ молвилъ: мнѣ ся мнить по моей мысли, какъ бы *несовѣтѣмъ* и *высокоуміемъ*. И Максимъ молвилъ Берсеню: господине, не дивися тому, что намъ всѣ врази, занеже иніи поганіи, а иніи еретьцы, и не подобаеть болтися ихъ, за нежъ Богъ съ нами. Нынѣшній Государь Князь Великій уподобися Царю Давыду, и какъ Господь Богъ сохранилъ Царя Давыда отъ всѣхъ окрестныхъ иноплеменникъ, такъ и нашего Государя Господь Богъ сохраняетъ отъ всѣхъ окрестныхъ враговъ. И Берсень молвилъ: на Бога-то на одного и надѣя. Да Максимъ-же сказывалъ: *въспросилъ меня Берсень: хочеть ли тебя Князь Великій отпустить въ Святую Гору?* и изъ ему молвилъ: *прошуся-дей у Великого Князя много, и онъ меня не отпуститъ;* и Берсень мнѣ молвилъ: а и не бывати тебѣ отъ насъ; и изъ ему молвилъ: за што ему меня не отпустить, взялъ Государь насъ отъ нашиѣ братья на томъ, что ему насъ и назадъ отпустить. И Берсень молвилъ: держитъ на тебя мнѣнья, пришолъ еси сюда, а челоувѣкъ еси разумной, и ты здѣсь увѣдалъ наше добрая и лхая, и тебѣ тамъ пришедеъ все сказывати. Да Берсень-жо меня *въспросилъ: вѣдаешь ли Максимъ почто сюда Турецкого Посолъ Искандеръ пришолъ?* И изъ молвилъ: не вѣдаю, а слышу, что съ нимъ деньги Салтановы купитъ что будетъ потребная. И Берсень молвилъ: на что намъ его дружба? лутши было съ нимъ не дружитися. Князь Великій Иванъ посылавалъ къ Турецкому Салтану своего Посла, и Салтанъ призвалъ нашего Посла да молвилъ ему: *скажи своему Государю: далече онъ отъ меня живеть; нѣтъ ему до меня дѣла; а каково будетъ ему дѣло, ино у меня сынъ въ Кафъ; и онъ ся ссылай съ моимъ сыномъ.* Да *въспросилъ изъ Берсеня: господине Иванъ! за что Князь Великій тебя такова разумна*

человѣка не жалуетъ? И Берсень молвилъ: по грѣхомъ пошьямъ обговоры пришли на меня. И вину мнѣ Берсень сказывалъ за что его Государь Князь Велики отъ себя отставилъ, да не памятую горазю; памятуеть ми ся говорилъ, что вѣстрѣчу Великому Княю о Смоленску, и Князь Великій того не полюбилъ, да молвилъ: «пойди, смердъ, прочь; не надобенъ ми еси.»

А Оедько Жареной приходилъ ко мнѣ на Симаново и лзъ его въспросилъ: какъ твое дѣлю, ужли хто имается о твоємъ дѣлѣ печаловатись Великому Князю? И Оедько молвилъ: пропаль-дей еси печальника не могу добыти, а Государь по моиѣмъ грѣхомъ пришолъ жестокъ, а къ людямъ немилостивъ.

«Съ очей на очи Максимъ съ Берсениемъ и съ Жаренымъ.

«И въспросили Берсеня: говаривалъ ли еси съ Максимомъ какіе рѣчи? и Берсень сказываеть, что съ Максимомъ рѣчей никакихъ не говаривалъ.

«И поставили Берсеня съ Максимомъ съ очи на очи, и прочли списокъ, что Максимъ на Берсеня сказывалъ. И Берсень сказываеть тѣхъ рѣчей не говаривалъ; а Максимъ говорилъ съ очей на очи, что тѣ рѣчи Берсень ему говорилъ. Да Берсень-жо говорилъ: только еси съ Максимомъ и говорилъ; попыталъ меня Максимъ: есть ли у тебя дворъ въ городѣ? и лзъ ему молвилъ: дворъ у меня въ городѣ есть, да нынѣ его отдали, у меня отнивъ, а поставили на немъ Шемичичеву Княгиню. Да въ разговорѣ еси съ Максимомъ про здѣшніе люди молвилъ, что нынѣ въ людехъ правды нѣтъ.

«Да Максимъ-жо говорилъ: а того мнѣ всего не упаматовати, что со мною Берсень говорилъ; многіе, господине, рѣчи Берсень про Государя говорилъ: Государь дей упрямъ а вѣстрѣчи противъ себя не любить; кто ему вѣстрѣчу говорить, и опъ на того опалается; а отецъ его Князь Великій прогивъ себя стрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые прогивъ его говаривали. Да и заказывалъ мнѣ Берсень, чтобъ изъ тѣхъ рѣчей не сказывалъ никому, что со мною Берсень говорилъ.

«А Ѳедько Жареной съ Максимомъ съ очей на очи тѣхъ рвчей запылся, что того не говаривалъ; и Максимъ говорилъ, что тв рвчи Ѳедько ему говорилъ.

«А опослѣ того Ѳедько сказалъ: говорилъ еси, господине, тв рвчи: пришелъ еси, господине, къ Максиму и Максимъ меня въспросилъ: добылъ ли еси печальника? и азъ Максиму молвилъ: печальника еси не добылъ, а Государь пришелъ жестокъ и немилостивъ.

«Да Ѳедько-жъ сказывалъ: какъ Князь Великій вхалъ изъ Новагорода изъ Нижнего, и ждали еси Великого Князя какъ ему въѣхати въ городъ, и говорилъ стоячи Берсень: почто Князь Великій ходилъ въ Новгородъ? поставилъ на нхъ сторонѣ лукно: ино какъ ся съ ними помирити? какъ Смоленскъ-жо городъ взялъ, а люди тамо! ино не азъ миру быти. И поставити было городъ: ино было поставити на своей сторонѣ; ино бы азъ и миру быти.

«Да Ѳедько-жъ сказывалъ: да Берсень-жо мнѣ говорилъ: Ѳедоръ, ходишь ли ты къ Митрополиту? и азъ ему молвилъ: мало хожу. Гнѣвенъ на меня про то Митрополитъ *(не давалъ еси ему тѣхъ денегъ, коли онъ не служилъ; вычеркнуто)*. И Берсень мнѣ говорилъ: азъ у Митрополита былъ, и слыдѣлъ еси у него одинъ на одинъ. И Митрополитъ Великому Князю пеляку хвалу вздаеть, что городъ поставилъ, твѣдей городомъ всю землю Казанскую возметъ; а се дей Богъ его избавилъ запазушного врага. И азъ Митрополита въспросилъ: хто запазушной Государю былъ врагъ? И Митрополитъ молвилъ: Шемячичъ. А того-дей Митрополитъ самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые, да Чюдотворцевъ, да на свою душу.

«съ очей на очи берсень съ жаренымъ.

«Февраля 22 сказывалъ Иванъ Берсень: угонилъ меня, госводине, Ѳедько Жареной тому съ недѣлю противъ Никомы, а Максима уже изымали, и учалъ мнѣ сказывати: вемъ ли мнѣ Максима клепати, и мнѣ его клепати ли? и азъ Ѳедьку молвилъ: что будетъ слышелъ и ты то сказывай прямо, а что говоришь о лжи, ино то ты въдаешь, да и прочь

отъ меня пошолъ. А сказываетъ, что Князь Великій присылалъ къ Ѳедьку Игумена Троецкаго: только мнѣ солжи (скажешь, вычеркнуто) на Максима (всю истинну, вычеркнуто), и язъ тебя пожалую.

И Ѳедько съ Берсенемъ очи на очи говорилъ, что тв рѣчи ему говорилъ, что къ нему Игумена Троецкаго присылалъ, чтобы ему на Максима всю истинну сказаалъ, а лжи Берсеню не говаривалъ.

Да Берсенъ-жо сказывалъ: которые рѣчи на меня Максимъ сказывалъ, и язъ въ томъ передъ Государемъ во всемъ винувать, тѣ еси рѣчи всѣ Максиму сказывалъ. — Да Берсенъ-жо сказывалъ: язъ, господине, того не вѣдаю чья дочь Великая Книгиня Софья; и Максимъ сказаалъ мнѣ: Великая Книгиня Софья по отцѣ Хрестьянка, а по матери Латынка. А которые рѣчи на меня Ѳедько говорилъ про городъ и про Шемячича, и язъ тѣхъ рѣчей Ѳедьку не говаривалъ. А что, господине, про Жареного говорити не упаматовати ми его рѣчей, что онъ говорилъ; что ему вѣтръ нанесъ на ротъ, то говорилъ; вѣтъ того которыхъ лжихъ рѣчей не говорилъ; какъ бы възбѣсився говорилъ.

«Отдѣльные листки, черновые, того же слѣдственаго дѣла.»

«СКАЗКА МАКСИМОВА.»

Начала вѣтъ..... (Да Максимъ-же говорилъ: Истинну, господине, вамъ скажу, что у меня въ сердцѣ, ни отъ кого еси того не слыталъ и не говаривалъ ни съ кѣмъ, а мнѣнемъ еси своимъ то себѣ держалъ въ сердцѣ: вдовицы плачуть, а поидеть Государь къ Церквѣ и вдовицы плачуть и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ; и язъ за Государя молилъ Бога, чтобы Государю Богъ на сердца положилъ и милость бы Государю надъ ими показалъ. Все это вычеркнуто).

«Феврала 20 сказывалъ Максимъ, что ему Берсенъ говорилъ: какъ пришла сюда Мати Великого Князя Великая Книгиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замтыналася. И язъ Максимъ Берсеню молвилъ: господине, Мати Великого Князя Великая Книгиня Софья съ обѣ стороны была роду великого по отцѣ Царскій родъ Царьгородскихъ, а по матери Великого

Дукуса Ферарійскаго Италійскіе страны. И Берсень мнѣ молвилъ : господине , какова ни была , а къ нашему нестроенью пришла. Да Максимъ-жо сказываетъ : да Берсень-жо , господине , мнѣ говорилъ : Максимъ , господине , вѣдаешь и самъ , а мы слыхали у разумныхъ людей , которая земля переставиваетъ обычаи свои , и та земля не долго стоять ; а здѣсь у насъ старыя обычаи Князь Великій перемѣнилъ : вно па насъ котораго добра части? И язъ Максимъ Берсеню молвилъ : господине , которая земля преступаетъ заповѣдей Божьихъ , та и отъ Бога казни часть , а обычаи Царьскіе и Земьскіе Государи перемѣняютъ какъ лутче Государьству его. И Берсень молвилъ : однако лутче старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати ; а вынѣчя-дей Государь нашъ запершился самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаеть. И жаловался Берсень на Великаго Князя : Подворье-дей у меня отнял въ городъ , да прочь отдалъ ; а изъ Новгорода изъ Нижнего людей всехъ распустилъ , а сына моего одного оставилъ въ Новгородѣ. А во се нынѣ отъсюды брани ; ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ : ни съ Литовскимъ , ни съ Крымскимъ , ни съ Казанью , всѣ намъ недрузи , а за наше нестроенье. И въспросили Максима , что то онъ молвилъ : за наше нестроенье? и Максимъ молвилъ : мнѣ ся мнитъ по моей мысли , какъ бы несоветіемъ и високоуміемъ. И Максимъ молвилъ Берсеню : господине , не дивися тому , что намъ всѣ врази , завѣже инии погани , а инии еретики , и не подобаеть боятися ихъ , за нежъ Богъ съ нами ; вынѣшній Государь Князь Велики уподобися Царю Давыду , и какъ Господь Богъ сохранилъ Давыда отъ всехъ окрестныхъ иноплеменникъ , такъ и нашего Государя Господь Богъ сохраняетъ отъ всехъ окрестныхъ враговъ. И Берсень молвилъ : на Бога-то на одного и надѣя. Да въспросилъ язъ Берсень : господине Иванъ ! за что Князь Великій тебя такова разумна челоувка не жалуеть? И Берсень молвилъ : по грѣхоу по мнѣ обговоры пришли на меня. И вину мнѣ Берсень сказывалъ за что его Государь отъ себя отставилъ , да не памятую (сразу , памятуеть ми ся говорилъ , что встрѣчу Великому Князю о Смоленську , и Князь Великій того не полюбилъ , да молвилъ : « поди , смердъ , прочь ; не надобенъ ми еси. »

«Максимъ сказалъ: въспросилъ его Иванъ Берсень: какъ тебѣ государь князь великій хочетъ отпустить въ Святыю Гору? и язъ ему молвилъ: прошуся многожды у государя, да государь меня не отпустить; и Берсень молвилъ: а и не бывать тебѣ отъ насъ; и язъ его въспросилъ: за што мнѣ не быти, взялъ меня государь изъ Святыя Горы, да и опять отпустить. И Берсень молвилъ: мнѣнѣя на тебѣ держимъ, что сюды еси пришелъ, а человекъ еси разумной, а отвѣдалъ еси наша добрая и лихая, и тебѣ тамо то шедъ сказати. Да въспросилъ меня Берсень: вѣдаешь ли дей, которыми дѣломъ къ намъ пришло Турецкой посолъ Изкиндеръ? И Максимъ молвилъ: не вѣдаю, господине, а слышу, что деньги Салтановы съ нимъ купить что приказалъ. И Берсень молвилъ: на што его намъ дружба? лутчи было не дружитися съ нимъ. Потомужъ покойникъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси посылалъ посла своего къ Турецкому къ Салтану, и Салтанъ призвалъ посла нашего, а молвилъ ему: скажи своему государю: далстче отъ меня живеть, итѣ сму до меня дѣла; а будетъ ему которое дѣло, ино сынъ мой живеть въ Казѣв: посылай къ нему.

ФЕВРАЛЯ 20 СКАЗКА ОЕДЬКА ЖАРЕНОВО.

«Лѣта 7033, февраля 20, сказывалъ Оедька Жареной: которые рѣчи на меня сказывалъ Максимъ и язъ тѣ рѣчи всеъ говорилъ. Въспросилъ меня Максимъ: добылъ ли еси печальника? и язъ Максиму говорилъ: печальника есми не добылъ, а государь пришло жестокъ и немилостивъ.

«А какъ князь великій вѣхалъ изъ Новагорода изъ Нижнего (и прислалъ ко мнѣ подъячюго, вычеркнуто) и ждали великого князя какъ ему вѣхати въ городъ. И говорилъ того дни Берсень: почто князь великій въ Новгородъ ѣздилъ? поставилъ на ихъ сторонѣ лукно: ино какъ ся съ ними помирити? какъ Смоленскъ-жо (люди вычеркнуто), городъ взялъ, а люди тамъ! ино не лѣзъ миру быти. И поставити было городъ: ино было поставити на своей сторонѣ; ино бы лѣзъ и миру быти.

«Да Оедько-жъ сказывалъ: да Берсень-жо мнѣ говорилъ: Оедоръ ходишь ли ты къ митрополиту? и язъ ему молвилъ:

мало хожу. Гизвентъ на меня про то митрополитъ, не давалъ еси ему твоихъ денегъ, коли онъ не служилъ. И Берсень нѣтъ говорилъ: изъ у митрополита былъ, и сидѣлъ еси у него одинъ на одинъ. И митрополитъ великому князю велику хвалу вздаеть, что городъ поставилъ, твоимъ-деи городомъ всю землю Казанскую возметъ; а се-деи Богъ его избавилъ запазушного врага. И изъ митрополита въспросилъ: хто запазушной государю былъ врагъ? И митрополитъ молвилъ: Шемлячичъ. А того-деи митрополитъ самъ позабылъ, что къ Шемлячичу грамоту писалъ и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые, да на Чюдотворцевъ, да на свою душу.

съ очей на очи Максимъ съ Берсенемъ и съ жареннымъ.

«И (какъ Берсеня привели и, вычеркнуто) въспросили Берсеня: говаривалъ еси съ Максимомъ какіе рѣчи? и Берсень сказалъ, что съ Максимомъ рѣчей никакихъ ни о чемъ ни говаривалъ.

«И (какъ, вычеркнуто) поставили Максима съ Берсенемъ съ очи на очи, и прочли списокъ Максимовыхъ рѣчей, и Максимъ на Берсеня очи на очи говорилъ тебѣ рѣчи, что и въ списку написаны. А Берсень говорилъ съ Максимомъ очи на очи, что твоихъ рѣчей не говаривалъ, а молвилъ еси съ Максимомъ объ одномъ о своемъ дворѣ, которой въ городъ; а попыталъ меня Максимъ же, а молвилъ: есть ли у тебя дворъ въ городъ? и изъ ему сказалъ, что дворъ у меня въ городъ есть, а нынѣ его у меня отняли, а поставили на немъ Княгиню Шемлячичеву. (А про государя еси не говаривалъ ничего, вычеркнуто). А въ разговорѣ еси съ Максимомъ про люди про здѣшніе молвилъ, что нынѣ въ людехъ правды нѣтъ. (А про государя еси не говаривалъ, вычеркнуто). Да Максимъ-же говорилъ: а того ми, господине, не упаматовати: многіе, господине, рѣчи Берсень про государя говорилъ, что государь упрямъ (жестокъ и немилостивъ, упрямъ, хто противъ государя, государя встрѣчу говоритъ, вычеркнуто) и встрѣчи противъ себя государь не любить; а хто молвитъ противъ государя встрѣчу и онъ на того опалится; а отецъ его князь великій противъ себя

стрвцю (*себя*, вычеркнуто) любилъ, и твхъ (*людей*, вычеркнуто) жаловалъ, которые противъ его говаривали. Да и заказывалъ мнѣ Берсень, чтобы язъ твхъ рвчей не сказывалъ никому; и Берсень говорилъ: язъ тобѣ твхъ рвчей не говаривалъ и не заказывалъ.

«А Оедька Жареной съ Максимомъ говорилъ очи на очи, что твхъ рвчей некоторыхъ не говаривалъ. А коли, господине, государь князь великій пировалъ у владыки, и язъ тогда у Максима былъ, а со мною былъ Федоръ Палицынъ, и твхъ еси рвчей не говаривалъ. И въспросили Максима: тогда ли тв рвчи Жареной говорилъ? и Максимъ сказалъ: поопамитовался еси, господине, тогда, господине, твхъ рвчей Жареной не говаривалъ, а былъ, господине, у меня Жареной напередъ того одинъ на одинъ, и онъ тогда тв рвчи говорилъ да и тетрадки у меня взялъ. И Оедька Жареной сказалъ, что у Максима напередъ того бывалъ и тетрадки у него взялъ, а твхъ рвчей не говаривалъ.»

Вотъ статейный списокъ, посланный съ Московскимъ сотникомъ отъ царя Алексѣя Михайловича «къ великому господину преосвященному митрополиту Новагорода и Великихъ Лукъ.

СПИСОКЪ СЪ СТАТЕЙНОГО СПИСКА СЛОВО ВЪ СЛОВО.

«Нывѣшняго 160 году, принесли великого святителя Іева Патріарха мощи, Априлія въ 5 день, въ понедѣльникъ шестые недѣли, часы въ отдачу денные, въ монастырь къ пречистой Богородицы Страстныя; а встрѣчать посланы его святые мощи власти: Митрополитъ Казанскій и Святжскій Корнилей, Архіепископъ Муромскій и Резанскій Мисайло, архимандритъ Андроньевской Селиверстъ, Спаской игумень изъ Завѣтошнаго ряду, протопопъ изъ Подколоколовъ, да изъ собору священникъ да діаконъ, да со властью встрѣчали: бояри наши князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, да князь Федоръ Семеновичъ Куракинъ, да околничіе наши князь Василей Григорьевичъ Ромодановской, да Прокофей Федоровичъ Соковнинъ, да дякъ Семень Заборовской; а встрѣтили тв его честные мощи въ селѣ Тушинѣ, за двнад-

цать версть до Москвы, по Юсифовской дорогѣ, а изъ Тушина несли на главахъ стрѣльцы до самой Москвы; а лѣзъ многогрѣшный Царь встрѣчалъ съ Патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ государствомъ отъ мала и до велика, и многолюдно таково было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ лѣзску, негдѣ было упасть, а пожаръ весь занять людьями пѣшими, нельзя ни пройти, ни пробхать; а Кремль велѣлъ запереть, инъ и такъ на злую силу пронесли въ соборъ: такая тѣснота была, старые люди, говорить, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встрѣчи; и Патріархъ нашъ отецъ со мною жаловалъ, плачучи говорилъ: «вотъ де смотри. Государь, какво хорошо за правду стоять: и по смерти слава;» да много плакалъ, мало не во всю дорогу до самого до собору. И пришедше поставили въ погахъ у Іасафа Патріарха, на мосту на верху, и оклали кирпичемъ, а сверху доска положена, а не задѣлана для свидѣтельства; почели было свидѣтельствовать, да за грѣхи наши извоили Богъ отца нашего Патріарха взять въ вѣчное блаженство; и топерѣ все стало, ожидаемъ тебя къ свидѣтельству, а чудеса огъ него есть. И какъ почали его ставить на мѣстѣ томъ, и отецъ нашъ говоритъ мнѣ: «кому де въ ногахъ у него лежать?» И я молвилъ: «Ермогена тутъ положимъ.» И онъ государь молвилъ: «пожалуй де, Государь, меня тутъ грѣшного погрестъ;» и какъ отецъ нашъ представися, и я грѣшный вспомнилъ его государевы слова, какъ мнѣ приказывалъ, гдѣ велѣлъ себя положить, и мѣсто выпросилъ, только дня не бѣдалъ, въ который день Богъ извоилъ взять, и мнѣ грѣшному его святительскіе слова въ великое подивленіе, какъ есть онъ государь пророкъ пророчествовалъ себѣ про смерть ту свою; да съ тѣхъ мѣстъ и заболѣлъ лихорадкою, да трясла его ходячи по днѣмъ, а къ вербному воскресенію и полегчѣло, да пришелъ утинъ да грижа, на злую силу ѣздилъ на осляти; а кручиновать добръ былъ, въ ходу никто не могъ угодить, на всѣхъ кручинится; да и не служилъ самъ, велѣлъ Казанскому да властемъ; а за столомъ весель таково было, сказываютъ, что не вѣдасть гдѣ бѣдѣся. Да на страстной недѣль посылаю я въ поведѣльникъ

и во вторникъ о спасеніи спрашивать , и онъ государь самъ выходилъ , да сказывалъ : «естъ де легче : прямая де лихорадка , и знобить и въ жаръ великой приводить»; да во вторникъ зданъ отпѣвать Ивана Григорьева сына Плещеева жену , а отпѣвалъ де на злую силу , весь де чернъ въ лице ; мнѣ пріѣхавши сказывали , кто былъ на погребенъ томъ , гораздо де боленъ Патріархъ , а въ среду ту ни у заутрени , ни у обѣдни не былъ , а я того и не вѣдагъ , что онъ гораздо боленъ , да послалъ я Василья Бутурлина о спасеніи его великого святителя спросигъ , а его де два бывели , а говоритъ де хорошо . И пріведе мнѣ въ вечеру помышленіе тое жъ среды , что пойтить къ нему мнѣ навѣстить его , а другое помышленіе мнѣ пріиде , что завтра де побываешь ; и Божіимъ изволеніемъ первое то помышленіе гораздо почало понуждать втять къ нему , и благословися у отца своего духовного , пошелъ къ нему тое жъ среды въ вечеру , и пришелъ къ нему за часъ до вечера , и дожидался съ часъ его государя въ крестовой , и вывели его одва ко мнѣ , и идетъ мимо меня благословлять Василья Бутурлина , и Василей молвилъ ему : «Государь де стоитъ»; и онъ , смотря на меня , спрашиваетъ : «а гдѣ де Государь?» и я ему извѣстивъ : «передъ тобою святителемъ стою»; и онъ посмотря молвилъ : «поди , Государь , къ благословенію» , да и руку далъ мнѣ поцѣловать , да велѣлъ себя посадить на лавкѣ , а сѣлъ по лѣвую руку у меня , а по правую не сѣлъ , и сажалъ да не сѣлъ ; а вышелъ ко мнѣ , знать , въ самомъ зломъ знобу , какъ почело его знобить , а онъ и вышелъ ко мнѣ ; да спросилъ я его святителя про болѣзнь : какая болѣзнь ? и онъ сказалъ : «лихорадка де знобить и топере»; а говоритъ съ забытью , а иное замолчить да долго не говоритъ , а лихорадка та его какъ не подымая знобить ; и я учалъ ему говорить : «такое то , великій святитель , наше житіе : вчерась здорово , а нынѣ мертвы»; и онъ государь молвилъ : «ахъ де , Царь Государь ! какъ человекъ здоровъ , такъ де мыслятъ живое , а какъ де приметъ , инъ де ни до чего станеть»; и я ему свѣту молвилъ : «не гораздо ли , государь , не домогаешь?» и онъ молвилъ , какъ-есть сквозь зубы : «знать де что врагуша трясеть , и губы окинула , чаю де что покнеть , и лѣтось также была» . И ты меня грѣш-

ного прости, великій святитель и равноапостоломъ и бого-
копецъ нашъ преосвященная глаго, въ томъ, что азъ ему не
воспомнулъ о духовной, и кому душу свою прикажеть, и
что про келейную казну прикажеть и не воспоминаюль; для
того въ томъ прости, великій святитель: обманула меня твѣ,
я чаялъ, что впрямъ трясавица, анъ впрямъ смертная; по
языку тому признавался, что худо говорить и сквозь зубы,
и помышлялъ себѣ, что гораздо болей, да положился на те,
что знобить больно, то-то онъ и безъ памяти; а се и то мнѣ
на умъ пришло великое сумнѣніе: болзнь та на нешъ траса-
вицная, а мнѣ молвить про духовную ту, и онъ помнѣть:
вотъ де меня избываетъ, да станетъ сердечно гнѣваться, да
для того впросто и положилъ, да то-то себѣ почаялъ: еще
утре побываю у него; и ты меня, великій святитель, для
Христа прости мое согрѣшеніе, что постыдился воспомина-
вуть о преждеименованной духовной и объ вныхъ статьяхъ,
чаялъ, что утра увижусь; и ты меня прости: ей не съ хя-
трости сіе дѣло сотворилося, сатана запылъ такое дѣло совер-
шить, и я у тебя великого святителя прошу согрѣшеніемъ
своимъ прощенія и благословенія и разрѣшенія и сему моему
согрѣшенію. Доздѣ да возвращаюся на преждереченное, да
объ отцѣ своемъ повѣсть докончаю. И посидя немного я
всталъ и его подымалъ, и такъ его почало знобить, не смогъ
и Достойно проговорить, Славу проговорилъ съ отпускомъ
наслу; да почелъ ко мнѣ прощенія говорить, что говорить
въ среду на страстной, и я ему отвѣщалъ по уставу, да самъ
почелъ прощеніе къ нему творить да поклонился въ землю
ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ да благословилъ меня
да велѣлъ себя вестъ провожать меня, а ноги те волочить на
злую силу; и я сталъ, и учалъ его ворочать: «воротися, го-
сударь, ей пуще тебѣ будетъ»; и онъ мнѣ жалуетъ гово-
рить: «иню су я тебя и въ другоредѣ благословлю»; и я мол-
вилъ: «пожалуй же, государь великій святитель, благослови
и третицею»; и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ,
да какъ благословилъ и руку дастъ цѣловать и въ херувимъ;
и я благословясь да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ
въ ногу, и онъ смотря на меня благословилъ и прощеть,
да и воротился, да и повелъ его въ задвія кельи, а я пошелъ

къ себѣ; да молвилъ оглѣвнясь: «завтра де велю служить и дѣйствовать Казанскому со властью, а на меня де не покручинься, не могу»; и я молвилъ: «добро, государь, вели ему, а самъ поодохни къ свѣтлому воскресенію». И енто все дѣлалось въ среду на страстной въ вечеръ, а на утре въ четвергь допѣвають у меня завтраю за полчаса до свѣта; только начали первой часъ говорить, а Иванъ Кокошиловъ ко мнѣ въ церковь бѣжить къ Евдокеѣ Христовы Мученицы и почалъ меня звать: Патриархъ де кончается; и меня прости, великій святитель, и первой часъ велѣлъ безъ себя допѣвать, а самъ съ небольшими людьми побѣжалъ къ нему и прибѣжалъ къ нему, а за мною Резанской, я въ двери, а онъ въ другія; а у него толке протодьяконъ, да отецъ духовной, да Иванъ Кокошиловъ со мною пришелъ, да келейникъ Оерапонтъ, и тотъ трехъ не смыслить перечестъ, таковъ прость, и себя не вѣдаетъ, а опричь того ня отнюдь никого нѣтъ, а его свѣта поновлялъ отецъ духовной. И мы со Архіепископомъ кликали и трясали за ручки те чтобъ промолвилъ, отнюдь не говорить, толке глядѣть, а лихорадка та знобить и дрожитъ весь, зубъ о зубъ бьетъ; и мы съ Архіепископомъ не могли росклякать, и спрашивали протодьякона, для чего вѣсти ко мнѣ не повѣдали и ко властямъ, и опъ почалъ говорить то: «кобы де не я, Государь, заставилъ сильно поновлять отца духовнаго, и онъ бы де такъ и ушелъ безо всего; я де пришелъ къ нему, а онъ де лежитъ безъ памяти, а отца духовнаго выславъ вонъ, и онъ де стоитъ у дверей, не смѣеть и войтить; я де почалъ говорить: для чего нейдешь? и онъ де мнѣ говоритъ: не смѣю де итти, станеть де кручиниться, и я де закричалъ: хотя бъ де билъ тебя и ты бъ де шель къ нему, видишь де и самъ, что топорѣ онъ въ нецевельъ, потову болѣзнь та гораздо приняла его; и Ивана того де я сыскалъ да послалъ по тебѣ Государя и по Казанскаго и Резанскаго»; и мы спрашивали отца его духовнаго, каково говорилъ въ исповѣданіи, и онъ сказалъ: «гораздо де туно понавлялся, чуть де намѣчалъ»; да протодьяконъ сказывалъ: «я де давѣ на великую силу росклякалъ, мнѣ де только и молвилъ: пошли де по Государя, да и толке; да съ тѣхъ де мѣсть и по ся мѣсть азыка нѣтъ, какъ вы и при-

шли»; и я и Резанской почели клекать, и онъ государь только очми зреть на насъ быстро, а не говорить, знатно то что хочеть молвить да не сможетъ; не могли роскликать ни конии шрапи, какъ есть въ лихорадкѣ какъ въ жаръ кинеть, такъ то онъ лежить въ забытїи, невѣдомо какая болѣзнь та у него святителя была. Да мы съ Резанскимъ да слыи думать, какъ причащать ли его топере или нѣтъ; а се ждали Казанского и прочихъ властей, и мы велѣли объѣдню пѣть раннюю, чтобъ причастить; такъ Казанской прибѣжалъ, да послѣ Вологодской, Чудовской, Спаской, Симоновской, Богоявленской, Мокей протопоиъ, да почель клекать его и не могъ роскликать; а лежалъ на боку на лѣвомъ, и переворотили его на спину и подняли главу то его повыше, а во утробѣ то и знать какъ грыжа то ходить, слово въ слово таково во утробѣ той ворошилось и ворчало, какъ у батюшка моего передъ смертью, такъ Казанской учаль говорить, чтобъ причастить запасными дарами и велѣлъ отцу духовному прощенїа передъ всѣми властями за него; и причащали его святителя при мнѣ Казанской, Резанской, отецъ духовной его, да протодьяконъ; а причащали его власти безъ ризъ, въ мантияхъ безъ клабуковъ; а какъ пожаловали части и ему уста разымалъ протодьяконъ, а онъ государь безъ памяти лежалъ. И послѣ причастїа почаль онъ государь гораздо дышать больно; и почаль отецъ его духовной говорить: велѣлъ де себя масломъ соборовать; и почали облачатся, и къ освященїю масла приѣхалъ Вологодской, а Ростовской и Крутицкой, да Андроньевской, да Здвиженской, и иные прочїе черные власти были въ соборѣ; приспѣлъ какъ часть освященїю и помазанїю маслу, а отецъ духовной мой со мною вмѣстѣ пришелъ, а причащали безъ него: онъ на часть вышелъ; и почали первое евангелїе честь, а я у него стою, да возлъ меня стоять по правую сторону отецъ его духовной, а мой отецъ духовной по лѣвую сторону у него стоять, подъ руку его подъ лѣвую держить, опадываетъ рука та добръ; и какъ прочель Казанской и приложилъ его, такъ послѣ евангелїа того почаль гораздо быстро смотрѣть на лѣвую сторону ко властямъ, гдѣ масло то освящаютъ, да повелъ очми твои вверхъ да почаль съ краю того жаться къ стѣнѣ;

и меня прости, владыко святой, жой часъ почаль приставно и быстро смотреть, и я узналъ, что онъ видѣніе видитъ; не упоминая гдѣ я читалъ: передъ разлученіемъ души отъ тѣла видѣть человекъ вся своя добрыя и злыя дѣла; и молвилъ я отцу его духовному: «видѣть отецъ нашъ нѣкакое видѣніе»; и онъ молвилъ: «нѣтъ де, полна де, въ исцеленіяхъ такъ смотрити»; и я молвилъ: «смотри, что будетъ, и самъ не знаешь, что говоришь»; и я отцу духовному своему сказалъ, что видѣть нѣкакое видѣніе; и онъ молвилъ: «видѣть де нѣчто»; а смотрѣлъ съ четверть часа быстро создомъ, а смотрити все въ потолокъ знатно то что видѣть, и почаль руками закрываться и жаться къ стѣнѣ то и въ уголъ, какъ стѣну ту не выломить, и руки те вырвалъ у протопопа да почаль закрываться да закрывалъ великимъ гласомъ, а невѣдомо что, да почаль хорониться и жаться добръ въ уголъ; походило добръ на то, какъ кто кого бьетъ, а кого бьютъ, такъ тотъ закрывается, такъ то надъ нимъ святителемъ было; да затрясся весь въ ту пору и плакать почаль и кричать такъ же, а смотрити вверхъ; да было того съ полчетверти часа, да послѣ кричанія почнетъ и отходить, двояды отходилъ и отходную говорили, да опять очнулся да почель тихнуть, а очи гораздо мутны стали съ кричанія, и я передвигъ проговора прощенія да поцѣловалъ въ руку да въ землю поклонился, пошелъ къ себѣ въ пятомъ часу въ исходъ, а казну келейную въ чуланѣхъ и въ полатахъ, и домовую вездѣ самъ перепечаталъ послѣ освященія масла. А у него святителя остался Резанской, да отецъ его духовной, да ризничей, да Спаской келарь Пафнотей Еропкинь; а Казанской со властью ми пошли готовиться къ службѣ, и начали въ соборъ въ седьмомъ часу вечерню, а у меня ту жъ пору начали; и какъ начали пѣть въ соборъ, и какъ начали у меня, вмѣсто Херувимской первой стихъ Вечеръ твоей тайнѣ пѣть, а онъ государь въ тогъ часъ преставился осмаго часа въ пѣлы; и пропѣли первой стихъ, и приближалъ келарь Спаской и сказалъ мнѣ: патріарха де государя не стало; а въ ту пору ударилъ въ царь-жоловомъ трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашель, одва пѣть стали и то съ слезами, а въ соборъ пѣвчіе и власти все со страху и ужаса ноги поддомилпсь, потому что кто преста-

вился, да къ такимъ днѣмъ великимъ кого мы грѣшныя отбыли; яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ гдѣ дѣться, такъ то мы нынѣ грѣшныя не вѣдаемъ гдѣ главы приклонити, понеже прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имѣемъ. И ты, владыко святой, помолись и съ Васильемъ Уродивымъ сія рѣчь нашимъ языкомъ съ Вавиломъ, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, ния вышесказанное, а ожидаемъ тебя великого святителя къ выбору, а сего мужа три человека вѣдаютъ: я, да Казанской Митрополитъ, да отецъ мой духовной, тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ. А отъѣздъ да возвратимся на преждереченное: и отпѣвши обѣдню, пришелъ къ нему свѣту, а онъ государь уже преставился, лежитъ какъ есть живъ, и борода розчесана лежитъ какъ есть у живого, а самъ немѣрно хорошъ; и простяся съ нимъ и поцѣловавъ руку, и пошелъ къ умовенію ногамъ, а его государя приказалъ готовить погребальная Резанскому Архіепископу, да архивандриту Андроніевскому, да отцу его духовному, а тѣ всѣ власти были въ службѣ; и послѣ умовенія, съ Казанскимъ Митрополитомъ съ Корниліемъ и со всеми властями приговорили выносить на завтревѣ въ пятницу въ великую къ Рязь Положенью до часовъ, да вынесши и по мощи пойтти къ Благовѣщенію Богородицы; и пришли во него часу въ пятый днѣ, а онъ свѣтъ какъ есть живъ лежитъ, и взры неимется, что онъ государь отецъ нашъ преставился, таковъ хорошъ лежитъ во гробѣ, толко не говоритъ; а облачали его свѣта всѣ власти, Казанской митрополитъ съ товарищи, и вынесли его свѣта къ Рязь Положенью, и вынесши его, пошли по мощи къ Благовѣщенію. И ввечеру того пятка пошелъ я съ женою и съ сестрами къ Благовѣщенію къ святымъ мощамъ и въ соборъ къ гробу Господню знаменаться и съ отцомъ нашимъ Іосифомъ Патріархомъ проститися и прощеніе получить; и изъ собору пошелъ самъ одинъ напередъ прежь ихъ къ Рязь Положенью выслать свидѣльцовъ; да пришелъ я къ дверемъ полунощнымъ, а у него отнюдь никакого свидѣльца нѣтъ, кому велѣмъ быть игуменомъ, тѣ всѣ розѣхались; и я ихъ велѣмъ смирять Митрополиту: да такой грѣхъ, владыко святой, кого жаловалъ, тѣ ради его смерти, лутчей Новни-

ской игуменъ тотъ первой повхаль отъ него домой; а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколко Богъ помочи далъ; а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ Псалтырь, и тотъ говоритъ во всю голову кричить, а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? «прости де, Государь, страхъ нашель великой, а во утробѣ де, Государь, у него святителя безвѣрно шумѣло бодво грыжа до тебя Государя, то-то де меня и страхъ взялъ; а у него государя животь взнесло съ полъ аршина изъ гроба звать утробы то его, и руки не сойдутся какъ у прочихъ мертвецовъ ведется, а какъ преставился и вынесли, и у него свѣта отнюдь живота не звать было изъ гроба, толко голова одна наружъ была»; да священникъ же почелъ мнѣ сказывать: «часы де въ отдачу, вдругъ взнесло животь у него государя и лицо въ ту жь пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ, а де чалъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бжать.» И меня прости, владыко святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашель, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа то ходять прытко добръ въ животь, какъ есть у живого, да и мнѣ прійде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавить; а насъ, только я да священникъ тотъ, которой Псалтырь говоритъ; и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю и деть, чего бояться? да руку его хочу покинуть, а самъ смотрю на лицо его, и онъ безвѣрно пухнетъ: борода то вся сжалась, а лицо розно пухнетъ; да въ ту жь пору какъ есть треснуло такъ то у него во устѣхъ, неждотъ треснулъ, да и уста тѣ стало лоротить при мнѣ розно, а неждотъ пошелъ изо устѣ и изъ ноздрей кровь живая; и я досталъ испужался, да поостоялся, такъ мнѣ полегчело отъ страху, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку ту его съ молитвою взялъ; да и духъ почелъ великой быть; а жена и сестры отнюдь не испужались, а близко блюлись подойти: безвѣрно, владыко святой, страшень въ лицѣ томъ сталъ, лицу тому у него свѣта единымъ часомъ dospѣлось; и я оставилъ сидѣть и ночевать Чудовскаго келаря Феодосія. И пришелъ келарь Чудовской въ полночь противъ суботы и почелъ мнѣ говорить:

«нежду де добръ много и деть,» и меня прости, владыко святыи, вельмъ тайно ешу одному да отцу его духовному, Знаменскому игумену, повертеть въ ногахъ, и шель нежду во всю ночь, течя подь, мы чаяли, что и не престанеть; сталъ съ Казанскыи митрополитомъ тужить, и Содѣтель нашъ и Творецъ свыше насъ двлаеть: какъ часы отдали денные въ субботу въ великую, а у него и престалъ итить нежду; такъ мы по ранѣ обьдню ту, положась на волю Божию, для того и вельмъ въ пятюмъ часу дни благовѣстить, блюлись того: человекъ сырой, а се не вылежалъ ни выбулды, блюлись долго не хоронить; и такъ безпрестави и въ головахъ и въ ногахъ ладонюмъ окуривали, горшки стояли съ ладонюмъ, ниъ и такъ духотъ слышетъ не такъ что по всей церкви, а сзженехъ въ двухъ слышетъ; ладонъ столбюмъ и деть, а духу того не задушить. А погребли въ одиннадцатюмъ часу дни, отслужи съ нимъ обьдню, и по ззамбоннѣи молитвѣ вынесли и погребеніе совершили; а онъ стоялъ покрытъ весь, толко шапка одна наружѣ была не покрыта, да рука вынета изъ подь покрова для цѣлованія; а цѣловали мы въ шапку да въ руку, а лица отнюдь никоими мѣрами велзя было открыть; ведомо, владыко святыи, тѣло перстно есть, да мы малодушнии тотчасъ станемъ осуждать да переговаривать: для того и не открыли лица. Да какъ его государя переложили во гробъ, такъ сталъ Казанской Митрополитъ грамоту разрѣшательную говорить, а какова грамота, и съ нее списокъ подь симъ столбюмъ подкльбень:

«Во имя Святыи и Живоначальныи Троицы Отца и Сына и Святого Духа. Се азъ, смиренныи Корнилией Митрополитъ, молясь Тебъ Христу моему Владыцѣ, прощаю и разрѣшаю именемъ Твоимъ сего Твоего раба, святыишаго Юсифа, Патріарха Московского и всеа Русіи, подражая божественныхъ твоихъ устъ слову къ святымъ Твоимъ ученикомъ и Апостоломъ, глаголющему: аще согрѣпають предъ всеми человекы семьдесятъ седмерицею, прощайте ихъ; и пакы: его же бо аще свяжете на земли, будетъ связанъ на небесѣхъ, и его же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ. По Божиимъ же Твоимъ, Владыко, и неизреченнымъ судбамъ, сподобявыи мене въ превеликіи той часъ человекская

согрѣшенія прощати и разрѣшати, и азъ смиренный Корнилий Митрополитъ. именемъ Твоимъ, Владыко Христе, благословляю и разрѣшаю и простилъ есмь сего Твоего раба, святѣйшаго Юсефа, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, отъ всѣхъ содѣянныхъ имъ согрѣшеніихъ, елика бо той Тебѣ согрѣши волею и неволею, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ; понеже бо, Владыко Христосъ всѣхъ Царю, пришелъ еси грѣшныхъ спасти и безъотвѣтныхъ, и токмо Ты единъ еси безъ грѣха, а человекъ нѣсть иже живъ бывъ къ тебѣ не согрѣши; но молю Твое, Владыко, великое человеколюбіе, яко да въ пріидушій великій день страшнаго и неизмолимаго Твоего суда, десныя части твое, о немъ же молю Твое милосердіе, раба Твоего, святѣйшаго Юсефа, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, не отлучи, и небеснаго Твоего царствія наслѣдіе ему даруй, со всѣми иже отъ вѣка благоугодившими. Аминь.

А прочетчи, положилъ въ правую руку, а въ лѣвую синсокъ рукописаніе его лѣтъ, и положи благословилъ рукою да поцѣловалъ въ руку; и мы, владыко святый, надсѣлися плачучи, кого кто благословляетъ, сынъ разрѣшаетъ отца и благословляетъ, и въ ту пору плакали всѣ какъ грамоту челъ, а то и досталъ надсѣлся всѣ плачучи отца нашего какъ такъ изволилъ взять; а мнѣ первому грѣшному и мерскому которой мука не ждетъ? ей, всѣ ожидаютъ меня за злые дѣла, и достоинъ околанный тѣмъ мукамъ за своя согрѣшенія; а бояре и власти то жъ всѣ говорили промежу себя; не было такого человека, которой не плакалъ на него смотря: потому вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежатъ, а се къ тѣмъ великимъ днямъ стало. А отецъ, духовный тое жъ разрѣшительную молитву говорилъ тайно подшедчи къ нему, прежь спусканія въ землю, какъ начали канонъ на погребеніе пѣть. Да такой грѣхъ, владыко святый, погребли безъ звону: всѣ позабыли въ страсть; я вспоминалъ какъ почали поклоны класть за него, такъ я велѣлъ звонить послѣ погребенія доколѣ мы всѣ поклоны клали, а вту пору звонили, а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали. А какъ я отъ него пошелъ отъ живого въ четвергъ, и послѣ меня, сказывали мнѣ Резанской архіепископъ съ товарищи, двояды де недугъ ималъ патріарха безъ тебя страшнымъ обычаемъ,

да послѣ де того сжался съ двжды прытко да и отшелъ ко Господу Богу. А какъ, владыко святыи, масломъ его свѣта соборовали, и какъ отецъ его духовной прощенія сталъ за него говорить ко всѣмъ властемъ болшее и рукоположеніе поминалъ, и онъ свѣтъ глядитъ на нихъ, а не говоритъ: то-то слезно, владыко святыи! и проговоря поклонился въ землю, а Казавской митрополитъ и всѣ власти едва возмогли отвѣтъ сотворити; ей, владыко святыи, едва голосамъ ни вскрикнули плачучи, какъ живъ смотритъ, а отвѣта не творитъ; всѣ люди около его стряпаютъ; меня прости, владыко святыи, надѣлся плачучи на него свѣта смотря, а свои грѣхи воспоминаючи; и которые отъ бляжнихъ были со мною, всѣ перервались плачучи, а всѣхъ пуця Трубецкой, да князь Михайло Одзевской, да Михайло Ртищевъ, да Василей Бутурлинъ плакали по немъ государь, что какъ Богъ изволилъ скорымъ обычаемъ взять, я свои грѣхи воспоминаючи. Да сказывалъ мнѣ Василей Бутурлинъ, а ему сказывалъ патріарховъ діакъ Федоръ Тороповъ: мнѣніе де на него государя великое было; то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотять, а будетъ де и не отставятъ, и я де и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ нити, какъ отставятъ, безпрестани то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего; а у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видить, ей ни на умъ того не бывало и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыко святыи, хотя бы и еретичества держался, и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собору? чаю, владыко святыи, аще и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, едино то жъ речеши, что отнюдь того не бывало, что его свѣта отставить или ссадить съ безчестіемъ; ты сему цмышленію нашему свидѣтель, и не токмо великій Архіерею и служебникъ Божій, свидѣтель и странный братъ нашъ Василей, чаю и онъ то жъ речеть, что отнюдь въ цмышленіи нашемъ того не бывало у насъ.

«А келейныя казны у него государя осталось 13,400 рублей слишкомъ; а судовъ серебряныхъ, блюдь, и сковородокъ, и кубковъ, и стопъ, и торелей много хорошихъ; а переписывалъ я самъ келейную казну такъ: которые суды ималъ изъ домовой казны, тѣ всѣ опять отдалъ въ казну; а

которые князь Юрьевскіе суды, а деньги платилъ онъ келейные, и я тѣ суды отдавалъ въ домовую казну которые пригодились, да деньги взялъ по оцѣнкѣ, я и давалъ по немъ же государь. Да такихъ судовъ нашлись 30 и большіе, что ни въ какихъ книгахъ ихъ нѣтъ, ни въ росписяхъ; а и прежь упомянутые суды по маленькимъ памяткамъ сыскивалъ я самъ, съ нолторы недѣли ежедень я самъ ходилъ; а то кобы я самъ не ходилъ да велѣлъ переписывать по прежнему, и меня прости, владыко святой, мню, что и половины бы не по чему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бѣ раскрали; рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки; самъ онъ государь въдалъ наизусть, отнюдь ни келейникъ ни который ничего судовъ тѣхъ не въдалъ; а какое, владыко святой, къ нимъ строеніе было у него государя, въ умъ мнѣ грѣшному не вмѣстится: не было того судна, что бѣ не въпятеро оберчено бумагою или киндикомъ; а князь Юрьевская Шулешева рухлядь достальная, которая лежала у него свѣта въ черлакѣ, пищади и сабли, и тѣ всѣ смазаны, отнюдь никакой ржавки нѣтъ; а на судахъ тѣхъ отнюдь никакого порошечка нѣтъ, не токмо пыли. А которые его государевы камки и бархаты, и дороги и тафты келейные, 12 бархатовъ черныхъ было, и проданы на сторону, потому что худы добры, а что продано въ домовую казну и на сторону и что князь Юрьевскихъ продано, и тому всему роспись перечневая, а имянной не успѣлъ написать: ей, ей, и то насилу успѣлъ написать; а сія роспись подклѣена подъ снѣмъ столбцомъ.

«Роспись блаженные памяти великого господина святѣйшаго Юсифа, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, келейной казнѣ, что осталось послѣ его преставленія. На лицо денегъ 13,500 рублей, да келейной рухляди продано на 3,238 рублей на 24 алтына на полшесты денги; и обоего съ наличнымъ десягамъ на 16,438 рублей 24 алтына полшесты денги. Изъ того числа въ расходъ: Срѣтенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ 2000 рублей; окопничему Михайлу Алексѣевичу Ртищеву на окупъ съ правжей и роздать бѣднымъ людямъ 1000 рублей; въ тюрьму и въ Черную Палату, и на Бархатный Дворъ, и въ Стрѣлецкой Приказъ на милостыню 100 рублей; въ Троицкой Сергіевъ мона-

стырь 300 рублей; въ Московскіе монастыри на милостыню 500 рублей; Патріарха двора всякихъ чиновъ людейъ раздавалъ самъ Государь, которые были на Москвѣ, а достальныиъ раздавалъ Казанской Митрополитъ, которые изъ деревень послѣ его преставленія съѣхались, а роздано 2000 рублей; патріаршу духовнику Знаменскому игумену 100 рублей; Андроньевскому архимандриту на вседневную службу и на вѣчной поминъ 100 рублей; патріаршу племянни на милостыню 600 рублей; патріаршу жъ племяннику Степану Писеву 200 рублей; Корнилію, Митрополиту Казанскому и Свияжскому, на окупъ церковныхъ мѣстъ 2000 рублей, а окуплено 15 престоловъ; ему жъ Митрополиту на вседневную службу по предѣломъ 864 рубли; поселскимъ старцомъ и патріаршимъ служивымъ дѣтемъ боярскимъ, что роздалъ Казанской Митрополитъ, 1200 рублей; на монастырскіе и церковныя строенья, и на милостыню, и на окупъ съ правѣжу, 1976 рублей 26 алтынъ 4 денги; да по государеву указу и по докладнымъ выпискамъ и по подписнымъ челобитнымъ, дать изъ келейной казны на монастырскіе и церковныя строенья, и въ Володимерь и въ Украинныя горды на сорокоусты и на милостыню 2159 рублей 10 алтынъ. И всего въ расходъ 15,200 рублей 3 алтына 2 денги. А за тѣмъ въ остаткѣ будетъ 1337 рублей 21 алтынъ полчетверты денги; а тѣ денги указалъ Государь оставить на кануны и на окупъ бѣднымъ.

«Да вѣтъ на меня пуще было: все смѣшано вмѣстѣ, и его святителское и князь Юрьевское, и брата его родного животы, Володимерского протоцопа, тутъ же, на великую ослу розобралъ, ей, ей себя надсадилъ, а записки ничему нѣтъ, да не токмо изустной памяти, ни приказу ни какого нѣтъ, не токмо мнѣ, ни отецъ его духовной свѣтовъ не слыхалъ приказу никакого. А въ домовою казнѣ денегъ 15.000, и куплено изъ келейной на 3.286 рублей 29 алтынъ, а въ остаткѣ 11.713 рублей 4 алтына 2 денги; а опрѣчь денегъ не переписывано ничего: велю переписывать князь Ѳеодору Семеновичу Куракицу, да князь Ивану Ивановичу Ромодановскому, да боярину патріархову Василью Ѳеодоровичу Линову и дѣлкомъ, отдѣлавши келейную казну. А со мною у келейныя казны были бояринъ Василей Васильевичъ Бутурлинъ, да

думной дворянинъ Федоръ Кузничъ Елизаровъ, да думной дьякъ Михайло Волошениновъ; да чаю, владыко святой, кельйную казну въ четыредесятницу всю роздамъ. А денги онъ государь копилъ, толко которые камки и отласы и всякіе дары, и мов и ваши свѣтительскіе и всякіе приносные, немного держалъ у себя, со сто влв съ двѣсти аршинъ, а то все отдавалъ въ домовую казну, да денги по оцѣнкѣ за всякой аршинъ ималъ въ келью, да на тѣ денги хотѣлъ себе купить вотчину и дать по себѣ въ соборъ, и передъ смертью дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ; а я купить безъ его именного приказу не смѣлъ, роздалъ болшую половину бѣдныиъ прямимъ на окупъ, которымъ вѣвѣкъ окупиться нечимъ, да въ монастыри бѣдные, и досталніе туды жъ пойдуть. Да и въ томъ меня, владыко святой, прости: немного и я не искусился нивимъ судамъ, да милостию Божіею воздержался и вашими молятвами святыми; ей, ей, владыко святой, ни маленькому ничему неточенъ; было бы, владыко святой, и меня столко, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а денги мнѣ платитъ себѣ жъ? а топерѣ немѣрно радъ, что ничему неточенъ, ни патріарховыхъ, ни князь Юрьевскихъ животовъ; ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василій съ товарищи, и мнѣ не далъ купить, толко лише продалъ я Василю на двадцать на семь рублевъ, и то изъ мѣлочи князь Юрьевскихъ, а болши того огнюдь ничего не далъ купить, а и то далъ купить, что никто не купилъ; а я для того себѣ не купилъ, что милостию Божіею и отца своего благословеніемъ всего много, и того не изжить. Да я жъ, владыко святой, далъ по немъ по государѣ Василю Янову отласъ да братину, а цѣна шестнадцать рублевъ; да толко одному Василю лишнее далъ, а діаконъ далъ по братиночкѣ да по камочкѣ, а цѣна по 10 рублевъ; казначею, и ризничему, и діаконъ пѣвчимъ, и дѣтемъ боярскимъ, и пѣвчиму, и поддьякону, и поддьякомъ, и старцомъ, которые у него во дворѣ, и поваромъ, и хлѣбникомъ, и конюхомъ, и по селамъ всякимъ людямъ, которые были на жалованъ, и водовозомъ, всѣмъ давалъ изъ своихъ рукъ по десяти рублевъ, и последнему то жъ далъ; а собиралъ ихъ въ крестовую его патріархову и говорилъ мнѣ я со слезами,

чтобъ поминали а не роптали, а я тепере вамъ даю милостыню а не жалованье по окладомъ, потому и милостыня нарицается, что всемъ равна, какова первыиъ такова и послѣднимъ; и они все плакали и благодарили; и говорилъ имъ я, чтобъ поклонцовъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили; а не слушасте моихъ словъ, отъ роптанія не уймется, ему святителю ничего не сдѣлаете, токмо душамъ своимъ сотворите вѣчную погибель; да и то я имъ говорилъ, владыко святыиъ: «естъ ли въ васъ такой, кто бѣ раба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ, иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбить и напрасно бьютъ; а онъ великий святитель, отецъ нашъ, аще кого и по напраснству оскорбилъ, ино мочно и потерпѣтъ; да ужъ что ни было, тако тепере пора всякую злобу покинуть, да молити и поминайте съ радостію его свѣта, елико сила можетъ;» а не дать было имъ и не потѣшить денгами тѣми, которыми я далъ имъ по десяти рублевъ, роптанію большому было быть, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ свѣтъ у нихъ жалованья гораздо много убавилъ. А досталнимъ и помѣстнымъ и которые были въ деревняхъ, и тѣмъ давалъ то жъ по 10 рублевъ Казанской Митрополитъ и говорилъ имъ то жъ, что я; а съхались они поздно, въ Мавъ мѣсяцъ въ 25 числѣ, а я давалъ тѣмъ на Оуминъ недѣли, которые въ ту пору были; и ни по которомъ Патріархъ такой милостыни имъ не бывало, и по Филаретъ дано человѣку по 4 рубля, а инымъ и менши. Да я жъ теперъ одинъ строю и Резанского Моисея Архіепископа душу, а всего засталъ денегъ восемь сотъ рублевъ слишкомъ, да судовъ серебряныхъ рублевъ ста на цолгора. Да буди тебѣ великому святителю вѣдомо: грядеть къ намъ въ царствующій градъ нашъ Москву судья вселенскій и Александровскій Патріархъ, въ Молдавскую землю прѣѣхалъ, а въ Путимль ожидаютъ къ вознесееньеву дню, а къ Москвѣ чають къ Петрову дни. Да еще буди тебѣ вѣдомо, владыко святыиъ: Казанского благословилъ отецъ нашъ на страстной недѣли во вторникъ, да и мы пожаловали вельми по прежнему въ саку служить, а воздѣли на него сакъ на свѣтлое воскресенье. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: во Дворецъ посадилъ Василіа Бутурлина Марта въ 17 день; а князь Алексѣй билъ челомъ объ оставкѣ, и я его отставилъ, а нынѣ

добръ болѣнъ; а слово мое нынѣ во Дворцѣ добрѣ страшно и двлается безъ замотчанья. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: Костьку, конюхова челоувка Тимошкина, отдали мнѣ изъ Свѣй, везеть его ко мнѣ Енакльчъ, а и Тимошку велѣла королева изымать, послали по всѣмъ своимъ городомъ заказъ крѣпкой подѣ смертью, и хотять отъдать. Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановыхъ грамотокъ Хованского, что будто онъ пропасть, а пропасть свою пишеть, что будто ты его заставляешь съ собою правила ежедень; да и у насъ першептывали на меня: николи де такого безчестья не было, что нынѣ Государь насъ выдалъ Митрополитомъ; и потомъ и я тебя, владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставляй у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра, премудрѣ будетъ, а безумному мозоліе ему есть; да будетъ и изволишь ему говорить, и ты, владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали, а я къ тебѣ, владыко святый, пишу духовную; а добро бы пожаловать послушать, не токмо ему про то говорить, чтобъ и къ правилу не ималь; да здѣсь бы передо мною вы съ очей на очи перевѣдались. Да Василей Отлеуъ пишеть къ друзьямъ своимъ: лутчи бы де намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ князь Ивановъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ Новгородскимъ Митрополитомъ, какъ де такъ что силою заставляеть говѣть, никого де силою не заставить Богу вѣровать. И тебѣ бѣ, владыко святый, пожаловать сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ, ее пожаловать тебѣ великому господину прочеть самому, не погнушаться мною грѣшнымъ и моимъ рукописаніемъ непутнымъ и несогласнымъ; да пожаловать бы тебѣ свѣту моему велѣть да и брату нашему Василью Босому прочеть сію грамоту и списокъ сей. Да послалъ я къ тебѣ великому святителю особную грамоту; къ тебѣ и къ боярину и къ діаку писано въ ней сиче:

«СПИСОКЪ СЪ ГОСУДАРЕВЫ ГРАМОТЫ.

«Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи богомолцу нашему преосвященному Никону, Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, да боярину нашему князю Ивану Никетичу Хованскому, да діаку Гаврилу Ле-

онтъеву. Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и вселіе служилые люди, которые посланы съ вами, съ тобою богомолцомъ нашимъ и съ тобою бояриномъ нашимъ, по мощи великаго святителя Филиппа Митрополита, въ великій постъ не постились и не съ благочиніемъ вдутъ: и тебѣ бѣ богомолцу нашему одноконечно заставить въ Петровъ мѣсяцъ въ Господинъ посты говѣть; а которые учнутъ послушаться, и тебѣ богомолцу нашему ихъ, по правиломъ святыхъ отецъ, запрещать и разрѣшать, зане жъ отъ Бога на тебя власть та положена, и на всякое благочиніе приводить; а тебѣ боярину нашему отъ всякаго дурна ихъ унимать и велѣть вхаты съ благочиніемъ, а не смѣхотъ, зане жъ и къ намъ, земному Царю, вдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то колыми паче подобаетъ вхаты къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ.»

Для моей археологической и филологической души все это кажется драгоцѣннѣе золота.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ФЕВРАЛЬ, 1837.

==
НОВЫЕ КНИГИ.
==

АЛЕКСАНДРИАДА. Поэма. Сочиненіе Кашкина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ — 8., стр. 99.

Почтенный сочинитель, по нашему мнѣнію, поступилъ очень благоразумно, напечатавши отдѣльно эту поэму, которая была издана въ «Сочиненіяхъ и Переводахъ» его, вмѣстѣ со многими другими, которыхъ слава теперь уже распространилась in toto orbe terrarum, отъ Лапландіи до Даурии, и даже проникла за Великую Стѣну Китайскую. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту минуту говорятъ уже въ Пекинѣ о поэмѣхъ господина Кашкина, потому что Пекинѣ также получаетъ одинъ экземпляръ Б. для Ч. При такой обширной извѣстности его «Сочиненій и Переводовъ», мы говоримъ, онъ очень умно сдѣлалъ, что напечаталъ свою «Александріаду» отдѣльно. Мнѣ напримѣръ, надобна «Александріада», а все другое совершенно не надобно. Чтѣ же мнѣ прикажете дѣлать? купить всѣ «Сочиненія» и «Переводы», и сжечь все, — потому что все прочее мнѣ не надобно, — сжечь все, кромѣ «Александріады», веловко. Выдрать эту поэму — книгопродавцы не дадутъ. И я буду принужденъ оставаться безъ «Александріады»! Вы скажете, что я могу списать ее: но

если мнѣ непременно хочется имѣть печатный экземпляръ? И притомъ, я долженъ пойти кланяться, чтобы мнѣ позволили списать; я долженъ занять книгу. Этого я никогда не сдѣлаю! Я никогда не занимаю книгъ, и вамъ не советую этого дѣлать, потому что это *shauvais genre* и показываетъ тотчасъ человѣка необразованнаго, человѣка съ пошлыми привычками. Такъ какъ мы Русскіе образуемся, просвѣщаемся, и весьма любимъ образовываться, то мы еще должны прибавить къ лучезарному вѣнцу нашей образованности одинъ необходимый лучъ — отвращеніе къ займу книгъ у пріятелей. Просить у кого-нибудь книгу для прочтенія — это такой дурной тонъ, хуже какого вообразить не возможно! Мы должны взять себѣ образцомъ Англичанъ, у которыхъ эта статья хорошаго воспитанія утверждена уже правами и общимъ мнѣніемъ. Тамъ почитается, — и вездѣ должно почитаться, — столько же постыднымъ и унижительнымъ попросить у кого-нибудь книги для прочтенія, какъ и попросить у него фрака или сапоговъ, чтобы въ нихъ съѣздить на балъ, потому что книга та же вещь, часть домашней мебели, и не должна выходить изъ дому; или какъ напрямѣръ попросить его, чтобы онъ купилъ вамъ обѣдъ въ трактиръ. Порядочный человѣкъ, — *джентльменъ*, — а *perfect gentleman*, — платитъ за свой обѣдъ и платитъ за свою книгу, и дѣло съ концомъ. Порядочный человѣкъ краснѣетъ при одной мысли — кланяться кому бы то ни было за свою пищу, — за обѣдъ, пищу для желудка, или за книгу, пищу для головы, всё равно. Въ годовомъ бюджетѣ порядочнаго человѣка должны стоять рядомъ статьи — поварь, погребщикъ, книгопродавецъ, прачка. И вы тоже, когда будете составлять снѣгу своимъ годовымъ расходамъ, советую вамъ, пишите всегда —

На свѣчи	столько-то	0,000.
На мыло	— —	000.
На дрова	— —	0,000.
На книги	— —	0,000.

и прочая.

Такъ какъ Г. Кашкинъ напечаталъ теперь свою «Александріяду» отдѣльно, то чтобы показать себя истинно порядочными людьми, — *perfect gentlemen*, — идите сейчасъ и купите

себя «Александряду», если она вамъ нужна. Что касается до меня, то я куплю себя другую книгу. На что мнѣ поэмы Г. Кашкина!

стихотворенія молодого Черкеса. *Москва, въ тип. Университетской, 1837 года, въ — 8., стр. 20.*

Мы того мнѣнія, что это Русской прикинулся Черкесомъ. Черкесы живутъ на высокихъ горахъ, а это стихи плоскіе, — очевидно, писанные на равнинѣ, въ низменныхъ мѣстахъ. Мнѣ никакъ не вѣрится, чтобы Черкесъ могъ писать водяные стихи; онъ скорѣе написалъ бы стихи каменные. Но ежели въ самомъ дѣлѣ эти стихотворенія писалъ Черкесъ, то видно страсть писать вялые и плаксивые стихи взобралась уже за облака, — на самыя высокія вершины Кавказа, — и наступастъ конецъ свѣта. Подумайте, что уже за облаками пишутъ стихи съ мечтами о быломъ, съ возгласами къ морю, къ лунѣ, къ лѣсу, къ ручью, и къ прочему! Но, впрочемъ, это, можетъ-быть, будетъ намъ полезнѣе стихотворныхъ мечтаній нашихъ земляковъ: если Черкесы пріймутся за стихи, и особенно за мечтанія о лунѣ, они забудутъ тогда свои шашки, свои набѣги, и, можетъ-быть, въ первый разъ отъ сотворенія плохихъ стиховъ, плохіе стихи на что-нибудь пригодятся. Конечно, жителямъ равнинъ будетъ не очень весело: вообразите только, когда Черкесы сдѣлаются поэтами, страшный стихотворный набѣгъ съ горъ на низменныя мѣста! Съ вершинъ Кавказа спускается ночью многочисленная толпа страшныхъ вооруженныхъ всадниковъ, Горцы съ визгомъ и крикомъ разсыпаются по равнинѣ, нападаютъ на села, проникаютъ въ дома, будятъ мирныхъ жителей, и трепещущимъ со страху Татарамъ читаютъ свои Русскіе стихи о быломъ, о грядущемъ, о лунѣ, о ручьяхъ, объ ней, и о прочемъ. Этотъ новый родъ ужаса тоже весьма ужасенъ, но гораздо менѣе нежели прежніе Черкесскіе разбои: надобно полагать, что жители Кавказскихъ областей скоро съ нимъ свыкнутся, и увидятъ, что тутъ другой опасности нѣтъ, кромѣ опасности разорвать себя ротъ, звавъ мастехъ отъ скуки.

стихотворенія Михаила Меркли. *Москва, въ тип. Курилова, 1837, въ-12., стр. 117.*

Вот какія это стихотворенія :

Первая выдержка.

« Небесъ гармонія святая
Тысячится въ пламенную грудь !
О, если бь могъ я, замирая,
Въ аккордагъ полныхъ утокутъ !
И миръ всѣхъ думъ моихъ прекрасныхъ
Облечь поэзіей святой,
И въ хоръ звуковъ сладострастныхъ
Развиться томною, струей !? ? »

Вторая выдержка.

« Блаженства огнь, безбрежность счастья
Восторгъ любви теперь узнала я,
Когда сейчасъ, въ порывъ сладострастья,
Къ его груди прильнула грудь моя. »

Третья выдержка.

« Вчера разгульно пировали
Друзья, съ отвагой молодой,
И горе жизни забывали
За шумной чашей пуншовой.
« А я сидѣлъ, утрюмый, мрачный,
Пировъ мнѣ грохотъ опостылъ,
И дымъ летающій табачный
Уныло взорами слѣдилъ. »

Четвертая выдержка.

« Онъ пролетѣлъ, мигъ упоеній,
Я радость тихую забылъ ;
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрылъ. »

Пятая выдержка.

« Люблю я и вѣрю — въ душу молодой
Опять вдохновенье пыластъ !
Я счастливъ, я счастливъ, и сладкой слесой
Опять взоръ мой тамный сверкаетъ ! »

рогвѣда. Романтическая поэма. Сочиненіе Ивана
Алякринскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1837, съ-8.,
стр. 156.

Неумѣренная щедрость иногда тягостнѣе скупости. Г.
Алякринскій именно грѣшитъ тѣмъ, что онъ неумѣренно
щедръ. Полагая круглымъ счетомъ по тридцати стиховъ на

страницъ, и также круглымъ счетомъ сто пятьдесятъ страницъ, выходитъ 4,500 стиховъ. Размѣръ трагедій полагается обыкновенно по триста стиховъ въ актѣ, всего 1,500. Следовательно Г. Алякринскій могъ бы, — и мы даже советуемъ, — разбить эту трагедію на три трагедіи. Русская литература выиграетъ много: вмѣсто одной лишней трагедіи, у ней будетъ три лишнихъ трагедіи. Теперь только читатели въ выитрышъ, потому что они скажутъ — *Къ чему гибель сія бысть?*, и не станутъ читать поэмы въ четыре тысячи пять сотъ стиховъ. Грѣшные люди! мы первые воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы не читать трагедіи Г. Алякринскаго, хоть намъ попадались, пока мы вертели въ рукахъ его «Рогнеду», очень милые стишки. Вотъ, напримѣръ, разсказъ Русскаго Мужичка, урожденца Муромскаго, — разсказъ, который, кажется, должно читать *allegro crescendo*:

«Какъ быстро пролетѣло время

Безпечной юности моей!

Я скоро на груди своей

Почувствовалъ несчастій *бремень*,

И скоро закипѣла *кровь*,

И сердцемъ заиграли страсти!

Причиной всѣхъ моихъ несчастій

Была жестокая *любовь*.

Въ долину, межъ двумя горами,

За *мракомъ* Муромскихъ *лѣсовъ*,

Гдѣ свѣтлая Ока *волнами*

Питааетъ *мягкій шелкъ луговъ*,

Тамъ, гдѣ въ нее потокъ *игривый*

Всечетъ *холодные струи*,

Тамъ хижина, *тамъ* *темны рвы*,

Тамъ, *тамъ* *всѣ радости мои!*

Ахъ! сладко вспоминать *былое*.

Тамъ я родился, *тамъ* *расцвѣлъ*;

Тамъ, *тамъ*, на небо голубое

Впервые *взоры* я *возвелъ*,

И *тамъ-тамъ-тамъ* впервые *прижимался*

Я къ сердцу *матери* *моей*,

Тамъ-тамъ-тамъ я *любилъ*, *тамъ-тамъ-тамъ* *наслаждался*.

Тамъ тамъ тамъ тамъ тамъ!

Тамъ тамъ тамъ!

Тамъ!

НЕИСТОВЫЙ ОРЛАНДЪ, Л. Аріоста. *Переводъ Ранча. Часть третья. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1837, въ-16. стр. 267.*

Незлопамятная публка совсѣмъ было позабыла, что Г. Ранчъ перевелъ и издалъ «Десять пѣсенъ» Орланда Аріостова. Это было ужъ такъ давно, что каждый, боясь Русской поговорки — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, рѣшился не напоминать почтенному переводчику объ его Орландѣ. Надобно же Г. Ранчу самому напоминать, издавать, печатать, объявлять старое! Чтѣ касается прямо и непосредственно до этого крошечнаго переводца, гдѣ Аріостовъ огонь превращается въ воду и широкая поэма укладывается въ альманачный форматъ, то въ изданномъ нынче томѣ, — виноваты, томикъ, — находится пять пѣсенъ, въ которыхъ 500 строфъ, а въ каждой строфѣ по 12 стишковъ, и того 6,000 стишковъ. Мы говоримъ «стишковъ», потому, что стихами называть стихи Г. Ранча не годится. Вы знаете, что Г. Ранчъ перевелъ «Освобожденный Іерусалимъ», и теперь переводить «Неистоваго Орланда» развѣромъ балладъ Жуковского. Вотъ образчикъ :

*«Какъ съра предъ огнемъ, не могъ
Онъ устоять средъ съчи
Предъ грознымъ, и безъ жизни легъ
Разсѣченный (?!) по плечи.
Еще ударъ, и Спинолегъ
Съ Проводомъ и Ольдродомъ
И молодымъ Апсельмомъ легъ
Предъ Родомовтомъ рядомъ.»*

Пріѣзжіе изъ Москвы утверждаютъ, что послѣ «Орланда» Г. Ранчъ хочетъ печатать такой же переводъ, въ такомъ же крошечномъ форматѣ и такимъ же мелкимъ шрифтомъ, La divina comedia, Данте, потомъ «Похищенное ведро», Тамони, потомъ «Влюбленнаго Орланда», потомъ «Рикардета», потомъ еще чтѣ-го изъ Итальянскихъ поэтовъ; все это составить множество крошечекъ подъ общимъ заглавіемъ — «Библиотека Итальянскихъ эпическихъ стихотворцевъ, переводъ Ранча.» При полномъ изданіи приложена будетъ зрительная трубочка, для отысканія красотъ перевода. .

Что касается до эпиграфа, то всѣмъ извѣстно со времени появленія перевода «Освобожденнаго Іерусалима», что Г. Рянчъ избралъ лозунгомъ для всѣхъ своихъ стиховъ слѣдующее двустишіе :

«Я самъ прочту, друзья прочтуть,
А тамъ — пусть умиряють!»

МАСКАРАДЪ. *Подарокъ прекрасному полу на 1837 годъ. СП.-бургъ, въ тип. Гшце, въ-16., стр. 8.*

Восемь картинокъ, гдѣ изображены маскарадныя женскіе костюмы, и къ каждому приставлены похвальные стишки.

ЕВГЕНІЯ. *Отрывокъ изъ жизни. Москва. въ тип. Смирнова, 1837, въ-12., стр. 132.*

Отрывокъ изъ жизни! Каковы наши романисты!.... После всякихъ разныхъ отрывковъ, вы имѣете теперь «отрывокъ изъ жизни»! Если бы авторъ лучше зналъ Русскій языкъ, онъ бы сказалъ по-крайней-мѣрѣ — «отрывокъ жизни,» или — «отрывокъ отъ жизни». Какъ бы то ни было, авторъ этой повести оторвалъ отъ чьей-то жизни очень грязный отрывокъ и напечаталъ его, какъ слѣдовало, на очень грязной бумагѣ. Въ Москвѣ живетъ вдова коллежскаго регистратора, госпожа Коморнинова. У нея есть дочь Евгенія, «бойкая, пребойкая, изъ рукъ вонъ бойкая», по словамъ автора. Мать и дочь живутъ на Плющихѣ; къ нимъ вздять Николай Семеновичъ Лицинь, поэтъ, и Александръ Федоровичъ Мельскій, подъячій. Оба влюблены въ Евгенію. Подъячій перебилъ дорогу у поэта. Поэтъ открываетъ подъячюму какую-то тайну. Подъячій приходитъ къ Евгеніи безъ матери, начинаетъ ее ласкать, говорить ей вѣжности, и удовлетворяется, что слова поэта — правда. Онъ ругаетъ, колотитъ Евгенію, дерется, бьется, но тѣмъ и кончитъ. Поэтъ также бьется съ горя, и его садятъ въ домъ сумасшедшихъ. Какой-то старикъ, князь Фольгинъ, беретъ Евгенію подъ свое покровительство, и выстроиваетъ ей на Арбатъ домикъ, гдѣ она живетъ спокойно и счастливо.

ДВА МАСКАРАДА. *Преданіе. Разсказъ В. С. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-12., двѣ части, стр. XXVI и 169 — 176.*

Въ низшихъ слояхъ нашей литературы, тамъ, гдѣ обитають уродливые антиподы вкуса и здраваго смысла, въ стѣрыхъ рядахъ Московскихъ книженокъ, съ нѣкотораго времени замѣтна новостъ, а именно, многіе изъ жителей этого подземнаго царства словесности появляются съ предисловіями, въ которыхъ жестоко нападаютъ на критику и на бароча Брамбеуса, что для нихъ все равно, потому, что они боятся только барона Брамбеуса, а до прочаго имъ дѣла нѣтъ. Иногда брань вставляется въ самый текстъ этихъ книженокъ. Бѣдные люди! они даже не чувствуютъ и не догадываются, что ихъ брань есть лучшая похвала тому, къ кому она относится.

Мы чрезвычайно радуемся этому явленію. Это значитъ, что критика, облекаясь въ фантастическое имя барона Брамбеуса, проникла уже и въ низшіе литературные слои; что она шевелитъ стихіи этого темнаго міра; что бездарность, страсть марать бумагу, книжное ремесленничество, осѣдающія на дно словесности, портящія умъ и вкусъ многочисленнаго класса Русскихъ читателей, что все это встрѣчаютъ отраженіе и сопротивленіе со стороны читателей. Вотъ почему и вскопшылся низшій слой нашей литературы: онъ съ горестью видитъ, что уже и Г. Логиновъ отказывается покупать его рукописи, оттого что у бородатыхъ его *офенцовъ* (имя развозчиковъ книжныхъ издѣлій въ Русской землѣ) книги этого рода хуже пошли съ рукъ. Читатели Тотьмы, Алатыря, Арзамаса, указываютъ на Б. для Ч., толкуютъ о критикѣ, и приговариваютъ: — «Нѣтъ, братъ, не надуешь! вонь, посмотри-ка чтѣ говоритъ Брамбеусъ! подымай-ка выше, давай почище, а это, братъ, читай самъ!» Капля по каплѣ пробиваетъ камень; но надобны были не капли, а вся тяжесть Б. для Ч., чтобы пробиться до дна нашего читающаго міра. Если барону Брамбеусу принадлежитъ честь благодѣтельнаго дѣйствія на это литературное дно, мы увѣрены, что онъ всегда съ истинною отрадою въ сердцѣ будетъ слушать возгласы, вопли и ревъ отчаянія *tra la perduta gente* этихъ словесныхъ подземелій, лишь бы привнестъ добро Русскимъ читателямъ. Его утѣшаетъ мысль, что потомство выдвинетъ ему монументъ изъ груды книгъ и книженокъ, раздавленныхъ его исполинскою пятою, и черезъ то лишеннымъ

возможности вредить доброму смыслу и здорому понятію православнаго Русскаго народа. Пусть скажутъ, что Б. для Ч. занимается переборкою созданий, не стоящихъ вниманія; что она ведетъ войну съ сѣрыми привидѣніями книжнаго міра; что и безъ того этого хламу не читаютъ. Нѣтъ, милостивые государи, если бы его не читали, то и не печатали бы: повѣрьте, что твореній Пушкина и Жуковскаго не печатается столько, не продается столько и не читается столько, какъ печатается, продается и читается романовъ, поэмъ, повѣстей, и всего, на что не угодно вамъ взглянуть, что однакожь вы сами покупали бы, если бъ васъ не предостерегала Б. для Ч., что находить себѣ въ другомъ мѣстѣ благосклонныхъ похвальщиковъ, и что мы будемъ всегда преслѣдовать неутомимо, не страшась ни кляковъ ожесточенныхъ посредственностей, ни тягости труда. Да! трудъ этотъ нелегокъ — перебирать, пересматривать, клеймить отверженіемъ, всю эту смѣсь литературныхъ насѣкомыхъ, откуривать отъ васъ рои этихъ книжныхъ мошекъ, комаровъ и слѣпней! Мы сами дивимся, откуда у насъ на это берется терпѣніе! Видно, Богъ помогаетъ доброму дѣлу и доброму намѣренію.

Попробуйте, хоть для опыта, прочитайте вотъ эту книжечку «Два маскарада», о которой мы собираемся сказать нѣсколько предостерегательныхъ словъ, этотъ рассказъ сердитаго господина В. С. Выслушайте содержаніе:

Начинается тѣмъ, что въ Москву изъ-за границы пріѣзжаютъ графъ *Тоновъ*, и другъ его, Рейскій, молодые, прекрасные, воспитанные люди. Тоновъ богачъ; Рейскій сирота, совоспитанникъ Тонскаго. Всѣ Московскія дѣвушки въ восторгѣ отъ двухъ друзей.

Тогда же приходятъ изъ Франціи *палачъ* Варнеръ, и *капторжннй* Луиджи, голодные, оборванные, и опредѣляются въ Москвѣ въ учителя.

Въ Москвѣ есть дѣвушка, Софія Павловна Фольгина, племянница Транжириной, страшной мотовки и сплетницы старухи. Тонскій и Рейскій влюбляются въ *Фольгину*: замѣтьте, что въ предыдущей повѣсти, былъ *графъ* Фольгинъ, а въ этой является *графиня* Фольгина. Она влюбляется въ Рейскаго, объясняется, цѣлуется съ нимъ, пишетъ къ нему записки. Тонскій сватается за Фольгину: она влюбляется и

въ него, объясняется, цѣлуется, пишетъ записки къ нему. Рейскій застаётъ друга и подругу вмѣстѣ. Онъ вздумалъ сердиться. Фольгина отпускаетъ его съ носомъ; Рейскій хочетъ драться съ Тонскимъ и отрубить ему носъ; тотъ призываетъ квартальнаго. Рейскій бѣсится; тотъ его выталкиваетъ.

Съ горя, Рейскій идетъ въ трактиръ и нарывается елживъ. Тутъ его встрѣчаютъ Варнеръ и Лунджи: благовоспитанный юноша дружится съ ними.

Вотъ къ Тонскому является Варнеръ, и говоритъ, что у него есть дочь, Француженка и красавица. Тонскій идетъ поглядѣть ее, и видитъ Рейскаго. Тонскаго рѣжутъ, одѣваютъ въ халатъ, закрываютъ маскою и везутъ въ маскарадъ, гдѣ ждала его Фольгина. Нарочно производятъ тутъ крикъ, шумъ, оставляютъ Тонскаго, увозятъ Фольгину, убиваютъ ее, и послѣ такихъ поступковъ, оправдывающихъ умъ, сердце и прекрасное воспитаніе Рейскаго, онъ скачетъ изъ Москвы. На станціи его разбиваютъ лошади, несутъ въ рѣку и топять. Варнеръ и Лунджи попадаютъ въ руки полиціи и открываютъ свои злодѣянія; ихъ судятъ, наказываютъ и отсылаютъ въ Сибирь.

Какъ вамъ это покажется? Не подумайте, чтобы повѣсть, которую мы рассказали, была произведеніе господина Орлова или Кузьмичева: нѣтъ, вы видите, что она издана и написана подъ вліяніемъ глубоко изученныхъ красотъ Бальзака, Сю и Комп.; что это, очевидно, плодъ пера какого-нибудь Московскаго Европейца; и вы навѣрное услышите еще на-дняхъ, какъ ее будутъ хвалить, по-крайней-мѣрѣ общими словами, въ одномъ изъ тѣхъ темныхъ уголковъ Русской словесности, гдѣ вѣчно бранятъ Б. для Ч., — въ *città dolente* нашей литературы.

опыты Т. м. ф. а. *СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1837, вѣ-8. Три части, стр. VII и 347 — 509 — 471.*

Что у Г. Тимофеева есть прелестное дарованіе, въ томъ никто не сомнѣвается, и намъ очень пріятно прибавить, что это дарованіе съ каждымъ днемъ болѣе крѣпится и мужаетъ. Эти «Опыты», изданные прекрасно, и даже съ роскошью, весьма пріятно насъ изумили: мы нашли нѣсколько преми-

ныхъ разсказовъ и повѣстей, совершенно намъ неизвѣстныхъ и въ которыхъ молодой писатель дѣйствовалъ одинъ, безъ руководителей. Будучи въ состояніи сравнивать эти произведенія съ тѣмъ, что дѣйствительно могло называться опытами Г. Тимофеева по части прозы, мы въ правѣ, и должны, засвидѣтельствовать изумительный успѣхъ. Въ весьма миломъ, но немножко шаловливомъ, посвященіи *тремъ злымъ дочкамъ*, молодой авторъ говоритъ —

«Хоть я поэтъ, но честныхъ правилъ;
И если опыты писалъ,
То послѣ многа въ нихъ исправилъ
И еще больше замаралъ.»

Тѣмъ лучше. Правило извѣстно: «не за то васъ будутъ бранить, что вы помараете, но за то, что оставите». Мудрое правило! Продолжайте, Алексѣй Васильевичъ, ити по спасительному пути помарокъ: онъ ведетъ къ прочной славѣ; и литературныя репутаціи никогда бѣ не упадали на свѣтъ, если бы тѣ, которые начали успѣхомъ, умѣли марать. Въ этомъ умѣніи состоитъ вся тайна искусства слова.

Мы исчислили нѣкоторыя изъ повѣстей Г. Тимофеева, напечатанныя въ первый разъ въ этихъ тонахъ весьма почтеннаго вида и объема. «Чернокнижникъ»: предметъ очень занимателенъ; молодой Русской, время Іоанна Грознаго, возвращается изъ-за границы, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ и образовался. Россія была тогда чужда наукамъ: положеніе молодаго человека въ этомъ обществѣ чрезвычайно любопытно, но намъ кажется, что слѣдовало болѣе развить это положеніе; и притомъ выборъ приключеній могъ бы быть обдуманнѣе: отнюдь не удивительно, что молодой человекъ, который подобралъ на дорогѣ нищую дѣвушку и воспитываетъ ее у себя тайно, подаетъ поводъ къ толкамъ: и нынче вездѣ толковали бы о такомъ молодомъ человекѣ; что слуги принимаютъ его за чернокнижника, увидѣвши, какъ онъ ставитъ мертвую голову на головѣ этой дѣвушки: и нынче вездѣ слуги приняли бы его за колдуна; въ Англии, около того же времени слуги сочли сирь *Joseph'a Raleigh'a* чортомъ за то, что онъ, запершись, курилъ сигарку, и народъ чуть не убилъ его. Но это мелочи: повѣсть читается съ удовольствіемъ и любопытствомъ. «Мой де-

монъ» — рассказ довольно странный и милый. «Жизнь мельница» не дурна, но идеи несколько пошловаты. «Кальканю»: модная история, — муж, жена и любовник; и под конец история до того становится страшною, что у сочинителя не достало духу ее окончить. «Сентиментальная женщина»: очень милая маленькая повесть, темъ более что и жена на этотъ разъ добродѣтельна, и муж, не въ привычку другимъ, безрогий и не смѣшонъ. «Путешествіе подъ козынькою»: очень благонамѣренно! «Преступленіе»: опять муж, жена и любовник; къ счастью, не было преступленія, потому что все кончилось свидѣніемъ. И эта повесть тоже довольно мила. Но изъ всѣхъ повѣстей намъ болѣе нравится «Баронъ фонъ Тейфельсбергъ».

Что жъ послѣ этихъ «Опытовъ» увидимъ мы отъ Г. Тимофеева? Авторъ говоритъ въ посвященіи тремъ звездочкамъ:

«Что жъ ожидаетъ насъ? — Какъ знать! —
 Меня быть-можетъ Мельпомена,
 Быть-можетъ нравственный романъ.»

Романъ? Оставьте это, Алексѣй Васильевичъ, до-времени; не пишите романовъ прежде тридцати лѣтъ, потому что для хорошаго романа надо пожить на свѣтъ, узнать людей на опытъ, женщинъ послѣ любви, разсмотрѣть вещи съ обѣихъ сторонъ.

Между стихотвореніями, — главное доселѣ поприще блестящихъ успѣховъ Г. Тимофеева, — есть нѣсколько новыхъ пьесъ.

Библиотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ путешествій, издаваемая Н. Глазуновымъ и Комп. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ-12. Томы четвертый и пятый, стр. 264 — 231.

При изданіяхъ такого рода надобно различать тѣхъ, кто издаетъ, и тѣхъ, кто наполняетъ издаваемое.

Г. Глазуновъ играетъ здѣсь первую роль, и его мы благодаримъ за исправность выдачи томовъ его «Библиотеки», и за стараніе. Четверть обѣщаннаго годоватаго изданія уже выдана. Четыре книги наполнились переводами хорошаго романа. Для двухъ другихъ издатель приобрѣлъ ру-

копией двухъ известныхъ Русскихъ писателей, А. О. Вельмана и В. А. Ушакова. Все это очень хорошо, и даже прекрасно.

Теперь обратимся къ наполняющимъ четвертую и пятую части «Библиотеки романовъ» Г. Глазунова. Въ первой помѣщены «повѣсти» Г. Вельмана, во второй цѣлый романъ Г. Ушакова, подъ названіемъ «Последній изъ князей Корсунскихъ».

Повѣстей Г. Вельмана три, — «Невстовый Орландъ»: ее уже знаютъ наши читатели, потому что она была помѣщена въ ионской книжкѣ Б. для Ч., 1835 года, и теперь является нѣсколько передѣланною; — но къ лучшему ли? — не знаемъ. Другая повѣсть также не новость, — «Эротидя». Она была напечатана въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ. Это что-то въ родѣ записокъ «Дѣвнцы кавалериста», только съ особенною завязкою и развязкою. Третья повѣсть, «Алѣнушка», ввгдѣ и никогда не была напечатана. Намъ кажется, что это одно изъ лучшихъ легкихъ произведеній Г. Вельмана. Будь въ ней побольше связи, мы бы еще больше ее похвалили; но, и такъ, какъ она есть, «Алѣнушка», хоть и сумасшедшая, выкупаетъ собою пятый томъ «Библиотеки романовъ».

Теперь о «Последнемъ изъ князей Корсунскихъ». Признаемся, что мы въ большомъ затрудненіи. Но Г. Ушаковъ давно знаетъ, что, когда дѣло идетъ о нашемъ мнѣніи, мы всегда высказываемъ его напрямикъ, даже тѣмъ, чьи труды такъ часто украшаютъ нашъ журналъ; и, какъ писатель съ талантомъ, онъ не разсердится, если мы скажемъ, что при всемъ нашемъ уваженіи къ прекрасному дарованію и литературной опытности Г. Ушакова, новый его романъ намъ очень не понравился.

Содержаніе романа таково: богачъ, князь Корсунскій, женится на красавицѣ, княгинѣ Дербентской. Онъ и она счастливы, какъ всѣ; любятъ другъ друга, какъ всѣ; живутъ, какъ живутъ всѣ. Медики вдругъ объявляютъ, что для поправленія здоровья княгини, разстроеннаго члмз-то, князю надо съ княгиней на время «разлучиться». Княгиня ѣдетъ въ одну деревню, а князь въ другую. Черезъ мѣсяць онъ спѣшитъ къ ней, и узнаетъ, что княгиня ему не-

вѣрна, и что любовникомъ ея — подлый подьячій, котораго изъ милости князь держалъ при домѣ! Княгиня признается, что причиною ея проступка была небытность супруга! Князь не хочетъ безславить себя «исторіею», и объявляетъ княгинѣ, что дѣло должно остаться въ тайнѣ: наружность не измѣнится, но жена должна быть отнынѣ его женою «только по названію». На этомъ основаніи княгиня плачетъ: она проситъ прошенія; наконецъ соглашается быть титулярною княгинею. Прошло нѣсколько времени, и она объявляетъ князю, что подьячій теперь ея формальный любовникъ, *поелику* она скоро будетъ матерью, хотя душевно его презираетъ. Ужасная сцена! И княгиня бранится, сердится, упрекаетъ князя въ жестокости, за то, что онъ не простилъ ея перваго, минутнаго, заблужденія. Какъ быть князю? Князь молчитъ, признаетъ ея ребенка своимъ сыномъ, и беретъ клягву съ жены, что тайна рожденія дитяти не откроется никому: послѣ чего онъ остается жить съ княгинею по-прежнему. Это взбѣсило княгиню. Она бѣжитъ отъ князя; она уходитъ къ своему подьячему. У нихъ рождаются дѣти. А князь всё молчитъ и воспитываетъ своего приемыша, который дѣлается прелестнымъ молодымъ человѣкомъ и увѣренъ, что онъ законный князь Корсунскій, хотя знаетъ и горестно жалуетъ о развратѣ своей матери. Такова завязка.

Мнимый отецъ не препятствуетъ сыну по-временамъ видѣться съ матерью. Вдругъ изъ города, гдѣ княгиня живетъ съ подьячимъ, получаютъ письмо, въ которомъ она убѣдительно проситъ сына пріѣхать къ ней. Молодой князь ѣдетъ. Мать объявляетъ ему, что Набойкинъ (имя подьячаго) обобралъ ее, бросилъ и хочетъ жениться. Сынъ отправляется — куда бы и зачѣмъ бы, вы думали? — взыскивать съ Набойкина деньги, которыхъ онъ похитилъ у княгини! Набойкинъ запирается. Князь бьетъ его. Побой былъ при свидѣтеляхъ, и изъ него вышло дѣло, жалоба, судъ. Молодаго князя за буйство исключаютъ изъ службы, а Набойкина, при случаѣ, отставляютъ. Тутъ княгиня объявляетъ сыну, что Набойкинъ его отецъ и что онъ ищетъ честь колотить своего предка. Бѣдный молодой человекъ! Онъ ищетъ смерти, и идетъ на войну. Его, согласно собственному желанію, убиваютъ. Князь Корсунскій умираетъ съ печали. Княгиня отъ

стыда увязаетъ за границу, проживаетъ тамъ остальное вѣвнѣе, и, нищая, слѣпая, собирая милостыню, бредеть въ Россію, гдѣ заключается въ монастырь. Набойкинъ, отъ нечего дѣлать въ отставку, начинаетъ пить и умираетъ въ кабакъ. Такова развязка.

Мы согласны, что авторъ имѣлъ цѣль, очень благонамѣренную. Но если похождения каждаго преступника, идущаго въ цѣпяхъ въ Сибирь, служить, и должны служить, ужаснымъ нравоучительнымъ урокомъ для другихъ негодяевъ, значитъ ли это, что они могутъ быть предметомъ романовъ и повѣстей, то есть, средствомъ невиннаго препровожденія времени для честныхъ людей и источникомъ умственнаго наслажденія для непорочной части общества? Кажется, нѣтъ, такъ же какъ тюрьма и острогъ не должны быть сюжетомъ драмы и трагедіи. И притомъ, мы не постигаемъ — какую истину хотѣлъ доказать авторъ? Неужели ту, что доктора ошиблись? Въ такомъ случаѣ, Г. Ушакову слѣдовало написать книгу по-латыни, для докторовъ, и растолковать имъ всю опасность подобной мѣры. Мы не понимаемъ, ни этого страннаго усыновленія подьяческаго отродья; ни еще болѣе страннаго пріѣзда рѣчевнаго отродья къ княгинѣ; ни наконецъ отвратительнаго наказанія Набойкина руксю собственнаго его сына. Если бы это выдумалъ, сочинилъ и написалъ кто-нибудь изъ Московскихъ Европейцевъ, мы даже не пересказывали бы содержанія. Но это написалъ Г. Ушаковъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ романистовъ и который имѣетъ подражателей; но эту книгу мать можетъ дать дочери; но это ударъ изящному вкусу въ нашей словесности: вотъ почему, мы сочли долгомъ войти въ подробнѣйшій разговоръ дѣла, за который тутъ же просимъ прощенія у нашихъ читателей.

Объ эстетическомъ достоинствѣ романа говорить нечего. Какъ-будто нарочно, остроумный и даровитый писатель представляетъ на этотъ разъ такіа подробности лакейскихъ, переднихъ, кабаковъ, и говоритъ такимъ языкомъ, что мы готовы подозрѣвать его въ намѣреніи написать пародію на романы новѣйшей Французской школы. Если такъ, то опъ вполнѣ достигъ своей цѣли. И въ такомъ случаѣ, да будетъ «Последній изъ князей Корсунскихъ» первымъ и последнимъ заблужденіемъ прекраснаго дарованія В. А. Ушакова.

1. новѣйшія повѣсти Нѣмецкихъ писателей. Переводъ съ Нѣмецкаго Е. Г.....ва. СП.-бургъ, 1837, въ тип. Вилгебера, въ-12. Три части, стр. 208 и FI — 201 — 215.

2. ТРОСТЬ ВАЛЬЗАКА. Сочиненіе госпожи Эмилъ-Жирарденъ (Дельфины Ге.) СП.-бургъ, 1837, въ тип. Гуттенберговой, въ-12., стр. 280.

3. КВИНТИЛІЯ, сочиненіе Жорж-Санда. Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1837, въ-12. Двѣ части, стр. 230 — 248.

«Новѣйшія повѣсти Нѣмецкихъ писателей» не совсѣмъ-то «новѣйшія», и не совсѣмъ стоили перевода: ихъ три, двѣ — сочиненіе Блюменгагена, а одна Каролины Пихлеръ. Также и маленькій романъ госпожи Жирарденъ: онъ очень удобно могъ навсегда остаться въ той литературѣ, въ которой родился. Мы уже объ немъ говорили: онъ очень простъ, — легонькая сказочка, бездѣлка. Эпиграфомъ на «Трости Бальзака» избраны даже слова: *Cela n'a pas le sens commun*. Но —

«Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.»

Не надо сбиваться съ толку нелѣпнымъ названіемъ, какое дала своей сказкѣ госпожа Жирарденъ. Ей хотѣлось только затѣвливаго титула, и она назвала «Палкою Бальзака» то, что можно было назвать «Палкою Кузмичева» или «Палкою Агамемнона». Палка, дѣйствительно, играетъ въ ея рассказѣ большую роль, но она могла быть Бальзакова и не Бальзакова. Тутъ дѣло не въ Бальзакѣ, а въ палкѣ: Бальзакъ существуетъ здѣсь для палки, а не палка существуетъ для Бальзака. Что касается до «Квинтилин» весьма замѣчательной повѣсти госпожи Дюдеванъ, или Жоржа Санда, то она, въ гладкомъ Русскомъ переводѣ, поможетъ многимъ пріятно провести вечеръ.

НИКОГДА И ВСЕГДА. Романъ Поль-де-Кока. Москва, 1837, въ тип. Смирнова, въ-12. Четыре части, стр. 133 — 125. — 123 — 105.

Это тотъ самый романъ, который недавно напечатанъ въ Петербургѣ, подъ названіемъ — «Какъ знать, что случится!» Если хотите имѣть изданіе подешевле этой нравоучительной и общепользительной книги, купите ее въ Московскомъ переводѣ. Правда, тутъ подвергнетесь вы опасности не понять, объ чемъ идетъ рѣчь; но тѣмъ лучше. Кто понимаетъ что читаетъ, станетъ ли тотъ читать Поль-де-Кока? Надобно желать, чтобы всѣ его романы являлись на Руси въ такихъ переводахъ, и такъ напечатанными, какъ романъ, теперь вышедшій въ Москвѣ.

1. мельникъ и дочь его, или Полночь на кладбищѣ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, Смирдина и К°, 1836, въ-8., стр. 82.

2. дѣвушка-гусарь. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго Теодоромъ Конн. Сп.-бургъ, въ тип. Вингембера, 1837, въ-8., стр. 80.

3. крестный отецъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненный П. С. Оедоровымъ. Сп.-бургъ, въ тип. Вингембера, 1837, въ-8., стр. 76.

Тѣмъ, кто еще не видалъ этихъ двухъ водевилей на сценѣ, можно сказать, что это два очень милые водевильчика, при игрѣ Дюра, Сосницкаго и Асенковой. Но тѣмъ, кто ихъ видалъ, убедительнѣйше просимъ не думать, чтобы они были такъ же милы въ чтеніи какъ на сценѣ. Куплетцы въ нихъ дубоваты, остроты туповаты, а завязки и развязки пустоваты (подраженіе римскаго проза Алкорана). Особливо всѣ передѣлки Г. Конн жестоко скучноваты, по неодолимой страсти этого любезнаго передѣльвателя къ каламбурамъ. Каламбурить себя, да и только; а между-тѣмъ иной каламбуръ его приходится разгадывать какъ логогрифъ, а инаго и вовсе не разгадаешь. Разумѣется, потеря тутъ не велика, но всё жъ цемножка досадно, что хоть пустого, а не разгадаешь!

«Мельникъ и дочь его» совсѣмъ не похожъ на нашего Аблесимовскаго «Мельника». Это что-то зѣло Нѣмецкое, сан-

тиментальное, въ старомъ плаксивомъ родѣ. Отецъ не отдастъ дочери за любовника, потому что любовникъ бѣднякъ, а онъ мельникъ и отецъ, богатъ. Любовникъ идетъ на кладбище, въ полночь, наканунѣ новаго года. У Нвцовъ есть повѣрье, будто всѣ тѣ, кому на слѣдующій годъ умереть, являютъ тогда на кладбище. Любовникъ на кладбищѣ засыпаетъ, и видитъ свою любовницу и отца ея. Слухъ объ этомъ заставляетъ сперва со страху умереть мельника, потомъ съ горя умереть дочь, потомъ съ тоски умереть любовника, а потомъ со скуки умереть — pardon! заснуть — читателя. Впрочемъ, въ этой драмѣ есть слезы, вздохи, любовь, чувство, въ родѣ Августа Лафонтена, и вообще много жалкаго, жалостнаго и, если угодно, нравоучительнаго. Изъ нея можно вывести разныя истины: отцы-богачи, отдавайте дочерей замужъ за бѣдняковъ, если дочерямъ этого захочется; любовники, не ходите въ полночь передъ новымъ годомъ на кладбище; дѣвушки, не вѣрьте тому что вашимъ любовникамъ мерещится ночью посреди гробницъ; мельники, мелите муку!..... мелите муку и не суйтесь въ драмы. Довольно и этихъ четырехъ истинъ: вѣдь «Мельникъ и дочь его» еще не такой колодець, на днѣ котораго сидятъ всѣ истины, которыя всегда любятъ сидѣть въ колодцахъ.

1. отелло, Венеціанскій Мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира. Переводъ съ Англійскаго, Ив. П-ва. СП.-бургъ, въ тип. Снѣгирева и К°, 1836, въ-8, стр. VI и 213.

2. жизнь за царя. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе барона Розена. Музыка М. П. Глинки. СП.-бургъ, въ тип. Снѣгирева и К°, 1836, въ-8., стр. 73.

3. бронзовый конь. Волшебная опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова Скриба. Музыка Обера. Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Снѣгирева и К°, 1837, въ-8., стр. 96.

4. сватанье. Малороссійская опера, въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Грицка Основьяненка. Харьковъ, въ тип. губернской, 1836, въ-8., стр. 184.

Весьма пріятно видѣть у насъ такіе переводы, каковъ переводъ «Отелло», который лежитъ передъ нами. По всему видно, что переводчикъ изучалъ переводимое сочиненіе, совѣтовался съ комментаріями и глоссаріями, старался пропикнуть настоящій смыслъ cadaго выраженія: такъ на свѣтъ и дѣлаются переводы, которые желаютъ заслужить названіе — литературныхъ. Извѣстно, что «Отелло» писанъ, по Англійски, частію стихами, а частію въ прозѣ. Г. П—овъ переложилъ все это безсмертное твореніе въ прозу, довольно живую и гладкую. Языкъ этой прозы чистъ и пріятенъ. Болѣе нельзя и требовать отъ перевода Шекспировыхъ драмъ, которые переводятся только для представленія на сценѣ: кто хочетъ читать Гомера, Данта, Шекспира, тотъ долженъ читать въ подлинникахъ, потому что ни какой переводъ не можетъ дать объ нихъ настоящаго понятія.

Содержаніе «Бронзоваго коня» извѣстно уже нашимъ читателямъ. Чтѣ касается до перевода, то онъ раздѣляется на двѣ части, на прозу и на стихи. Прозу мы беремъ себѣ, а стихи уступаемъ переводчику изъ благодарности за его прозу. Кажется, учтивѣ насъ и быть нельзя!

Малороссійская опера «Сватанье» писана по-Малороссійски, не по-Русски. Говорятъ, что въ Харьковѣ, гдѣ ее представляютъ, она имѣетъ un succès de vogue; что она тамъ — fait fureur!

«Жизнь за Царя», въ Петербургѣ, имѣетъ тотъ успѣхъ, который всегда будетъ имѣть у Русскихъ предметъ патріотической, родной, и музыка, въ высокой степени національная. Музыка эта весьма примѣчательна въ отношеніи къ Искусству: въ ней есть мѣста прелестныя, которыя уже повторяютъ во всѣхъ гостиныхъ. Говорятъ, что М. П. Гланка намѣренъ воспользоваться Великимъ постомъ, чтобы сдѣлать въ партитурѣ важныя измѣненія, въ которыхъ она дѣйствительно нуждается.

Но правда ли это, что говорятъ, будто музыка была сочинена прежде, а слова подобраны послѣ? Судя по словамъ, они дѣйствительно кажутся музыкаю, переведенною стихами.

О ТВОРЯЩЕЙ СИЛѢ ВЪ ПОЭЗИИ, или о поэтическомъ геніи. Сочиненіе экстра-ординарнаго профессора И. Санкт-

петербургскаго Университета, Александра Никитенко. СПб.-бургъ; въ тип. Смирдина, Глазунова и К°, 1836, въ-8., стр. 41.

Брошюра, очень умно написанная объ одномъ изъ занимательнѣйшихъ вопросовъ въ Искусствѣ, и которую мы советуемъ молодымъ людямъ прочитать со вниманіемъ. Это *disseratio inauguralis*, тема, которую сочинитель съ полнымъ успѣхомъ защищалъ для полученія сана доктора Философіи. Какъ теперь Г. Никитенко — докторъ Философіи, то мы надѣемся, что онъ предоставитъ *сей* плачевной судьбѣ его, потому что уже ни какія усилія человеческія не спасутъ бѣднаго *sego* отъ безславной кончины на поляхъ изыщной Слезесности. Почтенный профессоръ, — надо подать на него доносъ, — почтенный профессоръ самъ много, очень много содѣйствовалъ, советами и ободреніями своими, къ настоящему благополучному перелому въ Русскомъ языкѣ; къ перелому, который возстановилъ права «живаго, естественнаго языка», кореннаго матеріала для всѣхъ производствъ въ художествѣ слова; и между-тѣмъ онъ какъ-будто еще боится *sego* и *сей*. А они, право, не страшны! Это уже доказано опыгомъ.

Арифметика, сочиненія Бурдона, принятая въ Парижскомъ университетѣ. Переводъ съ Французскаго (съ девятаго изданія) В. Ч. Изданіе второе, исправленіе. СПб.-бургъ, въ тип. Греча, 1837, въ-8. Двѣ части, стр. X и 255 — VI и 357.

Весьма пріятно видѣть, что хорошія учебныя книги пользуются у насъ заслуженнымъ успѣхомъ и достигаютъ въ короткое время до втораго изданія. Переводчикъ, какъ утверждаетъ заглавный листъ, исправилъ свой первоначальный трудъ: это еще пріятнѣе; но, по-видимому, его исправленія не относились къ слогу. Позволительно спросить — гдѣ, когда и отъ кого Арифметика получила привилегію говорить такимъ нечесаннымъ языкомъ и оставаться при книжной фразеологіи двадцатыхъ годовъ, когда всѣ прочія науки стараются обдѣлывать свой языкъ въ болѣе изящныя формы и сближаться съ природою, то есть, съ естественнымъ, чистымъ, ненавязнутымъ языкомъ Руси девятнадцатаго вѣка?

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ, историческое и статистическое описаніе *Ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго Монастыря* и другихъ подвѣдомыхъ сей обители монастырей, скитовъ, приходскихъ церквей и подворьевъ, съ присокупленіемъ многихъ Царскихъ, патріаршихъ, и другихъ знаменитыхъ, гражданскихъ и духовныхъ, лицъ, грамматъ, относящихся къ исторіи сего монастыря; составленное трудами Соловецкаго Монастыря архимандрита Досифея. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ — 8. Двѣ части, стр. 446 — 275.

Вотъ трудъ, достойный большой благодарности. Почтенный авторъ собралъ въ своей книгѣ все историческія и жѣстныя подробности о великой Обители, откуда явились въ міръ Филиппъ и Никонъ, гдѣ скончался нашъ безсмертный Аврамій Палицынъ, куда Скопинъ и Пожарскій завѣщали отдать мечи свои; обители, бывшей предметомъ особеннаго благоговѣнія Марѣи Посадницы, Іоанна Грознаго, Петра Великаго. Немного найдется достопамятныхъ лицъ въ Русской исторіи XV вѣка, которыхъ бы имена не упоминались, или не поминались, въ отдаленной обители Святыхъ Зосимы и Савватія. Мы уже обязаны были отцу Досифею открытіемъ жѣста кончины и могилы Палицына. Множество любопытныхъ и неизвѣстныхъ подробностей помѣстилъ онъ теперь въ своей новой книгѣ. Въ первый разъ, напримѣръ, является здѣсь переписка Шведовъ съ Соловецкою обителью, во время смутной и междоусобицы въ Россіи, въ 1612 году. Кроме множества грамматъ и актовъ, приведенныхъ въ текстъ, еще приложено ихъ восемьдесятъ шесть отдѣльно. Большая часть были донынѣ неизвѣстны и имѣють историческую занимательность.

Записки о 1812 году, *Сергѣя Глишки, перваго ратника Московскаго ополченія. Сп.-бургъ, въ тип. И. Російской Академіи, 1836, въ — 8., стр. 14, 4 и 362.*

«Народъ Русскій не бездѣлца». Таковъ эпиграфъ въ началѣ книги. «Два года въ двухъ вѣкахъ, — 1612, 1812». Таковъ эпиграфъ въ концѣ книги. Имя высказано все ея содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, записки почтеннаго С. Н. Глишки суть не что иное какъ варіантъ на этотъ испанскій мотивъ.

О 1812 годѣ писали, пишутъ, будутъ писать. И дѣло было такъ велико, такъ многообразно, такъ многообъемлюще, что каждый изъ пишущихъ, кто бы онъ ни былъ, прибавляетъ непремѣнно хоть одну малелькую черту къ огромной картинѣ; что каждая новая книга чѣмъ-нибудь дополняетъ физиогномію этой страшной, кровавой, поэтической картины, на которой однако жъ останется еще много мѣста дописать самому позднему потомству.

Имя С. Н. Глинки у насъ народное: и нельзя иначе! Пламенный Русскій патриотъ, истинный сынъ отечества, представитель всего Русскаго въ то время, когда еще, — чѣмъ грѣха таить? — мы чуть ли не стыдились нашей славной православной Руси, онъ первый возопилъ противъ пристрастія нашего къ иностранцамъ, онъ первый, — и въ какое время! — началъ раскрывать пагубу Французскихъ началъ, бездну, которая, прикрывалась громкими словами, и которая всё-таки осталась бы бездною, если бы съ полу-милліономъ народа не бросился въ нее Курцій, — 1812 годъ. Да; развалины Москвы засыпали эту бездну и ея подземный гулъ, который и теперь еще реветъ по-временамъ, но уже безсильно, вестрашно, иногда и смѣшно. Конечно, и до С. Н. Глинки были смѣлые патриоты, которые возставали противъ тлетворной заразы Запада, но Сергій Николаевичъ, какъ мы сказали, «возопилъ» объ этомъ, и голосъ его не былъ «гласомъ вопіющимъ въ пустынь». Русскія сердца отозвались на него. «Русскій Вѣстникъ» его былъ семейнымъ чтеніемъ, отрадою сердець, идоломъ душъ. Часто рѣзкій въ жару патриотическаго порыва, онъ говорилъ въ простотѣ сердца — бодро, мужественно и краснорѣчиво; онъ не давалъ злу укрыться даже подъ маскою космополитизма: «Прежде нежели ты будешь челоувѣкъ, будь Русской!» восклицалъ онъ, и былъ руководителемъ къ цѣли высокой и великой.

С. Н. Глинка первый записался потомъ въ Московское ополченіе. Онъ повелъ толпы народа на встрѣчу къ любимому Монарху на Поклонной Горѣ. Онъ первый сказалъ въ собраніи Московскаго дворянства: «Москва будетъ сдана!» Ему въ то грозное время рука Монарха украсила грудь отличіемъ, съ незабвенными словами — «За любовь твою къ отечеству, доказанную дѣлами и сочиненіями». И долго по

томъ скромную наружность добраго Глинки встрѣчалъ всюду радушный привѣтъ Русскихъ. Онъ былъ какъ родной каждому жителю Москвы, и первый когда надобно было уладить скорбь бѣдняка, но для Глинки-человѣка есть цѣнитель выше насъ. Будемъ говорить о литературѣ. Есть наприимѣръ, книги, которыя тогда только поймете, оцените и полюбите, когда узнаете автора какъ человѣка. «С. Н. Глинка испугалъ меня», говорилъ одинъ молодой литераторъ, которому было тогда не болѣе двадцати пяти лѣтъ, и который въ первый разъ увидѣлъ С. Н. Глинку: «Да; онъ испугалъ меня: ему около шестидесяти лѣтъ, мнѣ двадцать пять, и онъ былъ двадцатью годами меня моложе!»

Богъ оцѣнка нашего автора, какъ литератора, и его «Записокъ», какъ книги. Не ищите въ нихъ систематическаго разсказа о томъ, что было за двадцать четыре года; не ищите разсказа стройнаго, хладнокровнаго, обдуманнаго на досугъ: эти записки какъ-будто написаны въ пылу 1812 года. Онъ какъ-будто четверть столѣтїя лежали въ ящикѣ, и теперь только авторъ переписалъ ихъ, дополнилъ нѣсколькими замѣтками и мыслями, и отдалъ публикѣ. Это Глинка, въ своемъ старинномъ видѣ; Глинка «Русскаго Вѣстника», Глинка 1812 года, — вѣчно тотъ же, — вѣчно юный, пламенный, говорливый, образованный, умный, иногда и неукротимый, но всегда сердечный, котораго бранить и всѣтаки любить. Признаемся, что давно уже Русская книга не доставляла намъ такого нелицемерно сердечнаго удовольствїя, какъ «Записки» С. Н. Глинки. Мы не записки читали, — мы жили съ нимъ прежнею жизнью, переносились въ этотъ дивный и странный 1812 годъ, и чувствовали старыми чувствами; и советуемъ всякому прочесть эти записки, какъ любопытную прибавку къ исторїи 1812 года: это цѣлый коробъ многихъ новыхъ и любопытныхъ подробностей.

Энциклопедическій лексиконъ. *СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1836 и 1837, въ-8. Томы седьмой и осьмой, стр. X, XIII и 523 — 320.*

Мы уже говорили о седьмомъ томѣ въ другомъ мѣстѣ: здѣсь отмѣтимъ только важнѣйшія статьи. Особеннаго вниманїя въ этомъ томѣ заслуживаютъ — Братское общество —

статьи о Брауншвейгъ и его герцогахъ -- Браманутра -- Брестъ Литовскій -- статьи о Британіи -- Бриеннъ -- Брюны -- Брюссы -- Брюмеръ (18 Брюмера) -- Будда и Буддизмъ, предметъ въ первый разъ изложенный по-Русски основательно и какъ слѣдуетъ -- Буиды -- Булгары -- Булаковы -- Буллы -- Бумага, бумажныя мануфактуры и произведенія -- Бургонь, -- Бургардты -- Бурлаты -- Бухарестъ. Мы говоримъ только о статьяхъ болѣе пространныхъ, между-тѣмъ какъ въ этомъ томѣ и въ слѣдующемъ мы нашли множество небольшихъ статей истинно драгоценныхъ по свѣдѣніямъ и замѣчаніямъ, которыя въ нихъ заключаются и которыя весьма часто въ первый разъ нынче появляются въ печати.

Въ осьмомъ томѣ мы съ особеннымъ удовольствіемъ читали -- *Бѣлградъ* и *Бѣлградскій міръ* -- *Бѣлевъ* -- *Бѣленіе* -- *Бѣлила* -- *Бѣлки* -- *Бѣлое море*, его торговля и компаніи -- *Бѣломѣстцы* и *Бѣлопашцы* -- *Бѣлорусскія* и *Бѣлорусскій языкъ* -- *Бѣлый* -- *Бѣльскіе* -- *Бпшенство* -- *Бюлетень* -- *Бюро* и *Бюрократія* -- *Вавилонъ* -- и *Вавилонское царство* -- *Вавръ* -- *Важская область* -- *Ваграмъ* -- *Вагенбургъ* и *Вагенмейстеръ* -- *Ваза* (Густавъ) -- *Вайда* -- *Вайтбоисъ* -- *Вакенбухъ* -- *Вакфъ* -- *Вакханалія* -- *Валлахія* -- *Валдайскія горы* -- *Валенсія* -- *Валенштейнъ* -- *Валліа* -- *Вальторна* -- *Валоа* -- *Валуны* -- *Валутинское сраженіе* -- *Вампиры* -- *Вандея* -- *Вантрилоки* -- *Ванъ* -- *Варваріа* -- *Варганъ* -- *Варлаамъ* -- *Вармбрунцъ* -- *Варронъ*, и прочія. Статьи, которыхъ названія напечатаны здѣсь курсивными, обратили на себя особенное вниманіе наше по новости взгляда на предметъ, по интереснымъ подробностямъ и по прекрасному изложенію. Это болѣею частью отличныя статьи, которыя стоить однѣ цѣлаго тома.

Осьмой томъ остановился на словѣ «Варшава», статья, для которой редакція ожидаетъ матеріаловъ изъ Варшавы.

ПАТОЛОГИЧЕСКІЯ И ПРАКТИЧЕСКІЯ ИСЛѢДОВАНІЯ БОЛЬШЕЙ МОЗГУ. Сочиненіе Іоанна Аберкромби, члена Эдинбургской Королевской Медицинской Коллегии и перваго въ Эдинбургѣ врача Англійскаго короля; второе оригинальное изданіе, переведенное съ Французскаго оригинала, изданнаго А. Н. Жандреномъ, Д. К. Грумомъ. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1836, въ-8., стр. VIII и 287.

Докторъ Грумъ не могъ избрать лучшей книги для перевода на Русскій языкъ, какъ знаменитое сочиненіе Аберкромби о болѣзняхъ мозгу, которое приобрѣло славу во всемирной Медицинѣ. Мозгъ, царь нашего тѣла, средоточіе нервной системы, страдаетъ болѣе или менѣе отъ всякой болѣзни тѣла, и потому его страданіе отражается обратно на тѣлѣ и производитъ въ немъ новые нервныя недуги. Сочиненіе Аберкромби предлагаетъ надежную методу изслѣдованія безчисленныхъ, и еще такъ мало извѣстныхъ, болѣзней этого важнаго органа: чтобы убѣдиться въ необходимости такой книги для каждаго врача, довольно знать, что изъ двухъ сотъ практическихъ случаевъ, приводимыхъ Единбургскимъ врачомъ, каждый ясно показываетъ, какъ тѣсна связь между болѣзненными припадками тѣла и патологическимъ состояніемъ мозга.

Твореніе Аберкромби, въ подлинникъ, состоитъ изъ двухъ частей; въ первой разсматриваются болѣзни мозгу, во второй болѣзни становой жилы. Докторъ Грумъ перевелъ только первую часть, но и этимъ онъ уже оказалъ большую услугу нашей врачебной литературѣ. Между-тѣмъ заслуги его не ограничиваются приношеніемъ этой превосходной книги: докторъ Грумъ уже пять лѣтъ издаетъ по-Русски отличную хорошую медицинскую газету, къ сожалѣнію, очень мало извѣстную въ публикѣ. Намъ, право, совѣстно, что мы, пять лѣтъ сряду читая съ постояннымъ любопытствомъ его журналъ, ни разу не упомянули объ этомъ изданіи, хотя нѣредко заимствовали изъ него разныя свѣдѣнія для Б. для Ч. Виною этого «крошечность почтеннаго доктора, который никогда не напоминаетъ намъ о своемъ предпріятіи или, точнѣй, нескромность творцовъ бесполезныхъ книгъ, которые стараются наперерывъ похищать все наше время для себя. Мы исправимъ теперь это упущеніе, и увѣрены, что читатели поблагодарятъ насъ за достѣзленіе имъ знакомства съ «Другомъ здравія».

«Другъ здравія» есть журналъ, назначенный для чтенія врачамъ и не-врачамъ, и содержитъ въ себѣ предметы, относящіеся къ сохраненію и возстановленію здоровья: онъ, сколько мы замѣтили, почерпаетъ матеріалы единственно изъ лучшихъ повѣйшихъ сочиненій и лучшихъ журналовъ.

Такимъ образомъ онъ представляетъ современный ходъ и успѣхи Гигіены, которая учитъ сохранять здоровье діетическими и невинными врачебными средствами, и Терапіи, которая обнимаетъ весь кругъ практической Медицины. Можно рѣшительно сказать, что въ пяти-лѣтнее изданіе «Друга здравія» ничего не было пропущено новаго, любопытнаго, полезнаго, изъ того что печаталось въ періодическихъ изданіяхъ за границей. Г. Грумъ весьма тщательно и искусно выбираетъ изъ нихъ статьи, самыя полезныя для практики: сюда входятъ исторіи болѣзней, способы леченія, лекарства, рецепты, и особенно тѣ средства и способы леченія, которыя могутъ быть употребляемы безъ помощи врача. Нерѣдко сообщаются полныя статьи, и большею частью оригинальныя, гигиено-діетическія. Медицинская библиографія, съ изложніемъ содержанія книгъ в ѳтзывомъ о литературномъ ихъ достоинствѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

«Другъ здравія», который иногда сообщаетъ статьи, получаемыя отъ отечественныхъ врачей, служитъ яснымъ доказательствомъ, что и у насъ есть врачи, ученые, опытные, которые своими дарованіями могли бы вездѣ заслужить признательность публики. Сколько въ этихъ листахъ сохраняется прекрасныхъ оригинальныхъ статей, которыя безъ него, можетъ быть, не существовали бы! Новыми предположеніями, практическими замѣчаніями о существенныхъ потребностяхъ отечественной медицинской литературы, «Другъ здравія» приносить ту несомнѣнную пользу, что возбуждаетъ соревнованіе между врачами, и обращаетъ особенное ихъ вниманіе на нашу простонародную гигиену и медицину. Онъ представляетъ всѣ успѣхи, какіе только дѣлаются по этой части, но убѣдительно доказываетъ, что еще нѣтъ данныхъ, нѣтъ матеріаловъ, изъ которыхъ можно было бы составить Русскій домашній лечебникъ; что еще надобны большія усилія, чтобы собрать помощію періодическихъ изданій и составить нужный для этого запасъ. Чтобы видѣть мысль издателя, довольно прочитатъ его статью о горячкахъ, напечатанную въ двухъ первыхъ нумерахъ нынѣшняго года.

Въ достиженіи своей цѣли — сосредоточивать и распространять медицинскія свѣдѣнія въ отечествѣ, издатель

долженъ, мы думаемъ, всё-еще бороться съ большими трудностями. Газета его существуетъ единственно щедротами начальства и не-врачей. Число подписчиковъ изъ врачей, какъ мы слышали, неизвѣстно мало, несмотря на тысячи Русскихъ врачей, лишенныхъ всякаго средства слѣдовать за ходомъ своей науки, и несмотря на то, что подписная цѣна для нихъ самая умеренная. Это совсѣмъ не утѣшительно! Врачи, первые, должны бы поддержать такое полезное предпріятіе и такое благородное усердіе своего собрата. Само собою разумѣется, что, не будучи въ состояніи имѣть сотрудниковъ cum honore, издатель здѣсь долженъ самъ все сдѣлать, обрабатывать предхеты самые разнообразныя, переводить, сокращать, принаровливать, и самъ же сочинять почти всѣ статьи для неврачей, — дѣло неизвѣстно трудное и утомительное. Мы всегда удивляемся, какъ онъ, при другихъ занятіяхъ, наполняетъ этотъ большой листъ мелкой печати, и каждую недѣлю издаетъ его съ величайшею точностью, между-тѣмъ какъ пяти-лѣтніе чрезмѣрные труды его далеко не вознаграждаются въ соразмѣрности съ пользою, приносимой его газетою. Просвѣщенное покровительство Г. министра внутреннихъ дѣлъ и живое участіе Г. генералъ-штабъ доктора по гражданской части и Санктпетербургскаго Общества Русскихъ Врачей, одинъ, какъ видно, доселѣ поддерживаютъ издателя въ его многотрудныхъ занятіяхъ и подають ему надежду на улучшение своего изданія. Недавнее назначеніе Г. Грума въ медицинскомъ департаментѣ, которое вывело его на новое и болѣе для него благовидное поприще дѣятельности, безъ-сомнѣнія будетъ имѣть спасительное вліяніе на судьбу «Друга Здравія». Здѣсь, мы надѣемся, откроются ему новые способы быть еще болѣе полезнымъ отечественной врачебной литературѣ, которая имѣетъ людей весьма способныхъ, но нуждается въ людяхъ усердныхъ къ наукѣ и трудолюбивыхъ.

Читатели Б. для Ч., которые никогда не отказывали въ своемъ покровительствѣ похвальнымъ и честно выполняемымъ предпріятіямъ, конечно, не оставятъ и Г. Грума, тѣмъ болѣе что этимъ они пріобрѣтутъ себѣ журналъ чрезвычайно полезный и даже необходимый въ домоводствѣ. И никогда притомъ не было удобнѣйшаго случая сдѣлать это

какъ теперь, на масляницѣ: коротко сказать, мы предлагаемъ всѣмъ — объѣсться блиновъ, и тотчасъ выписать себѣ «Друга здравія», чтобы по немъ лечиться отъ несваренія желудка.

сельскій хозяинъ XIX вѣка, или Полное собраніе новейшихъ опытовъ и открытій, сдѣланныхъ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, какъ по части земледѣльческой промышленности вообще, такъ и по всѣмъ отраслямъ Естественныхъ Наукъ и Технологіи, входящихъ въ составъ сельской экономіи, и въ особенности полезныхъ для Русскихъ помѣщиковъ и управляющихъ вотчинами, съ приложеніемъ многихъ литографированныхъ фигуръ. Собралъ и перевелъ Иванъ Вилькинсъ. Издалъ Александръ Ширлевъ, коммерціи совѣтникъ, почетный гражданинъ, членъ ученыхъ обществъ, и прочая. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8. Часть третья, стр. XI и 556.

По первымъ двумъ частямъ практическіе знатоки могли уже судить о достоинствѣ этой книги. Вотъ третья часть, а скоро выйдетъ и четвертая, послѣдняя. При второмъ изданіи, мы посоветуемъ автору переименовать названіе: оно слишкомъ великолѣпно, и такъ громко, что многихъ заставитъ даже сомнѣваться въ существенномъ достоинствѣ книги.

1. КАРТОФЕЛЬ съ торговыхъ произведеній, или простой и дешевый способъ приготовить изъ картофеля лучшей крахмалъ безъ дорогихъ машинъ, и изъ картофельнаго крахмала дѣлать сахарный сиропъ посредствомъ серной кислоты, по прежнему способу, съ подробнымъ описаніемъ всего дѣлопроизводства, и наставленіемъ, какимъ образомъ превращать картофельный крахмалъ, въ три часа времени, въ самый вкусный сахарный сиропъ, безъ серной кислоты (купороснаго масла) и безъ кипяченія. Простая и особливо выгодная сфера промышленности, для пивоваровъ, винокуровъ, хлѣбниковъ, кондитеровъ, шоколадныхъ фабрикъ, вкусныхъ заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ, равнымъ образомъ и для домашнихъ хозяйствъ, которыя легко могутъ изготовлять для своего продовольствія весь нужнѣйшій имъ запасъ сахара. Съ Фран-

цузскаго и Нѣмецкаго перевелъ и издалъ В. М. Пановъ. Москва, въ тип. А. Семена, 1836, въ-12., стр. III и 72.

2. о новооткрытыхъ способахъ превращать картофельный крахмалъ въ сыровъ и сахаръ, помощію сѣрной кислоты, или солода, или одной чистой воды, и въ особенности о Баварскомъ способѣ, изобрѣтатель котораго, въ 1836 году, удостоенъ преміи и почетной медали, а также о новыхъ средствахъ усовершенствовать добываніе свекловичнаго сахара. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ-12., стр. 40.

Названіе первой картофельной книжки такъ подробно объясняетъ ея содержаніе, что къ нему прибавить остается одно: брошюрка Г. Панова была написана имъ по прѣпорученію Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства; потомъ напечатана въ Б. для Ч., а теперь издана особо, съ многими дополненіями и прибавленіями.

Вторая картофельная книжка — удивительная книжка! полезная книжка!..... полезнѣе самого картофеля. Не знаемъ, что скажутъ Гг. Пановъ и Дялинъ объ этой книжкѣ. Она рѣшительно ихъ уничтожаетъ. Говорятъ, что она полезнѣе самого картофеля, мы говоримъ не на-обумъ: сочинитель книжки, или книжечки, «О новооткрытыхъ способахъ», предлагаетъ, во-первыхъ, изъ картофеля дѣлать прямо сахаръ, рафинадъ, «кусками всомъ въ пудъ и болѣе», какъ Г. Давыдовъ — изъ гнилой свекловицы; во-вторыхъ, изъ ста пудовъ картофельнаго крахмалу онъ учитъ дѣлать сто четырнадцать пудовъ лучшаго сахара; въ-третьихъ онъ описываетъ, какъ дѣлать лучшій рафинадъ изъ свекловицы; въ-четвертыхъ, узнаете отъ него, что изобрѣтатель «бымачиванія свекловицы» былъ Русской, и если хотите знать имя этого свеклосахарнаго Колумба, — нѣкто Г. Кировъ, который о себѣ объявлялъ въ Московскихъ Ведомостяхъ 1831 года. Все это, и свекловица, и картофель, и Баварскій способъ, и Г. Кировъ, помѣстились на сорока страницахъ, весьма небольшихъ.

новѣйшее опытное и практическое руководство, какъ дѣлать уксусъ, горчицу, колбасы, коптитъ мяса, со-

ставить шоколадъ , по правиламъ славнаго Парижскаго косметика Де-ла-Мойля , какъ улучшить и привести въ совершенство укусное, горчичное и колбасное искусство, а также самымъ лучшимъ и выгоднымъ образомъ солить и коптить въ прокъ разнаго рода мяса, дѣлать сосиски, колбасы, и прочая. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-16., стр. 59.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы забыли, совершенно забыли сказать о самой маленькой книжечкѣ, какую только производила Русская печать, именно, о «Памятной книжкѣ на 1837 годъ», вышедшей изъ Военной типографіи. Въ самой Англій изданія этого рода не бывають изящнѣе. «Памятная книжка» украшена въ нынѣшнемъ году, кромѣ обыкновенныхъ вишетоковъ, шестью Петербургскими видами, гравированными на стали очень нѣжнымъ грабштихомъ, напечатана какъ-нельзя лучше, и приноситъ честь типографіи, которая издала ее. Извѣстно, что «Памятная книжка» есть маленькій, карманный, календарь, который соединяетъ въ себѣ характеръ мѣсядослова и адресъ-календаря.

— Наконецъ, вышла «Ундина», ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ. Этотъ неподражаемый трудъ поэтическаго пера В. А. Жуковскаго является вдругъ въ двухъ различныхъ форматахъ. Великолѣпное изданіе на веленовой бумагѣ, въ большую осьмушку, украшено двадцатью гравюрами въ родѣ эскизовъ, отпечатанными на бумагѣ Китайскаго цвѣту. Другое изданіе «Ундины» составляетъ осьмой томъ «Сочиненій Жуковскаго», изданныхъ А. Ф. Смирдинымъ. Это послѣдній томъ изданія, которое, въ своихъ восьми томахъ, содержитъ все, что донынѣ написалъ знаменитый «пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ». При этомъ послѣднемъ томѣ «Сочиненій» приложенъ портретъ Жуковскаго, превосходное произведе-

ніе Уткина, на которое всѣ любовались во время выставки въ Академіи художествъ.

— Вышли также :

1. Пятый томъ Дюрвиллса «*Всеобщаго путешествія*», переводъ Н. А. Полеваго. Того же творенія, издаваемого въ Петербургѣ А. А. Плюшаромъ подъ названіемъ «*Путешествіе вокругъ свѣта*», мы имѣемъ уже пятнадцать тетрадей, которыя составляютъ пять томовъ.

2. Второй томъ Ирвинговой «*Исторія Христофора Колумба*», переведенной съ Французскаго Г. Бредихиннымъ.

3. Первые четыре тома «*Россіи*», О. В. Булгарина.

4. «*Изображеніе характера и содержанія новѣйшей исторіи*», твореніе профессора Шульгина (нынѣшняго ректора Санктпетербургскаго университета).

5. Первая часть «*Исторіи Россіи въ разказахъ для дѣтей*», сочиненіе госпожи А. Ишимовой.

6. «*Повѣсти и мелкія стихотворенія*» А. Подолвнскаго, въ двухъ частяхъ.

7. Первая часть «*Путешествій Русскихъ людей въ чужія земли*», новое сочиненіе Г. Сахарова.

— Печатаются и вскорѣ выйдуть.

1. «*Священная исторія*», въ двухъ частяхъ, сочиненіе господи Зонтагъ.

2. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, въ семи частяхъ, которыя печатаются въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ.

3. Полное собраніе стихотвореній Д. В. Давыдова: въ этомъ собраніи находится до тридцати пѣснь новыхъ.

4. «*Бородолубіе*», историческія сцены изъ временъ Петра Великаго, К. П. Массальскаго.

5. «*Морской офицеръ*, или Приключенія Франка Мильдемея», романъ капитана Марриета, самаго веселаго изъ нынѣшнихъ Англійскихъ юмористовъ; переводъ Г. Скаловскаго.

— Въ Москвѣ явилась пещь неслыханная, несравненно любовыгнѣе Галлеевой кометы, — трагедія съ двумя хвостами. Никогда еще родъ человѣчскій не видывалъ такого дивнаго феномена! Это необычайное явленіе называется — «*Владиміръ Влоиской, трагедія Ивельева*», — и только. Изъ объ-

явленія , приложеннаго къ «трагедіи Ивельева», видно, что она продается пачками по двѣнадцати экземпляровъ , и между прочимъ продается у Ротгана , который , не дождав-шись «трагедіи Ивельева», умеръ въ началѣ прошлаго года.

— «Современникъ», трехъ-мѣсячный журналъ покойнаго А. С. Пушкина , будетъ продолжаемъ В. А. Жуковскимъ , княземъ В. О. Одоевскимъ и княземъ П. А. Вяземскимъ.

— Мы должны обратить вниманіе нашихъ читателей на новый, и весьма примѣчательный, поэтическій талантъ. Четыре стихотворенія Г. Бернета (имя, кажется вымышленное), помѣщенныя въ этой книжкѣ, взяты изъ обширнаго собранія стихотвореній, которое уже поступило въ печать. Въ нихъ нѣтъ ни луны, ни мечты, ни вина, ни опаловъ, ни алмазовъ, ни рубиновъ, ни золота, ни свинцу: это чистая, свѣжая и настоящая поэзія.

=

МАРТЪ, 1837.

=

НОВЫЕ КНИГИ.

=

1. СТИХОТВОРЕНІЯ В. Жуковскаго. *Томъ восьмой. Ундина. Издане четвертое, исправленное и умноженное. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1837, въ-8., стр. 243, съ портретомъ автора.*

2. УНДИНА. *Старинная повѣсть, рассказанная на Нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ барономъ Ф. Ламоттъ-Фукѣ, а на Русскомъ въ стихахъ В. Жуковскимъ. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1837, въ-8., стр. 243, съ двадцатью гравюрами.*

Наконецъ мы дождались мѣсяца, богатаго хорошими и важными книгами! Такого мѣсяца съ роду не запомнить Б. для Ч. Мы въ изумленіи сидимъ передъ этою огромною грудю сочиненій, приносящихъ честь нашей литературы, и глазамъ своимъ не вѣримъ, чтобы это было жатвою одного мѣсяца. Слава тебѣ, честный мартъ! ты побѣдилъ не только всѣхъ товарищей своихъ, и морозные и жаркіе мѣсяцы, но даже побѣдилъ цѣлые годы. Чтобы не смущать нашего удовольствія, и удовольствія всея Руси, разборомъ плохихъ сочиненій, мы рѣшаемся говорить въ этой книжкѣ только о хорошихъ мартовскихъ книгахъ; нехорошія могутъ подождать одинъ мѣсяць.

Начнемъ отчетъ нашъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ явленій, — и едвали не самымъ прекраснымъ, — въ Русской словесности 1837 года, поэмой В. А. Жуковскаго.

«Ундина», какъ мы уже сказали, составляетъ осьмой и послѣдній томъ предпринятаго А. Ф. Смирдинымъ изданія «Сочиненій» Жуковскаго. Русскіе читатели такъ уже привыкли къ соединенію дешевизны съ изяществомъ въ Смир-

дневскихъ изданійхъ, что почти нѣтъ надобности сказывать, что и это дешовое полное изданіе сочиненій Жуковскаго въ то же время самое изящное изъ всѣхъ прежнихъ. Но издатель хотѣлъ еще пощеголять особенною типографическою роскошью, и вотъ «Ундина», одинъ изъ прекраснѣйшихъ перловъ Русской поэзіи, напечатана отдѣльною книгою богатаго формата, съ прелестными эскизными гравюрами работы отличныхъ художниковъ. Гравюры эти дѣланы въ Берлинѣ.

Б. для Ч. знакомила предварительно читателей съ «Ундиною», помѣщая въ своихъ книжкахъ большіе отрывки этой поэмы. Всѣ читали эти отрывки, и намъ нечего говорить о прелести стиховъ, о неподражаемой мягкости языка, о светлой прозрачности этого поэтическаго слога, которому уже неоднократно мы отдавали полную справедливость. Завязки и развязки поэмы мы не въ правѣ рассказывать, для вашего же наслажденія. Прочтите сами «Ундиною» Жуковскаго. Но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь прелестное вступленіе, или какую-то поэтическую думу, которая предшествуетъ поэму. Оно проникнуто такимъ святымъ, такимъ понятнымъ для каждаго Русскаго сердца чувствомъ!..... Вотъ оно:

«Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ летѣлъ съ вѣстями чудныхъ гений;
Природа вся мнѣ живію была.

«Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ, узанный, лице свое земное
Разоблачилъ,— и призракамъ конецъ!

Но, о Мечтъ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я,
И прелести явленьямъ, по привычкѣ,
Любуется, какъ встарь, душа моя.

«Здѣсь есть одна, — жива, какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда молода:
На душу мнѣ одно ея явленье
Поэзію наводитъ навсегда.....

«Передъ пустой когда-то колыбелью,
Задумчиво-безмолвень, я стоялъ.
— «Кто обреченъ святому новоселью
«Тобой въ жильцы?» судьбу я вопрошалъ.

«И, съ первою блеснувшей мнѣ девицей,
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ.

«Года прошли, и мой разцвѣтъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ,
И мнится мнѣ, что Неба урожденецъ
Утвой въ немъ на землю присланъ былъ.

«Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;
Имъ иногда я душу утываю;
При немъ подчасъ, забывшись, и пою.»

Такою-то прекрасною думою о былыхъ мечтахъ поэзіи нашъ поэтъ снова зазвалъ вдохновительницу прежнихъ дней въ тѣ пріюты уединенія, гдѣ онъ мечталъ о своемъ новомъ созданіи, и гдѣ въ легкихъ образахъ мелькала передъ нимъ «Ундина». Чудная Ундина! Какъ хороша она, дитя Океана, съ душою, которую подарила ей любовь, съ воздушнымъ обликомъ, который разрушаетъ измѣна милаго человѣка! Какую прелесть простоты умѣлъ придать поэтъ этому новому творенію! Грустная, печальная мечта пролетаетъ передъ вами въ образѣ легкой дѣвы, разливающейся потокомъ на могилѣ милаго невернаго. Въ этомъ никто изъ Русскихъ поэтовъ долго еще не сравнится съ Жуковскимъ. Нѣтъ, никому не написать, наприимѣръ, этихъ строкъ, въ которыхъ дышетъ одна, всегдашняя, неизмѣнная мысль поэзіи Жуковского:

«Какъ намъ, добрый читатель, сказать: къ сожалѣнью, или къ счастью,
что наше

Горе земное не-надолго? Здѣсь разумно я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ, благомъ сливается
Нашъ во-едино, котораго утрата для насъ не утрата.
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ безпрестанный

★

Къ той чертъ, за которую много наше изъ міра
 Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
 Душь на свѣтъ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ
 иковой,

Ярко горить, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
 Все не та подъ ковечь, какоу была при началѣ,
 Полная, чистая; много много инаго, чужаго,
 Между утратоу нашей и нами уже протѣснилось;
 Вотъ вакопецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
 Нашей печали мы видимъ.»

Рисунки, сдѣланные въ Берлинѣ, прелестны. Никто лучше
 вышннихъ Германскихъ художниковъ не умѣлъ бы придать
 имъ этой фантастической простоты, даже этой затѣйливой
 роскоши, арабесковъ, которые переносятъ насъ въ средніе
 вѣка, въ вѣка рыцарства, когда все для челоука кипѣло
 жизнью припаднй и согрѣвалось чувствомъ религіознымъ.
 Мы уже упоминали объ изящномъ портретѣ Жуковского при
 осьмомъ томѣ его сочиненій: поэтъ Свѣтланы, Людмилы, Ун-
 дины, какъ живой на немъ; онъ стоитъ подъ окномъ, кото-
 рое растворено на волны Женевскаго Озера; вдали видны
 горы Швейцаріи, и лодочка съ парусомъ полоситъ про-
 странство водъ, тихое, зеркальное. Тамъ выздоравливалъ и
 отдыхалъ Жуковский въ 1833 году; и тамъ онъ началъ «Ун-
 дяну.»

повѣсти и мелкія стихотворенія А. Подолинскаго.
СП.-бургъ, въ тип. Смирдина, Глазунова и К^о., 1837,
въ-8. Двѣ части, стр. 171 и 173.

Въ поэзіи, какъ и въ музыкѣ, есть гармонія, и есть мелодія.
 Первою можно назвать это полное сочетаніе мысли со зву-
 комъ, которое является намъ въ созданіяхъ вѣнскихъ поэтовъ
 и звучитъ въ Русскомъ стихѣ Пушкина. Второе состоитъ въ
 одномъ cantabile, въ обольстительномъ поэтическомъ соче-
 таніи звуковъ: тутъ не сверкаетъ мысль яркая, смѣлая, глу-
 бокая; но оно плѣнительно, какъ безчленное пѣніе соловья
 и малиновки. Достигнуть до этого въ языкѣ — также удѣлъ
 людей съ большимъ дарованіемъ, и также достигаютъ не-
 многіе: таковы Петрарка у Итальянцевъ, Томасъ Муръ у Ан-
 гличанъ. У насъ есть два превосходные мелодиста въ поэзіи,

очарователи звуками: это Языковъ и Хомяковъ. Къ нимъ числу принадлежитъ и Г. Подолинскій, Россини мелодійной Русской поэзіи. Читайте «Ермака» Хомякова, читайте 'удалыя посланія Языкова, читайте очаровательныя стихотворенія Подолинскаго, и вы поймете наши слова. Стихъ Подолинскаго — молодая красавица, неможко кокетка и, какъ я подозрѣваю, съ холоднымъ сердцемъ, — съ которою весело танцовать мазурку и провести вечеръ далеко за полночь, не разговаривая, а только слушая какъ она говорить, смотря на ея хорошенькій ротикъ, любясь на гибкость его стана, наблюдая игру ея увлекательной физиогноміи. Но жениться на ней не советую. Она не годится въ подруги жизни; она не отдастъ вамъ своего сердца. Улыбокъ, поцѣлуевъ — сколько уголно. Но въ томъ ли дѣло въ супружествѣ, даже съ Музой! Мы прочтемъ вамъ одно изъ новыхъ стихотвореній Г. Подолинскаго.

«Пламенная и блистала
Мірозданія весна,
Землю юную ласкала
Двѣ безбурныхъ тишина.

«Свѣтлымъ сонномъ, звучнымъ хоромъ
Звѣзды яркія текли,
И безплотные, соборомъ,
Облетали вокругъ земли.

«Всюду жизнь и ликованья:
Звучень плескъ морей и рѣкъ;
Но одинъ среди созданья
Тихъ и грустенъ человекъ.

«Съ нихъ музыкой, звонкой, стройной,
Гимна слить не смѣетъ онъ.
Онъ въ минувшемъ безпокойной,
Думой грустно окруженъ.

«Все въ мечтахъ возобновилось:
Утро жизни, грѣхъ и казнь;
Сердце горестно стѣснилось;
Въ сердцѣ тяжкая болѣзнь.

«Все погибло: нѣтъ спасенья!
Неизбѣженъ вѣчный сонъ:

Вдругъ обтовъ искупленъ
Озарилъ мысляю онъ.

«Эта мысль, какъ лучъ средь ночи,
Блескъ дала его очамъ;
Онъ возвелъ невольно очи,
Благодарный, къ небесамъ.

«И, какъ въ отблески денницы
Божья свѣтлая роса,
Тихо канула съ рвsnницы
Умиленія слеза.

«Слезъ врачующую силу
Прародецъ благословилъ,
И въ возмездье за могилу
Внука плакать научилъ.

«Съ той поры, когда украдкой
Слезы льются въ тишинѣ,
Такъ отъ нихъ легко и сладко!
Такъ врачуютъ грусть онъ!»

Все это очаровательно, мило! И такихъ страницъ вы встрѣтите много; почти сплошь встрѣтите ихъ у Подолинскаго. Поэмы его надобно читать «для стиховъ». Въ его «Дивъ и Пери», его «Борисъ», его «Нищемъ», его балладахъ, сонетахъ, думахъ, стансахъ, разбросаны грусти и радости его. Если бы надобно было твореніями этого пльнителнаго пьнца изобразить его самого, мы указали бы на его «Отвѣтъ», гдѣ онъ описываетъ поэта, и говорить, что онъ —

«Въ міръ необъятный, въ міръ иной
Перелета воображеньемъ,
На міръ существенный съ презрѣньемъ
Глядитъ, какъ житель веземной.
И часто грудь его страдаетъ,
Не зная радостей земныхъ:
Онъ ихъ надменно отвергаетъ,
А до небесныхъ не достигъ.»

Этимъ мы никакъ не думаемъ унижать неотъемлемыхъ достоинствъ Г. Подолинскаго, котораго творенія часто читаемъ сами съ большимъ наслажденіемъ. Подобныхъ ему поэтовъ ни въ какой словесности не считаютъ десятками, и во всл-

комъ случавъ для поэта, которому не дано быть ни Пушкинымъ ни Жуковскимъ, весьма почетно стоять на одномъ изъ первыхъ мѣсть того ряда талантовъ, гдѣ уже помѣстались со славою наши Козловы, Языковы, Баратынскіе, Дельвинги, Хомяковы и еще два или три поэта, которыхъ имена означили блистательный переходъ отъ Жуковскаго къ Пушкину.

Давно слѣдовало собрать стихотворенія Г. Подолинскаго, которыя имѣютъ множество искреннихъ цѣнителей. Мы не хотимъ сказать этимъ, что поэтическое поприще его конечно и что пора уже было поставить ему монументъ изъ двухъ красивыхъ томиковъ его стихотвореній: нѣтъ; мы говоримъ, что подобное собраніе составляло потребность читающей публики. Г. Подолинскій еще молодъ, и мы даже готовы вѣрить, что онъ исполнитъ намъ обѣщаніе стансъ, которымъ заключается вторая часть его «Стихотвореній»; что въ стихахъ его —

«Слова, какъ волны, хлынуть вдаругъ,
И будетъ то не дѣтскій лепеть,
Но возмужалый, стройный звукъ!»

Мы съ радостью встрѣтимъ его тогда, даже какъ преемника Пушкина на Русскомъ Парнассѣ.

Мысль грустная! Гдѣ тотъ счастливецъ, которому Пушкинъ передалъ свой вѣнокъ поэта? Гдѣ онъ? Таятся ли еще въ груди его волшебныя думы и звуки, которыми онъ очаруетъ насъ, или уже мы слышали дѣтскій лепеть его первой, робкой пѣсни, и не замѣчаемъ его? Или онъ еще, въ колыбели, теперь сляшкомъ для него просторной, лежитъ и играетъ, онъ, которому потомъ будетъ тѣсно въ цѣломъ мірѣ фантазій? Или онъ еще не родился, мучитель и обладатель сердець? Мы печально смотримъ вокругъ себя, слышимъ прелестныя пѣсни другихъ, видимъ прекрасныя созданія многихъ, но это не онъ; это не его пѣсни, не его созданія!

ГРАФЪ МЕЦЪ. *Въ двухъ частяхъ* Е. Бернета. *Писано въ 1834 году. Сп.-бургъ, въ тип. Сильгирева и К°, 1837, въ-8. Часть первая, стр. 80.*

Въ предъидущей и въ нынѣшней книжкахъ Б. для Ч. мы помѣстили шесть прелестныхъ стихотвореній неизвѣстнаго

нашъ поэта , который называетъ себя, или котораго въ самомъ дѣлѣ зовутъ, *Е. Бернетомъ* Первыя четыре уже возбуждали общее вниманіе публики къ этому новому и прекрасному таланту, который мы съ нашей стороны желали бы ободрить всѣми истрами, потому что онъ много обѣщаетъ въ будущемъ и можетъ принести честь Русской словесности.

Мы не станемъ однако жъ судить о поэтической будущности Г. Бернета по этой первой поэмѣ. Авторъ ея долженъ быть молодой человекъ; поэма писана въ 1834 году; а три года, въ юномъ талантѣ, составляютъ большой счетъ. Сверхъ-того мы знаемъ только первую часть «Графа Меца»; и еще эта первая часть издана, по-видимому, съ большими пропусками. Но въ доказательство того, что она заслуживаетъ любопытства, какъ первый опытъ сильнаго поэтического пера, и въ состояніи подтвердить надежды, возбужденныя первыми четырьмя стихотвореніями, мы приведемъ одинъ отрывокъ:

«Вѣрь, юный другъ! вѣрѣдко я слыхалъ
Речь полную твоимъ подобнымъ заклинаніямъ!
И вѣрилъ часто мнѣ: во сколько, послѣ, мукъ!
Измѣна, клевета, насмѣшка, озлобленье,
Какъ змиа лютиа, на грудь бросались вдругъ.
Чѣмъ слаще сонъ мой былъ, тѣмъ горче пробужденье.
Сказалъ я самъ себѣ, устави отъ вѣчныхъ бѣдъ:
«Нѣтъ неба на землѣ, любви на свѣтѣ нѣтъ!»

«А! это чувство, это пламя,
Чѣмъ сердце бѣдное бальво, —
Борьбы душевной съ тѣломъ знамя, —
Не для земли сотворено!
Въ груди я сохранию останки, —
Людамъ его не покажу, —
Какъ муро въ драгоценной стѣлянкѣ,
Съ собой въ могилу положу.
Приду съ нимъ къ Божьему престолу,
Скажу: «Отецъ! вотъ жизни кладъ;
«Его я не растратилъ долу, —
«Прими теперь его назадъ,
«Иль дай мнѣ существо родное,
«Чтобъ могъ я съ духомъ духъ слышать,
«Чтобы намъренѣе свѣтое

«Здѣсь возвеличить, оправдать.»
 И ты, прекрасная дѣвица,
 Дня моего вечерней свѣтъ,
 Раба, подруга и царица,
 Весны моей послѣдній цвѣтъ!
 Не увлекай меня напрасно,
 Дай мнѣ спокойно вѣкъ дожить,
 Въ благоразуми, безстрастно
 Путь недалекій довершить!
 Волшебной красоты соседства
 Остерегаться мнѣ пора:
 Ахъ, въ этой сторонѣ кокетства
 Любовь — минутная игра!
 Здѣсь чувства — время провожденье,
 Измѣнамъ порицанья нѣтъ,
 Здѣсь страсть — забава, наслажденье,
 Здѣсь клятвы — ласка, комплиментъ.
 Мнѣ суждено инымъ родиться;
 Я не умѣю разлюбить;
 Обманутымъ быть — не сердиться,
 И легкомыслемъ извинять.
 Въ кругу соотчичей летучихъ
 Найти ты можешь всякой разъ
 Готовыхъ юношей, кинучикъ, —
 И остывающихъ чрезъ часъ!
 По нравамъ, конми повита,
 Ты гибкой избери тростяникъ;
 Ласкай, люби его на мигъ, —
 Не тронь колонны изъ гранита!
 Не сдвинешь камня, не погнешь
 И не измѣнишь его вида,
 А потряса кариатидой,
 Себя въ руинахъ погребешь!.....
 Но прежде вѣчнаго прощанья
 Все, что лежитъ въ груди моей,
 Пусть выльется струей рыданья,
 Потоконъ искреннихъ рѣчей!
 О Тебя, Тебя, какъ жестоко
 Разувренье познать!
 Бродить на свѣтъ одиноко,
 Отъ братій отъ людей бѣжать;
 Надъ страстию другихъ смѣяться,

А надъ своею слезы лить,
 Жить чувствованьемъ отказаться, —
 И не умѣть ихъ умертвить;
 Красы не признавать святыни,
 Что обожаешь проклинать, —
 И сердца грустныя пустыни
 Ничѣмъ, ничѣмъ не населять!

Мы бь могли выписать много мѣстъ, подобныхъ этому и доказывающихъ въ молодомъ поэтѣ примѣчательный даръ гармоническаго выраженія мысли и чувства.

ELISABETH KULMANN, *Phantasie von Alexis Timofejev. St.-Petersburg, Hintze, 1837, 8vo, 134 S.*

Вотъ четвертый Русскій поэтъ, для замѣщенія, если возможно, Пушкина. И изъ всего числа поэтовъ, которыхъ произвелъ Пушкинъ, Г. Тимофеевъ едва ли не тотъ, чьи произведенія соединяютъ въ себѣ наиболѣе началъ Пушкинской поэзии. Г. Тимофеевъ, по выраженію одной умной дамы, проложилъ себѣ тропинку подлѣ столбовой дороги Пушкина, и идетъ по ней, всё впередъ. У него замѣтно много Пушкинской фантазіи, много воображенія, много огня и чувства, часто примѣчательная сила выраженія, и еще одно изъ блистательныхъ качествъ Пушкина, — остроуміе. Онъ еще очень молодъ; онъ можетъ развить всё эти прекрасныя начала; и можетъ также исказить ихъ въ самомъ зародышѣ, ежели критика, строгая, но одушевленная той *любовію*, которой требовалъ отъ ней Гёте, заранее не укажетъ ему иронастей, лежащихъ на его прекрасной тропинкѣ. Главная опасность для него состоятъ, кажется, въ томъ, что онъ въ короткое время производитъ много *большихъ* поэмъ: это показываетъ легкость въ писаніи стиховъ, почти всегда звучныхъ и полныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ мало времени для зрѣлаго обдуманія сюжетовъ и для тщательной отдувки поэтическаго созданія. Мысль тогда не успѣваетъ сосредоточиться и усилиться; сужденіе не успѣваетъ унять фантазію, которая вырывается изъ предѣловъ Искусства; выраженіе не успѣваетъ созрѣть подлѣ лучами теплаго чувства; и сверхъ того нѣсколько однообразный цвѣтъ долженъ всегда господ-

ствовать въ твореніяхъ, создаваемыхъ легко и скоро. На это однообразіе дѣйству мы уже однажды указали, гозоря о поэтическихъ трудахъ Г. Тимофеева, въ которыхъ примѣтенъ почти вездѣ мрачный отливъ таинственности и нѣсколько угрюмага взгляда на природу и общество. Отливъ этотъ, конечно, исчезнетъ отъ обширнаго чтенія, — условія, необходимаго для нынѣшняго поэта и которымъ Пушкинъ обладалъ въ весьма примѣчательной степени на Руси. Данте, Мильтонъ, Шиллеръ, Гёте, Байронъ, всѣ великіе поэты новѣйшаго времени были весьма ученые люди, — читали много, — все читали! Иначе и нельзя достигнуть до разнообразія въ воображеніи; то есть, до особеннаго взгляда на каждый отдѣльный предметъ въ природѣ. Русскіе поэты! посѣщайте мастерскую Карла Брюллова, перваго нынче поэта въ Европѣ, и поучитесь у него великому искусству хорошо *видѣть* природу: посмотрите, какъ этотъ гениальный художникъ, — который прочиталъ всѣ лучшія картины, и еще много книгъ, — какъ онъ разнообразенъ и всегда вѣренъ! Вы не найдете у него двухъ произведеній, которыя бы отзывались одной и той же кистию, одной и той же системой колорита или освѣщенія. Каждое изъ его лицъ, каждый изъ его предметовъ, кажется, написанъ другой рукой и въ духъ другой школы, потому что и въ природѣ нѣтъ двухъ вещей одинаковыхъ; и его созданія однообразны только въ томъ отношеніи, что они всѣ равно превосходны. Одинаковость воззрѣнія на предметы, разлитіе по нимъ однородной тѣни, означаютъ порокъ въ глазахъ. Эта поэтическая глазная болѣзнь причиною, что Г. Тимофеевъ охотно приноситъ въ жертву мрачности свою беселость и свое остроуміе, которыя бы придали столько блеску его созданіямъ, если бъ онъ болѣе цѣнилъ для такіа драгоцѣннаго качества. При всемъ томъ, Г. Тимофеевъ успѣлъ уже произвестъ нѣсколько прекрасныхъ большихъ поэмъ, которыя обезпечили ему одно изъ весьма почетныхъ мѣстъ въ Русской поэзіи, и мы воспользуемся появленіемъ его «Елизаветы Кульманъ» на Нѣмецкомъ языкѣ, чтобы поговорить еще разъ объ его сочиненіяхъ, вышедшихъ недавно подъ названіемъ «Опытовъ».

Въ трехъ томахъ его «Опытовъ» мы имѣемъ, кромѣ прозы, четыре большія поэмы, — «Поэтъ», «Жизнь и смерть», «Ели-

савета Кульманъ», и «Послѣдній день міра». Каждая изъ нихъ отличается большими достоинствами, но «Елисавета Кульманъ» и «Послѣдній день» безспорно суть двѣ самыя блистательныя, и, изъ двухъ, самая блистательная — «Елизавета Кульманъ». Эта колоссальная картина внутренняго міра юной поэтической дѣвушки истинно прелестна; Русская публичка живо почувствовала ея красоты, и вотъ уже ей воздаются почести перевода на одинъ изъ иностранныхъ языковъ. Ею Г. Тимофеевъ положилъ настоящее основаніе своей поэтической славѣ, которая уже блещетъ ярко, и безъ всякаго сомнѣнія сдѣлается еще ярче, потому что это послѣдняя его поэма, а нашъ молодой поэтъ, какъ мы уже замѣтили, не принадлежить къ разряду тѣхъ, которые отступаютъ назадъ послѣ первой удачной книги: онъ, напротивъ, въ каждомъ своемъ твореніи является опытнѣе, сильнѣе и выше. Такимъ образомъ, послѣ «Поэта», мы видѣли «Жизнь и смерть», произведеніе, уже весьма богатое прекрасными страницами; за этой поэмой явился «Послѣдній день», картина, въ цѣломъ поразительная, страшная, высокая, хотя въ частностяхъ не довольно обработанная; наконецъ поэтъ подарилъ намъ «Елизаветою Кульманъ», плѣнительной поэмой, которая далеко превзошла своихъ предшественницъ. Въ художествѣ прозы также пріобрѣтала постоянно Г. Тимофеевъ каждый разъ новые успѣхи, и мы лично имѣемъ несомнѣнныя доказательства этого: двѣ или три его повѣсти, именно, «Конрадъ фонъ-Тейфельбергъ» и «Утрехтскія происшествія», обѣ изъ первыхъ трудовъ его въ прозѣ, написаны были для нашего журнала; авторъ не отвергъ нашихъ совѣтовъ, передѣлалъ эти піесы до напечатанія и, кажется, не могъ жаловаться на неуспѣхъ ихъ въ публикѣ; теперь онъ внесъ ихъ въ собраніе своихъ сочиненій, и мы съ удовольствіемъ нашли, что онъ не ограничился первою своею удачею, — онъ еще разъ ихъ передѣлалъ, и улучшилъ. Съ такимъ желаніемъ совершенства можно быть увѣреннымъ въ продолжительномъ и постоянномъ преуспѣваніи. Всѣ остальные сочиненія въ прозѣ, напечатанныя въ этихъ трехъ томахъ, принадлежать исключительно ему; здѣсь онъ вовсе уже не прибѣгалъ къ совѣту чужой опытности, здѣсь онъ дѣйствовалъ одинъ, и между-тѣмъ литературными своими достоинствами

вся эти сочинения ни сколько не уступают двумъ повѣстямъ, трижды передѣланнымъ; даже превосходятъ ихъ. Эти усилія, эти съвѣдывимыя трудомъ приобретаемыя успѣхи неоспоримаго таланта, который притомъ такъ легко сочиняетъ, дѣлаютъ столько чести молодому писателю, что мы конечно не ошибемся, обобщая весьма многое отъ него Русской словесности и заранѣй считая Г. Тимофеева одной изъ будущихъ опоръ ея. Между-тѣмъ совѣтуемъ всемъ читать его прекрасные «Опыты». Но мы повторимъ ему еще разъ — обиліе опасно; большія поэмы суть разореніе самыхъ сильныхъ дарованій; не должно доверять способности своей сочинять стихи съ легкостью. Г. Тимофеевъ знаетъ, что мы говоримъ это изъ заботливости объ его славѣ и о пользѣ нашей словесности, которая лишилась Пушкина и тоскливо смотритъ на всѣ молодыя таланты — не вознаградить ли ея который изъ нихъ чѣмъ-нибудь за эту огромную потерю?

Гамлетъ, принцъ Датскій. Драматическое представленіе. Сочиненіе Вилліама Шекспира. Переводъ съ Англійскаго Николая Полеваго. Москва, въ тип. Семена, 1837, въ-8., стр. 207.

Переводъ творенія великаго поэта, предпринятый великимъ талантомъ, составляетъ всегда весьма важное явленіе въ литературѣ. Когда Гердеръ, Тикъ, Шлегель, Полевой, переводятъ Шекспира, это не простая передача смысла и выраженій текста: это копія образцовой картины, списанная отличною и умною кистью. Какъ я ни привыкъ уважать именъ знаменитыхъ переводчиковъ Гомера, а никогда не могъ прочесть двухъ страницъ Илиады въ ихъ переводахъ: мнѣ всегда казалось и кажется, что никто изъ нихъ не понималъ великаго рапсода, никто доселѣ не попалъ на эту живописную и выразительную, не простоту, а *грубость* Гомерова языка. То же самое находилъ я при чтеніи лучшихъ переводовъ Шекспировыхъ трагедій. Я не могу представить себѣ Шекспира безъ этихъ жесткихъ контуровъ стариннаго слога, безъ этой сильной грубости рѣчи, какими часто одѣваются у него самыя высокія мысли, и которыя, перенося меня въ вѣкъ писателя, показываютъ его геній на

томъ мѣствъ, гдѣ ояъ стоялъ въ свое время и въ своемъ обществѣ. Но чтобы перелить все это въ языкъ другаго народа, другаго вѣка, другихъ нравовъ, для этого нужны въ переводчикѣ удивительный инстинктъ и необыкновенное дарованіе. Скажемъ утвердительно: ни въ одномъ еще случаѣ перо Н. А. Полеваго не являлось съ большимъ блескомъ, съ большею властію надъ Русскимъ языкомъ, какъ въ этомъ переводѣ «Гамлета». Мы искренно удивлялись при этомъ случаѣ гибкости таланта Г. Полеваго, проникательности его сужденія при оцѣнкѣ относительнаго вѣщества разныхъ частей подлинника, и тому искусству, съ какимъ оный, такъ смѣло и такъ удачно, примѣнился къ движущейся рѣчи Шекспира и къ безчисленнымъ ея оттѣнкамъ. Этотъ переводъ восхитилъ насъ. Говорятъ, что въ Москвѣ оный имѣлъ необыкновенный успѣхъ, при представленіи, и мы легко понимаемъ причину: нельзя лучше схватить духа подлинника! Въ сценѣ декламирующихъ актеровъ Г. Полевой такъ мастерски поддѣлался подъ трагическій слогъ Озерова, столь недавній и уже столь древній, что, кажется, слышишь трагедію, написанную за пятьдесятъ лѣтъ до Шекспира. Сцена могильщиковъ, на которую мы прежде всего бросились съ любопытствомъ, передана превосходно. Мы приведемъ ее. Но когда рѣчь идетъ о переводѣ «Гамлета», то первое мѣсто принадлежитъ всегда знаменитому монологу втораго акта. Какъ Г. Полевой перевелъ этотъ монологъ? That is the question!

Мы говоримъ, что оный перевелъ его отлично. Знающіе по-Англійски знаютъ монологъ нанзустъ, и могутъ судить сами.

ГАМЛЕТЪ (*входитъ*).

Быть или не быть — вотъ въ чемъ вопросъ.
 Что доблестнѣе для души: свосить
 Удары оскорбительной судьбы,
 Или вооружиться противъ моря золь
 И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?
 Умереть — уснуть, — не больше, — и окончить своемъ
 Страданья сердца, тысячи мученій, —
 Наслѣдство тѣла: какъ не пожелать
 Такого окончанья!..... Умереть, уснуть —
 Уснуть, — быть можетъ грезить? Вотъ и затрудненье!

Да въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья
 Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
 Вотъ остановка! вотъ для чего хотимъ мы
 Влечься лучше въ долгой жизни!
 И кто бы перевесъ обиды, злобу свѣта,
 Травовъ гордость, сильныхъ оскорбленья,
 Любви отверженной тоску, тщету законовъ,
 Судей безстыдство, и презрѣныя это
 Заслуги терпѣливой за дѣянья чести,
 Когда покоемъ подарить насъ можетъ
 Одинъ ударъ! И кто понесъ бы это иго,
 Съ проклятиемъ, слезами, тяжелой жизни!.....
 Но страхъ — что будетъ тамъ? — Тамъ,
 Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
 Нѣтъ пришлецовъ..... Трепещетъ воля
 И тяжело заставляетъ насъ страдать,
 Но не бѣжать къ тому, что такъ безвѣстно,
 Ужасное сознанье робкой думы!
 И яркій цвѣтъ могучаго рывенья
 Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья!
 И смѣлость быстрого порыва гибнетъ,
 И мысль не переходитъ въ дѣло..... Тише,
 Милая Оселія!..... О нимфа!
 Помни грѣхи мои въ молитвахъ!.....»

Вотъ сцена могильщиковъ, роющихъ яму на кладбищѣ:

«ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

«Да развѣ ее будутъ хоронить какъ порядочнаго человѣка, когда она самовольно отправилась на тотъ свѣтъ?»

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Разумѣется; копей скорѣе могилу; судьи ужъ разсудили, что ее должно похоронить какъ водится.

ПЕРВЫЙ.

Да какъ же это, когда она утопила тѣло свое самовольно?

ВТОРОЙ.

Открылось, что неволью.

ПЕРВЫЙ.

Да ужъ все повольно. Вотъ въ чемъ причинность: если я топлю свое тѣло, — такъ, — дѣло; а дѣло дѣлаетъ — собственно дѣло, потому производство дѣла и исполненіе дѣла. Ну, какъ хочешь — она утопилась добровольно!

ВТОРОЙ.

Послушай-ка, товарищ.

ПЕРВЫЙ.

Погоди! — Воть рѣка, — такъ; тутъ человекъ, — такъ; если человекъ пошелъ къ рѣкѣ и утонулъ, — споръ онъ или не споръ, — онъ пошелъ. — Видишь ли? онъ, а не она. Воть если бы она пошла, такъ вышло бы, что она утонула, и выходитъ, что тотъ не виноватъ въ своей смерти, кто не покушался на смерть..... А?

ВТОРОЙ.

Ну, а по закону?

ПЕРВЫЙ.

По закону? Ну, — да такъ и есть, — я объ законѣ-то и говорю.

ВТОРОЙ.

Авъ не такъ! Она была благородная, потому и хоронится благородно.

ПЕРВЫЙ.

Какъ? Ну да, то-то и жаль, что кто посылъе, такъ ему и утопиться-то не плохо. Товарищъ, заступъ! за работу! Чортъ побери, — нѣтъ никого на свѣтѣ старше по званію какъ садовникъ, копачъ да могильщикъ: у нихъ самое старинное ремесло, Адамово занятіе.

ВТОРОЙ.

А развѣ что старше, то и лучше?

ПЕРВЫЙ.

Разумется. Экой безтолковой!

ВТОРОЙ.

Такъ стало осель лучше меня, когда онъ старше меня?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ я тебя спрошу, — отвѣчай.

ВТОРОЙ.

Послушаемъ.

ПЕРВЫЙ.

Что всего прочтѣе на свѣтѣ стронется?

ВТОРОЙ.

Что прочтѣе? Висълиця; она переживаетъ всѣхъ своихъ жильцовъ.

ПЕРВЫЙ.

За это стоило бы тебя самого на висълицу. Видишь ты, умникъ: кто худо дѣлаетъ, тому хорошо идетъ висълиця, а ты про худое говоришь хорошо, стало тебѣ надо худо. Да, отвѣчай-ка мнѣ на вопросъ!

ВТОРОЙ.

На вопросъ? То есть, что прочтѣе всего на свѣтѣ стронется?

ПЕРВЫЙ.

Да; отвѣчай, я только.

ВТОРОЙ.

Изволь; знаю.....

ПЕРВЫЙ.

Такъ говори.

ВТОРОЙ.

Пожалуй..... Право, братъ, не знаю! — дай подумать.

ПЕРВЫЙ.

Не ломай головы по пустякамъ; лѣнивому ослу палкой не прибавишь ходу. Когда тебя спросятъ, что всего прочнее стронется на свѣтъ, отвѣчай — гробъ, потому что его строить человеку на жизнь во вѣки вѣковъ. Ступай-ка, да принеси вина!

(Одинъ могильщикъ уходитъ; другой остается, роетъ могилу и поетъ):

Лихой, удалый я бывалъ,

Любилъ играть и пѣть;

Теперь и старъ и хилъ я сталъ,

Пришлось не пѣть — кряхтѣть.»

Эти два отрывка достаточно оправдываютъ похвалу, которую мы огдали новому переводу «Гамлета». Намъ остается только поблагодарить почтеннаго переводчика и поздравить Русскую словесность съ приобретениемъ подобной книги.

Чтенія о словесности. *Курсъ первый. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. VIII и 259.*

Чтенія эти, какъ мы узнаемъ изъ предисловія, изданы слушателями Г. профессора Давыдова, которые записывали его изустныя объясненія: онъ принялъ на себя трудъ только исправить ихъ рукописи. Г. Давыдовъ говоритъ, что изданіе остальныхъ двухъ курсовъ будетъ завистью отъ благоклоннаго пріема перваго курса. Если дѣло стало только за этимъ, то онъ смѣло можетъ приступить тотчасъ къ изданію втораго и третьяго курсовъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, потому что книга умная, толковая, исполненная здравыхъ сужденій о дѣлѣ, столь занимательномъ для каждаго образованнаго челоѣтика какъ философія Словесности, никогда не должна сомнѣваться въ разборчивости Русскихъ читателей. Намъ до-сихъ-поръ мучили въ Русскихъ риторикахъ или деревянными правилами Греческихъ и Римскихъ педантовъ, которые изъ Словесности дѣлали ремесленное

занятіе, или туманными отвлеченностями Германскихъ профессоровъ, бесполезными въ практикѣ. Г. профессоръ Давыдовъ слѣдовалъ въ своихъ чтеніяхъ творенію умнаго Блера, и онъ не могъ избрать для себя лучшаго руководителя въ такой наукѣ, гдѣ на каждый вопросъ написано по десяти противорѣчащихъ отвѣтовъ и теорій. Блеръ въ высокой степени отличался тѣмъ особеннымъ качествомъ ума, которымъ природа надѣлила Англичанъ, именно, способностью видѣть всегда самую положительную сторону предметовъ, самую сообразную со здравымъ смысломъ, и слѣдственно самую полезную; драгоценною способностью, которая послужила имъ орудіемъ къ открытію великихъ законовъ природы, къ созданію непримѣрной промышленности и къ сооруженію въ своемъ языкѣ великолѣпнѣйшей изъ новѣйшихъ словесностей. До всего этого достигли они счастливо держась середины между эмпиризмомъ древнихъ и Французовъ, народа съ умомъ преимущественно механическимъ и рѣшающимъ дѣла громкими словами, и идеализмомъ, въ которомъ погрѣла мечтательная Германія. Блеръ шелъ этимъ среднимъ путемъ въ Словесности, и своими свѣтлыми сужденіями о дѣлѣ, которое тогда было еще запутано произвольными и смѣшными правилами древнихъ риторовъ, много способствовалъ къ распространенію здравыхъ, положительныхъ, понятій объ немъ въ Англии, и много сдѣлалъ добра литературѣ своего народа. Въ нѣсколькихъ словахъ можно показать весь умъ Блера въ свою эпоху и всю пользу чтеній Г. Давыдова въ нынѣшнемъ положеніи философіи Словесности у насъ въ Россіи: они раздѣляютъ слогъ на естественный, принужденный и пламенный, а не *высокій, средний и низкій*, смѣшныя названія, варварское и уродливое раздѣленіе, пагубнѣе котораго нельзя ничего придумать для вкуса, языка и искусства. Мы непремѣнно возвратимся еще разъ къ этимъ прекраснымъ «Чтеніямъ», которыя притомъ написаны живо, умно, пріятно, и заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ желающихъ писать или судить о писанномъ.

1. поученіе, какъ стоять въ церкви во время божественной литургіи. Сп.-бургъ, въ тип. Смирдина, Глазунова и К°, 1837 гъ-16., стр. 132.

2. КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ на литургію, собранное изъ разныхъ писателей, придворнаго собора протоіереевъ Григоріемъ Мансветовымъ. Изданіе третіе. Сп.-бургъ, въ тип. Смирдина, Глазунова и К°, 1837, въ-8., стр. 140.

3. УЧИЛИЩЕ ВЛАГОЧЕСТІЯ, или *Примѣры христіанскихъ добродѣтелей*, выбранныя изъ житій Святыхъ. Изданіе пятое. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1837, въ-8. Шестъ частей, стр. III. III и 131 – 145 – III и 163 – IV и 163 – 114 и III – 110 и III.

Всѣ эти три книги, произведенія одного изъ почтенныхъ литераторовъ нашихъ духовнаго званія, кажется, преимущественно назначены для назидательнаго чтенія юношества. Но и взрослымъ стоитъ прочесть ихъ. Исполненные святой, чистой нравственности, онѣ, при маломъ объемѣ, даютъ достаточное понятіе о великомъ предметѣ, который, къ несчастію, нерѣдко бываетъ пренебреженъ въ образованіи молодыхъ людей. Изъясненіе святыхъ таинствъ и обрядовъ православной Церкви, исполняя душу благоговѣйною вѣрою, укрѣпляетъ въ сердцѣ основаніе всѣхъ добродѣтелей, — религію. «Училище благочестія», выборъ поучительныхъ и прекрасныхъ примѣровъ изъ четій-миней и прологовъ, давно уже извѣстно отцамъ семействъ, принято при публичномъ воспитаніи, и составляетъ усладительное чтеніе во всѣхъ званіяхъ и возрастахъ. Если бы также искусно сдѣлано было извлеченіе изъ четій-миней съ прологовъ болѣе полное и систематическое, это была бы одна изъ самыхъ полезныхъ книгъ, какихъ можно пожелать теперъ Русской литературѣ. Какъ многимъ нынче недоступны и по языку и огромности жизнеописанія святыхъ угодниковъ и мучениковъ, свѣтилъ православія! И не сушая ли это потеря для души и сердца?

1. РОССИЯ, въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Ручнал книги для Русскихъ всѣхъ сословій. Оаддеа Булгарина. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1837, въ-12. Четыре части, стр. XXV, 272 и 29 – IV и 411 – XI, 313, 92 и VI, – IV, 233 и 23, съ картами, рисунками и таблицами.

2. акты, собранные въ библиотекахъ и архивахъ Россійской имперіи Археологическою экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною комиссіею. Сп.-бургъ, въ тип. II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836, въ-4. Четыре тома, 2,100 страницъ.

3. обзоръніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, произведенное и изданное по Высочайшему соизволенію. Сп.-бургъ, въ тип. Д. Впшней Торговли, 1837, въ-8. Четыре части, стр. VI и 339 — 401 — 392 — 360, съ картою и таблицами.

Вотъ цѣлыхъ двѣнадцать томовъ, въ четверку, въ осмущку, въ двѣнадцатую долю, плотно напечатанныхъ и въ которыхъ есть что почитать. Никто послѣ этого не удивится, если для нихъ мы оставили въ покоѣ десятокъ Московскихъ романовъ, трагедій и брошюръ.

Каждое изъ этихъ трехъ изданій такъ важно, что мы должны посвятить имъ обширныя статьи въ отдѣленіи «Критики». Въ нынѣшней книжкѣ мы могли дать мѣсто только обзорънію «Актовъ», собранныхъ археографическою экспедиціею и дополненныхъ комиссіею, на которую возложено было ихъ изданіе.

«Россія», О. В. Булгарина, которой цѣлыя тысячи подпизииковъ ожидало съ такимъ нетерпѣніемъ, мы имѣемъ передъ собою первый выпускъ, — четыре части, — двѣ части исторіи и двѣ части статистики. Различныя сужденія возникнуть, конечно, объ этомъ обширномъ трудѣ, котораго самая огромность и полезная цѣль должны уже внушать къ нему полное уваженіе. Но судить объ немъ слѣдуетъ не какъ объ исторіи и статистикѣ Россіи, которыя потребовали бы для себя однѣ, не четырехъ, а сорока томовъ, но какъ объ «ручной книгѣ для всѣхъ сословій», какъ о книгѣ общенародной, которую могъ бы читать и человекъ образованный и тотъ, кто получилъ едва первыя начала образованія. Для сочиненія такихъ книгъ требуется особенное искусство, необыкновенная легкость и ясность изложенія и даръ увлекать читателя разсказами, при необходимой сжатости и точности фак-

товъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ авторъ, по мнѣнію нашему, выполнилъ свое дѣло съ отличнымъ успѣхомъ. Сколько можно судить о цѣломъ по третьей долѣ, — потому что эти четыре части составляютъ только треть всего сочиненія, котораго будетъ двѣнадцать частей, — лучшей ручной книги не возможно желать по такому обширному и многосложному предмету какъ изображеніе Россіи въ четырехъ главныхъ видахъ. Нѣкоторыя изъ историческихъ мнѣній автора встрѣтятъ безъ-сомнѣнія противорѣчія, но въ исторіи можно противорѣчить всему, и этого рода споры отнюдь не уменьшаютъ ни достоинства ни пользы хорошихъ ручныхъ книгъ. Статистическія свѣдѣнія, какъ кажется, заимствованы изъ весьма надежныхъ источниковъ, и суть плодъ многочисленныхъ сношеній и изысканій. Но мы не хотимъ судить здѣсь безъ доказательствъ и отлагать мнѣніе наше о подробностяхъ до обзора содержанія первыхъ четырехъ частей «Россіи.»

«Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ» есть книга величайшей важности, книга равно любопытна для Русскаго и для Европейскаго ученаго, и которая могла быть составлена только съ правительственными средствами. Это настоящая сокровищница всякаго рода свѣдѣній, данныхъ, фактовъ, первая систематическая картина Закавказскаго Края, съ которымъ мы, при помощи ея, постараемся ближе познакомить нашихъ читателей.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ. 1462—1689. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1837, въ-12. Часть вторая, стр. 387, съ родословною таблицею.

Это второй томъ «Русской Исторіи» Г. профессора Устрялова, о которой мы, какъ вѣдѣмъ извѣстно, самаго выгоднаго мнѣнія. Русское царство представлено здѣсь въ борьбѣ съ Татарами и съ Поляками, и вторая борьба его изложена такъ хорошо, живо, занимательно, какъ только можно было ожидать отъ писателя, который съ особенною любовію изучалъ эпоху Самозванцевъ и издалъ для изученія ея много превосходныхъ матеріаловъ. Торжествомъ Россіи надъ вѣнскими врагами и внутреннимъ безначаліемъ оканчивается эта вто-

рая часть «Русской исторіи», но за описаніемъ возшествія на престолъ Дома Романовыхъ слѣдуютъ еще любопытные очерки Русской старины, гдѣ авторъ весьма остроумно, съ своимъ особеннымъ взглядомъ на отечественную исторію, разсматриваетъ положеніе верховной власти, церковь, народныя сословія, законы, управление, ратное дѣло и жизнь общественную и частную, въ эти два истинно романтическія столбціа Руси.

путешествія *Русскихъ людей въ чужія земли. Редакція И. П. Сахарова. Изданіе Н. Власова. СПб.-бургъ, въ Гуттенберговой тип., 1837, въ-8., стр. VIII и 110, съ снимкомъ.*

Вотъ дѣло, за которое давно надобно было приняться, — собрать, списать и издать путешествія Русскихъ, до царствованія Петра Великаго, въ чужія земли. Не говоря уже о любопытности такой книги, самая польза ея для древней географіи и исторіи неоспорима. А взглядъ нашихъ предковъ на людей и предметы! Развѣ это не важное поясненіе ихъ нравственнаго и общественнаго быта? Но и чужеземцу такая книга не бесполезна: онъ перѣдко найдетъ въ ней пояснительныя строчки на свою географію и исторію. Прибавимъ наконецъ, что матеріаловъ для такой книги у насъ не мало. Наши старинки не всегда саживали сиднями. Благочестивыя «хожденія» въ Палестину, торговыя прогулки въ Царьградъ, странствованія въ Азіятскую сторону, царскія послышки въ «бусурманскія земли», сохраненныя въ статейныхъ спискахъ, всего этого довольно найдется въ нашихъ лѣтописяхъ и архивахъ.

Г. Сахаровъ усердно принялся за изданіе старинныхъ Русскихъ путешествій. На первый разъ онъ объявляетъ, что издастъ, въ *шести частяхъ*, пятнадцать путешествій, и онъ издалъ теперь первую часть, въ которой мы находимъ путешествіе «Даніила Поломника» въ Палестину. Послѣ «Путешествій Русскихъ людей», будетъ издано собраніе статейныхъ списковъ, подъ заглавіемъ «Памятники Русской земли».

Поблагодаримъ издателя за трудъ полезный. Должно упомянуть также и имя почтеннаго любителя отечественныхъ

древностей, И. Н. Власова, на издивеніе котораго печатается книга очень опрѣтно и красиво.

Первый томъ «Путешествій Русскихъ людей» заключаетъ въ себя, кромѣ Даніила Полоцкаго, еще легенду о путешествіи въ Палестину Полоцкой княжны Предиславы, или Святой Евфросиніи, дочери князя Георгія Всеславича, которая была потомъ игуменьею Спасскаго Полоцкаго монастыря. Полагаютъ, что Святая Евфросинія скончалась въ Иерусалимѣ, въ 1173 году. Мощи ея почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ, а память празднуется 23 мая. Современныхъ свѣдѣній о путешествіи Святой Евфросиніи нѣтъ; краткая легенда объ немъ сохранилась только въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, — въ «Степенной Книгѣ и минелхъ». Г. Сахаровъ списалъ ее изъ новѣйшей миней-четвіи.

Гораздо важнѣе, въ историческомъ отношеніи, «Путешествіе въ Палестину Даніила Игумена Русскаго». Знаемъ, что Даніилъ жилъ въ началѣ XII вѣка, и догадываемся, что онъ былъ житель Черниговскій. Больше ничего неизвѣстно. Но его описаніе Палестины носитъ на себѣ всѣ признаки достоверности, и въ высокой степени любопытно. Мы встрѣчаемъ здѣсь Балдуина уже владыкою Иерусалимскимъ. Даніилъ былъ имъ обласканъ, свободно обозрѣвалъ всѣ святыя достопамятности Палестины, и описываетъ ихъ весьма подробно. Списки его «Хожденія» находятся во многихъ бібліотекахъ нашихъ.

Есть два способа издавать старинные памятники, — одинъ ученымъ образомъ, разбирая каждое слово съ поясненіями, изслѣдованіями, критикою яменъ собственныхъ, — другой, издавать просто, стараясь только сохранить текстъ, и предоставляя ученую критику другимъ. Это легче, и этотъ способъ избралъ Г. Сахаровъ. Впрочемъ, онъ свелъ текстъ изъ шести старинныхъ списковъ.

Мы, конечно, не вправѣ требовать, чтобы всякой издавалъ древніе памятники критически, и повторяемъ нашу благодарность Г. Сахарову за трудъ; но желательно было бы найти въ дальнѣйшихъ частяхъ его книги исправленія или, лучше сказать, объясненія явныхъ ошибокъ и описокъ текстовъ, сдѣланныхъ нѣскольکو тщательнѣе. Мы съ удивленіемъ прочитали, наприимѣръ, слова Г. Сахарова (стр. 8), будто «нѣтъ

ни какой возможности возстановить правильнаго чтенія названій городовъ», о которыхъ говоритъ Половникъ, описывая путь свой отъ Царяграда до Иерусалима. Намъ кажется, что стоило только взять хорошую ландкарту, и все изуродованныя переписчиками названія мѣстъ сдѣлались бы издателю ясными и понятными. Попробуемъ это мимоходомъ. Вотъ всѣ «непонятныя» географическія названія Половника :

«*Узкое море*» — это вообще Мармарное Море, въ противоположность «*Великому*», или Архипелагу. «*Петала островъ*» — древній *Proconesus*, нынѣшній Мармара. Городъ противъ него, *Ираклій Великій* : это Ираклеа, нынѣшній Эрекли. Островъ *Недъ* или *Неда* — Тенедось. Островъ *Миталій* — Метелинъ. Островъ *Ахій*, или *Ахія* — Хиось. Островъ *Самъ* — Самось. *Карій*, древній Икорій, нынѣшняя Никорія. Островъ *Нисара* — древній *Nisuros*, нынѣшній Нисирось. Островъ *Тилосъ* — древній Телось, нынѣшняя Пископія. Островъ *Харскій* — древняя *Chalcia*, нынѣшній Халки, близъ Родоса. Островъ *Макринъ* — это древній *Naxos*, въ числѣ Спорадовъ. Острова *Патомъ* (Патмосъ) *Леросъ*, *Косъ*, и города *Кали-Поли* (Галиполи), *Авидъ* (Авидось, Дарданеллы), *Троаду* (*Alexandria Trojas*, Александрова Троя, нынѣшній *Кумъ-калеси*, въ юго-западномъ углу Троянской долины, или Трояды), *Эдесъ* (Эфесъ), *Патеръ* (мѣсто родины чудотворца Николая), *Миръ*, — кажется, понятны рѣшительно. *Хилидонія*, наконецъ, это острова Хелидонскіе, близъ берега древней Ликии, подлѣ древняго *Promontorium Sacum*, нынѣшняго Хелидона. Что жъ тутъ было непонятнаго въ географической номенклатурѣ Данила? Такъ же можно было бы возстановить и всѣ другія собственныя имена, напечатанныя у Г. Сахарова весьма невѣрно, по грубымъ древнимъ оригиналамъ.

Насъ остановило еще сомнѣніе Г. Сахарова въ томъ, когда именно Данилъ былъ въ Палестинѣ. Это ясно: «*ходилъ есмь тамъ въ княжскіе Русское, В. К. Святопомка Изяславича*». Данилъ описываетъ потомъ походъ Балдуина къ Дамаску. Походъ этотъ, при которомъ находился и онъ, былъ въ 1115 году. Но Святопомкъ умеръ въ 1113 году? Такъ; 16 апрѣля 1113 года: но Данилъ прожилъ въ Иерусалимѣ около двухъ лѣтъ, и могъ сказать, что онъ ходилъ въ княженіе Святопом-

на, тѣмъ болѣе что онъ, какъ Черниговецъ и, следовательно, приверженецъ Олеговичей, не могъ съ удовольствіемъ смотрѣть на овладѣніе Мономаха Кіевомъ и великимъ княжествомъ послѣ смерти Святополка-Михаила, который хоть былъ тѣню на велико-княжескомъ престолѣ, однако не допускалъ Мономаховичей до полновластья въ Русской землѣ.

путешествіе барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе въ 1829 по Сибири и къ Каспійскому Морю, перевелъ съ подлинника И. Нероновъ. Сп.-бургъ, въ тип. Снъгирева и К°, 1837, въ-8., стр. 180.

Г. Нероновъ предупредилъ эпиграфомъ своего перевода всѣ похвалы, какія только мы могли бѣ воздать и переводимой книгѣ и разборчивости переводчика. Вотъ этотъ эпиграфъ: «Желательно обратить на это важное сочиненіе по болѣе вниманія нашихъ переводчиковъ. Если они находятъ досугъ переводить всякую новую мелочь, — вотъ книга, которая составитъ драгоценный подарокъ для Русской публики. Важность предметовъ, обширность изслѣдованій, глубина выводовъ, заставляютъ насъ желать, чтобы книга Гумбольдта явилась въ Русскомъ переводѣ. *Московский Телеграфъ*, августъ, 1832.» Мы совершенно согласны съ Московскимъ Телеграфомъ и съ Г. Нероновымъ. Одного только не было сказано въ Телеграфѣ 1832 года, — что Г. Нероновъ хорошо переведетъ книгу Гумбольдта въ 1837 году. Поэтому ничего не говорится въ эпиграфѣ о достоинствѣ перевода. Но Г. Нероновъ можетъ припечатать другой эпиграфъ, хоть на оберткѣ книги, и мы предлагаемъ ему выставить слѣдующія слова: «И она явилась въ весьма хо-рошемъ Русскомъ переводѣ Г. Неронова, который началъ прекрасно переводить и издавать Путешествіе Гумбольдта въ Америку, и, къ сожалѣнію пересталъ. *Библіотека для Чтенія*, апрѣль, 1837.»

военная географія Европы, въ таблицахъ, сочиненіе Франца Рудторфера, подполковника императорской Австрійской службы. Переведена съ Нѣмецкаго по дозволенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича; въ переводѣ исправлена и допол-

неннов генераль-майоромъ барономъ Зедделеромъ; издана издвненіемъ Я. Брифа. С.П.-бургъ, 1837, въ листъ. Тетрадь первая.

Вотъ еще очень полезная книга, которую мы весьма рекомендуемъ не только всѣмъ офицерамъ, но и всѣмъ преподающимъ или изучающимъ Географію, и даже тѣмъ, которые читаютъ газеты и журналы. Съ перваго взгляда они отыщутъ въ этихъ таблицахъ, составленныхъ ясно и съ удобствомъ, нужныя географическія свѣдѣнія о каждомъ мѣстѣ, округѣ и государствѣ Европы. Къ тексту присоединена ландкарта на четырехъ листахъ. Сверхъ-того «Военная географія», Рудторфера, лучшее сочиненіе въ этомъ родѣ, является по-Русски исправленною и дополненною знатокомъ дѣла, и слѣдственно переводъ этотъ имѣетъ важныя преимущества передъ подлинникомъ. Изданіе весьма красиво, за что надо поблагодарить особо Г. Брифа, на издвненіе котораго оно печатается.

«Военная Географія» будетъ состоять изъ четырехъ такихъ тетрадей.

Физиологія, изданная для руководства своихъ слушателей Алексѣемъ Филомаѳницкимъ, медицины докторомъ, И. Московскаго Университета экстраординарнымъ профессоромъ Физиологии и Общей Патологии. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8. Часть первая, стр. VIII и 448.

Вотъ по-крайней-мѣрѣ физиологія, которую, — слогъ въ сторону, — можно читать съ удовольствіемъ, не опасаясь головной боли! Умное, отчетливое собраніе всего, что донынѣ дознано опытомъ или выведено строгимъ логическимъ заключеніемъ изъ данныхъ отца нашего, Опыта. Книга чело-вѣка, знакомаго въ совершенствѣ съ своею частію и съ новѣйшими изысканіями изслѣдователей всѣхъ народовъ. Въ концѣ прешлаго года общали мы представить нашимъ читателямъ разборъ одной Петербургской физиологіи, которая вышла подъ заглавіемъ «Основныхъ начертаній», въ то же время какъ въ Москвѣ явился «Новый Оракулъ»: конечно, «Новый Оракулъ» ровно столько же полезенъ для Физиоло-

гін и познанія матеріального челоуѣка какъ и эти «Основныя начертанія», и вдвоемъ они бь могли доставить прекрасную статью нашему журналу, но мы знали о выходѣ въ Москвѣ «Физиологін» Г. Филомаѣицкаго и хотѣли непременно присоединить ее къ обзору предмета, потому что, правду сказать, ни изъ «Оракула» ни изъ «Основныхъ начертаній общей и частной Физиологін» нѣтъ возможности узнать даже того, какимъ образомъ происходитъ въ насъ пищевареніе: объ этомъ важномъ предметѣ, въ «Основныхъ начертаніяхъ», сказано только что *пищевареніе содѣлывается печенкою*, а въ «Новомъ Оракулѣ» даже и этого не сказано. Если бь Г. Филомаѣицкій не растолковалъ намъ занимательнаго вопроса о пищевареніи, свѣтъ, обладая «Основными начертаніями общей и частной Физиологін» и «Новымъ Оракуломъ», остался бы въ полномъ невѣдѣніи того, что происходитъ у него въ желудкѣ послѣ обѣда, что можно ѣсть и чего не должно, и сколько можно ѣсть такъ чтобы не лопнуть, — главный пунктъ Медицины и нашего физическаго существованія. «Физиологія» Г. Филомаѣицкаго вышла, какъ видно изъ заглавнаго листа, еще въ прошломъ году, но мы во всемъ книжномъ Петербургѣ не могли отыскать ни одного экземпляра ея, и тѣмъ экземпляромъ, который на-дѣлхъ читали, обязаны одолженію одного изъ ученыхъ друзей автора. Мы спѣшимъ открыть Г. Филомаѣицкому это отсутствіе въ Петербургской торговлѣ его дѣльной и полезной книги: она бы наша здѣсь многочисленныхъ читателей. Между-тѣмъ мы весьма рады, что добыли хоть чужой экземпляръ, потому что намѣрены представить отчетъ, вмѣстѣ, о физиологическихъ трудахъ Г. академика Велланскаго и о сочиненіи Г. Филомаѣицкаго.

1. курсъ скотоводства, и прочая, издаваемый профессоромъ Всеволодовымъ. *Тетради II, III, IV и V.*

2. бесѣды съ дѣтьми о хозяйствѣ, домашнемъ, сельскомъ, мануфактурномъ, и торговлѣ. Сочиненіе Виктора Бурьянова. *СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1837, въ-8., стр. 14 и 285.*

3. краткое начертаніе всеобщей исторіи промышленности. Переводъ съ Французскаго, дополненный краткою

исторію промышленности въ Россіи. Сп.-бургъ, въ тѣл. Греча, 1837, въ-8. Двѣ части, стр. 162 и 104.

Такъ какъ мы рѣшились говорить въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ только о книгахъ хорошихъ и достойныхъ чтенія, то нельзя еще не извѣстить о выходѣ четырехъ новыхъ тетрадей «Курса скотоводства», Г. Всеволодова, при которыхъ приложены прекрасные рисунки, выполненные на камнѣ сыномъ почтеннаго профессора. Эту книгу мы еще разъ сильно рекомендуемъ сельскимъ хозяевамъ.

«Бесѣды съ дѣтьми о хозяйствѣ», Г. Бурьянова, тоже очень хорошая книжка, которую смѣло можно дать въ руки дѣтямъ отъ десяти до тридцати лѣтъ включительно. Она кажется намъ составленною подъ руководствомъ опытнаго хозяина. Мы бы охотно выписали изъ нея нѣсколько отрывковъ, но здѣсь уже нѣтъ мѣста.

Мы думали сначала, что «Краткое начертаніе исторіи промышленности», изданное Г. Фариковымъ и переведенное изъ Encyclopédie portative, безтолковое что-нибудь, какъ вся эта энциклопедія; и весьма рады видѣть себя жестоко обманутыми. На Русскомъ языкѣ статья эта совсѣмъ передѣлана, дополнена, и составила маленькій сборникъ свѣдѣній о торговлѣ и промышленности, очень вѣрный и любопытный. Исторія промышленности въ Россіи начертана съ особеннымъ тщаніемъ и весьма дѣльно. Эту книгу также съ большою пользою можно употребить для первоначальнаго чтенія.

1. таблицы логарифмовъ чиселъ отъ 1 до 108,000 и синусовъ, косинусовъ и тангенсовъ, отъ секунды до секунды для первыхъ пяти градусовъ, и отъ десяти до десяти секундъ для всѣхъ градусовъ четверти окружности, съ присовокупленіемъ логарифмовъ тригонометрическихъ линий по новому раздѣленію окружности, и предварительнаго разсужденія, содержащаго (въ себѣ) объясненіе свойствъ, суммированія логарифмовъ и употребленія ихъ въ Астрономіи, Мореплаваніи, практической Геометріи и вычисленіяхъ процентовъ, составленный Францискомъ Коллетомъ. Изданіе стереотипное. Объясненіе свойствъ и употребленія логарифмовъ переведено профессоромъ

Первоизданнымъ. Москва, въ тип. Семена, 1837, въ-8., стр. 172. Стереотипныя таблицы печатаны въ Парижѣ у Дидота.

2. ручная математическая энциклопедія. Книжка одинадцатая. Физики часть первая. Общія свойства тѣлъ, явленія тяжести и тепла. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-16., стр. VI и 744, съ таблицею и шестью чертежами.

Эти книги мы соединяемъ также подъ одну статью, потому что, кромѣ общности предмета, обѣ онѣ составлены однимъ ученымъ, Д. М. Первоизданнымъ, профессоромъ Московскаго университета, и обѣ изданы А. С. Ширлевымъ; наконецъ, если угодно, и потому что обѣ достойны равнаго вниманія по своей полезности.

Не довольствуясь изданіемъ сокращенныхъ логарифмическихъ таблицъ Лаланда (Б. для Ч., XVII, vj, 47), Г. Ширяевъ выписалъ изъ Парижа пространныя Дидотовскія таблицы, составленныя Коллетомъ, и издалъ ихъ теперь съ переводомъ на Русскій языкъ Французскихъ объясненій: этимъ значительно облегчается употребленіе таблицъ для Русскихъ математиковъ, которые, вѣроятно, не всѣ знаютъ по-Французски такъ хорошо чтобы понимать его ученую терминологию. Для учебныхъ заведеній, въ особенности, Дидотовскія таблицы будутъ теперь совершенно понятны. Изданіе превосходно.

«Физика» Г. Первоизданнымъ составляетъ одинадцатую часть «Ручной математической энциклопедіи», которую уже нѣсколько лѣтъ издаетъ почтенный профессоръ вмѣстѣ съ Г. Ширяевымъ. Полезное это предпріятіе скоро будетъ приведено къ окончанію. Это трудъ истинно ученаго человека, знатока своего дела, умѣющаго выразиться кратко, ясно и полно. Не думая вдаваться въ мечтательныя теоріи, Г. Первоизданнымъ опирается на вычеты при каждой строчкѣ, и его книжечку можно назвать истиннымъ антидотомъ прогнѣвъ недавно вышедшей въ Москвѣ физики, громко-туманно-теоретотвлеченно-трансцендентно-абсолютно-спекулятивно-пустоопорожней.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

=

— Первымъ здѣсь долгомъ считаемъ мы опять обратить вниманіе нашихъ читателей на новый поэтическій талантъ и, что любопытно, на талантъ дѣвичій. Въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч. найдутъ они стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Видѣніе дѣвушки», которые мы просимъ ихъ прочесть со вниманіемъ. Оно — произведеніе юной четырнадцати-лѣтней особы, дѣвицы Е. В. Шаховой. Императорская Россійская Академія, открывъ въ ней столь примѣчательное дарованіе, которое со временемъ можетъ сдѣлаться весьма блестящимъ, первая оказала ей пособіе подаркомъ пяти сотъ рублей, — потому что, къ сожалѣнію, судьба и этому таланту, какъ большей части избранныхъ природы, дала въ удѣлъ бѣдность. Но участіе благородныхъ покровителей дарованій, вѣрно, не забудетъ, на Руси, юной Шаховой, которая отъ насъ, любителей изящнаго и Русскаго, ждетъ еще средствъ къ своему умственному усовершенствованію.

— Воспитаніе молодыхъ людей обоюго пола въ казенныхъ заведеніяхъ сдѣлалось нынче предметомъ общаго желанія родителей; но опытъ доказываетъ, что многіе, имѣя возможность дать дѣтямъ общественное образованіе, лишаютъ ихъ этого блага, единственно потому что не знаютъ, на какомъ основаніи малолѣтние принимаются въ училища, въ какое время, какимъ порядкомъ, и къ кому надобно обращаться съ прошеніями. Для отвращенія, въ иѣкоторой части, этого неудобства уже издапо, составленное по приказанію Его Императорскаго Высочества, «Руководство для родителей, желающихъ опредѣлить дѣтей своихъ въ военно-учебныя заведенія». Съ той же цѣлю правитель канцеляріи департамента народнаго просвѣщенія, Г. Бланкъ, съ предварительнаго одобренія начальства, составляетъ нынче и скоро издастъ чрезвычайнаго полезное «*Руководство для опредѣленія дѣтей въ учебныя заведенія Россійской Имперіи*», въ двухъ частяхъ, которое будетъ служить дополненіемъ къ первой книгѣ и обнимать все прочія вѣтви общественнаго воспитанія въ вѣдомствахъ министерствъ народ-

наго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, удѣльномъ, почтовомъ, путей сообщенія, духовномъ Греко-Россійскаго иностранныхъ исповѣданій, въ училищахъ состоящихъ при благотворительныхъ и богоугодныхъ учрежденіяхъ Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, Императрицы Маріи, Великой Княгини Елены Павловны, Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, и въ Царскосельскомъ Лицеѣ, съ краткимъ объясненіемъ правилъ для частнаго и домашняго воспитанія.

— Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ Москвѣ «Курсъ сельскаго хозяйства», составленный профессоромъ Павловымъ. Первая часть уже отпечатана; вторая печатается; все сочиненіе будетъ состоять изъ пяти частей: 1. Основанія науки; 2. Земледѣліе; 3. Разведеніе растений; 4. Разведеніе животныхъ; 5. Устройство, или организація, хозяйства.

— Мы надѣемся пріятно одолжить Русскихъ сельскихъ хозяевъ извѣстіемъ, что на прекрасной фермѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, которая подъ искуснымъ управленіемъ М. А. Байкова въ два года превратила сыпучіе пески, окружающіе Парголовскую дорогу, въ цветущія поля и живописныя виды, можно достать (за деньги) свѣяна ржи Вазской; Англійскаго многоплоднаго кустоваго овса, бѣлаго и чернаго; Англійскаго кустоваго ячменя, озимаго, яроваго, ранняго и поздняго; ячменя Гималайскаго и небеснаго; картофелю разныхъ сортовъ, и турнепавъ. Адресоваться надобно къ смотрителю фермы Ревагину, который дастъ и наставленіе о воздѣлкѣ земли подъ всѣ эти свѣяна. Тамъ же продаются, на племя, Ютландскія свиньи отличной породы. Это для сельскихъ хозяевъ. Для насъ, городскихъ жителей, которые вскорѣ разсѣмся по островамъ и Парголовской дорогѣ, есть въ этомъ заведеніи другія сокровища, — восхитительныя сливки отъ коровъ, стоящихъ каждая по двѣ тысячи рублей и болѣе, — сливки, которыхъ одна бутылка предпочтается знатоками двумъ романамъ Балзака, и сыръ de Brie, который несомнѣнно стѣбитъ четырехъ поэтовъ Г. Кашкина. Цѣна одной бутылки этихъ великолѣпныхъ сливокъ простирается отъ рубля, до двухъ, двухъ съ полтиною и трехъ

рублей. Этого мало : на фермѣ можно получить превосходное цельное молоко, сливочное масло въ два рубля за фунтъ, сливочные сыры разныхъ сортовъ, очаровательную простоквашу, варенецъ, сметану, творогъ ; впоследствии будетъ и швейцарскій сыръ. Что можетъ быть пріятнѣе , какъ , въ прекрасный лѣтній день, гулять по дорожкамъ этихъ образованныхъ полей и, восхитаясь зрѣлищемъ сладостивъ звуковъ искусства и разсудительнаго трудолюбія, имѣть еще въ виду такую сладкую и жирную будущность въ концѣ прогулки ? Въ прекрасномъ деревенскомъ домикѣ, устроенномъ на фермѣ, вы можете отдохнуть, покушать отличныхъ произведеній благороднаго скотнаго двора и побесѣдовать съ образованными Русскими мужичками, которые удивятъ васъ развитіемъ своихъ умственныхъ способностей. Но любительницы и любители изящной молочности могутъ, и прежде чѣмъ зазеленѣютъ поля, удовлетворить своему вкусу и гастрономическому воображенію : надобно только оставить свой адресъ у экзекутора департамента удѣловъ, въ Большой Милліонной, и къ вамъ изъ фермы доставятъ на домъ всѣ молочныя произведенія.

— Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца вышелъ третій томъ «Исторіи Христофора Колумба», въ переводѣ Г. Бредихина.

VII.

С М Ъ С Ъ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Открытие допотопныхъ обезьянъ и верблюдовъ.* Нѣкто Г. Lartet, нашелъ въ известковыхъ пластахъ близъ Созана, въ нѣсколькихъ верстахъ на югъ отъ Оша (Auch), большое количество допотопныхъ костей, которыя онъ представилъ въ музеумъ академіи. Эти пласты наполнены окаменѣлыми черепаками и рѣчными раковинами; въ нихъ, и въ песчанникъ третичныхъ почвъ близъ Самона, Турнана, Ломбеса и въ другихъ подобныхъ формаціяхъ, онъ нашелъ двухъ диотеріоновъ различной величины, нѣсколько породъ мастодонта, три породы носорога, небольшого толстокожаго животнаго, которое походитъ на кабана, сверхъ-того оленя, множество породъ пережевывающихъ; которыя вѣроятно принадлежали къ роду быковъ, и одного зубра, или бизона (*bos ugus*, дикій быкъ), который былъ слишкомъ въ шесть футовъ вышиною. Созанскіе носороги составляютъ отдѣльную породу, въ которой доселѣ замѣчены три вида, различныя между собою по величинѣ и по формѣ зубовъ; у этихъ носороговъ на переднихъ ногахъ по четыре пальца, то есть, по одному линнему противъ нынѣшнихъ породъ, и этотъ лишній палецъ есть мизинецъ. Костей пережевывающихъ животныхъ въ Созанѣ очень много. Г. Lartet разпозналъ нѣсколькихъ сленей; она отличаются отъ существующихъ нынѣ породъ рогами, которые у нихъ, во всѣхъ возрастахъ, состоятъ изъ двухъ вѣтвей, образующихъ вилы и загнутыхъ спереди назадъ; и еще одно очень маленькое животное того же порядка. По сходству коренныхъ зубовъ этого животнаго съ зубами тогдашнихъ оленей, Г. Lartet

принялъ его сначала за крошечнаго оленя вышиною въ одинъ футъ; но потомъ найдены послѣдніе коренные зубы, и тогда оказалось, что это не олень. Современникомъ этихъ мирныхъ травоядныхъ, было огромное плотоядное животное, породы нынѣ утраченной. Г. Lartet прислалъ кости его въ музей; онѣ вообще болѣе схожи съ костями Ямайскаго медвѣдя чѣмъ съ костями собаки. Тутъ же найдены другіе плотоядныя, въ числѣ которыхъ Г. Lartet открылъ настоящую собаку, большую кошку и еще животное, похожее на енота, но ростомъ съ нашу лисицу. Есть также многіе грызуны, которые еще не опредѣлены, за исключеніемъ только миниатюрнаго зайца, величиною съ крысу.

Но вотъ самое любопытное и важное изъ всѣхъ открытій господина Lartet. Онъ нашелъ нижнюю челюсть со всѣми зубами, — четырьмя передними, двумя глазами, четырьмя ложными коренными и шестью настоящими коренными, — то есть, всего съ шестнадцатью зубами *сплошными*; известно, что зубы въ этомъ числѣ и расположенные такимъ образомъ бываютъ только у человѣка и обезьянъ. Слѣдственно животное изъ роду обезьянъ аршина въ полтора вышиною, судя по величинѣ челюсти, является современнымъ первобытныхъ палеотеріоновъ и анаплотеріоновъ, которыхъ доселѣ считали древнѣйшими изъ роду млекопитающихъ обитателями нашей планеты! Надобно прибавить, что въ тоже самое время, Г. Dugand, Англійскій офицеръ Остъ-Индской Компаніи, прислалъ въ академію рисунокъ ископаемой головы верблюда, найденной въ склонѣ горъ Гималайскихъ. До сихъ поръ верблюды и четверорукіе были единственными животными, которыхъ не находили между остатками первобытнаго міра. Такимъ образомъ были и верблюды! Типъ четверорукаго рода, типъ ближайшій къ человѣчеству, повидимому существовалъ гораздо ранѣе какъ обыкновенно полагаютъ! Быть-можетъ, современнымъ новыя открытія докажутъ намъ, что первобытная природа, еще слишкомъ мало известная, была такъ же полна какъ нынѣшняя и такъ же далеко восходила по органической лѣстницѣ. Если тогда были верблюды и собаки, товарищи и лучшіе друзья человѣка, то странно было бы не находиться человѣку въ этомъ обществѣ. Вотъ мы уже дошли до обезьянъ, то есть, очень недалеко отъ лю-

дей. Но если тогда были люди, эти люди конечно были гигантскаго роста, какъ всѣ главные обитатели тогдашней земли, и, — кто знаетъ, — можетъ-быть басня о титанахъ, сдѣлается со временемъ не оспоримую истинною. Во всякомъ случаѣ, это показываетъ, что не надо слишкомъ торопиться составленіемъ исторіи допотопной земли: быстрое разрушеніе прекрасной системы Cuvier должно служить урокомъ всѣмъ умозрителямъ, хотя этотъ великій естественный испытатель несравненно менѣе другихъ давалъ волю своему воображенію.

2. Кремнеземъ, полученный изъ наливочныхъ животныхъ. Мы не давно говорили объ удивительныхъ открытіяхъ Г. Эренберга, который нашелъ, что одинъ родъ кремнистой скалы есть только скопленіе безчисленнаго множества микроскопическихъ животныхъ, мертвыхъ и склеившихся между собою. Г. Brebisson пишетъ академіи о своихъ химическихъ опытахъ надъ наливочными животными, которые привели его къ тому жъ результату. «Занимаясь съ давняго времени изученіемъ наливочнаго рода *diatoma*, говоритъ Г. Brebisson и еще не зная до какой степени можно почитать эти существа за животныхъ, я хотѣлъ попробовать не льзя ли посредствомъ химическаго ихъ разложенія пролить въкоторый свѣтъ на эту темную часть Естественной исторіи. Прежде всего я началъ производить разные опыты надъ пороною *fragilaria pectinolis*, которая водится большими и довольно чистыми массами въ нашихъ прозрачныхъ водахъ. *Fragilaria* состоитъ изъ волоконъ, которые легко ломаются въ своихъ довольно частыхъ суставахъ. Оно развѣивается въ водѣ въ видѣ красноватобурыхъ хлопьевъ, и, высушенное, превращается въ игольчатую пыль зеленовато-бѣлаго цвѣту, блестящую, слюдястую, мягкую какъ каменное сало. Въ этомъ состояніи я подвергъ его каленію посредствомъ паятельной трубки. При первой степени жара загорѣлось небольшое количество жирнаго вещества, которое разливало животный запахъ: впрочемъ это было вещество студенистое, заключающееся въ оболочкѣ всѣхъ *diatoma*. Когда частицы, на которыя я устремилъ струю огня, доведены были до степени бѣло-каленія, онѣ производили необычайной блескъ. По охлажденіи, я разсматривалъ остатокъ въ микроскопъ; тутъ я, не безъ удивленія, увидѣлъ,

*

что эти столь тонкія волокна не претерпѣли ни какого измѣненія въ наружномъ видѣ отъ дѣйствія сильнаго жара паятельной трубки. Правда, что суставы и внутренность волоконъ были пусты, но даже самыя тонкія кусочки волоконъ пѣли по сожженіи точно такой же видъ какъ и при жизни. Это можно видѣть изъ образчика, который я посылаю въ академію. Тотъ же самый результатъ получилъ я и при каленіи ихъ въ тигль. Только, порошокъ зеленоватый до каленія, сдѣлался бѣлымъ, сухимъ, жесткимъ на осязаніе, и селитренная кислота не производила надъ нимъ ни какого дѣйствія. Однимъ словомъ, я получилъ *чистый кремнеземъ*. Въ этомъ я убѣдился какъ-нельзя лучше, сдѣлавъ изъ него, посредствомъ соединенія съ водороднымъ кали, стекло, растворимое въ водѣ. Я повторялъ эти опыты надъ породами *melosiga*, *gomphonema*, *frustulia* и надъ многими другими; и всѣ представили то же самое, — бѣлый порошокъ, который есть ничто иное какъ искусственный трипель и имѣеть тѣ же самыя свойства, то есть, можетъ точно также отдѣлять яръ отъ металловъ какъ и вещество, извѣстное въ искусствахъ подъ названіемъ трипеля. Такимъ образомъ нельзя было сомнѣваться, что оболочки этихъ наливочныхъ существъ состоятъ изъ кремнезему. *Navicula viridis*, обыкновенная въ нашихъ водахъ, образуетъ послѣ каленія, бѣлую пыль, и эта пыль, когда смотришь на нее въ микроскопъ, совершенно похожа на порошокъ Франценсбадскаго кремня, который наблюдалъ Г. Эренбергъ.»

3. *Молоко ослицы*. Молоко есть вещество, чрезвычайно разнообразное по внѣшнимъ признакамъ и по дѣйствіямъ своимъ на тѣло. Причина этихъ различій была доселѣ неизвѣстна. Г. Peligot занялся изслѣдованіемъ молока ослицы, и его опыты могутъ псвести къ рѣшенію многихъ важныхъ вопросовъ: молоко ослицы заслуживаетъ особеннаго вниманія, и по благотворному дѣйствію на большихъ, и по тому, что оно очень похоже на молоко женщины: изслѣдованіе одного облегчаетъ такимъ образомъ познаніе другаго. Молоко ослицы содержитъ въ себѣ большое количество молочнаго сахара, и Г. Peligot полагаетъ, что врачевныя свойства молока ослицы должно приписать именно этому обстоятельству.

Пропорція твердыхъ веществъ, которыя онъ, черезъ выпариваніе, получилъ изъ молока ослицы, бываетъ отъ 7 до 11 на 100 частей молока; иногда она и меньше 7, но это рѣдко.

Составъ молока ослицы, можетъ, подобно всякому другому, измѣняться по разнымъ причинамъ, особенно по роду пищи. Одну и ту же ослицу держали по нѣскольку времени на разныхъ кормахъ, и потомъ молоко ея было подвергаемо испытанію.

Молоко ослицы, которую въ теченіе мѣсяца кормили морковью, дало, послѣ выпаренія, осадокъ оранжсваго цвѣту съ запахомъ моркови. Ту же ослицу кормили потомъ красною свеклою: эта пища доставила молоко, самое обильное твердыми веществами; потомъ ей давали овса и люцерны, и эта пища тоже доставила молоко, богатое твердыми началами; пробовали также кормить ее картофелемъ. Всѣ опыты показываютъ, что самое богатое молоко получается, когда ослицу кормятъ красною свеклою; за тѣмъ слѣдуетъ овесъ и люцерна, потомъ картофель, и наконецъ уже морковь.

Г. Peligot замѣтилъ одно обстоятельство, которое не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно противорѣчитъ общему мнѣнію кормилицъ и акушеровъ: молоко тѣмъ бѣднѣе, тѣмъ водянистѣе, чѣмъ долѣе оставалось оно въ грудяхъ: оно не только не густѣетъ, но даже дѣлается водянистымъ, и пропорція твердыхъ частей всегда бываетъ въ немъ слабѣе. Такимъ образомъ молоко черезъ полтора часа послѣ кормленія содержало въ себѣ 11 частей твердаго вещества, а черезъ шесть часовъ въ молоко той же ослицы было не болѣе 9, черезъ сутки только 8 частей.

Чтобы довершить свой трудъ, Г. Peligot испытывалъ, могутъ ли нѣкоторыя ископаемыя вещества, смѣшанныя съ кормомъ, переходить въ молоко. Къ корку ослицы десять дней сряду примѣшивали по тридцати грановъ іодистаго потассія: по истеченіи этого времени молоко было подвергнуто разложенію, и въ немъ обнаружилось присутствіе этой соли.

4. *Подземный рѣчки во Франціи.* Г. Agago сообщилъ академіи письмо Сеттскаго врача, Г. Daniel'я, о Воклюзскомъ источникѣ: доселѣ не могли придумать, откуда получаетъ свои воды этотъ источникъ, который при самомъ появленіи изъ

земли образуетъ уже довольно значительную рѣку, Соргу. Но выходитъ, что въ окрестностяхъ Эза (Aix), есть въ одной горѣ разсыяна, настоящая пропасть, которая называется Lou Ga-gagaï: глубина этой разсыяны неизвестна, но должна быть весьма значительна, потому что если бросить въ нее камень, то стукъ, образуемый отпрыдываніемъ его отъ стѣнъ пропасти постепенно становится меньше и меньше слышимымъ и наконецъ исчезаетъ, когда еще нельзя сказать, чтобы камень упалъ на дно. Одинъ пастухъ, большой мастеръ вырѣзывать ножомъ ивовыя палки, въ которыхъ обнаженные отъ коры мѣста чернятъ огнемъ, подарилъ палку своей работы другому пастуху. Однажды онъ пасъ стадо на берегахъ Сорги, близъ ея истока; вдругъ съ удивленіемъ видитъ онъ, что какая-то палка, вертясь, выходитъ изъ ключа: онъ досталъ ее, и еще болѣе удивился узнавши ту самую палку, которую онъ самъ обдѣлалъ и подарилъ своему товарищу. Онъ терялся въ догадкахъ. Встрѣтивши своего пріятеля въ Нижнихъ Альпахъ, куда лѣтомъ пастухи угоняютъ всѣ стада Провансальскія, онъ спросилъ, куда дѣвалась его палка. «Я уронилъ ее въ Lou Ga-gagaï», отвѣчалъ тотъ, «и самъ чуть было туда не попалъ, стараясь удержать козу». — Палка твоя у меня. — «Быть не можетъ!» — Вотъ она. — «Такъ значить, Lou Ga-gagaï имѣетъ сообщеніе съ Соргою», подумали они: «надобно въ этомъ удостовѣриться». Они согласились, чтобы въ назначенное время одинъ стоялъ у Воклюзской пещеры, изъ которой выходитъ Сорга, а другой бросалъ въ Lou Ga-gagaï сначала козу, потомъ куски дерева, наконецъ рубленую солому. Одна только солома явилась на водахъ Воклюзскаго источника.

Этотъ любопытный анекдотъ Г. Daniel слышалъ отъ отца своего. Такимъ образомъ, говоритъ Г. Arago, въ глубинѣ Lou Ga-gagaï, должна течь подземная рѣка; Воклюзскій источникъ имѣетъ сообщеніе съ нею и тогда внезапное возвышеніе воды въ Воклюзскомъ источникѣ, во время таянія снѣговъ, само собою объясняется.

Г. Daniel приводитъ другой примѣръ, подтверждающій другое чрезвычайно странное явленіе, о которомъ говоритъ Г. Arago. «Во Франціи, пишетъ Г. Daniel, недалеко отъ Сетты, въ одной изъ многочисленныхъ пещеръ, которыми

изрыть весь берегъ пруда Thau, тожѣ неизвѣстно откуда являются утки, безперыя и слѣпыя, какъ на нижнемъ Цирквинскомъ озерѣ. Два старыхъ рыбака давно уже рассказывали мнѣ это за чудо. Это мѣсто зовутъ la font d'Euversat. Отверстіе пещеры очень низко, въ уровень съ прудомъ, такъ, что пещера, наполняясь водою, которая въ нее процѣживаетъ, изливаетъ часть этой воды въ прудъ: это обыкновенно случается въ дождливыя лѣта, которыя впрочемъ становятся у насъ рѣже и рѣже, по причинѣ истребленія лѣсовъ. Въ обыкновенныя годы, вода пруда уходитъ въ пещеру, но въ дождливое лѣто вода течетъ изъ пещеры въ прудъ, и тогда появляются изъ пещеры рѣчныя рыбы, дикія утки, и наконецъ утки, слѣпыя и безперыя, настояція альбиносы.» Къ сожалѣнію Г. Daniel самъ не видѣлъ этихъ слѣпыхъ и безперыхъ утокъ.

5. *Огненные колодцы въ Китаѣ.* Одинъ Бриссельскій житель прислалъ въ академію переводъ любопытнаго отрывка изъ описанія Голландскаго посольства, отправленнаго въ Китай въ 1666 году. «Въ провинціи Шень-си, гдѣ находится каменный уголь, одинаковый съ нашимъ Литтхискимъ, есть также (удивительная вещь!) огненные колодцы, какъ у насъ водяные колодцы. Ихъ тамъ очень много и они весьма полезны жителямъ, которые, безъ всякихъ издержекъ, готовятъ себѣ кушанье на этихъ природныхъ очагахъ. Вотъ какъ это дѣлается: отверстіе колодца закрывается; но въ немъ оставляютъ дыру для котла, и тутъ кушанье варится безъ всякаго труда и какъ нельзя лучше. Говорятъ, что этотъ огонь очень густъ, то есть, не прозраченъ и не блестящъ; несмотря на то, онъ очень горячъ. Если кинуть полно дровъ въ этотъ огонь, оно вовсе не горитъ; этого мало посредствомъ толстыхъ бамбуковыхъ палокъ его можно переводить съ одного мѣста на другое, такъ, что всякой можетъ употребить его, гдѣ захочетъ: стоитъ только сдѣлать въ бамбукъ дырку, огонь тотчасъ выходитъ оттуда и тихонько варитъ кушанье, пока совсѣмъ не погаснетъ.»

6. *Дыханіе, сонъ и пробужденіе растений.* Г. Dutrochet предлагать совершенно новую теорію дыханія растений, теорію, которая должна изумить ученыхъ своею смѣлостью. По мнѣнію этого физиолога, растенія дышутъ точно такъ же

какъ животныя, то еслѣ соединяють съ своимъ веществомъ кислородъ, который вводятъ въ свои дыхательные органы; только, вмѣсто того чтобы всасывать въ себя этотъ кислородъ изъ воздуха, подобно животнымъ, они сами выдѣлываютъ его и изливаютъ въ воздухъ, когда дыхательные органы имъ переполнены. Эта теорія заключаетъ въ себѣ такое странное предположеніе, — образованіе кислорода во внутренности растений, — что Г. Duttrochet долженъ непременно подкрѣпить его многочисленными доказательствами, если не желаетъ, чтобы оно сочтено было за шутку. Это нѣчто въ родъ *Mackintosh*’овой элигрической теоріи міра, которая, сказать мимоходомъ, возбуждала въ началѣ прошлаго года насмѣшки, а въ началѣ нынѣшняго уже склоняетъ въ свою пользу мнѣнія многихъ знаменитыхъ ученыхъ. Что касается до сна и пробужденія растений, то этотъ феноменъ яснѣе всего видѣнъ на цвѣтахъ породы *mirabiles*, которыя на ночь замыкають свои красивыя чашечки и открываютъ ихъ съ появленіемъ дневнаго свѣтила. Разкрываніе и закрываніе чашечки происходятъ, по мнѣнію господина Dutrochet, отъ поперемяннаго дѣйствія двухъ тканей, расположенныхъ между нервами чашечки: эти ткани имѣють свойство загибаться въ противоположныя стороны, именно, ткань ячеистая, наполнившись сокомъ, загибается наружу, а ткань волокнистая загибается къ внутренней сторонѣ, когда наполнится кислородомъ. Въ цвѣткѣ, который нѣсколько дней сряду представляетъ переходы отъ сна къ бдѣнію, волокнистая ткань, орудіе сна, теряетъ ночью часть своего кислорода, и такимъ образомъ, лишаясь къ утру силы, загибающей ее внутрь, поддается превозмогающему дѣйствію ячеистой ткани, орудія бдѣнія, которая, наполняясь сокомъ при восхожденіи солнца, перегибаетъ листки къ наружной сторонѣ и раскрываетъ цвѣтокъ. Къ вечеру цвѣтокъ снова засыпаетъ, потому что волокнистая ткань, наполнившись кислородомъ, который въ теченіе дня непрерывно прибавляется, преодолеваетъ противоположное дѣйствіе ячеистой ткани; вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленіе свѣту уменьшаетъ восхожденіе соковъ и слѣдственно силу, которая стягиваетъ ячеистую ткань и замыкаетъ цвѣтокъ. Переходы отъ сна къ бдѣнію оканчиваются только со смертію чашечки цвѣта. Цвѣты, которые

спятъ только одинъ разъ въ жизни, умираютъ тотчасъ по пробужденіи отъ своего единственнаго сна. Но вотъ фактъ гораздо положительнѣе всѣхъ этихъ теорій. Г. Dutrochet представилъ академіи любопытные образчики сосноваго *пня*, который росъ въ ширину, то есть, толстѣлъ, нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ дерево было съ него срублено: нѣкое доказательство, что нарастаніе деревъ въ толщину происходитъ не черезъ вѣтви.

КОРОЛЕВСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. *Электрическая теорія міра.* Рѣшительно, электричество сдѣлается скоро единственнымъ рычагомъ всѣхъ теорій и гипотезъ ученаго міра. Уже поглотило оно магнитность и гальванизмъ; теплота и свѣтъ колеблются въ своихъ основаніяхъ; но вотъ наконецъ и знаменитая сила тяготѣнія блѣднѣетъ передъ этимъ всеобщимъ дѣятелемъ. Въ началѣ прошлаго года Г. Mackintosh провозгласилъ свою электрическую теорію міра: насмѣшки посыпались на него со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ однакожь нашлись голоса въ его пользу, и ученые журналы въ Англии стали наполняться жаркими защитами и опроверженіями его гипотезы. Спустя немого, Г. Москотти, профессоръ при Корфезскомъ университетѣ, обнародовалъ свою электрическую теорію міра, которая въ главной идеѣ совершенно сходна съ *Mackintosh'овой* теоріей. При открытіи, 20 января, засѣданія Королевскаго Института, живѣйшее любопытство было возбуждено, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Г. Faraday будетъ читать разсужденіе о мнѣніи профессора Москотти, что всѣ силы вещества, какъ то, всеобщее тяготѣніе, сдѣленіе, электрическое притяженіе и оттолкновеніе, могутъ быть подведены подъ одинъ общій законъ. Г. Faraday началъ замѣчаніемъ, что недостатокъ такого общаго закона всегда былъ весьма ощутителенъ, и что нѣкоторые математики и физики, какъ напримѣръ Гг. Babbage, Roget, и другіе, уже почти попадали на этотъ законъ. Законъ тяготѣнія такъ хорошо извѣстенъ, что нѣтъ нужды объяснять его; между-тѣмъ всѣ чувствуютъ, что этотъ родъ притяженія не имѣетъ себѣ противудѣйствующей силы, какая напримѣръ существуетъ въ химическомъ сродствѣ или сдѣленіи. Слабость силы тяготѣнія такова,

что ее нельзя было доказать опытами; но что такая сила существует между всеми тѣлами земной поверхности, въ этомъ убѣждаютъ опыты *Cavendish'a*. Что частицы всякаго тѣла, — янтра или воды, напримѣръ, — не находятся между собою въ плотной связи, что онѣ раздѣлены промежутками, и держатся вмѣстѣ одною только притягательною силою, это уже давно принято за аксіому въ Физикѣ. Это доказывается и самыми простыми опытами, дѣйствуя на тѣла теплотою или давленіемъ, которыя заставляютъ эти частицы разсѣваться или сжиматься; это можно видѣть и при сгибаніи упругаго прута: тутъ частицы выпуклой стороны раздвигаются, а частицы вогнутой стороны сближаются. Теорія господина Моссотти принимаетъ въ соображеніе все эти свойства и качества твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Простота закона, посредствомъ котораго они объясняются, придаетъ ей новую важность.

Третья сила, которую Г. Моссотти старался подвести подъ этотъ общій законъ, есть сила электрическая. Вотъ что подало ему къ тому поводъ. *Coulomb*, *Poisson* и другіе весьма сомнѣвались въ томъ, какъ можетъ вещество имѣть отталкивающую силу, дѣйствующую въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстоянія, тогда какъ Ньютонъ доказалъ, что оно имѣетъ притягательную силу подчиненную тому же закону. Но, десять лѣтъ тому назадъ, докторъ *Roger*, разбирая вновь мысли Эпина, опровергъ заблужденіе тѣхъ, которые думали, что его теорія противорѣчитъ Ньютонovu закону всеобщаго тяготенія и утверждалъ, что электрическія явленія и тяготеніе могутъ быть подведены подъ одни и тѣже законы, и что все это — простое дѣйствіе электричества. Профессоръ Моссотти допускаетъ, что одна только эфирная, или электрическая, жидкость одарена такою силою, которая имѣетъ свойство отталкивать между собою собственные ея частицы и дѣйствуетъ въ обратномъ содержаніи квадрата разстояній; то есть, противоположно закону тяготенія. Такимъ образомъ, частицы матеріи имѣютъ отталкивающую силу, дѣйствующую въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстояній, но вмѣстѣ съ тѣмъ матерія и электричество притягиваютъ другъ друга въ томъ же содержаніи. Господинъ Моссотти не отвергаетъ однакожъ, чтобы мате-

рія была лишена отталкивающей силы для своихъ собственныхъ частицъ: онъ помогаетъ, что матерія, отдѣльно отъ электричества, имѣетъ тоже свое отталкиваніе частицъ, только оно нѣсколько слабѣе отталкиванія электричества, и слабѣе также взаимнаго притяженія электричества и матеріи. Силы эти такъ соглашены между собою, что, *въ некоторыхъ разстояніяхъ, матерія, дѣйствуя въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстояній, производитъ тяготѣніе*, но когда частицы находятся въ ближайшемъ другъ отъ друга разстояніи, то силы оттолкновенія и притяженія уравниваются и производятъ сцѣпленіе; а когда частицы сближаются еще болѣе, онъ производитъ то отталкиваніе, которое не позволяетъ частицамъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ плотно прикасаться другъ друга. Ни одно изъ электрическихъ явленій, заключающихся въ теоріи *Poisson'a*, не выпущено изъ виду въ этой теоріи; вычисленія, на которыхъ основана теорія Г. Моссотти, переданы были для повѣрки профессору *Whewell'ю*, и онъ подтвердилъ ихъ точность. Результатъ тотъ, что такъ какъ сила тяготѣнія до того слаба, что она требуетъ для обнаруженія себя цѣлыхъ планетныхъ толщъ, а электрическое дѣйствіе и химическое сродство гораздо сильнѣе сцѣпленія, то тяготеніе есть только маленькій остатокъ всеобщей силы, происходящей отъ уравненія этихъ трехъ силъ и что этотъ *весьма небольшой избытокъ электрической жидкости* связываетъ между собою все тѣла и въ планетныхъ системахъ и на землѣ. «Такимъ образомъ говоритъ Г. Faraday, сдѣлавъ важный шагъ къ открытію одного общаго начала, которое можетъ объяснить всѣ законы и феномены движенія.»

Теорія Г. *Mackintosh'a* далеко не такъ замысловата, но она тоже приписываетъ электричеству силу связывающую тѣла солнечной системы и земныя, противопоставляетъ его прочей матеріи, и дѣлаетъ изъ него всеобщаго двигателя, почитая эфиръ и электричество за одно и тоже вещество. О магнитности итъ и рѣчи: послѣ опытовъ господина *M'Caully* (Мекъ-Коли), который, какъ мы уже говорили, занимался въ прошломъ году построеніемъ машины, дѣйствующей магнитами вѣсто паровъ, не остается ни какого сомнѣнія, что магнитность и электричество одно и то же. Это естественно

ведетъ насъ къ свѣту, который, по мнѣнію Г. *Mackintosh'a*, челоѵвка рѣшительнаго, есть только простое дѣйствіе электричества.

НОВЫЕ ОПЫТЫ НАДЪ СВѢТОМЪ. Господинъ Меллонн открылъ способъ отдѣлять теплотворъ отъ солнечныхъ лучей. Ежели принимать свѣтъ и теплотворъ за вещества, а не за феномены неизвѣстнаго дѣятеля, то этотъ способъ, кажется, долженъ проложить путь къ важнымъ открытіямъ о сущности свѣта, разобщеннаго такимъ образомъ. Онъ очень простъ, и состоитъ въ пропущеніи солнечныхъ лучей сквозь извѣстнаго рода соединенія прозрачныхъ тѣлъ, — на примѣръ воды и стекла, окрашеннаго мѣдною зеленью, — которыя, поглощая весь теплотворъ, пропускаютъ почти безъ устраты весь свѣтъ.

Свѣтъ, отдѣленный такимъ образомъ отъ теплотвора, имѣетъ желтый цвѣтъ съ зеленоватымъ отсвѣтомъ: сосредоточенный въ этомъ состояніи помощью зажигательныхъ стеколъ, отъ даетъ блескъ, ничѣмъ не различающійся отъ блеска прямаго солнечнаго луча, но не обнаруживаетъ ни малѣйшаго дѣйствія на самый нѣжный термометръ, и следовательно не имѣетъ ни какой теплоты. Давно уже извѣстно, что призма, разбивая солнечный лучъ на нѣсколько цвѣтныхъ полосъ, отдѣляетъ еще съ одной стороны этой радуги полосу темную дѣйствующую теплотворно, а съ другой, полосу темную дѣйствующую химически: обѣ эти полосы замѣтны только по своимъ дѣйствіямъ; но этотъ способъ отдѣленія теплоты отъ свѣту представлялъ мало удобствъ для опытовъ съ чистымъ солнечнымъ свѣтомъ. Напротивъ того, открытіе господина Меллонн даетъ возможность подвергать солнечный лучъ изслѣдованію, какъ газы и тому подобныя вещества. Госпожа *Sommerville* занялась также опытами надъ свѣтомъ по способу Италіянскаго физика, и пишетъ къ господину Араго, что она успѣла лишить солнечный лучъ химическаго свойства его. Эта ученая дама нашла, что кусокъ зеленаго стекла, очень блѣднаго и тонкаго, не толще одной-двадцатой дюйма, не пропускаетъ ни малѣйшей части химической полосы луча: стекло было цѣлый часъ нагреваемо палящимъ солнцемъ, и между-тѣмъ хлористое серебро,

положенное подь стекломъ, не обнаружилъ ни какого измѣненія въ цвѣтѣ; извѣстно, что свѣтъ разлагаетъ очень быстро это вещество. Листки зеленой слиоды также оказались почти не провищаемыми для химическихъ лучей свѣту. Изумрудъ не имѣетъ этого свойства.

ДВА ПИСЬМА СЕРЪ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. *Открытія на лунѣ. Галлеева комета. Открытія на южномъ небѣ.* Первое письмо, къ Г. Араго: «Капитанъ Hall доставилъ мнѣ большое удовольствіе присылкою разныхъ журналовъ, въ которыхъ говорится о мнимыхъ моихъ открытіяхъ на лунѣ, съ разными примѣчаніями: между ними я узнаю и ваше перо. Капитанъ Hall не забылъ уведомить меня о вашихъ усиліяхъ открыть глаза добродушной Парижской публикѣ насчетъ небылицъ, которыя взводятъ на меня въ Европѣ (нынче извѣстно, что эти небылицы выдумалъ Г. Nicolet): примите за это дружеское ко мнѣ расположеніе искреннюю мою благодарность, хотя, правду сказать, мнѣ жаль, что вы тратили на такія вещи ваше драгоценное время. Если есть люди, дотого безтолковые (*assez piâs*), что готовы вѣрить всякой вздорной сказкѣ, которую выдаютъ имъ за правду, пусть уже лучше они вѣрятъ такимъ безвреднымъ пустякамъ. Со вѣсѣмъ тѣмъ я ни сколько не жалею на случай, который заставилъ васъ вспомнить обо мнѣ и далъ вамъ поводъ быть моимъ защитникомъ. Для меня слишкомъ лестна ваша любезная заботливость о моемъ имени, которое кому-то вздумалось таскать въ грязи, вѣроятно, для своихъ выгодъ. Но вамъ любопытнѣе, надѣюсь, будетъ узнать, что мы здѣсь наслаждались продолжительнымъ и прекраснымъ зрѣлищемъ Галлеевой кометы на ея возвратномъ пути отъ солнца. Она была видима съ 24 января по 5 мая. Я полагаю, что, во время ея теченія отъ ближайшей точки къ солнцу, съ трудомъ можно было видѣть ее въ Европѣ, потому что ея наружность совершенно измѣнилась. Довольно долго у ней не было хвоста; параболическій покровъ головы образовался съ такою изумительною быстротою, что его видимый объемъ болѣе нежели удвоился въ теченіе однихъ сутокъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что я *видѣлъ* какъ она росла, потому что, 26 января, повторивъ черезъ три часа мои микрометриче-

скія наблюденія надъ нею, я нашелъ, что она увеличилась на одну шестую долю всего поперечника. Это необычайное разширеніе объема кометы продолжалось и послѣ того; наконецъ параболоидъ сдѣлался такъ огромнымъ и безсвѣтнымъ, что совершенно исчезъ: остались одно только ядро и хвостъ. Другая, и весьма странная, особенность, — состояла въ томъ, что являлась въ центрѣ весьма маленькая *внутренняя комета*, съ головою и совершеннымъ хвостомъ: ядро ея было ядромъ всей массы. Это кометное ядро разширилось тоже, но не такъ быстро какъ покровъ, и при концѣ своего періода видимости, и самый хвостъ сдѣлался не замѣтнымъ. Я думаю, что она вся *испарилась*, когда находилась въ своей ближайшей точкѣ къ солнцу, за исключеніемъ только твердаго ядра, и пришла въ состояніе прозрачное и незримое.» Далѣе сиръ John Herschel говоритъ о трубахъ, которыми вода проведена въ городъ Мыса Доброй Надежды и о средствахъ, которыя онъ присовѣтывалъ принять, чтобы онѣ не засорились какъ въ Гренобли.

Второе письмо адресовано къ знаменитому Англійскому математику, сиръ Вилліаму *Hamilton*'у.

«Фельдгаузенъ, на Мысѣ Доброй Надежды, іюня 13, 1836.

«Мы пользуемся здѣсь удивительною погодою, и прозрачность воздуха превосходить всякое описаніе. Со времени моего прибытія я только жну на небѣ и не имѣю даже времени вязать снопы. Говоря безъ метафоръ, я наконецъ страшную кучу наблюденій въ черпъ, но ничего не привелъ въ порядокъ и не положилъ на карту. На этомъ зеркальномъ небѣ, гдѣ очертаніе, величина и спокойствіе звѣздъ свыше всего, что можно выразить словами, я вымелъ до-чиста, или почти до-чиста, всю полосу свода, которой нельзя видѣть изъ Англии, исключая ближайшей окрестности южнаго полюса, самой пустынной части тверди. Я набралъ многое множество звѣздныхъ облаковъ и двойныхъ звѣздъ всѣхъ возможныхъ классовъ, порядковъ и степеней. Списокъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ, которые мнѣ удалось открыть на этомъ небѣ, я послалъ Шумахеру, и онъ, вѣрно, напечаталъ уже его въ своемъ *Астрономическомъ журналѣ*: здѣсь сообщу только не многія замѣчанія.

«Общій видъ южнаго неба, градусовъ на тридцать кругомъ полюса, чрезвычайно богатъ и великолѣпнень, особенно по причинѣ необычайной яркости и ширины Млечнаго Пути, который отъ созвѣздія Оріона до Антиноя представляетъ одну сплошную полосу блестящаго свѣта: однако въ нѣсколькихъ мѣстахъ эта сплошная полоса странно прерывается пустыми и почти беззвѣздными полянами, на примѣръ въ Скорпіонѣ, близъ Кентавра и близъ Креста, а къ сѣверу она становится блѣдною и тусклою, такъ, что почти нельзя опредѣлить ея очертанія. Невозможно, я думаю, видя этотъ пышный поясъ, и эту изумительно богатую, ровно сотканную бахраму звездъ третьей и четвертой величины, которая образуетъ широкое украшеніе южной его стороны, не проникнуться мыслию, что Млечный Путь долженъ быть не простой слой звездъ, но кольцо; или по-крайней-мѣрѣ, что наша солнечная система должна помѣщаться въ одной изъ самыхъ блѣдныхъ и почти пустой части общей массы слоя, и притомъ въ эксцентрической, скорѣй поближе къ Кресту нежели въ противоположной ему сторонѣ.

«Два Магеллановы облака, Nubecula major и Nubecula minor — очень странные предметы. Большее облако есть скопище звездъ, звездныхъ гроздь (clusters) неправильнаго вида, круглыхъ гроздь и маленькихъ облаковъ, различной величины и степени сгущенія, между которыми раскиданы значительные куски не разгляднаго облака, состоящаго вѣроятно изъ *звѣздной пыли*: только въ самый сильный телескопъ видно, что эти части освѣщены сплошь ровнымъ свѣтомъ и составляютъ блестящій грунтъ, по которому разсыпаны другіе предметы. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ имѣютъ весьма странныя и неразгадасмыя формы, особенно одинъ (30 Doradus), который состоитъ изъ множества петель, соединенныхъ неяснымъ центромъ, или узломъ, и похожъ на пукъ лентъ, расположенныхъ въ видѣ банта du parfait amour. Я незнаю ни одной части неба, гдѣ бы такое множество звездныхъ облаковъ и гроздь было скоплено на такомъ маломъ пространствѣ, какъ въ этомъ *облакѣ*. Облако Nubecula minor гораздо менѣе поразительно. Оно болѣе изобилуетъ перегляднымъ облачнымъ свѣтомъ, но облачки и гроздь въ немъ и меньше числомъ и слабѣе, хотя непосредственно по-

для нея лежитъ одна изъ богатѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ круглыхъ гроздь южнаго неба (47 Toucani). Странно, что это облако на всѣхъ картахъ и во всѣхъ каталогахъ показано не въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно дѣйствительно находится!

«Но еще удивительнѣе — облака Оріона и η Аргуса. Первое является здѣсь гораздо выгоднѣе нежели подъ нашими широтами, и представляеть разные принадлежности, отрасли и изгибы, которыхъ нельзя видѣть изъ Европы. Второе — предметъ совершенно особеннаго рода, и безъ рисунка напрасно было бы его описывать. Я постараюсь срисовать всѣ эти облака. Облако η Аргуса, виднмое въ двадцати-футовый телескопъ, являетъ совсѣмъ другой видъ, и другое очертаніе, чѣмъ на изображеніяхъ, изданныхъ досель.

«Планетныя облака на этомъ полушаріи многочисленны и весьма приятельны. Я открылъ ихъ оплъ, съ дисками такъ же рѣзко обозначенными какъ у планетъ, и съ ровнымъ блескомъ. Первое, которое попало, было такъ совершенно планетообразное, что, пока Г. Маслеан не удостоверитья точными наблюденіями съ Королевской Обсерваторіи, что оно не движется, мнѣ всё казалось, что я открылъ новаго члена нашей собственной системы, текущаго въ орбитѣ, болѣе наклоненной чѣмъ орбита Паллады.

«Вы можете себѣ составить понятіе о прозрачности здѣшняго воздуха по тому что мнѣ рассказывалъ нашъ временной губернаторъ, полковникъ Bell: въ теченіе сорока двухъ дней, только пять разъ не удалось ему открыть Венеру простымъ глазомъ, при полномъ солнечномъ сіяніи, въ десяти-томъ часу утра. Нѣсколько дней тому назадъ, я самъ читалъ ночью, во время затмвнн лунны, письмо одной дамы, писанное мельчайшимъ почеркомъ: разумѣется, затмвнне было неполное.

«Самыя прекрасныя двойныя звѣзды, изъ числа тѣхъ, которыя я здѣсь открылъ, суть γ созвѣдіа Волка, π Волка, γ Кентавра, β Гидры, ϵ Хамелеона. Первые три чрезвычайно сближены. Чудесное спокойствіе воздуха, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, позволило моимъ рефлекторамъ дѣйствовать съ отличнымъ успѣхомъ; и, уменьшая величину звѣздъ почти до точки сильными стеклами, я могъ каждый разъ открыть

двойственность наблюдаемой звезды или, — что также весьма трудно, удостовериться въ томъ, что она не двойная.»

Остальная часть письма заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія о полировкѣ астрономическихъ зеркалъ и о послѣднихъ открытіяхъ Г. *Hamilton*'а по части Оптики.

НОВАЯ МАШИНА ДЛЯ ПОДНИМАНИЯ ТЯЖЕСТЕЙ. Эта машина, которую Англійскіе журналы весьма хвалятъ, устроивается весьма просто, и дѣйствуетъ безостановочно. Главнымъ двигателемъ служитъ пара колесъ; или, если пужно, рядъ колесъ, которыя движутся діаметрами по направленію поднимаемой тяжести, — напримѣръ изъ рудокопной шахты. Разсматривая одну пару колесъ, которыя вращаются на одной и той же неподвижной оси, мы находимъ, что отъ конца радіуса, или руки, каждаго колеса спускаются двѣ цѣпи, висящія такимъ образомъ на противоположныхъ сторонахъ шахты или колодца. Къ каждой цѣпи, въ опредѣленныхъ разстояніяхъ, привѣшиваются четверугольныя рамы; къ верхнимъ частямъ рамъ прикрѣплены выдающіяся крѣпкія желѣзные края на петляхъ. Ящики, или бадьи, въ которыхъ подымается тяжесть, имѣютъ на каждой сторонѣ, приличныя закраины. Когда колесо вверху начнетъ обращаться и одинъ ящикъ внизу приведется въ соприкосновеніе съ самою нижнею рамою, то онъ подхватывается краями рамы, и при одномъ оборотѣ колеса поднимается на высоту, одинаковую съ рамою на противоположной сторонѣ: здѣсь онъ опять подхватывается, и поднимается опять до высоты противоположной рамы, и такъ далѣе, пока посредствомъ подобной передачи не достигнетъ до отверстія шахты. Какъ машина безпрестанно нагружается внизу и колесо непрестанно оборачивается, то при каждомъ оборотѣ колеса выносятся на верхъ одинъ ящикъ. Такимъ образомъ можно съ значительной глубины быстро поднимать всякія тяжести. Тотъ же механизмъ служитъ къ поднятію воды; только вмѣсто ящиковъ уже употребляются кожаные мѣшки съ клапанами на днѣ. Помощію его работники могутъ также спускаться въ самыя глубокія мѣста и подыматься изъ нихъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ МАШИНА. Въ *Mechanic's Magazine* одинъ механикъ предлагаетъ Англійской нижней палатѣ и

Французской палаты депутатов устроить машину, посредством которой онъ будутъ въ состояніи сочинять законы безъ плутовства и подавать голоса безъ обмана, безъ споровъ и безъ брани. Передъ каждымъ членомъ будетъ поставленъ столбикъ красного дерева, на которомъ онъ, если угодно, можетъ поставить свою шляпу или положить табакерку; въ столбикѣ будутъ двѣ бронзовыя пуговицы; отъ этихъ пуговицъ проведутся пружины подъ полъ, и подъ поломъ протянутся до особеннаго загороженнаго мѣста въ залъ собранія; тамъ будетъ устроено нѣсколько рядовъ двойныхъ металлическихъ чашечекъ и на каждой чашечкѣ написано имя одного члена; секретарь положить для всякаго въ одну чашечку бѣлый шаръ, а въ другую черный. Когда надобно подавать голоса, члены, не вставая съ мѣста, подавятъ каждый одну изъ пуговицъ на своемъ столбикѣ, и въ одно мгновеніе, посредствомъ весьма простаго механизма, всѣ тронутые шары перепрыгнутъ въ урну, гдѣ потомъ можно сосчитать ихъ. Если нужно подавать открытые голоса, то можно написать на каждомъ шарикѣ имя того члена, которому онъ принадлежитъ. Если нужно сосчитать отсутствующихъ, довольно заглянуть въ чашечки, въ которыхъ шарики остались. Изобрѣтатель называетъ это — legislative engine: по его исчисленію, она сбережетъ столько драгоценнаго времени, что палаты въ каждые шесть мѣсяцевъ будутъ въ состояніи утверждать, вмѣсто какой-нибудь сотни, по полторы тысячи новыхъ законовъ, отъ чего государство явно выиграетъ. Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ извѣстныхъ способовъ отвратить неправильности при подачѣ баловъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, этотъ, конечно, самый остроумный.

МЕХАНИЧЕСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПУЛЬНИТРЪ. Г. Майергоферъ, Утрехтскій механикъ, изобрѣлъ пульнитръ, который, помощію слабого давленія ноги, переворачиваетъ листы лежащей передъ вами нотной книги. Изобрѣтатель этого механизма уже получилъ привилегію. Вотъ машина полезная для Петербурга. Если бъ еще изобрѣли машину, которая бы сама тасовала и сдавала карты!.....

ЛАПТИ, НЕПРОНИЦАЕМЫЕ ДЛЯ ВОДЫ. Слѣдующее извлеченіе изъ привилегіи взятой изобрѣтателемъ въ соеди-

пенныхъ штатахъ, помѣщено въ Журналѣ Франклина. Американцы называютъ это «башмаками», но дѣло идетъ просто о лаптяхъ. Подошвы могутъ быть сдѣланы изъ плетенаго льна, плетеной пеньки, или изъ липовой мочалки. Для верхней части можно употреблять тѣже *пикаш* или простое сукно, а для внутренняго подбоя полотно или грубый коленкоръ. Подошвы покрываются лакомъ, или слѣдующимъ составомъ: бутылку льнянаго масла, двѣ унціи смолы, полунціи бѣлаго купоросу, и, все это смѣшавъ, вари полчаса. Потомъ, возьми четыре унціи скипидарнаго спирту, и двѣ унціи бѣлыхъ дубовыхъ опилокъ, которые цѣлый день лежали на солнцѣ; перемѣшай вмѣстѣ все эти вещества, и намазывай щеткою или, чѣмъ угодно, на подошву башмаковъ, которая по высушеніи, сдѣлается непроницаемою для воды.

КОЛИЧЕСТВО МОЗГУ У НЕГРА, ЕВРОПЕЙЦА И ОРАНГЪ-УТАНГА. Между натуралистами долго преобладало мнѣніе, что черное племя, относительно организаціи и умственныхъ способностей, стоитъ на низшей ступени нежели бѣлое и оно близко къ племени обезьянъ. Ученый фیزیологъ, докторъ Фридрихъ Тидеманнъ, въ запискѣ, читанной въ одно изъ засѣданій королевскаго общества ученыхъ въ Лондонѣ, опровергаетъ это мнѣніе. Авторъ изслѣдовалъ огромное множество мозговъ особъ разнаго пола, разныхъ возрастовъ, всѣхъ возможныхъ отдѣленій человѣческаго рода; опредѣлялъ точный вѣсъ мозговъ, тщательно вымѣривалъ емкость пустоты череповъ. Эти опыты привели его къ слѣдующему заключенію. Вѣсъ мозга върослаго Европейца, мужчины, измѣняется отъ 3 фунтовъ 3 унцій до 4 фунтовъ 11 унцій Англійскаго вѣсу; мозгъ женщины, среднимъ числомъ всегда меньше мужскаго отъ 4 до 8 унцій. Мозгъ достигаетъ полнаго размѣра на седьмомъ или восьмомъ году возраста; въ старости онъ начинаетъ уменьшаться. При рожденіи мозгу бываетъ болѣе, сравнительно съ величиною тѣла, нежели въ слѣдующихъ періодахъ жизни: онъ тогда составляетъ одну-шестую всего вѣсу ребенка; двухъ лѣтъ одну-осмнадцатую; пятнадцати лѣтъ одну-двадцать-четвертую долю; а въ совершенномъ возрастѣ, то есть, отъ двадцати до семидесяти лѣтъ, вѣсъ его ограничивается вообще одною-тридцать-пл-

тою и одною-сорокъ-пятою долею. Въ возмужалости, однако жъ, пропорція эта измѣняется по состоянію тѣла: у сухошавыхъ, мозгъ имѣеть отъ одной-двадцатой до одной двадцать-седьмой вѣсу всего тѣла; у толстыхъ часто одну-пятьдесятую или даже одну-сотую долю. У нѣкоторыхъ людей, одаренныхъ чрезвычайными умственными способностями, находимъ мозгъ особенно большой. Но между негромъ и Европѣйцомъ, если взять среднюю мѣру, нѣтъ замѣтной разности ни въ вѣсѣ ни въ величинѣ мозгу; и даже нервы, относительно величины мозгу, ни чуть не толще у негра чѣмъ у Европейца. Въ одной только наружной формѣ мозгу можно только замѣтить легкую разницу; но во внутреннемъ устройствѣ рѣшительно нѣтъ ни какого различія. Мозгъ негра не болѣе представляетъ сходства съ мозгомъ орангъ-утанга, чѣмъ и мозгъ Европейца, исключая бытъ-можетъ въ томъ, что изгибы мозговъ у негра и орангъутанга являютъ болѣе симметрію.

Результаты, которые ученый авторъ выводитъ изъ своихъ изслѣдованій, явно противорѣчатъ принятому мнѣнію о низшей степени устройства и объема мозгу у черного племени. Существованіе этого ошибочнаго понятія онъ приписываетъ предрассудку, который возникъ оттого, что лицевой уголъ у негра менѣе нежели у Европейца, и слѣдовательно сближаетъ черты его съ чертами обезьяны, у которой уголъ еще менѣе. Г. Тидеманнъ отвергаетъ всякое родовое различіе въ умственныхъ способностяхъ между двумя племенами, бѣлымъ и чернымъ, и говорятъ, что кажущаяся ограниченность понятій негра происходитъ единственно отъ его нравственнаго униженія, грубаго рода жизни, и недостатка образованности.

НАСТОЙ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО ЛИСТА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Странный препаратъ рекомендуютъ въ Journal de Thérapeutique для дѣтей, увѣряя, что лучше этого нельзя приготовить александрійскаго листа такъ, чтобы онъ сохранялъ всю свою лекарственную силу и не возбуждалъ нивалтѣйшей тошноты или отвращенія. Налить какъ обыкновенно, воды на александрійскій листъ и оставить настой на всю ночь; по утру процѣдить его и употребить вмѣсто воды для варенія кофе,

который потомъ наливаютъ въ чашку и даютъ выпить съ сахаромъ и со сливками, какъ обыкновенный кофе.

СЕДЬМОЕ СЕМИЛѢТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Докторъ James Johnson, лейбъ-медикъ Англійскаго короля, написалъ книгу, не толстую, но весьма умную и достойную полнаго вниманія врачующихъ и врачуемыхъ. Заглавіе ея — *The Escopomy of health*, «Экономія здоровья, или Рѣка человѣческой жизни, отъ колыбели до гроба.» Она исполнена остроумныхъ замѣчаній, любопытныхъ фактовъ, новыхъ наведеній, и почти на каждой страницѣ заслуживаетъ или похвалы или разбора. Докторъ Johnson немного поэтъ, но это не мѣшаетъ ни слогу ни здоровью; и если бѣ онъ иногда не принималъ риторической фигуры за доводъ, можно было бы похвалить его и за желаніе оживить свой сухой предметъ художническою кистью. Между главнѣйшими достоинствами его книги о здоровьѣ должно считать отсутствіе всякихъ выходокъ противъ испанскаго соуса и труфелей, — обстоятельство, которое доказываетъ, что докторъ, между прочимъ, человекъ со вкусомъ. Авторъ обзрѣваетъ человѣческую жизнь по ея періодамъ, и каждому періоду опредѣляетъ семи-лѣтній срокъ. Метода, конечно, не новая: климактерическое раздѣленіе, если не жизни, по-крайней-мѣрѣ способности тѣла къ извѣстнымъ болѣзнямъ, было допущаемо разными писателями въ Медицинѣ. Но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что семи-лѣтній періодъ составляетъ положительное мѣрило всей рѣки жизни отъ рожденія до кончины человека. Конечно, границы подобныхъ періодовъ не означены ясными чертами; однако жъ въ среднихъ лѣтахъ cadaго періода тѣлосложеніе принимаетъ такой рѣшительный характеръ новаго бытія, что одно это уже полагаетъ разительное различіе между періодами. Семь, четырнадцать, двадцать одинъ, двадцать восемь лѣтъ, — младенчество, дѣтство, юность, возмужалость, — суть дѣйствительныя эпохи въ нашей жизни, и каждая изъ нихъ отличается особеннымъ развитіемъ феноменовъ жизни и тѣлесныхъ силъ. По раздѣленію автора, первое семилѣтіе обнимаетъ гигиену вскармленія; второе — воспитанія; третье — половой переломъ; четвертое — выборъ рода жизни и супружество; пя-

тое и шестое семилѣтіе есть періодъ честолюбія: седьмое можетъ быть названо патологическимъ семилѣтіемъ: въ это время, накопленный ядъ множества мелкихъ постоянныхъ злоупотребленій здоровья, неразлучныхъ съ образованною жизнью; разрѣшается положительными недугами; осьмое, девятое и десятое заключаетъ въ себѣ печальную исторію постепеннаго упадка жизни и конечнаго разстройства всей машины. Самая оригинальная и, быть-можетъ, самая важная часть книги доктора *Johnson*'а содержится въ главѣ о седьмомъ семилѣтіи, гдѣ онъ говоритъ о болѣзни, которую называетъ Протеевымъ недугомъ, *patho-proteian malady*, — о той неизяснимой, припадочной, безпрерывно измѣняющейся болѣзни, которая имѣетъ качества всѣхъ другихъ болѣзней, но дѣйствительно есть только какое-то болѣзненное состояніе, порожденное не-естественными и весьма сложными возбужденіями нашей образованности. Непомѣрное умноженіе и наслажденій и заботъ этой образованности, ея искусства, ея житейскія удобства и отрады, ея сбито народонаселеніе и отсюда трудность удовлетворить потребностямъ жизни и привычной роскоши, подчиняютъ нашу нервную систему соразмѣрному усугубленію дѣятельности. Какіхъ усиленныхъ напряженій ума стоитъ иногда человѣку, чтобы съ честью выполнить обязанности своего высокаго званія, или чтобы проложить себѣ путь къ почестямъ и богатству сквозь толпу соимѣстниковъ и соискателей! Следствіемъ этаго бываетъ также увеличеніе болѣзненной раздражительности нервной системы, которая, по неразрывной связи, дѣйствуя на нервъ желудка, печени и другихъ органовъ, наконецъ разстроиваетъ ихъ отправленія. Подробности этаго филологическаго процесса, изслѣдованы докторомъ *Johnson*'омъ и весьма тщательно и хорошо изложены.

Важнѣйшіе два проводника внѣшняго возбужденія суть органы чувствъ и желудокъ, которые болѣе другихъ частей тѣла подвержены прихотливой, недалковидной волѣ человека и потребностямъ общественной жизни. Существенная цѣль образованности есть увеличеніе количества житейскихъ удобствъ, и наслажденій для ума и чувствъ; и следовательно, умножая число возбужденій, образованность прямо дѣйствуетъ на желудокъ, между-тѣмъ какъ мозгъ находится въ

непрестанномъ напряженіи. Такимъ образомъ мозгъ и желудокъ суть средоточія зловредныхъ возбужденій образованности; а эти два средоточія такъ тѣсно связаны между собою, что лишь-только одно начнетъ дѣйствовать, другое неминуемо уже испытываетъ вліяніе этого дѣйствія.

«Честолюбіе тогда — это пылкое желаніе, это безпрестанное усиліе быть или казаться болѣе самихъ себя или болѣе другихъ, — удваиваетъ общую сумму причинъ, поражающихъ бичъ Протеева недуга. Честолюбіе, говоритъ далѣе докторъ Johnson, не составляетъ принадлежности одного какого-нибудь сана или званія; не ограничивается особымъ классомъ людей; оно свирѣпствуетъ во всѣхъ отрасляхъ гражданского общества. Оно не совсѣмъ пропадаетъ даже между слугами и нищими: я готовъ вѣрить, что оно не только не уменьшается, но еще возрастаетъ по мѣрѣ нашего пониженія на лѣтвицѣ почестей и богатства, — по-крайней-мѣрѣ до извѣстнаго предѣла.

«Жена и дочери краснощекаго мясника *Bond-street*'скаго рынка сгараютъ желаніемъ затмить нарядами жену и дочерей своего сосѣда колбасника или табачника, не менѣе своихъ ясновельможныхъ покупателей изъ *Grosvenor*'скаго скузѣра, которые готовы всѣмъ пожертвовать, лишь бы объ ихъ послѣднемъ балѣ говорили въ городъ двѣ недѣли. Люди съ истинными талантами, иногда съ геніемъ, но бѣдные, не довольствуясь удивленіемъ просвѣщенной публики, природному блеску ихъ достоинствъ, пожираются завистью къ уваженію, которое народъ оказываетъ высокому роду всельможи или богатству счастливаго спекулянта, и все отдали бы за почести, недоступныя для себя. И на оборотъ, два три нищихъ князя *Moos-street*'скаго квартала съ чѣмъ-то похожимъ на что-то недалекое отъ маленькаго дарованія, раздувшись какъ Эзопова жаба, чтобы спѣсью наполнить природную пустоту череповъ и кармановъ, рвутся на поприще литературныхъ отличій, задыхаются отъ напрасныхъ усилій, и съ горя составляютъ наконецъ заговоръ противъ истинныхъ талантовъ: здѣсь ихъ начинаетъ терзать злой духъ ада, который зовутъ «котеріей». Подлѣ нихъ увидите всегда ихъ жалкія орудія, — группу тощихъ посредственностей, бѣдняковъ безъ таланта, безъ роду и безъ состоянія, — слишкомъ

счастливыхъ, изъ низости, тѣмъ, что безсребренные князья и баронеты принимаютъ ихъ въ свое сообщество: вотъ и они уже наитаны духомъ своихъ кичливыхъ покровителей; вотъ и они напрягаютъ все жилы, чтобы презирать другихъ, бѣситься въ чужую пользу, клеветать изъ подобострастія и зато глотать горькую пыль угрызений совѣсти и своего ничтожества: лорды на канцелярскомъ окладѣ, аристократы изъ титулярныхъ, они тоже воображаютъ себя представителями высшаго общества и погибаютъ въ жестокой борьбѣ съ своей надмѣнностью, насмѣшками здравомыслящихъ и презрѣніемъ тѣхъ, кого хотѣли подавить своимъ высокостраннымъ тономъ. Словомъ, дѣла честолюбія гнѣздятся въ каждомъ кольцѣ этой огромной общественной цѣпи, отъ золоченыхъ чертоговъ вельможи до конторы торговца пихияны бѣдвика. Она подливаетъ въ чашу наслажденій при самыхъ устахъ нашихъ тлетворную жажду къ тому, чего у насъ нѣтъ. И слѣдствіе этой жажды тѣмъ губительнѣе, что весьма не многіе въ состояніи утолить ее: страданія бѣдныхъ жертвъ честолюбія оканчиваются всегда роковою Протсею болѣзней!

«Кромѣ этихъ бѣдствій, которыя мы сами на себя накликаемъ, есть множество другихъ, которыхъ, при нынѣшнемъ состояніи образованности и утонченности, мы не можемъ или не хотимъ избѣгнуть. Заботы о содержаніи семействъ, попеченія о приличномъ пристроеніи дѣтей, скорби, причиняемыя развратомъ сыновей, и тысячи другихъ огорченій, независимыхъ отъ добровольной безпечности или неблагоразумія, умножились въ настоящее время до непомятой степени и уже породили множество новыхъ, прежде неслыханныхъ, несчастій, печалей и болѣзней.

«Есть множество причинъ этого бѣды новѣйшей эпохи, которыхъ собственно нельзя распределить на причины нравственныя и физическія. Онѣ вмѣстѣ и то и другое. Таковы, напримѣръ, особенныя нравы и занятія извѣстныхъ классовъ. У насъ въ Англіи торговля и мануфактуры берутъ верхъ надъ земледѣліемъ и скотоводствомъ: слѣдовательно, привычка и обычаи, неразлучныя съ жизнью сидячею, преобладаютъ надъ движеніемъ и дѣятельностью тѣла. Купеческія конторы и факторіи не только физически губительны для здоровья, но еще весьма вредятъ челоуку въ нравственномъ

отношеніи. Вся работа падаетъ на голову и руки — и это среди испорченнаго, мерзкаго воздуха, а не на туловище и ноги подъ открытымъ небомъ. Это сильно способствуетъ къ укорененію Протеевой болѣзни, особенно если къ тому присоединить жажду золота, зависть при совмѣстничествѣ по торговлѣ, политическія вражды несчастныхъ конституціонныхъ правленій, огорченія отъ споровъ, неудачъ и обманутыхъ ожиданій, и дѣйствіе ядовитыхъ домашнихъ страстей, раздражаемыхъ безчисленными прихотями и соблазнами образованной жизни. Эти и многія другія нравственныя и физическія причины, ужасно усилились съ окончаніемъ кровопролитной брани съ общимъ врагомъ (Наполеономъ), въ продолженіе которой внутренніе раздоры и несогласія были подавлены пароднымъ энтузіазмомъ. И самый міръ съ своими благами и наслажденіями, бываетъ не безъ горечи! Наши гигантскія боренія съ иноземнымъ непріятелемъ нынче превратились въ упорную борьбу озлобленныхъ партій. Вся низкія страсти приняли участіе въ этомъ семейственномъ, народномъ недугѣ. Площади, судилища, даже самыя кафедръ, извергають, подобно волканамъ, разрушительныя стихіи мятежа, ненависти и вражды, и разливають ихъ по всемъ сословіямъ общества. Находясь подъ гнетомъ такихъ обстоятельствъ, должны ли мы удивляться, что между нами появились новаго рода болѣзни, слѣдствія новыхъ причинъ? Удивительнѣе было бы, если бы онѣ не являлись.»

Эта картина довольно ясно обнаруживаетъ, что невоздержность, и чрезмѣрное напряженіе умственныхъ способностей въ образованномъ обществѣ, суть двѣ главныя оси, около которыхъ въ зрѣломъ возрастѣ вращается болѣзненное состояніе челоука. Первая изъ этихъ причинъ есть всегдашній конекъ обыкновенныхъ писателей въ Медицину: они придаютъ слишкомъ много важности гигиенѣ и равновѣсію силъ, по унціямъ отвѣщаютъ пищу и силы своимъ пациентамъ, и поставляють все благо въ недѣлиніи. Докторъ Johnson, напротивъ, не вдаваясь въ эти избитыя общія мѣста діететики, полагаетъ все дѣло въ благоразумномъ употребленіи способностей душевныхъ. «Общій цорокъ настоящаго поколѣнія, говоритъ онъ, состоитъ не въ невоздержномъ употребленіи пищи или напитоковъ, но въ невоздержномъ чтеніи

и мышленіи. Почему же такъ? При сильномъ напряженіи умственныхъ органовъ, силы тѣлесныя, въ особенности силы пищеварительныхъ органовъ, ослабляются. Оттого-то въ насъ ивтъ страсти нынче ни къ обжорству ни къ пьянству: въ насъ ивтъ и способности выносить ихъ дѣйствія. Безпрестанное упражненіе умственныхъ силъ, кромѣ того что оно отнимаетъ возможность безъ вреда предаваться излишествамъ стола, уже само по себѣ возбуждаетъ къ нимъ отвращеніе. Въ грубомъ состояніи общества, гдѣ для высшихъ способностей ума мало работы, чувственыя наслажденія вкуса и желудка составляютъ главныя удовольствія въ жизни, и, при крѣпости органовъ, эти удовольствія дѣйствительно пріятны и переносятся съ легкостью и безъ вреда. Носильщикъ каменнаго угля на берегахъ Темзы, котораго мозгъ почти такъ же бездѣйственъ, какъ и бремя, подъ которымъ гнутся его мышцы, въ одинъ день выпьетъ иногда десять или двѣнадцать квартъ портеру, кромѣ бутылки джину, и возвращается домой такъ же трезвъ какъ судья изъ палаты. Но пусть же судья, котораго мозгъ поглотилъ всѣ силы его мышцъ, отважится на такой подвигъ!

«Здѣсь-то надо искать истинныхъ причинъ, отчего люди настоящаго поколѣнія воздержите своихъ предковъ: онѣ заключаются въ утраченной способности наслаждаться невоздержностью, сравнительно съ прежними временами. Однако жъ дѣйствіе невоздержности не уменьшилось въ той же пропорціи; напротивъ, оно безконечно усиливается. Чтѣ за сто лѣтъ было въ высшей степени воздержностью, то нынче сдѣлалось бѣдственнымъ излишествомъ. Нравы отважныхъ горцевъ временъ Веверли, ихъ заздравная чаша, нейдутъ уже нынѣшнимъ обитателямъ Шотландіи. Чай, политика и заклады нанесли жестокой ударъ пищеварительнымъ органамъ лордовъ Келтійскихъ, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ ихъ потомковъ до сихъ поръ желудокъ покрытъ мѣдною броней и можетъ выдержать сильный натискъ самаго крѣпкаго гленливета.»

Все это очень справедливо, и справедливо не въ одной только Англіи: каждый часъ возрастающей образованности очевидно прсизводитъ новыя причины сильныхъ возбужденій, расслабленія тѣлесныхъ силъ и новыхъ видовъ болѣзней. Но

то же самое, что случилось съ прародительскимъ обжорствомъ и пьянствомъ, должно случиться и съ образованностью. Наступитъ время, что разслабленныя силы до крайности утонченнаго челоѵка не будутъ выносить образованности, какъ вышншіе желудки не выносятъ цѣлаго окорока в ведра романен. Тѣ, которые толкуютъ о безконечномъ совершенствованіи рода челоѵческаго, не подумаютъ, что на пути ко всякому излишеству лежитъ пресыщеніе. Развѣ откроютъ новый секретъ или выдумаютъ волшебную машину: а то дальнѣйшее движеніе образованности впередъ сдѣлается невозможнымъ и она должна отступать назадъ. Если нравственное состояніе обществъ не улучшится по какому-нибудь чулу Провидѣнія, всѣ труды челоѵка погибнутъ: тупость и слабость Сибарита ждуть Европейца у предѣла поприща, куда онъ собрался уже ѣхать на парахъ по желѣзнымъ рельсамъ. Что касается до врачебной части вопроса, то докторъ Johnson признаетъ путешествіе за лучшее и коренное лекарство противъ протеевъ болѣзни.

РАЗЫСКАНІЯ О ЖЕЛѢЗНОЙ МАСКѢ. Всякая неразгаданная тайна подстрѣкаетъ любопытство наше даже въ то время, когда уже дѣйствительный интересъ разгадки для насъ не существуетъ. Къ подобнымъ тайнамъ, которыхъ разрѣшеніе можетъ еще возбудить участіе въ читатель, должно отнести задачу о Желѣзной Маскѣ. Самъ Наполеонъ, при всемъ своемъ могуществѣ, не въ состояніи былъ добиться, кто именно скрывался подъ Желѣзною Маскою? Французскіе журналы, съ своимъ обыкновеннымъ легкомысліемъ, провозгласили, что Г. Paul Lacroix (библіофилъ Жакобъ) окончательнo рѣшилъ вопросъ. въ своей книжечкѣ — *L'homme au masque de fer*. По нашему мнѣнію, Г. Lacroix очень остроумно и удачно опровергъ всѣ или большую часть прежнихъ догадокъ, но онъ не такъ счастливъ былъ въ своей собственной. Для исторической пользы тѣхъ, которые ходятъ въ театръ смотрѣть скучную драму Г. Александра Dumas, мы приведемъ сперва всѣ предполагаемыя имена этого таинственнаго узника, скрытаго подъ маскою даже отъ тюремныхъ своихъ стражей, и который тайно былъ привезенъ съ острова Святой Маргариты въ Бастилію, гдѣ онъ умеръ. Разныя писатели думали, что это былъ —

1. *Арведиксъ*, Армянскій патріархъ въ Константинополѣ, который склонностью своею къ расколу возбудилъ къ себѣ ненависть Іезуитовъ.

2. *Matthioli*, первый министръ герцога Мантуанскаго, могущественный противуборникъ замысловъ Лудовика Четырнадцатаго. Это предположеніе недавно и съ большими остроуміемъ, но всё-таки не убедительно, было защищено лордомъ *Dover'омъ*; и онъ частію опирается на доказанный фактъ, что Желѣзная Маска былъ погребенъ подъ именемъ *Marchiali*, которое довольно сходно съ *Matthioli*.

3. *Генри Кромвель*, второй сынъ Олівиера Кромвеля.

4. *Герцогъ Monmouth*, вмѣсто котораго, какъ полагаютъ, одинъ изъ его друзей положилъ на плаху свою голову. *Saint-Foix*, который выдавалъ эту гипотезу за истину, называетъ герцога *Monmouth*'а братомъ Якова II, полагая, быть-можетъ, что Яковъ II былъ сыномъ Карла II, или что *Monmouth* былъ незаконнорожденный сынъ Карла I. Ученый библиофилъ, не смотря на свою ученость, даже не замѣтилъ этой ошибки.

5. *Законнорожденный* или незаконнорожденный сынъ супруги Лудовика XIII, Анны Австрійской. По мнѣнію некоторыхъ, двойничныи братъ Лудовика XIV, былъ скрытъ Лудовикомъ XIII изъ опасенія, для того чтобы наследствъ престола не было оспариваемо: рѣшенная скучная драма основана на этомъ предположеніи. Но другіе утверждали, что это былъ собственный сынъ королевы, который рожденъ ею прежде Лудовика XIV, и котораго она скрыла.

6. *Герцогъ de Vermandois*, сынъ Лудовика XIV отъ го-спожи de la Vallière, распутный юноша.

7. *Герцогъ de Beauport*, герой Фронды, который въ младенствѣ Лудовика XIV былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Теперь приведемъ опроверженія.

Арведиксъ. Вонас положительно утверждаетъ, что этотъ патріархъ былъ увезенъ изъ Константинополя во время посольства господина de Fériel. Но известно, что Fériel назначенъ былъ посломъ въ 1699 году; а *Saint-Mars* еще въ 1698 году привезъ съ собою Желѣзную Маску съ острова Святой Маргариты въ Бастилію. Сверхъ-того известно, что *Арведиксъ* принялъ Католическую вѣру, получилъ свободу

и свободнымъ умеръ въ Парижѣ, что доказываютъ метрическія книги, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

МАТТИОЛИ. Беззаконное похищеніе секретаря герцога Мантуанскаго нынче также доказано, какъ и увезеніе Арведикса. Хотя Маттиоли былъ точно въ 1679 году арестованъ чрезъ посредство аббата d'Estrades и господина Catinat, тайно отвезенъ въ Пиньероль, и тамъ заключенъ въ тюрьму подъ надзоромъ Saint-Mars'a, однако жъ нельзя смѣшивать его съ знаменитою Желзною Маскою. Catinat, въ своемъ письмѣ къ Louvois, говоритъ: «Никто не подозреваетъ настоящаго имени этого мошенника». Министръ пишетъ объ немъ къ Saint-Mars'у: «Меня изумляетъ ваше терпѣніе: вы ожидаете приказаній, какъ поступать съ бездѣльникомъ, который забываетъ должное къ вамъ уваженіе!» Saint-Mars отвѣчаетъ министру: «Я поручилъ Blainvilliers'у показать ему дубину, и предвартить его, что эгимъ приводить сумасшедшихъ къ здравомыслію.» При другомъ случаѣ министръ пишетъ о Маттиоли: «Для такого сорта людей надо дѣлать такую одежду, которая бы могла носиться три или четыре года».

Очевидно, что это не былъ тотъ знаменитый узникъ, съ которымъ обращались почтительно, передъ которымъ самъ Louvois стоялъ безъ шляпы; которому доставляли самое тонкое бѣлье, кружева и тому подобное.

Внимательно читая переписку, изданную господиномъ Delort, можно видѣть, что онъ ошибочно относитъ къ Маттиоли письма послѣ 1680 года, въ которыхъ Saint-Mars по привычкѣ говоритъ — «мой плѣнникъ». Это выраженіе относится къ Желзной Маскѣ. Saint-Mars всегда называлъ Маттиоли собственнымъ его именемъ или именемъ Lestang, которое велѣно давать ему вмѣсто настоящаго. Изъ этой переписки видно также, что несчастный Маттиоли содержался въ темницѣ вмѣстѣ съ какимъ-то помѣшаннымъ Якобинскимъ монахомъ, и самъ наконецъ съ ума сошелъ, и что онъ умеръ въ концѣ 1686 года. Видѣнный господиномъ Dutens рапортъ господина Claude Souchon, прямо говоритъ, что Маттиоли умеръ въ девятый годъ послѣ своего заключенія.

Носился слухъ, будто замаскированный плѣнникъ былъ не Маттиоли, но донъ Хуанъ ди Гонсаго, незаконнорожден-

ный братъ герцога Мантуанскаго, который сопровождалъ Маттіоли и заключенъ былъ, чтобы скрыть это нарушение международнаго права. Не говоря уже о томъ, что, вѣроятно, герцогъ сталъ бы жаловаться на арестованіе своего брата, мы находимъ еще въ письмѣ Catina къ Louvois, отъ 2 мая 1679 года, слѣдующее выраженіе: «Я вчерашній день арестовалъ Маттіоли во время свиданія, нарочно прилаженнаго аббатомъ de l'Estades омъ такимъ образомъ, чтобы дѣло кончилось между имъ, мною и Маттіоли. Для арестованія я употребилъ одного только кавалера de Saint-Martin и Villebois, офицеровъ господина Saint-Mars'a и четырехъ солдатъ изъ его роты. Все сдѣлалось безъ насилія.» Ясно, что Маттіоли явился одинъ на свиданіе.

ГЕНРИ КРОМВЕЛЬ. «Конечно весьма странно, говорить ученый библіофилъ, что второй сынъ протектора, одаренный отличными способностями, въ 1659 году какъ бы исчезъ съ лица земли, такъ, что совершенно не извѣстно гдѣ онъ жилъ, и гдѣ онъ умеръ. Но за чѣмъ бы ему быть государственнымъ плѣнникомъ во Франціи, гдѣ его старшій братъ жилъ безпрепятственно и покойно? При рѣшительномъ недостаткѣ ясныхъ доказательствъ, тутъ даже нѣтъ и правдоподобія.» Но Англійскіе критики доказали ученому библіофилу, что ему только такъ показалось, будто Генри Кромвель пропалъ безъ вѣсти, такъ, что не извѣстно, гдѣ онъ жилъ и гдѣ умеръ. Онъ жилъ въ Англии, исходатайствовалъ себѣ прощеніе; въ 1659 году, онъ, по разрѣшенію парламента, возвратился въ отечество и призванъ былъ въ Совѣтъ «для отдаванія отчета въ дѣлахъ Ирландіи,» послѣ того, онъ удалился съ семействомъ къ своему тестю въ Кембритское графство; всѣ его дѣти родились и крещены въ Англии или Ирландіи; умеръ 1673 года въ собственномъ помѣстьи своемъ Spinney Abbey, близъ Согама, и надъ могилой его воздвигнутъ памятникъ изъ чернаго мрамора съ надписью: «Henricus Cromwell, de Spinney, obiit 23 die martii, anno Christi 1673, annoque aetatis 47.» Англійскіе критики совѣтуютъ ученому библіофилу купить себѣ прекрасную книгу — State papers, edited by Turloë, весьма полезное для всякихъ изысканій собраніе государственныхъ грамматъ.

ГЕРЦОГЪ МОНМУТН. Не входя въ разборъ вѣроятія под-

лога при казни этого принца, достаточно сблизить число его казни (15 июля 1685 года,) съ слѣдующимъ выраженіемъ въ письмѣ Barbezieux къ *Saint-Mars*'у отъ 13 августа 1695 года: «Когда вамъ случится что-нибудь сообщать мнѣ о вашемъ узникѣ, который уже *двадцать* лѣтъ состоитъ подъ вашимъ надзоромъ, я прошу васъ не оставлять тѣхъ же предосторожностей, какія вы употребляли въ вашей перепискѣ съ господиномъ Louvois.»

сывъ, законный или незаконный Анны Австрійской. Ноября 17, 1697 года, Barbezieux пишетъ къ *Saint-Mars*'у: «Ни съ кѣмъ не входи въ объясненія о томъ, что *сдѣлалъ* вашъ старый плѣнникъ.» Слѣдовательно узникъ что-то *сдѣлалъ*, и за это навлекъ на себя столь строгое наказаніе. Министръ вѣрно не употребилъ бы такого выраженія, если бы одно только рожденіе было причиною заточенія. Ктому жъ, эта догадка основана не на документахъ, а просто на какихъ-то романическихъ смелнгахъ, и потому не заслуживаетъ даже опроверженія.

«Сынъ королевы, продолжаетъ авторъ, навѣрное не былъ въ числѣ заключенныхъ въ Пиньероль, въ 1680 году.» Г. Ласгоиъ опираетъ свои доводы на то, что въ перепискѣ министра съ коммандантомъ крѣпости говорится о весьма скромномъ окладѣ на дневное содержаніе узниковъ; но это еще не доказательство: приводимыя выраженія писемъ могутъ не относиться къ тѣмъ арестантамъ, которымъ прежде назначены были особые оклады; да и самыя слова «что онъ *сдѣлалъ*», вѣроятно, означаютъ только то, чтобы не говорить ничего, когда кто-нибудь станеть спрашивать, *что онъ сдѣлалъ* и за что содержится.

ГРАФЪ ВЕРМАНДОИЪ. Приведенное письмо Barbezieux, отъ 13 августа 1695 года, и здѣсь разрушаетъ всѣ предположенія: графъ de Vermandois умеръ въ 1683 году, а неизвѣстная особа въ маскѣ жила еще.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ВЕАУФОРТЪ. Эта мысль, должно сознаться, нѣсколько толковѣе всѣхъ прочихъ и почти торжественно можетъ быть подтверждена соображеніемъ современныхъ записокъ. Еще въ 1664 году герцогъ Beaufort, по своей вѣтренности, неудачно окончилъ нѣсколько морскихъ предпріятій. Въ октябрѣ 1666 года, Лудовикъ XIV дѣлалъ ему выговоръ,

но весьма снисходительный, и убъждалъ его лучше приспособить себя къ своему роду службы образованіемъ природныхъ способностей и воздержаніемъ отъ нѣкоторыхъ слабостей, присовокупляя: «Я не сомнѣваюсь, что вы воспользуетесь моимъ совѣтомъ, и на опытѣ докажете, что вы будете признательны за этотъ знакъ моего добраго расположенія, тѣмъ болѣе что весьма немногіе цари такъ поступали.» Можно набрать множество случаевъ, въ которыхъ этотъ герцогъ причинилъ существенный вредъ королевскому флоту.

Но въ 1669 году Лудовикъ XIV послалъ *Beaufort*'а на помощь Кандіи, которую блокировали Турки. Черезъ семь дней по прибытіи, онъ былъ убитъ въ одной сшибкѣ, именно 26 іюня. Герцогъ de Navailles, который имѣлъ главное начальство надъ флотомъ, въ своихъ запискахъ говорить: «Онъ встрѣтилъ на пути огромную толпу Турокъ, сильно тѣснившихъ часть нашего войска, надъ которою онъ тотчасъ принялъ начальство; сражался весьма мужественно; но наковецъ былъ оставленъ своими, и участь его покрылась неизвѣстностью.» Слухъ объ его смерти быстро разнесся по Франціи и Италіи, и похороны его отправлены были съ большою пышностію въ Парижъ, Римъ и Венеціи. Правда, что какъ его тѣло не было отыскано, то многіе ожидали появленія его между живыми. Однако жъ переписка *Saint-Mars*'а ясно убъждаетъ въ томъ, что въ продолженіе всего времени отъ 1669 по 1680 годъ губернаторъ Пиньерольской не имѣлъ подъ своимъ надзоромъ ни одного важнаго государственнаго арестанта, псключая Fouquet и *Lauzun*'а. Въ одномъ мѣствѣ Г. Lascoix замѣчаетъ, что пристрастіе Желѣзной Маски къ кружевамъ и нарядамъ ни мало не согласуется съ неопытностію герцога de *Beaufort*'а, который, по своей склонности таскаться между чернью, заслужилъ прозваніе *le roi des halles*.

«Кто же былъ, спрашиваетъ авторъ, этотъ *старый пльиникъ*, который, по достовѣрному журналу господина Dijonse, находился уже тогда подъ стражею *Saint-Mars*'а въ Пиньероль? Основываясь на внимательномъ изученіи царствованія Лудовика XIV, и на сравненіи фактовъ съ числами, я полагаю, что замаскированная особа былъ не кто иной какъ Fouquet, несчастный *суперинтендантъ финансовъ*, жертва ко-

варныхъ интригъ, которыхъ исторія до-сихъ-поръ не выведена наружу; Fouquet, который былъ арестованъ въ 1661 году, осужденъ, въ 1664 году, на вѣчное заточеніе и посаженъ въ замокъ Пиньерольскомъ подъ надзоромъ *Saint-Mars'a*, и котораго смерть *ложно* была внесена въ книгу 23 марта 1680 года.»

Долго было бы выписывать всѣ доказательства, которыя Г. Ласгоіхъ приводитъ для поддержанія своей новой теоріи, и которыя основываются болѣе на противорѣчіяхъ показаній касательно смерти Fouquet нежели на положительныхъ доводахъ. Авторъ полагаетъ, что Fouquet нарочно провозгласили умершимъ и надѣли на него маску; потому что Желѣзная Маска появляется вслѣдъ за числомъ «мнимой» смерти суверинтенданта. Правда, что Louvois предписывалъ губернатору *щедро* содержать Fouquet; что только въ отношеніи къ одному этому арестанту существуетъ подобное предписаніе: но какъ можно согласить жестокое обращеніе *Saint-Mars'a* съ Fouquet съ показаніями, что Желѣзной Маскѣ оказываемо было постоянно почтеніе и даже снисхожденіе. Икъ чему съ такими предосторожностями скрывать преступника, публично, и, какъ самъ авторъ говоритъ, справедливо приговоренаго къ вѣчному заточенію? Если бы даже, чему трудно повѣрить, и распространили ложный слухъ объ его смерти для того, чтобы устранить навсегда докучливыя просьбы его семейства, всё-таки не зачѣмъ было столько хлопотать о соблюденіи тайны, которою интересовался только немногія особы. Однимъ словомъ, Г. библіофилъ очень хорошо опровергъ нѣсколько нелѣпыхъ басенъ, но что касается до загадки, то онъ, кажется, оставилъ ее въ томъ же положеніи, въ какомъ засталъ.

ВСТРѢЧА Г. КУПЕРА СЪ ВАЛЬТЕРОМЪ СКОТТОМЪ. Никогда не должно клясться, въ чемъ бы то ни было! Вотъ, напримеръ, Г. Куперъ, разсердившись на критиковъ, которые сказали, что его романъ «Мояникины» вялъ, скученъ и непонятенъ, торжественно поклялся никогда не издавать книгъ, и между-тѣмъ въ теченіе одного года уже третья его книга проходитъ подъ картечью критики. Въ этотъ разъ Г. Куперъ написалъ, подъ названіемъ *Recollections of Europe*,

книгу въ родѣ «Искусства нравиться дамамъ»: описывая свои Европейскія знакомства и похождения, авторъ «Пирата», съ удивительною важною и съ философическими замѣчаніями, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ излагаетъ своей за-Атлантической братии, какъ въ Европѣ дѣлаются визиты, представленія, приглашенія, какъ идутъ въ столовую, какъ садятся къ обѣду, какъ разсылаются билеты о помолвкѣ, рожденіи или кончинѣ, какъ здороваются, кланяются, прощаются, — всѣ, даже самыя мелкія, правила этикета, вещи, которыя годны только для наполненія чѣмъ-нибудь пустой головы Франта-полотера. Надо полагать, что когда Сѣверные Американцы прочитаютъ эготъ знаменитый трактатъ о вѣжливости и законахъ приличій, они перестанутъ класть ноги на столъ. Весьма забавно слушать, какъ Г. Куперъ, писатель, принадлежащій къ народу образованному, разсуждаетъ иногда о самыхъ простыхъ обыкновеніяхъ нашего общества: авторъ, напримѣръ, описываетъ дипломатическій обѣдъ у Американскаго посланника въ Парижѣ, и говоритъ: «Тутъ доложили о пріѣздѣ господина и госпожи de Villèle. Вотъ и Французскій первый министръ. Такъ какъ дамы, при входѣ въ гостиную, *предшествуютъ здѣсь мужчинамъ, и умѣютъ ходить и кланяться одиѣ*, то я сперва и не замѣтилъ господина Виллеля, потому что онъ шелъ очень близко за женою, которая его закрывала.» Изъ этого можно было бы заключить, что въ Америкѣ мужчины входятъ первые въ гостиную, а супруги ихъ идутъ за ними, и притомъ *не умѣютъ ни ступить ни поклониться,* безъ помощи мужей. Право, Хаджи-Баба не могъ бы сказать ни чего наивнѣе! Но, чтобы понять настоящій смыслъ разсказовъ Г. Купера, надобно знать, что Сѣверные Американцы, несмотря на свою выказную страсть къ равенству, помѣшаны на знати, обществѣ съ благородными и аристократическихъ пріемахъ. Самъ Г. Куперъ приводитъ одинъ анекдотъ, который весьма хорошо изображаетъ эту республиканскую слабость. «Я спросилъ однажды генерала Лафайетта, говоритъ авторъ, какъ это случилось, что отецъ ея былъ графъ, а онъ вышелъ маркизъ. — Право, не знаю, отвѣчалъ Лафайеттъ: мнѣ извѣстно только то, что дѣдъ мой былъ маркизъ, отецъ назывался графомъ, а меня, когда еще я

былъ мальчикомъ , стали титуловать опять маркизомъ. Мнѣ не пришлось никогда распросить объ этомъ покойнаго отца. — Это было у *Lagrange*'а , гдѣ находился и Г. Александръ de Lameth. Всѣ трое служили они въ Америкѣ и всѣ трое, почти мальчиками , были уже полковники. — Но , замѣтилъ Г. de Lameth улыбаясь, Американцы гораздо болѣе уважали Лафайетта чѣмъ насъ , потому что онъ былъ маркизь.»

Перейдемъ къ самому любопытному анекдоту этихъ двухъ томовъ. «Обстоятельства, о которыхъ я не считаю за нужное распространяться, говоритъ Г. Куперъ, обратили на меня некоторое вниманіе сирѣ Вальтера Скотта, хотя я никогда не видалъ его, даже въ публикѣ и не зналъ его въ лице. Я надѣялся однако жъ теперь быть счастливѣе, но между-тѣмъ деликатность не позволяла мнѣ слишкомъ набиваться на его знакомство. Онъ былъ теперь въ Парижѣ: прошло уже нѣсколько дней, а злая судьба не сводила меня съ нимъ, такъ, что я началъ уже отчаяваться, хотя княгиня П^{***}, съ которою я имѣлъ счастье быть коротко знакомымъ, безпрестанно льстила меня надеждой, что и я увижу великаго писателя у ней въ домѣ, потому что она рѣшилась, во что бы то ни стало, познакомиться съ авторомъ «Айвенго» и «Веверли» прежде его отъезда изъ Парижа.

«Дней черезъ десять послѣ прибытія Вальтеръ Скотта, мнѣ, въ одно утро вздумалось прохаться за Сену. Я приказалъ подать карету и уже сходилъ съ лѣстницы, какъ раздался стукъ колесъ и на дворъ въѣхала другая карета. Въ это время шелъ дождь, и какъ моя карета отъѣхала отъ крыльца, чтобъ уступить мѣсто гостѣ, то я, ожидая возвращенія моего экипажа, остановился на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы. Дверцы захлопнулись, и вслѣдъ за тѣмъ появилась въ стѣнахъ довольно огромная, тяжелая фигура съ сѣдою головой. Она нѣсколько прихрамывала и опиралась на трость. Карета пріѣзжаго тотчасъ отъѣхала отъ крыльца, и моя опять появилась. Я сошелъ внизъ. Проходя мимо другъ друга, мы, по обыкновенію, раскланялись. Я уже дошелъ до дверей и хотѣлъ сѣсть въ карету, какъ вдругъ пришло мнѣ въ голову, что этотъ пріѣздъ, быть-можетъ, относится ко мнѣ. Эта мысль заставила меня посмотреть куда пойдетъ не-

*

знакомецъ. Я никакъ не догадывался, что это за человекъ, хотя и казалось, что лице и фигура его мнѣ знакомы.

«Незнакомецъ тихо всходилъ по каменной широкой лѣстницѣ, опираясь одною рукою на желѣзныя перилы, а другою на свою трость. Вступая на другой поворотъ лѣстницы, онъ обернулся лицомъ ко мнѣ и глаза наши встрѣтились. Тутъ его поразила мысль, что я, быть-можетъ, тотъ самый, кого онъ ищетъ. — Est-ce monsieur Cooper que j'ai l'honneur de voir? «Не господина Купера ли я имѣю честь видѣть?» спросилъ онъ по-Французски ласковымъ тономъ. — Monsieur, je m'appelle John Fenimore Cooper. — Eh bien, donc je suis Walter Scott! «Ну, такъ я Вальтеръ Скоттъ!»

«Я мигомъ взбѣжалъ на площадку лѣстницы, и съ чувствомъ пожалъ ему руку, которую онъ дружески протянулъ ко мнѣ. Я изъявилъ ему мою признательность за честь, какой онъ меня удостоилъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что княгиня П^{***}, залучивъ его къ себѣ, упомянула о своемъ дружескомъ обѣщаніи доставить мнѣ случай видѣть знаменитаго гостя, и что онъ, взявши у ней мой адрессъ, безъ дальнихъ церемоній, самъ отправился съ визитомъ ко мнѣ. Все это время онъ говорилъ по-Французски, между-тѣмъ какъ я давалъ ему ответы и дѣлалъ замѣчанія на Англійскомъ языкѣ. Вдругъ, опомнившись, Вальтеръ Скоттъ сказалъ мнѣ: «Да что жъ я съ вами всё французю! (I am parlez-vousing with you). Вы, навѣрно, удивляетесь, но эти Французы такъ напшиговали меня своимъ шараканьемъ, что я вполнину забылъ природный языкъ.» Входя по лѣстницѣ, онъ оперся на мою руку, и продолжалъ разговоръ по-Англійски, и шелъ съ меньшимъ затрудненіемъ, нежели какъ я сначала думалъ.

«Читатели извипятъ мое тщеславіе, если я повторю здѣсь его слова: я это дѣлаю для того, чтобы нѣкоторые изъ нашихъ литературныхъ гениевъ видѣли, какъ отзывается человекъ здравомыслящій и умный о томъ, за что эти господа жестоко меня бранили. «Я скажу вамъ, что мнѣ болѣе всего въ васъ нравится», замѣтилъ онъ отрывисто: «это ваша манера, съ какою вы при всѣхъ удобныхъ случаяхъ поддерживаете честь и преимущества вашего отечества, не унижаясь до пошлыхъ, площадныхъ ругательствъ противъ Англій.

Вы обязаны питать вражду къ нашему народу, и я уважаю ваши патриотическія чувствованія. Матушка не всегда-то хорошо обходилась съ своею дочкою, и быть-можетъ съ нѣкоторою завистью смотритъ на ея успѣхи, потому что, хоть я не думаю, чтобы Англія клонилась къ упадку, она, кажется, достигла уже до высшей ступени своей лѣтвицы.»

«Неумвѣстно было бы рассказывать здѣсь все, о чемъ мы говорили: мы говорили о дѣлахъ; потомъ бесѣда наша приняла болѣе общее направленіе. Не должно забывать, что Вальтеръ-Скоттъ слылъ всё-еще «Неизвѣстнымъ»: полагали, что онъ пріѣхалъ въ Парижъ собирать извѣстія о жизни Наполеона. Несмотря на таинственность, какой окружили его въ публикѣ, онъ говорилъ о своихъ романахъ, такъ откровенно, такъ просто, что я удивился; онъ даже не требовалъ обѣщанія хранить тайну. Словомъ, мы съ нимъ разсуждали объ его сочиненіяхъ, какъ люди, которые никогда не сомнѣвались въ томъ, кто былъ ихъ авторомъ. Когда на вопросъ его — нѣтъ ли у меня экземпляра одного моего сочиненія, я отвѣчалъ, что не имѣю ни одной своей книги, онъ разсмѣялся и сказалъ, что видно большая часть авторовъ одинаковаго образа мыслей въ этомъ отношеніи, потому что и ему, вѣроятно, никогда въ голову не пріѣдетъ прочесть своего «Верверли», пока онъ на этомъ свѣтѣ.

«Онъ пробылъ у меня около часу; и вообще, когда разговоръ не касался собственно до дѣла, онъ обнаруживалъ наклонность къ шутовству. Когда я упомянулъ о нашемъ общемъ издателѣ въ Парижѣ, книгопродавецъ Госсливъ (gosling по-Англійски значить — гусенокъ), онъ съ колкою веселостью прибавилъ: «Надѣюсь, что по-крайней-мѣрѣ этотъ гусь несетъ золотыя яйца.»

«Я полагалъ, что онъ безъ большаго затрудненія собралъ въ Парижѣ важныя матеріалы для своей исторіи; но его отвѣтъ не весьма былъ утѣшительнъ. «Анекдотовъ вамъ здѣсь паскажутъ множество; но вотъ въ чемъ дѣло: что изъ этихъ разсказовъ, можете вы, какъ человекъ честный и джентльменъ, не оскорбляя истины, помѣстить въ свое сочиненіе?» Весь его юморъ мелькнулъ въ живомъ выраженіи маленькихъ сѣрыхъ глазъ его. «Кромѣ того, продолжалъ онъ, сомнительно, есть ли въ этихъ разсказахъ что-нибудь годное для ис-

торіи, въ другомъ отношеніи? Тутъ онъ замолчалъ. Спусти минуту, лице его приняло выраженіе неизъяснимаго добродушія, и онъ опять началъ разговоръ, уже съ совершенною доброю вѣрою и съ чувствомъ настоящаго Шотландца: «Я былъ у моего соотечественника Макдональда (маршала); я думаю, этого съ меня довольно; лучшаго я не найду ничего, пока я здѣсь.» Эти слова были произнесены съ такою безпечностью, что я едва вѣрилъ, чтобы это былъ тотъ самый человекъ, который за минуту показывалъ такое сильное невѣрїе къ пзустнымъ рассказамъ.

«Я спросилъ, когда мы можемъ ожидать появленія его исторіи. «Въ теченіи зимы, отвѣчалъ онъ: хотя выходитъ, что она будетъ огромнѣе, нежели какъ я предполагалъ. У меня уже отпечатано нѣсколько томовъ; но я вижу, что придется сдѣлать много прибавленій, чтобы развить предметъ приличнымъ образомъ. Вначалѣ, я думалъ, что отдѣлаюсь семью томами, которые уже написаны, но, кажется, дѣло дойдетъ до девяти».

«О! сказалъ я, если вы собираетесь написать еще два тома, то едва-ли мы увидимъ вашу исторію къ веснѣ. — «Вы можете быть увѣрены, что все выйдеть; дайте мнѣ только добратся до моего Абботсфорда; у меня мигомъ поспѣютъ два тома.» На это я ничего не могъ возразить; однако жъ мнѣ казалось, что такая торопливость въ сочиненіи болѣе прилична для романа чѣмъ для исторіи.

«Когда онъ взялъ шляпу, я упрямилъ его войти въ залу, чтобы я могъ имѣть удовольствіе представить ему мою жену. Онъ добродушно принялъ предложеніе. Я подвелъ къ нему жену и моего племянника В^{...}, и онъ присѣлъ на нѣсколько минутъ. Въ продолженіе разговора, оживленнаго его любезною шутовскою, онъ разсказалъ намъ одинъ или два милыхъ анекдота. Вальтеръ-Скоттъ говорилъ съ легкимъ Шотландскимъ акцентомъ, который онъ по волѣ то принималъ, то оставлялъ.

«При прощаніи, мы условились, что на другой день я буду у него завтракать. Въ назначенный часъ я къ нему явился, и засталъ его въ новомъ шелковомъ плафрокѣ, который онъ только лишь купилъ, «дѣятого, какъ онъ тугъ замѣтилъ, что»

бы вконецъ офранцузиться»: покушеніе напрасное, при его Шотландской наружности и Шотландской душѣ.

«Въ комнатѣ было два или три челоуѣка гостей, кромѣ дочери его, миссъ Анны Скоттъ, которая сопровождала его въ путешествіи. Когда я вошелъ, онъ писалъ отвѣтъ княгинѣ П^{***}, которая приглашала его на вечеръ. «Вы другъ княгини; скажите онъ мнѣ, и офранцузите лучше меня: скажите, ради Бога, на какой день это приглашеніе, на *lundi, mardi, jeudi*, или седьмую пятницу въ одной недѣлѣ?» Я прочиталъ ему слово, на которое онъ указалъ. «Вы, вѣрно, часто получаете записки отъ княгини П^{***}; иначе, вы бы не могли такъ легко разобрать.» — Да; она къ намъ очень ласкова, и мы часто имѣемъ случай читать ея письма. — «Ну, за прочтеніе одной страницы такого почерка стоитъ того, чтобы она мнѣ заплатила славнымъ обѣдомъ! Да я отпущу ей тѣмъ же, и еще она остается не въ барышахъ. Посмотримъ, какъ она-то разберетъ мое маранье, писанное этими *plume d'auberge*.»

Запечатавъ письмо, онъ призадумался, какъ написать адрессъ, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ вы адресуете письма къ этой дамѣ, *Ея высочеству*, что ли? — Этотъ вопросъ не мало изумилъ меня: онъ показывалъ совершенное незнаніе обыкновеній высшего круга, чего должно бы ожидать отъ челоуѣка, который такъ долго окруженъ былъ знатію. Впрочемъ, что мудренаго! Онъ велъ жизнь провинціальную; и дочь его справедливо замѣтила, что имъ не было нужды оставлять Шотландію для того, чтобы посмотреть на свѣтъ, потому что весь свѣтъ пріѣзжаетъ въ Шотландію.

«Мнѣ казалось, что онъ не весьма былъ доволенъ Парижемъ. Его понятія о Французахъ были довольно точны, хотя не совершенно чужды старыхъ Англійскихъ предразсудковъ. «Конецъ концовъ, сказалъ онъ, я Шотландецъ! Кромѣ этой поездки въ Парижъ, и еще другой въ 1815 году, я нигуда не отлучался изъ моего отчества, исключая въ Англію, которую я также рѣдко посѣщалъ». Я заключаю, что онъ даже не былъ въ Ирландіи.

«Послѣ того я еще разъ встрѣтился съ нимъ у княгини П^{***}. Собраніе было не велико, и на-скоро созвано; однако же хозяйка успѣла пригласить нѣсколько замѣчательныхъ особъ.

Въ числѣ гостей были двѣ дамы, которыхъ имена блестятъ въ исторіи. Всѣ женщины, съ тою тонкою разборчивостью, которая свойственна Француженкамъ, явились въ лентахъ и матеріяхъ Шотландскихъ. Въ цѣломъ собраніи одна только не походила на Каледонку, и это была дочь Вальтера Скотта, одѣтая въ полу-трауръ: по ея чернымъ глазкамъ, и какъ смоль чернымъ волосамъ, ее можно было принять за Француженку. Она была чрезвычайно красива, и возбуждала общее удивленіе.

«Вальтеръ Скоттъ переносилъ всѣ утомительныя почести съ несказаннымъ терпѣніемъ. Но какъ скоро позволило приличіе, онъ удалился въ уголокъ комнаты, и я подошелъ къ нему. Смѣясь, онъ сказалъ мнѣ, что ему очень трудно объясняться по-Французски, и что онъ не умѣетъ отвѣчать на ихъ комплименты. «Я довольно ручной *левъ*, прибавилъ онъ (львами, въ Англійской словесности, называютъ перво-классныхъ писателей), и позволяю тѣшиться моимъ хвостомъ, сколько имъ угодно; но я не могу рыкать для нихъ по-Французски. А вы какъ?»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Madame de Valdaunay*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. *Leonce'a* и *de Bernard'a*.

Г. *de Bernard*, ученикъ *de Balzac'a*. Онъ недавно напечаталъ въ Бальзаковомъ журналѣ *La chronique de Paris* довольно хорошенькую повѣсть, а теперь смастерилъ изъ нея маленькую ужасную, но драму. Вотъ какая это исторія:

Молодой человѣкъ, служащій при дворѣ Лудовика XVIII, Г. Октавій Барбаренъ, ѣдетъ изъ Ліона въ Парижъ. Садясь вечеромъ въ Гренобльскій дилижансъ, онъ завидѣлъ въ уголку женщину, которая закуталась въ свой шелковый плащъ, въ соболій воротникъ и спрятала лице за широкими кружевами шляпки. Притомъ на дворѣ было темно, холодно; въ передней части дилижанса, гдѣ было мѣсто нашего путешественника, сидѣли уже два простяка съ глупыми рожами, съ грубыми голосами. Какъ не промѣнять этого товарищества на сосѣдство женщины, вѣроятно молоденькой и, примѣрно сказать, хорошенькой, которая прлечется, какъ оіалка въ травѣ? Тутъ и думать было нечего: мосьѣ Барба-

ренъ засѣлъ въ карету; тяжелая колымага тронулась, и Барбаренъ въ восторгѣ.

Ему не было еще тридцати лѣтъ, и онъ въ высокой степени обладалъ тѣмъ шестымъ чувствомъ, которымъ молодой человѣкъ, даже въ потмахъ, узнаетъ молоденькую и хорошенькую женщину. И точно, женщина была молода и хороша, и притомъ еще умна и скромна, и сверхъ-того такъ же ловка и любезна въ каретѣ, какъ другая у себя въ гостиной. Барбаренъ и не замѣтилъ, какъ они проѣхали всю станцію, и когда карета остановилась у конторы дилижансовъ въ Гренобль, онъ уже былъ по уши влюбленъ въ госпожу Вальдонѣ.

Госпожа Вальдонѣ вышла и ушла; Барбаренъ слѣдовалъ за ней глазами и сердцемъ. Вдругъ, къ нему подходитъ какой-то военный, съ мрачнымъ и важнымъ видомъ. Этотъ военный не кто иной, какъ полковникъ Герланъ, — человѣкъ, достойный всякаго уваженія, который, какъ Франческинъ въ повѣсти Бальзака, «Горіо», убиваетъ навѣрняка всякаго, съ кѣмъ ни дерется на пистолетахъ или на шпагахъ. — Послушай, говоритъ Герланъ Барбарену, ты мнѣ старый другъ; я тебя отъ души люблю; готовъ жизнь отдать за тебя; но завтра ты будешь влюбленъ въ госпожу Вальдонѣ, съ которою сейчасъ пріѣхалъ въ дилижансѣ; сегодня ты еще не влюбленъ: такъ садись же опять въ карету, и отправляйся съ Богомъ въ Парижъ, а тамъ и забудь навсегда объ этой женщинѣ, потому что — она моя добыча. Я любилъ ее, любилъ до безумія, и она надо мною надсмѣялась. Теперь, чтобы отмстить за себя, я убиваю одного за другимъ всѣхъ ея обожателей. На кого она ласково взглянула, тому не прожить и трехъ дней. Она напрасно отъ меня убѣгаетъ; я вездѣ найду ее. Послушайся же меня, поѣзжай въ Парижъ; я знаю, что ты человѣкъ храбрый, но я прошу тебя, оставь мнѣ эту женщину. Въ Парижѣ много женщинъ лучше этой; бери сколько тебѣ угодно, оставь мнѣ только эту.» Противъ этого, кажется, нечего было и сказать; рѣчь и умна, и красна, и чувствительна. Барбаренъ было чуть-чуть не убѣдился, да вотъ бѣда: онъ узналъ, что въ этотъ вечеръ городъ даетъ балъ: какъ же не побывать на балѣ? какъ не посмотретьъ на Гренобльскихъ красавицъ? Ухъать успѣетъ онъ и завтра. Барбаренъ отправляется на балъ, — и кого жъ онъ тамъ ви-

дять? Госпожа Вальдонэ сидитъ одна, всѣми оставленная, печальная и задумчивая; но такая хорошенькая, бѣленькая, нѣжненькая, что такой женщины люди отъ роду не видавали, даже въ поэмѣхъ лорда Байрона. Разсматривая ее со вниманіемъ, онъ замѣтилъ, что по жиламъ этой женщины, тихой и спокойной, пробѣгаетъ иногда невольный трепеть и краска вступаетъ ей въ лице, какъ въ лихорадкѣ. Будь я Г. Balzac, или хоть только Г. Bernard, я бы написалъ вамъ, при сей вѣрной оказіи, четыре страницы описательной прозы, пышной, надутой, темной, и вы бы увидѣли какъ на ладони всѣ, самыя непримѣтныя, движенія этого нѣжнаго сердца, которое любить, страдаетъ, стонетъ, замираетъ, — умерло, — ужъ не бьется.

Поднявъ глаза, прекрасные глаза, наполненные свѣтлою влагою, которая дѣлается то огнемъ, то слезою, госпожа Вальдонэ встрѣтила взоры Барбарена. При видѣ этого молодого человека, который смотритъ на нее съ нѣжнымъ соболъзнованіемъ, бѣдлжка просвѣтлѣла. Дрожь прошла, спокойствіе возвратилось; она почти счастлива. Она принимаетъ руку, которую Барбаренъ подаетъ ей, и кружится съ нимъ въ вихрѣ вальса. (Слѣдуютъ двѣ страницы цвѣтистой прозы насчетъ вальса.) Ей кажется, что этотъ человекъ мчитъ ее въ огненной атмосферѣ; она уже спокойна подлѣ этого мужскаго сердца; она уже сильна; въ этомъ сосѣдствѣ, ей ничто на свѣтѣ не страшно. Но вдругъ, въ углу залы, несчастная встрѣчаетъ страшный взглядъ Герлана! Она слабѣетъ и падаетъ безъ чувствъ въ объятія своего кавалера. Такъ ослабѣваетъ птичка, которую гремучій змѣй остилъ своимъ ядовитымъ взоромъ. Будетъ дуэль!

Вотъ первая часть этой исторіи. Вы скажете, что все это ужасно невѣроятно. Но въ повѣстяхъ Г. Balzac'a, и слѣдственно учениковъ его, отъ Парижа до Москвы включительно, всегда такъ. Слѣдственно дуэль будетъ; отговорки тутъ не у мѣста. Во всѣхъ страшныхъ исторіяхъ, какія только пишутся, хоть никогда не случались, безъ дуэли дѣло не обойдется. *А изъ сего явствуетъ*, что первое дѣйствіе водевила исполнено занимательности.

Между-тѣмъ Г. Барбаренъ, какъ человекъ влюбленный, хотѣлъ сначала посмотреъ, нельзя ли поддѣть Герлана, и

потомъ уже съ нимъ драться. Они съ Герланомъ побѣжали въ Парижъ, а госпожа Вальдоне побѣжала въ Швейцарію, оттуда въ Италію; наконецъ думая, что ужасный Герланъ уже потерялъ слѣдъ ся, возвращается она въ Тулонъ. Туда же пріѣзжаетъ и Барбаренъ, и тамъ онъ и она цѣлые два мѣсяца предаются счастію *безоблачному и прозрачному*, какъ говорятъ Бальзакъ и комп. Герлана, слава Богу, нѣтъ; онъ конечно, потерялъ ихъ изъ виду. Но нѣтъ, Герлана не обманешь: онъ тутъ, онъ снова готовъ вырвать госпожу Вальдоне изъ объятій Барбарена. А известно, что драться съ Герланомъ все равно что идти на смерть. Вы скажете, что это опять вздоръ; что въ дуэли всѣ равны, что записный убиватель можетъ быть убитъ не хуже другаго. Оно такъ; но мнѣ до этого нѣтъ дѣла: я рассказываю. Тутъ наступаетъ патетическій вызовъ. Г. Барбаренъ, разумеется, сохраняетъ все свое хладнокровіе при видѣ Герлана, но госпожа Вальдоне страхъ неревнугалась. Онъ ушелъ! Решено: она не потерпитъ, чтобы тотъ, кого она любитъ, былъ убитъ за нее; она жертвуетъ собою, и бросается въ объятія ужаснаго Германа. Герланъ принимаетъ жертву. Если госпожа Вальдоне согласна выйти за него замужъ, то онъ съ своей стороны согласенъ не только не убивать Барбарена, но даже просить у него прощенія. Дѣло находится въ этомъ положеніи, и госпожа Вальдоне уже готова обречь себя вѣчному заточенію въ объятіяхъ Герлана, какъ вдругъ Барбаренъ возвращается. Онъ узналъ роковую тайну, которую эта «великая» женщина хранила съ опасностью своей жизни: молодой человекъ, котораго когда-то убилъ Герланъ, былъ не любовникъ, но братъ, родной братъ ея, *побочный сынъ ея матери!* Я вамъ сказалъ, что это исторія Бальзакъовской школы. Тутъ Герланъ побѣжденъ; онъ бросается къ ногамъ женщины, которую такъ немилосердно любилъ, и со слезами просить прощенія. Потомъ онъ удалется и навсегда оставляетъ любовниковъ въ покое.

Несмотря на всѣ эти невѣроятности, драма Г. *Bernard'a* жива, хорошо написана, занимательна и извлекаетъ слезы.

3. *Le riche et le pauvre*, *Богатый и бѣдный*, драма въ пяти дѣйствіяхъ въ прозѣ, Г. *Souvestre'a*.

Это одна изъ тѣхъ мерзостей, которыя дѣлаютъ стыдъ че-

ловѣчеству и здравому разсудку, но которыя повѣщая ли-тературная школа во Франціи почитаетъ своими трофеями. Благонамѣренная цѣль автора-- возбудить войну на смерть между бѣднымъ и богатымъ. Само собою разумется, что въ этой пьесѣ господина *Souvestre*'а, какъ и въ романѣ, который вышелъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и во всехъ его романахъ, богачъ -- глупецъ и злодѣй, а бѣднякъ человекъ добродѣтельный и съ талантомъ. Чего жъ они хотятъ, эти безумные, которыхъ называютъ Французскими писателями? Чтобы все были бѣдны, для того чтобъ всемъ быть добродѣтельными и съ талантомъ. Очень хорошо: но когда все обѣдѣютъ, кто жъ тогда будетъ платить таланту за его произведенія? И когда ни у кого не будетъ копѣйки въ карманѣ, будутъ ли тогда все люди добродѣтельны? Нельзя быть бѣднѣе голыхъ островитянъ Тихаго Океана: это голъ, въ полномъ смыслѣ слова, и эта голъ есть людей. И кто теперь жѣзвуетъ бѣдняку пользоваться своими талантами и сдѣлаться богачемъ? Но не стоитъ разсуждать съ такими философами. Антуанъ бѣденъ, Артуръ богатъ; они оба еще въ школѣ, и ужъ въ школѣ богатый счастливъ, а бѣдный несчастливъ. Потомъ они вмѣстѣ поступаютъ въ адвокаты: и тутъ богатый беретъ преимущество передъ бѣднымъ. Отчего, -- этого я не знаю: изъ ходатаевъ по дѣламъ, тотъ и хорошъ, у котораго больше дарованій и краснорѣчій: тяжущійся не вверитъ своего дѣла глупцу, потому что онъ богатъ! Далѣе, они оба влюбляются въ одну дѣвушку. И вообразите, до чего доходитъ гнусность богачей! Луиза любитъ богача, а не бѣняка! Бѣдный бѣднякъ! Г. *Souvestre* говоритъ, что богачъ любилъ потому, что ослѣпилъ бѣдную дѣвушку своимъ богатствомъ. Кто жъ виноватъ? Не богачъ; а бѣдная дѣвушка: волно жъ ей было ослѣпиться его богатствомъ. Но этого мало; Г. *Souvestre* сейчасъ докажетъ вамъ, какъ дважды два четыре, что богачъ извергъ: онъ хочетъ обольстить Луизу, между-тѣмъ какъ бѣдный хотѣлъ бы на ней жениться; однимъ словомъ, богатый обольщаетъ бѣдную. Кто жъ тутъ виноватъ? Зачѣмъ она позволила обольстить себя! Куда жъ дѣвалась добродѣтель бѣдныхъ? Богачъ купилъ бѣдную, невинную, добродѣтельную дѣвушку деньгами, говоритъ Г. *Souvestre*. Да зачѣмъ же бѣдная добродѣтельная дѣ-

вупка такъ падка на деньги? Какъ бы то ни было, вотъ чѣмъ дѣло кончается: бѣдная дѣвушка обманута и покинута; пріѣзжаетъ Антуанъ, который между-тѣмъ разбогатѣлъ: онъ теперь пуще прежняго въ бѣшенствѣ прогнѣвъ богачей, и именно за то, что бѣдняки, пока не разбогатѣютъ насчетъ богатыхъ, сперва всегда бываютъ бѣдны. Онъ отворяетъ дверь Луизы: Луиза отравилась! О, тутъ бѣшенство его не знаетъ уже границъ. Богачъ долженъ умереть отъ руки бѣдняка: дуэль! дуэль! крови! и прочая. Кстѣти на столѣ Луизы лежатъ два заряженныхъ пистолета. «Деремся!» — Завтра, говоритъ богачъ: вѣдь я богатый человѣкъ; мнѣ сперва нужно кому-нибудь отдать свое богатство. — «Нѣтъ, нѣтъ, теперь, сію минуту!» Видите, какой безнравственный человѣкъ — богачъ! онъ не хочетъ драться сегодня. Зато бѣднякъ, схвативъ пистолетъ, стрѣляетъ по богачу и убиваетъ его какъ собаку. Свидѣтелемъ этой странной дуэли — одинъ трущъ обольщенной дѣвушки! Авторъ останавливается на этомъ; но надобно надѣяться, что добродѣтельного бѣдняка за такой подвигъ повѣсятъ, а Г. *Souvestre*'а когда нибудь посадятъ въ дождь сумасшедшихъ.

4. *La nouvelle Héloïse*, *Новая Элоиза*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. *Desnoyers* и *Labit*.

Элоиза госпожня *Desnoyers* любитъ молодаго человѣка, который также въ нее влюбленъ, но она выходитъ за старика, пріятеля отца ея. Вышедши замужъ, она начпнаетъ толковать о обязанностяхъ молодому человѣчку, который продолжаетъ нѣпѣвать ей о любви. Цѣлыя три дѣйствія эта бѣдная молодая женщина ходитъ по краю зіяющей пропасти, въ которую уже свалилось столько женъ. Всякую минуту вы думаете, что она сейчасъ опрокинется въ эту пропасть, но она ни разу не теряетъ равновѣсія, благодаря добродѣтели, которая служитъ ей опоркою. Молодой человѣкъ, котораго, какъ и у *Руссо*, зовутъ *Saint-Preux*, молодой человѣкъ, со своей стороны помогаетъ ей укрѣпиться въ добродѣтели: въ это время онъ говоритъ ей разными обиняками: «Будь моею Элоизой, я буду твоимъ *Абелардошъ*.» Г. *Вельмаръ* (мужъ), услышавъ это, ловитъ его на словѣ, и, чтобы добродѣтель въ немъ не остыла, увозитъ его на море, гдѣ они оба дѣлаютъ чудеса храбрости. Въ одношъ сраженіи противъ

Англичанъ Г. Вольмаръ падаетъ , покрытый ранами ; Сенъ-Прё, сквозь пули и по сердитымъ волнамъ, свѣснить домой, чтобы принести это извѣстiе трепещущей Элонзъ. Теперь Элонза вдова ; Сенъ-Прё начинаетъ надѣяться ; черезъ полтора года (забудьте : не черезъ годъ, а черезъ полтора года) начинаютъ поговаривать о женитьбѣ. Госпожа Дорбъ не видитъ тутъ ничего невозможнаго ; но господинъ Дорбъ, который вѣритъ , что мертвецы иногда возвращаются съ того свѣта , всѣми силами противится браку. И въ самомъ дѣлѣ, Г. Вольмаръ возвращается : онъ не убитъ, но былъ въ плѣну и, освободившись , прѣвхалъ къ своей Элонзъ , именно въ то время, когда Сенъ-Прё только-что свѣдался мужемъ Элонзы. Какъ быть ? Бѣдникъ Вольмаръ сначала призадумался, — что очень естественно въ подобномъ положенiи ; но потомъ рѣшился пожертвовать собою , и съ очень высокой скалы бросился головою внизъ , а ногами вверхъ , въ море.

Несмотря на смѣшное заглавiе , драма не имѣетъ , кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ, ничего общаго съ «Новою Элонзою», и очень не дурна : она ведена искусно и исполнена тихой, добропорядочной и спокойной занимательности, которая несравненно лучше всѣхъ трескучихъ эффектовъ новѣйшей драмы.

5. *Gaspardo le Pêcheur, Рыбакъ Гаспардо*, мелодрама въ пяти дѣйствiяхъ, Г-на J. Vouchardy.

Рыбакъ Гаспардо, счастливый мужъ прекрасной Катарини. Праздникъ. Гаспардо до ночи прогулялъ съ товарищами. Онъ возвращается домой полувпьяный, и думаетъ, что жена побранитъ его, а потомъ, какъ водится, они помиряется. Но не тутъ-то было ! жена его умерла. Она заколосъ, какъ Лукреція, только минутою прежде чѣмъ Лукреція. Вотъ она лежитъ мертвая ; вотъ подлѣ нея кинжалъ , а подлѣ кинжала золотое ожерелье. Это ожерелье правителя Пиаченцы , герцога Филиппа Висконти ! Висконти хотѣлъ похитить честь Катарини, но похитилъ только жизнь ея. Впрочемъ, Богъ вѣсть, какъ это было. Гаспардо, въ отчаянiи, схватываетъ топоръ и бѣжитъ, чтобы отомстить за себя. Въ дверяхъ ему встрѣчается осужденный, знаменосецъ, Джаконо Сфорца. — Спаси меня, говоритъ Сфорца, и потомъ располагай мною. — Вотъ тебѣ ребенокъ , говоритъ Гаспардо : береги его ; онъ

сынъ мой и этой убитой женщины. Теперь сѣдемъ въ лодку и я спасу тебя.

Проходить двадцать пять лѣтъ. Драмы за такими бездѣлками не останавливаются. Гаспардо тщетно ищетъ случая къ мщенію; случай не являлся. Изъ двоихъ его пріятелей, которые обещали помочь ему убить Филиппа Висконти, одинъ, мужикъ Піетро, лишился жены, другой, ладзароне Рафаэль, сестры: объ, какъ извѣстно, обольщены и погублены Филиппомъ Висконти. Изгнаніе разлучило Гаспардо съ его двумя пріятелями. Гаспардо былъ невольникомъ, потомъ нищимъ, а теперь возвращается въ отечество, и принесъ съ собою одну только жажду мести. Онъ сидитъ на большой дорогѣ, ведущей въ Піаченцу, и видитъ прекраснаго молодаго офицера, который командуетъ войсками герцога; съ нимъ идетъ старый солдатъ. Сердце Гаспардо говоритъ ему, что онъ узналъ обоихъ. И точно, этотъ молодой офицеръ — сынъ Гаспардо, а старый солдатъ — Джакомо Сфорца. Джакомо сдержалъ свое слово: онъ воспиталъ ребенка, который порученъ былъ ему въ такую ужасную минуту; онъ возвысилъ этого молодаго челоуѣка, но потомъ молодой челоуѣкъ и самъ еще болѣе возвысился, такъ что теперь онъ подпора и лучший полководецъ герцога Филиппа, который былъ причиною смерти матери его, Катарины.

Прошу покорно удвоить вниманіе, потому что дѣло запутывается. Гаспардо слѣдуетъ за своимъ сыномъ, капитаномъ; онъ входитъ пѣшкомъ, одинъ, въ городъ, гдѣ владычествуетъ Висконти. Старья, Филиппъ сдѣлался, если можно, еще злѣе, нежели какъ былъ въ первомъ дѣйствіи: тогда онъ только погублялъ женщинъ, а теперь губитъ мужчинъ; притомъ же онъ сталъ завистливъ и неблагодаренъ. Молодой Франческо, первый герой его арміи; и Висконти, завидуя ему, хочетъ погубить его. Къ счастью, Гаспардо охраняетъ своего сына. Гаспардо проникъ замыслы Филиппа: но какъ спасти сына? Нельзя же рыбаку сказать прямо: «Я отецъ твой!» Иначе прощай всѣ почести, которыми молодой челоуѣкъ окруженъ. Между-тѣмъ, безразсудный Франческо влюбленъ, какъ водится, въ непорочную дочь Висконти: мужъ ея застаетъ ихъ въ пѣжномъ разговорѣ, но вдругъ между ними

бросается неизвѣстный и убиваетъ кинжаломъ зятя Висконти, который хотѣлъ убить Франческо. Этотъ убійца — ладзароне Рафаэль, а кинжалъ вложилъ ему въ руку мужикъ Піетро. Теперъ Піетро, Рафаэль, Гаспардо, всѣ трое вѣсть, и всѣ по-прежнему одушевлены мщеніемъ. Теперъ-то Висконти не миновать бѣды!

По приказанію правителя, Гаспардо и Франческо взяты подъ стражу и отправлены въ сенатъ. Гаспардо, какъ убійцу, присуждаютъ къ смертной казни. Франческо, конечно, постигла бы та же самая судьба, если бъ Висконти не боялся уронить доброе имя своей дочери. Спасенный Гаспардомъ, Франческо хочетъ взаимно спасти своего спасителя, и подъ глазами герцога устрояетъ маленькое смятенъце, которое тутъ же и потушили. Нѣтъ болѣе надежды! Клеветы правителя схватываютъ Франческо; его снова заковываютъ въ желѣза, но дочь Висконти, и трое заговорщиковъ, Піетро, Рафаэль и Гаспардо, его освобождаютъ. Тутъ дѣло влетъ уже не о маленькомъ водевильномъ смятенъцѣ: начинается большой историческій переворотъ. Одна бѣда, въ этомъ переворотѣ не кому ворочать. Къ счастью, изъ дворцовыхъ подземельевъ вытѣзаетъ тѣнь Гаспардо. Онъ былъ подверженъ пыткамъ, и у него едва достаетъ силы провозгласить Франческо герцогомъ и княземъ Миланскимъ! На этотъ слабый голосъ народъ отвѣчаетъ громкими криками: «Да здравствуетъ Франческо I, герцогъ Миланскій!» Въ ту жъ минуту Франческо узнаетъ, кто его отецъ: бѣдный рыбакъ Гаспардо возложилъ корону на голову своего сына и умираетъ, благословляя его на царствіе.

Драма слишкомъ длинна, слишкомъ сложна, и жестоко попираетъ исторію. Между-тѣмъ, въ этомъ хаосѣ есть нѣста хорошія. Чтобы сообразить и склеить такое множество странныхъ, противоположныхъ вещей, столько невѣроятныхъ, невозможныхъ, уродливыхъ происшествій, надобно несравненно болѣе ума, воображенія и тонкости, чѣмъ сколько обыкновенно бываетъ въ мелодрамахъ. Мелодрама господина Bouchardy, если вамъ угодно, произведеніе ложное, надутое, слишкомъ длинное на-половину, но оно не пошлѣе.

6. *Avis aux Coquettes, Урокъ кокеткамъ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. *Scribe'a* и *Comberousse'a*.

Молоденькая кокетка, госпожа Эннери, для забавы, сожигаетъ Баньерскія Воды огнемъ своихъ взглядовъ. Ей все равно, какое бы сердце ни попало, большое или маленькое, толстое или худенькое, лишь бы оно было сердце: у ней страсть быть любимую; это ея болѣзнь, и отъ этой-то болѣзни она на Баньерскихъ водахъ вылечилась, какъ явствуетъ изъ нижеписаннаго. Толстый Фламандецъ, Г. Фанбрукъ, недозрѣлый юноша Юлій Ласнѣ и записной франтъ, въ желтыхъ перчаткахъ, Г. Женневаль, оспариваютъ другъ у друга сердце кокетки. Она всѣхъ троихъ попеременно бѣситъ и восхищаетъ. Взглядъ одному, улыбку другому, пару словъ третьему, и всѣ трое безъ ума: каждый изъ нихъ воображаетъ, что побѣда на его сторонѣ. Впрочемъ, и легкихъ улыбокъ, и нежныхъ взглядовъ, и ласковыхъ словъ всего болѣе приходится на долю самаго молодого и самаго хитраго изъ трехъ обожателей, Юлія Ласнѣ. Юлій сначала не обращалъ вниманія на кокетку, и кокетка рѣшилась, во что бы то ни стало, свести его съ ума. Юлій ухитрился заблудиться съ нею въ горахъ: тамъ ихъ застаетъ буря, и они принуждены укрыться въ хижину пастуха Листона. Юлій, пользуясь благоприятною минутой, открывается ей въ любви, бросается на колѣна, клянется любить вѣчно. Юлій такъ нѣженъ! На дворъ такъ темно! Къ счастью, остальные два обожателя, которые вездѣ искали кокетки, вдругъ прибѣгаютъ къ хижинѣ. Они кличутъ, имъ не откликаются. Они выламываютъ дверь хижины. Голландецъ Фанбрукъ рассердился не па-шутку, и требуетъ удовлетворенія. Женневаль тоже говоритъ о пистолетахъ и шпагахъ. Юлій все принимаетъ: онъ готовъ драться на чемъ угодно, на шпагахъ и на пистолетахъ, и притомъ сейчасъ, не откладывая далѣе. Тутъ урокъ кокеткѣ: что ей дѣлать посреди этихъ трехъ друзей! Бѣдняжка въ отчаяніи. Но Юлій Ласнѣ говорятъ ей: — Я могу спасти васъ: вы выйдете замужъ за Голландца Фанбрука; Г. Женневаль, который прежде былъ влюбленъ въ сестру мою, видя васъ замужемъ, возвратится къ первой любви своей; а я, вашъ главный обольстителъ, я бросаю и шпаги и пистолеты, и возвращаюсь къ моему полу, потому что я дѣвушка и одѣлась муж-

чиною, только для того чтобы удобнѣе купаться. Сказано, сдѣлано; кокетка выходитъ за толстаго Фанбрука, потому что онъ сговорчивѣе другихъ; Женневаль женится на сестрѣ своего бывшаго соперника, а онъ, счастливый-побѣдитель своихъ соперниковъ, онъ-она, снова дѣлается дѣвушкою, хоть сейчасъ замужь: не угодво ли, господа?

Вотъ и урокъ кокеткамъ! Этотъ жалкій водевиль извлеченъ изъ книги, которая была издана года два назадъ въ Парижѣ, подъ названіемъ «Розовая книга», и состояла изъ повѣстей, написанныхъ «молодыми женщинами», которыя никогда не старѣются.

7. *La Fille du diable*, *Дочь діавола*, драма въ пяти частяхъ, Гг. *Jules'a Seveste'a* и *Vanderburch'a*.

Это фантастическій водевиль, въ родѣ *Dumas'*ова *Донъ-Жуана де-Марана*. У діавола завслась дочка. Она сначала была мраморная: діаволь оживилъ ее и говоритъ: — Внутри ты будешь мраморъ, снаружи женщина; каменное сердце подъ бѣлою грудью. Всякой будетъ любить тебя, ты не будешь любить никого. Если жъ ты, на бѣду свою, полюбишь мужчину, ты погибла! — И вмигъ мраморная статуя дѣлается хорошенькою дѣвушкою, хорошенькая дѣвушка ужасною кокеткою. Она производитъ ревность, ненависть, ссоры, дуэли, убійства всякаго рода. Она заливаетъ кровью и пожаромъ Италію, Испанію, Германію, и даже Индію. Наконцѣ любовь застигаетъ ее посреди всѣхъ этихъ опустошеній. Она любить, она погибла. Дѣвушка снова дѣлается мраморомъ и погружается въ адъ. *Bon voyage, mademoiselle.*

8. *Le Maréchal de l'Empire*, *Наполеоновскій маршалъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи въ прозѣ, Г. *Merville'*я.

Этотъ безымянный маршалъ, — потому что во всей пьесѣ его называютъ просто «маршалою», — былъ при Людовикѣ XVI солдатомъ, во времена республики капитаномъ, при Бонапартѣ генераломъ, а теперь онъ Французскій императорскій маршалъ. Достигнувъ почестей, маршалъ женился; дѣтей у него нѣтъ, но у маршальши есть племянница. Въ эту племянницу влюбленъ Артюръ Монкарвель, молодой человекъ изъ старинной боярской фамиліи, который усердно проситъ маршала принять его въ свое семейство. Но у Г. Артюра отецъ и дядя, изъ самыхъ гордыхъ бояръ

старого двора. Могутъ ли они позволить сыну и племяннику унижить себя подобнымъ союзомъ! Эти почтенные маркизы, изъ которыхъ одинъ былъ некогда бригадиромъ, а другой полковникомъ, свысока смотря на бѣднаго маршала имперіи. Выслужившійся солдатъ! выскочка офицеръ! старый капралъ полка Royal Comtois! Въ этихъ грубостяхъ могло бы быть побольше вкусу: маркизы старого двора очень неучтивы, тѣмъ болѣе, что сцена происходитъ въ собственномъ домѣ маршала, къ которому эти господа пріѣхали объѣдать.

Что жъ дѣлаетъ маршалъ? Жена предлагаетъ ему два невинныхъ средства отмстить за себя: первое средство — этихъ грубыхъ маркизовъ выгнать за дверь; второе средство — явиться передъ ними во всемъ блескѣ своего сана, въ полномъ маршальскомъ мундирѣ, съ герцогскою мантиею на плечахъ, при шпагѣ, съ жезломъ въ рукѣ, чтобы солдаты отдавали честь, чтобы барабаны били походъ, чтобы весь народъ кланялся. Славное средство! Но нѣтъ, маршалъ припасъ для нихъ мщеніе получше этого. Лаксѣ докладываетъ, что пріѣхалъ его свѣтлость маршалъ, и маршалъ является въ старомъ солдатскомъ мундирѣ, простомъ, толстомъ мундирѣ, безъ золота и орденовъ, въ черныхъ крагахъ, широкихъ башмакахъ, и прочая. Это такъ ужасно поражаетъ бригадира и полковника, что, при видѣ маршала въ простомъ солдатскомъ мундирѣ, оба столбовые дворяне расплакались. Этого мало: они въ ту жъ минуту забываютъ свою застарѣлую досаду, свои закоренные предразсудки, все что никогда не забывается, и очень рады и готовы взять племянницу маршала за своего именитаго сына и племянника, Г. Артюра. Наполсонъ, какъ извѣстно, любилъ женить старинныхъ дворянъ на новыхъ дворянкахъ и обратно: онъ называлъ это *сливаніемъ*, une fusion, но всё-таки чѣ комедіи мало толку.

9. Valérie mariée, *Валерія замужемъ*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. *Lafite'a* и *Desnoyers*.

Вы знаете хорошенькую піеску Скриба, въ которой слѣпая Валерія, чудомъ любви, дѣлается зрячею. После того, какъ Валерія вытерпѣла эту незабвенную глазную операцію, которой прославила Г. Скриба первымъ водевилльнымъ окулистомъ, она вышла замужъ, и все воображали, что съ тѣхъ

поръ она и хорошо видитъ и живетъ счастливо. Но нѣтъ; два водевилныхъ подлекаря утверждаютъ, что Валерія была плохо выслечена знаменитымъ докторомъ Скрибомъ, и что она снова ослѣпла. И она бѣдняжка стала не только слѣпа, но и ревнива. Двойная болѣзнь! Быть ревнивой, и ничего не видѣть, въ самомъ дѣлѣ очень досадно. Ревность ужасно мучитъ эту несчастную женщину, которая была бы еще несчастнѣе, если бы къ ревности и слѣпотѣ сочинители прибавили еще глухоту и вѣмоту. Да всего вдругъ не придумаешь!

Эта маленькая драма тягостна; она рассказана очень искусно, и написана весьма просто. Все заставляетъ женщину проливать тихія слезы, которыя онъ такъ любитъ проливать, не зная о чемъ и почему плачутъ. «Мы плачемъ, потому что намъ весело!» И критикъ на это нечего сказать.

10. *Madame Favart*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. *Xavier* и *Michel'я Masson'a*.

По словамъ тогдашнихъ Французскихъ писателей, госпожа Фаваръ была совсѣмъ не хороша: голосъ у ней былъ неприятный, игра неблагородная; она была сносна только въ фарсахъ, и то не надолго: напярмѣтъ она была превосходна въ роли Савоярки, которая показываетъ сурка, и только этия прославилась она, дебютируя въ 1749 году въ комической оперѣ. Она называлась тогда *Mlle de Chantilly*; извѣстностью своей она была обязана страстной любви къ ней маршала де Сакса. Этотъ полководецъ, прекраснѣйшій мужчина своего времени, былъ по уши влюбленъ въ свою совсѣмъ не хорошенькую актрису, которая наконецъ соскучилась быть его любовницею, потому что она съ ума сходила по одному молодомъ пирожникѣ, неуклюжемъ, но весьма остроумномъ, котораго звали Фаваромъ, и который ускользнулъ изъ пекарни своего хозяина пирожника, и началъ писать пѣсни и комическія оперы. Пирожникъ отнялъ у маршала любовницу и убѣжалъ съ нею во время Местрихтской осады. При этой вѣсти великій маршалъ плачетъ и горюетъ. Мало этого: маршалъ выпросилъ королевское повелѣніе отнять жену у Фавара. Побѣдоносному маршалу ни въ чемъ не смѣли отказать. Повелѣніе было дано и исполнено. Нечего дѣлать, молодые супруги повиновались: госпожа Фаваръ стала снова любовницею маршала, продолжая быть Госпожею Фаваръ: она

даже была виною смерти маршала: подлѣ нея, въ Шамборѣ, онъ почувствовалъ припадокъ болѣзни, отъ которой потомъ и умеръ. Исторія говоритъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ смерти знаменитаго маршала, мадамъ Фаварь перешла къ тощему и дрянному аббату Voisenon. Вотъ женщина, изъ которой Парижскіе водевиллисты сдѣлали лавровитую и невинную двушку страшной закулисной добродѣтели, и заставили ее унижать своимъ благороднымъ презрѣніемъ одного изъ знаменитѣйшихъ героевъ нхъ отечества, желая видно доказать, что великая актриса равна самому великому полководцу и чуть-ли еще не выше его. Несмотря на эту глупость, пьеса довольно забавна и остроумна.

11. La Champmeslé, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Ancelet и Dupont'a.

Давно уже хлопчуть во Франціи о томъ, чтобы доказать посредствомъ драмъ и водевилей превосходство добродѣтели, мужество, безкорыстіе, чистоту и другія неисчислимыя природныя качества актеровъ и актрисъ, танцоровъ и танцовщицъ, даже хористокъ и толкушекъ, однимъ словомъ всего что принадлежитъ къ театру и дышитъ непорочнымъ воздухомъ закулиснымъ. Здѣсь Англичанинъ Кинъ топчетъ въ грязь всю Англійскую аристократію, и оскорбляетъ принца-регента; тамъ, Венеціанка Тисбе, женщина, у которой всего-навсего два любовника, въ отношеніи къ добродѣтели и величію души поставлена несравненно выше самыхъ законныхъ и самыхъ благородныхъ супруговъ; далѣе, мадамъ Фаварь, которая дурачитъ знаменитаго побѣдителя при Фонтенуа. Наконецъ, вотъ является мамзель Шанмелѣ, — чтобы окончательно убѣдить всѣхъ и каждого въ той великой истинѣ, которую еще не хорошо поняли, а именно, что бракъ вещь слишкомъ низкая для актрисы, что онъ годится развѣ только для посредственностей, которыхъ называютъ честными женщинами. и что актриса столько же превыше брака, какъ Гг. Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Ансело и Коми. превыше здраваго смысла.

Шанмелѣ знаменита между Французскими актрисами тѣмъ что въ нее влюбленъ былъ Расинъ; говорятъ, будто и Молиеръ тщетно вздыхалъ по ней: Маркизь de Sévigné былъ

счастливейше ихъ: онъ перешелъ отъ мамзель Ниноны Ланкло къ кроткой мамзель Шанмелё, и по смѣ уваженіямъ имя Шанмелё нерѣдко встрѣчается въ письмахъ госпожи Sévigné, которая шути называетъ ее своєю невѣсткою. Даже строгій Боалё, который совсемъ не слылъ волокитой, написалъ посланіе къ Шанмелё. Однимъ словомъ, изъ этой актрисы нельзя было не сдѣлать водевиля. Но вы сейчасъ увидите, что дѣло идетъ не о водевилѣ, а о возвеличеніи актрисы, которая мѣняла любовниковъ каждый мѣсяць и которой, слѣдственно, нельзя по-настоящему не считать образцемъ добродѣтели, величія души, нѣжности чувствованій, — гнусная идея, которая можетъ найти мѣсто только въ безиррациональной Французской литературѣ. По системѣ этихъ господъ, брилліантъ, предложенный актрисѣ, есть обида, оскорбленіе, забвеніе всякихъ приличій. Эти дамы могутъ принять развѣ только полевой цвѣтокъ, — залогъ любви чистой и платонической. Сверхъ того мамзель Шанмелё, какъ актриса, должна быть дѣвушка благороднаго, и даже очень благороднаго, происхожденія. Однажды, по мнѣнію авторовъ, она узнала, что Г. Гастонъ де-Живрѣ не только ея поклонникъ, но и двоюродный братъ. Мать ея, правда, тоже была актриса, и такъ же какъ она мѣняла любовниковъ помѣсячно: но это огнюдь не мѣшаетъ мамзель Шанмелё быть изъ благородныхъ, — напротивъ. Она была покинута своимъ предкомъ: другая, не столь скромная, сказала бы на ея мѣстѣ—своими предками. Предокъ мамзель Шанмелё есть президентъ Демаръ. Узнавъ, что племянникъ его, Гастонъ, хочетъ жениться на Шанмелё, президентъ отправляется къ ней и грозитъ засадить ее въ Бастилію, какъ вдругъ актриса открываетъ ему, что онъ ея предокъ. Почтенный президентъ и не зналъ этого! Да и какъ можно это знать?..... При этой нечаянной вѣсти президентъ смиряется, соглашается женить ихъ; но теперь она уже не хочетъ выходить замужъ: это для нея слишкомъ низко; она отказывается отъ свѣта, презираетъ его суety, его страсти, его золото, и возвращается на высокое поприще театра. Гастонъ въ отчаяніи, а президентъ въ восторгъ при видѣ такихъ благородныхъ чувствъ въ душѣ своей неожиданной потомки.

Все это глупо, вѣрно и гнусно.

12. *Le secret de mon oncle, Тайна моего дядюшки*, водевилъ въ одномъ дѣйстви, Г. *Vagin'a*.

До-сихъ-поръ, въ комедіяхъ и водевиляхъ, негодяи племянники дѣлали шалости и долги, обманывали дѣвушекъ, тайно женились на служанкахъ и потомъ слушали нравственныхъ поученій почтенныхъ дядюшекъ, страстныхъ моралистовъ, неумолимыхъ кропотуновъ, впрочемъ добрыхъ людей. Здѣсь наоборотъ: дядя трепещетъ передъ своимъ племянникомъ и скрываетъ отъ него свои шалости. Негодяй дядя женится по секрету, не спросившись даже у племянника, на молодой дѣвушкѣ, умной и хорошенькой, но пѣскольکو кокеткѣ. Племянникъ встрѣчаетъ свою тетеньку на Баньерскихъ водахъ, принимаетъ ее за дѣвушку, и напѣваетъ ей о любви. Она слушаетъ. Но вдругъ она скрывается, и черезъ нѣскольکو дней племянникъ, къ великому своему изумленію и негодованію, находитъ ту же красавицу за чайнымъ столикомъ у дядюшки, въ пеньюарѣ и утреннемъ чепчикѣ. Узнавъ, что та, на которой онъ располагалъ жениться — его тетка, племянникъ читаетъ негодю дядѣ длинное нравоученіе, и вы даже поминутно трепещете, чтобы онъ въ своей духовной не лишилъ его наслѣдства. Наконецъ однако жъ племянникъ унялся: онъ прощаетъ, какъ будто былъ дядя, и назло своей тетенькѣ Діанѣ того же числа женится на мамзель Эр-нестинѣ.

13. *Nathalie, Наталія*, водевилъ въ одномъ дѣйстви, Гг. *Duport'a* и *Saint-Hilaire'a*.

Дѣвица, мать Наталія, лѣтъ осьмнадцать тому назадъ, была обманута неизвѣстно кѣмъ, — человѣкомъ неизвѣстнымъ. Произведя на свѣтъ дочку, эта милая дѣвушка умерла; не совсѣмъ прощенная отцемъ своимъ, старикомъ Шеневрѣ. Шеневрѣ осьмнадцать лѣтъ хранилъ въ душѣ память оскорбленія, нанесеннаго его старости неизвѣстно кѣмъ. Осьмнадцать лѣтъ тщетно искалъ онъ оболъстителя любезной дочери. Между-тѣмъ Наталія подросла, и сдѣлалась прекрасною дѣвушкою, какъ покойная ея матушка. Дѣдъ служилъ ей вмѣсто отца и матери. Теперь старикъ Шеневрѣ собирается выдать дочь за-мужъ. Сначала онъ было имѣлъ въ виду Блашона, друга своего и Наталія, но Блашонъ съ своей стороны имѣетъ въ виду молодаго Виктора. Этотъ Блашонъ,

какъ всё вы, можетъ-быть, догадываетесь, тотъ самый безымянный обольститель, котораго надо убить, и следовательно убитый уже душою. Преступленіе эго лежитъ у него на душѣ; возрастающій съ годами гнѣвъ господина Шеневрѣ пугаетъ его; поминутно можетъ произойти страшная суматоха; но наконецъ все уладилось: Шеневрѣ простилъ Блашона, Наталиа вышла за Виктора, и водевилъ кончился.

14. La Page 24, *Страница 24*, водевилъ въ одноѣ дѣйствіи, Гг. *Leuvan'a*, *Barthélemy* и *Lhérie*.

Въ такомъ вѣкѣ, какъ нынѣшній, когда каждая интригантка, каждый лакей, пишутъ свои записки и рассказываютъ исторію своей жизни публикѣ, которой до нихъ нѣтъ никакого дѣла, зачѣмъ же и госпожѣ Добоннѣ, на старости лѣтъ, для забавы, не писать своихъ мемуаровъ, не рассказывать себѣ своихъ воспоминаній, *всѣхъ* воспоминаній своей юности. Племянница ея Леонида, по временамъ, заглядываетъ въ любопытную рукопись тетушки. И что жъ она однажды видитъ? Молодой офицеръ наряжается аббатомъ, проникаетъ въ гостиную замка, изъ гостиной въ длинный коридоръ, изъ коридора въ уборную, наконецъ..... Это было написано на страницѣ 24. Наконецъ офицеръ увозитъ свою возлюбленную. Дочитавъ до эгого мѣста, Леонида вскрикиваетъ отъ ужаса, не хочетъ читать далѣе, и даетъ себѣ слово, что не позволитъ обмануть себя, что она не убежитъ завтра съ своимъ любовникомъ, какъ это было условлено, что она скажетъ обо всемъ тетушкѣ. Мадамъ Добоннѣ, зная что случилось съ нею на 24 страницѣ послѣ этого побѣга, признаетъ за лучшее простить племянницу, и выдаетъ ее замужъ за ея любовника.

ИТАЛІАНСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Малекъ Адель*, большая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Г. Косты.

Романъ госпожи Cottin такъ извѣстенъ, а либретто оперы такъ несказно, что его рѣшительно невозможно пересказывать. Всѣ лучшіе пѣвцы, какіе только есть въ Парижѣ, играютъ въ этой пьесѣ: роль Малекъ-Аделя занимаетъ Рубини, Ричарда-Львиное-сердце Ивановъ, Вильгельма Тирскаго — Даблашъ; Лузиньяна — Тамбурини; Жосслена Монморанси, синьора Альбертацци; Матильды, сестры Ричарда, синьора

Грива. Композиторъ, Г. Коста, молодой человекъ, который занимаетъ должность *maestro* при Лондонскомъ оперномъ театрѣ. Онъ воспитанникъ Неаполитанской консерваторіи и соученикъ Беллини.

Говорятъ, что мелодіи этой оперы, большею частію изысканны и граціозны, что инструментовка весьма ученая. Между тѣмъ опера не имѣетъ большого успѣха въ Парижѣ. Музыка Г. Косты упрекаютъ въ недостаткѣ характера и единства. Мелодіи совершенно Италіянскія, а аккомпанименты и вообще инструментовка принадлежатъ къ Германской школѣ. Несмотря на всѣ усилія поборниковъ эклектизма, онъ врядъ ли когда-либо водворится въ музыкѣ. Здѣсь эклектизмъ вводитъ только запутанность, и влечетъ за собою нелюбовь и монотонію. Въ Италіи давно уже стараются соединить обѣ школы, но для Италіянской музыки это совсѣмъ не выгодно: когда слышишь миленькую Италіянскую мелодію сквозь возвышенные аккорды Моцартова Донъ-Жуана, кажется, будто видишь соловья, который поетъ въ клеткѣ льва.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. И опять ничего новаго! Одна изъ послѣднихъ *Reviews* говоритъ: «Наконецъ эта литературная бесплодность начинаетъ не въ шутку беспокоить потребителей новыхъ книгъ. Говорятъ, что Г. Victor Hugo скоро издастъ небольшой томъ своей поэзіи, но это только говорить.»

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛИИ. Та же бесплодность. Г. Bulwer написалъ комедію въ стихахъ.

— Недостатокъ позыхъ сочиненій, заслуживающихъ какого-нибудь вниманія, такъ ощутителенъ, что Англійскіе журналы занимаются преимущественно разборомъ Нѣмецкихъ книгъ.

— О новомъ сочиненіи *Cooper's* сказано въ другой статьѣ «Смѣси», гдѣ и приведенъ отрывокъ изъ его «*Recollections of Eugene*»; именно, въ статьѣ «Встрѣча Купера съ Вальтеръ Скоттомъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Въ такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ ничего лучше быть не можетъ какъ возвра-

таться къ Нѣмецкой литературѣ. Въ ней по-крайней-мѣрѣ за книгами дѣло не станетъ! Но по этой статьѣ, мы въ большомъ долгу передъ читателями: извѣстій о Нѣмецкой литературѣ не сообщали мы цѣлыхъ девять мѣсяцовъ. Причина тому была совершенно независима отъ нашей воли. Въ теченіи прошедшаго года вдругъ прекратился лучшій, и даже единственный, библиографическій журналъ въ Германіи, *Allgemeines Repertorium*, не додавъ нѣсколькихъ номеровъ своимъ подписчикамъ, и мы остались не только безъ журнала, но и безъ книгъ, которыя обыкновенно выписывали по его руководству. Въ будущемъ мѣсяцѣ мы постараемся пополнить этотъ пропускъ въ литературныхъ извѣстіяхъ Б. для Ч. Теперь прилагаемъ только списокъ примѣчательнѣйшихъ Нѣмецкихъ книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году, съ того времени какъ прекратился *Repertorium*.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

- EVE ET MARIE**, ou Philosophie Chrétienne dans ces rapports avec la femme, par *G. Lassus*. 1 vol.
- CINQ MOIS** aux Etats-Unis de l'Amérique du nord (1835), par *M. Ramon de la Sagra*, directeur du Jardin des Plantes à la Havanne. 1 vol.
- TRAITÉ** de l'art de la Charpenterie, par *M. Emy*, colonel du génie. 2 vol.

-
- L'AMOUR ET LA FAIM**, roman, par *Michel Perrin*. 2 vol.
- PARIS PITTORESQUE**, promenades dans les rues de Paris, par MM. *Charles Nodier, Regnier et Champin*. En 100 livraisons.
- LES PARASITES**, roman, par *Jules Lacroix*. 2 vol.
- LE PONTIFICAT** de Grégoire VII, roman, par *M. Philipon de la Madeleine*. 2 vol.

SUITE DE LA CONVALESCENCE du vieux conteur, par le bibliophile
Jacob. 1 vol.

Англійскія.

RECOLLECTIONS of Europe. By *John Fenimore Cooper*, Esq. 2 vols.

RAMBLES in Egypt and Candia. By captain *Scott*. 2 vols.

FALKNER, a novel. By the author of «Frankenstein». 3 vols.

THE DUCHESS of la Vallière; a play. By the author of «Eugene
Arana». 1 vol.

BEAUTIES of the wuntry; or Description of rural customs, objects,
scenery, etc. By *Thomas Miller*, author of «A day in the woods».
1 vol.

Нѣмецкія.

DIE ROEMISCHEN PÄPSTE, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und
XVII Jahrhundert, von *Lcopold Ranke*. Bd. 2, 3. Berlin.

BEITRÄGE ZUR NEUERN GESCHICHTE aus dem britischen Museum und
Reichsarchive, von *Fr. von Raumer*. 1ster Theil: Die Königinnen
Elisabeth und Maria Stuart. 2ter Theil: König Friedrich II und
seine Zeit. (1740—6J.) 2 Bände. Leipzig.

HISTORISCHES TASCHENBUCH, herausgegeben von *Fr. von Raumer*. 8ter
Jahrgang. Mit einem Bildnisse Ludwigs XIV. 1 Bd. Leipzig.

DIE SPARTANISCHE STAATS-VERFASSUNG in ihrer Entwicklung und
in ihrem Verfall, von *Dr. Carl Heinrich Lachmann*. Breslau. 1 B.

DIE HANDELSZUEGE DER ARABER unter den Abassiden durch Afr.ka,
Asien und Ost-Europa von *Fr. Stiüwe*. 1 B. Berlin.

UEBER DIE LÄNDER-VERWALTUNG unter dem Chalifate. Von *J. von
Hammer*. Eine von der königlichen Akademie der Wissenschaften
zu Berlin gekrönte Preisschrift. 1 B. Berlin.

DIE WESTPHÄLISCHEN FEMGERICHTE, in Beziehung auf Preussen aus
den Quellen dargestellt und durch Urkunden erläutert von *Joh.
Voigt*. 1 B. Königsberg.

KRITISCHE GESCHICHTE DER ERFINDUNG DER BUCHDRUCKERKUNST durch
Johann Guttenberg zu Mainz. Von *J. Wetter*. 1 B. Mainz.

LEBENS- UND REGIERUNGS-GESCHICHTE JOSEPH'S II, von *Dr. J. Gross-
Hoffinger*. 3ter Band. Stuttgart.

- MARTIN LUTHER'S LEBEN.** Von *Gustav Pfister*. 1 B. Stuttgart.
- LEBEN JOHANN CALVIN'S,** des grossen Reformators. Mit Benutzung der handschriftlichen Urkunden, von *Paul Hauray*. 1ster Band. Berlin.
- JOHANN WESSEL,** ein Vorgänger Luther's. Zur Charakteristik der christlichen Kirche und Theologie in ihrem Uebergange aus dem Mittelalter in die Reformationszeit, von Prof. *Ullmann*. 1 B. Hamburg.
- HIERONYMUS SAVANAROLA** und seine Zeit. Aus den Quellen dargestellt von *A. G. Rudelbach*. 1 B. Hamburg.
- KRITISCHE BEITRÄGE** zur ältesten Geschichte der Franken von *J. S. Rospatt*. 1 B. Köln.
- DENKWÜRDIGKEITEN** der Gräfin Maria Aurora Königsmark und der Königsmarkschen Familie. Nach bisher unbekanntem Quellen, von *Dr. F. Cramer*. 2 B. Leipzig.
- HISTORISCH-GEOGRAPHISCHER Atlas** zu den allgemeinen Geschichtswerken von *Rotteck, Politz und Becker*, in 40 colorirten Karten, von *Julius Löwenberg*.
- DER ERDBALL.** Vollständigste Erd- Länder- Völker- und Staatenkunde, herausgegeben von einem Vereine europäischer Geographen, unter Redaktion und Mitwirkung von *K. F. V. Hoffmann*. Mit vielen Karten und artistischen Beilagen. 2te Lieferung. (enthält den Schluss der «Beschreibung des Grossherzogthums Baden».) Stuttgart.
- DER UNGRISCHE VOLKSTAMM** oder Untersuchungen über die Ländergebiete am Ural und am Kaukasus in historischer, geographischer und ethnographischer Beziehung von *Dr. F. H. Müller*. 1ster oder geographischer Theil. 1ste Abtheilung. Berlin.
- NEUES HANDBUCH FUER REISENDE** in Deutschland und nach den wichtigsten Städten der Nachbarstaaten. Nebst einem Anhange einer grossen Anzahl nützlicher und interessanter Notizen für Reisende. Nach einem eigenen Plane bearbeitet von *Dr. F. Wilhelm Streit*. Heidelberg. 1 Band.
- DAS MALERISCHE UND ROMANTISCHE DEUTSCHLAND.** In zehn Sectionen. Erste Section. Auch unter dem Titel: Romantische Wanderung durch die Sächsische Schweiz, von *Tromnitz*. Mit 30 Stahlstichen. Leipzig. 1 Heft.
- PROPYLÄEN DER NATURKUNDE.** Von *H. F. Link*. 1ster Theil. Berlin.
- GEOLOGIE** oder Naturgeschichte der Erde, von *K. C. Leonhard*. 4te Abtheilung. Mit 2 Stahlstichen, 2 Lithographien und mehreren Vignetten. Stuttgart.
- EINLEITUNG IN DIE TECHNISCHE CHEMIE** für Jedermann, von *Dr. F. F. Runge*. 1 B. Berlin.
- LEHRBUCH DER ZOOLOGIE.** Zum Gebrauche für Lehrer an höheren Schulanstalten, so wie zur Selbstbelehrung bearbeitet von *Joh. H. Schütz*. 1 B. Berlin.
- GRUNDRISS DER PFLANZEN-GEOGRAPHIE,** mit ausführlichen Unters

chungen über das Vaterland, den Aufbau und den Nutzen der vorzüglichsten Culturpflanzen, welche den Wohlstand der Völker begründen. Von Dr F. J. F. *Meyen*. 1 B. Berlin.

VOLLSTÄNDIGES HANDBUCH DER MINERALOGIE VON Dr *August Breithaupt*. 1ster Band. Dresden.

ENUMERATIO MOLUSCORUM Siciliæ, cum viventium tum in tellure tertiaria fossilium, que in itinere suo observavit *Rud. Amand. Philippi*, D^r. 1 vol. Berolini.

DER MENSCH nach den verschiedenen Seiten seiner Natur, oder Anthropologie für das gebildete Publicum, von Dr *K. F. Burdach*. 4te Abtheilung Stuttgart.

HANDBUCH DER MENSCHLICHEN ANATOMIE. Von *C. F. T. Krause*. 1sten Bandes 2te Abth. Hannover.

DAS STAATSÄRZTLICHE VERFAHREN für Aerzte, Chirurgen, Apotheker, Thierärzte und für Rechtsgelehrte, theoretisch und praktisch dargestellt von Dr *Carl Vogel*. 1 B. Jena.

ENCHIRIDION MEDICUM oder Anleitung zur medicinischen Praxis. Vermächtniß einer funfzigjährigen Erfahrung von *C. W. Hufeland*. 1 B. Berlin.

DARSTELLUNGEN UND ANSICHTEN zur Vergleichung der Medicin in Frankreich, England und Deutschland. Nach einer Reise in diesen Ländern im Jahre 1835 von Dr *Alolph Mühry*. 1 B. Hannover.

ENCYCLOPÄDISCHES WOERTERBUCH der medicinischen Wissenschaften, herausgegeben von Dr *W. H. Busch*, *C. F. Gräfe*, *C. W. Hufeland*, *H. F. Link*, *J. Müller*. 14ter Band. Berlin.

VORSCHULE ZUM CICERO, enthaltend die zur Bekanntschaft mit diesem Schriftsteller nöthigen biographischen, literarischen, antiquarischen und isagogischen Nachweisungen. Von Dr *S. Ch. Schirlitz*. 1ste und 2te Lieferung Wetzlar.

ALLGEMEINE ENCYCLOPÄDIE der Wissenschaften und Künste, von *J. S. Ersch* und *J. G. Gruber*, mit Kupfern und Karten, 1ste Section, herausgegeben von *J. G. Gruber*, 28ster Theil; 2te Section, herausgegeben von *A. G. Hoffmann*, 13ter Theil; 3te Section, herausgegeben von *M. H. E. Meier* und *L. F. Lämtz*, 8ter Theil. Leipzig.

ENCYCLOPÄDISCHES WOERTERBUCH der Wissenschaften, Künste und Gewerbe, bearbeitet von mehreren Gelehrten, herausgegeben von *H. Picrer*. 26r Band. Auch unter dem Titel: Universal-Lexicon oder vollständiges encyclopädisches Wörterbuch etc. Leipzig.

NEUES ALLGEMEINES KUNSTLER-LEXICON, bearbeitet von Dr *G. K. Nagler*. IV Band, 5te Lieferung. München.

GESCHICHTE UND BESCHREIBUNG DES DOMS ZU MAINZ. Begleitet mit Betrachtungen über die Entwicklung des Spitzbogenstyls, das neu-gothische Constructions-System in Deutschland und Frankreich, und den Einfluss der lombardischen und der byzantinischen Kunststaf

- diese Länder. Von *F. Welter*. Mit einem Grundrisse des Doms. Mainz. 1 B.
- HANDBUCH DER GESCHICHTE DER MALEREI von Constantiu dem Grossen bis auf die neuere Zeit, von *Dr Franz Kugler*. Berlin. 1 B.
- DIE DEUTSCHE PHILOLOGIE im Grundrisse. Ein Leitfad zu Vorlesungen, von *Dr H. Hoffmann*. 1 B. Breslau.
- ZUR GESCHICHTE DER DEUTSCHEN LITERATUR. Von *Carl Rosenkranz*. 1 B. Königsberg.
- STUDIEN IM FACHE DER DRAMATIK. Das antike und moderne Drama entwickelt und verglichen aus dem Standpunkte der zeitlichen Religion, von *Dr Rudolph Müller*. Baden im Aargau. 1ster Band.
- THEORIE DER SCHAUSPIELKUNST. Von *E. Thurnagel*, Hofschauspieler. 1 B. Heidelberg.
- ATELLANEN, eine kleine Sammlung dramatischer Dichtungen, herausgegeben von *Jovialis*. 1 B. Stuttgart und Tübingen.
- FRIEDRICH BARBAROSSA. Drama von *Ludw. Rossak*. 1 B. Berlin.
- DIE BABYLONIER IN JERUSALEM. Dramatisches Gedicht von *Fr. Uechtritz*. 1 B. Düsseldorf.
- DIE EPIGONEN. Familien-Memoiren in neun Büchern, herausgegeben von *Karl Immermann*. 3 B. Düsseldorf.
- GALATHEE. Ein Roman von *A. Frhrn. von Sternberg*. 1 B. Stuttgart.
- DER JUNGE TISCHLERMEISTER. Novelle in 7 Abschnitten von *Ludwig Tieck*. 2 B. Berlin.
- DAS TESTAMENT. Ein Roman von *W. Angelstern*. 1 B.
- THALECK. Ein Roman von *W. Angelstern*. 2 B.
- FLIEDERBLUETHEN. Erzählungen von *H. Smidl*. 3 B. Glogau.
- DIE WALDENSER. Ein Roman von *H. König*. 2 Bände.
- ZEITLOSEN. Novellen und Erzählungen von *Amalia Schoppe*, geb. *Weise*. 2 B. Leipzig.
- JEAN PAUL. Das Schönste und Gediegenste aus seinen verschiedenen Schriften. 11tes Bändchen. Leipzig.
- GEDICHTE von *Julius Moser*. 1 B. Leipzig.
- VENETIANISCHE NÄCHTE, von *Ida Gräfin Hahn-Hahn*. 1 B. Leipzig.
- NEUE GEDICHTE. Von *derselben*, 1 B. Leipzig.
- FAUST. Ein Gedicht von *Nicolaus Lenau*. 1 B. Stuttgart und Tübingen.
- BIFOLIEN. Von *Johann Gabriel Seidl*. 1 B. Wien.
- BALLADEN von *W. Alexis*. 1 B. Berlin.
- GEDICHTE von *Ludwig Bechstein*. 1 B. Frankfurt a. M.
- DER SAGENSCHATZ und die Sagenkreise des Thüringerlandes. Herausgegeben von *L. Bechstein*. 2ter Theil. Hildburghausen.
- ALSA-BILDER. Vaterländische Sagen und Geschichten mit Anmerkungen von den Brüdern *August* und *Adolph Stöber*. 1 B. Strassburg.
- GESCHICHTE DER OSMANISCHEN DICHTKUNST bis auf unsere Zeit. Mit

einer Blütenlese aus 2200 Dichtern, von *Hammer-Purgstall*. Pesth. 1ster Band.

DUFTKOERNER AUS PERSISCHEN DICHTERN, gesammelt von *Hammer-Purgstall*. 1 B. Stuttgart.

DIOSCUREN. Für Wissenschaft und Kunst. Schriften in bunter Reihe, herausgegeben von *Th. Mundt*. 1ster Band. Berlin.

М О Д Ы.

Парижскія. Напрасно было бы, когда мы вступаемъ въ Великій постъ, говорить о модахъ, которыя во второй половинѣ февраля господствовали въ Парижѣ, гдѣ въ это время продолжались еще карнавалъ и балы. Между-тѣмъ и весна тамъ наступила, тогда какъ мы должны еще проходить мѣсяца полтора въ шубахъ. Во всякомъ случаѣ, весеннія модныя новости, какъ онѣ ни преждевременны для Русскаго климата, будутъ интереснѣе для нашихъ читательницъ. Къ сожалѣнію, и эти новости не многочисленны, и до-сихъ-поръ ограничиваются клоками и шляпками. Многія щеголихи заказали себѣ клоки съ предлинными ворстниками, и по всей вѣроятности эти воротники будутъ приняты всеми. Въ Парижѣ, гдѣ теперь свирѣпствуетъ гриппъ, дѣлаютъ также клоки, и даже кружевные маптелии, съ капюшонами на китовыхъ усахъ. Что касается до шляпокъ, то модели всеннихъ шляпокъ имѣютъ поля огромныя и весьма открытыя, какъ въ старинныхъ шляпкахъ à la Raméla, и тульи, довольно наклоненныя назадъ. Поля обходятъ кругомъ шляпки и образуютъ сзади, надъ шейю, высокій навѣсъ, который и заступаетъ мѣсто бавслѣ. Говорятъ, что эти шляпки очень милы. Онѣ сдѣланы изъ Итальянской снартеріи; поля ихъ вышиты по краямъ шейлюю двухъ зеленыхъ оттѣнковъ, въ видѣ гирлянды изъ листьевъ. Къ тульи, съ боку приколоты богатыя кисти бѣлой сирени, которыя падаютъ на поля какъ перья. Шитыя поля будутъ въ большой модѣ.

Петербургскія. Балы кончились ; наступилъ постъ ; концерты еще не начинались. Такимъ образомъ, въ эту минуту рѣшительно нѣтъ ни какихъ модъ въ Петербургѣ. На приложенный картинкѣ собраны разные новѣйшіе наряды, которые могутъ служить для вечернихъ собраний. На послѣднихъ балахъ замѣчено нѣсколько платьевъ en tunique: туники были тюлевые и обшиты лентами или рюшемъ въ нѣсколько рядовъ; атласныя платья, подъ туниками, также обшиты были тюлевымъ рюшемъ. Уже довольно часто видны платья съ маленькими круглыми шлейфами (taille.) Къ числу прелестнѣйшихъ платьевъ принадлежать тѣ, которыя дѣлаются изъ газа, похожаго на блонду, съ полосами изъ цвѣтчныхъ гирляндъ: эти гирлянды къ низу расходятся и оканчиваются букетами. Поясы изъ золотыхъ, серебряныхъ и бѣлыхъ бусъ — и золотыя булавки съ большими головками для волосъ — въ такомъ употребленіи, что для нихъ завелись уже особыя магазинны: въ числѣ такихъ рудниковъ дутыхъ драгоценностей преимущественно отличается депо госпожи Gavelle (Гавель, въ домѣ Энгельгардта, у Казанскаго моста), гдѣ собраны цѣлыя сокровища такъ-называемыхъ «фантазій», — бусы всѣхъ цвѣтовъ и видовъ, золотыя булданки и кисти красной смородины для волосъ, золотыя повязки, прелестныя марабуты, которые въ фантазіи уже превратились въ страсть, прекраснѣйшія перья, полные приборы украшеній для платьевъ, головныя уборки, и прочая, и прочая.

— Чепчики съ каждымъ днемъ становятся меньше и меньше.

— Между-тѣмъ какъ поля шляпокъ въ Парижѣ увеличиваются, въ Петербургѣ еще не исчезла одежда на значительное уменьшеніе полей. Но воротники у плащей, говорить, будутъ весьма длинны.

ВОЛКАНЪ ВЪ БОЛОТЪ. Волканическое движеніе болотъ есть одно изъ самыхъ рѣдкихъ явленій въ природѣ. Изверженіе грязи, происходившее 17 сентября 1835, въ *Fairloch* в, одной изъ многочисленныхъ топей, которыя составляютъ болото *Sloggan*, обширнѣйшее изъ всѣхъ болотъ сѣверной части Ирландіи, описано въ «Магазинѣ Естественной Исторіи» докторомъ *Hunter* омъ и представляетъ весьма любопытныя подробности. Болото *Sloggan* почти совершенно покрываетъ пространство въ одиннадцать тысячъ акровъ и разделяется надвое Лондондеррискою большою дорогою. Передъ тѣмъ временемъ, когда началось изверженіе, замѣчено было, что болото въ серединѣ своей поднимается: оно возвысилось на тридцать футовъ; потомъ послышался шумъ, подобный завыванію вѣтра, и все болото вдругъ осло на нѣсколько футовъ. Тутъ поплыла изъ него рѣка грязи, проникла въ рытвины и достигла небольшихъ холмовъ, гдѣ сила ея, въ ночь на 18 число, истощилась. Девятнадцатаго сентября грязная масса не двигалась съ мѣста, но все поднималась, какъ передъ изверженіемъ, и въ этотъ день, около полудня, послышался прежній шумъ. До двадцать-перваго числа рѣка грязи подвигалась впередъ медленно, и во все это время прошла не болѣе двухъ сотъ сажень; до двадцать-третьяго она оставалась почти на одномъ мѣстѣ; но въ этотъ день, часа въ три вечеромъ, устремилась впередъ съ такою быстротою, что пѣшкомъ за нею невозможно было слѣдовать. Двадцать-четвертаго, она достигла до большой дороги, вторглась въ одну хижину, и вокругъ нея поднялась на десять футовъ; потомъ каскадомъ низверглась на дорогу, съ шумомъ большаго водопада. Въ нѣсколько минутъ пространство въ сто сорокъ сажень покрылось массою грязи въ десять футовъ вышиною. Она спускалась по долину, которая сажень на двѣсти идетъ нѣсколько покату, и дошла до береговъ рѣки Мены (*Maine*). На другой день вся эта масса устремилась въ рѣку, которая тутъ не болѣе четырехъ футовъ глу-

бяною; нѣсколько часовъ, она запружала рѣку и распростиралась по другому берегу. Но вода въ рѣкѣ вскорѣ поднялась до высоты этой плотины, прорвала ее и грязная масса была увлечена теченіемъ. Въ слѣдующіе три дня болото непрерывно изливалось въ Мену. Изверженіе продолжалось десять дней, и окончилось двадцать-осьмого числа. Отъ перехода этой грязи черезъ рѣку погибло множество рыбы: на другой день собрали десять или двѣнадцать квинталовъ засохшейся семги и форели.

Г. Hunter обозрѣвалъ мѣсто вскорѣ послѣ изверженія: не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ происшествія; кромѣ того что все болото осѣло на двадцать футовъ ниже своего обыкновеннаго сточія; и въ серединѣ образовался небольшой круглый прудъ. Подобные пруды появились и въ Калабріи во время землетрясеній.

ОСВѢЩЕНІЕ УЛИЦЪ И ДОМОВЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМЪ.

Ужасный страхъ и негодованіе акціонеровъ Лондонскихъ компаній для освѣщенія газомъ! Г. Crosse, и еще нѣкто докторъ Howard, почти въ одно и тоже время предложили употребить электричество вмѣсто газа, который всегда болѣе или менѣе опасенъ и въ особенности неудобенъ тѣмъ, что имъ нельзя освѣщать жилыхъ компанъ. Англійскіе журналы сообщаютъ, что проба освѣщенія электричествомъ, сдѣланная Г. Howard'омъ въ одномъ домѣ, превзошла ожиданіе. Свѣтъ «огненныхъ шаровъ» его такъ же ярокъ какъ свѣтъ букетовъ о восьми газовыхъ огняхъ; мѣдныя проволоки, по которымъ течетъ электричество, изолированы толстыми стеклянными трубками, и слѣдственно никакой опасности отъ нечаяннаго прикосновенія быть не можетъ. Взрывы резервуаровъ, внезапное оставленіе общества въ темнотѣ, истеченія зловреднаго газа изъ рожковъ при горѣннн, — истеченія незначительныя, но которыя убиваютъ растенія, находящіяся въ той же комнатѣ или по близости и слѣдственно не могутъ быть полезны для здоровья человѣческаго, — всѣ эти важныя неудобства газовыхъ освѣщеній не могутъ здѣсь имѣть мѣста. Мы еще нигдѣ не читали описанія аппарата, но должно думать, что онъ устроенъ по началу такъ-называемыхъ газовыхъ иллюминацій.

СПОСОБЪ ПЕРЕВОЗИТЬ НѢЖНЫЯ РАСТЕНІЯ ВОДОЮ.

Весьма занимательный опыт удачной перевозки растений сообщенъ капитаномъ *Mallard* омъ Англійскому обществу ремесль и художествъ. Способъ состоятъ въ томъ, чтобы посадить растенія въ сырую землю и прикрыть ихъ стеклянными рамами или колпаками, въ которыхъ сдѣланы форточки для свободнаго пріступа воздуха. Капитанъ *Mallard* наполнилъ въ Сидни нѣсколько огромныхъ ящичковъ нѣжными растеніями Океаніи, прикрылъ ихъ такимъ образомъ, и не поливалъ во всю дорогу. Они превосходно выдержали всевозможныя перемѣны климатовъ, морозы Мыса Доброй Надежды и палящій зной экватора, и выгружены въ Англію въ совершенно здоровомъ и цвѣтущемъ видѣ послѣ восьмимѣсячнаго своего заключенія. Они питались одною сыростью морскаго воздуха.

ТОРЖЕСТВО ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ. Подъ этимъ заглавіемъ въ *Mechanic's Magazine* напечатана статейка, которая можетъ показаться занимательною и у насъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда снѣгъ идетъ и строится желѣзныя дороги. «Весьма многіе съ любопытствомъ ожидали разрѣшенія положительнымъ опытомъ вопроса — будутъ ли сухопутные пароходы дѣйствовать успѣшно въ глубокомъ снѣгу? Въ началѣ января, на частъ желѣзной дороги между Нью-Кастлемъ и Карлейлемъ выпалъ снѣгъ въ пять футовъ. Осьмага числа прилетѣлъ «Геркулесъ» къ этому мѣсту, гдѣ уже съ самаго утра собралась тма поселянъ посмотреть какъ выпутается изъ бѣды паровозъ, и вытащить Геркулеса изъ снѣгу, когда онъ зароется въ немъ по шею. Но могучая машина не обратила вниманія на преграды, быстро врубилась въ толстый пластъ снѣгу и сама очищала себѣ дорогу, по-видимому безъ всякаго усилія. Только снѣгъ летѣлъ черезъ трубу паровоза, какъ пѣна морскихъ волнъ, разбивающихся съ силою о твердый утесъ. Несмотря на все препятствія, благородная машина пришла своевременно на мѣсто, сдѣлавши по двадцати миль (тридцати верстѣ) на часъ въ глубокомъ снѣгу. Чтѣ всего примѣчательнѣе, — когда все прочія дороги, заваленныя снѣгомъ, сдвизались на нѣсколько дней непроходимыми, по одной только желѣзной дорогѣ сообщеніе не прерывалось ни на одну минуту!»

*

ВЪТРЕННО-ПАРОВЫЯ ПОВОЗКИ. «Со времени открытія желѣзной дороги между Деремомъ (Durham) и Сондерлендомъ, говоритъ тотъ же журналъ, произведены новые опыты, которые удостовѣряюгъ въ возможности кататься по рельсамъ помощію вѣтра и уудобить во всемъ паровозъ морскому пароходу, употребляющему, смотря по обстоятельствамъ, паруса или рычаги своей машины. Къ одному изъ паровозовъ придѣлали мачту и паруса, и тяжелая машина съ легкостью помчалась по гладкимъ полосамъ. Когда парусъ былъ поверочень къ вѣтру, дилижансъ шелъ съ бысгרותою пятнадцати верстъ въ часъ, таща за собою пять повозокъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ.»

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО «ПЕРВЫХЪ» ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ И ПАРОХОДОВЪ. Американскіе журналы увѣряютъ, что лейтенантъ Сидеманъ, «въ своемъ превосходномъ твореніи объ Испаніи», рѣшилъ окончательно задачу о первомъ изобрѣтателѣ паровыхъ машинъ: онъ открылъ въ Барселонскихъ архивахъ документы, которые самымъ положительнымъ образомъ удостовѣряютъ, что опыты пароваго судоходства дѣланы были въ Испаніи *за нѣсколько столѣтій* до Ватта и до Фультона. Въ Philadelphia United States Gazette одинъ Американскій писатель доказываетъ сверхъ-того, что Фультонъ укралъ свое изобрѣтеніе у Американца Ramsey, Виргинскаго уроженца, который за нѣсколько лѣтъ до Фультона плавалъ на парахъ, по рѣкѣ Потомакъ. Сначала на него смотрѣли какъ на помѣшанпаго энтузіаста. Съ помощію пьянаго кузнеца изъ Шефердстоуна онъ однако жъ построилъ маленькую паровую лодку, разѣзжалъ въ ней на Потомакъ по *полмили* въ часъ противъ теченія, и даже взялъ привилегію на свое изобрѣтеніе. Крайняя бѣдность не позволила ему воспользоваться этимъ исключительнымъ правомъ. Онъ отправился въ Англію, гдѣ его нѣсколько человекъ обнадѣживали и покровительствовали, но умеръ скоропостижною смертію, оставивъ семейству своему обыкновенное наслѣдство по геніаль, — нищету.

НАЧАЛО, УСПѢХИ И НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ЛИВЕРПУЛЯ. Время основанія этого города, столь знаменитаго

нынче въ коммерческомъ мѣрѣ, неизвѣстно и имя его не принадлежитъ ни къ Римской ни къ Саксонской эпохѣ. Древніе историки объ немъ не упоминаютъ: Ливерпуль былъ рыбацья деревня, которая, во времена феодалныхъ смутеній, нечувствительно разрасталась. Завоевавъ Англію, Римляне не основали въ этой части Ланкастерскаго графства ни какого поселенія и не думали даже укрѣплять устья Мерси (Mersey). Саксонцы также не обращали почти ни какого вниманія на эту страну, нынче такую богатую и цвѣтущую. Вильгельмъ-Завоеватель, который тщательно велъ списокъ своимъ владѣніямъ, не упоминаетъ даже о Ливерпулѣ въ своемъ Dooms-daybook. Имя Ливерпуля въ первый разъ упоминается въ 1089 году, по случаю построенія тамъ графомъ Roger de Poitou замка, вскорѣ по завоеваніи Англіи Нормандцами. Это имя вначалѣ писали на разные манеры. Только по догадкамъ можно судить объ его происхожденіи, особенно объ этимологій первой его части, потому что вторая часть pool, болото, достаточно ясна: нѣкоторыя части Ливерпуля и понынѣ довольно болотисты. При Генрихѣ VIII писали Lyrpole, Lyrpoole, Leverpoole и Lerpoole. Настоящая орографія утвердилась не прежде 1567, и теперь все пишутъ Liverpool, но произносятъ обыкновенно *Лирпуль*. Что касается до словопроизводства, то полагаютъ, что первая часть имени происходитъ отъ liver, морской травы, весьма обыкновенной на западныхъ берегахъ Англіи, или отъ фамиліи Lever, очень древней въ той странѣ. «Рѣка Мерси, говорятъ Cambden (1607) вытекаетъ изъ океана широкимъ каналомъ пониже города Litherpole, который обыкновенно зовутъ Lirpoole (Лирпуль) мѣста, расположеннаго весьма удобно для торговли съ Ирландією.» Гербъ города нисколько не разрѣшаетъ этого вопроса. Посреди щита, на который опираются съ одной стороны Нептунъ, а съ другой Тритонъ, трубящій въ морскую раковину, стоитъ цапля и держитъ въ клювъ ветку; кругомъ надпись: Deus nobis haec otia fecit.

Какъ бы то ни было, недостатокъ свѣдѣній объ основаніи Ливерпуля и происхожденія его имени подобно приписать тому, что въ первые годы своего существованія онъ былъ ничтожное мѣстечко. Въ 1207 году, то есть, за восемь лѣтъ до изданія Magna Charta, король Іоаннъ даровалъ Ливерпу-

лю граммату, которой оригиналь хранится въ городскомъ архивѣ. Этуо грамматою Ливерпулю присвоены все права, какими пользовались приморскіе города. Въ 1228 году другою грамматою учреждено въ немъ сословіе купцевъ, съ тѣмъ чтобы никто, не принадлежащій къ сословію Ливерпульскаго купечества, не смѣлъ торговать тамъ безъ разрѣшенія думы. По слованъ *Maddox*'а деревня или мѣстечко (*villata*) Ливерпуль платилъ Генриху VIII, въ одиннадцатый годъ его царствованія, податей 11 марковъ 7 шиллинговъ. Но все эти грамматы, какъ видно, плохо содѣйствовали расширенію Ливерпуля, потому что Эдуардъ I, въ запрещеніи портамъ дозволить вывозъ монеты Англійской или Французской, мѣдной и другой, даже не упоминаетъ о Ливерпульѣ.

Въ 1338 году назначенъ былъ въ Англии наборъ 700 кораблей и 14,000 матросовъ.

Лондонъ вооружилъ	25 кораб.	съ 662 матр.
Бристоль.....	44	600.
Годль	16	466.
Портсмугъ.....	5	96.
Ливерпуль.....	1 барку съ	6.

Ливерпуль лежитъ въ южной оконечности Ланкастерскаго графства, которое находится почти въ серединѣ Великобританіи, между Шотландією и Южнымъ Валлисомъ. Это узкая полоса земли, сжатая между моремъ и Горкскими горами; сухая и неплодная въ верхнихъ частяхъ; сырая и болотистая въ приморскихъ мѣстахъ. По этой землѣ текутъ четыре рѣки: *Laune*, *Wyre*, *Ribble* и *Merscy*, которыя принимаютъ въ себя множество малыхъ рѣкъ и нерѣдко производятъ наводненія. Почва графства вообще не плодородна, температура тамъ непостоянна и вѣтры холодны: поэтому третья часть этого графства остается невоздѣланною и земля раздѣлена на мелкіе участки. И при этихъ невыгодныхъ условіяхъ, постоянная промышленность жителей сдѣлала Ланкастерское графство однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ во всей Великобританіи. Ланкастерцы первые замѣнили неудобныя сухопутныя сообщенія каналами и потомъ они же первые приладили желѣзныя дороги. Нѣтъ ни одного полезнаго изобрѣтенія, ни одного практическаго улучшенія, которое бы

не родилось въ Ланкастерскомъ графствѣ или не было тотчасъ приведено въ исполненіе. Манчестеръ первый началъ работать бумажныя ткави; Sankey первый каналъ, открытый въ Великобританіи для судоходства. Въ 1733 году John Wyatt началъ тамъ прять хлопчатую бумагу машинами; Hargreaves, въ 1767, улучшилъ это производство, которое впоследствии Самуилъ Crompton довелъ до совершенства. Въ то же время Arkwright улучшилъ чулочное производство, Cartwright изобрѣлъ механической станъ, а Watt въ заводѣ Soho пустилъ въ ходъ свою паровую машину. Нансокъ основалъ въ Шеффилдѣ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Англіи стеклянныхъ заводовъ, а Wedgwood создалъ въ Гаефордшейрѣ фаянсовыя фабрики, которыя занимаютъ 60.000 работниковъ и ежегодно пускаютъ въ оборотъ на 150,000,000 рублей своихъ произведеній. Всѣ эти люди и мѣста принадлежатъ къ Ланкастерской области или сосѣднимъ округамъ.

Эта постоянная старательность произвела самое сильное вліяніе на распространеніе богатства и народонаселенія графства. Число жителей его удивительнымъ образомъ увеличивается. Въ 1700 году тамъ считалось 166,000 душъ: въ 1750, 297,000; въ 1801 году 672,000, а въ 1836 году помогали уже до 1,400,000 жителей: — увеличеніе необычайное, съ которымъ можетъ сравниться развъ только размноженіе народа въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ.

Впрочемъ нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ Ливерпуль обязанъ не только смѣтливости и трудолюбію своихъ жителей, но и географическому своему положенію, потому что онъ служитъ необходимымъ посредникомъ между Ирландіею и Англіею и притомъ находится поблизости Манчестера, одного изъ важнѣйшихъ мануфактурныхъ городовъ во всемъ свѣтѣ. Ливерпуль сдѣлалъ въ отношеніи къ Англіи то самое, что Англія сдѣлала въ отношеніи къ Европѣ: онъ поощрялъ мануфактурные округа къ промышленности, трудолюбію, дѣятельности, имѣя многочисленныя и надежныя корабли, и состоялъ въ сношеніяхъ съ торговыми городами во всемъ свѣтѣ. Онъ держитъ, въ главныхъ мѣстахъ, агентовъ и черезъ нихъ каждый день узнаетъ все, что касается до торговли и фабричнаго производства: засуха въ Бенгалѣ; неожиданное возвышеніе воды въ Нилѣ; хорошая или дурная жатва

въ Мобиль и Саваннъ; благосостояніе стадъ въ Австраліи; потребности жителей Сингапура или Малакки, или внезапное появленіе на рынкахъ новыхъ совѣтниковъ, — все это тотчасъ извѣстно въ Ливерпуль. Въ счетныхъ его книгахъ находятся графы для всѣхъ угловъ земнаго шара, и все, что тамъ происходитъ, здѣсь тотчасъ записывается. Частная переписка и журналы распространяють эти свѣдѣнія и сообщаютъ мануфактуристамъ внутреннихъ странъ о новыхъ рынкахъ, которые открываются для сбыта ихъ произведеній; о надеждахъ, которыя имъ представляются; объ опасностяхъ, которыхъ они должны избѣгать; опытахъ, которые можно предпринять. Во всемъ мірѣ нѣтъ купцовъ, которые имѣли бы такія обширныя и точныя свѣдѣнія о всемірной торговлѣ, какъ Ливерпульскіе, и ничего не можетъ быть разнообразнѣе и любопытнѣе девяти журналовъ, которые тамъ выходятъ каждое утро. Но зато Ливерпуль полтора столѣтія готовился къ этой роли: въ 1561 году корабли его поднимали не болѣе 177 тоннъ, въ 1648 едва 462. Только въ 1699 году, когда открытъ былъ первый докъ, важность Ливерпуля начала мало-по-малу проявляться; вѣстимость кораблей его удесатерилась и число жителей простиралось уже до пяти тысячъ душъ. Съ тѣхъ поръ Ливерпуль росъ не по годамъ, не по днямъ, а по часамъ; трудно даже слѣдовать за быстрымъ его распространеніемъ. Онъ и теперь идетъ не останавливаясь, не оглядываясь, и не поддается вычисленіямъ политическихъ ариметиковъ. Однако же постепенное увеличеніе его народонаселенія опредѣлено за разные эпохи и мы приводимъ здѣсь эту любопытную таблицу.

ТАБЛИЦА ПОСТЕПЕННАГО ВОЗРАСТАНІЯ ЛИВЕРПУЛЬСКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ СЪ НАЧАЛА ОСЬМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ ПО 1831 ГОДЪ.

ГОДЪ.	ЧИСЛО ДОМОВЪ		ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ.
	КАМЕНЪ.	КИРПИЧЪ.	
1700	—	—	5,711
1720	—	—	10,446
1730	—	—	12,000
1740	—	—	18,000
1760	—	—	25,787
1770	5,928	412	34,407

1790	8,148	717	55,733
1801	11,466	—	77,653
1812	15,589	418	94,376
1821	?	?	118,973
1831	25,637	944	165,221

Нынче считается въ Ливерпуль 230,000 душъ ; въ числѣ ихъ находится 10,000 моряковъ тамошняго порта. Въ недѣлю туда привозится 15,000 тюковъ хлопчатой бумаги , и оттуда вывозится въ разныя части свѣта на 6,250,000 рублей мануфактурныхъ произведеній. Этотъ-то непрерывный и возрастающій обмѣнъ грубыхъ матеріаловъ на издѣлія изъ тѣхъ же матеріаловъ обогатилъ Ливерпуль, доставилъ ему первенство передъ всеми другими портами и въ нѣсколько лѣтъ удвоилъ важность его оборотовъ.

ТАБЛИЦА ОБОРОТОВЪ ЛИВЕРПУЛЬСКАГО ПОРТА.

ГОДИ.	ЧИСЛО КОР.	ЧИСЛО ТОН.	ВЫВОЗЪ.	ПРИВЪЗЪ.
1815	6,440	709,849	200,000,000 р.	300,000,000 р.
1834	13,444	1,692,870	457,998,000 -	490,000,000 -
1835	13,941	1,168,426	634,558,000 -	655,389,000 -
1836	14,959	1,947,613	—	—

Въ отношеніи къ коммерческой важности, морскому судоходству, цѣнности продуктовъ, проходящихъ черезъ Ливерпуль, этотъ портъ значительно выше всѣхъ прочихъ въ Великобританіи, кромѣ одного Лондона. Нью-Кастль превышаетъ его числомъ кораблей ; но въ общемъ результатѣ торговыхъ оборотовъ Ливерпуль далеко опередилъ его.

ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ЧИСЛО СУДОВЪ И ИХЪ ВМѢСТИМОСТЬ ВЪ 1832 ГОДУ.

ПОРТЫ.	ЧИСЛО СУДОВЪ.	ЧИСЛО ТОННОВЪ.
Лондонъ	2663.....	572,835
Нью-Кастль	987.....	202,379
Ливерпуль	805.....	181,780
Сондерлендъ.....	628.....	107,698
Виттсвейъ.....	496.....	79,967
Голль	479.....	72,248
Бристоль	316.....	49,531

При первомъ взглядѣ кажется, что Нью-Кастль превосходитъ Ливерпуль и числомъ судовъ и общимъ движеніемъ въ

портъ. Но не надобно забывать, что дѣятельность Нью-Кастля ограничивается единственно перевозкой тамошняго камсннаго угля; что корабли его выходятъ и возвращаются по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, и что цѣнность минеральнаго топлива, который они перевозятъ, несмотря на всю его пользу и необходимость, не можетъ идти въ сравненіе съ богатыми грузами кораблей Ливерпульскихъ. Но преимущество Ливерпуля предъ Нью-Кастлемъ всего лучше доказывается суммою таможенныхъ сборовъ въ —

Порты.	1835.	1836.	Увеличеніе.
Лондонъ	339,499,300 руб.	345 040,000 руб.	5,545,700 руб.
Ливерпуль	96,193,975 —	106,827,250 —	10,623,275 —
Бристоль.....	14,950,000 —	18,020,200 —	4,070,200 —
Нью-Кастль....	6,781,170 —	6,384,120 —	102,050 —

Такимъ образомъ таможенные сборы одного Ливерпуля равняются всему таможенному доходу Россіи!

Собственно говоря, въ Ливерпуль нѣтъ порта: устье рѣки Мерси открыто со всѣхъ сторонъ. Необходимость впустила Ливерпульцамъ мысль о *докахъ*, этихъ искусственныхъ портахъ; мысль счастливую, которую Лондонъ принялъ столѣтъ позже и которая произвела вездѣ самые благоутворные результаты. Надобно видѣть Ливерпуль на берегу Мерси, посреди этого лабиринта средиземныхъ морей, сырыгыхъ человѣческими руками, огражденныхъ гранитными набережными и пространными магазинами: тутъ причина его силы и могущества. Эти обширные бассейны, защищая корабли отъ непостоянства приливовъ и буйства вѣтровъ, облегчаютъ погрузку и выгрузку. До 1699 года, когда устроенъ первый докъ, Ливерпульскій портъ былъ мало посѣщаемъ; моряки боялись отмелей, которыми усыяно устье Мерси. Съ 1700 по 1750 годъ къ первому доку прибавлено еще три и судоходство въ Ливерпуль учетверилось. Впослѣдствіи число доковъ безпрестанно и быстро возрастало. Полиція этихъ заведеній чрезвычайно строга; иначе и не можетъ быть, потому что малѣйшая неосторожность можетъ въ минуту погубить огромные капиталы. Каждому кораблю назначено въ докъ мѣсто, котораго онъ не можетъ оставить безъ позволенія коменданта. Чтобы избѣжать замѣшательства, каждый докъ имѣетъ свое назначеніе: въ одномъ при-

нимаютъ только каботажныя суда; въ другой входятъ корабли, совершающіе продолжительное плаваніе; въ нѣкоторые поступаютъ только корабли, приходящіе изъ Соединенныхъ Штатовъ съ хлопчатою бумагою; въ иныхъ помѣщаются только корабли изъ Балтійскаго и Бѣлаго Морей. Двадцать пять Ливерпульскихъ доковъ, или бассейновъ, занимаютъ сорокъ одну десятину земли. Объ издержкахъ, которыхъ стоило построеніе этихъ доковъ, можно судить уже потому, что одинъ Clarence-Dock, который открытъ въ 1830 году и занимаетъ пространство только съ небольшимъ двухъ десятинъ, обошелся въ 6,120,350 рублей; но доходы, получаемые отъ одного дока, вполне вознаграждаютъ учредителей за ихъ пожертвованія. Съ 1752 года по всѣхъ Ливерпульскихъ докахъ, за исключеніемъ городского сбора, собрано 125,000,000 рублей. Почти передъ каждымъ докомъ есть открытый бассейнъ, родъ свней, гдѣ корабли дожидаются, чтобы шлюзы дока, во время прилива, открылись и принимали ихъ. Доки сообщаются между собою вертикальными желѣзными мостами. Здѣсь придумано все что только можно для легчайшаго обращенія людей и товаровъ. Товары изъ Королевскаго дока ставятся прямо на желѣзную дорогу съ подземнымъ проходомъ, которая составляетъ продолженіе большой желѣзной дороги изъ Ливерпуля въ Манчестеръ и начинается на двѣсти сажень къ югу отъ таможни; другая такая же дорога проводится къ Королевиному доку; она скоро будетъ окончана.

Въ портъ считается 66 пароходовъ, силою въ 9,085 лошадей; самыя большія вѣзютъ машины въ 300 силъ; самыя малые въ 80. Что касается до сухопутнаго пароходства, то мы уже столько разъ говорили о Ливерпульской желѣзной дорогѣ и о подземномъ проѣздѣ подъ городомъ, что теперь остается только сказать о послѣднихъ результатахъ этого заведенія. Въ 1835 году сборъ съ пассажировъ на этой дорогѣ составлялъ 3,008,400 рублей; за перевозку товаровъ получено 2,427,750 рублей; весь доходъ простирался до 5,435,000 рублей; расходу было всего 3,315,200; следовательно чистой прибыли 2,090,700. Компанія выдала своимъ акціонерамъ дивиденда за первое полугодіе по 4½ процентовъ, за второе полугодіе по 5, итого по 9½ процентовъ въ годъ.

Съ открытія дороги, въ теченіе пяти лѣтъ компанія получила 9,116,000 рублей барыша.

Ливерпуль имѣетъ нынче четыре банка.

Этотъ гигантскій, хотя еще очень недавній городъ, въ которомъ все ново, несмотря на черный цвѣтъ зданій, есть Лондонъ въ миниатюрѣ, Лондонъ на одномъ берегу рѣки и безъ мостовъ, но за то съ тридцатю паровыми паромима, которыя во всякое время и чрезвычайно быстро перевозятъ жителей съ одного берега Мерси на другой (дѣтъ версты) за тридцать копѣекъ. Городъ расположенъ амфитеатромъ на покатомъ склонѣ праваго берега рѣки и представляетъ глазамъ отсюда сплошную массу зданій, изъ которой мѣстами возвышаются шпицы, колокольни и куполы, а надъ ними носится всегдашнее облако дыму, облако плотное и черное, вылетающее изъ тридцати или сорока тысячъ трубъ. Съ лѣваго берега Мерси виднѣтъ только колышущійся лѣсъ мачтъ, реевъ и веревокъ, который то скрываетъ, то открываетъ городскія зданія, лежація близъ доковъ, — таможеню, бани, табачныя пакгаузы, торговые магазины, огромныя строенія съ тысячами оконъ. Таковъ видъ Ливерпуля при первомъ взглядѣ. Но внутри города вы находите прекрасныя улицы, широкія, обведенныя тротуарами, гладкія и ровныя, какъ садовая аллея; экипажи катятся по нимъ чрезвычайно свободно и безъ всякаго шума. Въ Англіи, главныя улицы всегда дѣлаются шире дорогъ, которыя къ нимъ примыкаютъ, и это очень благоравуно: во внутренности города обращеніе экипажей и пѣшеходовъ гораздо живѣе чѣмъ по дорогамъ, и слѣдственно тамъ нужно больше мѣста. Но проходя по этимъ великолѣпнымъ улицамъ, которыя вымощены по способу *Mac-Adam*'а, обставлены богатыми лавками, наполнены блестящими экипажами, съ удивленіемъ видишь рядомъ съ ними узкіе переулки, извилистыя закоулки, куда свѣтъ дневной никогда не проникаетъ и гдѣ лежитъ всегдашняя густая и черная грязь. Тутъ хлопочетъ мелочная торговля, тутъ нищета выказываетъ свои лохмотья и полуобнаженные ребятишки валяются въ тинѣ. Впрочемъ всѣ большіе промышленные города представляютъ эту горестную противоположность.

Въ Ливерпулѣ много публичныхъ зданій ; но они вообще не красивы. Исключая только церкви Святаго Апостола Луки и двухъ или трехъ другихъ перквей, больницы, таможни, все остальное ни на что не похоже: всѣ ордена перемѣшаны въ этихъ строеніяхъ безъ вкуса, безъ метода, безъ пропорциональности. Станція желѣзной дороги своимъ великолѣпіемъ походитъ на королевскій дворець: правда, что и могущество этой дороги велико; фасадъ не дурень, но въ немъ слишкомъ много украшеній. Англійскіе архитекторы совсѣмъ не умѣютъ придавать своимъ постройкамъ простаго, легкаго, изящнаго вида древнихъ зданій.

Въ Ливерпулѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ Англии и Америки, вода и газъ проведены въ дома. Для этого существуютъ тамъ четыре компаніи. Вода во всѣхъ домахъ течетъ изъ крановъ; газомъ освѣщены не только лавки, но церкви, театры и всѣ публичныя мѣста: это блестящее освѣщеніе, вѣроятно, скоро будетъ принято и въ частныхъ домахъ. Лавки платятъ въ годъ только по девяти рублей съ рожка.

Народонаселеніе, которое цѣлую недѣлю работаетъ, а въ воскресенье весь день молится, не можетъ имѣть многихъ увеселительныхъ заведеній. Въ Ливерпулѣ только одинъ театръ и всего два гульбища, и тѣ, по воскресеньямъ, закрыты какъ и сердца жителей. Въ этотъ день точно какъ-будто смерть опустила свои крылья на это шумное скопище торговаго народа. Въ субботу вечеромъ, когда производится расплата, всякой оживляется, старается истратить въ нѣсколько часовъ жизнь сльдующаго дня, которая не украсится ни улыбкою, ни веселыми разговорами. Въ воскресенье, на пустыхъ улицахъ, въ которыхъ всѣ лавки заперты, видишь только блуждающія тѣни, безжизненныя, безмолвныя, скучныя.

Дѣла, занятія, непрерывная дѣятельность, которой требуютъ промышленность и торговля, придаютъ Ливерпульцу грубый тонъ и эгоизмъ ничѣмъ непоколебимый. Въ немъ вы напрасно стали бы искать свѣтскости, учтивости, вѣжливаго обхожденія, которое замѣчаете въ другихъ городахъ. Ливерпулецъ перещеголялъ Англичанина: онъ простъ, крутъ,

идеть прямо къ дѣлу, всегда недосуженъ, и не терпитъ отлагательствъ. *Times is money*, «Время деньги», говорить онъ, и поступаетъ на основаніи этого правила: онъ не станетъ терять времени на учтивости. Впрочемъ, несмотря на пошлыя привычки Ливерпульцевъ, на ихъ жадность къ деньгамъ, тамъ есть учсныя заведенія, — музей, академія живописи, въ которой бывають выставки и даже раздаются награды. Но почему это? Ужъ навѣрное не по склонности къ наукамъ и искусствамъ. Потому что Ливерпуль богатъ, и онъ знаетъ, что богатому городу нельзя не имѣть ученыхъ заведеній. Вотъ и онъ учредилъ ихъ у себя, какъ разбогатѣвшій откупщикъ заводится въ своемъ домѣ, книгами, картинами, статуями, которыя однако жъ не стоятъ, по его мнѣнію, счетной доски и прихода-расходной книги.

РОДЫ ВЪ МОГИЛѢ. Само челоѵколюбіе требуетъ, чтобы каждый достовѣрный случай преждевременнаго погребенія тѣлъ, постигнутыхъ мнимою смертыю, былъ извѣстенъ публикѣ. Эти печальныя исторіи невольню возбуждаютъ осмотрительность сельскнхъ жителей, и могутъ предупредить ужасныя несчастія. И для нихъ нельзя никогда повторять до излишества, что подобная осмотрительность всего необходима съ беременными женщинами, въ которыхъ жизнь прекращается до разрѣшенія. Тысячи примѣровъ убѣждаютъ насъ въ возможности возврата жизни у особъ, находящихся въ этомъ положеніи. Мы бы могли привести ихъ множество, и весьма разительныхъ, изъ иностранныхъ писателей; но въ подобныхъ дѣлахъ всегда отечественные примѣры сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе, и потому мы опишемъ одинъ *нашъ* случай, въ достовѣрности котораго ручаемся сами.

По большой дорогѣ между Серпуховымъ и Москвою лежитъ довольно значительное село Лопасня. Въ 1819 году, у жителя этого села, Федора Петрова, была беременна жена, Акулина Иванова. Беременности ея былъ уже девятый мѣсяць, какъ настала рабочая пора; всъ почти отправилась въ поле для уборки хлѣба, и дома осталась только Акулина и маленькая дѣвочка лѣтъ девяти, Мавра, ея племянница. Акулина чувствовала себя нѣсколько нездоровою, но, по обык-

новенію деревенскихъ женщинъ, была на ногахъ и даже занималась домашними работами. Въ это время она ощутила приближеніе родовъ. При ней была Мавра. Акулина сильно страдала; стонъ ея раздиралъ сердце маленькой Мавры, которая не умѣла и не могла ничѣмъ ей помочь, и только слезами выражала свое участіе къ теткѣ. Часа три несчастная мучилась страшными болями и напрасными потугами; потомъ вилала въ изнеможеніе и предалась забытью. Это спокойствіе было впрочемъ непродолжительно. Вдругъ, какъ бы потрясенная внезапною силою, она съ неистовствомъ вскочила съ примоста, и выбѣжала на дворъ. Маленькая Мавра бросилась за нею; но тетка съ чрезвычайною скоростью начала бѣгать по двору назадъ и впередъ: она ничего не могла съ нею сдѣлать и только съ горестію смотрѣла из ея ужасныя мученія. Наконецъ бѣдная родильница подбѣжала къ одному изъ столбовъ сарая и, уцѣпившись за него сулорожно обѣими руками, осталась неподвижною, совершенно оцѣпенѣла. Перепуганная дѣвочка долго не рѣшалась къ ней подойти; наконецъ, приблизившись, съ ужасомъ замѣтила она, что тетка ея, съ посинѣлымъ лицомъ и подкатывшимися подъ лобъ глазами, была уже безъ чувствъ и безъ дыханія.

Мавра дала знать сосѣдямъ; пришло нѣсколько человекъ; вскорѣ возвратились съ поля и родственники ея, мужъ и всѣ домашніе. Они нашли Акулину въ томъ же оцѣпенѣломъ состояніи, со всеми признаками смерти. Съ трудомъ отняли ея отъ столба и перенесли въ избу. Никто не сомнѣвался въ подлинности смерти. Мертвую обмыли, надѣли на нее какъ слѣдуетъ чистое бѣлье и положили на столъ, а на третьи сутки похоронили. Погребеніе совершилось обыкновеннымъ порядкомъ.

Прошло два дня послѣ похоронъ; всѣ домашніе были въ чрезвычайной горести и скорбѣли о потерѣ доброй Акулины. Кладбище, гдѣ ее похоронили, находилось близъ церкви, не далеко отъ селенія. Въ это время стояла прекрасная погода и маленькіе ребятишки, мальчики и дѣвочки, собирались обыкновенно играть между собою неподалеку отъ кладбища. Дѣти священника, который жилъ подлѣ церкви, замѣтили первыя какъ-будто глухой стонъ на кладбищѣ. Они

начали вслушиваться пристальнѣе, и лепо различили, что стонъ раздавался у свѣжей могилы. Дети тотчасъ побѣжали сказать отцу и онъ скоро убѣдился въ дѣйствительности ихъ словъ; глухой стонъ изъ могилы былъ слышенъ, хоть и съ перемѣжками. Было уже подъ вечеръ. Не откладывая дѣла, тотчасъ позвали несколько мужиковъ и отрыли могилу Акулины. И что же? Удивленіе и ужасъ поразили всѣхъ. Въ гробу, въ страшномъ безпорядкѣ, лежала Акулина, уже задохшаяся, и въ задней части гроба находился младенецъ, живой: онъ крикомъ привѣтствовалъ своихъ избавителей. Младенца тотчасъ вынули; какъ могли сдѣлали все, что дѣлается съ новорожденнымъ ребенкомъ, но, къ несчастію, тутъ же удостоверившись въ дѣйствительной смерти Акулины. Съ миромъ заколотили ея гробъ и насыпали новую могилу, — могилу вѣчную!

Младенецъ спасенъ, и съ радостью принятъ въ семью. Онъ былъ совершенно здоровый, и, вскормленный попеченіями отца и родныхъ, онъ живъ и теперь. Славный, здоровый малой, по восемнадцатому году. Я самъ его видѣлъ и дивился его странной судьбѣ: онъ увидѣлъ впервые свѣтъ въ могилѣ! Онъ началъ жизнь тамъ, гдѣ должно ее окончить! Справедливость этого разсказа несомнѣнна. Всѣ дѣйствующія лица плачевной исторіи на-лицо, кромѣ Акулины и отца Ивана, священника, который уже умеръ. Живъ даже мужъ покойницы, Федоръ, отецъ нашего Петра: такъ называли новорожденного. *А. Б.*

ПЕРЕВОДЫ Г. ГАММЕРА СЪ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
Исторія не менѣе ужасная предвѣдущей. По всему видно, что нѣтъ ремесла удобнѣе для составленія себѣ страшной ученой репутаціи при совершенной невинности въ наукѣ, какъ ремесло ориенталиста. Сгранныя Восточныя письмена, которыя всѣмъ честнымъ людямъ кажутся прямой чертовщиной, наводятъ такой страхъ на публику, что она прежде считала за чернокнижника, а теперь готова признать мудрецомъ, каждаго, кто только окружить себя ими; ориенталисты же вообще такъ учтивы и вѣжны между собою, что почти никогда не выдадутъ своего собрата на посмѣяніе профановъ,

чтобы ни нагородилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Покажите мнѣ болѣе колоссальную ученую репутацію въ массѣ Европейской публики, знаменитость, передъ которой съ большимъ почтеніемъ преклоняли бы колѣни всѣ сословія читателей, какъ знаменитость знаменитаго Г. фонъ-Гаммера? Между-тѣмъ Г. фонъ-Гаммеръ никогда не пользовался уваженіемъ своихъ собратій, ориенталистовъ, какъ ученый. Всѣ они давно знали, что ему неизвѣстны самыя *первыя* основанія Арабской грамматики, и что разсыянность его въ переводахъ съ Персидскаго и Турецкаго простирается до той точки, въ которой уже нельзя различить разсыянности отъ невѣжества. Но это былъ секретъ касты. И когда одинъ изъ Русскихъ ориенталистовъ, въ веселый часъ, забывши что это еще тайна, первый вздумалъ подъ именемъ Тютюнджю-оглу посмѣяться надъ незабвенною книгою Г. фонъ-Гаммера, *Les origines russes*, исполненною, какъ и прочія его сочиненія, ошибокъ, едва простибельныхъ ученику Восточныхъ языковъ, не далѣе какъ у насъ на Руси безотчетные поклонники всемірной славы Г. фонъ-Гаммера, или точнѣе «барона Гаммера-фонъ-Пургстала, — потому что онъ недавно сдѣланъ барономъ, — поклонники его славы грозно возстали на бѣднаго Тютюнджю, и многіе до-сихъ-поръ не могутъ простить ему *таковой* великой дерзости. Однако жъ «*La lettre de Tutundju-oglou*» имѣло большой успѣхъ въ ориентальномъ мірѣ, и примѣръ этого смѣлаго удара по гордому шарлатанству нашель подражателей. Съ-тѣхъ-поръ, на сочиненія Г. фонъ-Гаммера ориенталисты начали уже открыто налагать жгучую печать критики. Жестоко бѣсялся знаменитый Вѣнскій Hof-Dolmetscher, и страшно бранилъ онъ своихъ критиковъ, но это не удержало ни Козегартеновъ, ни Казембековъ, ни множества другихъ ученыхъ ориенталистовъ, откровенно показывать почти на каждой страницѣ его сочиненій промахи, истинно непостижимые; промахи не только противъ смысла Восточныхъ текстовъ, но даже противъ обыкновенныхъ познаній въ Исторіи и Географіи. Долго было бы исчислять всѣ эти неудачи щекотливаго самолюбія автора *des origines russes*. Вотъ послѣдняя. Въ своемъ пріятномъ ослѣпленіи, въ слѣдствіе котораго кажется ему, будто онъ знаетъ по-Арабски, Г. Баронъ Гаммеръ-

фонъ-Пургсталь перевелъ съ Арабскаго небольшое нравственное сочиненіе Замехшерія, которое издалъ въ 1835 году, подъ заглавіемъ *Samachschart's goldene Halsbänder*, и даже, съ неподражаемымъ простодушіемъ, напечаталъ Арабскій текстъ подлѣ перевода. Нѣтъ надобности долго разсказывать о достоинствахъ этого труда. Довольно, если мы скажемъ, что два отличные ориенталиста, Г. Флейшеръ, профессоръ Восточныхъ языковъ и преемникъ Розенмиллера, и Г. Вейль, бывшій профессоръ Каирскаго политехническаго училища, одинъ въ Лейпцигѣ, другой въ Стутгардѣ, оба въ одно время рѣшились, вмѣсто бесполезной критики, перевести вновь текстъ, изданный Г. Гаммеромъ, для того чтобы читатели судили сами о дѣлѣ изъ сравненія ихъ переводовъ съ переводомъ баронскимъ: а въ этомъ случаѣ каждый можетъ быть судіей не будучи даже ориенталистомъ; довольно помнитъ правило, что хорошій переводъ всегда тотъ, гдѣ есть логическій смыслъ; а тотъ, въ которомъ нѣтъ ни логики ни смыслу, непременно долженъ быть дурной и ложный переводъ. Чтѣ жъ вамъ сказать? Вотъ, передъ нами, три *Goldene Halsbänder* Замехшерія, три перевода одного и того же сочиненія: два изъ нихъ согласны между собою и говорятъ совершенно одно и тоже разными словами; третій ни въ чемъ не согласенъ съ ними и, кажется, какъ-будто говорить совсѣмъ о другомъ предметѣ; въ двухъ есть смыслъ, въ третьемъ нѣтъ ни какого смыслу, — и этотъ третій, который безъ смыслу, есть переводъ знаменитаго Г. фонъ-Гаммера.

Послѣ такого «скандала» въ ориентальномъ мірѣ, послѣ столь безпримѣрнаго событія въ исторіи переводовъ, каждому любопытно знать, чтѣ скажетъ баронъ Сильвестръ де-Саси, самый кроткій и снисходительный изъ ориенталистовъ и сверхъ-того личный пріятель Г. Гаммеру, чью даже безобразную «Исторію Оттоманскаго государства» онъ защищалъ хоть общими словами. Глубоко вздохнулъ маститый патріархъ ориенталистовъ, при видѣ неподражаемаго Вэнскаго перевода Замехшиеревыхъ *Goldene Halsbänder*; тяжело ему было сказать горькую истину раздражительному *Hofdolmetscher'u*; два года молчалъ онъ, думая, не забудутъ ли какъ-нибудь этой несчастной книги въ Арабскомъ мірѣ, но наконецъ надобно было прервать молчаніе, особенно когда

Флейшеръ и Вейль издали свои прекрасные переводы. После печальнаго предисловія, во время котораго Г. де-Саси видимо старается исполниться всей возможною кротостью и вѣжливостью, онъ такъ продолжаетъ въ декабрьской книжкѣ *Journal des savans*: «Что касается до перевода (Г. Гаммера), то онъ показался имъ (Гг. Флейшеру и Вейлю) до того произвольнымъ, темнымъ и въ явномъ противорѣчій съ подлинникомъ, что они сочли за нужное, для пользы Восточной словесности, и для чести науки, которой посвятили всю жизнь свою, обнаружить ошибки перваго переводчика. Они полагали, что кратчайшій способъ, и притомъ самый вѣрный, исправить эти ошибки, былъ — сдѣлать новый переводъ, съ критическими замѣчаніями.

«Весьма неохотно исполняемъ мы неизбежную обязанность быть судьями въ этой полемикѣ; и, чтобы съ перваго слова объявить наше мнѣніе, какъ мы ни уважаемъ и ни любимъ лично Г. Гаммера, скажемъ, что вообще, по причинѣ непоумѣренной дѣятельности его пера, которая порождаетъ столько сочиненій въ такое короткое время, онъ слишкомъ часто довольствуется въ своихъ переводахъ первымъ выраженіемъ, какое придетъ ему на умъ, и что, когда дѣло идетъ объ *Арабскихъ* текстахъ, онъ не обращаетъ большаго вниманія на грамматику и готовъ скорѣе силой вломиться въ смыслъ, нежели отыскивать его правильнымъ образомъ и осторожно итти сквозь трудности. Давно уже замѣтили мы это съ крайнимъ прискорбіемъ, и потому даже уклонились отъ разбора разныхъ его сочиненій.» Невозможно утѣвѣе похоронить репутацію своего друга!

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ ВЪ РИМѢ И ФЛОРЕНЦІИ.

Торвальдсенъ. Генерани. Финетти. Виенайтѣ. Ринальди. Фабрисъ. Бистрѣмъ. Фогельбергъ. Вольфъ. Гибсонъ. Вайеттъ. М^{lle} Фауви. Шульцъ. — Въ мастерской знаменитаго Торвальдсена замѣтна большая дѣятельность. Самъ онъ занимается попеременно то работой барельефовъ, въ которыхъ онъ, и по духу и по формѣ, приблизился къ прекраснѣйшимъ Греческимъ образцамъ больше всѣхъ современныхъ скульпторовъ; то составленіемъ моделей гораздо большихъ твореній, какъ напригвръ статуй Конрадина, заказанной Бавар-

*

скимъ наследнымъ принцемъ для Кармелитской церкви въ Неаполь, гдѣ этотъ послѣдній потомокъ Гогенштауфеновъ погребенъ позади алтаря. Совершенно окончены двѣ модели памятниковъ Шиллеру и Гуттенбергу для двухъ городовъ Южной Германіи. Галли, одинъ изъ его учениковъ, дѣлаетъ подь его надзоромъ большой рельефъ, представляющій «Аполлона съ пастухами». Изъ новѣйшихъ мелкихъ произведеній Торвальдсена заслуживаютъ вниманія четыре барельефа, — на которыхъ изобразилъ онъ «Времени года», и «Рафаэль», окруженный антиками и рисующій на доскѣ, когоруую Амуръ поддерживаетъ правою рукою, предлагая ему въ лѣвой розу и макъ; по обѣимъ сторонамъ находятся два генія; женскій геній, съ пальмовою вѣтвью, вѣнчаетъ его лавромъ, а мужской изображенъ съ поднятымъ вверхъ горящимъ факеломъ. Издано также, подь заглавіемъ «Alasceonte nuovissimo del commendatore Alberto Thorwaldsen», любопытное для художниковъ собраніе очерковъ барельефовъ этого знаменитаго ваятеля, изображающихъ Амура въ различныхъ положеніяхъ. Къ этому приложенъ текстъ въ стихахъ, которые написалъ Анджело Риччи.

Изъ Италіанскихъ скульпторовъ въ Римѣ, Піетро Теве-рани безспорно лучшей. Прежнія его произведенія, «Венера, раненная въ ногу» и «Сидящая Психея», довольно извѣстны и приобрѣли ему заслуженную славу. Другая его «Психея», изображенная въ тотъ моментъ, когда она оставляетъ тартаръ и падаетъ безъ чувствъ, быть-можетъ уступить въ совершенствѣ первой, однако заслуживаетъ уваженія, какъ прелестное созданіе. Самая новая, еще неоконченная его работа, есть го-рельефъ для часовни Латѣранской церкви, представляющій «Благочестіе», въ группѣ изъ четырехъ фигуръ. На прислоненной къ кресту лѣстницѣ стоитъ Іосифъ Аримаѳейскій и держитъ снятое уже тѣло Іисуса Христа, котораго голова и правая рука покоятся на плечѣ Маріи, тогда какъ она осторожно прикладываетъ свою руку къ груди возлюбленнаго Сына, а стоящій подь Іоаннъ поддерживаетъ ноги Спасителя. Постановка группы исполнена гармоніи; головы прекрасны; выраженіе «визіонной» заслуживаетъ похвалы; особенно поражаетъ съ чувствомъ обдуманное положеніе Маріи. Цѣлое проникнуто истинною,

глубокою, безмолвною скорбію, которая такъ различна съ плаксивой выказной горестію, какой отличаются декламаторскія произведенія нѣкоторыхъ другихъ художниковъ. Впрочемъ, достоинства Генерани состоятъ не столько въ сильной творческой фантазіи, сколько въ возвышенномъ взглядѣ на природу, въ тщательномъ подражаніи ей, и отличномъ выполненіи.

Не безъ достоинствъ и Финетти: лучшія произведенія его — двѣ группы: одна изображаетъ двухъ «Горъ», а другая «Амура и Психею». Опыты его въ колоссальномъ родѣ показываютъ также много дарованія.

Карарскій уроженецъ Віепаймѣ можетъ больше нравиться. Группа его «Ангель-хранитель съ младенцемъ», «Діана», и нѣкоторыя другія, заслужили большое одобреніе.

Ринальди болѣе проникнуть духомъ Кановы. Недавно кончилъ онъ статую «Орлеанской дѣвы», которая, въ полномъ вооруженіи, держитъ въ лѣвой рукѣ сложенное знамя съ изображеніемъ лилій, а правою опирается на бедро, устремляя взоръ нѣсколько вверхъ, какъ-бы погруженная въ созерцаніе. Выполненіе не безъ искусства; голова сдѣлана прекрасно, члены стройны, только стальная броня придаетъ фигурѣ какую-то жесткость. Въ мастерской его есть еще нѣсколько некокченыхъ работъ. Реліефъ, изображающій «Торжество Вакха» слишкомъ многосложенъ въ группировкѣ.

Здѣсь кстати упомянуть о памятникѣ Льву XII, открытому въ соборѣ Святаго Петра, въ самый праздникъ Рождества. Онъ сооруженъ по заказу нынѣ царствующаго папы Венеціанскимъ скульпторомъ Фабрисомъ, однимъ изъ учениковъ Кановы. Новый памятникъ поставленъ супротивъ монумента Шведской королевы Христины, на мѣстѣ прежней гробницы Иннокентія XIII, въ довольно тѣсномъ помѣщеніи, между двумя огромными колоннами, которыя поддерживаютъ сводъ. Внизу видна дверь; надъ нею находится открытая loggia, и тамъ именно поставлена статуя папы въ полномъ облаченіи, съ тройною короной на головѣ. Левъ XII изображенъ въ положеніи, нѣсколько наклоненномъ впередъ, съ рукою поднятой для благословенія. На заднемъ планѣ видны, или, лучше сказать, должны быть видны, — высо-

та памятника и значительное углубленіе не позволяет ихъ видѣть, — четыре кардинала, въ томъ числѣ и Капеллари, нынѣшній папа, возведенный въ кардинальское достоинство Львомъ XII. Надъ loggia находятся въ рельефѣ двѣ фигуры, — Религія и Правосудія, а всерединѣ помѣщенъ фамильный гербъ. Надпись: *Memoriae Leonis XII, P. M., Gregorius XVI, P. M.* Голова папы, говорятъ, имѣетъ большое сходство; въ этомъ и заключается единственное достоинство всего произведенія, которое только увеличиваетъ число посредственныхъ и дурныхъ памятниковъ чудесной церкви Святаго Петра. Вообще Фабрисъ работаетъ больше какъ ремесленникъ нежели какъ настоящій художникъ.

Изъ иностранныхъ ваятелей, пребывающихъ въ Римѣ, должно упомянуть о двухъ Шведахъ, Бистрёмъ и Фогельбергъ; объ Эмиль Волиеръ изъ Берлина и о двухъ Англичанахъ, Гибсонъ и Вайеттъ (Wyatt). Большая часть работъ Бистрёма отправлены въ его отечество; однѣ приобрѣтены для королевскихъ замковъ, другія частными людьми. Теперь онъ находится въ Каррарѣ, гдѣ почти окончилъ нѣсколько колоссальныхъ статуй Шведскихъ монарховъ. Дарованіе его особенно сіяетъ въ фигурахъ съ драпировкой; не менѣе искусенъ онъ и въ памятникахъ. Въ мастерской его между прочимъ я видѣлъ «Геро», съ факеломъ, и «спящую Юнону», на груди которой покоится Гераклъ — младенецъ. Эта послѣдняя фигура хоть и заслуживаетъ вниманія по отличному выполненію и можетъ нравиться роскошью своихъ формъ, однако тѣмъ самымъ показываетъ, что художникъ не очень проникнутъ духомъ антиковъ. Напротивъ того, въ Фогельбергъ достоинство это замѣтнѣе; и если онъ уступаетъ своему земляку въ творческой силѣ, зато навѣрное превосходитъ его въ глубокомъ изученіи своихъ предметовъ и въ чистотѣ вкуса. Два новѣйшія его произведенія, «Аполлонъ съ лирой» и «Венера съ яблокомъ», къ которому маленкій Амуръ протягиваетъ руку, полны граціи безъ приторности, хорошо обдуманы, и прекрасно выполнены, особенно послѣдняя. Обѣ статуи назначены для королевскаго замка въ Стокгольмѣ, гдѣ уже находятся двѣ работы этого художника, колоссальная статуя Карла XIII и другая, такая же, Одина, которая, какъ опытъ, и опытъ очень трудный

въ пластикъ Скандинавскихъ божествъ, заслуживаетъ вниманія по оригинальности. Прелестный маленькій «Амуръ», сидящій на краю большой раковины, поддерживаемой дельфиномъ, которая въ тоже время служитъ ему прикрытіемъ, находится у Г. Біёркмана въ Стокгольмѣ.

Вольфъ, проживающій уже нѣсколько лѣтъ въ Италиі, занимается преимущественно работою статуй и группъ «въ своемъ родѣ», и средней величины. Его «Рыбакъ», «Возвращающійся охотникъ», «Пастушка», «Телефусъ», съ собакой, взятый съ картины, найденной въ Помпѣяхъ, и нѣкоторыя другія, имѣютъ все достоинство естественности и удачнаго выраженія характера. Кромѣ того, онъ совершилъ и нѣсколько такихъ произведеній, которыя по своему предмету имѣютъ притязаніе на гораздо высшее достоинство: таковы «Фетида», плывущая по волнамъ съ оружіемъ Ахилла на спинѣ дельфина, и которой подлинникъ находится у графини Віельгорской въ Петербургѣ; и «Амуръ» съ принадлежностями силы, — со львиною кожею на головѣ и съ рукою опирающагося правою на палецъ. Статуя эта находилась на послѣдней Берлинской выставкѣ, и тамъ осталась. Вольфъ занимается теперь составленіемъ модели для большой работы: она изображаетъ раненую въ грудь Амазонку, которая, упавъ на одно колено, роняетъ шлемъ и оружіе, и съ выраженіемъ страданія смотритъ на свою подругу. Всѣ его созданія отличаются чистотою формъ, непринужденностью положеній и тщательною отдѣлкой.

Джонъ Гибсонъ облазанъ своею извѣстностію колоссальной статуей *Huskisson'a*, которая вполне заслуживаетъ своей славы. Предметы другихъ его произведеній заимствованы большею частію изъ Мифологіи. Лучшія изъ нихъ — «Гилласъ, увлекаемый нимфами въ рѣку», и «Психея», которую уносятъ вѣтры, созданная для сирь *John'a Beaumont'a* и вновь сдѣланная для Александра Торлоніи. Двое стройныхъ юношей, увѣчанныхъ розами, поднося на плеча прелестную дѣву со скалы, на которой она была оставлена, заботливо ее поддерживаютъ, и устремляютъ взоры на милое свое бремя. Психея, которой тѣло обнажилось отъ одежды, наклонившись нѣсколько впередъ, робко смотритъ внизъ и опирается обѣими руками на плеча юношей. Вся группа

чрезвычайно граціозна, и въ постановкѣ, и въ исполненіи. Однако не безъ-основанія порицають мотыльковы крылья у зефировъ; у Психей ихъ нѣтъ. Прекрасна также статуя «Амура», съ вьющимися волосами. Самое новое, впрочемъ неконченное, произведеніе Гибсона, есть «Амазонка», которая, оставивъ сраженіе, обнажила всю ногу, чтобы осмотрѣть полученную рану. Большая часть трудовъ этого художника находится, сколько извѣстно, въ Англіи.

Вайеттъ также съ большимъ дарованіемъ. Одною изъ удачнѣйшихъ его статуй можно назвать «Купающуюся няню», которая вступаетъ въ воду съ чрезвычайно наивнымъ движеніемъ, и съ превосходнымъ положеніемъ всего тѣла, и какъ-бы хочетъ узнать ногой глубину рѣки. Прочія его произведенія, — «Намфа», раздвѣающаяся для купанья; «Діана», извлекающая занозу изъ ноги любимой своей собаки; «Охотникъ», съ собакой; «Геба, Зефиръ и Флора», — также съ большими достоинствами; они граціозны; они отдѣланы со вкусомъ и тщаніемъ, однако еще больше получили бы цѣны, если бъ въ нихъ было болѣе разнообразія. Впрочемъ, Вайеттъ такъ удачно и легко трудится въ тѣсныхъ предѣлахъ своего рода, которому онъ предался по вкусу, что едва-ли позволительно желать, чтобы онъ оставилъ этотъ родъ и перешелъ къ героическимъ или другимъ болѣе возвышеннымъ предметамъ, требующимъ строгости въ стилѣ.

Въ нашъ вѣкъ, когда цѣлая фаланга женщинъ съ дарованіями съ такой честію оспариваетъ у мужчинъ преимущество въ наукахъ, словесности и художествахъ, одни ваятели еще оставались въ спокойномъ обладаніи своего искусства безъ помехи со стороны прекраснаго пола. Однако жъ нынче и они должны имѣть дѣло съ опасною соперницей. Mademoiselle Fauveau, ревностная карлистка, которая сопровождала герцогиню Беррійскую въ Вандейскомъ походѣ, поселилась съ своимъ семействомъ во Флоренціи, оставила политическія интриги, и обратилась къ мирнымъ занятіямъ рѣзца. Произведенія ея примѣчательны не потому, что надъ ними трудилась рука женщины: она имѣютъ особенное достоинство, и отличаются оригинальнымъ направленіемъ таланта художницы. Притѣромъ можетъ служить ея мраморный барельефъ «Франческа да Римини». Подъ балдахиномъ, напо-

минающимъ своимъ украшеніями Италіанскій вкусъ XIV вѣка, изображена сидящая Франческа; роковая книга, которая рѣшила ея судьбу, лежитъ у ней на колѣняхъ. Франческа читаетъ, и пальцемъ какъ бы слѣдитъ за словами, а подлѣ, съ лѣвой стороны, стоитъ на колѣняхъ ея возлюбленный: онъ устремилъ на нее страстный взоръ, и положилъ обѣ руки на ея лѣвую руку. Вся эта сцена дышитъ полнымъ и чистымъ чувствомъ. Обѣ фигуры выражены съ большою вѣрностью въ одеждѣ того времени. Вверху, по-серединѣ, надъ самою группой, видѣнъ Миносъ, какъ онъ описанъ Данте; на двухъ пирамидахъ — души несчастныхъ любовниковъ, въ образѣ серафимовъ, которые съ отчаяніемъ закрываютъ лица; въ ногахъ Миноса гербъ мужа Франчески. На заднемъ планѣ, любовники находятся въ объятіяхъ другъ друга, тогда какъ сатана расправляетъ надъ ними свои широкія крылья. Въ мастерской художницы можно еще видѣть кинжалъ чрезвычайно искусной отлѣвки, который, за нѣскольکو лѣтъ, на Парижской выставкѣ, привлекъ къ себѣ общее вниманіе, и статую «Ангела», освѣщающаго правою рукою и крыломъ сосудъ съ святой водой.

По части живописи, я упомяну на этотъ разъ только о большомъ произведеніи Леопольда Шульца, которое будетъ отправлено въ Германію. Колоссальная эта картина изображаетъ «Смерть Святаго Флоріана», и достойна похвалы во многихъ отношеніяхъ. Она вышиною въ тринадцать, а шириною въ восемь футовъ. Въ началѣ третьяго столѣтія, Флоріанъ, служившій въ Римскомъ легіонѣ въ Лауреакумѣ, подвергся гоненію Римскаго намѣстника за приверженность свою къ христіанству, и кончилъ жизнь мученическою смертію: его сбросили съ моста въ рѣку, съ жерновымъ камнемъ на шеѣ. Художникъ избралъ тотъ самый моментъ, когда два воина, исполнители приговора, схвативъ стоящаго на колѣняхъ мученика, ожидаютъ только приказанія, чтобы бросить его въ воду. По лѣвую сторону Святаго, стоитъ намѣстникъ съ лякторомъ и двумя воинами, по правую Святая Валерія, подлѣ нея пастухъ, а позади другая женщина. Надъ головами ихъ нарядъ два ангела. Мученикъ простираетъ руки и взоры къ небесамъ, которыя скоро его пріймутъ. Голова его чрезвычайно хороша, и исполнена сильной выразительности.

Въ чертахъ лица не видно ни страха, ни даже участія къ земному. Онъ весь проникнуть мыслию о близкомъ своемъ преставленіи. Присутствіе Святой Валеріи придаетъ этому трагическому явленію еще болѣе силы. На лицѣ ея ясно выражено, что она постигаетъ всю важность этого мгновенія. Святой восторгъ, удивленіе, соревнованіе, обнаруживаются во всемъ положеніи прекрасной фігуры. Въ противоположность ей, художникъ поставилъ другую женщину: въ движеніяхъ ея выказывается одно только состраданіе съ ужасомъ. Пастухъ, увлеченный безотчетнымъ удивленіемъ, готовъ воздать мученику почестъ святости, и, съ простертыми къ нему руками, уже возсылаетъ ему свои молитвы. Совсѣмъ другой характеръ данъ стоящему по другую сторону намѣстнику. Голова его совершенно Римская, фізіономія исполнена желѣзной воли, въ которой больше отражается неутомимая гордость сановника чѣмъ настоящая жестокость. Его сопровождаютъ ликторъ и два вонна; первый, кажется, не принимаетъ во всемъ дѣйствіи ни какого участія и стоитъ въ готовности исполнить по первому знаку приказаніе: эта фігура здѣсь очень кстати, чтобы придать болѣе важности и значенія высокому сану намѣстника. Другой воинъ насмѣшливо улыбается. Чтó касается до вонновъ, готовыхъ свергнуть мученика, то они невольно бросаются въ глаза. Стоящій съ правой стороны внимательно смотритъ на товарища, чтобы въ одно съ нимъ время наложить руку на свою жертву и бросить ее въ рѣку, тогда какъ другой ухватилъ уже мученика за цѣпь, у самой шеи. Парящіе надъ этими группами два ангела, одинъ съ крестомъ Искупителя, другой съ пальмовою вѣтвью, оба вмѣстѣ держатъ вверхъ лавровый вѣнецъ. Сверхъ-того картина Шульца отличается прекрасною отдѣлкой. Художникъ — превосходный рисовальщикъ; движенія фигуръ его благородны и полны драматической страсти, безъ преувеличеній. Воплоивъ судить о колоритѣ и освѣщеніи, пока, нельзя, потому что картина еще только мѣстами кончена.

Во Флоренціи составилось общество, съ намѣреніемъ воздвигнуть статуи двадцати восьми знаменитѣйшимъ мужамъ Тосканы. Для четырехъ, именно Махиавелю, Леопарду да Винчи, Андрею Кассальпини и Микель-Анджело Буонароти,

онѣ уже заказаны хорошимъ скульпторамъ. Члены общества вносятъ каждый мѣсяцъ по пяти лировъ на расходы предпріятія.

АНГЛІЙСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ И АФНИШКИ. Мы, Русскіе, въ нашей патриархальной простотѣ, едва ли можемъ составить себѣ понятіе о настоящемъ, высокомъ шарлатанствѣ, какимъ отличается геній Англійской образованности. Большая часть нашихъ читателей знаютъ только продѣлки въ этомъ родѣ Французовъ, которыхъ шарлатанство, признаться, такъ же жалко, какъ философія, политика и краснорѣчіе. Надобно быть въ Лондонѣ, чтобы въ полной мѣрѣ увидѣть, до какой степени шарлатанства можетъ возвыситься умъ человѣчскій. Гигантскіе листы бумаги, литеры въ четыре аршина, странные эпитафии, проза, стихи, остроуміе, наглость, все, что только можетъ поразить, разсмѣшить, увлечь, употребляется въ этой странѣ промышленности и удушливаго соперничества на объявленія о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Вотъ, для образца, объявленіе о ваксѣ и одна театральная афнишка.

Объявленіе о ваксѣ было напечатано нѣсколько разъ сряду на оберткѣ ученаго журнала *Mechanic's Magazine*. Вверху — колоссальное число 30; подъ числомъ сонетъ :

СОНЕТЪ

ПОСВЯЩЕННЫЙ Г. ВАРРЕНУ,

сочиненіе

одной Французской дамы, въ день въѣзда его въ Лондонъ.

Переводъ съ Французскаго.

I've seen dew-drop fall from high,
 I've seen its influence on flower;
 I've ponder'd o'er its brillancy,
 And love its all-respendent power.
 And oft I've seen Golconda's gem
 Glitter upon the diadem:
 But ne'er saw I that beauteus bloom,
 That on my bright shoes here is set,

Nor thought I they could e'er assume
 Such a refulgent glossy glossy jet!
 For WARREN'S Blacking there displays
 Beauty on which I ne'er thought to gaze.
 Then WARREN, take the praise of one
 Whose best of wishes thou hast won!

«Я видѣла, какъ серебряная капля росы падаетъ съ высоты; видѣла благотворное дѣйствіе ея на цвѣтокъ; любовалась на ея сіяніе, и люблю ея полное блеска волшебство.

«И часто видѣла я, какъ дорогой камень Голконды великолѣпно мерцаетъ въ вѣнцѣ: но никогда не ведала такого красиваго лоску, какой теперь вижу на монхъ блестящихъ башмакахъ.

«И никогда я не думала, чтобы они могли принять такой лучезарный, огненный отливъ! Но вакса Варрена измила на нихъ свои прелести. —

«И такимъ образомъ не удивительно, что я вижу красу, какой прежде и не воображала. Приими же, Варренъ, дань похвалы и благодарности отъ той, чье сердце покоришь ты своей ваксой!»

•Продается — по 30 копѣекъ за банку.»

Вотъ афишка провинціального театра, изданная въ новый годъ въ Литтль-Педдингтонъ, небольшомъ городѣ, лежащемъ въ пятидесяти верстахъ отъ Лондона.

КОРОЛЕВСКІЙ ЛИТТЛЬ-ПЕДДИНГТОНСКІЙ

ТЕАТРЪ.

Мистеръ Стротъ имѣетъ чувствительное удовольствіе извѣстить почтенное Дворянство, Гражданство, и вообще всю почтеннѣйшую публику, что съ 1 января 1817 года онъ имѣетъ честь вступить снова въ главное управленіе этимъ театромъ, который будетъ открытъ въ слѣдующій поведѣльничъ; и принимаетъ смѣлость ласкать себя надеждою, что

РАЗЛИЧНЫМИ И МНОГОЧИСЛЕННЫМИ НОВОСТЯМИ,

ВСЕ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ!!

которыя нынѣ изготавливаются, будутъ слѣдовать одна за другой

ВЪ САМОБЫСТРѢЙШЕЙ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ;

которыя будутъ представлены съ
БЛЕСКОМЪ! ПЫШНОСТЮ! ВЕЛИКОЛЪПШЕМЪ!
 до сихъ-поръ невиданными и безпримѣрными въ исторіи театровъ; и
 которыя будутъ произведены
 не смотря на издержки и не взвѣряя на расходы!
 которыя касательно

видовъ! костюмовъ! декорацій и принадлежностей!
 заготавливаемыхъ въ само-огромнѣйшемъ размѣрѣ, какого никто донинѣ
 не предпринималъ, и который теперь только предпринимается въ
 первый разъ, представлять совокупность прелестей

ВНѢ ВСЯКАГО СОСТЯЗАНІЯ!!!

Въ добавокъ къ тому, мистеръ Стротъ имѣетъ искреннее счастье
 извѣстить, что ему удалось, съ пожертвованіемъ великихъ денежныхъ
 суммъ, совокупить

ВЪ ОДНУ ФАЛАНГУ

СОЕДИНЕНІЕ СОВОКУПНЫХЪ ТАЛАНТОВЪ!!!

какое никогда еще не было совокупляемо на поприщѣ ни одного въ
 мірѣ театра, и производить дружный, тождественный

УДАРЪ СОВОКУПНАГО ОЧАРОВАНІЯ!!!

которое не вѣдется никакого соперничества!!!

Мистеръ Стротъ считаетъ долгомъ своимъ извѣстить, что кромѣ
 многихъ другихъ знаменитыхъ артистовъ, съ которыми онъ намѣренъ
 вступить въ переговоры, ему удалось ангажировать для этого театра
 слѣдующіе отличные и отборные таланты:

Messieurs **ШНОКСЕЛЬ,**
ВАДДЛЬ,
ЕВГЕНІЙ СТРОТЬ,
СТАНИСЛАВЪ СТРОТЬ,
СТРАЙДЪ,
СТЕГГЕРЪ,
ТИПЛЬТОНЪ.
 Mesdames **БРИГГЛЗВЕДЪ,**
СТРОТЬ,
Е. СТРОТЬ,

Т. СТРОТЪ,
ВАРЕЛЬ,
Mademoiselle САРА ДЕЗАНТРЕ.

и

*Господа Гигсъ, Нигсъ, Пигсъ, Вигсъ, Джигсъ, Т.
Джигсъ, В. Джигсъ, Бригсъ и Стригсъ,*

а также

*Госпожи Нобсъ, Гобсъ, Добсъ, Е. Добсъ, Л. Добсъ,
Д. Добсъ. Вобсъ, Фобсъ и Снобсъ,*

и

МИССЪ ДЖУЛИЯ РИГГЛЪ,
*которая не играла еще ни на одномъ театрѣ
и для удовольствія златоковъ*

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ!!!

будеть играть на Литтль-Педдингтонской сценѣ.

Спектакль начнется совершенно новой, ни гдѣ не игравшей и въ первый разъ представляемой мелодрамою, основанной на истинномъ происшествіи, состоящемъ въ трогательномъ, варварскомъ и весьма занимательномъ смертоубійствѣ Мары Сквигсъ, подъ названіемъ:

ТОПОРЪ УЖАСА

или

РАЗРУБЛЕННАЯ НАДВОЕ МОЛОЧНИЦА.

*Главные роли будут выполнены слѣдующею, досель не-
виданною совокупностью талантов!!!*

ГОСПОДА: СНОКСЕЛЬ, СТРАЙДЪ, ВАДДЪ, ЕВГЕНІЙ
СТРОТЬ И СТЕГГЕРЬ.

ГОСПОЖИ: БРИГГЛЗВЕДЪ, Т. СТРОТЬ, МИССЪ ВАРБЪ
(съ арією),

МАМЗЕЛЬ САРА ДЕЗАНТРЪ
(*pas de seul*),

а роль Мары Сквигсъ (*разрубленной молочницы*) приняла на себя
МИССЪ ДЖУЛИЯ РИГГЛЗЪ.

Во время представленія явятся — пышная, совершенно новая, де-
корация, изображающая

РОКОВОЙ КОРОВІЙ ХЛЕВЪ!

Въ которомъ злодѣяніе совершилось;
равно какъ и подлинный

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТОПОРЪ, СЪ КЛОКОМЪ ВОЛОСЪ, ПРИЛИП-
ШИМЪ КЪ НЕМУ!!

Помощію котораго злодѣяніе совершилось;

И будетъ приведена на сцену
та же самая

ЛЮБИМАЯ КОРОВА РАЗРУБЕННОЙ МОЛОЧНИЦЫ!!!

Изъ-за которой злодѣяніе совершилось.

Съ присовокупленіемъ въ концѣ пьесы любимой аріи

ЗНАМЕНИТОЙ МИССЪ ДЖУЛИИ РИГГЛЗЪ.

Всгдѣ за этой мелодрамой представленъ будетъ новый, весьма
изящный, водевиль, написанный по правиламъ здравой критики, ко-
торая не одобряетъ неестественнаго соединенія пѣсней съ разговорами
о дѣлѣ; водевиль не только безъ куплетовъ, но и безъ всякаго акком-
паньмента, въ одномъ дѣйствіи, подъ заглавіемъ:

КРУГОМЪ МОЕЙ ШЛЯПЫ,

и разыграть слѣдующею могущественною совокупностью артистовъ!!

Господинъ ТИПЛЬТОНЪ,

Господа: Пигсъ, Джигсъ и Бригсъ; Mesdames: Гобсъ,
Фобсъ, Снобсъ

и

МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪЗЪ

(съ арією).

Которому непосредственно будетъ предшествовать модная, совершенно новая, интермедія, подъ названіемъ:

КТО ВЫ

ТАКОВЫ?

Гдѣ въ главныхъ роляхъ явятся

Господа ТИПЛЬТОНЪ и ДЖИГЪСЪ

и

МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪЗЪ.

Передъ которою произнесетъ приличную случаю рѣчь

МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪЗЪ;

Вслѣдъ за которою споетъ она любимую арію

BROAD-SWORD HORNPIPE,

и

Г. АВГУСТЪ СТРОТЪ

будетъ пѣть въ продолженіе вечера смѣшную комическую пѣсню.

Спектакль закончится

нигда не играяною, очень смѣшною, фарсомъ подъ названіемъ :

БЫТЬ ЕЙ АКТРИССОЮ.

Дѣйствующія лица :

ПОЛКОВНИКЪ ДЕШЬ..... МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!
 АРЛЕКИНЪ..... МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!
 ВЕНЕРА..... МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!!
 МОЛИИ, Ирландская дѣвушка МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!!!
 ДЖЕННИ, Шотландская дѣв... МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!!!
 ШАРЛОТТЪ, Французская дѣв. МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!!!
 МАТГЛЬДА, Нѣмецкая дѣвушка МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!!!
 ЛЕДИ КЛАРА, Англійская леди МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ!!!!

NB При этомъ торжественномъ случаѣ Гг. СНОКСЕЛДЪ
и БРИГГЛЗВЕДЪ будутъ играть.

По случаю этого дня Г. ТИПШЛТОНЪ будетъ
играть.

☞ Мистеръ Стротъ считаетъ долгомъ обратить вни-
маніе почтенной публики на то, что по случаю такого
празднества миССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ, миССЪ ВАРБЛЪ
и мамзелъ САРА ДЕЗАНТРЕ будутъ играть.

ПРИ ЭТОМЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СЛУЧАѢ

МИССЪ ДЖУЛІА РИГГЛЪ

будетъ играть въ двухъ пьесахъ!!

ПРИМѢЧАНІЕ. По случаю открытія
театра **ВСЯ** могущественная и безпри-
мѣрная совокупность драматическихъ

артистовъ, ангажированная нарочно для этого театра, и выше подробно поименованная, **БУДЕТЬ ИГРАТЬ!!**

=

ЛИССАБОНСКІЕ ТЕАТРЫ. Въ столицѣ Португаліи, пишеть одинъ Нѣмецкій путешественникъ, корреспондентъ *Morgenblatt*'а, всѣхъ театровъ числомъ пять. Первое мѣсто, по величинѣ, занимаетъ Real Theatro de San Carlos. Это аристократическій театръ; на немъ даютъ Италіевскія оперы и балеты. Я былъ въ немъ въ тотъ сѣмый вечеръ, когда явилась королева съ молодымъ супругомъ. То было въ воскресенье. Жители столицы выходивше въ необыкновенно движениі, еще полные празднествъ и торжественныхъ процессій. Толпы шумно волновались на улицахъ и площадяхъ: все стремилось въ Санъ-Карлосъ.

Наружный видъ Санъ-Карлоса произвелъ надо мной выгодное впечатлѣніе. Я увидѣлъ передъ собой большое зданіе, въ высокомъ стилѣ, однако безъ лишней архитектурной роскоши. У многочисленныхъ подъѣздовъ и въ главныхъ свѣдѣхъ была необыкновенная тѣснота. Площадь загромождалась лошадьми, ослиами, носилками, солдатами, народомъ, и тѣми странными двуколками, которыя, съ парю своихъ лѣпивыхъ муловъ, служатъ настоящимъ Лиссабонскимъ экипажемъ. Внутренность театра вѣстительна; вслѣдствіи украшена и хорошо освѣщена. Ложи въ четыре или пять рядовъ. Королевскія ложа занимають середину. Вниманіе мое усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ ложахъ показывались прѣстольныя наряды дамъ и великолѣпные мундиры ихъ караверовъ. Чрезвычайно пестрый аллегорическій занавѣсъ, нарочно написанный на этотъ случай, вполнѣ отличался *Лужининымъ безвкусіемъ*. По совершенно Португальскому обычаю, всѣ ложи перваго яруса снабжены были гербовыми занавѣсами, болѣе или менѣе богатыми, какіе можно видѣть въ дворцахъ, каретахъ и носилкахъ. Занавѣсъ, котораго еще скрывалъ королевскую ложу отъ

зворовъ публики, былъ голубой бархатный съ богатыми серебряными шитьемъ. Наконецъ, пробило восемь часовъ: ожиданіе публики удвоилось; все обратилось спиной къ сценѣ, и вперили глаза въ ложи. Вдругъ послышался къ ней тихій, странный свистъ, а за нимъ вскорѣ другой; занавѣсъ ложи былъ поднятъ. Королева, въ богатомъ нарядѣ, объ руку съ своимъ молодымъ мужемъ, появилась у самаго барьера; по лѣвую сторону ихъ была Бразильская императрица. Громкія восклицанія четыре раза раздались въ залѣ, и четыре раза королевская фамилія отвѣчала на нихъ поклономъ. Оркестръ заигралъ Португальскую народную пѣсню. Въ то же время не замѣтно поднялся занавѣсъ сцены, и музыка сдѣлала переходъ въ увертюру оперы.

Первое, что меня поразило, была прекрасная декорация, которая сдѣлала бы честь первому Европейскому театру. Названія оперы и имени композитора не знаю. Пѣвцы и пѣвицы, Италіянцы, хороши, особенно прима-донна и басъ. За вторымъ актомъ послѣдовалъ балетъ, который всегда даютъ здѣсь за вторымъ актомъ оперы. Танцовры и танцоврки были Французы.

Санъ-Карлосскій театръ есть королевское заведеніе; оперные и балетные актеры получаютъ жалованье отъ правительства и находятся подъ управленіемъ гофъ-интенданта. Но самое строеніе принадлежитъ графу Фарробо. Оркестръ многочисленный и музыка, что рѣдкость въ Португаліи, хороша. Здѣсь нѣтъ обычая разносить по домамъ афишекъ или заманивать публику разнообразіемъ пѣсень. Напротивъ-того, по примѣру Италіянцевъ, одну хорошую и любимую оперу представляютъ каждый вечеръ до-тѣхъ-поръ, пока она всѣмъ не надоесть. Такимъ образомъ Португальцы утвердили почти все произведенія Россіи, Беллини, Обера и другихъ.

Второй театръ, по степени важности, есть Théâtre français. На стѣнахъ бывшаго виквизиціоннаго судилища красуются его афишки, которыя, выходя изъ Португальской типографіи, невольно смѣшаны забавными ошибками. Театръ этотъ не отличается ни величпою ни внутреннимъ украшеніемъ; въ немъ всего только два ряда ложъ. Наружнымъ видомъ онъ не можетъ равняться ни съ однимъ Француз-

скимъ провинціальнымъ театромъ второго класса. Несмотря на это, онъ, больше чѣмъ Санъ-Карлосъ, посѣщается знатью, дипломатическимъ корпусомъ и иностранцами. Королева съ супругомъ бываетъ въ немъ почти ежедневно. Но посѣдшімъ къ національнымъ театрамъ.

Преходя по узкимъ и многолюднымъ улицамъ Лиссабона, нельзя не замѣтить тѣхъ огромныхъ размалеванныхъ картинъ, которыя невольно бросаются въ глаза, въ числѣ множества разнаго содержанія объявленныхъ, приклеенныхъ къ угламъ лучшихъ зданій. Онѣ представляютъ самыя чудныя вещи; здѣсь отвратительную пытку въ монастырѣ, въ присутствіи дородныхъ инквизиторовъ; тамъ рыцаря, который складываетъ вѣстѣ руки влюбленной четы; на одной взятіе штурмомъ города; на другой семь дѣвушекъ въ мундирѣ. Всѣ эти живописныя выѣски, которыя каждый день смѣняются, служатъ самыми краснорѣчивыми афишами для трехъ національных театровъ: онѣ обольщаютъ, увлекаютъ, обвораживаютъ и вѣстѣ знакомятъ съ содержаніемъ пьесъ безграмотную публику. Въ числѣ ихъ попадаются такія, въ которыхъ видно даже дарованіе живописца. Такимъ образомъ, бѣольшую часть переведенныхъ на Португальскій языкъ драмъ Французскихъ, Англійскихъ, Нѣмецкихъ, можно видѣть на улицѣ въ картинной галлерей особаго рода.

На восточномъ концѣ города, на Салитрской площади, находится Theatro Nacional do Salitro, и подлѣ него Олимпійскій циркъ. Большое мрачное строеніе, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній. Игра актеровъ переносила мое воображеніе въ третеклассный Нѣмецкій театръ какого-нибудь городка, который на зиму выписываетъ труппу странствующихъ актеровъ, чтобы не отсгать отъ вѣка. Та же декламация; то же размахиваніе руками; герон и героники уходятъ со сцены съ такимъ же шумомъ. Публика здѣсь другая; это уже не высшее общество, а просто народъ, съ своими громкими замѣчаніями, съ шумнымъ выраженіемъ похвалы или порицанія, народъ бѣлый и народъ черный, оба ровно грязные. Черный — безъ всякой метафоры: я говорю о неграхъ. Въ антрактахъ, прекрасные мальчики, съ полными корзинами сахарной воды и льду, пробираются между скамьями, и громко предлагаютъ свой прохладительный товаръ.

Въ Салитрѣ имѣлъ я также случай видѣть странный примѣръ Португальскаго образа одержать благочиніе. Впереді меня, на скамейкѣ, усѣлся какой-то молодой человекъ лѣтъ семнадцати, который во время представленія велъ себя очень безпокойно. Подлѣ него, совершенно смирно, сидѣлъ негръ однихъ почти лѣтъ. Варугь негръ, совсѣмъ безвинно, получилъ крѣпкій сабельный ударъ по головѣ отъ солдата національной гвардіи, который стоялъ подлѣ меня. Удивленный негръ оглянулся съ выраженіемъ боли въ лицѣ, и вмѣстѣ съ нимъ оглянулся его безпокойный сосѣдь; солдатъ съ улыбкой погрозилъ пальцемъ. Молодой человекъ тотчасъ присмирѣлъ, негръ также не сказалъ ни слова. Я не могъ не замѣтить солдату, что негръ былъ безвиненъ. «Si, Senhor» — отвѣчалъ гвардеецъ: *mas esta Negro è o outro esta fidalgo!* «Да, сударь; но онъ негръ, а тотъ дворянинъ».

Салитра и циркъ ея даюгь понятіе о двухъ остальныхъ театрахъ. Еще недавно, въ царствованіе донъ Мигеля, они служили всѣ три поприщами для сраженій быковъ. Стоитъ только войти въ огромный Салитрскій циркъ, чтобъ убѣдиться, съ какою страстію дворъ, дворянство и народъ были преданы этимъ представленіямъ. Национальное великолѣпіе Пиренейскаго полуострова является здѣсь во всемъ блескѣ. Пять рядовъ ложъ, въ срединѣ королевская, украшенная богатѣйшими бархатными занавѣсами, занимають одно полукружіе цирка; насупротивъ возвышается до самаго верха амфитеатръ для народа. Внизу, подъ этими мѣстами, и подъ ложами, находятся уборныя комнаты для актеровъ и артистовъ верховой вѣды, — прежде онѣ служили для тореировъ, — помѣщенія для коней, медвѣдей, львовъ, собакъ и другихъ звѣрей, употребляемыхъ въ подобныхъ игрищахъ, и залы для отдохновенія публики. Чрезвычайно высокая стѣна, окружающая циркъ, украшена по самому верхнему краю, на каждыя десяти шагахъ, военными трофеями, знаменами, штандартами. Наметомъ всему этому великолѣпному амфитеатру служитъ вѣчно голубое, прекрасное небо Лузитаніи.

Представленія этихъ цирковъ чрезвычайно разнообразны и занимательны. Всѣ вкусы, отъ самаго грубаго до самаго утонченнаго, находятъ здѣсь удовлетвореніе. Плѣска на ка-

нать, игры на коняхъ и сраженія съ звѣрями, сивляютъ и большими военными эволюціями, въ которыхъ маневры пѣхоты, кавалерійскія атаки, штурмы, громъ пушекъ, трескъ гренадъ, напоминають настоящую войну со всѣмъ ея торжествомъ и ужасомъ. Въ заключеніе сожигается иногда большой фейерверкъ. Лиссабонскіе цирки не уступаютъ Парижскому, который Франкони прославилъ своимъ искусствомъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Huit ans de plus, Восемью годами старше*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Fourquier и Arnould.

Жена восьмью годами старше своего мужа — женщина преопасная. Генриетта была еще хороша; природа одарила ее сердцемъ нѣжнымъ и чувствительнымъ. Генриетта обожаетъ молодого своего кузена Дюмениля, которому только двадцать лѣтъ отъ роду, а онъ и не воображаетъ себя, что милая кузина влюблена въ него по-уши. Къ несчастію, какой-то докторъ, одинъ изъ тѣхъ докторовъ, грубыхъ и добрыхъ, которыхъ никто не спрашиваетъ и которые вездѣ суются въ нынѣшней драмѣ, вздумалъ сказать Дюменилю: «Бѣги! кузина твоя влюблена въ тебя.» — Бѣжать! чего бѣжать? отвѣчаетъ Дюмениль: избави Богъ! Напротивъ, я бѣгу жениться на доброй Генриеттѣ, которая влюблена въ меня. — Сказано, сдѣлано. Дюмениль женился на Генриеттѣ, несмотря на то, что у ней восемь лѣтъ въ барышахъ.

Прошло пять лѣтъ. Дюмениль почти также молодъ, какъ былъ въ день свадьбы; но Генриетта сдѣлалась вдвое старше и вдвое нѣжнѣе, и уже ревность закралась въ ея тридцати-трехъ-лѣтнее сердце. Зато, правду сказать, жена уже порядочно наскучила молодому супругу. На бѣду привзжаетъ къ нимъ хорошенькая, миленькая, и притомъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Полина. Въ самый день ея пріѣзда, Дюменилю показалось, что жена уже не восьмью, а двадцатью-восьмью годами старше его. Полина молода, рѣзва, смѣшлива, ни сколько не ревнива, и, въ добавокъ, чудо какъ хороша. Смѣтливая Генриетта тотчасъ поняла въ чемъ дѣло: она написала духовную и бросилась въ рѣку.

Сначала Дюмениль заплакала, погоревать, пожалеть о жене, какъ дѣлають все порядочные люди; а потомъ, какъ дѣлають все безутешные мужья, разсвѣхотъко черезъ годъ женился на Подицѣ. Но бѣдняжка Генриетта не вытерпѣла, не могла оставаться въ рѣткѣ долѣе года: правду сказать, и того довольно. Когда молодые воротились изъ церкви, она вдругъ является къ мужу, какъ будто ни въ чемъ не бывала. Дюмениль ужасно перепугался, вспомнилъ старинную аксіому Французскаго права: «За многоженство — на висѣлицу!» Къ счастью, старая жена, пода свою пресмыццу, рѣшилась забыть его отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, и опять утонула.

Дѣйствіе въ этой драмѣ быстро и ясно; разговоръ живой и пріятный; интересъ безпрерывный.

2. *Jonathan-le-Maudit, Жонатанъ Проклятый*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Мёгу.

Въ драмахъ своихъ, господинъ Мёгу распорядается такъ же отважно, какъ и въ своихъ поэмахъ: идетъ, бѣжитъ, дѣлать; слѣпо повинуется своей идее; пренебрегаетъ обыкновенными драматическими предосторожностями, не умѣетъ ни приготовить сцены, ни кстати привести разсказъ, ни приостановить развязку и приковать вниманіе зрителей къ ходу происшествій. Для него все это трюкъ-трава: идетъ себѣ впередъ и не оглядывается; не видитъ преградъ, которыя встрѣчаются ему на пути, и поминутно разбиваетъ себя носъ о преграды, то есть, о страсти человѣческія. Таковъ былъ всегда Г. Мёгу, который пишетъ съ легкостью, беззаботно выливаетъ на бумагу все, что водна мысль пригонитъ въ его голову, и не думаетъ о читателѣ. Въ немъ много хорошаго, но много и вздорнаго.

Жонатанъ Проклятый проклятъ отцемъ своимъ. За что? Объ этомъ Г. Мёгу не говорить ни слова: а не мѣшало бы однако жъ сказать. Обремененный отцовскимъ проклятіемъ, Жонатанъ бросается въ объятія моря, или, — *презрѣнной прозой говоря*, — вступаетъ въ морскую службу. Англичане берутъ его въ плѣнъ, и онъ двѣнадцать лѣтъ проводитъ у нихъ «на контовахъ».

Потомъ, Жонатанъ возвращается во Францію съ товарищемъ и другомъ своимъ, Морисомъ. Едва выступивъ на бе-

регъ, онъ, тутъ же на берегу, встрѣчаетъ хорошенькую дѣвушку, — да такую хорошенькую, что бѣдный Жонатанъ скоропостижно въ нее влюбляется. Чтобы скорее повратиться Селестинъ, проклятый выдаетъ себя за ея жениха, де-Сентюбера, котораго она еще не знаетъ; но намѣрена узнать какъ-нибудь до свадьбы. Г. де-Сентюберу донесли объ этомъ подлогъ: онъ ужасно взбѣсялся; онъ дышитъ мщеніемъ, и спѣшитъ къ Селестинъ. Между-тѣмъ Морись, какъ-будто нарочно, разгуливаетъ по берегу моря. Г. Сентюберъ принимаетъ этого проклятаго за Жонатана, и предлагаетъ ему стрѣляться черезъ платокъ. Морись не хочетъ выводить его изъ заблужденія, и, чтобы спасти друга, принимаетъ учтивое предложеніе Г. Сентюбера. Тотъ его убиваетъ. Бѣдный Морись! Но сцена ужасна и прекрасна: къ несчастію, она ни сколько не приготовлена, точно такъ же какъ и всѣ прочіи. Проклятый Жонатанъ, котораго попутало проклятіе, узнаетъ, что Селестина — сестра его. Аваема! И въ это самое время море выбрасываетъ трупъ убитаго друга его, Мориса. Проклятый хочетъ отомстить за него; хочетъ убить проклятаго жениха сестры своей. Но Сентюберъ не соглашается еще разъ драться: онъ уже убилъ одного челоуька и этого, по его мнѣнію, довольно; впрочемъ, если угодно Г. Жонатану, онъ самъ себя убьетъ. Жонатанъ говоритъ: «Извольте!» Но тутъ открываются новыя обстоятельства дѣла. Отецъ Жонатана, этотъ безтолковый отецъ, который проклинаетъ сыновей своихъ самъ не зная за что, запутался въ какихъ-то политическихъ козняхъ, и приговоренъ къ смертной казни. Между-тѣмъ какъ проклятый Жонатанъ, ослѣпленный его проклятіемъ и своей бешеною страстью, собирается похитить Селестину, онъ вдругъ видитъ этого отца, котораго отыскиваетъ полиція. Тутъ ненависть его къ отцу за несправдливое проклятіе, прекращается. При видѣ родителя, онъ останавливается въ изумленіи, въ нерѣшимости; преступная страсть перестаетъ бушевать въ его сердцѣ; чтобы спасти отца, онъ отдаетъ ему веревочную лѣстницу, которую приготовилъ было для другаго употребленія; Сентюбера женятъ на сестрѣ, которую хотѣлъ похитить; запрещаетъ шурину своему убивать самого себя, надѣваетъ платье отца, и выходитъ на встрѣчу

сѣщикамъ : его схватили, и *весьма аркибузировали*. Нечего сказать, рѣшительный человекъ!

3. *Paraviedes, Паравіедесъ*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, гособщи ¹⁸⁴⁴, которая не хочетъ сказать своей фамиліи.

Драма, заимствованная изъ романа «Желтый паспортъ». Въ 1823 году, во время Испанской войны, молодой Французскій офицеръ употребилъ во зло гостепріимство, которое оказалъ ему одинъ Испанецъ: онъ обольстилъ его супругу, сеньору Паравіедесъ. Испанецъ далъ себѣ честное слово отмстить проклятому Французу, и черезъ восемь лѣтъ сдѣлался банкиромъ въ Парижѣ. Здѣсь Г. Паравіедесъ встрѣчаетъ Гастона, вышеръченного проклятаго Француза: какъ старинный пріятель, онъ пожмаетъ его руку; какъ банкиръ, онъ даетъ ему въ займы денегъ, и славиваетъ дѣло такъ искусно, что черезъ нѣсколько времени Гастона тащутъ въ судъ за выдачу *какъ бы* фальшиваго векселя, засуживаютъ, выставляютъ у позорнаго столба, и ссылаютъ на каторгу. Гастонъ преспокойно высживаетъ свои пять лѣтъ каторги не хуже всякаго другаго каторжника.

Раздѣлавшись съ юстиціей, Гастонъ получаетъ обыкновенный картожническій паспортъ и идетъ путемъ дорогой. Вотъ приходитъ онъ въ какой-то замокъ, и видитъ въ замкѣ женщину, въ которую былъ влюбленъ до каторги. Блѣдность и задумчивость Гастона возбудили жалость въ сердцѣ прекрасной помѣщицы: она принимаетъ его, какъ усталаго путника; вскорѣ жалость ея превращается въ любовь, и гостепріимство милой хозяйки доходитъ до того, что она готова выйти за своего гостя замужъ. Гастонъ радъ бы жениться на Фанни: но какъ ему сказать свой чинъ, имя и фамилію? Чаятъ у него очень нехорошъ. Между-тѣмъ, откуда ни возмись въ замокъ, какъ будто съ неба упалъ одинъ бѣглый каторжникъ: тотъ избавляетъ его отъ труда рассказывать свои похождения, и докладываетъ помѣщицѣ, что ея женихъ освобожденный каторжникъ. Все кончено! Обезславленный Гастонъ покидаетъ свою любезную, и бѣжитъ куда глаза глядятъ. Дорогою, его застигаетъ буря. Онъ стучится въ дверь уединенной хижинны: и кого жъ онъ тамъ видитъ? Паравіедеса, который умираетъ смертію проклятыхъ. Къ счастью, прежде чѣмъ испустить духъ, Паравіедесъ вспоминалъ, что

онъ христіанинъ: онъ объявляетъ себя вѣдѣющимъ, возвращаетъ честь и славу Гастону, и тотъ женится на Фанинѣ. Впрочемъ, онъ — не первый честный катержничекъ, который женится въ нынѣшней Французской литературѣ, на графиню или принцессу. Это бы еще ничего; но дурно то, что есть женщины, до того безнравственныя и безстыдныя, что въ состояніи писать подобныя драмы. Такъ какъ въ этой драмѣ много говорится противъ брака и въ пользу женщинъ, которыя несогласны съ духомъ чистаго брака, то ее приницаютъ госпожѣ d'Abantès, госпожѣ d'Udevant, и многичъ другимъ дамамъ того же десятка. Тѣмъ хуже для той, которая сочинила подобную мерзость, недостойную прекраснаго пола.

4. Le Muet de Barcelonne, *Барселонскій Немой*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Deuеux.

Надобно сказать правду, что его свѣтлость Испанскій герцогъ Альмарада — престранный герцогъ. Наскучивши тѣмъ, что его любятъ всѣ прекрасныя дамы, онъ женился на дѣвчкѣ, которая и не думала любить его, и которую онъ только разъ видѣлъ въ церкви.

Герцогъ молодъ и хорошъ, но онъ, къ удивленію своему, замѣчаетъ, что жена его не любитъ. Герцогиня вздыхаетъ, и часто уходитъ въ свою комнату, чтобы на свободѣ поплакать. Тщетно герцогъ увозитъ ее въ свой замокъ неподалеку отъ Барселоны: въ замкѣ герцогиня скучаетъ пуще чѣмъ въ городѣ. Чтобы разсѣять молодую супругу, его свѣтлость посылаетъ за докторомъ.

Докторъ пріѣзжаетъ; но только не одинъ: съ нимъ является прекрасный молодой человекъ, который выдаетъ себя за брата герцогини Альмарада. Между-тѣмъ онъ не братъ ея, а любовникъ; любовникъ настоящій Испанскій — башенный, резавый, безжалостный: въ случаѣ нужды, онъ готовъ даже пить кровь своего соперника. Чтобы сбить съ рукъ герцога Альмараду, Октавіано, — такъ зовутъ отчужденнаго любовника, — привозитъ съ собою двухъ наемныхъ убійцъ, и сверхъ-того самъ носить кинжалъ за поясомъ и алъ въ карманѣ. Онъ безпрерывно твердитъ, что герцогу въ живыхъ не бывать.

Добрый и доверчивый герцогъ скоро былъ бы убитъ или отравленъ; но его охраняетъ одинъ юноша, столь же нѣмой какъ храбрый, который всюду слѣдуетъ за нимъ. Катуло любитъ и уважаетъ своего господина. Онъ уже однажды дрался за него съ разбойниками, и съ тѣхъ поръ за всѣмъ въ домѣ присматриваетъ. Онъ ни на минуту не теряетъ герцога изъ виду: разстрѣиваетъ всѣ преступные планы, и неумышленно бережетъ своего господина, который, благодаря мужеству и привязанности своего нѣмого, счастливо избавляется отъ всѣхъ опасностей.

Всѣ эти сцены, то нѣжныя, то ужасныя, ведутъ къ развязкѣ, совершенно неожиданной и исполненной сильнаго эффекта.

Октавиано и его клеветы, несмотря на всѣ усилія Катуло, овлаживаютъ замкомъ. Герцогъ Альмарада раненъ пулею, и хочетъ выпить лекарство, въ которое неумолимый его соперникъ подсыпалъ яду. Катуло и тутъ подоспѣваетъ къ нему на помощь. Но, — о неблагодарность Испанская! — герцогъ воображаетъ, что его нѣмой сошелъ съ ума, обвиняя Октавиано въ намѣреніи отравить своего зятя. Не менѣе Александра неустрашимый и неосторожный, онъ беретъ уже чашку. Вдругъ Катуло вырываетъ ее изъ рукъ герцога, выпиваетъ самъ лекарство и падаетъ мертвый. Въ ту же минуту входятъ трое убійцъ. Альмарадо, поергаетъ двоекъ изъ валя въ двухствольный пистолетомъ; герцогиня закалываетъ третьяго. Итого четверо мертвыхъ. Но между-тѣмъ драма не дурна. Интересъ поддержанъ въ ней весьма хорошо и вся пьеса написана слогомъ яснымъ, сильнымъ и часто увлекательнымъ.

5. *Les deux familles, Два семейства*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, Гр. Anicet и d'Ennery.

Слогъ въ этой мелодрамѣ плохой, форма пошлая: но что вужды, когда съ перваго явленія до послѣдняго она чрезвычайно занимательна!

Драма начинается. Два пріятеля, президентъ Деваренъ и полковникъ Лемиръ постѣдвали, одинъ въ судейской, другой въ лагерѣ. И тотъ и другой исполнены чести, — именно той театральной чести, которая кричитъ такъ громко и которой всегда рукоплещутъ. У полковника Лемира только и

есть одинъ сынъ Эрнестъ; но у президента Деварена есть сынъ Артуръ и дочь Марія. Марія — дѣвушка скромная, милая и добродѣтельная; Артуръ нѣкогда предавался всей пылкости юпошескихъ страстей, но теперь онъ сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ. Онъ думаетъ только о томъ, какъ бы угодить отцу и выдать сестру за друга своего, Эрнеста Демира.

Въ домѣ Деварена готовятся къ свадьбѣ, и въ этотъ самый вечеръ весь городъ Аміенъ созванъ присутствовать при подписаніи брачнаго договора. Вдругъ является какой-то прохвѣжій, который возвращается изъ Германіи, — Богъ вѣсть кто-такой, — одни говорятъ Лемуаръ; другіе, Лебревъ. Входя въ домъ Деварена, онъ объявляетъ первому молодому человѣку, который попадаетъ ему на встрѣчу, — то былъ Эрнестъ, — что онъ, Лемуаръ, пріѣхалъ жениться на Маріи. За эту непонятную дерзость, Эрнестъ, женихъ Маріи, влюбленный въ Марію, вызываетъ Лемуара на дуэль, и они выходятъ за паркъ драться на шпагахъ. Эрнестъ раненъ. Вы можете вообразить его отчаяніе. Онъ раненъ Лемуаромъ; этого мало: онъ обязанъ Лемуару жизнью, потому что Лемуаръ могъ его убить, и пощадилъ изъ великодушія. Послѣ дуэли Лемуаръ пуще прежняго намѣренъ жениться на Маріи. Но кто же этотъ Лемуаръ? Прежній товарищъ Артура; сообщникъ его въ шалостяхъ молодыхъ лѣтъ. Нѣкогда они вмѣстѣ проказничали, и Лемуаръ вовлекъ его въ разныя непохвальныя дѣла. Нѣкогда, въ Германіи, изъ угожденія другу Лемуару, Артуръ подписалъ фальшивые векселя. Лемуаръ удержалъ ихъ у себя, и теперь грозитъ Артуру публичнымъ безславіемъ, если онъ не выласть за него сестры своей. Въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, поставленный между двумя жестокими условіями, — или лишиться добраго имени, или пожертвовать светрою такому мерзавцу, — Артуръ принимаетъ отчаянное намѣреніе. Ему попадаетъ подъ руку шпага раненнаго Эрнеста. Онъ идетъ въ паркъ, поджидаетъ Лемуара, прокалываетъ его насквозь какъ арбузъ, и самъ убѣгаетъ, отнявъ у врага роковой портфель. Между-тѣмъ прокалотый Лемуаръ приходитъ на-мануту въ себя, и не называетъ своего убійцу по имени, — это было бы слишкомъ просто, — а говорить, что преступника можно отыскать по ранѣ, ко-

торую онъ, Лемуаръ, нанесъ ему въ то время, какъ убійца прокалывалъ его.

Тутъ начинается новая драма. Убійство Лемуара исполнило весь мирный и смиренный городъ Амьенъ, который со-всѣмъ не привыкъ къ трагедіямъ. Прокуроръ, разтревоженный въ своей блаженной праздности, является къ Г. Деварену. Весь домъ еще въ радостномъ ожиданіи; все уже готово къ празднеству; Марія уже одѣта; ждуть только Эрнеста; какъ вдругъ между гостями расходятся страшные слухи на счетъ молодого. Его видѣли въ паркѣ съ Лемуаромъ; и съ тѣхъ поръ какъ Лемуаръ убитъ, Эрнеста нигдѣ не находятъ. Наконецъ его приносятъ безъ чувствъ: послѣ дуэли, раненый, онъ побѣжалъ домой верхомъ, и упалъ на большой дороге съ лошади. Эрнестъ приходитъ въ себя, ищетъ глазами Маріи и встрѣчаетъ строгіе взоры прокурора, который уже раздулся, пріосанился, и начинаетъ допрашивать. — Вы, кажется, ранены въ руку, говоритъ прокуроръ: кто васъ ранилъ? — Нѣкто Г. Лемуаръ, хладнокровно отвѣчаетъ Эрнестъ. — Хорошо, думаетъ про себя прокуроръ. — Лемуаръ передъ смертію объявилъ, что онъ ранилъ своего убійцу. — Эрнестъ признается, что онъ раненъ Лемуаромъ, но отнюдь не помнитъ того, чтобы онъ убилъ своего противника. — Это ничего не доказываетъ, говоритъ прокуроръ: ясно, что Лемуара убилъ Эрнестъ. И бѣднаго Эрнеста, за мнимое убійство, берутъ подъ стражу.

Тутъ начинается новая драма. Настоящій преступникъ, Артуръ Деваренъ, точно былъ раненъ Лемуаромъ въ борьбѣ; но только раненъ не шпагою, а пулею въ грудь. Онъ скрываетъ свою рану, и съ тоскою слушаетъ производство дѣла въ Амьенскомъ уголовномъ судѣ, въ которомъ судить друга его, Эрнеста. Какія терзанія терпитъ несчастный Артуръ! И тѣмъ болѣе, что, торопливо убѣгая изъ парка послѣ убійства, онъ потерялъ портфель Лемуара, — портфель украденный и окровавленный; портфель, въ которомъ хранятся доказательства столькихъ преступленій. Злодѣяніе его, можетъ-быть бесполезно! Кто-нибудь найдетъ портфель съ фальшивыми векселями, и все обнаружится! А между-тѣмъ, Эрнестъ подъ судомъ! Полковникъ Лемиръ, трепеща, какъ никогда еще не трепеталъ, прислушивается къ сужденіямъ

публики въ судилищѣ, которыя по-временамъ до него долетаютъ. Но дѣло идетъ о жизни его единственнаго сына, и несчастный отецъ уже не думаетъ о чести: прежде всего надо спасти его отъ палача. Присяжные уходятъ въ свою комнату, и совѣщаются. О счастье! невинный Эрнестъ Лемиръ объявленъ невиннымъ. О горе! противъ него было пять голосовъ! Эрнестъ обезславленъ наван: всѣ отъ него удаляются; никто не хочетъ подать ему руки, боясь замараться кровью и, къ довершенію злополучія, старикъ Дезаренъ, отецъ Марин, справедливо устрешенный всеобщимъ отверженіемъ, бросается къ ногамъ своего друга и умоляетъ не требовать исполненія даннаго слова. Эрнестъ лишился всего, — и чести и невесты. Онъ сохранилъ только жизнь!

Тутъ начинается новая драма. Спрашивается, можетъ ли Эрнестъ спогойно сносить всеобщій укоръ? Для себя самого, для престарѣлаго отца своего, для невесты, для всего, онъ долженъ, непременно долженъ торжественно доказать свою невинность. Ему остается или открыть настоящаго преступника, или покониться. И время не терпитъ: жѣлѣзная стѣна, которая отдѣляетъ Эрнеста и его отца отъ людскаго уваженія, всякой день становится выше и неразрушимѣе. Они покинуты всими и живутъ какъ-бы въ пустынь. Старикъ Лемиръ поклялся переломить свою шпагу, если сынъ его не убѣдитъ всѣхъ въ томъ, что онъ никогда не былъ низкимъ убійцею. Положеніе Эрнеста трогательно и занимательно. Но онъ уже попалъ на слѣдъ; онъ начинаетъ подозрѣвать.... вспоминаетъ, сравниваетъ, выводитъ доказательства и наконецъ, схвативъ Артура за руку, говоритъ: — Я знаю убійцу Лемуара!

Тутъ начинается новая драма. Эрнестъ во все это время не переставалъ любить Марин. Какъ ему обезчестить ея семейство? Какъ ему забыть, что Артуръ ей братъ и съ малолѣтства былъ его другомъ! Неужели онъ, для спасенія своей чести, долженъ погрузить въ бѣдну злополучія, этого старика, эту дѣвушину, этого молодого человѣка? Правда! Но здѣсь дѣло идетъ также о чести собственнаго его отца, о чести полковника Лемира. Тутъ и самъ полковникъ является. Онъ услышалъ, что сынъ его открылъ истиннаго преступника, и требуетъ имени злодѣя, чтобы рассказать объ немъ

всему городу и всѣмъ своимъ сослуживцамъ, которыми онъ не смѣетъ теперь командовать, чтобы смѣть пятно съ своего имени. Эрнестъ сначала противится. Въ эту минуту приходитъ Артуръ. Артуръ бросается къ вогамъ изумленного и разстроганнаго полковника и говоритъ: — Убійца я; но скальтеся надъ несчастнымъ отцемъ моимъ!

Вследъ за тѣмъ, та же сцена повторяется между Лемиромъ и другомъ его Девареномъ: отецъ Эрнеста проситъ полковника скальтеся надъ его сыномъ; но объѣти сцены такъ трогательны, что повтореніе ихъ сколько не утомляетъ. Старый полковникъ человекъ столь же благородный какъ и сынъ его; онъ тоже не хочетъ безчестія стараго своего друга Но, между тѣмъ, что дѣлать? Надобно на что-нибудь рѣшиться; надобно спасти и свою честь. Оставшіеся наединѣ съ Артуромъ, старый Деваренъ безъ трепета выслушиваетъ послѣднее прощеніе сына, котораго онъ такъ горячо любилъ: Артуръ готовится умереть, и за жизнь, за раскаяніе, проситъ отцовскаго благословенія. И эта сцена прекрасна. Къ счастью *deus ex machina*, — рука, которая должна развязать вою исторію, наконецъ выходитъ изъ машины, то есть, изъ портфеля. Этотъ портфель — одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ, хотя мы еще объ немъ не говорили.

Тутъ начинается новая драма. Портфель Лемуара — огромный магазинъ всякой всячины, настоящая конторка разбогатѣвшаго негодяя. Въ немъ есть все, — банковые билеты, мошенническіе контракты, фальшивые векселя, подписанные Артуромъ, пятьдесятъ тысячъ франковъ принадлежащихъ полковнику Лемюру, и наконецъ письмо, которое совершенно оправдываетъ Эрнеста. Этотъ портфель, который Артуръ отнилъ у Лемуара и потерялъ въ торопяхъ, попалъ въ руки одного добряка, по имени Дюпона: онъ нашелъ его въ травѣ, и такимъ образомъ, по неволѣ и весьма забавно запутался во всѣ эти приключенія этой исторіи. Дюпонъ, добрый, смирный малой, врагъ всякаго скандала, толстякъ исполненный блаженнаго эгоизма тѣхъ дюжинныхъ умовъ, которые хотятъ жить въ мирѣ и согласіи съ цѣлымъ свѣтомъ, — съ собой, съ женой и съ соседями, — не знаетъ что дѣлать съ своей находкой. Этотъ портфель камнемъ лежитъ на его душѣ. Цѣлая четверо дѣйствій, Эрнестъ и Артуръ, которыми въ раз-

ной степени пужно, чтобы Дюпонъ и говорилъ и молчалъ, чтобы онъ и сожегъ портфель и не сожигалъ его, непрерывно мучать бѣднаго Дюпона, нападая на него со всѣми силами своихъ страстей, надеждъ или отчаянiя. Дюпонъ удивительно забавенъ между этими друзьями — противниками, которые тормозатъ, мучатъ, пугаютъ его, — то бранятъ, то молятъ, — то грозятъ ему, то за нимъ ухаживаютъ, — одинъ, чтобы Дюпонъ молчалъ, другой, чтобы говорилъ, — одинъ, чтобы онъ показалъ портфель, другой, чтобы запряталъ его подальше. Наконецъ, когда Эрнестъ и Артуръ согласили свои выгоды, они выманили портфель у Дюпона. Само собою разумется, что они разобрали бумаги, которыя заключались въ портфель, — подложные векселя бросили въ огонь, банковые билеты оставили на-мѣсть, для преспровожденiя ихъ по принадлежности, а письмо Лемуара, отирадывающее Эрнеста, представили прокурору. Такимъ образомъ, невиновность Эрнеста доказана и награждена хорошею невестою, а вина преступнаго Артура навсегда останется въ неизвестности. Правду сказать, здѣсь только половина нравоученiя; но если вы невзыскательны и не слишкомъ гонитесь за второю половиною, то мелодрама можетъ пройти.

Но тутъ уже конецъ всѣмъ драмамъ.

6. *César, ou le Chien du château, Цезарь, или дворовая собака*, водевилъ въ двухъ дѣйствiяхъ, Г. *Scribe'a*.

Во время первой Французской революцiи, молодой наследникъ знаменитаго рода Карадекъ, послѣднiй потомокъ древней дворянской фамили, пропалъ въ политическую бурю, съ дядькой, съ портретами отца и съ фамильными бумагами. Тетка его, *madame de Carades*, оставшись одна владѣтельницаю стараго замка, тщетно вспоминаетъ прежнiя времена, которыя уже не возвратятся. Однажды къ воротамъ благороднаго жилища подходитъ молодой нищiй, деревенскiй дурачекъ, полунагой, изнеможенный, оглушенный отъ бѣдности и лишений, убитый страданiями душевными и телесными. Никто на него не смотритъ; никто не скажется надъ бѣднымъ бродягой; одинъ только Цезарь надъ нимъ жалелся; Цезарь, большая цѣпная собака. Цезарь уводитъ его въ свою будку, и тамъ отогрѣваетъ на мягкой соломѣ и раздѣляетъ съ нимъ свою пищу. Въ объятiяхъ Цезаря молодой

Артуръ забываетъ всѣ свои несчастія; онъ спитъ и обѣдаетъ въ норѣ какъ дома. Къ несчастію, Цезарь, обремененный лѣтами, умираетъ. Передъ смертію онъ дѣлаетъ распоряженіе и назначаетъ нищаго своимъ наследникомъ; и Артуръ законнымъ образомъ вступаетъ во всѣ права и обязанности дворовой собаки. Надобно вамъ сказать, что этотъ водевилъ написанъ нарочно для одного актера, который отлично играетъ собаку. Юродиваго нищаго представляетъ Bouffé. Спектакль, признаться, долженъ быть отвратительный! Г. академикъ Скрибъ не доказалъ высокаго чувства изящности, сдѣлавши, для наслажденія зрителей, изъ одного человѣка собаку, а изъ другаго скотину еще глупѣе собаки.

Какъ бы то ни было, у бѣднаго Артура есть пріятель и есть врагъ. Пріятель его — молоденькая дѣвушка, племянница бывшаго лѣсничаго бывшаго владѣльца бывшаго замка. Врагъ Артура — странствующій парикмахеръ, Дерозіе, артистъ знаменитый по своему искусству обрѣзывать уши и подстригать хвосты у собакъ. Однако жъ не до ушей Артура добирается Дерозіе, а до его бумагъ. Дѣйствительно, у оглупѣлаго Артура есть весьма важныя бумаги, и Дерозіе покупаетъ ихъ за ефимокъ. За этотъ ефимокъ бѣдная дзорнлжка Артуръ уступаетъ этой собакѣ свое имя, и все помѣстіе Карадекъ.

Дерозіе забирается въ замокъ; всѣ Карадеки и ихъ родственники признаютъ его истиннымъ Карадекомъ; но вскорѣ обнаруживается, что благополучно отысканный Карадекъ — самый наглый негодяй. Съ перваго шагу въ замокъ онъ ужасно вооружилъ противъ себя генерала Граншана и Жоржетту, пріятельницу Артура. Въ короткое время самозванецъ Карадекъ, своимъ глупостями, промахами, трусостью, довелъ до того, что стали подозрѣвать его происхожденіе и достовѣрность его семейныхъ документовъ. Онъ не помнитъ ни строевнй замка своихъ предковъ, ни лицъ, которые въ немъ некогда жили. Артуръ, напротивъ того, начинаетъ припоминать себѣ каждый уголокъ этого дома. На этомъ пустомъ мѣстѣ висѣлъ портретъ отца его; на этомъ столѣ онъ учился; вотъ мѣсто, гдѣ обыкновенно стоялъ его танцевальный учитель; и слабоумный бѣднякъ, подобравъ обѣими руками платье, начинаетъ танцевать самымъ жал-

кимъ образомъ. Наконецъ, въ этомъ потайномъ шкафу, который онъ одинъ умѣетъ отпирать, Артуръ находитъ шпагу отца своего, и бросается цѣловать ее. Эта сцена, длинная и неожиданныя, проникаетъ ужасомъ и состраданіемъ. Наконецъ лжпаго Карадека узнаютъ и прогоняютъ, и Артуръ, признанный законнымъ владѣтелемъ замка, торжественно переходитъ изъ собачей норы въ гостиную.

7. Louise Duval, ou le Préjugé, Луиза Дюваль, или Предразсудокъ, водевилъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, Гг. Halévy и Jaimé'a.

Длинная исторія о погубленныхъ дѣвушкахъ, которыя сдѣлались воровками; о судьяхъ, отправляющихъ въ тюрьму дѣвушекъ, которыхъ они погубили, когда были еще студентами юридическаго факультета; о дочеряхъ погубленныхъ женщинъ; о тюрьмахъ, уголовныхъ судахъ, ураравахъ благочинія, полицейскихъ надзорахъ, воровствахъ первоначальныхъ, воровствахъ повторительныхъ и всякихъ разныхъ мервостяхъ, которыми авторы изъ учтивости называютъ «Предразсудкомъ». Четыре дѣйствія наидолжны этими гадостями, которыя мы даже не хотимъ разсказывать.

8. Riquiqui, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. de Saint-Georges'a.

Рикики — дрянной деревенскій башмачникъ, который починиваетъ старые башмаки всѣхъ служанокъ на десять верстъ кругомъ, но онъ предобрый малой. Онъ съедъ mademoiselle Луизъ de Monfort, дочери покойнаго графа того же имени и наследницъ богатаго помѣстья. Вдругъ раздается адскій крикъ революціи. Во Франціи только эти крики и раздаются, но мы говоримъ о самомъ первомъ крикѣ, о самой первой революціи. Война объявлена замкамъ. Въ ту же минуту вся деревня, которую Рикики обуваетъ, бѣжитъ къ замку mademoiselle de Monfort, и разрушаетъ его до основанія. Жители замка разогнаны; сама Луиза de Monfort едва не сдѣлалась жертвою разъяренной черни. Къ счастью, Рикики, который имѣлъ честь однажды защитить ей башмакъ, подоспѣваетъ къ ней на помощь. Онъ всеми силами защищаетъ молодую вдову, но, видя что ему не справиться съ буйными мужиками, Рикики дѣлаетъ знакъ, чтобы его выслушали. Онъ объявляетъ, что давно уже влюбленъ въ та-

demoiselle de Monfort и хочет на ней жениться. «Так женись же сейчас на этой *ci-devant*», говорит ему пыльный представитель народа. Сказано, сделано. Башмачника и графиню хватают и женят. Все кончено: графиня Луиза de Monfort — супруга башмачника Рикики! Бедняк очень жалветь, что поборникъ свободы распорядился съ ними такъ деспотически, и, какъ честный башмачникъ, онъ и не думаетъ пользоваться этимъ брачнымъ насиліемъ. Онъ оставляетъ жену въ покоѣ, не дотронувшись даже до ея пальчика, хотя имѣлъ на это полное право, и утѣжаетъ въ Парижѣ. Башмачника Луиза живетъ цѣлый годъ вдовствующей девишкой.

Прошелъ годъ. Рикики сдѣлался богачемъ. Онъ покупаетъ замокъ Монфоръ у народа, который его укралъ и потому продалъ за безценокъ. Онъ возвращается въ свою деревню, счастливый, богатый и, что еще удивительнѣе, влюбленный въ жену свою. Почему звать! — можетъ-быть и Луиза полюбитъ своего мужа. Но нѣтъ: она еще до революціи любила своего кузена и продолжаетъ любить его, несмотря на на какія революціи. Однажды добрый Рикики застаетъ жену свою съ вышеръченными кузеномъ: онъ созываетъ асю деревню, и требуетъ развода. Разводъ начатъ и конченъ; дѣло было коротко и ясно: насильные браки всегда не признаются браками. Тутъ Рикики подходитъ къ бывшей своей супругѣ и говоритъ: «Теперь выходите за своего кузена; я вижу, что вы бы никогда меня не любили.» И сказавъ это, самъ онъ женится на Жаклинѣ. Анекдотъ, изъ котораго сдѣлаецъ этотъ водевиль, давно извѣстенъ, но пьеса довольно занимательна.

9. *Michel, ou l'Amour et Mépriserie, Мишель, или Любовь и Столярное дѣло, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ Fr. Duvet'a; и Lausanne'a.*

Мишель столяръ, — вотъ, откуда происходитъ «Столярное дѣло». Мишель влюбленъ, — вотъ, откуда происходитъ «Любовь».

Онъ влюбленъ въ мамзель Сесиль; *es conséquence* своего мамзель Сесиль выходитъ за кандидера.

Кандитеръ золъ и грубъ; столяръ Мишель навинается у кандидера въ ученики.

Въ сладствіе сего кондитерша, мадамъ Сесиль, влюбляется въ мосьё Антенора, франта Парижской Гороховой улицы.

Мишель бросаетъ кондитерскіе колпакъ и передникъ, и нанимается къ мосьё Антенору въ лакен.

Въ сладствіе сего, Сесиль убѣгаетъ къ мосьё Антенору.

Кондитеръ требуетъ у мосьё Антенора денегъ или сладкой кондитерши. Мосьё Антеноръ убиваетъ на дуэли кондитера, и женится на порядочной двушкѣ. Мадамъ Сесиль остается одинокою, и отъ скуки вяжетъ кружево. Мишель принимается за свой родной настругъ, и снова становится столяромъ.

Наконецъ мадамъ Сесиль рѣшается выйти за Мишеля, и Мишель, послѣ столькихъ неудачъ, счастливый и довольный, изъ всѣхъ силъ любить жену и строгаеетъ доски, соединяя съ необыкновеннымъ искусствомъ любовь и столярное дѣло.

10. *C'est encore du guignon! И опять неудача!*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. *Cormon'a* и *Saint-Amand'a*.

Бенедиктъ влюбленъ и кожевникъ: слѣдственно этотъ водевилъ надлежало назвать «Любовь и кожевенное дѣло», а не тѣмъ страннымъ образомъ, какимъ нарекли его господа авторы. Бенедиктъ влюбленъ въ мамзель Каролинну, дочь мосьё Лебмана, парикмахера, артиста. Парикмахеръ никакъ не хочетъ имѣть зятемъ кожевника. Мамзель Каролинна съ своей стороны помышляетъ о славъ, — опять о благородной славъ театральнѣй! Но, конецъ концовъ, чувствительная Каролинна великодушно приноситъ въ жертву Бенедикту чистую и блестящую славу закулиснаго царства. Начинается страшная борьба самолюбія между парикмахеромъ и кожевникомъ. Однако ножницы и гребенка принуждены наконецъ смириться передъ юфтью, *Cedant arma togae!* «Уступи оружіе тогѣ!» гогаривали древніе Римляне.

11. *Les sabots et les souliers, Коты и башмаки (или Любовь и шорное дѣло)*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. *Jaitte'a*.

Предлежащая исторія о котяхъ и башмакахъ очень занимательна. Хорошенькая деревенская двушка стоитъ у большой дороги и плачетъ. Проходитъ Еуставій Крепенъ, подмастерье шорнаго цеха, подмастерье, который готовится въ мастера

и, по обыкновенію, путешествуетъ по Франціи. — О чемъ ты плачешь, милочка? — Какъ мнѣ не плакать! Посмотри, какіе у меня скверные коты, а у насъ въ деревнѣ праздникъ: никто не захочетъ танцовать со мной, потому что у меня такіе скверные коты! — Только то? Ну, такъ бѣда еще не велика! У меня въ котомкѣ есть пара прекрасныхъ красненькихъ башмачковъ.....

Въ этихъ красныхъ башмачкахъ хорошенькая крестьянка заходитъ далеко: она попадаетъ въ графини, переселяется изъ деревни въ Парижъ, встрѣчаетъ тамъ Крепена и женить его на своей горничной Терезѣ..... Въ подобныхъ исторіяхъ начало всегда лучше конца.

12. *Les Deux mères, Дѣв матери*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. *Didier, Deslandes'a* и *Cormon'a*.

Маленькая, слезная и сентиментальная драма. Жакъ — обойный фабрикантъ, отецъ маленькой дѣвочки и пятидесяти работниковъ, которыхъ онъ кормитъ въ потъ лица своего. Вдругъ Жакъ обанкрутился; дочь его, которая жила у кормилицы, умерла, и онъ принужденъ отпустить своихъ работниковъ. Что дѣлать? Что сказать женѣ, которая ждетъ маленькой своей дочери? Въ эту самую минуту является къ нему дама съ закрытымъ лицомъ. — Вамъ нужны деньги, Жакъ, говорить она: вотъ вамъ деньги! Вамъ нужна трехъ-лѣтняя дѣвочка: вотъ и трехъ-лѣтняя дѣвочка! — Незнакомка уходитъ. Жакъ беретъ и деньги и дѣвочку. Объясненіе всего этого будетъ во второмъ дѣйствіи, но благоволите подождать двадцать лѣтъ.

13. *Les Dames patronesses, Благотворительныя дамы*, пословца въ одномъ дѣйствіи, Гг. *Arvers'a*.

Маленькая тихая комедія, скромно названная пословицей, нападаетъ на одну изъ современныхъ язвъ общества, которая не гриппъ, но стоитъ гриппа. Даже, правду сказать, по мнѣ, гораздо лучше гриппъ, чѣмъ лоттереи для бѣдныхъ. Благотворительность гостинныхъ, или, по новой номенклатурѣ, салоновъ (*салонвз!*), сердоболіе большаго свѣта, модныя дамы, которыя протягиваютъ къ вамъ ручку въ черной перчаткѣ и возбуждаютъ ваше милосердіе къ страждущему человечеству улыбкой, — вотъ сюжетъ этой маленькой комедіи, не совсѣмъ занимательной, но зато довольно остро-

ушной. Я только не понимаю, что вздумалось *G. Avers*'у сдавать своих «благотворительных дамъ» женщинами въ эрмныхъ, и даже нерезрмныхъ, лѣтахъ; женщинами, которыя перешли уже Бальзаковскую грань женской молодости, — роковую грань, за которою уже не цвѣтутъ ни какія розы, и только витаютъ морщины.

Госпожа Верновъ и госпожа Берни, разставшись со страстями своей молодости, ударились въ благотворительность. Въ пользу бѣдныхъ готовится большой, пышный, блестящій балъ, котораго распорядительницами и хозяйками эти двѣ почтенныя дамы. Билетъ стоитъ пятьдесятъ франковъ, — цѣна непомерно высокая, по соображенію съ лѣтами этихъ госпожъ. Пятьдесятъ франковъ! Вы можете вообразить, въ какомъ затрудненіи находится Фортунатъ, молодой человекъ очень и очень не богатый, когда его и съ праваго и съ лѣваго фланга атакуютъ эти великодушныя чужимъ карманомъ покровительницы бѣдныхъ, которыя въ то же время и его покровительницы. Пятьдесятъ франковъ! Только за эту цѣну онъ можетъ пользоваться шлюстивымъ благорасположеніемъ госпожи Верновъ; только за эту сумму можетъ онъ добыть покровительство госпожи Берни! Одна обвѣчала ему мѣсто, другая жену. Но за все это надобно дать пятьдесятъ франковъ, а у него ихъ нѣтъ.

Попавшись между двухъ благотворительницъ, онъ отдѣляется отъ обвѣхъ, увѣряя госпожу Верновъ, что уже взялъ билетъ у госпожи Берни, и на оборотъ. Но вотъ бѣда: каждая изъ нихъ хочетъ какъ-можно скорѣе раздать свои билеты, и каждая сердится на него за то, что онъ отдалъ преимущество ея соперницѣ. — Не дождетесь вы отъ меня мѣста! говорить одна. — Не видать вамъ жены какъ ушей своихъ! говорить другая. Къ счастью, къ нему подоспѣваетъ на помощь двоюродный его братецъ, Леопольдъ, большой шалунъ, еще не вырвавшійся изъ школы. У Леопольда есть дядюшка, страстный охотникъ до древностей. Леопольдъ продаетъ ему табакерку Вольтера. За тысячу франковъ табакерка Вольтера, — да это даромъ! Съ удовольствіемъ отдаетъ дядя деньги; еще съ большимъ удовольствіемъ племянникъ отдаетъ ему табакерку, которую онъ, для пользы бѣдныхъ, утащилъ у своего профессора. На эти тысячу франковъ Леопольдъ по-

купають отъ имени Фортуната всѣ билеты госпожи Берни и всѣ билеты госпожи Вернонъ. Фортунатъ получаетъ мѣсто и жену; Леопольдъ танцуетъ на его свадьбѣ, а почтенный дядя съ наслажденіемъ понюхиваетъ табакъ изъ мнимой Вольтеровой табакерки.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. «Неслыханное дѣло! восхваляется *La Revue de Paris*: вотъ уже третій мѣсяць какъ мы безъ новыхъ романовъ!» Но, въ бездѣйствіи Французскихъ романистовъ и поэтовъ, Русскіе князья начали провозводить въ Парижѣ Французскую словесность, чтѣ весьма недобро съ ихъ стороны. Одинъ изъ нихъ печатаетъ въ журналахъ плохіе Французскіе стихи; другой написалъ плохой Французскій романъ, *Le manteau bleu*. Гораздо лучше сдѣлали бы они, — когда ужъ имъ такая охота забывать приличія, — если бы дарили Французамъ Русскіе плохіе стихи и Русскіе плохіе романы. По-крайней-мѣрѣ Французамъ не смѣялись бы надъ ними.

— *Lettres d'un voyageur*, Жоржа Санда, и *Lettres sur l'Islande* господинна *Marmier*, не суть новыя сочиненія, хотя объявлены въ газетахъ за новыя. Это собранія статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и большею частью перепечатанныхъ въ здѣшней *Revue étrangère*.

— Самое примѣчательное сочиненіе прошлаго мѣсяца есть «Людовикъ Четырнадцатый», Г. *Carpefigue*'а. Въ первыхъ двухъ томахъ, которые нынче вышли, заключается періодъ министерствъ *Fouquet*, *Colbert*'а, *Louvois* и *Letellier*. Документы, напечатанные авторомъ, бросаютъ новый свѣтъ на процессъ министра *Fouquet*, Голландскую войну и отмѣненіе Нантскаго эдикта.

— Въ числѣ сушасбродствъ, которыя породилъ іюльскій переворотъ во Франціи, безпрестанные женскіе мятежи противъ брака, мужей и нравственности, прискорбнѣ всѣхъ прочихъ, потому что они разливаютъ ядъ порчи въ вѣдрахъ семействъ и могутъ имѣть важныя послѣдствія для нравовъ. Секта женщинъ, которыя называютъ себя «свободными», учредила оиціальную женскую газету, гдѣ мужей ругаютъ наповаль. *Gazette des femmes*, *journal des droits politiques et civils des françaises*, имѣетъ директрисою госпожу *Poutret*

de Mauchamps, и эти дамы, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ ненавистнаго мужскаго пола и его законовъ, признали за благо итти сперва путемъ прошеній. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ онѣ подали уже четыре прошенія королю и палатамъ. Первымъ требуютъ онѣ отиженія закона, который предписываетъ, чтобы жена жила подъ одною кровлею съ мужемъ; вторымъ, чтобы мужчины были объявлены равными женщинамъ; третьимъ, чтобы женщины, наравнѣ съ мужчинами были избираемы въ члены палатъ депутатовъ и перовъ, гдѣ и безъ того уже засѣдаетъ такое множество бабъ, и чтобы онѣ судимы были толькѣ себя равными, то есть, женщинами; четвертымъ наконецъ прошеніемъ домогаются онѣ, чтобы Людовикъ-Филиппъ, король Французовъ, отнынѣ принялъ титулъ «короля Француженокъ и Французовъ». Все это очень серьезно. Въ *Gazette des Femmes* говорятъ, что если женщинамъ не будетъ сдѣлано должнаго удовлетворенія по всѣмъ этимъ пунктамъ, то онѣ «совершаютъ такіе ужасы и преступления, отъ которыхъ содрогнется челоуѣчество».

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Два сочиненія, вышедшія въ прошломъ мѣсяцѣ, могутъ обратить на себя вниманіе иностранныхъ читателей. Первое, «Записки (Memoirs) о жизни сирѣ Вальтера Скотта, издано зятемъ знаменитаго романиста и главнымъ редакторомъ журнала *The Quarterly Review*, господиномъ *Lockhart*'омъ: мы приведемъ изъ него въ будущемъ мѣсяцѣ нѣкоторые отрывки. Второе, романъ подъ заглавіемъ *John Bagg*, принадлежитъ остроумному и веселому *Hooke*'у, редактору журнала *New Monthly Magazine*. Остальное не стоитъ упоминанія.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Забытая съ нѣкотораго времени исторія Санхоніатоновой рукописи, о которой мы подробно говорили въ одной изъ прежнихъ книжекъ Б. для Ч. (томъ XVIII, отд. iii, стр. 54), снова взволновала міръ антикварскій. Снова ученые предлагаютъ другъ другу вопросъ — вѣстификація ли это или дѣйствительное открытіе драгоценнаго памятника Финнкійской исторіи? Читатели припомнятъ себѣ, что дѣло въ прошломъ году остановилось на томъ, что Г. Гротенендъ въ письмѣ къ Г-ну

Lebas объявилъ Г. Вагенфельда человѣкомъ недостойнымъ ни какой вѣры, который обманулъ его, и что Г. Lebas не убѣдился этимъ объявленіемъ, находя изданныя отрывки Санхониатовой летописи весьма вѣроподобными. Но настоящій ходъ дѣла и доселѣ неизвѣстенъ. Германскіе журналы рассказывали его въ прошломъ году слѣдующимъ образомъ. Какой-то Г. Вильде уведомилъ въ письмѣ Ганову книжную лавку въ Гановѣрѣ, что настоятель Португальскаго монастыря Святой Маріи Мерпльянской, отецъ Перейра, поручилъ ему издать найденный въ монастырѣ Греческій переводъ Санхониатовой исторіи. Вильде предлагалъ книгопродавцу Гану принять на себя издержки этого изданія. Это возбудило любопытство ученыхъ. Известный Гановерскій филологъ, Г. Гротендъ, принялся за него съ особеннымъ жаромъ, хотя никакъ не могъ получить оригинальной Греческой рукописи отъ Г. Вильде, который скоро сознался, что настоящее его имя Вагенфельдъ. Мы, конечно, пытаемъ наравнѣ съ цѣлымъ антикварскимъ соборомъ совершенное почтеніе къ обширной эрудиціи Г. Гротенда; но если опредѣлять вещи съ точностью, то громкія ученія репутаціи часто прійдется привести къ ничтожному знаменателю. По крайнему нашему разумѣнію, Г. Гротендъ принадлежитъ къ тому классу ученыхъ, которые всю жизнь свою преслѣдуютъ одну мечту съ упрямствомъ, достойнымъ удивленія, но безплоднымъ. Онъ вдался въ объясненія вещей неразгадаемыхъ, — вѣрнѣйшее средство достигнуть до большой славы результатами ничтожными и обманчивыми. Примѣромъ тому можетъ служить Шамполионъ-Младшій, который вздумалъ читать Египетскіе іероглифы и при помощи благовидныхъ доводовъ убѣдилъ всю Европу, что онъ читаетъ письма жрецовъ Изиды также свободно какъ Французскую газету. Энтузіазмъ, возбужденный столь блистательнымъ открытіемъ, заставилъ почти всѣхъ забыть на-время обстоятельства, показывающія невозможность подобнаго дѣла, и не примѣтить противорѣчій системы Парижскаго филолога. Не прошло двадцати лѣтъ, какъ ученіе его рушилось, и нынче только одни энтузіасты читаютъ свободно всякіе іероглифы, и блаженствуютъ. Слава Г. Гротенда основывается или, правильнѣе, основалась на предпріятіи, подобномъ Шампо-

люнову: онъ вдался въ чтеніе Персепольскихъ и Гамаданскихъ гвоздеобразныхъ надписей, то есть, надписей изображенныхъ неизвѣстною грамотою и на неизвѣстномъ языкѣ. Трудъ немовѣрный, ревность какъ-нельзя болѣе благородная, но результатъ въ такихъ случаяхъ равенъ всегда нулю. De Sacy, Раскъ, Гротендъ, Saint-Martin и Vignouf, занимались разборомъ гвоздеобразныхъ надписей. Три послѣдніе приобрѣли наиболѣе знаменитости, и Vignouf вчитается теперь старостою гвоздеобразнаго прихода. Гротендъ, напримѣръ, читаетъ одно слово—*вугоо*, Saint-Martin читаетъ это слово *руэйл*; Vignouf то же самое слово читаетъ *дуйомъ*, и каждый изъ нихъ приписываетъ ему другое значеніе. По мѣрѣ того какъ *вугоо* превращалось сперва въ *руэйл*, а послѣ въ *дуйомъ*, гвоздеобразная слава Г. Гротенда страшно блѣднѣла въ глазахъ людей безпристрастныхъ и непредубѣжденныхъ. Изъ этого видно, что почтенный директоръ Гановерскаго лицея — энтузіастъ, готовый пролить во всю свою ученость за вѣру въ несбыточную мечту; и весьма понятно, какимъ образомъ, при подобномъ направленіи ума, онъ воспламенился извѣстіемъ о сокровищѣ Г. Вильде, или Вагенфельда, вѣрилъ въ открытіе несмотря на отсутствіе точныхъ доказательствъ, и сдѣлался смѣшнымъ объявивъ, также безъ доказательствъ, открытіе это подлогомъ. Вагенфельдъ, не показывая ему Греческой рукописи, сообщилъ только ея отрывки, и то не въ подлинномъ текстѣ, но въ своемъ переводѣ. Г. Гротендъ удовольствовался этимъ, нашелъ въ нихъ несомнительную печать глубокой древности, и издалъ ихъ съ своимъ переводомъ. Большую часть этихъ отрывковъ мы привели въ нашемъ журналѣ. Но скоро таинственность или недовѣрчивость Вагенфельда, который не давалъ ему въ руки рукописи, возбудила въ немъ подозрѣнія, и онъ тиснулъ особую брошюру, — *Die Sanchuniatonische Streitfrage nach ungedruckten Briefen gewürdigt*, — въ которой доказываетъ, что Вагенфельдъ обманщикъ; что полученныя будто-бы имъ письма изъ Португаліи сочинилъ онъ самъ; что тамъ не только ни какого Перейры не существуетъ, но даже никто не слышалъ о такой драгоцѣнной находкѣ. Въ этомъ поступкѣ, — положимъ даже, что Г. Гротендъ имѣлъ право вѣрить своимъ

корреспондентамъ, — зашѣтно болѣе вспыльчивости нежели чувства приличія: онъ не подумалъ, что скажетъ свѣтъ, если, сверхъ чаянія, обвиненіе его окажется клеветой и если Вагенфельдъ, согласно его торжественному вызову, издастъ Греческій текстъ и представитъ подлинную рукопись; тѣмъ болѣе, что у Вагенфельда находятся и другія древнія рукописи. Это и сбылось. Въ послѣднихъ тетрадахъ Нѣмецкой Allgemeine Bibliographie für Deutschland и Французской Bibliographie de la France мы находимъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ Греческаго текста Санхоніатовой исторіи Финикійцевъ съ Латинскимъ переводомъ Вагенфельда. Вотъ заглавіе этого сочиненія: *Sanchuniatonis Historiarum Phoeniciæ libros novem, græce versos a Philone Byblio, edidit latinaque versione donavit Fried. Wagenfeld, Lipsiæ, 1837.* Книгопродавецъ, который издалъ на свой счетъ книгу, присовокупляетъ: «Важность этого творенія была весьма хорошо и живо изображена въ предисловіи, которое Г. Гротенфельдъ помѣстилъ въ началѣ отрывковъ, изданныхъ въ прошломъ году книгопродавцемъ Ганомъ. Если этотъ ученый впоследствии перемѣнилъ свое мнѣніе и другіе ему повѣрили; если невѣжество и нескромность старались пресытити издателя огорченіями и уронить книгу прежде ея выхода въ свѣтъ, причиною этому не онъ: издатель, уврѣнный въ правотѣ своего дѣла, прощаетъ клеветниковъ и ихъ брань, и будетъ оправданъ судомъ просвѣщенныхъ читателей. Нѣкоторые пытались увѣрить публику, что ни монастыря Святой Маріи Мериньянской, ни настоятеля Перейры, ни Санхоніатовой рукописи, не существуетъ. Издатель смѣло предоставляетъ рѣшенію ученыхъ, подлинное ли это или поддѣльное твореніе Санхоніатона, котораго рукопись находится у него.» Что жъ теперь думать? Неужели Вагенфельдъ поддѣлалъ и Греческій текстъ и древнюю рукопись? Неужели онъ безстыденъ и низокъ до того, что, съ мѣднымъ лбомъ, предстаетъ, по вызову Г. Гротенфельда, передъ судомъ Европы, надѣясь обмануть всѣхъ наглымъ подлогомъ. Вагенфельдъ, какъ мы видѣли изъ отрывковъ его перевода, человекъ весьма ученый, и кочечно знаетъ, что этого рода подлогъ не можетъ укрыться отъ перваго взгляда знатоковъ. Но, съ другой стороны, корыстолюбіе часто не страшится

ни какого безславія: спекуляція весьма не дурна; книга разойдется. Мы еще недавно видѣли, съ какою наглостью безстыдные спекулянты издавали отъ имени Гершеля самыя грубыя выдумки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вопросъ рѣшится.

— Одинъ изъ лучшихъ историковъ въ Германіи, Леопольдъ Ранке, издалъ второй и третій томы своей превосходной «Исторіи Папъ XVI и XVII вѣка», *Die Römische Päpste*. Первый томъ уже оцѣненъ по достоинству учеными; послѣдніе два ни въ чемъ ему не уступаютъ. Дѣйствительно, нѣтъ сочиненія, которое бы лучше и яснѣе представило картину состоянія папской власти и отношеній ея къ Европѣ въ эти два достопамятные вѣка. Не увлекаясь пристрастіемъ, въ которое протестантскіе писатели обыкновенно впадаютъ при описаніи этого предмета, авторъ весьма искусно раскрываетъ всѣ тайныя пружины огромнаго и сложнаго механизма папской политики, и показываетъ, какимъ образомъ она давала направленіе событіямъ того времени. Мы постараемся представить извлеченіе изъ этой любопытной книги.

— Раумеръ продолжаетъ сообщать публикѣ плоды своихъ изслѣдованій въ Британскомъ Музее и государственномъ архивѣ, собранные въ послѣднее его пребываніе въ Англіи. Его *Beurträge*, «Приношенія новой исторіи», вышли въ двухъ частяхъ: первая заключаетъ въ себѣ акты, относящіеся ко времени королевъ Елисаветы и Маріи Стюартъ, а вторая любопытныя свидѣнія о Фридрихѣ II и его вѣкѣ. Здѣсь находится много весьма занимательныхъ выписокъ изъ депешей Англійскихъ пословъ о Петрѣ Великомъ, объ основаніи Петербурга, и вообще о Россіи. Советуемъ любителямъ отечественной исторіи обратить вниманіе на эту книгу. Г. Раумеръ издалъ также осьмую часть своего «Историческаго альманаха», весьма замѣчательную по разнообразности содержанія.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

LOUIS-QUATORZE, par M. *Capefigue*. 2 vol., première livraison.
GRÉGOIRE-SEPT, par M. *de Vidallan*. 2 vol.

- LETTERS sur l'Islande, par M. X. *Marmier*. 1 vol.
 VOYAGE D'ORIENT, souvenirs d'Italie, de Grèce et de Turquie, par M. *Giraudeau de Saint-Gervais*. 1 vol.
 RUSSIE PITTORESQUE, histoire, mœurs, coutumes, religion, monumens, etc., par une société d'hommes de lettres. Par livraisons.
 HISTOIRE D'UNE PROMENADE en Suisse, en Savoie et en France, par M. *Frédéric Dollé*. 1 vol.
 EXPOSÉ de l'administration générale et locale des finances de la Grande-Bretagne et d'Irlande, par M. *A. Bailly*. 2 vol.

-
- LITTÉRATURE allemande au moyen âge. par M. *Eichhoff*, professeur à la faculté de Paris. Par livraisons.
 LETTRES d'un voyageur. par *Georges Sand*. 2 vol.
 UNE SOIRÉE chez madame Geoffrin, par Mme la duchesse d'*Abrantès*. 1 vol.
 LA RUE AUX OURS, roman, par Mme *Mélanie Waldor*. 1 vol.
 LE FILS DU BANQUEROUTIER, roman, par *E. Artaud*. 2 vol.
 LES TEMPLIERS, roman, par *M. J. Brisset*. 2 vol.
 LE ROMAN des romans, par M. le baron *Creuzé de Lesser*. 2 vol.

Английскія.

- HISTORY of the Western Highland, and tales of Scotland from 1493 to 1625. By *Donald Gregory*. 1 vol.
 THE HIGHLANDERS OF SCOTLAND, their history, antiquities, manners, customs; their clans and the state of society which existed among them. By *William E. Skene*. 2 vols.
 MEMOIRS on the life of Sir Walter Scott, Bart. Vol. I.
 LETTERS from South. By 'Thomas Campbell author of 'The Pleasures of hope.' 2 vols.
 A PRACTICAL TREATISE on the management and diseases of children. By *R. Evanson* and *H. Maunsell*. 1 vol.

-
- JOHN BRAG, a novel. By the author of 'Sayings and doings.' 3 vols.
 ILLUSTRATIONS of human life. By the author of 'Tremaine,' 'De Vere.' 3 vols.

Нѣмецкія.

- GESCHICHTE VON BOHEMEN. Grösstentheils nach Urkunden und Handschriften, von *Franz Palazky*. 1ster Band. Die Urgeschichte und die Zeit der Herzoge in Böhmen bis zum Jahre 1197. Prag, 1836.
 HISTORISCHE DARSTELLUNG DER ALLEIN-REGIERUNG JOSEPH'S DES ZWEITEN, insbesondere der politisch-kirchlich-moralischen Reaction gegen den Geist seiner Anstalten in- und ausserhalb der oesterreichi-

- schen Ebländer. Aus dem grössern Geschichtswerke über das Leben und die Regierung Kaiser Joseph's des Zweiten, von Dr *A. J. Gross-Hoffinger*. Stuttgart, 1837. 1 B.
- DER PREUSSISCHE STAAT IN ALLEN SEINEN BEZIEHUNGEN. Eine umfassende Darstellung seiner Geschichte und Statistik, Geographie, Militairstaates, Topographie, mit besonderer Berücksichtigung der Administration. Bearbeitet unter dem Vorstande des Frhrn *L. v. Zedlitz-Neukirch*. 3 Bd. Berlin, 1837.
- GESCHICHTE der historisch-merkwürdigsten Städte Deutschlands von der ältesten bis auf die neueste Zeit. Herausgegeben von Dr *Georg Lange*. 1ster Band. Dr Jäger's Geschichte von Augsburg. 1837.
- FRIEDRICH DER GROSSE ALS SCHRIFTSTELLER. Vorarbeit zu einer echten und vollständigen Ausgabe seiner Werke. Von *J. D. C. Preuss*. Berlin, 1837. 1 Bd.
- UEBER DIE KAVI-SPRACHE AUF DER INSEL JAVA., nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, von *W. von Humboldt*. 1ster Band. Berlin, 1836.
- UEBER DIE VERSCHIEDENHEIT DES MENSCHLICHEN SPRACHBAUES und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Von *W. von Humboldt*. Berlin, 1836. 1 Bd.
- VERSUCH EINER WÜRDIGUNG DER CHEMIE UND PHARMACIE, von Dr *L. F. Bley*. 2 Bd. Halle, 1836.
- POPULAIRES PHYSIKALISCHES LEXICON, oder Handwörterbuch der gesammten Naturlehre für die Gebildeten aus allen Ständen, von Dr *G. O. Marbach*. 4ter Band. Leipzig, 1837.
- ENCYCLOPÄDISCHES WOERTERBUCH DER TECHNOLOGIE, von Dr *Carl Hartmann*. 1ster Band. Augsburg, 1837.
- NATURGESCHICHTE DER SCHÄDLICHEN INSECTEN, von *A. Kefstein*. 1ster Band. Erfurt, 1837.
- DIE ERSCHEINUNGEN UND GESETZE des lebenden menschlichen Körpers im gesunden und kranken Zustande: Dargestellt von D^r *Fr. Arnold* und Dr *J. W. Arnold*. 1 Band. Zürich, 1837.
- VERMISCHTE UND MEDICINISCHE SCHRIFTEN von Dr *C. L. Heim*. Im Auftrage des Verfassers nach hinterlassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Dr *A. Püsch*. Leipzig, 1836. 1 Bd.
- MAKROBIOTIK DER AUGEN, oder die Kunst, die Augen gesund zu erhalten. Von Dr *Lorch*. Mainz, 1837. 1 Bd.
- ALLGEMEINE THIERHEILKUNDE nach homöopathischen und isopathischen Grundsätzen. Nebst vollständiger Belehrung über Bereitung und Wirkung der bis jetzt geprüften und in den Krankheiten der Hausthiere mit Erfolg angewandten homöopathischen und isopathischen Heilmittel, von Dr *F. G. Ledebour*. Nordhausen, 1837. 1 Bd.

SHAKESPEARE-ALMANACH, herausgegeben von G. Regis. Berlin, 1836.
 THEATER VON BAUERNFELD. 2. Bd. Mannheim, 1837.
 ROBERICH, der letzte König der Westgothen. Historisches Drama in
 5 Aufzügen. von H. Bielawsky. Breslau, 1837.
 NEUES ALLGEMEINES KUNSTLER-LEXICON, von Nagler. IV Band.

М О Д Ы.

Парижскія. Послъ теплаго февралъ, въ Парижъ, какъ и у насъ, наступилъ морозный мартъ, и холодъ совершенно оставилъ развитіе весеннихъ цвѣтовъ и весеннихъ модъ.

— Весеннія матеріи и ткани всѣ чрезвычайно пестры, написаны переливающимися цвѣтами, и теперь надобно имѣть много вкуса чтобы составить себѣ нарядъ благородный: при малѣйшей небрежности выбора, женщина легко можетъ превратиться въ радуго. Ткани на платья, воланы, особенно шелковые, ленты для шляпокъ, ленты для шеи, все пестро.

— «Величайшей важности вопросъ, говоритъ одинъ изъ модныхъ журналовъ, разбирается теперь въ верховномъ совѣтѣ дамскомъ — быть ли шляпкамъ маленькими или огромными? Каждый модный магазинъ представилъ свою образцовую шляпку, но рѣшеніе послѣдуетъ не прежде какъ въ концѣ апрѣля». Между-тѣмъ только одни цвѣты на шляпкахъ преобразованы. Въмѣсто одной вѣтки, прикалываютъ теперь круглыя букеты мелкихъ цвѣтковъ, à la duchesse или à la jardinière, — пучки резеды, геліотроповъ, фіалокъ, иванъ-да-марій, и прочая. Между образцовыми шляпками есть нѣкоторыя, очень милыя, съ четырьмя кисточками сиреня, украшенныя внутри гирляндой изъ розъ и марабутовъ.

— Самая любимая форма плоскихъ рукавовъ есть рукавъ въ обтяжку отъ плеча до кисти, съ тремя или четырьмя воланами вверху и съ манжеткою подъ нижнимъ воланомъ.

— *Петербургскія.* Та же самая неизвѣстность касательно формы весеннихъ шляпокъ. Нѣкоторыя щеголихи, желая быть вдвойнѣ Парижанками, сдѣлали себѣ саженьныя шляпки, но едва-ли кто-нибудь со вкусомъ захочетъ безобразить себя по ихъ примѣру. Довольно встрѣтить ихъ однажды на тротуарѣ

Невскаго проспекта чтобы навсегда получить отвращеніе въ огромнымъ шляпкамъ. Тѣ, которыя не хотятъ носить на головѣ вѣтренныхъ мельницъ, избираютъ себѣ въ магазинахъ шляпки средней величины, но всё-таки довольно большія въ сравненіи съ прошлогодними и весьма открытыя. Со всѣмъ тѣмъ, самыя пригожія личики предпочитаютъ окружаться сравнительно маленькими полями шляпокъ, дѣлаемыхъ въ видѣ капотоевъ. Заготавливаютъ много шляпокъ съ кулисами, гро-де-наплевыхъ и изъ пу-де-соа, и еще болѣе прелестныхъ шляпокъ газовыхъ и креповыхъ: почти всѣ онѣ обшиты рюшемъ изъ шелковаго тюля; пѣты болѣею частью приколоты къ нимъ въ видѣ падающаго пера, и очень мило. Цвѣта матерій на шляпкахъ вообще свѣтлы и нѣжны.

— Весеннихъ плащей, или клоковъ, еще очень мало, даже въ самыхъ богатыхъ магазинахъ; но всѣ они имѣютъ очень длинныя воротники нижніе, и большіе воротники верхніе, которымъ придана форма пелеринъ. Покрой огромнаго длиннаго воротника весьма разнообразенъ; въ некоторыхъ плащахъ концы этого воротника очень остры и съ кисточками; въ другихъ они круглы; въ иныхъ нижей край воротника вырѣзанъ въ два большихъ фестона, или въ четыре поменьше. Однимъ словомъ, нѣтъ положительнаго правила, и все зависитъ отъ фантазіи и личнаго вкуса. Одною изъ красивѣйшихъ матерій для плащей должно признать клетчатый гро-грень, съ радужными перекрестными полосами по коричневому, желтому, зеленому или лиловому грунту (въ магазинѣ Гибера, Soieries de France, Au prix fixe, противъ Казанской Церкви). Въ томъ же магазинѣ получены уже другія прелестныя матеріи для плащей, между которыми отличаются богатые дра-роаянъ съ безконечно разнообразными рисунками самыхъ блестящихъ цвѣтовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Смерть Пери, Поэма <i>А. Подлинскаго</i>	1.
Лезгинская пѣсня. <i>Князя Д. Кропоткина</i>	33.
Четыре стихотворенія <i>Е. Бернета</i> :	
1. Подсолнечникъ	35.
2. Мѣдный крестъ.....	37.
3. Зимній походъ	38.
4. Паша.....	40.
Минута унынія. <i>Рахманнаго</i>	43.
Первое свиданіе. <i>И. И. Козлова</i>	47.
Пѣвецъ. <i>В. Бенедиктова</i>	83.
Воспоминаніе о поэтической жизни Пушкина. <i>С. И. Глинки</i>	85.
Курганъ. <i>А. В. Тимоеева</i>	91.
Два разсказа пзъ Турецкой войны. <i>Е. В. Бернета</i> .	
1. Пльннй Африканецъ.....	93.
2. Два креста въ Валахія.....	96.
Зазывъ къ молодому поэту. <i>В. И. Соколовскаго</i>	101.
Волканъ. <i>Князя Д. Кропоткина</i>	104.
Млгъ. <i>А. Якубовича</i>	105.
Рѣчка. <i>Д. В. Давыдова</i>	106.
Видѣніе двушкн. <i>Е. Н. Шаховой</i> (четыренадцати- лѣтней дввицы)	108.
Тоска матери. <i>М. Даргомыжской</i>	112.

ПРОЗА.

Несчастіе. <i>А. Ивановскаго</i>	49.
Неужели? или Дружба барышень.....	65.

✓ Идеаль, повесть. Зинаиды Р-вой.....	113.
✓ Пушкинъ. А. Н. Полеваго.....	181

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ Любовь и политика, Повесть леди Декръ (Dasge).....	1
✓ Провинціальныи Байронъ. Г. Бальзака.....	83

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Помпей, Цезарь, Цицеронъ и ихъ современники. Сочиненіе профессора Друмманна.....	1.
Новѣйшее искусство въ Германіи. Сочиненіе графа Рачинскаго.....	41.
Путешествіе капитана Бекка сухимъ путемъ въ полярныя страны.....	69.
Новѣйшія наблюденія надъ электричествомъ.....	101.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Стадо тонкорунныхъ овецъ графини Ю. С. Бобринской. Барона <i>Ө. Унгернз-Штернберга</i>	1.
Квашенина для рогатаго скота. <i>А. М. Маркова</i>	13.
Испытанныи способъ предохранять овсяныя полосы отъ нападенія медвѣдей. Его же.....	14.
О промышленности торговой, ремесленной и сельскаго хозяйства. <i>Д. П. Шелехова</i>	17.

V.

КРИТИКА.

Описаніе похода 1814 года во Франціи, генерала Михайловскаго-Данилевскаго.....	1.
Акты, собранныя въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографическою экспедиціей Императорской Академіи Наукъ.....	41.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1836. Новыя книги	1.
Разныя извѣстія.....	30.
Мартъ, 1837. Новыя книги.....	33.
Разныя извѣстія	62.

VII.

СМѢСЬ.

ФЕВРАЛЬ, 1837.

Королевская Академія Наукъ въ Парижѣ :	
1. Открытіе допотопныхъ обезьянъ и верблюдовъ.....	1.
2. Кремнеземъ, полученный изъ наливочныхъ животныхыхъ	3.
3. Молого ослицы.....	4.
4. Подземныя рѣки во Франціи.....	5.
5. Огненные колодцы въ Китаѣ.....	7.
6. Дыханіе, сонъ и пробужденіе растений.....	—
Королевскій Институтъ въ Лондонѣ: Электрическая теорія міра, Меклинтоша и Мосотти.....	
9.	9.
Новые опыты надъ свѣтомъ, господина Меллони и госпожи Сомервилль.....	
12.	12.
Два письма сирѣ Джона Гершеля :	
1. Открытія на лунѣ.....	13.
2. Галлеева комета.....	—
3. Открытія на южномъ небѣ.....	—
Новая машина для подниманія тяжестей.....	
17.	17.
Законодательная машина.....	
—	—
Механическій музыкальный пульпитръ.....	
18.	18.
Лапти, непроницаемые для воды.....	
—	—
Количество мозгу у Европейца, негра и орангъ-утанга..	
19.	19.
Настой александрийскаго листа для дѣтей.....	
20.	20.
Седьмое семи-лѣтіе человѣческой жизни.....	
21.	21.
Разысканія библіофила Жакоба о Желѣзной Маскѣ... .	
27.	27.
Встрѣча Г. Купера съ Вальтеромъ Скоттомъ.....	
33.	33.
Французскій театръ въ Парижѣ: M ^{me} de Valdaunay, драма. Valérie mariée. Le riche et le pauvre. La Nouvelle Héloïse , мелодрама. Le maréchal de l'Empire,	

комедія. <i>Avis au coquettes</i> , водевилъ Г. Скриба. <i>La fille du diable</i> . M ^{me} Favart. <i>La Champmeslé</i> . <i>Le secret de mon oncle</i> . Natalie. La page 24.....	56.
Италяискій театръ въ Парижѣ: Малекъ-Адель, музыка Косты.....	—
Словесность во Франціи.....	57.
Словесность въ Англіи.....	—
Словесность въ Германіи.....	—
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	58.
Моды : Парижскія. Петербургскія. (съ картинкою)...	63.
МАРТЪ, 1837.	
Волканъ въ болотѣ.....	65.
Освященіе улицъ и домовъ электричествомъ.....	66.
Способъ перевозить нѣжныя растенія.....	67.
Торжество желѣзныхъ дорогъ.....	—
Внутренно-паровыя повозки.....	68.
Еще нѣсколько новыхъ «первыхъ» изобрѣтателей паровыхъ машинъ и пароходовъ.....	—
Начало, успѣхи и нынѣшнее состояніе Ливерпуля.....	—
Роды въ моголѣ.....	78.
Переводы Г. Гаммера съ Росточныхъ языковъ, исторія не менѣе ужасная предъидущей.....	80.
Художественныя новости въ Римѣ и Флоренціи: Торвальдсенъ. Тенерани. Финетти. Віенаішѣ. Ринальди. Фабрисъ. Бистрѣмъ. Фогельбергъ. Вольфъ. Гиббсонъ. Вайеттъ. M ^{lle} Fauveau. Шульцъ.....	83.
Англійскія объявленія и афишки.....	91.
Лисабонскіе театры.....	98.
Французскій театръ въ Парижѣ: <i>Huit ans de plus</i> , драма. <i>Jonathan-le-Maudit</i> . <i>Paravièdes</i> . <i>Le Muet de Barcelonne</i> . <i>Les deux familles</i> , мелодрама. <i>César, ou le Chien du Château</i> , водевилъ Г. Скриба. <i>Louise Duval</i> . <i>Riquiqui</i> . <i>Michel</i> . <i>Les Deux mères</i> . <i>Les Sabots et les souliers</i> . <i>Les Dames patronesses</i>	102.
Словесность во Франціи.....	119.
Словесность въ Англіи.....	120.
Словесность въ Германіи.....	—
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмецкія.....	124.
Моды : Парижскія. Петербургскія. (съ картинкою)...	127.

1940

1

